

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Костромской государственный университет (КГУ)

На правах рукописи

Зверев Кирилл Александрович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В
ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В 1991–2014 ГГ.**

5.6.2 Всеобщая история
(новая и новейшая история)

Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Гладышев Андрей Владимирович

Кострома – 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ МЕСТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	78
1.1. Русификация и статус национальных меньшинств как составляющая исторической политики.....	80
1.2. Оформление государственных институтов и законодательства Латвийской, Литовской и Эстонской Республик с позиции континуитета как основы местной исторической политики	95
1.3. Ключевые составляющие в историческом прошлом стран Прибалтики, подвергшиеся ревизии в 1991–2014 гг.	145
1.4. Историческая политика как фактор международных отношений	165
Глава 2. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В 1990-е – 2000-е гг.	189
2.1. Становление государственной исторической политики в Латвии, Литве, Эстонии	189
2.2 Сопоставление государственной исторической политики в Латвийской, Литовской и Эстонской Республиках.....	212
2.3 Коммеморативная составляющая исторической политики Прибалтийских республик	236
2.4. Внешнеполитический вектор и его влияние на государственную историческую политику в Прибалтийских республиках.....	272
Глава 3. ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ЭСТОНИИ РЕАЛИЗУЕМОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1991–2014 гг.)	296
3.1. Отношение титульного населения Прибалтийских Республик к государственной исторической политике	296
3.2. Отношение русскоязычного населения Прибалтийских Республик к государственной исторической политике	321
3.3. Степень эффективности государственной исторической политики Прибалтийских республик	341

3.4. Восточноевропейский опыт развития исторической политики и его влияние на Прибалтику	354
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	371
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	400
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	468

ВВЕДЕНИЕ

Память вообще, и историческая в частности, давно является предметом интереса учёных, представляющих различные гуманитарные науки. Данный интерес объясняется тем, что историческая память является своеобразным стержнем общественного сознания, от которого в значительной мере зависит поведение людей. Без исторической памяти нет и не может быть исторической преемственности, без осмысления сложной истории своей страны, происходивших и происходящих социально-экономических, политических и духовных перемен, общество теряет связь между поколениями, теряет прошлое. Поэтому историческая память является одной из основ национального самосознания, которая выражается в знании народом своей истории, своих героев, в следовании национальным традициям и общественным устоям.

Термин «историческая политика» появился в 1980-е гг., когда с одной стороны, Франция, Англия, Бразилия объявили 1980-й годом исторического наследия, а с другой стороны, в ФРГ ключевым направлением в историографии стала «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*) или «преодоление прошлого» (*Bewältigung der Vergangenheit*). Во время так называемого «спора историков» (*Historikerstreit*) – дискуссии по вопросу отношения к национал-социалистическому прошлому Германии и Второй мировой войне – и переосмысливается политика памяти. Наряду с «политикой для прошлого» появляется «политика истории». В обоих случаях речь по большому счёту шла о достижении примирения и согласия внутри общества (нации) через отношение к прошлому. Позднее «политика памяти» получила широкое распространение, хотя чаще всего это понятие использовали «для обозначения комплекса мероприятий, осуществляемых государствами с целью преодоления тоталитарного или авторитарного

наследия»¹. Это позволило в ряде случаев изменить немецкий дух этой политики с «покаянного» и «примирительного» на «обвинительный» и вполне «воинственный».

Сегодня в широком проблемном поле междисциплинарных исследований культурно-символической и коммуникативной памяти, так и не добившихся кристаллизации единых методологических подходов, используется целый ряд понятий — «историческая политика»², «политика памяти»³, «политическое использование истории»⁴, «модели памяти»⁵, «игры памяти»⁶, «политические манипуляции с прошлым», «политика воспоминаний»⁷, «политика в отношении памяти» или «политика в

¹ Сыров В. Н., Головашина О. В., Линченко А. А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 136.

² Heisler M. O. The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 617. No. 1. P. 14–24; Torsti P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier // The Cold War and Politics of History / Ed. by J. Aunesluoma, P. Kettunen. Helsinki, 2008. P. 19–35; Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 7–32.

³ Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 106–123; Коносов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011.

⁴ Kangaspuro M. The Victory Day in History Politics // Between Utopia and Apocalypse. Essays on Social Theory and Russia / Ed. by E. Kahla. — Jyväskylä, 2011. P. 292–304.

⁵ Никэжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2012. № 3. С. 17–32.

⁶ Mink G., Neumayer L. Introduction // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games / Ed. by G. Mink, L. Neumayer. — Basingstoke, 2013. P. 1–20

⁷ Kohlstruck M. Erinnerungspolitik. Kollektive Identität, Neue Ordnung, Diskurshegemonie. // Schwelling, Birgit (Hg.): Politikwissenschaft als Kulturwissenschaft. — Wiesbaden, 2004.

отношении истории»⁸ и т.д. Причём конвенции относительно содержания вышеперечисленных терминов отсутствуют⁹.

На сегодняшний день сложились две основные практики соотношения смежных понятий, используемых в описании «исторической политики». Политологи, часто избегая использовать понятие «память», предпочитают говорить о «символической политике»¹⁰, рассматривая «политику памяти» как её частный случай¹¹. «Политику памяти» при таком подходе представляют как совокупность мобилизационных ресурсов, направленных через манипулирование образами прошлого на легитимацию режимов и решение различных политических задач, которые возникают перед правящими группами и классами. Соавторство политологов и историков порождает следующее определение: «символическая политика» — «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование»¹².

⁸ Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3–4, май–август. С. 43–64. Поясняется, что из такой формулировки отчётливо видно, как политика пытается конструировать культурную память и формировать определённую модель политического видения национального прошлого.

⁹ Сафронова Ю. А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 11-26.

¹⁰ Довольно давно американский политолог Мюррей Эдельман в книгах «Символическое использование политики» (1964 г.) и «Политика как символическое действие» (1971 г.) обратил внимание, что на практике действия правительства не столько удовлетворяют или не удовлетворяют запросы граждан, сколько влияют на их восприятие реальности, меняя их потребности и ожидания.

¹¹ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018; Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. №. 5. С. 62–75. Мы здесь оставляем за рамками внимания дискуссии политологов о «культуре отмены». См.: Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169.

¹² Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе:

Историки чаще используют понятие «политика памяти», но при таком подходе большее внимание уделяется не столько предмету (как у политологов), сколько методу. Так, для немецкого историка Эдгара Вольфрума историческая политика – политико-инструментальный способ обращения с историей и историографией с целью повлиять на современные дебаты, а в перспективе и на политическую культуру конкретного общества¹³. Польский социолог Лех Нияковский определяет «политику памяти» как «любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или преодоление отдельных фрагментов общественной памяти»¹⁴. При этом одни (Н. Копосов, Л. Ниятковский) согласны использовать понятия «политика памяти» и «историческая политика» как синонимы¹⁵. Другие (А. Миллер) настаивают, что «они – вещи разные»¹⁶. Семантические нюансы – всегда нюансы, но они в нашем случае важны. Признавая «историческую политику» (набор практик или конфигурация методов) частным случаем «политики памяти», А. Миллер предлагает использовать первое понятие как «исследовательский термин для обозначения региональной специфики политизации истории в Восточной

сборник статей под ред. В. Лапина, А. Миллера. СПб: Издательство Европейского университета, 2021. С. 11.

¹³ *Wolfrum E.* Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990. Darmstadt, 1999. S. 29.

¹⁴ Цит. по: *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // Историческая политика в XXI веке. 2012. С. 65–102. Ср.: «Целенаправленная деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик». См.: *Аникин Д.А.* Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 12, вып. 2. С. 36.

¹⁵ *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011

¹⁶ *Миллер А.* Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. статей / Под ред А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 20.

Европе» в начале XXI века ¹⁷. Почему именно в Восточной Европе? «Политика памяти» больше пригодна для обществ с развитой демократической традицией: она предполагает конкуренцию интерпретаций, взаимовлияние акторов, плюралистичность общественной сферы ¹⁸. «Историческая политика», напротив конфронтационна и монологична, она превращает прошлое в оружие борьбы.

При этом, по нашему мнению, «историческая политика» является не столько попыткой конъюнктурной трактовки тех или иных событий прошлого, но набором приёмов и методов, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие. В интерпретации термина «историческая политика» мы придерживаемся следующей трактовки: «Историческая политика» – набор практик, с помощью которых отдельные политические силы различных стран стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие¹⁹.

В данном исследовании мы предпочитаем в большей степени апеллировать к термину «государственная историческая политика» (нежели «политика памяти»), так как рассматриваем данный феномен в исторической ретроспективе с точки зрения явления, исходящего от официальных властей государства (правлящих элит), с продуманной, специально выстроенной структурой, концептуальной основой, координирующими ведомствами.

¹⁷ Миллер А. и др. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке. 2012. С. 328–367.

¹⁸ Польский историк Роберт Траба подчеркивает, что в демократических государствах принято учитывать не только представительство правящих политических сил, но и четыре других публичных актора: народные органы управления (в зависимости от степени их автономии), независимые СМИ, а также различные гражданские объединения и другие общественные группы, принимающие участие в обсуждении проблемы истории в обществе. См.: Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3–4, май–август. С. 43–64.

¹⁹ Миллер А. И. Россия: Власть и общество // Pro et Contra. 2009. № 3–4(46) май–август. С. 6–23.

Причём, используя словосочетание «государственная историческая политика», мы подчёркиваем, что данный набор практики и интерпретаций истории является не только методом борьбы за электорат одной из политических сил, но уже стал неотъемлемой частью государственной идеологии каждой из трёх Балтийских республик. В демократическом обществе помимо прогосударственной линии в истории (поддерживаемой правящими элитами) существует альтернативный вариант воззрений – оппозиционный, продвигаемый неафилированными с официальными властями общественно-политическими кругами, негосударственными организациями, либо из-за рубежа. Однако, в представленном исследовании мы ограничиваемся анализом именно государственной исторической линии. Термины «политика памяти», «государственная историческая политика», «историческая политика» используется нами в представленном исследовании как синонимичные.

Развал СССР, безусловно, был самым знаковым событием не только отечественной, но и мировой истории конца XX в. Возникновение на постсоветском пространстве независимых государств потребовало незамедлительного внедрения в массовое сознание их граждан новых идеологических ориентиров, в том числе, и формирования новой картины их исторического прошлого. «Парад суверенитетов» нуждался в новых символах, героях и антигероях, в ревизии образа пройденного пути. Но данный ревизионизм на постсоветском пространстве стал проявляться и в своих крайних формах, представленных мемориальными конфликтами, войнами памяти.

Эстонская, Латвийская и Литовская республики как имевшие на тот момент из всех республик СССР самый короткий опыт «советизации» и ещё живую коммуникативную память о досоветском прошлом, стали флагманом новой политики в отношении прошлого, точнее, ревизии исторической

памяти и пересмотра оснований для национально-государственной самоидентификации. «Восстановление суверенитета» и реформативное государственное институциональное вписывалось в эпистемологию исторического континуитета. Выбор именно этого региона для исследования новейших практик исторической политики на постсоветском пространстве определяется так же тем, что с одной стороны, здесь историческая политика имела наиболее решительный и последовательный характер, приобрела наиболее завершённые и чёткие формы, со временем всё радикализуясь. С другой – этнические и экономические обстоятельства развития Прибалтийских республик (наличие значительного русскоязычного меньшинства, сформировавшегося в советский период времени, компактно проживающего в крупных городах и промышленных центрах, образующих анклав) определяли нюансы этой политики, зависимость её контента от антисоветских и антироссийских идеологических мейнстримов стран Запада. Только в этом регионе из всего постсоветского пространства происходили открытые гражданские конфликты на почве политики исторической памяти.

Политика исторической памяти изначально играла весьма важную роль в превращении стран Прибалтики в форпост десоветизации среди регионов бывшего СССР. Кроме того, радикализация политики памяти, её дрейф от антисоветской к антирусской и антирусской вызвали в этом регионе открытые гражданские конфликты. Именно из-за разночтений в исторических оценках событий прошлого произошли крупные столкновения и беспорядки в апреле 2007 г., поводом для которых стал демонтаж памятника советским воинам «Освободителям Таллина». «Война памятников» будет иметь место и позже, но на тот момент подобных открытых конфликтов на почве исторической памяти в других странах постсоветского пространства не происходило.

Актуальность темы исследования. Манипулирование массовым сознанием посредством исторической памяти давно стало одним из важнейших инструментов политической борьбы во всём мире. Историческая память была и будет мобилизующей общество силой, преимущественно в условиях, когда «битвы за прошлое» становятся неременной составляющей тотальных или гибридных войн современности. Особенно рьяным вмешательство политиков в пространство историков произошло в 1990-е гг. в странах Восточной Европы в связи с крушением Советского блока. Не стали исключением и вновь образованные Эстонская, Латвийская и Литовская республики, которые начали активно использовать историю для решения своих внутренних и внешнеполитических задач.

Ревизия исторического прошлого в странах Прибалтики стала делом не столько научным, сколько политическим, что и позволяет нам говорить о политике памяти или исторической политике, нашедшей отражение в самых разнообразных сферах жизни населения этих стран. Историческая политика официальных властей в этом регионе в 1991–2014 гг. сформировала благодатную почву для дальнейшей демонизации образа России в соответствии с идеологическими мейнстримами стран Запада. То, что сегодня, некоторые политологи и историки называют «культурой отмены» требует от нас не просто отрицания в международной политике остракизма как такового с его «странами-изгоями», а критического изучения краткосрочных и долгосрочных целей этой политики, условий генезиса и механизмов функционирования, сильных и слабых сторон. Мы имеем дело с «актуальным прошлым» как в прямом, так и в переносном значении.

Кроме того, обращаясь к вопросу о взаимовлияниях и имитации в политике памяти²⁰, по нашему мнению, имеет место быть «экспорт»

²⁰ *Миллер А. И.* Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения

оценочных суждений прибалтийских авторов применительно к советскому периоду в другие страны ближнего зарубежья, что демонстрируют последние события в мире, в том числе российско-украинский кризис. Данные аспекты придают особенную значимость исследованию вопросов конструирования исторической памяти именно на примере Прибалтийских республик.

Новизна исследования состоит в том, что данная работа будет первой попыткой заполнить очевидный пробел в историографии постсоветского пространства, касающийся развития и реализации исторической политики в Прибалтийских республиках, в её взаимосвязи с национально-государственным строительством. В ходе работы над исследованием проанализирован представительный круг источников (в том числе на национальных языках стран региона), значительная часть которых вводится в научный оборот в отечественной историографии впервые. Кроме того, в предложенном исследовании мы предприняли попытку комплексного и системного анализа проблематики политики памяти в Прибалтике в указанный хронологический период.

Практическая значимость исследования будет состоять в выработке адекватного концептуального подхода к проблеме комплексного исследования вопросов формирования и функционирования политики памяти. Прикладное значение просматривается в возможности использования данных диссертации в исследовании аналогичных тем на материале других постсоветских государств, как из числа бывших советских республик, так и стран Восточной Европы, а также в компаративных обобщающих исследованиях по проблематике политики памяти. Кроме того, в условиях современной геополитической напряжённости, когда память о прошлом становится одним из инструментов гибридных войн необходимо пристальное

внимание научного сообщества к инструментам и концептуальным основам политики памяти стран-оппонентов, в том числе и Прибалтийских республик. Критический анализ целей и результатов данной исторической политики, понимание её причинно-следственных связей и закономерностей развития позволит выработать эффективный механизм противодействия «демонизации» нашей страны и нивелирования негативных проявлений данных тенденций для Российской Федерации.

Объект исследования – историческая политика стран Прибалтики как составная часть национально-государственного строительства в 1991–2014 гг.

Предмет исследования – эволюция в трактовках событий национальной, европейской и российской истории, целей этой политики, условий генезиса и механизмов функционирования, сильных и слабых сторон.

Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, обретением независимости странами Балтии в результате дезинтеграционных процессов в СССР в 1991 г., а с другой – электоральными циклами Прибалтийских республик и переходом к новому витку противостояния с Российской Федерацией в результате украинского кризиса 2014 г.

Цель исследования – Определить содержание и роль исторической политики в национально-государственном строительстве стран Прибалтики в 1991–2014 гг., степень её системности, специфику и эффективность.

Задачи исследования:

1. Выявить специфику режима памяти – баланса влияний различных акторов на историческую политику в странах Прибалтики и роль центральной государственной власти как актора этой политики.
2. Раскрыть соотношение различных сфер применения исторической политики, эволюцию акцентирования её векторов.

3. Проследить институциональное и законодательное оформление исторической политики, создание механизмов осуществления этой политики.

4. Выявить «узловые» пункты в историческом прошлом стран Прибалтики, подвергшиеся ревизии в 1991–2014 гг. Определить подходы профессиональных прибалтийских историков к конструированию образа прошлого: как они способствовали/противодействовали ревизии прошлого политиками и госчиновниками.

5. Проследить связь исторической политики с электоральными циклами и в целом с вопросами внутренней политики стран Прибалтики, выявить «всплески» историко-политического дискурса, их лейтмотивы и причины.

6. Проследить, как историческая политика взаимосвязана с внешней политикой стран Прибалтики.

7. Сопоставить содержание и характер исторической политики стран Прибалтики 1991–2014 гг. между собой и с исторической политикой стран Восточной Европы, а также Европейского Союза в целом. Проследить зависимость политики властей стран Прибалтики от поисков идентичности в рамках ЕС, изменения в их политике памяти после вступления этих стран в ЕС, влияние внешнеполитического курса США и законов, принимаемых в Европарламенте на историческую политику стран Прибалтики.

8. Проследить, как различные элементы общества реагировали на государственную политику в области ревизии прошлого.

9. Определить уровень системности и эффективности (в соответствии с субъективными целями) исторической политики стран Прибалтики в 1991–2014 гг.

Основные группы источников. По интересующей нас тематике исследования имеется достаточно объёмная источниковая база, представленная как на государственных языках Эстонии, Латвии, Литвы, так и на английском, в меньшей степени русском языках.

Были проанализированы следующие группы источников:

Законодательные акты Эстонии, Латвии, Литвы и связанные с ними делопроизводственные документы: Конституции Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, декларации о восстановлении независимости²¹, реституционное законодательство²², учредительные документы институтов национальной памяти²³, законы о трактовках исторического прошлого²⁴, о

²¹ Декларация Государственного Собрания о восстановлении конституционной государственной власти // Ведомости Эстонской Республики. 1992. 19 октября. № 40; О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25; Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990. gada 4. Maijā // Latvijas Republikas Saeima. URL: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения 21.08.2019); Текст декларации на русском языке: Декларация Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 191; Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

²² Lietuvos Respublikos Pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Республики) // Lietuvos aidas. 1991.12.17, № 251-0; Lietuvos Respublikos piliečių nuosavybės teisių į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo įstatymas (Закон Литовской Республики о восстановлении права собственности граждан на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios. 1997-07-09, № 65-1558; Lietuvos Respublikos religinių bendrijų teisės į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo tvarkos įstatymas (Закон Литовской Республики о порядке восстановления права религиозных общин на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios. 1995-03-29 № 27-600; Latvijas Republikas valsts robežas likums (Закон о государственной границе Латвийской Республики) // Latvijas Vēstnesis, 10.11.1994. № 132; Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem (О восстановлении в правах граждан Латвийской Республики и основных правилах натурализации) // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69914> (дата обращения 08.04.2020); Eesti Vabariigi omandireformi aluste seadus (Закон Эстонской Республики об основах реформы собственности) // Riigi Teataja. 1991. № 21. ст. 257. и др.

²³ Закон о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы // Vedomosti Litovskoi Respubliki, 1997-09-10, № 25-288. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.43653> (дата обращения 11.08.2020).

национальной памяти²⁵, законодательство о праздничных и памятных датах²⁶, мемориальное законодательство (законы о военных захоронениях, законы о памятниках и др.)²⁷, Уголовные кодексы, предусматривающие санкции за противоречащую официальным версиям трактовку исторического прошлого (при наличии таковых)²⁸, а также поправки к данным законодательным актам; учредительные законодательные акты и уставные документы институтов

²⁴ Декларация Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://saeima.lv/Lapas/deklarac_kr.htm (дата обращения 22.08.2019); Deklarācija par Latvijas okupāciju // Latvijas Vēstnesis, № 143(628), 27.08.1996. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/63838-deklaracija-par-latvijas-okupaciju> (дата обращения 22.08.2019); Deklarācija par latviešu leģionāriem Otrajā pasaules karā [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, № 336(1397), 10.11.1998. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/218706> (дата обращения 22.08.2019); Deklarācija par Latvijā īstenotā Padomju Sociālistisko Republiku Savienības totalitārā komunistiskā okupācijas režīma nosodījumu [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, № 77(3235), 12.05.2005. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/108216> (дата обращения 22.08.2019); Lietuvos Respublikos piliečių nuosavybės teisių į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo įstatymas (Закон Литовской Республики о восстановлении права собственности граждан на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios, 1997-07-09, № 65-1558.

²⁵ Nutarimas Dėl Lietuvos Respublikos tautos istorinės atminties įstatymo projekto Nr. XIP-4631(2) (Решение о проекте закона Об исторической памяти народа Литовской Республики No. XIP-4631 (2)) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAP/TAPIS.180413?positionInSearchResults=2&searchModelUUID=9443f634-eadf-468b-a2b3-2dc3b2093334> (дата обращения 25.10.2020).

²⁶ Lietuvos Respublikos švenčių dienų įstatymas (Закон о государственных праздниках Литовской Республики) // Lietuvos aidas, 1990-10-26, Nr. 111-0. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.824> (дата обращения 25.02.2023); "Par svētku un atceres dienām" likumā (Закон «О праздниках и днях памяти») // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, 1990, 42.nr.; Pūhade ja tāhtpāevade seadus (Закон о праздниках и праздничных днях) // Riigi Teataja. 1998. № 13. ст. 162. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/74670> (дата обращения 25.02.2023).

²⁷ Par padomju un nacistisko režīmu slavinošu objektu eksponēšanas aizliegumu un to demontāžu Latvijas Republikas teritorijā (О запрете на экспонирование и демонтаж объектов, прославляющих советский и нацистский режимы, на территории Латвийской Республики) // Latvijas Republikas Tiesību Akti. URL: <https://likumi.lv/ta/id/333439> (дата обращения 14.10.2023).

²⁸ Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 170-2 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo įstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170-2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения 16.08.2020).

национальной памяти и схожих с ними организаций (как государственных, так и общественных организаций). Часть источников данной группы доступна на русском языке (конституции и основополагающие законы), большая же часть законодательных актов и поправок к законам в связи с отсутствием официального перевода на русский язык использовалась на эстонском, латышском, литовском, английском языках. Данная группа источников является одной из основополагающих в нашем исследовании, обладает высокой информативностью и позволяет получить сведения о формировании исторической политики, государственного строительства, правовом статусе различных групп коренного и русскоязычного населения²⁹, об изменении и динамике государственной линии в вопросах исторической политики, статуса национальных меньшинств (апеллирование к правовому континуитету стало одним из оснований для поражения в правах всех прибывших в Прибалтику в период существования Эстонской, Латвийской, Литовской ССР).

Отдельно необходимо отметить важность для представленного исследования использования стенограмм парламентских заседаний Рийгикогу (эстонский парламент), Сеймов Латвии и Литвы. Стенограммы, как и другие парламентские документы, имеются исключительно на эстонском, латышском и литовском языке соответственно и, насколько нам известно, вводятся в научный оборот в Российской Федерации впервые.

²⁹ *Русскоязычное население* – постоянные жители Эстонской ССР и Эстонской Республики, Латвийской ССР и Латвийской Республики, Литовской ССР и Литовской Республики, для которых, во-первых, русский язык является родным или функционально первым языком независимо от их этнического происхождения (например, для этнических русских или лиц других национальностей) и которые, во-вторых, осознают свою причастность к «русскому миру» как к трансграничной культурно-исторической общности. В большинстве официальных документов Эстонской, Латвийской, Литовской Республик, а также в научных работах и периодической печати «русскоязычное население» определяется по лингвистическому параметру.

Привлечение парламентских документов позволяет раскрыть механизм принятия тех или иных политических решений, законодательных актов и выявить факторы, повлиявшие на их принятие.

Международные договоры: международные договоры и межгосударственные соглашения заключённые Прибалтийскими республиками, либо третьими странами касательно обозначенных государств, их внешнеполитической, внутривнутриполитической деятельности по теме данного исследования. К таковым относятся: российско-эстонские, российско-латвийские, российско-литовские межгосударственные договоры и соглашения (касающиеся политики России по отношению к фальсификации истории, к соотечественникам, проживающим за рубежом); соглашения прибалтийских государств друг с другом и третьими странами; договоры о европейской и североатлантической интеграции, резолюции и официальные заявления международных организаций (в частности – Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. о важности европейской памяти для будущего Европы) и др. Привлечение вышеизложенной группы источников призвано проследить влияние взаимоотношений с другими государствами, международными организациями на трактовку событий прошлого, в исторической политике стран Прибалтики.

Вторую группу составляют источники, происходящие от различных структур и лиц, проводивших мониторинг интересующих нас процессов как на отдельных этапах, так и в целом.

Статистические данные и опросы населения: переписи населения 1989, 2000, 2011 г., результаты государственных выборов, референдумов и другая информация, представленная департаментами статистики Прибалтийских республик, регистрами народонаселения МВД, Департаментами гражданства и миграции Эстонии, Латвии, Литвы, Euro stat, статистические материалы общественных организаций, научных публикаций и исследований. Большая

часть информации представлена на русском, эстонском, латышском, литовском и английском языках. Статистика позволяет нам отслеживать результативность тех или иных инициатив, государственных программ в сфере интеграции, образования, а также реакцию населения на официально продвигаемую историческую парадигму. Так результаты выборов и референдумов, миграционные процессы, статистика приобретения гражданства или выхода из него свидетельствуют о степени общественной поддержки тех или иных не только политических, но и исторических трендов.

Социологические исследования и опросы населения государственными, негосударственными, общественными организациями, социологами и другими исследователями, международными организациями и Европейским Союзом. Большинство опубликованных опросов представлены помимо национальных языков и на русском; опросы позволяют нам выявить не только отношение людей к законодательным актам, к различным событиям, но также восприятие событий прошлого, его предлагаемые трактовки, отследить реакцию населения на политику памяти.

Периодическая печать: русскоязычная периодическая печать Эстонии («Вести дня», «День за днём», «Молодёжь Эстонии», «Московский Комсомолец Эстония», «Северное побережье», «Столица», «Linnaleht», «Postimees»); эстонязычная периодическая печать («Eesti Express», «Eesti Päevaleht», «Postimees», «Õhtuleht»); русскоязычная периодическая печать Латвии («Вести», «МК Латвия», «Час», «Телеграф»), латышская периодическая печать («Diena», «Latvijas Avīze», «Neatkarīgā Rīta Avīze»); русскоязычная литовская периодическая печать («Литовский курьер», «Обзор», «Экспресс-неделя»), литовская периодическая печать («Lietuvos rytas», «Verslo naujienos»); российская периодическая печать («Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Московский Комсомолец»); Новостные интернет-издания (DELFI.ee, DELFI.lt, DELFI.lv, Newsru.com,

Регнум Балтика). Привлечение периодической печати обусловлено тем, что она является и проводником политики памяти, средством манипулирования общественным сознанием, и, в то же время, зеркалом актуальных для общественности проблем. Кроме того, печать отличается быстрой реакцией на текущие события (в указанный хронологический период) и довольно подробным их изложением, часто весьма конъюнктурным.

Источники личного происхождения (мемуары, дневники, интервью и др.): содержат высказывания крупных международных лидеров и прибалтийских политических деятелей по вопросам интерпретации исторического прошлого, которые в известной степени и отражают местную политику памяти. В этой связи нельзя обойти стороной работы мэра Таллина (в 2001–2004 и 2007–2015 гг.) и лидера Центристской партии (в 1991–2016 гг.) Эдгара Сависаара «Правда об Эстонии»³⁰ и президента Эстонии (в 2006–2016 гг.) Тоомаса Хендрика Ильвеса «Говорит глава государства»³¹, в которых данные политики рассуждают о своём отношении к историческому прошлому страны и эпохальным событиям, свидетелями которых являлись. Значима и работа первого президента Латвии (в 1993–1999 гг.) Гунтиса Улманиса «Путь президента»³², в которой также содержатся оценки событий прошлого, доминирующие в латвийском истеблишменте, позволяющие раскрыть причины принятия важных политических решений, в том числе и в вопросах исторической памяти. Следует отметить и воспоминания Руты Максовны Шац-Марьяш, депутата Латвийского Сейма с 1990 по 1998 г. В своей книге воспоминаний «В калейдоскопе моей памяти»³³, она освящает процесс принятия ключевых законодательных решений в 1990-е гг. в

³⁰ Сависаар Э. Правда об Эстонии. Таллинн, 2013. Т. 1. 445 с.

³¹ Ильвес Т. Х. Говорит глава государства / сост. О. Коппель, перевод И. Низаметдинов. Таллин: EestiKostööKogu, 2014. 160 с.

³² Улманис Г. Путь президента / пер. с латыш. Л. Азаровой. Рига: Preses nams, 1996. 286 с.

³³ Марьяш Р. М. Калейдоскоп моей памяти. Рига: Acis, 2003. 470 с.

независимой Латвии, от которых идёт отсчёт оформление официальной политики памяти (в том числе и вопрос об исторической преемственности Латвийского государства). Историю Народного Фронта Латвии и начало карьеры многих видных местных политических деятелей рассматривает в своих воспоминаниях секретарь ЦК КП Латвии в 1990–1991 гг., первый секретарь Рижского горкома в 1985–1991 гг., Арнольд Клауцен³⁴. Автор описывает трансформацию взглядов латвийского истеблишмента не только в вопросах государственного строительства, но и интерпретации недавнего советского прошлого – эпохи Латвийской ССР. Воспоминания латвийского политика и публициста, члена Народного Фронта Владлена Дроздовцева³⁵ освещают проблему роста национализма во властных кругах по мере строительства независимого Латвийского государства. Весьма ценны для изучения поставленной проблемы и работы литовского политика, председателя Верховного Совета Литовской ССР (в 1990–1992 гг.), активного лидера Саюдиса Витаутаса Ландсбергиса³⁶, одного из создателей эстонского Народного Фронта Виктора Пальма³⁷, видного американского дипломата Струба Тэлботта³⁸, в которых также рассматривается процесс строительства национальной государственности и механизм принятия основополагающих решений. Кроме того, данные источники содержат интерпретации исторических событий, которые легли в основу постулатов политики памяти. Помимо вышеизложенного, в упомянутых работах присутствуют и выступления (в том числе кулуарные)

³⁴ *Клауцен А. П.* Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. 425 с.

³⁵ *Дозорцев В.* Другой Юрканс. Юрмала: Vladlens Dozorcevs, 2018. 440 с.

³⁶ *Landsbergis V.* Viešoji informacija apie 1993 m. savanorių akciją Pakaunėje. Vilnius: Konservatyvioji ateitis, 2006. 94 lpp.

³⁷ *Пальм В.* Из воспоминаний // Анатомия независимости: Сборник статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. Тарту: Kripta, 2004. С. 216–245.

³⁸ *Тэлботт С.* Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М: Издательский Дом «Городец», 2003. 507 с.

политической элиты на исторические и смежные темы, напрямую затрагивающие вопросы политики памяти. Используемые в данном исследовании мемуары, интервью и другие источники личного происхождения были опубликованы либо в период исполнения их авторами властных полномочий, либо после ухода в отставку.

Также необходимо выделить такие специфические источники, направленные на популяризацию основных тезисов исторической политики Прибалтийских республик и оказывающие прямое влияние на массовое сознание населения, как учебная литература, методические пособия для учителей, подборки исторических документов для общеобразовательных курсов по истории (практикумы, хрестоматии), издававшиеся в Эстонии³⁹, Латвии⁴⁰, Литве⁴¹.

Визуальные источники: художественные и документальные фильмы исторической тематики, картины, музейные экспозиции, монументальное искусство, мемориальные комплексы и др. Важность данного типа источников состоит в том, что они являются наглядным воплощением политики памяти. Однако следует оговориться, что изучение данного типа

³⁹ Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Учебник для гимназий. Первое издание: Таллинн: Коолибри, 2000. 263 с.; Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вярэ. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Кяупа З., Мяэсалу А., Паюр А., Страубе Г. История Балтийских стран: [Учебник]. Таллинн: Avita, 1999. 222 с.; Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.; Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / H. Moora, E. Laid, J. Mägiste, H. Kruus; toimetanud H. Moora ja H. Kruus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935. 376 lk.

⁴⁰ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Butulis I., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.; Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 1999.

⁴¹ Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы / пер. Е. Суворовой. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 317 с.; Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. The History of Lithuania / Translated and edited by S. Kondratas and R. Kondratas. Revised 2nd edition. Vilnius: Eugrimas, 2015. 328 p.; Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 360 p. и др.

источников с гносеологической точки зрения весьма затруднено из-за невозможности формализации историком художественной ценности и эмоционального воздействия произведений литературы, живописи и, особенно, художественного и документального кино, играющих важную роль в политике памяти.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

По нашему мнению, в каждом государстве (в первую очередь мы имеем в виду Европейские государства, или государства Западного типа) в более или менее продуманном виде существует историческая политика, перед которой могут ставиться различные *цели и задачи*:

- консолидация общества, электората вокруг правящей элиты;
- укрепление национальной (как в этническом плане, так и в плане суверенитета) государственности, конструирование национального идентитета;
- повышение образовательного уровня граждан, осведомлённости об определённых исторических событиях, периодах;
- утверждение или, наоборот, дискредитация какой-либо идеологии, мировоззренческих взглядов, партии, группы лиц и др.;
- санкционирование и легитимизация в глазах общественности принятия определённых политических, правовых, экономических и других решений;
- достижение превалирующего положения в обществе определёнными социальными, национальными группами и легитимизация данных изменений (либо, наоборот, поражение в правах);
- достижение внешнеполитических, геополитических целей.

Возможны и другие варианты целей и задач государственной исторической политики в зависимости от реалий той или иной страны и исторического периода.

Что касается *методов* достижения вышеобозначенных целей и задач государственной исторической политики, то они могут быть также разделены по следующим категориям:

- «национализация» истории или этноцентризм в освещении событий прошлого (например, удревление собственной национальной государственности, выстраивание параллелей с иными цивилизациями и культурами);
- институционализация государственной исторической политики посредством создания специализированных учреждений, аккумулирующих научные исторические изыскания в виде Институтов национальной памяти, специализированных комиссий, фондов и др.;
- правовое регулирование сферы научного исторического познания, закрепление определённых формулировок, тезисов, санкций за нарушение общепринятых трактовок прошлого;
- регулирование образовательной сферы при помощи внедрения новых программ исторического школьного, вузовского образования и др.;
- популяризация (пропаганда) определённых исторических концепций и трактовок посредством издания научной, учебной, популярной литературы, создания тематических кинофильмов, контента в СМИ, создание специальных музеев и мемориальных комплексов, проведение различных памятных мероприятий и общественных акций;
- экспорт определённых исторических концепций, трактовок за пределы государства – в диаспору, государства-сателлиты, на международную арену;
- продвижение идей правового континуитета или преемственности с заимствованием символических элементов исторических государственных образований или других знаковых составляющих, несущих значительную смысловую нагрузку.

Столь обширный круг целей, задач и методов исторической политики обуславливает необходимость использования широкого круга междисциплинарных методов изучения и анализа вопросов памяти, что усложняет работу исследователя в данном научном поле. Здесь тесно взаимодействуют и дополняют друг друга историческая наука, политология, социология, этнология, философия, правоведение и другие дисциплины. Кроме того, сравнительная «молодость» самого направления исследований исторической политики порождает недостаточность накопленного исследовательского инструментария для действенной её оценки. Наиболее полно обозначенная проблема отражена в отечественной историографии в сборнике научных трудов под названием «Методологические вопросы изучения политики памяти»⁴².

Таким образом, специфика предложенной исследовательской темы требует обращения к *междисциплинарному подходу*, способному комплексно изучить проблематику исторической политики, которая находится на стыке целого ряда дисциплин: истории, политологии, юриспруденции, социологии, культурологии и др.

Современные *memory studies* уверенно позиционируются как междисциплинарное поле. Это позволяет декларировать возможность «комплексного» рассмотрения конкретных объектов исследования. Но междисциплинарный подход в случае с исследованиями исторической политики содержит в себе ряд сложностей и противоречий, требующих разъяснений.

Проблема здесь в том, что в *social sciences* и *humanitiés* слишком разные подходы, методы и принципы. Применяемые политологами и социологами стратегии кейс-стади всегда (явно или имплицитно) нацелены

⁴² Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М. – СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.

на выведение неких обобщений, на попытки отнести рассматриваемые «кейсы» к какому-либо «классу событий». Одни обобщают и ищут социально-типическое, другие конкретизируют место и время. Многочисленные дискуссии методологического характера демонстрируют, что нет общей, согласованной между представителями различных дисциплин типологии политик памяти. Идут споры по каким критериям формализовывать: закладывать в основу типологизации политики памяти контент-содержательный аспект (основные послы политики памяти) или же механизмы принятия решений? И нужно ли так препарировать исследовательское поле, если на практике всё взаимосвязано? С одной стороны, исследователи подчёркивают нарастающую необходимость разработки соответствующего теоретико-методологического инструментария⁴³. С другой стороны, ставится под сомнение даже сам вопрос о возможностях такой типологизации, о переходе политологов, социологов и историков от сосуществования на дискуссионном поле проблематики политики памяти к плодотворному взаимодействию.

В поисках методологических точек соприкосновения исследователи различают историческую политику как *politics* и как *policy*, акцентируя внимание при этом на изучении взаимодействия разных акторов (государства, включая провластных НПО [неправительственные организации] и формально властных институтов, типа Института Национальной памяти, Церкви, общественных движений и объединений, социальных групп и партий, отдельных индивидов с соответствующими ресурсами). Но и при таком подходе остаётся ряд непрояснённых вопросов: например, не всегда можно понять, кто именно и в каких конкретно случаях говорит от имени

⁴³ Сыров В. Н., Головашина О. В., Линченко А. А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 135.

государства (помимо «первого лица») и кто задаёт официальный дискурс, какое место занимает в этой связи апеллирующий к прошлому политический «троллинг».

При попытке ответить на вопрос, как формируется официальный курс в области политики памяти, как учесть влияние конкретных условий на принятие решений в области политики памяти и в целом на формирование и существование разных типов политики памяти, мы исходим из тезиса о множественности механизмов политики памяти, соответствующим разным типам конкуренции различных идентичностей. В этой связи обращает на себя внимание так называемая процессо-реляционная методология, одним из наиболее известных вариантов которой стала методология анализа памяти Олика. Он предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся статичный конструкт, а как совокупность различных социальных форм, пространств, практик и их иерархий, причём находящихся в процессе непрекращающегося создания и пересоздания⁴⁴.

В соответствии с принципами историзма конкретный механизм конкуренции идентичностей (пресоздание, по Олику, памяти) должен быть помещён в исторический контекст. Стремление сбалансировать методы анализа и синтеза в исследовательской практике часто приводят к независимости от авторских намерений к перекосу в ту или иную сторону, но именно такой путь (через конкретно-исторический анализ к обобщениям и типологизации) поможет снять ряд кажущихся противоречий между *social sciences* и *humanitiés* в изучении исторической политики.

Многочисленность в последние десятилетия работ под рубрикой «политика памяти» приводит к «замыливанию» объекта исследования.

⁴⁴ Olick J. K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 151–161.

Неслучайно, Пётр Веровчек одной из главных проблем изучения политики памяти назвал «определение границ этого концепта»⁴⁵. Границы же эти трактуются либо максимально широко, охватывая вообще все сферы общественной жизни, либо дело сводится к изучению деятельности политических элит.

Концепция мнемонических акторов, предложенная Майклом Бернхардом и Яном Кубиком, предлагает сосредоточить внимание на политических элитах. Исследователи выделили четыре типа стратегий обращения с прошлым: воинственный, плюралистический, игнорирующий и, наконец, направленный на достижение наиболее желательного для государства видения прошлого. Далее они предложили три типа «мемориального режима»: раздробленный (фрагментированный), унифицированный (относительно гомогенный) и пила́ризированный (соответствующий этнолингвистической, а не классовой стратификации общества).

Разделяя в целом концепцию Бернхарда и Кубика о режимах памяти (конфигурации акторов и их взаимодействия)⁴⁶, мы исходим из того, что политика памяти зависит в первую очередь как от государственной идеологии, так и от типа режима власти (авторитарного или демократического). Но это происходит лишь при наличии чёткой идеологической государственной доктрины. Возникают вопросы, что происходит с политикой памяти при отсутствии такой доктрины и, как отличить возникшие из-за конкуренции акторов конъюнктурные колебания

⁴⁵ Цит. по: Сафронова Ю. А. Историческая память: Введение... С. 194.

⁴⁶ О «режимах памяти» см. также: Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // Power and the Past. Collective Memory and International Relations / Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. Washington, 2010. P. 13–49; Onken E.-C. The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analyzing Memory Politics in Europe // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. № 1. P. 23–46.; Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration / Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford, 2014.

от «поворотов» политики памяти? В этой связи, учитывая теоретическую непроработанность (неформализованность) целого комплекса вопросов относительно политики памяти, мы применяем то, что А. Миллер называет «ситуационным анализом»⁴⁷, а мы назовем конкретно-историческим анализом той или иной ситуации, подразумевающим отказ от абстрактных социологических или политологических схем в пользу учёта критериев места и времени. Именно апостериорным путём (наблюдением) предполагается определить была ли политика в странах Прибалтики ситуативна или же она соответствовала какому-то стратегическому продуманному плану. Этот метод поможет, отказавшись от попыток общей формализации набора критериев при оценке эффективности и значимости власти как актора политики памяти, понять лейтмотивы конфликтов, связанных с исторической памятью и даже цели политики памяти: что является приоритетом – «правильная» трактовка прошлого или контроль дискурсивного поля трактовок прошлого.

Историки стремятся не минимизировать количество пригодных для формализации факторов, а показать в комплексе весь набор акторов, которые участвуют в формировании политики памяти. С точки зрения системно-функционального анализа возникает вопросы оценки значимости этих акторов, их удельного веса, каким образом акторы (например, государство и диаспора) взаимодействуют между собой в рамках исторической политики и за её рамками. Исходя из тезиса, что при оценке прошлого первейшее место занимает определение идентичности (идентификационная функция истории), следует подчеркнуть, что речь в нашем случае идёт, с одной стороны, не о самоидентификации тех или иных групп (часто с размытыми границами «мы» – «они»), а о государственной политике памяти. Такой подход

⁴⁷ Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111–121.

объясняется спецификой изучаемого региона, где каждый электоральный цикл приводит к интенсификации дискуссии вокруг политики памяти, когда властям нужно поддерживать жёсткость идентификации и оппозиции в рамках собственной национально-государственной политики.

Системно-функциональный подход в совокупности со сравнительно историческим методом поможет представить историческую политику стран Прибалтики в диалектическом взаимодействии с поисками идентичности и исторической политикой в ЕС в целом, которая в 1990-х гг. стремилась утвердить европейскую идентичность на чисто политических принципах, без истории, а в начале XXI в. перешла к манипуляциям с историческим прошлым. Это позволит поставить вопрос о транснациональных коалициях акторов разных политик памяти, участвующих в геополитических баталиях.

При анализе связи исторической политики и электоральных циклов в странах Прибалтики, мы использовали теорию Дэвида Арта, которая представляет общественные дебаты (public debates) о прошлом как механизм изменения политики. Согласно теории Арта, общественные дебаты являются важным инструментом политических изменений, ибо они «формируют новые фреймы для интерпретации политических проблем, меняют идеи и интересы политических акторов, трансформируют структуру отношений между ними и переопределяют границы легитимного политического пространства»⁴⁸.

Исследование выполнено на принципах историзма и объективности. Так, принцип историзма позволяет оценивать изменение трактовок прошлого как результат конкретных исторических обстоятельств, продукт времени, места, а не как изолированное явление, существующее само по себе. Принцип объективности в данном контексте призван отказаться от конъюнктурной и идеологически выверенной подачи материала в пользу

⁴⁸ Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria... P. 14, 30.

научного и максимально беспристрастного её анализа, что особенно актуально в свете участвовавших процессов манипулирования прошлым. Хотя открытым остаётся вопрос о достижимости объективности в весьма субъективных гуманитарных науках, тем не менее стремление к ней является важнейшим аспектом научного знания.

Использован *метод системности и комплексности* при определении, поиске, классификации и критическом анализе доступного круга исторических источников с точки зрения перепроверки фактов, обоснованности доказательной базы и последовательности выводов.

При анализе законодательства мы применяем сравнительно-исторический метод, предполагающий компаративный анализ законодательства других стран, но учитывая при этом, что сравнение может быть и способом получить ответы, и способом постановки новых вопросов.

Наряду с общеисторическими (ретроспекции, хронологический, историко-сравнительный) в представленной диссертационной работе использовались и *общенаучные методы* исследования – такие как структурно-функциональный, компаративный и системный анализ. *Структурно-функциональный анализ* поспособствовал выявлению роли государственных институтов и общественных организаций. Прибалтийских республик в формировании официальной исторической повестки.

Компаративный анализ позволил нам сравнить политику памяти в Латвии, Литве, Эстонии между собой, выявить общие тенденции и специфические отличительные черты для каждой из обозначенных республик. *Системный анализ* обеспечил возможность рассмотреть политику памяти как элемент более крупной системы социокультурных процессов в Прибалтийских республиках, в частности, с точки зрения влияния на проблему межнациональных взаимоотношений между титульным и русскоязычным населением в Эстонии, Латвии, Литве.

При рассмотрении формальных и неформальных практик внутриэлитного взаимодействия в странах Балтии, анализе внутриполитических аспектов становления властных групп Латвии, Литвы и Эстонии как главных акторов политики памяти исследование опирается на **теорию нового институционализма**. Исторический институционализм позволил нам также проанализировать процесс становления и развития основных государственных и общественных институтов упомянутых республик в контексте их влияния на историческую память; отметить наиболее значимые факторы, оказавшие определяющее влияние на появление институтов национальной памяти, общественных комиссий по проблемным вопросам прошлого и т.д.

Степень разработанности темы и обзор литературы:

В теоретико-методологических работах по изучению памяти вообще и политики памяти в частности сегодня практически утвердилось мнение, что прошлое является не столько воспоминанием, сколько актуализированным конструктом сознания. Если в традиционных концепциях памяти она трактовалась в духе сейфа для хранения артефактов прошлого, то сегодня больше говорят об обусловленности её устройства характером употребления ⁴⁹. Такой подход к памяти, представляющий её как периодически трансформирующуюся, «как процесс, а не как место», легитимизирует исследования политики в области истории ⁵⁰. Сегодня исследователи вновь актуализируют известную мысль М. Хальбвакса ⁵¹ о

⁴⁹ Schmidt S.J. Memory and Remembrance: A Constructivist Approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191, 196.

⁵⁰ Olick J.K. From Collective Memory to the Sociology of Mnemonic Practices and Products // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 151.

⁵¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

множественности памятей, о соответствии памяти социальной группе⁵². Только одних больше интересуют образы прошлого как таковые, а других способы управления ими («инструментализация прошлого»). Труды, рассматривающие память как таковую (и историческую, в частности) начали появляться ещё в первой половине XX столетия. К данной категории, безусловно, необходимо отнести работы французского социолога Мориса Хальбвакса⁵³. В исследовании «Социальные рамки памяти» автор рассматривает феномен человеческой памяти с социологической, психологической, культурологической и философской стороны, интерпретируя коллективную память как конструкт взаимовлияний со стороны религии, традиций, семьи, социальных классов и общества в целом. Именно изыскания Хальбвакса во многом способствовали росту интереса к исследованиям в области политики памяти.

Продолжатель «дела Хальбвакса» Пьер Нора рассматривает память с исторической точки зрения. Так в своей статье «Всемирное торжество памяти»⁵⁴ он размышляет на примере Франции о возросшем влиянии памяти в последней трети XX в., объясняя это «ускорением истории» (стремительно меняющийся мир ускорено вытесняет прошлое) и «демократизацией истории» (движение освобождения и эмансипации, возникновение разнообразных форм памяти меньшинств, идентичности). Кроме того, П. Нора вводит понятие «места памяти» (в русскоязычных переводах встречается как «пространство памяти» и даже «урочища памяти»), под которыми образно понимает остатки «живой коллективной памяти» и

⁵² Например: Zierold M. Memory and Media Cultures // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning. Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 399

⁵³ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 40–41; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

⁵⁴ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 40–41(2–3). 2005. С. 202–208.

включает в которые три аспекта – материальный, символический и функциональный⁵⁵. Его тезис об определяющем для «мест памяти» качестве – намерении общества «помнить» помогает нам объяснить эффективность или неэффективность государственных коммеморативных усилий.

Другим вдохновляющим теоретическим наследием в исследованиях политики памяти стали работы Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсена по идентичности, поиски которой строятся на переосмыслении прошлого. Особенно актуальным это направление стало с началом поисков общеевропейской идентичности, которые вступили в конфликт с традиционной альтернативой сохранения национальных идентичностей. Современные исследователи от Энтони Смита до Йорна Рюзена, даже если и не употребляют выражение «политика памяти», неизменно акцентируют особое значение манипуляций с образами прошлого, свойственного для этноцентристского стиля мировосприятия. Тезис Й. Рюзена о характерном для этноцентристской логики контрастном (черно-белом) восприятии мира представляются весьма востребованными, когда речь идёт об анализе исторической политике именно в странах Прибалтики⁵⁶.

Среди работ, авторы которых, стремясь вписать проблематику «мест памяти» в изучение формирования идентичностей, сформулировали важные теоретические положения для исследований исторической политики назовем труды Алейды Ассман⁵⁷ и Беньямина Шенка⁵⁸. Ассман рассматривает процесс

⁵⁵ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 40–41(2–3). 2005. С. 202–208.

⁵⁶ Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. December 2004. Vol. 43, № 4. P. 118–129.

⁵⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

⁵⁸ Шенк Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

складывания исторической памяти в общественном и научном пространстве. Автор анализирует различные модели памяти, проблему патологии идентичности, а также выделяет стратегии вытеснения памяти о прошлом на примере немецкой истории. Опираясь на сравнительный анализ политики памяти в странах Восточной Европы – Польши, Венгрии, России, обозначая их различия с западноевропейским и немецким вариантами, Алейда Ассман обращается к понятиям «мемориальная культура» и «историческая политика», которые нередко противопоставляются друг другу. В соответствии с мнением Ассман, «мемориальная культура» имеет более позитивное значение, обозначая самоорганизацию граждан для уважения памяти, а некоторые элементы «исторической политики» могут быть связаны с принуждением к единому представлению о памяти. Обычно под «мемориальной культурой» понимается совокупность методов и инструментов культурной мемотехники, позволяющих группам или культурам формировать свою коллективную идентичность и свою ориентацию во времени, а «историческая политика» отождествляется с «инструментализацией прошлого». Понятие «инструментализации» не является аналитическим, оно полемично и маркирует желание автоматически дистанцироваться от того, что считается «инструментализованным». Воспоминания обеспечивают легитимность, создают чувство общности, служат основой для более или менее критичного представления коллектива о самом себе и не в последнюю очередь препятствуют появлению иных воспоминаний. Поэтому неверно диффамировать какие-то формы использования воспоминаний как их «инструментализацию»; правильное говорить о специфических злоупотреблениях воспоминаниями⁵⁹.

⁵⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 300–301.

Немецкий историк Б. Шенк, соединяя национальные «места памяти» Нора (точнее, интерпретируя их в «фигуры памяти») и размышления об эвентуальности национальной идентичности Б. Андерсона, описывает как сплоченность отдельных социальных групп, основывается на представлениях об общем прошлом.

Ещё одним теоретико-методологическим мейнстримом хоть косвенно, но всё же затрагивающим проблематику исторической политики, является постмодернизм. Во-первых, если рассматривать вопрос о роли профессиональных историков в инструментализации памяти о прошлом, то нельзя обойти молчанием тезис Хейдена Уайта⁶⁰ о невозможности историка быть абсолютно нейтральным. Позиции некоторых прибалтийских историков (да и не только историков), втянутых в использование прошлого как инструмента политического процесса, можно объяснить через увлечение постмодернистской методологией в 1990-е гг. Во-вторых, постмодернистские установки на изучение дискурсивных практик помогают нам «расколдовать» смыслы дебатов политиков о прошлом, то, что Бурдье называл «символической властью»⁶¹. Элиты, «конструирующие» смыслы, сами действуют в рамках социально разделяемых систем смыслов и подчиняются их логике. Этот тезис поможет лучше оценить эффективность политики памяти: почему одни способы интерпретации прошлого оказываются влиятельнее других, какие ресурсы работают более эффективно.

Апеллирование в данной работе к исторической политике (политике памяти) обязывает нас отметить немецких исследователей, которыми в 1980-е гг. в рамках спора историков о *Historikerstreit* данный термин и был введен

⁶⁰ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

⁶¹ Символическая власть – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и тем самым воздействие на мир, а значит, сам мир...». См.: Бурдье П. Социология социального пространства. С. 95.

в научный оборот. В этом споре приняли участие Эрнст Нольте, Андреас Хильгрубер, Михаэль Штюрмер, Хаген Шульце, Клаус Хильдебранд, Иоахим Фест, Юрген Хабермас, Ганс Моммзен, Генрих-Август Винклер и др., которые и стали авторами первых работ по данной тематике, применительно к Германии⁶². Так, консервативные исследователи в лице Эрнста Нольте, Андреаса Хильгрубера, Михаэля Штюрмера и др. отстаивали тезис о том, что преступления нацизма не уникальны в мировой истории и являлись реакцией на большевистскую угрозу для Европы со стороны Советского Союза, ничем не отличаясь от «красного террора», системы ГУЛАГ в СССР, геноцида армян в Османской империи в 1915–1916 гг. и т.д. Из этого следует, по мнению консерваторов, что необходимо «историзировать» Третий Рейх и «нормализировать» немецкую национальную идентичность, отказавшись от постоянного покаяния за преступления нацизма⁶³.

Оппонировали консерваторам историки и интеллектуалы преимущественно левых взглядов во главе с известным немецким философом Юргеном Хабермасом. Его сторону в споре заняли Ганс и Вольфганг Моммзены, Юрген Кокка, Генрих-Август Винклер и др. Данная группа историков утверждала, что расовый антисемитизм являлся ключевым мотиватором нацистских преступлений и был укоренён в немецком менталитете до конца Второй мировой войны; произвол нацистской верхушки явился закономерным продолжением этого «немецкого антисемитизма». Отсюда вытекала коллективная ответственность всех

⁶² Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал – социализм и большевизм. М.: Логос, 2003; Hillgruber A. Zweierlei Untergang: Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums. – Berlin: Siedler Verlag, 1986; Hans-Hermann W. Die Gegenwart der Vergangenheit: Historikerstreit und Erinnerungsarbeit. (Band 2 von Zeitkritische Beiträge der Evangelischen Akademie Nordelbien) Verlag Wäser, Bad Segeberg 1989 и др.

⁶³ Земляной С. Н. «Спор историков» в ФРГ и «Европейская гражданская война» // Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. С. 516–527.

немцев за преступления нацизма, а любая попытка «историзации» геноцида и других бесчеловечных деяний Третьего Рейха осуждалась как аморальное самооправдание немцев⁶⁴.

Дискуссия в итоге привела к победе точки зрения левоцентристских учёных во главе с Юргеном Хабермасом и закрепила в немецком историческом дискурсе представление о коллективной ответственности за совершённые в нацистское время преступления. Кроме того, «спор историков» в ФРГ широко освещался в местных средствах массовой информации, привлёк внимание общественности к исторической дискуссии и продемонстрировал правящим кругам необходимость выработки и поддержки общегосударственной исторической линии в виде продвижения определённых оценок прошлого как доминирующих. Появился и специфический термин – «историческая политика», использующийся также польскими учёными, перенявшими термин у немецких коллег и активизировавших исследования в области государственной исторической политики одними из первых в Восточной Европе. Так, польский социолог Лех Нияковский фактически отождествляет упомянутые выше термины и выступает за использование понятия «политика памяти» вместо «исторической политики», определяя первую как *«любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или преодоление отдельных фрагментов общественной памяти»*⁶⁵. Польский историк Роберт Траба приемлет другой подход – он предлагает использование термина «политика в отношении памяти» или «политика в отношении истории», поясняя что из такой формулировки отчётливо видно, – политика пытается конструировать

⁶⁴ Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. М.: Новое издательство, 2012. С. 490.

⁶⁵ Цит. по: Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Историческая политика в XXI веке. 2012. С. 65–102.

культурную память и формировать определённую модель политического видения национального прошлого. Кроме того, Траба подчеркивает, что в демократических государствах принято учитывать не только представительство правящих политических сил, но и четыре других публичных актора: народные органы управления (в зависимости от степени их автономии), независимые СМИ, а также различные гражданские объединения и другие общественные группы, принимающие участие в обсуждении проблемы истории в обществе⁶⁶. Таким образом, в польской историографии не сложилось единой точки зрения по терминологии исторической политики.

Различные взгляды на аспекты понятийного аппарата интересующей нас проблемы можно встретить и в отечественной исторической науке. С точки зрения Алексея Миллера, политизация истории – извечный и, по большому счёту, неизбежный феномен. Политика памяти – *общественные практики и нормы, регулирующие коллективную память – так же неизбежны, и так же существуют с древнейших времен*⁶⁷. Историческая политика, в свою очередь представляется новым, специфическим феноменом, существование которого возможно в демократических или квазидемократических обществах, допускающих – хотя бы формально – плюрализм мнений и интерпретаций⁶⁸. Признавая историческую политику частным случаем политики памяти, Миллер предлагает использовать первое понятие как «исследовательский термин для обозначения региональной

⁶⁶ Цит. по: Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3–4, май–август. С. 43–64.

⁶⁷ Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке. 2012. С. 7–32; Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. №. 5. С. 62–75.

⁶⁸ Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. №. 5. С. 62–75.

специфики политизации истории в Восточной Европе» в начале XXI века⁶⁹. Однако, не все исследователи согласны с данным взглядом А. Миллера и его сторонников. Так, Д. Аникин считает термин «политика памяти» более удачным для научного дискурса и даёт ей следующее определение – *«политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определённого образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик»*⁷⁰.

Дискуссии подобного рода можно встретить и в других работах по интересующей нас тематике как в отечественной, так и зарубежной историографии⁷¹.

Вместе с тем, в последние десятилетия XX в. интерес к истории и дискуссии о её роли в общественном пространстве активизировались не только в ФРГ, но и в других странах Европы и Северной Америки. В частности, в США в 1990-е гг. было положено начало обсуждению проблемы ревизионизма в истории (пересмотр устоявшихся исторических нарративов, в том числе в отношении рабовладения, вопросов внутренней и внешней политики)⁷², её роли в формировании общественного сознания и др.

⁶⁹ Миллер А. и др. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке. 2012. С. 328–367.

⁷⁰ Цит. по: Аникин Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып.2. С. 34–41.

⁷¹ Артамошин С. В. Дискуссии об исторической памяти в ФРГ: политика и исторические исследования // Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия. 1990–2020: материалы международной научной конференции. Липецк, 2019; Историческая политика в XXI веке: [сборник статей] / научный редактор: А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое лит. обозрение, 2012. 646 с.; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 206 с. и др.

⁷² Grossman J. The “proper study of history”: what the public thinks about historical thinking // The Perspectives on History. The Newsmagazine of American Historical Association. 2014.

Разумеется, данный мейнстрим западной исторической науки был подхвачен и в других регионах, включая постсоветское пространство.

Историография исторической политики, анализирующая конкретные её сюжеты в Восточной Европе и, в особенности в Прибалтике, не столь обширна. Анализ учебной литературы с точки зрения продвижения определённых трактовок и тезисов предпринял французский историк Марк Ферро⁷³, который фокусирует внимание не только на западноевропейской истории, но и обращается к африканским, азиатским сюжетам, а также к опыту позднего СССР. Ферро обращает внимание на жёсткий идеологический контроль над исторической наукой в Советском Союзе и превалирующую роль высказываний лидеров СССР как аксиом в оценке прошлого. Не обошёл автор стороной и Польшу 1980-х, отмечая несколько видений прошлого страны, сосуществующих одновременно – официальная история; та история, которую рассказывают дома; история в кино, преобразующая обе вышеобозначенные. В результате, по мнению автора, это вызывает диссонанс в польском обществе и различные интерпретации прошлого.

С распадом Советского блока и самого СССР, в начале 1990-х гг., необходимость выработки новой государственной исторической концепции

October 1. URL.: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/october-2014/the-proper-study-of-history> (дата обращения 03.07.2023); *Foner E.* Out of the ivory tower: historians and the public(s) // The Perspectives on History. The Newsmagazine of American Historical Association. 2000. May 1. URL: [https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/may-2000/out-of-the-ivory-tower-historians-and-the-public\(s\)](https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/may-2000/out-of-the-ivory-tower-historians-and-the-public(s)) (дата обращения 03.07.2023); *McPherson J.* Erroneous assumptions // The Perspectives on History. The Newsmagazine of American Historical Association. 2003b. November 1. URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/november-2003/letter-to-the-editor-erroneous-assumptions> (дата обращения 04.07.2023); *McPherson J.* Revisionist Historians // The Perspectives on History. The Newsmagazine of American Historical Association. 2003a. September 1. URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians> (дата обращения 04.07.2023).

⁷³ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высш. шк., 1992. 350 с.

привела к возрастающему интересу восточноевропейских историков, в том числе и прибалтийских, к проблеме исторической политики и памяти.

В Эстонии пионером в данной области выступил историк и политик Март Лаар, обосновавший в своих работах ⁷⁴, принципиально новую историческую концепцию (в первую очередь тезис об оккупации Эстонии Советским Союзом). Кроме того, М. Лаар вместе с М. Тилк и Е. Хергаук являлся автором нового школьного учебника ⁷⁵ для эстонских школ с национальным и русским языком обучения, в котором трактовка истории Эстонии полностью совпадала с мнением политической элиты страны в плане идеализации независимой республики 1920-х – 1930-х гг., а также насильственной инкорпорации в состав СССР.

Научная литература, посвящённая не вопросам «исторической памяти» вообще, а именно проблемам государственной исторической политики, стала появляться лишь в последние десятилетия. Что касается реализации исторической политики в странах Балтии – это единичные работы.

Всплеск интереса к собственно политике памяти в Эстонии произошёл значительно позднее, нежели у западных соседей – лишь после событий «Бронзовой ночи» апреля 2007 г., когда в результате сноса монумента «Освободителям Таллина» вспыхнули массовые беспорядки с участием местного русскоязычного населения. Стало очевидно, что в республике существует острый конфликт не только на этноязыковой почве, но и по причине различных трактовок прошлого, в особенности событий Второй

⁷⁴ *Лаар М.* Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / пер. с эстонск. С. Карм. Таллинн: Grenader, 2005. 47 с.; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. 234 с.; *Laar M.* Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. – Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.; *Он же* Metsavennad: relvastatud vastupanu Eestis Teise maailmasõja järel. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2013. 368 lk.; *Он же* War in the woods: Estonia's struggle for survival 1944–1956; translation by Tiina Ets; foreword by Tõnu Parmin. Washington: Compass Press, 1992. 272 p.

⁷⁵ *Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk.* Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.

мировой войны. В этой связи, в свет вышла работа исследователей из Тартуского и Таллиннского университетов Пилле Петерсоо и Марека Тамма «Монументальный конфликт: память, политика, идентичность в современной Эстонии»⁷⁶, в которой описываются с эстонской точки зрения конфликты с памятниками в Эстонии, а также события «Бронзовой ночи», занимающие центральное место в данной книге. Авторы апеллируют к понятию коллективная память и приходят к выводу, что государство должно активнее доносить до местного населения (в том числе неэстонского) господствующие исторические воззрения всеми доступными способами, используя литературу, музейные экспозиции, монументальное искусство, СМИ и др. Также следует отметить и другую публикацию Марека Тамма «Монументальная история»⁷⁷, в которой автор приходит к констатации того, что в современной Эстонии общественность ещё не осознала важность роли академического подхода к исторической памяти, и понимание исторической политики не заняло должного места в научных кругах. Например, для изучения памяти созданы специальные учреждения, работающие на иных принципах, нежели академические. Другими словами, Тамм пишет, что в республике исследования в области политики памяти крайне немногочисленны и данная область слабо изучена.

В статье «В поисках утраченного прошлого: политика памяти в Эстонии, 1991–2011 гг.»⁷⁸ Марек Тамм анализирует эстонскую историческую политику по четырём аспектам: юридическому, институциональному, коммеморативному и монументальному. Он рассматривает лишь внутриполитическую составляющую политики памяти, не затрагивая её

⁷⁶ Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud Pille Petersoo ja Marek Tamm. Tallinn: Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 lk.

⁷⁷ Tamm M. Monumentaalne ajalugu. Loomingu Raamatukogu, nr 28–30. Tallinn: SA Kultuurileht, 2012. 206 lk.

⁷⁸ Tamm M. In search of lost time: Memory politics in Estonia, 1991-2011 // Nationalities Papers. 2013. Volume 41, № 4. P. 651–674.

внешнеполитические аспекты. Автор приходит к выводу о стремлении официального Таллина к построению однородной, безальтернативной концепции исторического развития эстонского народа и увязывании национальной идентичности с страданиями прошлого, апеллируя к памяти-травме. Тамм считает, что было бы более уместно поддерживать множественность аргументированных мнений, гарантировать предпосылки для критического обмена мнениями и поддерживать академическое, свободное и политически независимое изучение истории.

Не остались в стороне от обозначенной проблематики и русскоязычные исследователи из Эстонии. Эстонский журналист, доктор философии Игорь Розенфельд в книге «Эстония до и после “бронзовой ночи”»⁷⁹ рассматривает социально-политическое развитие Эстонии с момента обретения независимости в 1991 до 2007 г. и анализирует причины событий апреля 2007 г. Одну из глав монографии Розенфельд посвятил исторической концепции эстонских крайне правых кругов политического истеблишмента, которая и стала господствующей в местной историографии в 1990-е. Именно в навязывании обществу данной националистической, антисоветской/антироссийской исторической повестки автор и видит одну из главных причин конфликта апреля 2007 г. вокруг памятника «Освободителям Таллина».

Непосредственно политику памяти и механизм формирования исторической политики в Эстонии рассматривает в своей статье Александр Астров⁸⁰. Он уделяет пристальное внимание внешнеполитическому аспекту эстонского исторического дискурса, а также анализирует высказывания

⁷⁹ Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.

⁸⁰ Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.

крупных эстонских политических деятелей касательно событий Второй мировой войны и «преступлений» советской власти. Автор отмечает постоянную оглядку эстонских проводников политики памяти на восприятие их действий за рубежом и оказываемое влияние на имидж страны, что в конечном итоге привело к некоторому отмежеванию официального Таллина от крайних националистов и своеобразному «смягчению» исторической политики в области памяти в Эстонии.

Также имеются отдельные статьи, сравнивающие политику памяти в Эстонии и других странах. Так Вейко Вихури⁸¹ сравнивает подход к исторической памяти Эстонии и Польши, констатируя, что обе страны стремятся героизировать собственную историю, воспринимая её как извечную и, в конечном счёте, успешную борьбу за независимость. При этом, по мнению автора, эстонский подход к политике памяти является более плюралистичным и демократичным по сравнению с польским, где у власти находятся националистические круги. Однако, в обозначенных работах отсутствует комплексный анализ источниковой базы политики памяти в виде законодательных актов, учебной литературы и др. В целом, для эстонской историографии политики памяти характерно акцентирование внимания на проблематике событий XX столетия (обращение к более ранним периодам является редкостью), а также обращение к памяти-травме. При этом наблюдаются различные оценки плюрализма местного дискурса памяти. Исследователи-эстонцы оценивают местный дискурс как весьма толерантный, русскоязычные же исследователи, наоборот, отмечают крайне правый уклон и нетерпимость к иным точкам зрения, как характерную черту местной политики памяти, и, как следствие, её конфликтный характер.

⁸¹ Vihuri V. Uuest mälupoliitikast Poolas ja Eestis // Objektiiv 25. aprill 2016. URL: <https://objektiiv.ee/kolumn-uuest-malupoliitikast-poolas-ja-eestis/> (дата обращения: 31.07.2019).

Схожих оценок в историографии политики памяти придерживаются и латвийские историки. Однако, и здесь исследования, посвящённые проблематике политики памяти носят единичный характер и изданы они в последние пятнадцать лет. Заслуживает внимания статья латвийского исследователя Виктора Макарова «"Бои за историю" в Латвии»⁸², в которой рассматриваются основные подходы официальной Риги к местной политике памяти и степень её влияния на местное русскоязычное население. Автор акцентирует внимание на государственной символике Латвии, праздничной культуре и их роли в формировании новой политики памяти. Однако, Макаров рассматривает лишь ограниченный круг вопросов исторической памяти, не беря во внимание образовательную сферу, законотворчество.

Нильс Муйжниекс в монографии «Геополитика истории в латвийско-российских отношениях»⁸³ анализирует российский взгляд на латвийскую историю и сравнивает его с национальной историографией, выявляя диаметрально противоположный взгляд на прошлое (в особенности XX в.). Он обращает внимание на прямую связь между исторической политикой и национальной идентичностью. Кроме того, Муйжниекс подробно описывает латвийский исторический нарратив, который сводит к тезису о «советской оккупации» и исторической правопреемственности нынешней Латвии по отношению к республике межвоенного периода. Автор отмечает, что наряду с позитивными последствиями выбранной линии исторической политики (быстрая евроатлантическая интеграция, возвращение Латвии её зарубежных активов) имеются и серьёзные её издержки в виде углубляющегося раскола

⁸² Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 148–157.

⁸³ Muižnieks N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011. 238 p.

между латышами и русскоязычными на почве диаметрально противоположных взглядов на историю.

Работа, подготовленная исследователями Латвийского университета «Память о советских депортациях в Латвии: политика памяти и общественное пространство»⁸⁴, прослеживает отношение населения Латвии к жертвам депортаций 1940 и 1949 гг. в советский и постсоветский период. В контексте нашей работы важно, что авторы приходят к выводу о необходимости планомерной работы государственных учреждений не только по увековечиванию памяти о данных событиях, но и выработке однозначной трактовки депортаций как «преступления советских властей». Это проявление той тенденции, которую Николай Копосов именовал «виктимизацией прошлого»: история – цепь преступлений, а мы – их жертвы (*victimes*)⁸⁵.

Диана Эглитис и Лаура Ардава в статье «Политика памяти: вспоминая Балтийский путь через 20 лет после 1989»⁸⁶ рассматривает изменения в восприятии акции «Балтийский путь» (или «Балтийская цепь») в Латвии, освещение данной акции в СМИ в течении 1990-х – 2000-х гг. В работе вводится понятие «поминального спектакля», «коллективного ритуала», которые представляют из себя акции, не привязанные к «великим историческим нарративам», и ставят борьбу за память в ранг шоу и театрализованных спектаклей с целью популяризации в обществе тех или иных взглядов на прошлое.

⁸⁴ *Kaprāns M., Uzule L., Procevska O., Saulītis A.* Padomju deportāciju pieminēšana Latvijā: Atmiņu politika un publiskā telpa. Rīga: Mansards, 2012. 191 lpp.

⁸⁵ *Копосов Н. Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 52–53.

⁸⁶ *Eglitis D. S., Ardava L.* The Politics of Memory: Remembering the Baltic Way 20 Years after 1989 // *Europe–Asia Studies*. 2012. № 64(6). P. 1033–1059.

Следует обратить внимание на статью «О национальной идентичности и демократической политике памяти»⁸⁷ под авторством Эгилса Левитса – латвийского государственного деятеля (на момент написания упомянутой статьи – судья международного арбитражного суда, в 2019–2023 гг. президент Латвии). В данном труде скорее публицистического, нежели научного характера, Левитс излагает суть своих взглядов на латвийскую политику памяти (по его мнению политика памяти – неотъемлемая часть любого независимого государства), которая, с точки зрения автора, должна служить целям консолидации общества и повышению национального самосознания латышей. Кроме того, Эгилс Левитс предлагает свой вариант трактовки событий латвийского исторического прошлого, оценивая безусловно положительно борьбу за независимость и безусловно отрицательно период вхождения Латвии в состав СССР, очерчивая тем самым своеобразные рамки плюрализма для местной историографии. Из обозначенных выше публикаций мы видим, что идёт навязывание однозначных, как правило антисоветских, трактовок.

Значимыми для темы нашего исследования являются и специальные издания, подготовленные местными учёными совместно с Обществом исследования оккупации Латвии⁸⁸. Данные работы раскрывают не только сущность исторических воззрений латвийского истеблишмента, но и их аргументацию. Отметим, что «общество исследования оккупации» Латвии

⁸⁷ *Levits E. Par nacionālo identitāti un demokrātisku atmiņu politiku* (О национальной идентичности и политике демократической памяти) // *Jurista Vārds*, 2012. № 1(700), 2012. gada 3. janvāris (3 января 2012 г.).

⁸⁸ *История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. В. Пуренс, Д. Лиетиня; [пер. с латышского].* Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Butulis I., Zunda A. History of Latvia.* – Rīga: Jumava, 2015. 253 p.; Ущерб, нанесённый Советским Союзом странам Балтии. Материалы международной конференции, проходившей в Риге 17–18 июня 2011 года / под ред. Ю. Прикулиса. Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, Общество исследования оккупации Латвии, 2015. 231 с. и др.

является некоммерческой организацией, аффилированной с государством и выполняющей функции фактически института национальной памяти.

Из обозначенных выше публикаций мы видим, что превалирующее значение в прибалтийской историографии, посвящённой вопросам политики памяти, имеет эксплуатация образа жертвы, навязывание однозначных, как правило антисоветских, трактовок. При этом имеет место быть декларирование плюрализма, научности, консолидации общества, отсутствующих в реальности.

Ближких взглядов к эстонской и латвийской историографии придерживаются и литовские учёные. В частности, Альвидас Никзентайтис в статье «Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти»⁸⁹ пишет об актуализации в начале 1990-х гг. для Литвы и Польши вопросов истории и памяти, в том числе истории принадлежности Виленского края и польско-литовских взаимоотношений периода Второй мировой в связи с юридическим оформлением двусторонних отношений и государственной границы. Никзентайтис подробно разбирает оценки польской и литовской историографии по Виленской проблеме, а также изменения данных трактовок по мере потепления отношений между официальными Вильнюсом и Варшавой в связи с евроатлантической интеграцией. Вместе с тем, автор считает, что, будучи активным гражданином, историк неизбежно нарушает профессиональную этику, поскольку говорит о событиях прошлого, оценивая их в категориях настоящего и прогнозируемого будущего, а не в контексте исследуемой эпохи – *«Оценивая события в духе историзма, исследователь как бы добровольно отказывается стать активным творцом новой культурной памяти, а вместе с тем, возможно, и более совершенного*

⁸⁹ Nikzentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema (Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти. Проблема взаимоотношений историка и создателя памяти) // Kultūros barai. 2004. № 10(479). P. 15–19.

*общества. Эти проблемы менее актуальны для стран с более стабильной демократией, но нам, полякам и литовцам, всё же придётся найти *modus vivendi* [способ существования – примечание К.З.] не столько с противоречивым историческим прошлым, сколько с иной культурной памятью и политикой памяти»⁹⁰.*

Также следует обратиться и к другим публикациям Альвидаса Никзентайтиса по интересующей нас тематике⁹¹ в которых автор отмечает, что политика памяти в результате крупных социальных потрясений радикально трансформируется; в случае Литвы данным рубежным событием является «Поющая революция» 1987–1991 гг. Кроме того, Никзентайтис в своих исследованиях выделяет два типа памяти: актуальную на данный момент в конкретной стране он именует памятью доминирующей, а ранее существовавшую – культурным воспоминанием. Применительно к анализу политики памяти Литвы, автор отдаёт центральное место истории потери независимости и событийному ряду с этим связанному. Балтийские страны, в том числе и Литва, отличаются от других соседей России своими жёсткими требованиями к восточному соседу признать и осудить проведённую в 1940 г. «оккупацию», но вместе с тем они не видят никаких проблем в том, чтобы хранить память о совершённых ими (литовцами) в прошлом насильственных действиях (например, ввод литовских войск в де-факто польский Вильнюс осенью 1939 г.; прославление лесных братьев, которыми было убито значительное количество литовцев и др.). В итоге автор приходит к выводу о конфликтном характере литовской политики памяти.

⁹⁰ Цит. по: *Nikzentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema* (Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти. Проблема взаимоотношений историка и создателя памяти) // *Kultūros barai*. 2004. № 10(479). P. 15–19.

⁹¹ *Nikzentaitis A. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия* // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32; *Nikzentaitis A. Kryžiaus karų epocha Lietuvos kultūrinėje atmintyje* // *Kryžiaus karų epocha Baltijos regiono tautų istorinėje sąmonėje*. Šiauliai, 2007. 327 p. и др.

Солидарна с Никзентайтисом в вопросе конфликтного характера литовской памяти и Ирена Шутинене, которая в своей работе «Символы национальной истории»⁹² отслеживает процесс формирования образов национальных героев, в том числе и весьма неоднозначных (из числа лидеров антисоветского подполья). Автор отмечает всё более возрастающую в новейший период роль интерпретаций литовской истории, исходящих от политических элит, нежели реальных исторических фактов.

Статья литовского политолога и общественного деятеля Витаутаса Синицы «Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации»⁹³ также помогает понять характерные черты современной литовской политики памяти. В частности, автор оправдывает принятие официальном Вильнюсом уголовной статьи за отрицание факта «преступлений советской оккупации» тем, что государство должно иметь собственное авторитетное мнение по ключевым событиям прошлого для поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей исторической судьбы и ответственности за будущее государства.

Необходимо упомянуть и сборник статей «История как фактор политического мышления»⁹⁴, в котором рассматривается влияние исторических интерпретаций на общественно-политическое поведение населения, в том числе пристально анализируется литовский исторический дискурс и его современная интерпретация. В частности, авторы сборника отмечают исключительную важность для Литвы национальной составляющей в местной парадигме истории, в которой нация

⁹² *Šutinienė I. Tautos istorijos mitai Lietuvos gyventojų sąmonėje // Istorinė sąmonė ir istorijos didaktika. – Vilnius: Švietimo studijų centras, 1997. P. 66–82.*

⁹³ *Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį (Постсоветские парадоксы: историки против исторической памяти нации) // Alkas.lt URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 14.04.2021).*

⁹⁴ *Istorija kaip politinio mąstymo veiksnys: straipsnių rinkinys / Vaidutis Laurenas. Vilnius: Vilniaus univ. leidykla, 2012. 492 p.*

рассматривается как единое и органическое образование, как субъект истории, а процесс развития и выживания этой нации признаётся важнейшей движущей силой истории. Кроме того, в сборнике анализируется и вопрос выработки календаря праздничных и памятных дат – подчёркивается компромиссный характер законодательства в данной сфере из-за опасения местного истеблишмента относительно реакции соседних Польши и России на увековечивание некоторых событий прошлого.

Литовский исследователь Томас Статкявичюс в статье «Политика памяти в странах Балтии: два поля анализа»⁹⁵ сравнивает эстонскую, латвийскую и литовскую политику памяти и выделяет в них две тенденции развития: актуализация советского периода истории и национальный нарратив (этноцентризм). Автор приходит к выводу о существенных различиях в литовском варианте памяти с одной стороны и эстонском, латвийском – с другой. По оценке Статкявичюса литовская историческая повестка более либеральная, нежели у северных соседей. В частности, он отмечает, что в Литве произошла успешная трансформация и встраивание бывшей коммунистической партии в новую политическую систему, которая усилила дискурс по реабилитации советского этапа развития страны как стабильного, индустриализирующего и модернизирующего периода. «Либерализация» также ощущалась с точки зрения деконструкции национального нарратива. Важнейшая роль отводится Великому княжеству Литовскому как толерантному и правовому государству, отказу от поиска этнических атрибутов княжества. В Латвии и Эстонии по-прежнему доминирует отказ от частичной реабилитации советской памяти. На это, по мнению автора, повлияло отсутствие здоровой экс-коммунистической партии

⁹⁵ Statkevičius T. Atminties politika Baltijos šalyse: dvi probleminės sritys // Politikos mokslų almanachas. 2013. № 13. С. 137–158.

и традиция политической элиты изолировать партии русского меньшинства от правящих коалиций.

Тем не менее, обозначенные работы эстонских, латвийских и литовских исследователей рассматривают политику памяти весьма сегментарно, в них отсутствует комплексный анализ источниковой базы в виде законодательных актов, учебной литературы, монументалистики, праздничной культуры. Не представлен и механизм институционализации местной исторической политики. Но уделяется значительное внимание вопросам межэтнических взаимоотношений в республиках и степени восприимчивости населением господствующих исторических трактовок.

Среди работ отечественных историков, применительно к Прибалтике преобладают исследования касательно проблематики прав и статуса русскоязычного населения Эстонии, Латвии, Литвы ⁹⁶, издания же о государственной исторической политике являются крайне немногочисленными. Тем не менее, на наш взгляд, работы исследователей по интересующей нас тематике целесообразно сгруппировать по следующим категориям:

- Статьи и монографии посвящённые феномену политики памяти в целом или рассматривающие данное явление в третьих странах, затрагивающие Прибалтийские республики лишь опосредованно, но ценные своей концептуальной моделью, методологией и

⁹⁶ Тишков В. А. Русские как меньшинство: пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции, 1988–1993. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. Т. 1. С. 85–105.

Миграции и новые русские диаспоры в постсоветских государствах / под ред. В. А. Тишкова. М., 1996. 238 с.; Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. М., Рига: Московское бюро по правам человека, 2012. 238 с.; Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Реферendum, 2002. С. 65–97; Шибаева Е. И. Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. 100 с. и др.

позволяющие выявить общие тренды исторической памяти Восточной Европы, постсоветского пространства, оказывающие прямое или косвенное влияние на прибалтийский исторический дискурс.

- Исследования, фокусирующиеся на событиях XX столетия, в особенности на дискурсе Второй мировой войны (весьма характерно для отечественной историографии).
- Публикации, посвящённые отдельным аспектам памяти: межнациональные отношения, их роль в памяти стран Балтии, учебная литература, монументалистика и др.

К первой группе относятся статьи доктора политических наук Н. А. Медушевского, который рассматривает вопросы политики памяти Европейского Союза в целом, а также Венгрии, Чехии и других стран в частности ⁹⁷. Медушевский указывает на компромиссный характер исторической политики Европейского Союза, её несформированность и продолжающийся поиск приемлемых трактовок событий прошлого. Автор обращает внимание на повышенный интерес европейской политики памяти к критике тоталитарных режимов XX столетия – в данном контексте общеевропейский тренд очень хорошо вписывается в восточноевропейские реалии, где также основной фокус памяти охватывает события последнего столетия.

⁹⁷ Медушевский Н. А. Размышления о политике памяти: Сборник работ: Издательские решения, 2019. 146 с.; *Он же* Политика памяти в Европейском союзе как инструмент реализации интеграционного процесса // Власть. 2019. № 3. С. 167–174; *Он же* Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 5–18; *Он же* Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 19–33. и др.

Аналогичную тему применительно к Беларуси и Украине анализируют А. Д. Асеев и В. В. Шишков в своей работе⁹⁸, фокусируясь на процессе формирования исторической политики в постсоветских государствах и причинах «войн памяти». Исследователи приходят к выводу о стремлении местных элит за счёт ревизии истории обеспечить развитие национальных идентичностей, а антироссийская направленность видится им как инструмент избавления от реального или мнимого влияния Москвы.

Представляет значимость для нас и сборник статей под редакцией А. Миллера⁹⁹, в котором собран целый ряд исследований, посвящённых становлению и реализации исторической политики в странах Центральной и Восточной Европы. В том числе рассматриваются концептуальные основы и методология исследования вопросов исторической политики.

А. Миллер выделил несколько «методов» исторической политики для стран Восточной Европы: создание специальных государственных институтов памяти, специализированных музеев для насаждения определенной трактовки прошлого; политико-административное вмешательство в деятельность СМИ; манипуляции с открытым доступом к государственным архивам; контроль за деятельностью историков и финансирование за государственный счет ангажированных исследовательских проектов; государственное регулирование образовательных программ и содержания учебников по истории; принятие мемориального законодательства¹⁰⁰.

⁹⁸ Асеев А. Д., Шишков В. В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2(839). С. 9–23.

⁹⁹ Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

¹⁰⁰ Миллер А. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. М., 2012. С. 10–20. Эти идеи А. Миллер разовьет в концепцию столкновения различных «культур памяти»: конфликт западноевропейской космополитической культуры памяти и

В работе Евгении Лёзиной¹⁰¹, представлен анализ процесса переосмысления прошлого в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в России во второй половине XX – начале XXI вв. В исследовании рассматриваются вопросы денацификации в послевоенной Германии, а также переоценка прошлого в государствах постсоветского пространства (затронуты и Прибалтийские республики). В своей работе Е. Лёзина обосновывает тезис о так называемой «поздней люстрации», в ходе которой ряд государств существенно расширял принятые ранее программы люстрации и активизировал процесс открытия архивов (Литва, Польша, Румыния), а страны, принявшие люстрационные законы на раннем этапе (Германия, Чехия), продлевали их действие. При этом полной люстрации, по подобию стран Центральной Европы, в Прибалтике не произошло, как и кардинальной смены политических элит.

Прямую взаимосвязь между политикой памяти и школьной учебной литературой на примере Франции анализирует в своих трудах Андрей Гладышев¹⁰². Автор приходит к выводу о стремлении французских властей соединить монархическую и республиканскую традиции через мифологизацию национальных героев. Данный тренд прослеживался в учебной литературе с XIX в., вплоть до 1970-х гг., пока на первый план не

националистической культуры памяти в посткоммунистических восточноевропейских государствах. Если, например, немецкая политика памяти (прошлое – покаяние) основана на тезисе, что национализм ведет к нацизму, то в Прибалтике национализм стал стержнем этой политики памяти. См.: Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. № 1. 2016. С. 111–121

¹⁰¹ Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 691 с.

¹⁰² Гладышев А. В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // *Европа. Международный альманах*. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. Вып. IX. С. 46–51; *Он же* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // *История и историческая память*. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30–61.

вышла идея сохранения памяти о значимых событиях прошлого и освобождение от мифологизации национальной истории.

Обозначенные труды позволили нам проанализировать имеющийся научный задел по проблематике политики памяти и сопоставить его с эстонским, латвийским, литовским материалом. В результате, можно констатировать, что в Прибалтийских республиках имеют место быть основные восточноевропейские тренды политики памяти – такие как сфокусированность на проблематике XX столетия, формирование новых национальных идентичностей за счёт ревизии прошлого (и антироссийской направленности, в частности), наличие «поздней» или «отложенной» люстрации и др.

К группе исследований, фокусирующихся на событиях XX века и Второй мировой можно отнести труды А. Дюкова¹⁰³, в которых автор акцентирует внимание на фактах переписывания истории событий XX столетия в Прибалтике и Украине. Особое внимание в работе уделяется проблематике инкорпорации Прибалтики в состав СССР и Великой Отечественной войне, остальные аспекты местного исторического дискурса обойдены вниманием. Тематике ревизии истории Второй мировой войны в значительной степени посвящено и совместное исследование А. Дюкова и В. Симиндея «Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению» в котором авторы критически оценивают стремление официальной Риги к конструированию собственной исторической политики на героизации местных пронацистских деятелей (из числа формирований СС, лесных братьев и др.)¹⁰⁴. Здесь вновь авторы концентрируются практически

¹⁰³ Дюков А. Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148; *Он же* Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.

¹⁰⁴ Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.

исключительно на событиях Второй мировой войны, привлекая значительный круг документов из отечественных архивов.

В работах отечественного историка Юлии Кантор¹⁰⁵ также представлен обстоятельный анализ событий Второй мировой войны в Прибалтийском регионе. В исследованиях используется богатый источниковый материал, кроме того, представлена проблема коллаборационизма и интерпретации исторического периода 1930-х – 1940-х гг. в современной эстонской, латвийской, литовской историографии. В своих трудах Кантор приходит к выводу о заимствовании прибалтийскими проводниками политики памяти классической советской методологии – привнесение в массовое сознание единственно верной, «идеологически выверенной» версии событий. При этом, всё то, что не вписывается в «правильную» картину прошлого – подвергается замалчиванию, критике, обструкции. Также автор отмечает популярность в эстонской, латвийской, литовской историографии тезисов о страдании титульного населения в период Второй мировой войны как исключительно результате действий «чужой», «иноземной» власти. Другими словами – в прибалтийском нарративе Второй мировой войны страны Балтии выступают в образе жертвы двух тоталитарных режимов (Германии и СССР).

Необходимо отметить и исследования, опубликованные Центром изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, который специализируется на изучении политики памяти в России, Восточной Европе и на постсоветском пространстве. В частности, следует обратиться к работе Е. И. Махотиной «Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре

¹⁰⁵ Кантор Ю. З. Война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал Звезда, 2011. 376 с.; Она же Прибалтика, 1939–1945 гг. Война и память. М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 2020. 359 с.

советской и постсоветской Литвы»¹⁰⁶, в которой автор анализирует монументальную культуру официального Вильнюса как одну из составляющих местной политики памяти, обращаясь к наиболее противоречивой её части – событиям Второй мировой войны. Махотина прослеживает формирование исторического нарратива официального Вильнюса о событиях 1939–1945 гг., представляющего литовцев как жертв двух тоталитарных режимов (нацистского и советского), между которыми ставится знак равенства. При этом в исследовании отсутствует анализ событий депортации 1941 г., имеющей значительное место в политике памяти стран Балтии и являющейся одним из значимых аргументов местной историографии в оценке эстонцев, латышей, литовцев как жертв советского «оккупационного режима».

В работе калининградского исследователя М. Е. Мегем¹⁰⁷ проводится анализ мемориальной политики Прибалтийских республик, в которой автор приходит к выводу о её взаимозависимости от евроатлантической интеграции стран региона. В частности, в исследовании рассматривается процесс деактуализации советского мемориального наследия (в первую очередь речь идёт о монументах, относящихся к событиям Великой Отечественной войны) и приспособления его под мейнстрим европейской политики памяти на протяжении 1990-х – 2000-х гг. (например, переоборудование мемориальных комплексов жертвам преступлений нацизма в Эстонии, Латвии, Литве в памятники жертвам Холокоста).

¹⁰⁶ Махотина Е. И. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы; научный редактор: А.И. Миллер. С-Пб.: Издательство Европейского университета, 2020. 254 с. и др.

¹⁰⁷ Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. № 4. С. 128–145.

Весьма критично к анализу прибалтийской политики памяти подходит российский исследователь Артём Фёдоров¹⁰⁸, который выделяет сходные черты и институты в исторической политике Эстонии, Латвии, Литвы и концентрирует внимание на антироссийском дискурсе данных государств, в первую очередь затрагивая аспекты прямо или опосредованно относящиеся к событиям Второй мировой войны. Фёдоров, как и Ю. Кантор, Е. Махотина и другие отечественные авторы, отмечает в качестве важной характерной черты прибалтийской памяти о войне – культивирование образа жертвы, как результата действий «чужеземной», в первую очередь немецкой, советской власти.

Публикации, посвящённые отдельным аспектам памяти Прибалтийских республик, также представлены в отечественной историографии. Статья российского исследователя Андрея Скачкова «Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики»¹⁰⁹ анализирует роль эстонской, латвийской и литовской эмиграции в формировании национальных элит и исторической памяти в духе антисоветизма и оправдания нацизма. Автор также указывает на углубление острого конфликта между двумя противоположными «историческими памятьями» на основе различного восприятия местной русскоязычной общиной и титульным населением военного и послевоенного периодов развития Прибалтики.

Важные вопросы методологического характера об исследовательских стратегиях анализа нарративов и коммеморативных практик подставлены Ольгой Малиновой, обратившей, в частности, внимание на невозможность

¹⁰⁸ Фёдоров А. П. «Войны памяти» – элемент информационной войны против России. На примере прибалтийских стран // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2020. № 8. С. 88–99.

¹⁰⁹ Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 140–151.

анализа художественной мощи образов и произведений искусства, связанных с этими нарративами, на примере использования в литовском музее геноцида и латвийском музее оккупации фрагмента из фильма Анджея Вайды «Катынь», в котором показан расстрел польских офицеров сотрудниками НКВД¹¹⁰.

Роль политических элит Прибалтийских республик в формировании местной политики памяти также исследует Вадим Смирнов¹¹¹. Он описывает законодательные и административные методы, используемые местным истеблишментом для утверждения господствующих трактовок прошлого, а также выделяет этапы развития исторической политики стран Балтии, где реперными точками выступают внешнеполитические события – в первую очередь вехи евроатлантической интеграции Эстонии, Латвии, Литвы.

Статья Милены Коротковой «Коммеморация независимости прибалтийских республик в период „Поющей революции“»¹¹² посвящена начальному этапу формирования прибалтийской политики памяти на излёте советской эпохи в конце 1980-х гг. Обращаясь к событиям «Поющей революции», автор анализирует символическую составляющую протестного движения Прибалтийских республик и разъясняет использование коммеморации местными активистами как политического инструмента для популяризации протестного движения и разрыва с советским историко-культурным нарративом.

¹¹⁰ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

¹¹¹ Смирнов В. А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2(24). С. 78–97.

¹¹² Короткова М. В. Коммеморация независимости прибалтийских республик в период «Поющей революции» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 64–69.

В работе Максима Кирчанова ¹¹³ подробно анализируется место континуитета в политике памяти стран Балтии. Автор отмечает латвийский опыт как наиболее последовательный вариант претворения в жизнь идеи правопреемственности нынешнего государства республике межвоенного периода. Литовский вариант предстаёт в статье как двойной континуитет – обращение не только к государству 1918–1940 гг., но и к средневековому Великому княжеству Литовскому. По мнению Кирчанова, континуитет стал одной из ключевых скреп прибалтийской политики памяти, обусловил целый ряд её специфических черт, хотя и является компромиссным по своей сути.

В книге Геннадия Бордюгова «'Войны памяти'» на постсоветском пространстве» ¹¹⁴ затрагиваются в том числе и интересующие нас страны. Работа носит в большей степени публицистический характер и концентрирует внимание на внешних проявлениях политики памяти постсоветских государств (демонтаж советских монументов, преподавание истории, отношения с Российской Федерацией), не затрагивая глубинных процессов становления и развития исторической политики в регионе.

Необходимо отметить и сборник статей, посвящённый исключительно Прибалтике и местной интерпретации истории, в частности, подготовленный фондом «Историческая память»¹¹⁵. В отличие от большинства отечественных изданий, опубликованные в данном труде работы, концентрируют внимание не только на Прибалтике в годы Второй мировой войны, но и обращаются к тематике межвоенного периода, перестройке, формированию национально-государственной идентичности в 1990-е, а также этноязыковому конфликту в

¹¹³ Кирчанов М. В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии: (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1(16). С. 180–218.

¹¹⁴ Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.

¹¹⁵ Прибалтийские исследования в России. 2015. Сборник статей / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. 480 с.

Эстонии и Латвии. Так, в статье И. Никифорова «Политика исторической памяти в странах Балтии» даётся характеристика прибалтийской исторической политики как системной, целенаправленной, обладающей высокой степенью институционализации (посредством создания специализированных комиссий, музеев, институтов национальной памяти). Также автор отмечает интегрированность местной повестки памяти в этнополитическую архитектуру региона. В. Симиндей в статье «Инструментарий государственной исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество», также опубликованной в данном сборнике, констатирует идеологизированность латвийской исторической науки касательно событий XX в. Автор пишет об оказываемом официальной Ригой давлении на научное сообщество посредством государственных и аффилированных с ним органов и институтов.

Отдельно хотелось бы остановиться на историографии, анализирующей учебники и историческую память на постсоветском пространстве. В данной связи нельзя не отметить коллективный труд «Школьный учебник истории и государственная политика»¹¹⁶ в котором авторы анализируют учебник истории как политический феномен и предлагают своё видение данной проблематики. Так, отмечается антироссийский настрой большей части школьной исторической литературы постсоветских республик и необходимость России реагировать на переписывание истории. В работе представлен анализ и прибалтийских учебников истории, в которых присутствует искусственное удревление титульных этносов, конфликтный характер взаимоотношений с Россией, применительно к советскому периоду превалирует описание с использованием терминов «агрессия», «оккупация»,

¹¹⁶ Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М., Ларионов А. Э., Морозов А. Ю., Орлов И. Б., Строганова С. М. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.

«репрессии». Нам представляется, что при анализе борьбы ревизионистских и традиционных трактовок прибалтийскими историками прошлого следует учитывать такой нюанс: даже у профессиональных историков есть следы социальной памяти (непрофессионального знания о прошлом) и склонность следовать авторитарным текстам великих предшественников. Авторы обобщающих национальных научных или учебных нарративов не могут одинаково хорошо разбираться во всех тонкостях изучения многовековых процессов.

Собственно страны Балтии и их виденье прошлого рассматривает Дмитрий Лошков в своей статье¹¹⁷. Автор обращает внимание на широкий спектр проблемных тем, получивших диаметрально противоположные оценки в российских и прибалтийских учебниках истории – к таковым относится присоединение стран Балтии к СССР, коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, сама война и весь период пребывания данных государств в составе Советского Союза. При этом Лошков скептически оценивает возможность объективного освещения данных событий за рубежом в силу современных политических реалий.

Сравнительный анализ школьных учебников истории постсоветских республик, в том числе и Прибалтийских, представлен в целом ряде отечественных исследований¹¹⁸. Их авторы сходятся во мнении относительно ревизионистского подхода к истории в Эстонии, Латвии, Литве относительно ключевых событий XX столетия и доминирования крайне негативных оценок

¹¹⁷ Лошков Д. Б. Россия и страны Балтии – не лучше ли обойтись без претензий? // Преподавание истории в школе. 2005. № 8. С. 25–36.

¹¹⁸ Данилов А. А., Филиппов А. В. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М.: Государственный Клуб, 2009. 389 с.; Старые и новые образы в современных учебниках истории / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, «АИРО-XX», 2002. 352 с.; Филиппов А. В. Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2015. Вып. 12. С. 44–62.

советского периода. В частности, помимо изложения содержания учебников в труде А. А. Данилова и А. В. Филиппова представлены также анализ систем преподавания истории в школе и наиболее красноречивые цитаты трактовок прошлого, раскрывающие позицию авторов учебной литературы и основные посылы местной политики памяти.

Имеются и публикации, фокусирующие внимание на отдельных аспектах прошлого, изложенных в школьной учебной литературы. К таковым следует отнести статью А. А. Данилова¹¹⁹, в которой автор рассматривает освещение Второй мировой войны, в том числе и в Прибалтийских учебниках. Автор представляет подробный анализ проблемного поля Второй мировой (предпосылки войны, советско-германский договор 1939 г., характер войны, героизм советских граждан, партизанское движение, коллаборационизм, итоги боевых действий) одновременно представляя оценки из учебников сопредельных государств. В статье изложены факты переписывания и явного искажения событий 1939–1945 гг.

Учебник истории как инструмент политики памяти в своей статье рассматривает Д. О. Чураков¹²⁰. Автор анализирует не только интерпретацию событий XX века, но и более ранний исторический контекст (этногенез, средневековье, новое время), демонстрируя влияние политических элит на трактовки прошлого. В частности, Чураков констатирует, что практически все конфликты, разворачивающиеся на территории стран Балтии, оцениваются в национальной историографии с позиции жертв, страдающих от агрессии соседних государств. При этом Россия выступает главным агрессором, аккумулирующим в себе основную экзистенциальную угрозу

¹¹⁹ Данилов А. А. Проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в школьных учебниках на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 12–20.

¹²⁰ Чураков Д. О. Учебник истории и «Войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 21–27.

странам Балтийского региона. Подобным же образом выстроена логика и других исследований по сходной тематике¹²¹.

Подводя итог анализу отечественной историографии по интересующей нас тематике, следует отметить повышенный интерес исследователей к проблематике событий Второй мировой войны (инкорпорация республик в состав СССР, боевые действия, коллаборационизм, интерпретация и оценка в странах Балтии), различные оценки прошлого титульным и русскоязычным населением. Авторы приходят к схожим выводам, отмечая эксплуатацию прибалтийскими исследователями образа жертвы для своих стран применительно к ключевым событиям XX столетия, доминирование негативных, часто весьма тенденциозных оценок советского периода истории.

При этом, по нашему мнению, проблематика прибалтийской политики памяти в отечественной историографии рассматривается весьма однобоко – превалирует тематика Второй мировой и, вместе с тем, практически не изучена интерпретация других исторических периодов (Польско-литовская уния, Шведский период, развитие в составе Российской империи, межвоенный период), их роль в конструировании местной исторической памяти. Не уделяется должного внимания проблематике правового континуитета официальных Таллина, Риги, Вильнюса (правопреемственности нынешних государств республикам межвоенного периода), процессу государственного строительства, институционального оформления политики памяти.

¹²¹ Токарева Е. А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. С. 288–300; Багдасарян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподавание военной истории и локальные конфликты современности. Сборник статей / под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–86.

Исследования зарубежных авторов (к которым мы не относим прибалтийских исследователей, выделенных в отдельную группу), посвящённые исключительно проблематике политики памяти Прибалтийских республик носят единичный характер в силу новизны данного направления и периферийного характера самого прибалтийского региона. Однако, имеется целый ряд работ, опосредованно связанный с исторической политикой стран Балтии. Так, применительно к теме нашего исследования, необходимо отдельно остановиться на трудах немецкого учёного Бориса Мейснера – остзейского немца по рождению, занимавшегося правовыми вопросами инкорпорации стран Балтии в состав СССР. Данному вопросу посвящена его диссертация – «Советская интервенция в Прибалтике и международно-правовая проблема балтийского вопроса» (*Die sowjetische Intervention im Baltikum und die völkerrechtliche Problematik der baltischen Frage*), которая была издана как отдельная монография в 1956 г. под названием «Советский Союз, страны Балтии и международное право»¹²². Ещё в 1946 г. Мейснер выступил основателем Гёттингенской рабочей группы (*Göttinger Arbeitskreis*), в центре научных интересов которой находились история и культура немецкого населения Восточной Европы (в том числе и Прибалтики), а также обоснование непризнания новых послевоенных границ Германии (в первую очередь восточной границы). В 1981 г. Мейснер стал полноправным членом Балтийской исторической комиссии, а затем вместе с Вильфридом Шлау и Дитрихом А. Лёбером¹²³ основал «Исследовательскую

¹²² *Meissner B.* Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. 377 p.

¹²³ *The European Communities and Eastern Europe: an emerging new relationship: selected materials covering the years 1988–1991 / compiled by Dietrich André Loeber.* Hamburg, 1991 172 p.; *Regional identity under Soviet rule: the case of the Baltic states / editors: Dietrich André Loeber ... [et al.]* Hackettstown (N.J.): published for the Institute for the Study of Law, Politics, and Society of Socialist States, University of Kiel, 1990, 470 p.; *Loeber Dietrich A.* Regional identity under Soviet rule: the case of the Baltic states: towards Baltic regional identity. N.J.: Hackettstown, 1987. P. 115–124.

группу по современным исследованиям Балтики». К началу 1991 г. публикации Гёттингенской рабочей группы по прибалтийской тематике, в основном касающиеся XX века, были объединены в двух томах под программным названием «Балтийские нации. Эстония. Латвия. Литва»¹²⁴. Около десяти других сборников научно-исследовательских работ были в основном опубликованы в серии «*Bibliotheca Baltica*»¹²⁵. Именно данные труды Мейснера, Лёбера и Гёттингенской рабочей группы в целом, стали основным источником формирования исторической «концепции оккупации стран Балтии» (и её аргументации), которая и легла в основу государственной исторической политики Эстонии, Латвии, Литвы (хотя упомянутые авторы понятие «политика памяти» в своих трудах не используют, но поясняют, что историческую науку можно и нужно использовать для достижения конкретных политических целей).

Вопросы интерпретации истории в Прибалтике рассматриваются в работе «Оспариваемые и общие места памяти. История и политика в Северо-Восточной Европе»¹²⁶. Авторы указывают на значительные отличия прибалтийского варианта памяти от центральноевропейского, указывая на преобладающее внимание историков и политиков из Эстонии, Латвии, Литвы к событиям Второй мировой войны и к «преступлениям» советской власти. Кроме того, в Прибалтике значительно меньше внимания уделяется проблеме Холокоста, нежели в Западной и Центральной Европе.

Проблематику взаимосвязи национального государственного строительства и исторической памяти анализирует канадский исследователь

¹²⁴ *Baltische Nationen. Estland, Lettland, Litauen* / hrsg. Von Boris Meisner. 2. Version. Köln: Marcus Verlag, 1991. 428 p.

¹²⁵ *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994* / Boris Meisner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p. и др.

¹²⁶ *Contested and Shared Places of Memory. History and politics in North Eastern Europe* / edited by Jorg Hackmann, Marko Lehti. London: Routledge, 2013. 168 p.

Тарас Кузё в статье «Историческая память и формирование наций на постсоветском колониальном пространстве»¹²⁷. Он оценивает Советский Союз как последнюю колониальную империю, десятилетиями «угнетавшую» народы, входившие в его состав. Национальная историография постсоветских государств, в его интерпретации, предстаёт как важнейший фактор национального самосознания и национально-государственного строительства; негативная же оценка советского прошлого видится Крузе как «освобождение» от угнетавшего имперского наследия.

Опосредовано представленной исследовательской темы касается работа Михала Вита и Магдалены М. Баран «Трансрегиональные и национальные взгляды на современную историю Центральной Европы»¹²⁸, которая посвящена вопросам национальной идентичности и их взаимосвязи с строительством национальных государств в Центральной Европе в XX–XXI вв. Подавляющее большинство работ иностранных авторов напрямую или опосредовано затрагивающих проблематику политики памяти в Эстонии, Латвии и Литве солидарны в своих выводах и исторических воззрениях с местной историографией касательно «советской оккупации» и «восстановления» независимости стран Балтии в 1991 г.

К проблематике идентичности обращается и чешский исследователь Анна Громилова¹²⁹, которая в своей работе изучает роль монументального искусства Эстонии, Латвии, Литвы в формировании национального самосознания. Автор обращает внимание на сходство монументальной политики Эстонии и Латвии, где этноязыковая разобщённость наложила на различные взгляды о прошлом и обернулась «войнами памятников». Литва

¹²⁷ Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. № 2(30). P. 241–264.

¹²⁸ Vit M., Baran M. M. Transregional versus National: Perspectives on Contemporary Central European History. Stuttgart, 2017. 380 p.

¹²⁹ Gromilova A. Changing identities of the Baltic states: three memories in stone // CES Working Papers. 2014. № VI(2A). P. 94–110.

же, по мнению автора, в большей степени стремится принять своё спорное прошлое и перейти к этапу примирения, концентрируясь не на советском периоде развития, а на истории Великого княжества Литовского. При этом в упомянутой публикации отмечается стремление Эстонии к построению северного идентитета, Литвы – тяготение к центральноевропейскому варианту.

Большинство работ по исторической политике строится вокруг изучения дискурса прошлого, а таким коммеморативным практикам как музейные экспозиции или открытие памятников внимания уделяется гораздо меньше.

В результате проведённого анализа литературы, можно констатировать, что фундаментального труда, охватывающего историческую политику во всём её многообразии в целом, и в Прибалтийских республиках в частности, вплоть до настоящего времени не создано ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В отличие от названных исследований в представленной диссертационной работе делается первая попытка комплексного изучения государственной исторической политики Прибалтийских республик в контексте общественно-политического развития, а также в новейших условиях их вступления в ЕС, НАТО и обострившейся конфронтации с Россией в 2010-е гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. В своей основе политика памяти стран Балтии в 1991–2014 гг. имела целью не примирение позиций при обсуждении конфликтного прошлого (космополитическая концепция культуры памяти) и не стремление к взаимопониманию и уважительному диалогу оппонентов при сохранении разницы подходов (агонистическая концепция культуры памяти), а обеспечение преобладания собственной позиции в пространстве своего

политического контроля – национального государства. Таким образом, политику памяти в странах Балтии можно отнести к антагонистическому типу культуры памяти.

Прибалтийская государственная историческая политика начала оформляться в период независимого развития, после провозглашения самостоятельности в 1991 г.; во всех трёх республиках – Эстонии, Латвии, Литве политика памяти является схожей и может быть сведена к следующим компонентам:

- «Исторический этноцентризм» (или национализм), под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латышского, литовского народов, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной нации во внутригосударственной жизни Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности.
- «Оккупационный характер» советской власти в Прибалтике в период 1940–1941 гг. и 1944–1991 гг. – в основе тезиса лежит «Концепция оккупации стран Балтии», разработанная Б. Мейснером и Гёттингенской рабочей группой в 1950-е гг. и доказывающая «незаконность» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, а именно факт «советской оккупации» Прибалтики в 1940–1941, 1944–1991 гг.
- Принцип исторического континуитета предполагает, что в 1940 г. СССР совершил «акты агрессии» против Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, нарушив действующие двусторонние и

многосторонние договоры. В этой связи последовавшее установление коммунистического режима и аннексия Эстонии, Латвии, Литвы Советским Союзом в августе 1940 г. должны расцениваться как незаконные акты и, следовательно, юридически недействительны. Хотя «аннексия» Прибалтийских республик Советским Союзом привела к де-факто потере их независимости, большинство стран Запада де-юре не признали советизацию Прибалтийских республик, поэтому, согласно точке зрения данных государств, Советский Союз никогда не аккумулировал суверенные права на эти страны и оставался исключительно «оккупирующим государством» до тех пор, пока в 1991 г. не была восстановлена де-факто независимость существовавших де-юре стран Прибалтики.

- Специфическая трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма – отказ от термина «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война», отрицание освободительного характера данного военного конфликта для народов региона. Восприятие событий Второй мировой войны через отсылку к Гражданской / Освободительной войне 1918–1920 гг., когда немцы уже разбиты, а основная борьба разворачивается между местными патриотами-сторонниками восстановления национальной независимости и «красными» эстонцами, латышами, литовцами, которые наступают в рядах РККА. Местные коллаборационисты рассматриваются как патриоты, боровшиеся в немецких мундирах за восстановление утраченной независимости своих республик, не причастные к военным преступлениям нацистов на территории стран Балтии и Советского Союза. Преступления

нацистов не находят должного освещения в эстонской, латвийской и литовской литературе, отчасти замалчиваются. Сведения о репрессивной политике Третьего Рейха подаются в сравнении с сталинскими репрессиями таким образом, чтобы продемонстрировать большую жестокость именно советской тоталитарной системы.

- «Антикоммунизм» – практики, направленные на популяризацию в научной и общественной сферах утверждений об «оккупации» Советским Союзом Эстонии, Латвии, Литвы, а также на обличение «преступлений коммунизма» против народов Прибалтийских республик.

2. В случае с Прибалтикой, исторические трактовки, исходящие от правящих элит, сыграли важнейшую роль в оформлении институтов и законодательства упомянутых стран. Так, из всех бывших союзных республик – именно Эстония, Латвия, Литва, заявляя о «восстановлении» своей государственности, весьма последовательно отстаивали принцип исторического континуитета. Апеллирование к данному принципу привело к появлению института «неграждан» и поражению в правах местного русскоязычного населения под предлогом того, что оно прибыло сюда в период так называемой «советской оккупации» (1940–1991 гг.).

3. Электоральные циклы в странах Балтии неизменно вызывали оживление исторической политики. Правящие элиты в ходе избирательных кампаний поддерживали идентификационный дискурс, актуализировали в политике памяти жёсткую границу «мы» и «они», нивелировали различными способами попытки умиротворения в оценках прошлого, формирования наднациональной идентичности. Антисоветская (антикоммунистическая) и антироссийская риторика в интерпретации прошлого служила методом

партийной борьбы (дискредитации оппонента через привязку к негативным сторонам большого исторического нарратива).

В государственной исторической политике Прибалтийских республик в интересующий нас хронологический период прослеживается преемственность и отсутствие ревизии обозначенных исторических трактовок вне зависимости от партийной принадлежности правящих элит. Имеет место быть консенсус элит в отношении незыблемости обозначенных постулатов местного исторического дискурса.

3. Ключевые постулаты государственной исторической политики стран Балтии в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным населением. Среди русскоязычного населения доминирует критическое отношение к установлениям местной политики памяти. Однако, имеет место тенденция к сближению точек зрения молодёжи из числа национальных меньшинств с обозначенными историческими воззрениями титульного населения.

4. Эстонией, Латвией, Литвой оказались восприняты основные тренды политики памяти Европейских стран – в особенности восточноевропейских – в части антикоммунистической, антироссийской риторики, создание институтов национальной памяти, как координирующих и направляющих организаций прибалтийской государственной исторической политики.

5. Государственная историческая политика Прибалтийских республик является в значительной степени конъюнктурной и призвана решать целый комплекс внутривнутриполитических (направленных на построение национальной государственности, а также на утверждение и доминирование во власти существующих политических элит) и внешних задач (создание инструментов для блокировки попыток соглашения с Москвой).

6. Основные составляющие прибалтийской политики памяти оказались востребованы в целом ряде государств постсоветского пространства (в

первую очередь на территории Украины, Молдовы, Грузии) и оказали влияние на формирование местного исторического дискурса.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается использованием адекватной источникам методологической базы; опорой на научные труды крупных учёных и исследователей, музейные экспозиции и мемориальные комплексы, уставные документы институтов национальной памяти или организаций их заменяющих. Достоверность подчёркивается и совпадением выводов диссертации с данными социологических исследований и опросов, проведённых различными организациями в интересующий нас период.

Апробация результатов исследования произведена в публикациях автора, в выступлениях на следующих конференциях: Научно-практическая конференция молодых учёных «Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта» г. Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 13–15 декабря 2016 г., тема доклада «Русскоязычное население в Эстонии: проблемы идентичности»; Межвузовская научно-практическая конференция «Историк и его эпоха: конструирование идентичностей и многогранность личности» г. Кострома, Костромской государственный университет, 4 апреля 2018 г., тема доклада «История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг.»; XVIII Международная научная конференция Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков г. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. тема доклада «Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи»; Всероссийский научно-методический круглый стол (с международным участием) «Донбасская трагедия в контексте цивилизационных разломов на постсоветском пространстве» г. Кострома, Костромской государственный университет, 4 марта 2022 г., тема доклада

«Проблема ревизии истории на постсоветском пространстве: пример Прибалтики и Украины»; Всероссийская научно-практическая конференция «Новый человек в новом обществе: проблемы социализации, ресурсы развития личности и коллектива» г. Кострома, Костромской государственный университет, 17 марта 2022 г., тема доклада «Проблемы интерпретации и восприятия истории в информационном обществе: на примере России и стран постсоветского пространства»; VII Международная научно-практическая конференция «Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности», г. Кострома, Костромской государственный университет, 19–21 сентября 2024 г. тема доклада «Историческая память в информационном обществе: на примере России и стран постсоветского пространства»; трансдисциплинарная международная научная конференция «Диалоги со временем», г. Москва, Институт всеобщей истории РАН, 15–17 октября 2024 г. тема доклада «Региональные различия в прибалтийской политике памяти»; Региональные научно-методические чтения памяти Александры Осиповны Ишимовой, семинар «Формирование исторической памяти в школьном историческом образовании», г. Кострома, Костромской государственный университет, 19 февраля 2025 г. тема доклада: «Память о Второй мировой войне в современной Европе: ревизия прошлого»; Международная научная конференция «80 лет Победы: историческая память на постсоветском пространстве», г. Москва, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), 29 апреля 2025 г. тема доклада «Великая Отечественная война в прибалтийской исторической памяти». Кроме того, результаты исследования были использованы в процессе подготовки лекционных и практических занятий по дисциплине «История ближнего зарубежья» (преподававшейся автором диссертации студентам-историкам заочной формы обучения в ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет» в 2018–2024 гг.); лекционных занятий по

дисциплине «Патриотизм и гражданственность в исторической памяти» (преподававшейся автором диссертации студентам не исторических специальностей очной формы обучения в ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет» в 2020–2023 гг.).

Публикации. Основные результаты диссертационного исследования представлены в двух монографиях и тридцати девяти научных публикациях (общим объёмом 119 п.л.), в том числе в тридцати трёх авторских статьях в ведущих рецензируемых изданиях, включённых в перечень ВАК Минобрнауки России. Среди упомянутых публикаций восемь выполнены в изданиях, индексируемых в Russian Science Citation Index (RSCI).

Структура исследования. Настоящая работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Глава 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ МЕСТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

С момента провозглашения независимости Прибалтийских республик в 1991 г. миновало более тридцати лет, что делает возможным определение тенденций и закономерностей их развития. Кроме того, в Эстонии, Латвии, Литве уже выросло не одно поколение молодых людей, для которых данные государства всегда были независимы и являются Родиной, а Советский Союз воспринимается как отдалённая история, имеющая мало общего с существующим положением. Кроме того, за последние три десятилетия во всех трёх республиках произошло значительное изменение в лицах, контролирующих их политическое развитие. Новая правящая элита не имеет отношения к советской партийной иерархии. Всё вышеперечисленное должно быть в полной мере учтено при рассмотрении нами прибалтийской государственной исторической политики.

Территории современных Эстонии, Латвии, Литвы входили ещё в состав Российской империи, а в 1940 г. вошли в СССР. Однако, в отличие от других советских республик, эти государства в период между мировыми войнами были независимыми, причём их вхождение в состав Советского Союза в 1940 г. не было признано США. Выйдя из состава СССР, эти страны заявили о восстановлении своей государственности на основании принципа исторической преемственности в отличие от других бывших советских республик, которым пришлось строить свою государственность «с нуля».

Несмотря на эту общую черту, каждая из трёх прибалтийских республик имела свою специфику. Литва – в основном сельскохозяйственная страна, с малым числом промышленных объектов, была наименее затронута по-

слевоенной индустриализацией. Следовательно, здесь не потребовалось большого притока специалистов и рабочих из других регионов Советского Союза, поэтому в независимой Литве русскоязычное меньшинство составило только 12%, имелось историческое польское меньшинство в 7%¹³⁰. В Эстонии, как и в Латвии, в 1950–1980-е гг. шло широкое строительство промышленных и инфраструктурных объектов, что потребовало привлечения большого количества квалифицированных специалистов и рабочих. Поэтому данные республики превратились в полинациональные государства, где доля некоренного населения составляла 35% и 40% соответственно¹³¹. В случае с Латвией свою лепту в формирование полинационального государства внесло и разграничение с Советской Россией, когда официальной Риге в 1920 г. были переданы западные части Витебской губернии со смешанным русским, белорусским и латышским населением (города Даугавпилс, Резекне. Лудза и окрестности).

Все изложенные выше факторы, а также особенности исторического развития, формирования территории и культурные, экономические связи с соседними государствами обусловили определённую специфичность формирования независимых Прибалтийских республик и их исторического дискурса.

Данная глава посвящена влиянию организации политических институтов и законодательства Эстонской, Латвийской, Литовской Республик на местный исторический дискурс.

¹³⁰ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2014); Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. 2004. Т. XIII, № 3. С. 98–130.

¹³¹ Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. 2004. Т. XIII, № 3. С. 98–130.

1.1. Русификация и статус национальных меньшинств как составляющая исторической политики

Территория современной Эстонии и Северной Латвии вошла в состав Российской империи в результате Северной войны в 1721 г., Южная Латвия и большая часть Литвы (за исключением Клайпедской-Мемельской области) после первого и второго раздела Речи Посполитой 1772–1793 гг. За период пребывания в составе Российской империи данная местность практически не подвергалась русификации (см. табл. 1).

Таблица 1. Национальный состав Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Ковенской губерний¹³² (Виленская губерния в данной таблице не представлена, так как лишь меньшая её часть только в 1939 г. вошла в состав Литвы)

Национальный состав губернии	Эстляндская	Лифляндская	Курляндская	Ковенская
Эстонцы	88,7	39,9	-	-
Латыши	-	43,4	75,1	2,3
Литовцы	-	-	2,7	66,1
Русские	5,0	5,2	3,8	4,7
Немцы	3,9	7,6	7,6	1,4
Поляки	0,3	1,2	2,9	9,0
Евреи	0,3	1,8	5,6	13,7
другие	1,8	0,9	1	2,8

Следует отметить, что в период существования Российской империи Прибалтийские губернии во многом сохраняли свою специфику. Так в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии вплоть до 1917 г. существовал особый

¹³² Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. / предисл.: Н. Тройницкий. – Санкт-Петербург : типография «Общественная польза», 1905. Х. 270, 120 с. // Президентская библиотека им. Бориса Николаевича Ельцина. URL: <http://www.prilib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=4952> (дата обращения: 15.07.2019).

Остзейский порядок, сохранявший все привилегии местного немецкого дворянства, бюргерства и превалирующую роль немецкого языка во всех сферах жизни. В Ковенской и Виленской губерниях также свои привилегии и ведущие экономические позиции сохраняла польско-литовская аристократия. Политика русификации, реализовывавшаяся царским правительством с 1880-х – 1890-х гг. не смогла коренным образом поколебать существовавшую специфику русской Прибалтики.

Во время революции и гражданской войны в России в 1918 г. на территориях Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Ковенской губерний были провозглашены независимые Эстонская, Латвийская и Литовская республики, впоследствии признанные Советской Россией и международным сообществом. Все три республики имели небольшое русскоязычное меньшинство, состоявшее из русских, украинцев, белорусов, евреев и др. Так, первая после создания Эстонского государства перепись 1922 г. зафиксировала практически тот же, что и в 1897 г. процент эстонцев (87,6%), а наиболее крупным национальным меньшинством были русские (8,23%)¹³³. В Латвии, согласно переписи 1935 г., этнических латышей было 77%, русских – 8,9%¹³⁴. В Литве перепись 1923 г. (за исключением территории Клайпедского и Виленского края) зафиксировала 84% литовцев и 2,5% русских¹³⁵. Применительно к Литве следует отметить, что данные статистики не включают в себя население Клайпедского и Виленского края – Клайпеда

¹³³ Rahvaloendused Eestis: 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. Tallinn: Statistikaamet, 1997. 55 lk.

¹³⁴ Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. Gadā // Centrālā statistiskās pārvalde. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/meklet-tema/186-ceturta-tautas-skaitisana-latvija-1935-gada> (дата обращения: 15.07.2019)

¹³⁵ Lietuvos gyventojai 1923 // Lietuvos statistikos departamentas. URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=16374> (дата обращения: 16.07.2019)

(Мемель) и окрестности были переданы Литве в 1923 г.¹³⁶. (перепись проводилась только в 1925 г.), Виленский край стал литовским только в октябре 1939 г.

Эстония, Латвия и Литва изначально выступили за построение демократической государственности, но из-за политической и экономической нестабильности в межвоенный период здесь произошёл откат к авторитаризму. Первой с демократического пути свернула Литва, где в 1926 г. в результате государственного переворота к власти пришёл националист Антанас Сметона. Позднее подобные перевороты произошли в 1934 г. в Эстонии и Латвии, где Константин Пятс и Карлис Улманис распустили парламенты, ввели цензуру и установили авторитарные режимы. Все трое выступали за построение моноэтнических национально ориентированных государств и за вытеснение нетитульного населения (в первую очередь немецкого) из политической и экономической жизни своих стран. Авторитарные режимы в Прибалтике просуществовали до 1940 г. – образования Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР и инкорпорации в состав Советского Союза.

Коренные изменения в регионе произошли после окончания Второй мировой войны, когда в Эстонии, Латвии и Литве была завершена коллективизация, национализация, проведена индустриализация. Восстановление экономики после войны, реализация широкомасштабных индустриальных проектов потребовали привлечения специалистов и рабочих со всего СССР, в результате этнический состав Прибалтийских республик за более чем 40 лет пребывания в составе Советского Союза изменился коренным образом.

¹³⁶ Клайпедский край входил в состав Литвы с февраля 1923 по март 1939, когда эта территория была передана Германии и находилась в её составе до 1945 г. С 1945 по 1950 г. Клайпеда и окрестности была в административном подчинении РСФСР как часть Калининградской области, и только с 20 мая 1950 г. в составе Литвы.

По данным последней переписи населения СССР в 1989 г. в Эстонской ССР титульное население составляло лишь 61,5% от всего населения республики (963 281 чел. из 1 565 662). Кроме того, в ЭССР проживало около полумиллиона русских (474 834 или 30,3% населения), 48 271 украинец (3,1%) и 27 711 белорусов (1,8%), оставшиеся менее пяти процентов неэстонского населения составляли татары, евреи, литовцы, латыши и немцы, кроме того, 0,9% не указали свою национальность или дали неопределённый ответ (см. приложение 1, табл. 1)¹³⁷. Схожая этническая ситуация сложилась в Латвии и Литве (см. приложение 1, табл. 3, табл. 5). По удельному весу титульного населения в 1989 г. Эстония (эстонцев 61,5% от всего населения) существенно уступала Литве (литовцев 79,6% от всего населения¹³⁸), но опережала Латвию (латышей 52,1% от всего населения¹³⁹).

Современные прибалтийские исследователи считают данные изменения национального состава в республиках – целенаправленной политикой русификации, проводившейся Советским Союзом и местными коммунистами с целью создания в Эстонии, Латвии и Литве русскоязычного большинства, лояльного советской власти¹⁴⁰. В целом, этнический вопрос и статус национальных меньшинств в Прибалтике является неотъемлемой

¹³⁷ 2000. aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud *Kristina Känd, Merit Langi, Riina Leinbock* ... jt.]. Tallinn: Statistikaamet, 2001. L. 14.

¹³⁸ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019).

¹³⁹ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

¹⁴⁰ *Arter D.* Parties and democracy in the post-Soviet republics: the case of Estonia. – Aldershot: Dartmouth, 1996. 283 p; *Бутулис И.* История Латвии; литературный перевод: *Р. Добровенский* Рига: Jumava, 2010. 239 с.; *Laar M.* Estonia's way [translation by *H.-H. Dunning*; editing by *R. Hazlehurst*. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk. и др.

частью государственной исторической политики. Поэтому, мы бы хотели подробнее остановиться на данном аспекте.

Здесь и далее, под русскоязычным населением мы понимаем следующую категорию:

Русскоязычное население – постоянные жители Эстонской, Латвийской, Литовской ССР и Эстонской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, для которых, во-первых, русский язык является родным или функционально первым языком независимо от их этнического происхождения (например, для этнических русских или лиц других национальностей) и которые, во-вторых, осознают свою причастность к «русскому миру» как к трансграничной культурно-исторической общности.

Во всех трёх республиках русскоязычное меньшинство распределено крайне неравномерно. Не титульное население проживает в столичных и крупных городах, а также в промышленно развитых регионах (см. приложение 1, табл. 2, 4, 6, рис. 1.1).

В Эстонию в эпоху Советского Союза приезжали многие русскоговорящие, трудоустраиваясь на больших промышленных предприятиях Таллина, Маарду и Нарвы, а также в Северо-Восточной части страны, где добывали горючий сланец. Все новоприбывшие получали жильё и входили в число постоянных жителей республики. Особое место в этой группе занимали военнослужащие, уходившие на пенсию и остававшиеся на постоянном месте жительства в республике.

В начале 1980-х гг. у неэстонцев, в основном русских и русскоязычных, было преобладание в промышленности (54,4%), на транспорте (50,7%) и в строительстве (35,6%). В машиностроении и металлообработке в 1983 г. они преобладали на 63,9%, а в ИТР в промышленности – до 67,9%. На транспорте

их доля в 1983 г. составила 53,5%, а в строительстве – 40,1%.¹⁴¹. Эти диспропорции отмечались эстонским социологом А. Кирхом и его российскими коллегами ещё в конце 1980-х гг.¹⁴². По его данным, удельный вес русских превышал их долю в населении среди рабочих машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности – в 1,19 раза, текстильщиков – в 1,16, строителей – в 1,2, железнодорожников – в 1,45. Русские преобладали на крупных предприятиях союзного значения. Среди металлургов русских было в 2 раза больше, чем эстонцев, среди горняков – в 2,6 раза, а в некоторых отраслях русские преобладали и по абсолютной численности: в машиностроении и металлургии, на железнодорожном и водном транспорте и т. п. Эстонцы же первенствовали в полиграфической, пищевой и в других отраслях местной промышленности, в сфере услуг и, разумеется, в сельском и рыбном хозяйстве¹⁴³.

В то же время, доля неэстонцев среди инженерно-технических работников в промышленности была равна их проценту в составе населения республики, а среди руководителей предприятий и их подразделений русские были, наоборот, «недопредставлены» (0,56 % от доли русских в населении). Подобное соотношение характеризовало долю неэстонцев среди научных работников, преподавателей, учителей (0,69), работников искусства (0,33). В Эстонии в 1989 г. на 10 тыс. занятого населения (в городах) приходилось среди эстонцев 94 работника управления, среди русских, живущих в Эстонии

¹⁴¹ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 112.

¹⁴² Kirch A. Russians in contemporary Estonia – different strategies of the integration into the Nation-State // The Baltic States at Historical Crossroads. Academy of Sciences of Latvia / ed. by dr. Talavs Jundzis. Riga, 1998; Kirsh A., Kirsh M., Tuisk T. A Non-Estonian Population today and tomorrow. A Sociological Overview. – Tallinn, 1992; Кирх А. В., Ярве П. Э., Хаав К. Р. Этносоциальная дифференциация городского населения Эстонии // Социологические исследования (Социс). 1988. № 3. С. 30–35.

¹⁴³ Тишков В. А. Русские как меньшинство: пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции, 1988–1992. М., 1994. Т. 1. С. 115.

– 43, научных работников, соответственно, 172 и 41, работников литературы и искусства – 193 и 42, учителей – 353 и 231, рабочих же тяжелой промышленности 1586 и 3606¹⁴⁴. Столь явные диспропорции в занятости титульного и русскоязычного населения объясняется помимо прочего и национальной политикой КПСС по продвижению в республиках национальных кадров в сферах управления, науки, культуры. Как бы то ни было, специфика расселения русскоязычных в Эстонии заключалась в компактности их проживания и в минимальных контактах с коренным населением, что, безусловно, затрудняло интеграцию.

Схожим образом развивалась ситуация в *Латвии*, где проживало наибольшее количество русскоязычных из всех трёх балтийских союзных республик. Здесь также латышское население сосредоточилось в основном в Риге, Елгаве, Даугавпилсе и на юго-востоке страны. Однако, специфика Латвии состоит в том, что русскоязычные селились не только в больших городах, но и в сельской местности, особенно в Латгалии – восточной части республики (исторически западная часть Витебской губернии со смешанным населением, переданная Латвии в 1920 г.), а традиции совместного проживания гораздо более сильны, о чём свидетельствуют, в том числе и межнациональные браки, которые в Латвии были в среднем в два раза более распространены, нежели в соседней Эстонии, и в 1980-х гг. достигали 20% (в Эстонии 5% в этот же период)¹⁴⁵.

Общая же картина по трудоустройству здесь идентична Эстонской. Так, по данным за 1987 г., в промышленности и строительстве работало – 61,9% латышей, на транспорте – 66,2%, в коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании – 54,7%, в народном образовании – 46,6%. В то же время на

¹⁴⁴ Тишков В. А. Русские как меньшинство: пример Эстонии ... С. 116.

¹⁴⁵ Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3(9). С. 149–161.

престижных должностях латышей было значительно меньше: среди секретарей ЦК – 20%, министров и председателей госкомитетов – 17%, работников горкомов и райкомов Коммунистической партии Латвии (КПЛ) 34,8%, среди руководителей самоуправлений – 23%, работники культуры и искусства – 26,4%¹⁴⁶. В сельском же хозяйстве в Латвии, как и в Эстонии, на закате советской эпохи удельный вес титульной нации – латышей – был выше, чем их удельный вес в населении (71,9%)¹⁴⁷.

Литва, в отличие от своих северных соседей, всегда представляла собой аграрную страну. Также в значительно меньшей мере она испытала на себе приток русскоязычного населения, которое было сконцентрировано в городах Вильнюс, Клайпеда и Висагинас (до 1992 г. – Снечкус). (см. приложение 1, табл. 6). В связи с присоединением к Литве Клайпеды (бывшего немецкого Мемеля) в послевоенное время и эвакуации местного немецкого населения, в город прибыло большое количество выходцев из других республик СССР. Висагинас (Снечкус) и вовсе являлся городом-спутником при Игналинской АЭС, куда с 1975 г. также прибыли атомщики и специалисты, обслуживающие атомную электростанцию, со всего Советского Союза. Всего в Литве к концу 1980-х гг. инженеров и техников среди литовцев было 8,3%, среди русских – 13,7, научных работников и преподавателей – 6,2% и 5,1%, крестьян – 11% и 2,8% соответственно¹⁴⁸.

По данным Ю. В. Арутюняна и Л. М. Дробижевой, русские в 1979 г. были недопредставлены во всех группах балтийской интеллигенции, кроме работающей в производственной сфере. В сфере администрации: в Эстонии – на 24,7%, в Латвии – на 12,9, в Литве – на 20,3, в научной сфере – на 55,3%,

¹⁴⁶ См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Русские в распадающемся Союзе // Отечественная история. № 3. 1992. С. 3–15.

¹⁴⁷ См.: Антане А., Цилевич Б. Латвия: Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 70

¹⁴⁸ См.: Gaidys V. Attitudes towards the Economic System in the Baltic States: Past, Present, Future // Cultural Encounters in East Central Europe. Uppsala, 1998. P.61–73.

26,3 и 42,4%, в художественной – на 48%, 28,6 и 15,8%. Напротив, среди интеллигенции, работающей в производственной сфере, они были «перепредставлены»: в Эстонии – на 11%, в Латвии – на 10,5, в Литве – на 20,3% ¹⁴⁹.

Снижение представительства русских в союзных республиках во многих профессиях квалифицированного труда, прежде всего, в сфере управления отвечало и общесоюзным тенденциям последних 10–15 лет существования СССР. В конце 1980-х гг. (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.) только в Белоруссии и Узбекистане русские были представлены в органах власти республик в соответствии со своей долей в составе населения. В других республиках в органах власти преобладали лица титульной национальности. Это, однако, не касалось правоохранительных органов: в милиции в Риге, Вильнюсе и Таллине к 1991 г. более 80% милиционеров были русскими ¹⁵⁰. Также много русскоязычных работало в прокуратуре, судебных органах, пожарной охране и т. д.

В послевоенные десятилетия степень культурной адаптации русских в советской Прибалтике была невысока. Нетитульное население слабо интегрировалось в местное общество так как, во-первых, проживало весьма компактно (в основном в городах), во-вторых, приезжие слабо владели местным языком. В 1989 г. среди русского населения Эстонии эстонским владели – 14,9%, в Латвии латышским – 22,2% русскоязычных, в Литве литовским – 37,5%. Естественно, что это – значительно меньше, чем удельный вес владеющих русским представителей балтийских народов. Среди эстонцев свободно владели в 1989 г. русским – 34,5%, латышей –

¹⁴⁹ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Русские в распадающемся Союзе // Отечественная история. № 3. 1992. С. 5.

¹⁵⁰ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры ... С. 100.

68,3%, литовцев – 38%¹⁵¹. Здесь следует отметить, что русскоязычное население Литвы, являясь малочисленным, вынуждено было в большей степени контактировать с местным населением и владело литовским языком в большей степени, нежели соотечественники в Эстонии и Латвии (см. приложение 1, табл. 2, 4, 6).

В данном параграфе мы достаточно подробно рассматриваем этническую ситуацию в советской Прибалтике, так как всё увеличивающийся на протяжении 1950–1980-х гг. приток нетитульного населения будет катализатором нарастания антисоветских настроений в регионе, а «русская карта» станет неотъемлемой частью политической борьбы и государственной исторической политики в Эстонии и Латвии. В Литве же, в силу меньшей остроты «русского вопроса», а также присутствия польского меньшинства, национальная политика будет реализовываться более осторожно, нетитульное население здесь не испытает поражения в правах, а более органично вольётся в литовское общество.

Кроме того, доводы, приведённые в вышеизложенных статистических данных, ставят под сомнение наличие в Эстонии, Латвии и Литве русскоязычных, которые считались представителями «низов» балтийского общества и занимались непривлекательной работой, не дающей высоких доходов как представлялось балтийской публицистикой эпохи перестройки и

¹⁵¹ 2000. aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud Kristina Känd, Merit Langi, Riina Leinbock ... jt.]. Tallinn: Statistikaamet, 2001. L. 14; Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019); 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk. Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development) / Redaktorai: D. Ambrozaitienė. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.; Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.

позднейшего периода. Р. Мисиюнас и Р. Таагепера пишут: «В балтийском массовом представлении об иммигрантах на первом плане находится фигура необразованного и некультурного русского рабочего-строителя. Но статистика говорит, что средний образовательный уровень русских и украинцев в балтийских республиках был даже несколько выше, чем у самих балтийских народов»¹⁵². Но они не были и «верхушкой» советских балтийских обществ, народом господ, подобно немцам, как их пытаются представить современные проводники политики памяти¹⁵³.

С началом перестройки и «Поющей революции» в Прибалтике произошло углубление и межнациональных противоречий. Повсеместно сторонники Национальных фронтов начали выражать открытое недовольство «миграционной политикой Москвы». В особенности здесь показательна цитата латышского садовника Яниса Рукшанса из выступления на I-м съезде Народного Фронта Латвии: «Некоторые говорят: куда вы спешите – эта империя [СССР – примечание К.З.] сама развалится, ... Но, когда это произойдёт, будет уже поздно. Вряд ли тогда ещё будет такая Латвия, такой народ – латыши. Уже будут разграблены наши и так бедные природные ресурсы, окончательно будет истощена наша земля, загрязнены воздух и вода. Будет уничтожен народ»¹⁵⁴.

В последствии, восприятие советской политики в регионе как колонизаторской, а переселение русскоязычных – как стремление ассимилировать местные народы и стало господствующим тезисом среди

¹⁵² Цит. по: Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья... С. 100.

¹⁵³ Бутулис И. История Латвии; литературный перевод: Р. Добровенский. Рига: Jumava, 2010. 239 с.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda. 296 lk.; Рислакки Ю. Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов; перевод с финского языка Геннадия Муравина. Рига: Jumava, 2011. 283 с.

¹⁵⁴ Цит. по: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепина; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. С. 194.

национально ориентированных эстонцев, латышей, и литовцев. К началу 1990-х гг. это выразилось в попытках построения мононациональных государств с соответствующей идеологией, а также закреплении приоритета титульных наций во всех сферах жизни.

При этом многие русские, украинцы, белорусы в период «Поющей революции» поддерживали стремление прибалтов к построению независимых государств. В Эстонии, Латвии, Литве в начале 1991 г. были проведены референдумы-опросы о независимости, на которых мог проголосовать любой совершеннолетний гражданин СССР, постоянно прописанный в республике.

Так, в марте 1991 г. в Эстонском референдуме о восстановлении независимости участвовали 82,86% избирателей, имевших право голоса. За независимость проголосовали 77,83% участвовавших, против – 21,43% (17,77%)¹⁵⁵. Учитывая, что эстонцы составляли 61,5% населения, становится очевидным, что немалая часть неэстонцев высказалась за независимость. Например, в Нарве, где эстонцев было всего 4%, за независимость высказались 25%, подобные же цифры дал и Силламяэ¹⁵⁶. Таким образом, можно констатировать, что за полную независимость Эстонии от СССР выступали около 20–22% её русскоязычных жителей.

В Латвии был проведён опрос, согласно которому из 87.5% (1 666 128) принявших участие в волеизъявлении, за независимость проголосовали 73,7% (1 227 562)¹⁵⁷. Зная соотношение латышей и русскоязычных по переписи

¹⁵⁵ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 105.

¹⁵⁶ Там же. Фурман Д., Задорожнюк Э. С. 105.

¹⁵⁷ Ziņojums par Latvijas Republikas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptaujas rezultātiem // Diena, 1991, 8. marts, 2. lpp.

1989¹⁵⁸ г., мы можем смело констатировать, что до четверти нелатышского население проголосовало за независимость.

В Литве опрос о независимости был проведён раньше, чем у соседей – 9 февраля 1991 г. В результате за отделение от СССР проголосовали 90,5% избирателей (2 028 339) при явке 84,7%¹⁵⁹. При этом, в Вильнюсе за независимость высказались 80,6%, в Клайпеде 89,3%, в Игналинском районе (в том числе городе Висагинасе) 83,6%¹⁶⁰. Если сопоставить соотношение литовского и русскоязычного населения по данным населённым пунктам, согласно переписи 1989 г.¹⁶¹, то получается, что литовцев в Вильнюсе – 50% (с поляками 70%), в Клайпеде – 61,5%, в Игналинском районе – 30% вместе с поляками. В результате мы можем предположить, что за независимость Литвы высказалось от 30 до 50% местных русскоязычных – это гораздо больше, чем в соседних Эстонии и Латвии. При этом наибольший скептицизм по поводу самостоятельного Литовского государства высказали местные поляки – в месте их компактного проживания – Шальчининкском районе (лит. Šalčininkų rajono savivaldybė) с 80% польским населением – за независимость высказалось лишь 52,8% – минимальный показатель опроса 9 февраля 1991 г.¹⁶²

¹⁵⁸ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

¹⁵⁹ Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991. Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 22.09.2019).

¹⁶⁰ Там же: Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991. Vasario 14 d. ...

¹⁶¹ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019).

¹⁶² Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. – 1991, – Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. Lietuvos aidas, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija URL:

Подобные различия в поддержке республиканских правительств мы можем объяснить с одной стороны большей интегрированностью русскоязычной общины Литвы (в следствие своей малочисленности), с другой стороны влиянием кровавого исхода событий января 1991 г. у Вильнюсского телецентра, речь о которых пойдёт в следующем параграфе.

По нашим предположениям среди русскоязычных, поддержавших независимость Прибалтийских республик могли быть коренные русские, жившие здесь до 1940 г. и их потомки, выходцы из смешанных семей и хорошо интегрированные в местное общество образованные профессионалы, которые далее, на протяжении 1990-х–2000-х гг. солидаризовывались с эстонцами, латышами и литовцами.

Кроме того, нельзя не отметить и влияние русскоязычного населения на электоральные процессы в странах региона, имеющие прямую связь с реализуемым курсом исторической политики. Выбор Литвы в пользу нулевого варианта предоставления гражданства одномоментно ввёл местных русскоязычных в число обладателей активного и пассивного избирательного права (см. приложение 4). Процесс натурализации (по сдаче экзаменов на гражданство) в Эстонии и Латвии, хотя и был растянут во времени, также способствовал постепенному притоку представителей нетитульного населения в электоральный процесс (см. приложение 2 и 3). Помимо прочего, спецификой Эстонии стало наличие пассивного избирательного права при выборах в органы местного самоуправления у всех постоянных жителей страны, в том числе и неграждан (см. приложение 2, рис. 1; табл. 15).

Данная вовлечённость русскоязычной диаспоры в электоральные процессы Прибалтийских республик, тем не менее не смогла сделать её одним из акторов политики памяти, хотя в 1990-е гг., в какой-то степени и

привела к её смягчению и поэтапному развёртыванию. Являясь по своей сути достаточно аморфным образованием, русскоязычная диаспора ни в одной из стран Прибалтики не смогла самоорганизоваться в качестве значимой политической силы. Даже наоборот, с увеличением количества русскоязычных избирателей, политические партии диаспоры стали терять свой электорат, а ко второй половине 2000-х и вовсе перестали преодолевать проходной порог в избираемые органы власти. Эстонские же, латвийские и литовские партии, наоборот, сумели предложить более привлекательную повестку для русскоязычных избирателей (см. приложение 2, 3, 4).

Таким образом, изначально этническая пестрота Прибалтийских республик наложила особый отпечаток на формирование государственно-институциональной основы. Местное русскоязычное население, хотя и составляло значительный процент жителей, в основной своей массе прибыло в регион в 1950–1980-е гг. Соответственно, за редким исключением, к моменту перестройки оно ещё не успело интегрироваться в балтийские национальные общества, не успело «пустить корни», не было пропорционально представлено в интеллектуальных и политических кругах. Т. е. не было единым по своей сути, не осознавало себя в качестве диаспоры. Поэтому, когда начались процессы децентрализации СССР, местные русские не сумели не только выработать консолидированное отношение к данным процессам, но и отстоять свои позиции и социальные ниши в новых нарождающихся национальных государствах. Видя это, местные элиты приступили к созданию национально ориентированных государств, легитимизируя свои действия постоянным разыгрыванием «русской карты», а также разработкой соответствующей государственной исторической политики.

Кроме того, в контексте нашей исследовательской темы важно, что данная «недооформленность» эстонской, латвийской, литовской

русскоязычной диаспоры не позволила ей стать актором прибалтийской политики памяти, а только лишь одним из её объектов. В этом и кроется одна из причин специфичности прибалтийского варианта политики памяти.

1.2. Оформление государственных институтов и законодательства Латвийской, Литовской и Эстонской Республик с позиции континуитета как основы местной исторической политики

В 1991 г. Эстония, Латвия, Литва, объявили о выходе из состава СССР, провозгласив восстановление собственной независимости на основе правового континуитета по отношению к республикам межвоенного периода¹⁶³.

Континуитет – теория и практика международного права о непрерывности существования государства как субъекта международного права даже в случае временного его исчезновения как социального организма

¹⁶³ О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25; Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020); Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

(например, в результате временной оккупации его территории)¹⁶⁴. Другими словами, Эстония, Латвия, Литва заявили, что восстанавливают свою правосубъектность, утраченную в 1940 г. в результате «советской оккупации». Данный демарш позволил официальным Таллину, Риге, и Вильнюсу восстановить членство в различных международных организациях, а также претендовать на утраченную собственность за рубежом. Апеллирование к континуитету стало важнейшим звеном государственной исторической политики для каждой из республик, так как предопределило негативную оценку роли Советского Союза, а также идеализацию собственных республик межвоенного периода. Негативно данный аспект в последствии повлиял и на положение местного русскоязычного населения.

Тем не менее, следует заметить, что прибалтийский вариант континуитета, отнюдь не уникален. Мировая история хранит не мало подобных примеров: восстановление ряда немецких и итальянских государств (утративших независимость в результате Наполеоновских войн) по итогам Венского конгресса 1815 г.; восстановление Польского государства в 1918 г. (*«Польша стала первым государством, которое в современных юридических терминах заявило, что, вне зависимости от факта своего “физического” несуществования на протяжении 123 лет, в качестве субъекта международного права оно идентично ранее существовавшему государству»*¹⁶⁵); восстановление правосубъектности Чехословакии в 1947 г. (после немецкой аннексии 1939–1945 гг.) и др.

¹⁶⁴ Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 36–37.

¹⁶⁵ Цит. по: Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 32.

Согласно выдвинутой Прибалтийскими республиками точке зрения, в 1940 г. Советский Союз совершил «акты агрессии» против Эстонской, Латвийской и Литовской Республик. Поскольку советская агрессия нарушила действующие двусторонние и многосторонние договоры между этими странами, то «оккупация» Красной Армией Эстонии, Латвии и Литвы 17 июня 1940 г., последовавшее за этим установление коммунистического режима и аннексия стран Балтии Советским Союзом в августе 1940 г. должны расцениваться как незаконные акты и, следовательно, юридически недействительны. Хотя «аннексия» стран Балтии Советским Союзом привела к де-факто потере их независимости, международное сообщество не признало это действие законным и продолжало считать эти страны правосубъектными.

Большинство стран Запада де-юре не признали советизацию Прибалтийских республик, поэтому, согласно точке зрения данных государств, Советский Союз никогда не аккумулировал суверенные права на эти страны и оставался исключительно «оккупирующим государством» до тех пор, пока в 1991 г. не была восстановлена де-факто независимость существовавших де-юре стран Балтии. Такова официальная трактовка правового континуитета Прибалтийскими республиками, прослеживающаяся в местной научной, учебной литературе¹⁶⁶, а также в основополагающих правовых актах¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Бутулис И. История Латвии; литературный перевод: Р. Добровенский. Рига: Jumava, 2010. 239 с.; История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; Крийска А., Мясалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 73; Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; Kiaupa Z. The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.; Laar M. Estonia's way

Таким образом, континуитет или принцип исторической правопреемственности получивших независимость в 1991 г. Прибалтийских государств по отношению к республикам 1920-х – 1930-х гг. стал общим правовым, политическим и историческим трендом в регионе, определяющим исторические оценки событий Второй мировой войны и всего советского периода развития данных государств. Далее в данном параграфе мы детально проанализируем процесс возникновения идеи континуитета как таковой и её поэтапное внедрение и реализацию в условиях национального государственного строительства каждой из трёх прибалтийских республик.

В ходе начавшейся в 1985 г. «перестройки» в СССР практически синхронно в Эстонии, Латвии, Литве были образованы «Народные фронты», выступавшие с требованиями предоставления этим республикам экономической самостоятельности и осуждения пакта Молотова-Риббентропа, что ставило вопрос о правомерности вхождения Прибалтики в состав СССР. Народные фронты Эстонии, Латвии, Саюдис в Литве оформились к осени 1988 г. как организации в поддержку перестройки, объединявшие в себе общественные и экологические движения, общества по защите памятников старины. Позже данные фронты получили самую

[translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 p.

¹⁶⁷ О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25; Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020); Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

широкую поддержку эмигрантских кругов¹⁶⁸. Нарождающееся движение изначально начало принимать выраженный националистический окрас¹⁶⁹.

Так, в Эстонской ССР широкие протесты начались ещё в 1987 г. из-за возможного строительства Фосфорного комбината. Здесь первостепенным был не только экологический вопрос, но и национальный – для строительства и эксплуатации комбината предполагалось приглашение специалистов и рабочих из других союзных республик, а значит увеличивалось и количество некоренного населения. В Латвийской ССР ситуация развивалась идентично – протесты общественности вызвали идеи строительство метро в Риге, возведение Даугавпилской ГЭС, в результате которого предполагалось затопление долины Даугавы, а также приток обслуживающего данную электростанцию персонала из других республик. В Литовской ССР главной организационной силой нового движения выступили преподаватели Вильнюсского университета, а также национально ориентированная творческая интеллигенция, побуждающей силой также стала борьба за сохранение культурного наследия и экологические протесты, например против строительства третьего блока Игналинской атомной электростанции.

Открыто выражая недовольство существующим порядком, Народные фронты в Прибалтике ожидаемо приобрели широчайшую общественную поддержку. 23 августа 1989 г., в ознаменовании полувековой годовщины

¹⁶⁸ *Deksnis E. B.* Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994. Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. 277 p.; *Laar M.* Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.; *Žalimas D.* Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas. Iš Kelias į nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991. Sudarė Genzelis B.; Rupšytė A. Kaunas: Šviesa, 2010. 188 p. и др.; *Клауцен А. П.* Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. С 122–127; Прибалтика перед выбором: за Вильнюсом или за Москвой? // Коммерсантъ Власть. № 12, 26 марта 1990; *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber.* Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p. и др.

¹⁶⁹ См. *Клауцен А. П.* Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. 228 с.

подписания пакта Молотова-Риббентропа была проведена совместная акция – «Балтийская цепь», которая протянулась на 670 км. от Таллина до Вильнюса и была призвана показать единение балтийских народов и их стремление к независимости. Сам посыл этой акции демонстрировал неприятие населением Эстонии, Латвии, Литвы инкорпорации в состав Советского Союза, нелегитимность пакта. Уже тогда была заложена идея реставрации довоенных республик.

С развитием плюрализма в СССР, Народные фронты и Саюдис довольно быстро переформатировались в политические партии и добились значительных успехов на выборах делегатов Съезда народных депутатов СССР, а также в республиканские Верховные Советы. Так, в Эстонской ССР Народный фронт получил 41% мест в Верховном Совете¹⁷⁰, в Латвийской ССР – 68%¹⁷¹, в Литовской ССР Саюдис – 67,5%¹⁷².

Таким образом, уже в 1990 г. высшие органы государственной власти в Прибалтике оказались под контролем оппозиционных советской власти сил. В Литве и Латвии они получили квалифицированное большинство, т.е. 2/3 мест¹⁷³ и возможность менять республиканские конституции. Сторонники независимости от СССР не преминули этим воспользоваться – первым актом нового состава республиканских Верховных Советов стало принятие

¹⁷⁰ Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ülemnõukogu XII koosseis Statistikat ja ülevaateid Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 29.03.1990–29.09.1992 / Peatoimetaja Aaro Mõttus. Tallinn: Riigikogu Kantselei, 2013. L. 9.

¹⁷¹ Latvijas Republikas Augstākā Padomes vēlēšanas // Latvijas Republikas Saeima. URL: <http://www.saeima.lv/lv/par-saeimu/likumdeveju-vesture/latvijas-republikas-augstaka-padome/> (дата обращения: 05.10.2019).

¹⁷² Seimo narių sąrašas 1990-1992 m. kadencijos // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_lrs.seimo_nariu_sarasas?p_kade_id=1 (дата обращения: 05.10.2019).

¹⁷³ Клауцен А. П. Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. 228 с.; Seimo narių sąrašas 1990–1992 m. kadencijos // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_lrs.seimo_nariu_sarasas?p_kade_id=1 (дата обращения: 05.10.2019).

11 марта 1990 г. Акта о восстановлении независимости Литвы¹⁷⁴, 4 мая 1990 г. – Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики¹⁷⁵, 30 марта 1990 г. – Закона О государственном статусе Эстонии¹⁷⁶.

Во всех перечисленных выше документах шла речь именно о «восстановлении» независимости, утраченной в ходе так называемой «советской оккупации». Наиболее осторожно данный тезис был сформулирован в литовском акте: *«Выражая волю Народа, Верховный Совет Литовской Республики постановляет и торжественно провозглашает, что восстанавливается реализация суверенных прав Литовского Государства, погрязших чужой силой в 1940 году, и отныне Литва вновь становится независимым государством»*¹⁷⁷. Обтекаемость данной формулировки, а

¹⁷⁴ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

¹⁷⁵ Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. Maijā // Latvijas Republikas Saeima. URL: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 21.08.2019); Текст декларации на русском языке: Декларация Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 191.

¹⁷⁶ Постановление Верховного Совета Эстонской ССР "О государственном статусе Эстонии" от 30 марта 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 243.

¹⁷⁷ Цит. по: Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-

также отсылка к неприкосновенности границ, гарантированной Хельсинскими соглашениями 1975 г., в тексте акта объясняется тем обстоятельством, что границы Литвы в 1939–1946 гг. были существенно расширены за счёт Виленской и Клайпедской областей. Провозглашая независимость от СССР, новые власти не хотели терять приобретённые земли, но и от принципа правопреемства с Литовским государством 1918–1940 гг. отказываться не желали. Фактически, уже этими документами, в 1990 г. были заложены основы будущей государственной исторической политики.

Но, в месте с тем, Народные фронты и Литовский Саюдис позиционировали себя как умеренную центристскую силу, готовую к диалогу с Москвой. Националистический электорат, а также правое крыло Народных фронтов Эстонии и Латвии, стремясь усилить свои позиции, выступили за создание Конгрессов граждан – своеобразных самопровозглашённых альтернативных парламентов, отстаивавших право на независимость от СССР. Ещё в начале 1990 г. были созданы Комитет граждан Эстонии и Комитет граждан Латвии, которые занялись регистрацией правопреемных граждан существовавших до 1940 г. республик. Из числа этих граждан (в том числе членов Народного фронта) к весне 1990 г. были выбраны Конгресс Эстонии и Конгресс Граждан Латвийской Республики, главной целью которых стало именно «восстановление» довоенных республик со всей их правовой базой¹⁷⁸.

Третьей политической силой в Прибалтике в указанный период явился Интерфронт или Интердвижение, созданное в 1988 г. в противовес Народным фронтам и местным националистам. Интердвижение Эстонии, Латвии, Литвы

государственного суверенитета / сост. *Доронченков А. И.* М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

¹⁷⁸ *Григорян Р.* Неизвестные страницы «поющей революции» // *Анатомия независимости: Сборник статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда.* Тарту: Kripta, 2004. С. 189.

выступало против «перестройки», за сохранение существовавшего на тот момент порядка, т. е. за сохранение Балтийских республик в составе СССР. Главными сторонниками интердвижения были русскоязычные рабочие крупных заводов Таллина, Нарвы, Риги, Даугавпилса, Вильнюса. Но, так как раскол в рядах республиканских компартий (размежевание по отношению к перестройке и размежевание по национальному признаку) к этому времени усилился, то ожидаемой поддержки Интердвижению со стороны ЦК КП Эстонии, Латвии, Литвы не последовало¹⁷⁹. В целом Интерфронт в 1988 г., по данным опросов «Майнор-ЭМОР», поддерживали 80% неэстонцев и 20% эстонцев, большая часть которых являлись членами КПСС и проживали в Таллине. В 1990 г. к деятельности ИФ относились резко отрицательно уже 86% эстонцев и 46% неэстонцев¹⁸⁰. Соответственно возросла поддержка Народного фронта и Конгресса Эстонии. Схожая ситуация сложилась в соседней Латвии¹⁸¹ и Литве¹⁸².

Свою лепту в усиление Народных фронтов внесла и позиция официальной Москвы в лице М. С. Горбачёва и А. Н. Яковлева (член и секретарь ЦК КПСС в 1986–1990 гг.), активно поддерживавших все силы, выступавшие за продолжение курса на перестройку в СССР (в том числе и прибалтийские Народные фронты). Применительно к Латвии следует упомянуть также о реформе избирательных округов, предпринятой накануне

¹⁷⁹ Пальм В. Из воспоминаний // *Анатомия независимости: Сборник статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда*. Тарту: Kripta, 2004. С. 231; Клауцен А. П. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. С. 122–127.

¹⁸⁰ Григорян Р. Роль и значение национальных меньшинств в восстановлении независимости Эстонии. URL: <http://ilja-nikiforov.livejournal.com/75708.html> (дата обращения: 16.09.2013).

¹⁸¹ Клауцен А. П. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. М.: Свет, 2018. С. 122–12; Прибалтика перед выбором: за Вильнюсом или за Москвой? // *Коммерсантъ Власть*. № 12. 26 марта 1990.

¹⁸² *Rupšytė A. Politinių įvykių chronologija 1988–1991, Kelias į Nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991, sud., B. Genzelis ir A. Rupšytė*. Kaunas, 2010 254 p.

выборов 1990 г. в Верховный Совет республики – населённые этническими латышами регионы получили большее представительство, нежели русскоязычные¹⁸³. Таким образом, удалось собрать больше голосов в поддержку Народного фронта Латвии, который был особенно популярен среди титульного населения республики. Аналогичная реформа избирательных округов уже после обретения независимости (в 1993 г.) была проведена и в соседней Эстонии¹⁸⁴.

Т. е. за короткий промежуток времени из-за отсутствия политических реформ со стороны Союзного руководства, деятельности Народных фронтов и националистов в настроении людей произошли кардинальные изменения (от реформирования СССР до требования независимости). Постепенная радикализация политической элиты республик позднее приведёт к реализации весьма радикального, в сравнении с другими постсоветскими республиками, варианта политики памяти

Кровавые события января 1991 г. в Вильнюсе, и дни Баррикад в Риге, в ходе которых погибли люди, резко радикализировали обстановку и усилили позиции националистов. В результате, в феврале–марте 1991 г. были проведены референдумы, в ходе которых за восстановление независимости высказались в Эстонии 77,83% участвовавших¹⁸⁵, в Латвии 73,7%¹⁸⁶, в Литве

¹⁸³ Солопенко А. Голоса латышей «весли» больше русских: как Народный фронт обеспечил себе победу // Sputnik Латвия. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20200320/Golosa-latyshey-vesili-bolshe-russkikh-kak-Narodnyy-front-obespechil-sebe-pobedu-13412089.html> (дата обращения 29.11.2022).

¹⁸⁴ Зверев К. А. Особенности «Русского вопроса» в Эстонии 1992–2009 гг. на уровне муниципальной политики (на примере Таллина) // Клио. 2014. № 11(95). С. 109–112.

¹⁸⁵ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 105.

¹⁸⁶ Ziņojums par Latvijas Republikas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptaujas rezultātiem // Diena, 1991, 8. marts, 2. lpp.

– 90,5% проголосовавших¹⁸⁷. Относительно низкие, по сравнению с соседями, цифры Латвии здесь объясняются наличием значительного, до половины населения, русскоязычного меньшинства.

События августа 1991 г. резко ускорили процесс обретения независимости, который в иной обстановке мог бы занять годы. Попытка государственного переворота в Советском Союзе подстегнула процесс дезинтеграции и распада страны, и уже 20 и 21 августа 1991 г. Верховные Совет Эстонии и Латвии провозгласил независимость на основе принципа правопреемственности (т. е. по модели, предложенной Конгрессом Эстонии и Конгрессом Граждан Латвийской Республики)¹⁸⁸. Литва же, провозгласив выход из состава СССР ещё 11 марта 1990 г.¹⁸⁹ и добившись признания своей независимости со стороны Исландии, лишь подтвердила свои намерения. 6 сентября 1991 г. СССР признал независимость Эстонии, Латвии, Литвы, после этого государства получили международное признание и стали полноправными членами ООН и других организаций.

Фактически, во всех трёх Прибалтийских республиках победила идея восстановления государственности, утраченной в 1940 г., и принцип

¹⁸⁷ Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991, Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. Lietuvos aidas, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 22.09.2019).

¹⁸⁸ О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25; Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020).

¹⁸⁹ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

правопреемственности. Это имело далеко идущие последствия для их институционального оформления, так как выразилось в реставрации законодательной и административно-управленческой базы довоенных Эстонии, Латвии и Литвы. В области исторической политики данный факт обусловит линию на идеализацию республик межвоенного периода.

Уже осенью 1991 г. в странах Балтии на основе общественных движений эпохи перестройки стали оформляться политические партии. В Эстонии из Народного фронта вышла Центристская партия (Keskerakond) во главе с Эдгаром Сависааром. На базе Конгресса Эстонии были созданы правые националистические партии: «Отечество» («Isamaa»), Партия Реформ Эстонии (Eesti Reformierakond) и правые социал-демократы – «Умеренные» (Mõõdukad) во главе с Мартом Лааром, Сиймом Калласом и Марью Лауристин соответственно. Именно между этими партиями в интересующий нас период развернулась основная борьба за власть (см. приложение 2, 2.1, 2.2). На базе Интерфронта позже были основаны – Русская партия Эстонии (Vene erakond Eestis) и Объединённая народная партия Эстонии (ОНПЭ), но им так и не удалось стать сколько-либо значительной политической силой из-за постоянного внутреннего соперничества (см. приложение 2, 2.7, табл. 1).

В соседней Латвии Народный Фронт (НФЛ) переродился в партию Латвийский путь (Latvijas Ceļš), чьи представители прочно удерживали власть в течение 1990-х – начала 2000-х гг. в республике (премьер-министры Иварс Годманис, Валдис Биркавс, Марис Гайлис, Вилис Криштопанс и др.). Не принявшие националистический уклон, члены НФЛ в 1993 г. создали русскоязычную партию «Равноправие» («Līdztiesība»), позже переформатировавшуюся в сильное объединение «Русский союз Латвии» (Latvijas Krievu savienība) – другое название – «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» (PCTVL – Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā) во главе с Татьяной Жданок и Мирославом Митрофановым. Также от НФЛ ведёт своё

начало основанная в 1994 г. интернационалистическая, центристская Партия народного согласия (*Tautas Sakarības partija*), возглавляемая Янисом Юркансом. Из Конгресса Граждан Латвийской Республики оформились Движение за национальную независимость Латвии, ДННЛ (*Latvijas Nacionālās Neatkarības Kustība, LNNK*) и Объединение «Отечеству и свободе» (*Apvienība «Tēvzemei un Brīvībai»*) – крупнейшие национал-консервативные партии страны во главе с Эдуардсом Берклавсом, Александрсом Кирштейнсом, Янисом Страуме и др. (см. приложение 3, 3.2, 3.6). Вместе с тем, ряд исследователей считают позиции Конгресса Граждан Латвийской Республики на порядок слабее, нежели в соседней Эстонии, а правый уклон в политике официального Таллина более выраженным, чем у южных соседей¹⁹⁰. Интернациональный фронт трудящихся Латвийской ССР был запрещён 24 августа 1991 г. и не смог стать платформой для появления какой-либо партии, так членство в этой организации является основанием для отказа в натурализации и приобретении Латвийского гражданства¹⁹¹.

В Литве же ситуация с формированием политических движений складывалась иным образом. Местная Коммунистическая партия, потерпев поражение от Саюдис в 1989 г., реорганизовалась в Демократическую партию труда Литвы (*Lietuvos demokratinė darbo partija, LDDP*) – в результате, под лидерством Альгирдаса Бразаускаса, ей удалось одержать уверенные победы на парламентских выборах 1990-х гг. (см. приложение 4, 4.2, 4.7 табл. 2, табл. 3). Остальные же литовские политические силы вышли из движения

¹⁹⁰ Гуцин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? О правовых и политических последствиях создания института массового безгражданства и ликвидации всеобщего избирательного права, или От дефицита демократии – к рецидивам тоталитаризма. 1988 год – март 2013 года. Рига: 2013. С. 132; Устинова М. Гражданское общество в странах Балтии: история и современность. – В кн. Страны Балтии и Россия: общества и государства / отв. ред. – сост. Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. М.: Референдум, 2002. С. 322–323.

¹⁹¹ См.: *Pilsonības likums* (Закон о гражданстве) // *Latvijas Vēstnesis*, № 93(224), 11.08.1994. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums> (дата обращения: 25.08.2019).

«Саюдис»: Союз отечества (Консерваторы Литвы) [Tėvynės sąjunga (Lietuvos konservatoriai)] – консервативно-националистическая партия во главе с Витаутасом Ландсбергисом; Литовские христианские демократы (Lietuvos krikščionys demokratai, LKD) – воссозданная христианско-консервативная партия и др.

В результате, можно констатировать, что в Эстонии и Латвии большинство партий, которые будут удерживать власть в стране на протяжении 1990-х (см. приложение 2, 2.5, 2.6, 2.7 и приложение 3, 3.5, 3.6, 3.7), сформировалось на основе консервативной, националистической идеологии – это предопределило позицию данных политических сил в максимально полной реставрации правовой базы и государственной модели межвоенных республик, а также жёсткую линию по отношению к этническому населению, что отразилось и на исторической политике. Народные Фронты здесь раскололись на националистов и умеренных. Литва же, первой в регионе встав на путь независимости, сумела сформировать сильное умеренное крыло в лице Демократической партии труда (см. приложение 4, 4.5, 4.6, 4.7), что не замедлило сказаться на позиции местных властей к русскоязычному и польскому меньшинству.

Обозначенная выше расстановка сил непосредственным образом повлияла на оформление институциональной и законодательной базы независимых республик. Принятое повсеместно в Прибалтике решение о восстановлении довоенной государственности вылилось в признание местными правительствами неправомерности вхождения Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР, не легитимности советской власти как таковой и восприятие периода существования Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР как «периода оккупации» со всеми вытекающими последствиями – а именно невозможность сохранения советской правовой базы, органов власти, предоставления всем постоянным жителям

гражданства (за исключением Литвы) и др. Однако, здесь следует сделать ремарку по отношению к Верховным Советам Республик, избранным в 1989 г. и приведшим свои государства к независимости – по мнению местных историков¹⁹², данные органы власти можно считать легитимными (в отличие от всех остальных), так как они избирались на альтернативной основе и отвечали чаяниям народа. Следовательно, их деятельность в борьбе за независимость от СССР вполне законна.

Институциональное оформление в Эстонии, Латвии, Литве началось с реставрации правовой базы довоенных республик. Первой по данному пути пошла Литва – 11 марта 1990 г. Верховный Совет Республики отменил действие Основного закона СССР¹⁹³ и возобновил действие конституции 1938 г. При этом, в акте отдельно оговаривалось, что *«Литва признает неприкосновенность границ, как это сформулировано в Заключительном акте Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в 1975 году»*¹⁹⁴ – превентивная мера к пресечению возможных претензий Польши на Виленский край и Клайпеду. За южным соседом последовали Эстония и Латвия, где были временно восстановлены не только

¹⁹² Deksnis E. B. Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994. Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. 277 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.; Žalimas D. Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas. Iš Kelias į nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991. Sudarė Genzelis B.; Rupšytė A. Kaunas: Šviesa, 2010. – 188 p. и др.

¹⁹³ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

¹⁹⁴ Цит. по: там же Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba...

Конституции 1938 и 1922 гг.¹⁹⁵, но и довоенные законы о гражданстве¹⁹⁶ с поправками, значительно сужавшими возможности натурализации¹⁹⁷, и восстанавливавшими в правах лишь правоприемных граждан и их потомков. По нашему мнению, это было предпринято для максимального сужения круга потенциальных избирателей, которым предстояло не только принять новый Основной Закон, но и выбрать обновлённые органы власти всех уровней. Учитывая значительное количество нетитульного населения, эстонский и латвийский истеблишмент решил «расчистить путь» от возможных конкурентов. Т. е. принцип правопреемственности и, в последующем, оправдывавшая его государственная историческая политика, использовались в качестве своеобразной «ширмы», прикрытия в решении политических и экономических задач начала 1990-х гг. В качестве подтверждения данного тезиса, рассмотрим процесс ревизии довоенной правовой базы ещё в первые годы независимости стран Прибалтики.

Для правящих элит стран Балтии было очевидно, что довоенная правовая база нуждается в доработке, с учётом новых реалий, и не всегда может быть применена. Учитывая данную особенность, руководство *Эстонии* принимает решение составить новую Конституцию. Тем более, Основной закон 1938 г. был принят с подачи авторитарного лидера

¹⁹⁵ Eesti Vabariigi põhiseadus: kehtestus 1. jaan. 1938 – Tallinn: sn., 1991 Kirjeldus 23, lk.; Latvijas Republikas Satversme // Latvijas Vēstnesis. № 43, 01.07.1993; Latvijas Republikas Satversme: pieņemta Latvijas Satversmes Sapulces 1922.g. 15. februāra kopsēdē (Конституция Латвийской Республики: принятая в пленарном заседании Латвийского Учредительного Собрания 15-го февраля 1922 года и вступившая в силу 7-го ноября 1922 года). Рига: Промсервис, 23 lpp.

¹⁹⁶ Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja. 1992. № 7. ст. 109; Likums par pavalstniecību: (lik. rīk. krāj. 1919. g. 127. num. un 1927. g. 93. num.); Papildinājumi likumā par pavalstniecību (1930. g. 5. Februārī). Rīga: b.i. 1930 (Закон о гражданстве: (Сборник законов № 127 от 1919 года и № 93 от 1927 года); Поправки к Закону о гражданстве (5 февраля 1930 г.), - Рига: б.и. 1930).

¹⁹⁷ Поправки, дополнения и предложения к постановлению «О гражданстве Эстонской Республики» / Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115. Л. 31–32.

Константина Пятса, и не являлся демократическим по своей сути¹⁹⁸. В августе 1991 г. в Эстонии было принято решение, в соответствии с которым формированием эстонской Конституции будут заниматься члены специально созданной Конституционной Ассамблеи. Правом членства в ней были наделены 48 человек, причём они были отобраны как из Комитета Эстонии, так и из Верховного Совета ЭССР, в равном количестве (по 24 человека из каждого органа). Таким образом, в написании эстонской Конституции принимали участие в том числе и лица, для которых русский язык являлся родным¹⁹⁹. Конституционная Ассамблея в Эстонии работала на протяжении полугода. По итогу работы её выбор склонился в пользу проектного варианта Конституции, предложенного Ю. Адамсом²⁰⁰. Данный проектный вариант эстонской Конституции был вынесен на общенародный референдум в 1992 г., в ходе которого он был поддержан. Наиболее проблемным вопросом, рассматривавшимся Конституционной Ассамблеей в процессе принятия новой эстонской Конституции, было предоставление гражданства. Достаточно долго члены Конституционной Ассамблеи не могли прийти друг с другом к согласию о том, кому именно будет предоставлено право принимать участие в голосовании на референдуме, созываемом по вопросу принятия новой Конституции. Некоторые участники полагали, что такое право может быть предоставлено исключительно этническим эстонцам. Им

¹⁹⁸ *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция: внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940); [перевод: В. Белобровцев]. М: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2012. 805 с.

¹⁹⁹ Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ülemnõukogu XII koosseis 29.03.1990–29.09.1992 Statistikat ja ulevaateid / Peatoimetaja Aaro Mottus. Tallinn: Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 2013. L. 74.

²⁰⁰ Во время работы Конституционной Ассамблеи её членами были выработаны шесть проектов конституции (проект Конституции ЭР Игоря Грязина, проект Эдгара Тальвика и Юри Кальювее, проект Юри Райдла, проекты Андо Лепса и Калле Кульбока, проект Юри Адамса) из которых путём голосования Ассамблеи на референдум был вынесен проект Юри Адамса.

оппонировали члены другой группы Ассамблеи, считавшие, что на референдуме должны высказаться абсолютно все, кто проживал на территории бывшей Эстонской ССР, вне зависимости от родного языка и национальности²⁰¹. Члены первой группы предлагали рассматривать вопрос о том, будет ли предоставлена конкретному гражданину возможность голосовать на референдуме, организуемом по поводу принятия новой эстонской Конституции, в соответствии с Законом о гражданстве, принятом в 1938 г. Однако некоторые депутаты посчитали, что данный Закон имеет исключительно либеральный характер, в связи с чем применять его невозможно: *«Представление о действенности “Закона о гражданстве” в течение последних 50 лет непомерно расширило бы число людей, имеющих гражданство Эстонской республики, так как указанный закон автоматически предоставляет гражданство очень многим лицам»* ²⁰². Согласно статьям Закона о гражданстве 1938 г. эстонский паспорт в автоматическом порядке получали женщины, относившиеся к иной нации, но вступившие в брак с мужчиной, имеющим статус гражданина Эстонии. И все те дети, которые впоследствии появлялись в данном браке, также оказывались гражданами Эстонии. Более того, статус граждан Эстонии мог быть распространён в том числе и на тех детей женщины, которые появились на свет в её предыдущих браках, если таковые имелись. Ещё одна категория граждан, не относящихся к эстонской национальности, но имевшая возможность рассчитывать на приобретение гражданства – лица, имевшие постоянное место жительства в пределах Эстонии на протяжении минимум двадцати пяти лет подряд. Соответственно, если бы было принято решение

²⁰¹ Середенко С. Русская правда об эстонской конституции // Институт Русского зарубежья. URL: <http://russkie.org/articles/russkaya-pravda-ob-estonskoy-konstitutsii/> (дата обращения: 14.05.2020).

²⁰² Цит. по: Сопроводительное письмо к проекту постановления Верховного совета Эстонской Республики «О гражданстве Эстонской Республики» / Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.

действовать строго в соответствии с ранее имевшимся законодательством, то у Эстонии появилась бы возможность не сокращать существенным образом количество потенциальных граждан. Однако такая задача перед членами эстонского Верховного Совета не стояла, в связи с чем они приняли решение применять такую законодательную трактовку, которая максимально сокращала количество лиц, потенциально получающих эстонское гражданство. Мы полагаем, что это стало следствием остро развернувшейся в Эстонии в начале 1990-х гг. борьбы за власть, в ходе которой нарождающаяся национальная элита стремилась отсечь от власти и раздела союзного имущества конкурирующую группу из числа русскоязычного меньшинства.

В сентябре 1991 г. членами агентства ЭМОР был проведён социологический опрос, в котором приняли жители Северо-Востока Эстонии (место компактного проживания русскоязычного населения). Суть опроса заключалась в том, чтобы выявить, как неэстонское население относится к перспективе вступления в гражданство Эстонии. По итогам проведённого опроса было выявлено, что 46% неэстонского населения рассматриваемого региона немедленно готовы подать документы на получение эстонского гражданства. Ещё 37% опрошенных не смогли предоставить точного ответа на заданный им вопрос. Наконец, 5% опрошенных сказали, что не планируют становиться гражданами Эстонии²⁰³.

Из сказанного выше следует, что уже к осени 1991 г. у государственных деятелей, непосредственно занимающихся формированием нового эстонского законодательства по вопросам гражданства, было точное понимание того, как население республики относится к перспективе вступления в гражданство Эстонии. Около 50% нетитульного населения Эстонии были готовы стать гражданами нового государства, тогда как

²⁰³ Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.

оставшаяся половина населения такого намерения не демонстрировала. Некоторые участники Верховного Совета предприняли попытки сформулировать предложения²⁰⁴, и если бы они были реализованы, то перечень возможностей, предоставляемых для приобретения гражданства Эстонии, оказался бы более широким. Например, некоторые члены Верховного Совета предлагали отказаться от применения ценза оседлости²⁰⁵. Однако по итогу гражданство Эстонии стало предоставляться только тем, кто был гражданином республики по состоянию на 1940 год (а также их потомкам). Отметим, что эстонский Закон о гражданстве (в версии 1992 г.) вступил в силу ещё до референдума по вопросу принятия новой Конституции²⁰⁶. В соответствии с новым законодательством, лица, не являвшиеся до 1940 г. гражданами Эстонии или их потомками, могли приобретать эстонское гражданство лишь пройдя процедуру натурализации²⁰⁷. К соискателям гражданства путём натурализации предъявлялись следующие требования. Во-первых, быть совершеннолетним (либо предоставить согласие от опекуна или от родителей). Во-вторых, предписывалось обладать постоянным местом жительства на территории Эстонии на протяжении как минимум двух лет. В-третьих, иметь необходимый уровень владения эстонским языком²⁰⁸. Большая часть

²⁰⁴ КПЭ – Коммунистическая партия Эстонии

²⁰⁵ Поправки, дополнения и предложения к постановлению «О гражданстве Эстонской Республики» / Rahvusrhiiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115. Л. 31–32.

²⁰⁶ Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja. 1992. № 7. ст. 109.

²⁰⁷ *Натурализация* – (от фр. *naturaliser*) – индивидуальный прием в гражданство иностранца по его заявлению. Обычно натурализация возможна после более или менее длительного проживания иностранца на территории данного государства (в Эстонии также требуется владение официальным языком государства, наличие средств к существованию, отсутствие судимостей и т. п.), круг прав у натурализованных граждан уже, чем у прирождённых (не могут быть избраны президентом, могут быть лишены гражданства).

²⁰⁸ Восстановление национального государства // ESTONICA Энциклопедия об Эстонии. URL:

русскоязычного населения, по состоянию на 1991 г., проживавшего в Эстонии не постоянной основе, не владела эстонским языком на необходимо для сдачи экзамена уровне.

Таким образом, вследствие утверждения нового эстонского Закона о гражданстве, порядка трети всех избирателей государства были лишены возможности принимать участие в референдуме о принятии Конституции. Кроме того, эти жители также столкнулись с тем, что у них не имелось возможности выбирать членов Парламента нового государства. Соответственно, уже с 1992 г. эстонский Парламент – Рийгикогу полностью состоял из этнических эстонцев²⁰⁹.

Мы столь подробно останавливаемся на вопросе принятия эстонской Конституции и Закона о гражданстве, дабы продемонстрировать избирательность в вопросах о правовом континуитете – правопреемственности восстанавливаемой в 1991 г. Эстонской Республики по отношению к государству 1920-х – 1930-х гг. – ставшими одним из основных столпов местной политики памяти. С самого начала континуитет являлся больше декларируемым, нежели реальным и использовался тогда, когда это было удобно в достижении конкретных политических или экономических целей.

Деятельность Эстонского государства в сфере принятия нового законодательства по вопросам гражданства была крайне негативно встречена руководством Российской Федерации. Руководство РФ последовательно заявляло о том, что Эстонии требуется придерживаться «нулевого варианта» при рассмотрении вопросов, связанных с новым законодательством о гражданстве. Суть «нулевого варианта» заключалась в том, что постоянные

http://www.estonica.org/ru/Политика_Эстонии_в_области_гражданства/Восстановление_национального_государства%E2%80%8B/ (дата обращения: 14.05.2020).

²⁰⁹ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 151.

жители Эстонии должны были получать возможность самостоятельно выбирать, гражданами какой страны они будут становиться. С этой точкой зрения выражали согласие представители многих международных организаций, в частности, Верховный комиссар по делам национальных меньшинств ОБСЕ Макс ван дер Стуул, согласившись, что советские переселенцы не могут рассматриваться как граждане автоматически, подчеркнул, что проживающие в стране в течение длительного периода лица имеют право на получение гражданства²¹⁰.

Конгрессом граждан и Верховным Советом Эстонии было принято и реализовано решение о паритетном формировании Конституционной Ассамблеи. Данное решение нам представляется компромиссным, но при этом неоднозначным. В условиях 1991–1992 гг. Верховный Совет (наполовину сформированный из членов Народного фронта) обладал статусом легитимного органа власти в Эстонии, имевшего все законные основания для единоличной подготовки нового проектного варианта эстонской Конституции. Что же касается Конгресса Эстонии, то он являлся органом, выбранным лишь определённой частью эстонского населения (а не всем эстонским народом), более того, у него не имелось никаких полномочий, прописанных законодательно. Он был вне правового поля, следовательно не являлся легитимным, однако помогал отстаивать нарождающейся национальной элите своё первенствующее положение в новообразованном государстве. Иными словами, в первые месяцы после провозглашения Эстонией независимости, в республике имело место двоевластие. А паритетный принцип формирования Конституционной Ассамблеи позволял избежать прямого конфликта между Верховным Советом и Конгрессом

²¹⁰ *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 257–265.

граждан. Компромиссной можно охарактеризовать и саму эстонскую Конституцию (в том её варианте, в котором она выносилась на общенародный референдум 1992 г.). У неё практически не имелось правопреемственности с Основным Законом 1938 г. Например, согласно новой Конституции, Эстония приобретала статус парламентской республики (тогда как до установления советской власти страна функционировала в форме президентской республики, фактически же являясь с 1934 г. авторитарным государством под предводительством Константина Пятса).

Если говорить в целом, то в большинстве спорных позиций, обозначившихся в ходе работы над конституционным проектом, победила точка зрения Конгресса Эстонии, которой вторила националистически настроенная часть политического истеблишмента, и аффилированных с ними эмигрантских кругов, стоявших за Конгрессом и мечтавших о реституции правовой и имущественной. Так, эстонский язык получил статус единственного государственного, а Конституция Эстонской ССР стала рассматриваться в качестве ничтожной с момента принятия²¹¹. Свидетельства того, что члены Конституционной Ассамблеи всё же могли найти между собой компромиссы по некоторым вопросам, обнаруживаются только в отдельных статьях новой эстонской Конституции. Например, в соответствии с 37-й статьёй Конституции Эстонии определялось, что учебное заведение, созданное для обучения национального меньшинства, может самостоятельно определять, с использованием какого языка будет осуществляться преподавание. 50-я статья Конституции Эстонии предусматривала возможность формирования национальными меньшинствами учреждений самоуправления, но только по культурным вопросам. В 51-й же статье

²¹¹ Преамбула конституции ЭР // Сайт президента ЭР. URL: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 14.05.2020).

Конституции Эстонии говорилось о том, что в тех регионах страны, где более 50% жителей представляют собой национальное меньшинство, они могут требовать от государственных, а также муниципальных органов власти предоставления ответов на собственные запросы, подготовленных не на государственном, а на своём языке. Согласно статье 52 *«в регионах, где эстонский язык не является языком большинства населения, местные самоуправления могут в установленных законом объёме и порядке вести внутреннее делопроизводство на языке большинства постоянного населения этого региона»*²¹². Другими словами, разработчики эстонской Конституции (в версии 1992 г.) опосредованно признали факт, что новое эстонское государство является многонациональным. Благодаря принятию Конституции именно в том проектном варианте, в котором она была вынесена на референдум, на территории Эстонии удалось уйти от масштабных столкновений между эстонским и неэстонским населением.

28 июня 1992 г. в Эстонии состоялся референдум, в ходе которого рассматривался проект новой Конституции²¹³. Возможность оставить свой голос в ходе референдума была предоставлена 669 000 человек (отметим, что в Эстонской ССР количество лиц, имевшее избирательные права, было практически в два раза больше)²¹⁴. В референдуме приняли участие 446 700 человек. 91% из них поддержали представленный вариант эстонской Конституции²¹⁵.

²¹² Цит. по: Конституции ЭР // Сайт президента ЭР. URL: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 14.05.2020).

²¹³ Конституция Эстонской Республики // Сайт президента ЭР. URL: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 14.05.2020).

²¹⁴ Середенко С. Русская правда об эстонской конституции // Институт Русского зарубежья. URL: <http://russkie.org/articles/russkaya-pravda-ob-estonskoy-konstitutsii/> (дата обращения: 14.05.2020).

²¹⁵ Valimised Eestis 1992-2011: statistikat ja selgitusi / koostatud A. Heinsalu, A. Koitmäe, M. Pilving, P. Vinkel, toimetaja: Gerli Eero. Tallinn: Vabariigi Valimiskomisjon, 2011. L. 23.

Начиная с 1993 г., в Эстонии применяется Закон о выборах в органы местного самоуправления²¹⁶. Всё то время, пока данный законодательный акт обсуждался, члены парламента высказывали совершенно разные точки зрения по вопросам, связанным с его содержанием. Самыми острыми являлись споры касательно предоставления пассивного и активного избирательного права для лиц, не имеющих статуса граждан Эстонии. Так, например, депутаты, избранные в эстонский парламент от партий, «Отечество», «Национальная Независимость», полагали, что избирательное право может быть дано исключительно правопреемным гражданам Эстонии²¹⁷. Иные депутаты отстаивали предложение, в соответствии с которым в выборах не могут принимать участие те, у кого присутствует российское гражданство (поскольку войска этой страны размещены на территории Эстонии). Однако эти предложения не были приняты как противоречащие эстонской Конституции. Депутаты от Народного фронта и «Умеренные», высказали опасение что, если у неграждан не будет никакой законной возможности принимать участие в политической жизни Эстонского государства, то ими будут найдены незаконные формы, угрожающие самому существованию Республики. Эти же депутаты заявляли о том, что в случае предоставления негражданам Эстонии возможности принятия участия в муниципальных выборах, то тем самым Эстония наглядно продемонстрирует европейскому сообществу отсутствие какой бы то ни было дискриминации,

²¹⁶ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seadus (Закон о выборах в собрания местных самоуправлений) // Riigi Teataja I. 1993. № 29. ст. 505.

²¹⁷ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seaduse eelnõu teine lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärg Kolmapäev, 12. mai 1993, (Закон о выборах в собрания местных самоуправлений второе чтение / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии Среда, 12 Мая 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199305121400?phrase=Kohaliku%20omavalitsuse%20volikogu%20valimise%20seaduse%20eel%20teine%20lugemine%20&type=ALL#PKP-13332> (дата обращения: 11.10.2022).

реализуемой в отношении русскоязычных лиц²¹⁸. По итогам проведённого обсуждения было принято решение, в соответствии с которым лица, имеющие постоянное место жительства в пределах конкретного муниципального образования, получили возможность голосовать на муниципальных выборах (вне зависимости от наличия или отсутствия эстонского гражданства).

Центристская партия Эстонии – Eesti Keskerakond (в то время Народно-центристская партия), созданная на основе Народного фронта, который боролся за независимость Эстонии от СССР в 1988–1991 гг., и её фракция в Рийгикогу критиковали новый закон о выборах в собрания местных самоуправлений за то, что в отличие от граждан, для неграждан требовалась предварительная регистрация. Оппозиция выразила несогласие с проводившимся ярко выраженным националистическим курсом во внутренней политике, предупреждая о возможных проблемах в будущем. Но на тот момент ещё не был определён статус иностранцев в Эстонии – его рассмотрение началось только в июне 1993 г.

В соответствии с новым эстонским законом «Об иностранцах», практически все неграждане начали рассматриваться в качестве иностранцев. Однако в процессе формирования данного законодательного акта члены эстонского Парламента, а также президент высказывали совершенно разные точки зрения по отдельным его положениям. Например, некоторые члены эстонского Парламента полагали, что все русскоязычные жители страны должны рассматриваться не иначе, как «оккупанты», в связи с чем их следует

²¹⁸ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seaduse eelnõu teine lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärg Kolmapäev, 12. mai 1993, (Закон о выборах в собрания местных самоуправлений второе чтение / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии Среда, 12 Мая 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199305121400?phrase=Kohaliku%20omavalitsuse%20volikogu%20valimise%20seaduse%20eel%20teine%20lugemine%20&type=ALL#PKP-13332> (дата обращения: 11.10.2022).

депортировать с территории эстонского государства ²¹⁹. Эта позиция поддерживалась лишь несущественным количеством эстонских депутатов, поскольку в том случае, если бы она была принята, реализовать её оказалось бы крайне затруднительно. Кроме того, было совершенно неясно, как поведёт себя по отношению к Эстонии международное сообщество, как будут действовать в таком случае члены российского военного контингента, продолжавшие находиться на территории эстонского государства. Ещё одна точка зрения заключалась в том, что все неграждане, проживающие в Эстонии, должны были начать рассматриваться в качестве граждан Российской Федерации. Однако и эта идея не была реализована, поскольку в случае её претворения в жизнь оказалось бы, что более трети населения страны – граждане иностранного государства – России, что позволило бы Москве вмешиваться во внутренние эстонские дела (по мнению местных политических деятелей) ²²⁰. Соответственно, в эстонском законе «Об иностранцах» был предложен вариант «лица без гражданства», который должен был уменьшить число потенциальных граждан РФ. Что касается возможности реализации «нулевого варианта», то она даже не выносилась на обсуждение, поскольку новый эстонский парламент первого созыва являлся крайне националистическим по своему составу. Депутаты, непосредственно привлечённые к деятельности по формированию нового эстонского законодательства «Об иностранцах», акцентировали внимание на том, что

²¹⁹ Välismaalaste seaduse eelnõu esimene lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärk Teisipäev, 8. juuni 1993 (Первое чтение проекта закона об иностранцах / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии, Вторник, 8 июня 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199306081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).

²²⁰ Välismaalaste seaduse eelnõu teine lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärk Teisipäev, 15. juuni 1993 (Второе чтение проекта закона об иностранцах / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии, Вторник, 15 июня 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199306151000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).

сталкиваются с внешним давлением, оказываемом международными структурами, а также отдельными лицами и организациями, непосредственно связанными с Российской Федерацией²²¹.

Вышеупомянутое обсуждение закона об иностранцах вызвало первый серьёзный общественно-политический кризис в Эстонской республике, развёрнутый представителями русскоязычного населения. Возник т. н. Нарвский кризис (референдум об автономии Северо-востока Эстонии), который, как можно предположить, заставил власти пойти на уступки: создание Круглого стола по делам национальных меньшинств при президенте, и вышеупомянутые компромиссы в законе о выборах в собрания местных самоуправлений, в соответствии с которым неграждане, в отличие от соседней Латвии, получили право голоса. Но, тем не менее, можно констатировать, что в целом русскоязычное население слабо реагировало на обсуждение данных законодательных инициатив, в чём не последнюю роль мог сыграть прямой подкуп русскоязычной элиты посредством предоставления эстонского гражданства за особые заслуги. Так, по мнению английского исследователя Нейла Мелвина *«президент Леннарт Мери используя возможность предоставления эстонского гражданства за особые заслуги, предоставил гражданство русскоязычной элите: главным редакторам русскоязычных газет, лидерам политических партий русскоязычных, крупным бизнесменам. Также эстонские власти в соответствии с принципом “разделяй и властвуй” – стремились разделить русскоязычную общину по национальному признаку на русских, украинцев,*

²²¹ Vabariigi Presidendi poolt tagasisaadetud "Välismaalaste seaduse" uus käsitlelu / VII Riigikogu Stenogramm Erakorraline Istungjärk Neljapäev, 8. juuli 1993 (Президент Республики вернул «Закона об иностранцах» на новое рассмотрение / VII Рийгикогу Стенограмма Внеочередной Сессии, Четверг, 8 июля 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199307081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).

евреев и т. д.»²²² Т. е. Круглый стол национальных меньшинств не мог и не должен был решать никаких проблем, так как там находились люди, получившие гражданство и послушные власти, кроме того, испытывавшие к друг другу недоверие и соперничество.

В итоге можно сказать, что принятый 8 июля 1993 г. закон об иностранцах носил компромиссный характер (без депортаций, но с получением гражданства только путем натурализации). Все, кто желал остаться в Эстонии, должны были получить вид на жительство, что также выглядело пассивным согласием с проводимой властями политикой. Определённую роль сыграло и опасение за международный имидж Эстонии. Именно поэтому президент Леннарт Мери направил закон до подписания на международную экспертизу, не нарушает ли он прав человека, в Совет Европы. Даже после положительного решения Совета Европы он снова отправил закон в парламент на доработку, чтобы заручиться санкцией международного сообщества и иметь дополнительный аргумент по вопросу соблюдения прав русскоязычного населения в Эстонии в диалоге с Россией о выводе войск.

Таким образом, с самого начала существования Эстонии как независимого государства (1991–1992 гг.) несмотря на победивший принцип правопреемственности, декларировавшийся Конгрессом Эстонии, произошло отступление от данного принципа в ключевых вопросах (изменения в законе о гражданстве 1938 г., принятие новой конституции 1992 г.) – т. е. принцип правопреемственности служил лишь прикрытием и оправданием националистической политики и борьбы за власть.

Соседняя *Латвия* пошла по несколько иному пути. Здесь Верховный Совет продолжил управлять Республикой вплоть до июля 1993 г. и сыграл

²²² Цит. по: *Melvin N. Russians Beyond Russia The Politics of National Identity*. London: The Royal Institute of international affairs. 1995. P. 46–47.

значительную роль в оформлении законодательства. Так, ещё в 1990 г. частично была восстановлена Конституция 1922 г. В ходе прений, большинство депутатов от Народного Фронта высказались за оценку периода существования Латвийской ССР как «оккупации» и поддержали реставрацию правовой базы буржуазной Латвии, в том числе и Основного Закона²²³. 21 августа 1991 г., практически при отсутствии возражений, данное решение было подтверждено²²⁴ в виде Конституционного закона Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики»²²⁵ и окончательно одобрено без обсуждения вновь избранным парламентом независимой Латвии – Сеймом – 6-го июля 1993 г.²²⁶. Конституция 1922 г. или Сатверсме (Latvijas Republikas Satversme) в своё время составлялась на принципах Веймарской конституции, декларировала основные права и свободы, провозглашала Латвию парламентской республикой; высшим законодательным органом объявляла Сейм или Сэйма (Saeima), исполнительным органом – кабинет министров, представительские функции у избираемого Сеймом Президента (см. приложение 3, 3.1; 3.3). Фактически Основной Закон 1922 г. перестал действовать в стране ещё в 1934 г., после переворота и установления диктатуры Карлиса Улманиса, смещённого уже

²²³ Стенограмма 4-го заседания I-й сессии Верховного Совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. (Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. maijā) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 05.04.2020).

²²⁴ Стенограмма заседания сессии Верховного Совета Латвийской Республики от 21 августа 1991 г. (1991.gada 21. augusta sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_910821v.htm (дата обращения: 05.04.2020).

²²⁵ Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020).

²²⁶ Стенограмма 1-го заседания открытия сессии 5-го Сейма Латвийской Республики от 6 июля 1993 г. (Latvijas Republikas 5. Saeimas pirmā sēde 1993. gada 6. Jūlijā Sēdi vada) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://saeima.lv/steno/st_93/060793.html (дата обращения 02.04.2020).

советскими властями в 1940-м. Однако, это не смутило большинство депутатов Верховного Совета Латвии из числа Народного Фронта и Конгресса Граждан Латвийской Республики, которые всеми силами пытались добиться именно восстановления Республики 1918–1940 гг., мотивируя это необходимостью реализации программы Народного Фронта ²²⁷, поддержанной большинством латышей. Таким образом, Латвия стала единственной из стран Балтии и всего Советского блока, кто восстановил свою довоенную Конституцию без существенных изменений. Во многом это стало возможным, так как конституционные споры в Латвии затмило обсуждение вопроса гражданства и статуса нелатышей, составлявших до половины населения на 1991 г.

Серьёзнейшим камнем преткновения, раскалывавшим латвийское общество, в том числе политический истеблишмент в лице Народного Фронта, стал именно вопрос о гражданстве. Хотя в программе НФ от 1989 г. имелось положение о предоставлении гражданства независимой Латвии всем постоянным жителям республики, изъявившим на то желание²²⁸, к 1991 г. столь единой позиции в одноимённой фракции Верховного Совета Латвийской Республики уже не существовало. Ведь сам Народный Фронт являлся конгломератом разнообразных общественных течений, объединённых стремлением к переменам. И когда эти перемены – в нашем случае в виде независимости Латвии, наступили, фактор единения исчез. По мере обострения системного кризиса в союзных республиках, общество радикализировалось и крайне националистическая позиция как правого крыла НФ, так и Конгресса Граждан Латвийской Республики стала преобладать в Верховном Совете ЛР. Это хорошо видно и по стенограммам

²²⁷ Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma, statūti, rezolūcijas. Rīga: Latvijas tautas frontes izdevniecība, 1990. 24 p.

²²⁸ Там же Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma, statūti, rezolūcijas. Rīga: Latvijas tautas frontes izdevniecība, 1990. P. 4.

заседаний Верховного Совета, и в работах латвийских исследователей (в том числе и депутатов от НФ в 1990–1993 гг.) Виктора Гущина²²⁹, Константина Матвеева²³⁰, Руты Шац-Марьяш²³¹ и др. Более того, вопрос о гражданстве стал настолько резонансным, что 15 октября 1991 г. радиостанции Латвии вели прямую трансляцию из зала заседаний парламента, где принимался данный законопроект. В частности, депутат от Народного Фронта (один из основателей НФ) Роландс Рикардс (Rolands Rikards) с самого начала заявил, что его фракция в вопросе гражданства пошла на компромисс, мотивируя его тем, что *«в Латвии есть граждане двух стран. Это следует из того, что власть СССР в Латвии была незаконной с первого дня. С 17 июня 1940 года власть СССР в Латвии незаконна! <...> Есть 1,7 миллиона граждан Латвийской Республики, для которых мы сегодня восстановим права гражданина, и 1 миллион граждан СССР. Это факт. Некоторые называют их нарушителями границы, другие говорят, что они проникли незаконно. Мы этого не говорим. Мы просто говорим, что граждане СССР никогда не эмигрировали в Латвийскую Республику, потому что суверенная власть Латвийской Республики была утрачена 17 июня 1940 года. Они пришли сюда как в российскую губернию после 17 июня 1940 года. Они не эмигрировали в Латвийскую Республику как независимое государство. Поэтому я считаю, что самый важный момент натурализации – это знание латышского языка.*

²²⁹ Гущин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? О правовых и политических последствиях создания института массового безгражданства и ликвидации всеобщего избирательного права, или От дефицита демократии – к рецидивам тоталитаризма. 1988 год – март 2013 года. Рига, 2013. 720 с.

²³⁰ Матвеев К. Особенности правовой системы Латвийской Республики и их влияние на статус русскоязычного населения // Международная научно-практическая конференция русскоязычных юристов (23–24 октября 2015 года, Москва). Итоговые материалы М., 2015. С. 41–42; Матвеев К. Правовая система Латвии строится на шатком основании // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1353883.html> (дата обращения: 05.04.2020).

²³¹ Марьяш Р. М. Калейдоскоп моей памяти. Рига: Acis, 2003. 470 с.

*Это просто такое дополнительное правило, и не более того»*²³². Здесь мы представили такую обширную цитату, так как она наилучшим образом демонстрирует позицию, возобладавшую в латвийском обществе. На отстаивание и оправдание данной позиции в последующем будут направлены все силы государственной исторической политики. Сущность высказываний депутата Рикардса состоит в том, что СССР в 1940 г. оккупировал Латвию, и, в последующий период, незаконно переселил сюда своих граждан, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть уравнены в гражданских правах с коренными жителями страны. Т.е. «нулевой вариант» предоставления гражданства неприемлем, единственный возможный вариант – это натурализация с обязательным требованием – знание латышского языка. При этом, парламентарии сразу же пресекли любые споры о статусе русского языка – *«требование другого государственного языка, русского, является смертью латышской нации»*²³³. В ходе прений, депутат Роландс Рикардс отметил, что у предлагаемой редакции закона о гражданстве существует и экономическая подоплёка – *«латыши в настоящее время владеют только 10 процентами капитала, нелатыши – 90 процентами, а латыши могут оставаться слугами на своей родине. Это взаимосвязанный процесс...»*²³⁴. Русскоязычные депутаты также обратили внимание на ущербный экономический и правовой статус неграждан. Из выступления депутата Павла Шаповалова (из фракции Интерфронта «Равноправие») *«Г-н Рикардс сказал, что нечего беспокоиться о тех, кто не будет гражданином, потому*

²³² Цит. по: Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015.htm (дата обращения: 07.04.2020).

²³³ Цит. по: Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015.htm (дата обращения: 07.04.2020).

²³⁴ Там же: Цит. по: Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015.htm (дата обращения: 07.04.2020).

*что у них не будет права просто голосовать. Я хотел бы не согласиться с этим и привести несколько примеров, показывающих, насколько желательно сейчас получить гражданство в Латвийской Республике. Мы знаем, что помимо политических прав граждане будут иметь ряд экономических привилегий по сравнению с негражданами. Я упомяну только те законы, которые мы уже приняли. Во-первых, только граждане смогут быть директорами или управляющими государственных предприятий. Этот закон уже принят и работает. Во-вторых, закон о полиции, который уже принят и действует, гласит, что только граждане могут быть сотрудниками правоохранительных органов. Естественно, все полицейские, которые не приобретают гражданство, должны будут уйти в отставку. <...> Согласно Закону об акционерных обществах, определенные преимущества предоставляются их директорам, если они являются гражданами. Я не говорю о земле, о земле как в сельской местности, так и в городах – многим негражданам, проживающим в Латвийской Республике, не разрешат стать ее владельцами. В своем выступлении г-н Лагздиньш сказал, что это решение было компромиссным. Я позволю себе не согласиться, потому что здесь нет компромисса».*²³⁵

Таким образом, все негативные и дискриминационные стороны данного закона были озвучены ещё в ходе его обсуждения и являлись очевидными как для самих парламентариев, так и для общественности. Кроме того, в ходе прений, разработчики законопроекта не скрывали, что вопрос гражданства преследует и экономические цели – а именно перераспределение собственности в пользу латышей. Данную особенность в своих трудах отмечают такие латвийские исследователи как Гущин, Матвеев,

²³⁵ Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. вечерняя сессия (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma Vakara sēde) // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015v.htm (дата обращения: 07.04.2020).

Фурман и Задорожнюк²³⁶. Итог голосования был вполне закономерен: 94 за, 30 против, 7 воздержавшихся. Следовательно, Народный Фронт был в целом един в своей поддержке восстановления гражданства буржуазной республики 1918–1940 гг., тем самым нарушив собственное программное заявление. Закон «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации»²³⁷, фактически, санкционировал появление 730 000 неграждан (30% населения)²³⁸. Так как вопрос о натурализации не был урегулирован вплоть до 1995 г., эти 30% населения не смогли принять участие в политической жизни страны и лишь ограниченно были задействованы в приватизации собственности. В качестве примера здесь можно привести «Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике»²³⁹, который был принят всё тем же Верховным Советом ЛР, в ноябре 1991 г. и привёл к тому, что порядка 220 тыс. человек (10% жителей Латвии) были лишены возможности приватизировать свои квартиры и дома, так как эта недвижимость подлежала реституции, т.е. возврату бывшим

²³⁶ Гуцин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? О правовых и политических последствиях создания института массового безгражданства и ликвидации всеобщего избирательного права, или От дефицита демократии – к рецидивам тоталитаризма. 1988 год – март 2013 года. Рига: 2013. 720 с.; Матвеев К. Особенности правовой системы Латвийской Республики и их влияние на статус русскоязычного населения // Международная научно-практическая конференция русскоязычных юристов (23–24 октября 2015 года, Москва). Итоговые материалы М., 2015. С. 41–42; Матвеев К. Правовая система Латвии строится на шатком основании // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1353883.html> (дата обращения: 05.04.2020); Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. Вып. 5. С. 107–108.

²³⁷ Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69914> (дата обращения: 08.04.2020).

²³⁸ European Commission Against Racism and Intolerance (ECRI) First report on Latvia Adopted on 13 March 1999. P. 7.

²³⁹ Par namīpašumu denacionalizāciju Latvijas Republikā (Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. № 46, 21.11.1991.

владельцам²⁴⁰ (а значит, эти 220 000 человек должны были либо арендовать данное жильё, либо освободить его). Официальной статистики о национальной принадлежности данных лиц не существует. Но, учитывая тот факт, что в экспроприированное жильё селили как правило вновь прибывших в республику специалистов (в основном русскоязычных), а также то обстоятельство, что каждый пятый рижанин оказался квартиросъёмщиком в денационализируемом доме ²⁴¹ (этнические латыши в Риге к 1991 г. составляли менее половины населения²⁴²), можно предположить, что именно русскоязычное население и пострадало в значительной степени от реституции. Законы «О приватизации земли в сельской местности»²⁴³ и «О приватизационных сертификатах» ²⁴⁴ также предусматривали привилегии именно для граждан Латвии. Так, предполагалась реституция земельной собственности и приватизация земли только гражданами страны, которые одновременно и получали больше приватизационных сертификатов (дававших право собственности).

Дальнейшее становление латвийского законодательства связано уже с новым составом парламента, избранным в 1993 г. исключительно правопреемными гражданами. На выборах в Сейм ЛР, состоявшихся 5–6 июня 1993 г., победу одержали партии «Латвийский путь» (36% голосов) –

²⁴⁰ Худенко К. Сегодня будем ломать вашу дверь. Как Латвия отмечает 25 лет с начала денационализации жилья // rus.DELFI.lv URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673> (дата обращения: 22.02.2020).

²⁴¹ Там же: Худенко К. Сегодня будем ломать вашу дверь. Как Латвия отмечает 25 лет с начала денационализации жилья // rus.DELFI.lv URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673> (дата обращения: 22.02.2020).

²⁴² 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

²⁴³ Par zemes privatizāciju lauku apvidos (Закон о приватизации земли в сельской местности) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, 32/33/34, 20.08.1992

²⁴⁴ Par privatizācijas sertifikātiem (О приватизационных сертификатах) // Latvijas Vēstnesis, 52, 04.04.1995. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=34503> (дата обращения: 09.04.2020).

правое крыло Народного Фронта, а также националисты из ДННЛ (15% голосов) (см. приложение 3.7, табл. 2). Сформированные правительства Валдиса Биркавса (июль 1993 – сентябрь 1994) и Мариса Гайлиса (сентябрь 1994 – декабрь 1995) в подходе к законодательству и реституции были преемственны предыдущим властям. При этом также, как в случае с Эстонией, реституционный подход латвийских парламентариев был весьма избирательным. Они отказались решить вопрос предоставления гражданства с позиций «слишком мягкого» закона 1919 г.²⁴⁵, действовавшего в довоенной республике. А создали принципиально новый законодательный акт.

Так, статус неграждан был оформлен специальным законом²⁴⁶ лишь в 1995 г., который вводил новый документ, удостоверяющий личность – паспорт негражданина Латвии (*Latvijas Republikas nepilsoņa pase*). Негражданин имел право постоянно проживать на территории республики, пользоваться социальными гарантиями, но не мог избирать и быть избранным, а также испытывал целый ряд ограничений на профессии (о чём речь шла выше). Сам же механизм натурализации был прописан только в 1994 г. Законом о гражданстве ²⁴⁷. Чтобы процедура натурализации завершалась для того человека, который её инициирует, успешным образом, ему приходилось выдерживать квалификационное испытание на знание латышского языка. Кроме того, в ходе квалификационных испытаний проверялось, насколько хорошо претендент на вступление в латышское

²⁴⁵ Likums par pavalstniecību: (lik. rīk. krāj. 1919. g. 127. num. un 1927. g. 93. num.); Papildinājumi likumā par pavalstniecību (1930. g. 5. Februārī), – Rīga: б.и. 1930, – 32 lpp. (Закон о гражданстве: (Сборник законов № 127 от 1919 года и № 93 от 1927 года); Поправки к Закону о гражданстве (5 февраля 1930 г.), - Рига: б.и. 1930,)

²⁴⁶ Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības (О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства) // Latvijas Vēstnesis, 63, 25.04.1995. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 09.04.2020).

²⁴⁷ Pilsonības likums (Закон о гражданстве) // Latvijas Vēstnesis, 93, 11.08.1994. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> (дата обращения: 09.04.2020)

гражданство знает историю страны, её Конституцию. Если все квалификационные испытания оканчивались успешно, то от претендента на получение гражданства Латвии требовалось произнести клятву в том, что он будет верным республике. В течение первых лет независимости Латвии, применялась практика «окон натурализации» (то есть максимальное количество ходатайств о вступлении в гражданство Латвии ограничивалось). Так, в период, ограниченный 1995 и 1998 гг., через процедуру натурализации максимально могло быть проведено 150 000 человек. Однако фактически данной процедурой воспользовалось только 11 500 человек²⁴⁸. Только в 1998 г., под давлением ОБСЕ, на референдуме были приняты поправки к закону о гражданстве²⁴⁹, отменившие «окна натурализации» и упрощавшие процедуру получения латвийского паспорта (упрощённая процедура для лиц старше 65 лет и детей, родившихся после 21 августа 1991 г.)

Т.е. возникла парадоксальная ситуация – с 1991 по 1995 г. до трети населения независимой Латвии не только не получили автоматически гражданство, но и не имели возможности натурализоваться. По мнению ряда исследователей²⁵⁰, тем самым государственные власти пытались подтолкнуть нелатышское население к массовому выезду из страны (как это было с балтийскими немцами в 1939–1941 гг.) и осуществить возвращение к моноэтническому государству. Но данные расчёты не оправдались, хотя

²⁴⁸ Бутулис И. История Латвии / литературный перевод: Роалд Добровенский. Рига: Jumava, 2010. С. 222.

²⁴⁹ Grozījumi Pilsonības likumā (поправки к закону «О гражданстве») // Latvijas Vēstnesis. № 315/316. 27.10.1998. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> (дата обращения: 02.02.2020).

²⁵⁰ Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. Москва–Рига: Московское бюро по правам человека, 2012. 238 с.; Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В. В., Никифоров И. В.; Предисл. Жданок Т. А.; под ред. Демурина М. В., Симиндея В. В. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 280 с.; Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. Вып. 5. С. 107–108.

часть русскоязычного населения покинуло Латвию²⁵¹. То, насколько население государства поддерживало новое законодательство по вопросам гражданства, было выявлено в ходе референдума, состоявшегося в 1998 г. Было, в частности, определено, что 45% граждан государства не считают необходимым вносить какие-либо упрощающие поправки в порядок проведения процедур, связанных с натурализацией²⁵². Следующим «ударом» по нелатышскому населению стало принятие Закона о языке 1992 г.²⁵³, а также обновлённой редакции, увидевшей свет семь лет спустя.²⁵⁴ Так, в качестве единственного государственного языка в стране был определён латышский. Любой, кто обладал статусом государственного служащего в Латвии, был обязан свободно владеть им. То же самое требование предъявлялось и к тем, кто в своей деятельности постоянно и непосредственно вовлекается во взаимодействие с населением. Исполнение данного законодательного положения контролировалось специализированным органом – Инспекцией по государственному языку. В обязанность Инспекции вменялась проверка уровня владения латышским языком (вплоть до отстранения от работы лица, показавшего низкие знания), наблюдение за СМИ в дублировании всей информации на государственном языке и др. При этом закон совершенно не реагирует на тот факт, что до трети населения страны являются русскоязычными, а два крупнейших города страны – Рига и Даугавпилс латышскоязычные лишь на половину. (см.

²⁵¹ Latvijas 2000.gadadataus skaitīšanas rezultāti / Statistikas datu krājums. (Results of the 2000 population census in brief: statistical bulletin / Central Statistical Bureau of Latvia.). Rīga: Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2002. 294 p.

²⁵² 1998. Gada Tautas nobalsošana (Референдум 1998 г.) // Centrālās vēlēšanu komisijas (Сайт Центральной избирательной комиссии). URL: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/base.velbals> (дата обращения: 03.02.2020)

²⁵³ Par grozījumiem un papildinājumiem Latvijas Padomju Sociālistiskas Republikas Valodu likumā (Поправки к Закону о языке Латвийской Советской Социалистической Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. № 15/16, 16.04.1992.

²⁵⁴ Valsts valodas likums (Закон о государственном языке) // Latvijas Vēstnesis. № 428/433. 21.12.1999. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740> (дата обращения: 05.02.2020).

приложение 1, табл. 4). Об уровне владения латышским официальная статистика свидетельствует следующее. Если в 1989 г. только 23% представителей национальных меньшинств владели латышским языком, то в 2000 г. – уже 53%, а в 2009 г. – около 92%; в 2014 г. латышским языком в той или иной степени владели 94% представителей национальных меньшинств. 3/4 молодых людей – представителей национальных меньшинств в возрасте от 18 до 24 лет ответили, что «отлично» (39%) или «хорошо» (38%) знают латышский язык²⁵⁵.

Финский исследователь Юкка Рислакки считает вышеозначенные цифры официальной статистики завышенными, и приводит данные в 80% русскоязычных, способных говорить по-латышски ²⁵⁶ . Как считает исследователь, впоследствии это приведёт к т.н. «русификации», так как обычно латыши подчиняются ситуации и говорят с русскими по-русски. Согласно исследованиям, нелатыши чувствуют себя в городах уютнее, чем латыши, поэтому в Латвии не может быть применён финский вариант двуязычия²⁵⁷.

Как считают многие исследователи, русский язык будет продолжать оставаться актуальным в Латвии в первую очередь в областях, причисляемых к категории технических. Ведь на момент завершения существования Советского Союза более 2/3 рабочих, находившихся в Латвии, не являлись представителями коренного латышского населения. Точно такая же ситуация имела место, например, в среде врачей. Сейчас русский язык доминирует в

²⁵⁵ Программа освоения латышского языка // Сайт Министерства Иностранных дел Латвийской Республики. URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/programma-osvoeniya-latyshskogo-yazyka> (дата обращения: 03.02.2020).

²⁵⁶ *Рислакки Ю.* Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов; перевод с финского языка Геннадия Муравина. Рига: Jumava, 2011. С. 76–77.

²⁵⁷ Там же: *Рислакки Ю.* Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов; перевод с финского языка Геннадия Муравина. Рига: Jumava, 2011. С. 77.

частном секторе (кроме сельского хозяйства), им необходимо владеть на государственной и муниципальной службе. В Латвии бизнесмены и работодатели зачастую являются русскими и рассматривают Латвию как часть русскоязычной Европы, считаю, что их работники должны хорошо знать русский. Это лишает многих латышей из провинции возможности работать в крупных городах Латвии²⁵⁸.

Бесспорный факт – знание латышского языка среди русскоязычного меньшинства возросло многократно за годы независимости. Разумеется, значительную, хотя и противоречивую роль здесь сыграли и вышеозначенные законодательные инициативы. Тем не менее, мы можем смело констатировать, что в Латвии, также как в соседней Эстонии, была сформирована этноцентричная система государства, справедливость которой предстояло обосновать посредством государственной исторической политики. Правопреемственность, как и в случае с официальным Таллином, в Латвии стала лишь прикрытием для решения экономических и политических задач по зачистке от конкурентов из числа нетитульных наций. Уже в самом начале строительства собственной государственности, латвийский истеблишмент использовал реституционный подход исключительно в тех сферах, где это было выгодно, и наоборот – игнорировал там, где считал его не отвечающим своим интересам.

Если Эстония и Латвия строили свои государственные институты и законодательство схожим образом, формируя этноцентричное государство на принципах максимальной правопреемственности по отношению к довоенным республикам, то перед **Литвой** стояли несколько иные задачи.

²⁵⁸ См. *Рислакки Ю.* Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов; перевод с финского языка Геннадия Муравина. Рига: Jumava, 2011. 283 с; *Veckalne S.* Latvieši vai krievi. Kurš kuru? // *Rīgas Balss.* № 2, 11. janv.2007. Р. 10–11.

Вильнюс провозгласил свою независимость от СССР гораздо раньше соседей – ещё 11 марта 1990 г.²⁵⁹. В силу своего аграрного характера, Литва избежала массового притока русскоязычного населения и осталась, в целом, моноэтничной. Кроме того, полная и безоговорочная реставрация правовой базы буржуазной республики 1918–1940 гг., здесь была чревата возрождением территориальных споров о Мемельском (Клайпедским) и Виленском краях с соседними государствами. По этим причинам, официальный Вильнюс, провозгласив преемственность по отношению к межвоенной Литве, в известной мере вынужден был лавировать между реституцией и созданием новых правовых основ, в частности – Конституции.

Верховный совет Литовской ССР, как мы писали ранее, 11 марта 1990 г. отменил действие советских конституций, возобновил конституцию 1938 г. и для согласования её положений с фактической ситуацией ²⁶⁰ принял Временный Основной закон Литовской Республики²⁶¹, который и действовал до принятия новой конституции, т.е. до 25 октября 1992 г. Во Временном Основном законе мы можем выделить наиболее важные аспекты, которые волновали местный истеблишмент в указанный период – в частности Статья 4 *«Территория Литовской Республики является цельной и неделимой, её границы могут быть изменены только международным договором, после ратификации Верховным Советом Литвы 4/5 всех голосов депутатов»*, а

²⁵⁹ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. *Доронченков А. И.* М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

²⁶⁰ См.: *Цыпляев С. А.* Эволюция конституционного устройства государств постсоветского пространства // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХИГС. – Том: 10, № 1-1(38). 2019. С. 58–67.

²⁶¹ Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios. 1990-03-31. № 9-224.

также статья 12 *«Столица Литовской Республики – город Вильнюс, давняя историческая столица Литвы»*²⁶² были призваны закрыть территориальный спор с Польшей и продемонстрировать бескомпромиссную позицию литовских властей. Одновременно, закон давал понять местным национальным меньшинствам – в первую очередь русскоязычным и полякам – что новое Литовское государство не намерено вытеснять или ассимилировать нетитульные народности: Статья 7 *«Государственный язык Литовской Республики – литовский. Литовская Республика обеспечивает использование литовского языка в деятельности государственных и общественных учреждений, образовательных, культурных, научных, производственных и других учреждений, предприятий и организаций, а также заботу государства о всестороннем обучении и подготовке литовского языка. Создаются условия для использования и развития языков национальных сообществ»*²⁶³. Таковую сговорчивость литовских властей можно объяснить не только неопределённым будущим нового государственного образования (в марте 1990 г. Литва в одностороннем порядке провозгласила независимость от СССР и являлась непризнанным государством), но и возросшим противодействием к самоопределению республики со стороны местных национальных меньшинств (в первую очередь поляков), опасавшихся притеснений со стороны новых властей. Так, Шальчининский районный Совет и город Эйшишкес – место компактного проживания польского меньшинства в Виленском крае – отказались признать декларацию 11 марта 1990 г. и объявили о создании самоуправляемого

²⁶² Цит. по: Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios. 1990-03-31. № 9-224

²⁶³ Цит. по: Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios. 1990.03.31. № 9-224.

«польского национального округа»²⁶⁴. Только гарантии по «Созданию условий для использования и развития языков национальных сообществ» (прописанные в статье 7 Временного основного закона) и предоставление гражданства всем жителям республики, поспособствовало прекращению конфликта.

Как бы то ни было, в отличие от соседних Эстонии и Латвии, где правящие верхи к 1991/1992 гг. «забыли» о своих обещаниях в вопросах гражданства и прав национальных меньшинств, официальный Вильнюс продемонстрировал неизменный и последовательный подход. Закон о гражданстве Литовской ССР от 11 марта 1989 г.²⁶⁵ давал возможность приобретения гражданства всем постоянным жителям республики (т. н. «нулевой вариант»), Закон о гражданстве от 5 декабря 1991 г.²⁶⁶ подтверждал это право.

Сразу же после провозглашения независимости, началась работа над новым Основным законом. В межвоенный период в Литовской Республике 1918–1940 гг. было принято несколько временных и постоянных конституций. Кроме того, с 1926 г. вплоть до 1940 г., в стране существовал авторитарный режим Антанаса Сметоны. Всё это затрудняло возможность реставрации старой правовой базы. 7 ноября 1990 г. Верховным Советом Литвы из числа депутатов, была образована рабочая группа по разработке Конституции. Через год, наработки этой группы были переданы Временной

²⁶⁴ Dainius Ž. Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas / sud Kn. Bronislovas Genzelis, Angonita Rupšytė, Kelias į Nepriklausomybę. Kaunas: Šviesa, 2010. P. 188.

²⁶⁵ Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Советской Социалистической Республики) // Сайт Сейма Литвы. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.18854?positionInSearchResults=0&searchModelUID=c85748b2-fbaa-447b-b151-43e61ba2998c> (дата обращения: 12.04.2020).

²⁶⁶ Lietuvos Respublikos Pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Республики) // Lietuvos aidas. 1991.12.17. № 251-0.

комиссии по разработке Конституции, сформированной с участием всех политических сил, представленных в Верховном Совете. В состав Комиссии вошли: Витянис Повилас Андрюкайтис, Збигневас Бальцявичюс, Бронисловас Гензялис, Эгидиус Ярашюнас, Стасис Кропас, Кестутис Лапинскас, Йонас Ляучюс, Донатас Моркунас, Казимерас Мотека, Ромуалдас Озолас, Роландас Паулаускас, Нарцизас Людвикас Расимавичюс, Зита Шличите, Ауримас Таурантас²⁶⁷. Председателем 16 января 1992 г. был утвержден Кестутис Лапинскас²⁶⁸. Итогом их работы стал, фактически, раскол комиссии и выработка двух проектов конституции – проект большинства членов комиссии (11 человек) и проект трёх депутатов от правого крыла Саюдис «За демократическую Литву»²⁶⁹. Сущность разногласий касалась полномочий Сейма (парламент Литвы), Правительства и Президента. Путём компромисса, удалось выработать единый согласованный вариант Основного закона²⁷⁰, который и был принят на референдуме 25 октября 1992 г. большинством голосов (56,8% от общего числа избирателей)²⁷¹. Согласно конституции, Литва провозглашалась смешанной президентско-парламентской республикой (в отличии от

²⁶⁷ Dėl laikinosios komisijos Konstitucijos projektui parengti sudarymo (Об учреждении временной комиссии по подготовке проекта Конституции) // Valstybės žinios. 31 декабря 1991. № 36-978

²⁶⁸ Dėl laikinosios komisijos Konstitucijos projektui parengti pirmininko patvirtinimo (Решение об утверждении председателя временной комиссии по подготовке проекта Конституции) // Valstybės žinios. 1992-01-31. № 3-47.

²⁶⁹ Lietuvos konstitucinė teisė: raida, institucijos, teisių apsauga, savivalda. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto Leidybos centras, 2007. P. 165.

²⁷⁰ Там же: Lietuvos konstitucinė teisė: raida, institucijos, teisių apsauga, savivalda. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto Leidybos centras, 2007. P. 165.

²⁷¹ Lietuvos Respublikos vyriausiosios rinkimų komisijos 1992 m. spalio 31 d. nutarimas «Dėl 1992 m. spalio 25 d. referendumo Lietuvos Respublikos Konstitucijai priimti rezultatų» (Постановление Центральной избирательной комиссии Литовской Республики от 31 октября 1992 г. «Об итогах референдума от 25 октября 1999 года по принятию Конституции Литовской Республики») // Сайт Центральной избирательной комиссии Литовской Республики. URL: https://www.vrk.lt/documents/10180/432567/2343_lrkonstitucpriimti.pdf/312a28c3-73f1-443a-a893-e55b93b60f49 (дата обращения: 13.04.2020).

соседних Эстонии и Латвии, где сложилась парламентская республика, а президент имеет лишь представительские функции) (см. приложение 4, 4.1; 4.3) – это очевидный компромисс между сторонниками сильной президентской власти в лице правого крыла Саюдис «За демократическую Литву» во главе с председателем Верховного Совета Витаутасом Ландсбергисом и остальными членами Конституционной комиссии. Что касается текста самой Конституции, то здесь обращает на себя внимание преамбула, которая гласит, что *«Литовский народ, создавший много веков тому назад Литовское государство, основывая его правовой фундамент на Литовских Статутах и Конституциях Литовской Республики, веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплощая естественное право человека и Народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков – в независимом Литовском государстве, радея о национальном согласии на земле Литвы, стремясь к открытому, справедливому, гармоничному гражданскому обществу и правовому государству, по воле граждан возрожденного Литовского государства принимает и провозглашает настоящую Конституцию»*.²⁷² Соответственно, современная Литовская Республика, стремясь обезопасить себя от возможных территориальных притязаний (в первую очередь со стороны Польши, в силу исторических причин), объявляет о правопреемстве не только по отношению к межвоенной Литве 1918–1940 гг., но и к средневековому Литовскому государству. Данный факт сыграет определяющую роль в дальнейшем формировании литовской политики памяти. Кроме того, фразой «радея о национальном согласии на земле Литвы» фиксируется многонациональных

²⁷² Цит. по: Конституция Литовской Республики (русский перевод) // Сейм Литовской Республики. URL: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 13.04.2020).

характер Литовского государства. В соседних Эстонии и Латвии, напротив будет подчёркиваться моноэтнический характер республик²⁷³.

Также, применительно к становлению законодательной основы Литовской Республики, необходимо обратиться к Закону о языке 1995 г.²⁷⁴, который провозглашал единственным государственным – литовский язык. Однако в Статье 1, правового акта, было отмечено, что «*Закон не регулирует язык неформального общения литовского населения и событий религиозных общин и лиц, принадлежащих к национальным общинам*»²⁷⁵. Данная оговорка в тексте закона и явилась реакцией властей на наличие в республике польского и русскоязычного меньшинства. При этом, именно русский язык является языком межнационального общения в Литве между литовцами, русскими, белорусами, украинцами, поляками (см. приложение 1, табл. 5, 6). Однако, закон явно был направлен на вытеснение польского и русского языков и литуанизацию местных национальных меньшинств.

Получив литовское гражданство, местное русскоязычное и польское население скооперировалось в борьбе за защиту своих прав, а также за сохранение образования на родном языке. При этом, по нашему мнению, гораздо более весомую позицию здесь проявляет именно польское население, всецело ориентирующееся на поддержку Варшавы²⁷⁶. Ведь последняя, в отличие от России, является полноправным членом ЕС и имеет больше «рычагов давления» на Вильнюс.

²⁷³ Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007): диссертация ... кандидата исторических наук: 07:00:03 [Место защиты: Иванов. гос. ун-т]. Кострома, 2015. 298 с.

²⁷⁴ Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios. 1995.02.18. № 15-344.

²⁷⁵ Цит. по Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios. 1995.02.18. № 15-344.

²⁷⁶ Шибаева Е. И. Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. 2011. № 1(70). С. 80–83.

Как видно из переписей населения, в Литве²⁷⁷ на протяжении 1990-х – 2000-х численность национальных меньшинств – как русскоязычных, так и поляков, непрерывно сокращалась. Тем не менее, уже в первые годы независимости, нетитульные нации сумели организовать свои политические силы, а именно Союз русских Литвы (СРЛ) и Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ). Позднее, в 2002 г., появилась вторая русскоязычная политическая сила – Русский альянс (РА). Но подобное раздробление русскоязычного электората вскоре привело к тому, что СРЛ и РА стали терять поддержку и представительство в органах власти²⁷⁸. Польское же меньшинство, наоборот консолидировалось вокруг ИАПЛ и добилося представительства не только в местных органах власти, но и в Литовском Сейме (от 2-х до 8-ми мандатов из 141 возможных). А ещё стоит отметить тот факт, что в 2009 г. Владимир Томашевский, выходец из польской общины, стал депутатом Европарламента от Литвы. Начиная с середины 2000-х гг., Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ) позиционирует себя как защитник интересов национальных меньшинств, не только поляков, но и русских. Для привлечения русскоязычного электората, в избирательные списки ИАПЛ включаются представители Русского альянса (РА) и другие русскоязычные политики.

Сходным образом развивается ситуация и в сфере образования для национальных меньшинств²⁷⁹. С каждым годом количество образовательных учреждений в Литве, которые работают на русском, а также на польском

²⁷⁷ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019); Lietuvos gyventojai (2019 m. leidimas) Gyventojų skaičius ir sudėtis (Жители Литвы (издание 2019 года) Население и состав) // Official Statistics portal. URL: <https://osp.stat.gov.lt/lietuvos-gyventojai/lietuvos-gyventojai-2019/salies-gyventojai/gyventoju-skaicius-ir-sudetis> (дата обращения: 08.12.2019).

²⁷⁸ Шибалева Е. И. Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. 2011. № 1 (70). С. 80–83.

²⁷⁹ Полещук А. Почти как русские. Как Литва пытается интегрировать поляков // rus.DELFI.lv URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/abroad/pochti-kak-russkie-kak-litva-pytaetsya-integrirovat-polyakov.d?id=49281269> (дата обращения: 08.12.2019).

языках, уменьшается²⁸⁰. При этом прослеживается тенденция к сохранению малокомплектных польских школ и закрытие подобных русскоязычных образовательных учреждений²⁸¹. Здесь польская община Литвы также всецело опирается на официальную Варшаву, которая оказывает не только политическую, но и методическую поддержку учебной литературой, программами образовательного обмена и т.д. Именно консолидированное выступление польской и русской общины позволило избежать перевода школ меньшинств на литовский язык обучения в 2008 г., при этом в соседних Эстонии и Латвии с куда большим числом русских школ избежать подобной реформы не удалось.

В целом, оформление государственных институтов и законодательства в Литве проходило в менее накалённой обстановке, нежели у северных соседей. Это объясняется отсутствием многочисленного национального меньшинства в республике, а также концентрацией власти в руках умеренного крыла политического истеблишмента в лице Демократической партии труда Литвы (*Lietuvos demokratinė darbo partija, LDDP*) – преемницы либерального крыла Коммунистической партии Литвы, оттеснившей националистов от власти (см. приложение 4, 4.6). Тем не менее, как можно заметить, и здесь принцип правопреемства использовался весьма избирательно. Кроме того, в 1993 г. в Литве, недалеко от Каунаса произошла провокация с участием добровольцев СКАТ (*Savanoriškoji krasto apsaugos tarnyba* – Добровольные территориальные охранные силы) – военизированных отрядов, созданных в 1990 г. для охраны независимости Литвы. Данные события малоизучены и заключаются в мятеже членов Каунаского отряда СКАТ, которые отказались подчиниться правительственному указу о разоружении добровольцев и летом 1993 самовольно ушли в леса. К концу сентября 1993 г. путём переговоров

²⁸⁰ Шибеева Е. И. Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. 2011. № 1(70). С. 80–83.

²⁸¹ Шибеева Е.И. Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир – N. 1 (70) –2011, – С. 80–83.

конфликт удалось урегулировать. О первопричинах данного мятежа исследователи выдвигают различные версии – от провокации правых сил, недовольных поражением на парламентских выборах 1992 г. и приходом вчерашних коммунистов из Демократической партии труда к власти, до попыток Москвы дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в Литве на фоне вывода советских/российских войск²⁸². За исключением данного инцидента, институциональное оформление государственности в Литве проходило мирно и последовательно.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что оформление государственных институтов и законодательства независимых Прибалтийских республик проходило в форме правопреемства по отношению к их довоенной государственности. Наиболее полно данный подход был реализован в Эстонии и Латвии, где на фоне наличия крупного русскоязычного меньшинства и раскола общества по этнонациональному признаку, развернулась борьба за экономическое и политическое превалирование титульного населения над неэстонцами и немцами. Принцип правопреемства здесь был умело использован националистическими кругами (в борьбе за политическое и социально-экономическое превалирование), которым удалось закрепиться у власти и в последующем, при помощи государственной исторической политики, оправдывать справедливость реституционных принципов в законодательном и государственном строительстве. Литва, являясь более однородной в этническом плане, пошла по умеренному реституционному пути и в большей степени заботилась о сохранении территориальной целостности, купировании возможных претензий к Виленскому краю и Клайпедой, а также

²⁸² Landsbergis V. Viešoji informacija apie 1993 m. savanorių akciją Pakaunėje. Vilnius: Konservatyvioji ateitis, 2006.; Jančys A. Žmogus su šautuvu // Extra. 15–21 May, 2000. № 18(81).

к их литуанизации (первостепенное продвижение литовского языка и культуры). Кроме того, в отличие от северных соседей, националистическим кругам здесь не удалось удержаться у власти, а пришлось уступить место более умеренному крылу политического истеблишмента. Тем не менее, кровавые события 1991 г., сопровождавшие Литовский путь к независимости, также явились отправной точкой для формирования местной политики памяти.

Именно континуитет станет одним из краеугольных камней прибалтийской политики памяти, который и предопределяет основной вектор её развития, нацеленный на идеализацию республик межвоенного периода как «достойных» примеров для правопреемственности. Соответственно, это предопределяет культивирование негативного образа СССР, покончившего с местной суверенной государственностью, а также отрицание освободительной роли Красной Армии в ходе Великой Отечественной войны, как фактор, сделавший невозможным реставрацию довоенной государственности и др.

1.3. Ключевые составляющие в историческом прошлом стран Прибалтики, подвергшиеся ревизии в 1991–2014 гг.

В представленном исследовании мы рассматриваем Прибалтийские республики в качестве некоей геополитической общности, объединённой не только физико-географической сопредельностью, но и целым рядом закономерностей исторического и законодательно-правового характера. Мы исходим из того, что на протяжении столетий, народы региона развивались

схожим образом, проходя одни и те же этапы развития и процессы, сохраняя, разумеется, некоторые специфические особенности.

В мае 2001 г. в качестве министра иностранных дел Эстонии (в 1999–2002 гг.), в последующем – президент страны (в 2006–2016 гг.) Томас Хендрик Ильвес в интервью «The Wall Street Journal» констатировал: *«Я не чувствую себя прибалтом. Нас в один день завоевали, в один день насильно затихали в Советский Союз и в один и тот же день начали массовую депортацию жителей наших стран. Я не считаю, что это и есть связь между народами»*, – заявил он тогда²⁸³. Опираясь на идею, что Эстония – часть Скандинавии, Ильвес и его сторонники отделяют Эстонию от южных соседей и утверждают, что кроме негативного опыта прошлого Эстонию, Латвию, Литву мало что объединяет. Мы рискнём не согласиться в данном вопросе с бывшим главой Эстонского государства, так как считаем, что объединяющих факторов в истории эстонского, латышского и литовского народов гораздо больше, нежели упомянул господин Ильвес (родившийся и проживший большую часть жизни вне Эстонии и Прибалтики).

В этническом и языковом плане действительно, различия существенны – эстонцы относятся к финно-угорским народам и соответствующей языковой группе (родственны финнам, удмуртам, марийцам, карелам, и др.). Латыши и литовцы относятся к балтской (балтийской) этнической и языковой группе.

Однако необходимо обозначить общий исторический контекст, объединяющий народы Прибалтики. Здесь следует отметить фактически идентичный путь развития Эстонии и Латвии, а также специфичность Литвы. К XIII в. территория современных Эстонии, Латвии, Литвы была заселена

²⁸³ Цит. по: Шибарева Е. И. Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. С. 19.

языческими племенами, не имевшими собственной государственности (лишь относительно Литвы является дискуссионным вопрос о времени возникновения собственно литовского раннефеодального государства). В этот же период территория Прибалтики подверглась нашествию крестоносцев и насильственному окатоличиванию. В регионе возникло государство германских рыцарей-крестоносцев – Ливония (позднее – Ливонская конфедерация) с главными центрами в Риге и Ревеле (Таллине). В Литве – единственной из трёх стран Балтии, появилось собственное средневековое государство – Великое княжество Литовское. В ходе ливонской войны и распада конфедерации – вся Эстония и северная Латвия оказались под контролем Шведского королевства, Великое княжество Литовское объединилось с Польшей в Речь Посполитую. В XVIII столетии территория Прибалтики вошла в состав Российской империи (Эстония и северная Латвия в результате Северной войны, Литва – по итогам разделов Польши) и была поделена на Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую, Ковенскую и Виленскую губернии. В первых трёх губерниях (территория современных Эстонии и Латвии) был провозглашён «особый остзейский порядок», согласно которому сохранялись бывшие привилегии немецкого остзейского дворянства и бюргерства, право на самоуправление и превалирование немецкого языка в общественной и государственной сферах (вся земля, политические и экономические ресурсы были сосредоточены в руках балтийских немцев; они же составляли подавляющее большинство жителей основанных ими же городов). Здесь же уже в 1816–1819 гг. было отменено крепостное право – крестьяне (абсолютное большинство эстонцев и латышей) получили свободу без земли; большая часть земельных угодий оставалась в собственности потомков германских крестоносцев – балтийских (или остзейских) немцев вплоть до начала 1920-х гг. (данный аспект стал одной из весомых причин роста социальной напряжённости в регионе в

последующий период). В Ковенской и Виленской губерниях сохранялись позиции польско-литовской знати, их земельные владения; крепостное право здесь было отменено лишь в 1861 г. на тех же условиях, что в других частях Российской империи. Во второй половине XIX–XX вв. история эстонского, латышского и литовского народов имеет ещё большее количество сходных черт:

- Национальное пробуждение в 1860-е – 1870-е гг.: рост национального самосознания; рост интереса к национальной культуре, появление национальной интеллигенции и др.
- Русификация 1880-х – 1890-х гг.: внедрение делопроизводства и образования на русском языке в противовес немецкому, польскому; активная миссионерская деятельность православной церкви в лютеранской и католической среде.
- Первая мировая война, немецкая оккупация, провозглашение независимости, гражданская (в прибалтийской историографии – освободительная) война: с революцией 1917 г. в России и окончанием Первой мировой войны в регионе активизировалась борьба за создание собственной национальной государственности. В ходе этой борьбы эстонцы и латыши столкнулись с тремя противниками – остзейским дворянством (стремявшимся сохранить свой привилегированный статус созданием прогерманского государства в Прибалтике), белыми армиями (выступали за «единую и неделимую Россию») и большевиками (идея мировой революции); литовцы – с поляками (восстановление Речи Посполитой в прежних границах и полонизация Литвы) и большевиками.
- Появление и развитие национальных государств в 1920-е – 1930-е гг. со схожими политическими и социально-экономическими процессами (функционирование парламентской демократии на

начальном этапе; авторитарные перевороты президентов Антанаса Сметоны в Литве в 1926 г., Константина Пятса и Карлиса Улманиса в Эстонии и Латвии в 1934 г. – приверженцев идеи построения моноэтнических национально ориентированных государств).

- События Второй мировой войны: размещение советских военных баз в 1939 г., инкорпорация в состав СССР на правах союзных республик, немецкая оккупация 1941–1944 гг., проблема коллаборационизма в форме национальных подразделений СС и анти-советского движения «лесных братьев» (применительно к Литве имело место приращение к республике Виленской области и других территорий благодаря СССР).
- Схожее развитие в составе СССР, активизация деятельности Народных фронтов в период перестройки (борьба за независимость и выход из состава Советского Союза Эстонии, Латвии, Литвы в годы перестройки получила название «Поющая революция» 1987–1991 гг.).
- Общие закономерности политического, правового, социально-экономического развития в новейший период, после 1991 г.

Представленный материал подготовлен на основе работ самих прибалтийских исследователей²⁸⁴ и даже беглый взгляд позволяет судить о весьма схожем историческом контексте развития трёх прибалтийских

²⁸⁴ См.: Бутулис И. История Латвии; литературный перевод: Р. Добровенский. Рига: Jumava, 2010. 239 с.; История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вярэ. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; Kiaupa Z. The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.

республик (в особенности Эстонии и Латвии), что весьма значимо для темы нашего исследования.

Событийный ряд имперского периода развития (1721–1917 гг.) эстонских, латвийских, литовских земель не вызывает столь жарких дискуссий в местном историческом дискурсе, как советский. Он не находится в центре общественного или научного внимания и вытеснен более актуальным для местных элит нарративом XX столетия²⁸⁵. Тем не менее он также вносит свою лепту в конструирование местной исторической памяти. Критические оценки периода вызывает политика русификации 1880-х – 1890-х, жестокое подавление революционного движения в ходе первой русской революции, а также отсутствие политических свобод и социально-экономическое отставание Российской империи от передовых стран Запада²⁸⁶. Другие аспекты исторического развития в указанных хронологических рамках интерпретируются нейтрально, либо позитивно – восстановление народного хозяйства после Северной войны, Великие реформы Александра II, промышленный подъём. Акцентируется внимание на высоком уровне грамотности населения прибалтийских губерний по сравнению с другими

²⁸⁵ Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 163–177; Зверев К. А. Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ // Диалог со временем. – 2022. № 81. С. 216–225; Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215; Зверев К. А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. № 1. Т. 25. С. 79–81

²⁸⁶ См.: Бутулис И. История Латвии; литературный перевод: Р. Добровенский. Рига: Jumava, 2010. 239 с.; История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антониис Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; Крийска А., Мязсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андрежен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; Kiaupa Z. The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.

регионами Империи и превращение Ревеля, Риги, Нарвы, Двинска в крупные промышленные центры.

При этом не следует оценивать исторические взгляды трёх прибалтийских народов как нечто монолитное, единое. Существуют некоторые различия в эстонском и латвийском взгляде на события данного периода с одной стороны, и литовском – с другой. Эстонский и латышский взгляд на прошлое объединяет идентичный исторический контекст – обстоятельства и время включения в состав Российской империи, особый остзейский порядок и активизация национальных движений в 1860-е гг. Здесь различие в оценках минимальное, исследователи двух стран сходятся во мнении о быстром восстановлении региона после Северной войны и положительной динамике социально-экономического развития XVIII–XIX вв. Вместе с тем, проблемным вопросом является оценка особого остзейского порядка, который сохранялся в Прибалтике до 1917 г. С одной стороны историки отмечают положительные черты немецкого культурного влияния в виде высокого распространения грамотности среди населения, автономного статуса прибалтийских провинций, с другой стороны – всевластие остзейского дворянства и полное подчинение эстонского и латышского крестьянства их воле.

Отличительной особенностью латвийского исторического дискурса, помимо прочего, является идеализация и апеллирование к Курляндскому герцогству, воспринимающемуся частью местных историков в качестве латвийского протогосударства, способствовавшего развитию национальной культуры, языка, науки и др.²⁸⁷. Авторов обозначенных тезисов не смущает

²⁸⁷ Butulis I., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. P. 33–34; Germanis U. The Latvian saga. Riga: Atena, 2007. P. 132–135.

немецкий характер герцогства и статус латышей в нём – как бесправного, исключительно крестьянского, населения²⁸⁸.

Литовская интерпретация периода развития в составе Российской империи в большей степени разнится с эстонскими и латвийскими оценками. В отличие от северных соседей, Литва имела опыт собственной государственности в лице Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое с 1569 г. являлось частью Речи Посполитой. Последняя в литовской историографии именуется Республикой Двух Народов, где подчёркивается не только польский, но и литовский характер данного государства²⁸⁹. Также присутствует и идеализация Речи Посполитой как равноправного союза наций сродни современному Европейскому Союзу, государству, принявшему первую в Европе конституцию и др.²⁹⁰. Посему раздел Республики Двух Народов и установление российского контроля над литовскими землями оценивается не иначе как «оккупация» и «гнёт» царских властей, отложение от передовых западных достижений²⁹¹. Соответственно, все польские восстания, охватывавшие, в том числе, и литовские земли, характеризуются как национально-освободительные, а политика царских властей как репрессивная, направленная на ассимиляцию литовского народа. Период существования Виленской и Ковенской губерний, таким образом, по замыслу местных исследователей, нарушил естественный ход национальной истории и развитие национальной

²⁸⁸ *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М.: Издательство «Троица», 2009. С. 285–287; *Плаканс А.* Краткая история стран Балтии / пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. С. 163–164.

²⁸⁹ *Плаканс А.* Краткая история стран Балтии / пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. С. 168; *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M.* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. P. 71.

²⁹⁰ *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M.* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. P. 71–94.

²⁹¹ *Istorijos akiraciai: straipsniu rinkinys* / red. *Edmundas Rimsa*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto liedukla, 2004. P. 319–362; *Kiaupa Z.* The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. P. 169–208.

государственности²⁹². При этом в местном научном дискурсе практически не находит отражения процесс полонизации литовских земель и элит, усилившийся в XVI–XVIII вв. Не обойдён вниманием местных историков и религиозный аспект, оцениваемый также весьма критично – ограничение прав католической церкви и активная миссионерская деятельность православной²⁹³.

Таким образом, интерпретация имперского прошлого в современных Прибалтийских республиках в значительной степени различается – от нейтральных оценок в Эстонии и отчасти Латвии, до – сугубо негативных в Литве.

Тем не менее, основополагающим нарративом прибалтийской исторической политики выступает XX век и вопрос правопреемственности национальной государственности. Необходимо отметить, что описанный принцип правового континуитета является одним из важнейших элементов политики памяти для каждой из стран Балтии. Он определил основы этнической политики Эстонии и Латвии по предоставлению гражданства лишь подданным республик межвоенного периода; привёл к принятию во всех трёх республиках законов о реституции – возвращении бывшим владельцам национализированной в советский период собственности и др.

С тематикой континуитета тесно связана специфическая интерпретация Второй мировой и Великой Отечественной войны, исход которой в пользу Советского Союза сделал невозможным реставрацию довоенной государственности в Прибалтике. Эволюция интерпретаций событий Второй мировой войны в современных Прибалтийских республиках весьма репрезентативно демонстрирует сущность государственной исторической

²⁹² *Kiaupa Z.* The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. P. 169–208.

²⁹³ *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M.* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. P. 120–138.

политики в регионе. В контексте данных событий существует несколько проблемных сюжетов, вызывающих диаметрально противоположные оценки в историографии – это обстоятельства включения Прибалтийских республик в состав СССР, депортации населения 1941 и 1949 гг., проблема коллаборационизма, военные преступления, служба этнических прибалтов в Красной армии.

В качестве исходной интерпретации по первому проблемному сюжету, можно взять «классическую» точку зрения советской историографии касательно оценки событий Второй мировой и Великой Отечественной войны, доминировавшей в местном историческом дискурсе до 1991 г. (в значительной степени распространённой и в современной отечественной историографии). Согласно данной точке зрения, правительства Эстонии, Латвии, Литвы в 1939 г. добровольно подписали с СССР договоры о размещении воинских контингентов Красной Армии на своей территории. В 1940 г. в результате народного волеизъявления, по просьбе местного населения – добровольно и легитимно республики были включены в состав Советского Союза²⁹⁴.

Сегодня же всё чаще появляются исследования, в которых изложенная выше интерпретация подвергается ревизии. Ряд современных авторов предлагает рассматривать процесс вступления Литвы, Латвии, Эстонии в состав СССР в качестве насильственного, инициированного и осуществлённого Москвой²⁹⁵. Подавляющее большинство современных прибалтийских исто-

²⁹⁴ Воробьева Л. М. История Латвии от Российской империи к СССР: в двух книгах. М.: Фонд «Историческая память»; Российский институт стратегических исследований, 2009;

²⁹⁴ Павлухин С. История всё стерпит // Молодежь Эстонии. 2001, 6 сентября. URL: <http://www.moles.ee/05/Sep/06/18-1.php> (дата обращения: 27.09.2020); Социалистическая революция 1940 г. в Литве, Латвии, Эстонии: восстановление Советской власти / Б. А. Томан, А. Ю. Гайкалайте, А. И. Спреслис [и др.]. М.: Наука, 1978. 531 с.

²⁹⁵ Клемешев А. П., Тарасов И. Н. Прибалтика накануне и во время Второй мировой войны: дилемма независимости // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 12. С. 70–75; Худолей К. К. Советизация балтийских государств летом 1940 г. и

риков придерживаются именно такой позиции, оценивая события 1939–1940 гг. как начало «советской оккупации»²⁹⁶.

Следующий проблемный сюжет – депортации «антисоветских элементов», которые были проведены во всех прибалтийских республиках за неделю до начала Великой Отечественной войны. В зависимости от разных источников, из Эстонии произошла высылка до 10 000 человек²⁹⁷, из Латвии было выдворено порядка 15 000 человек²⁹⁸, больше всего было депортировано людей из Литвы – около 34 000 человек²⁹⁹. Насильственному переселению подвергались в основном бывшие чиновники, промышленники, крупные землевладельцы, офицеры национальных армий. В советской историографии данный вопрос практически не освещался по политическим причинам. В работах современных отечественных авторов депортированные оцениваются как антисоветские элементы, выступавшие за активное или пассивное сопротивление новым властям. Кроме того, отмечается завышение прибалтийскими авторами количества депортированных³⁰⁰.

её последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Серия 6, № 1. С. 94–110.

²⁹⁶ *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости: (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / пер. с эстон. М.: РОССПЭН: фонд «Президент. Центр Б. Н. Ельцина», 2012. 806 с.; *Мялскоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.; *Meissner Boris* Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. 377 p.; *The Baltic countries under occupation: Soviet and Nazi rule 1939–1991* / editor: Anu Mai Kõll. Stockholm: Stockholm University. Department of history; Almqvist & Wiksell, 2003. 421 p.

²⁹⁷ *Лаар М.* Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / Пер. с эстонск. С. Карм. Таллинн: Grenader, 2005. С. 5.

²⁹⁸ *Occupation of Latvia. Three occupations: 1940-1991: Sov. a. Nazi take-overs a. their consequences* / [ed. a. comp. by the staff of the Museum of the occupation of Latvia: Valters Nollendorfs et al.]. Riga: Occupation Museum Found., 2004. С. 23.

²⁹⁹ *Damušis A.* Lietuvos gyventojų aukos ir nuostoliai Antrojo pasaulinio karo ir pokario 1940–1959 metais, Kaunas: Sviesa, 1990. L. 15.

³⁰⁰ *Дюков А. Р.* Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М.: Яковлев, 2007. 138 с.; *Он же* От этнической высылки к депортации "опасного элемента":

Наиболее проблемным сюжетам прибалтийской политики памяти является вопрос о коллаборационизме в годы Второй мировой войны. В советской историографии проблема коллаборационизма, в том числе в Прибалтике, освещалась достаточно слабо – в первую очередь по политическим мотивам, чтобы не подвергать сомнению братство народов. Тем не менее, ещё накануне войны немецкое командование вело активную разведывательную работу и создало в регионе значительную агентурную сеть, напрямую повлиявшую на ход боевых действий в первые недели войны. Особое место в данной стратегии занимала Литва, где в ноябре 1940 г. с подачи нацистской Германии была создана праворадикальная организация – Фронт литовских активистов (лит. *Lietuvos Aktyvistų Frontas, LAF*), имевшая целью в случае начала боевых действий между Третьим Рейхом и СССР обеспечить быстрый проход вермахта через территорию Литвы путём восстания в тылу отступающих советских войск³⁰¹. Сами же литовские националисты, вступая в LAF, рассчитывали на восстановление независимости Литвы при поддержке Германии³⁰². Уже в первые часы войны 22 июня, члены Фронта литовских активистов перешли к активным действиям. Так, по всей литовской территории вспыхнуло восстание, которое поддерживалось и координировалось именно членами данной структуры. Восставшим уже в первые дни ведения военных действий удалось взять под полный контроль крупнейшие города Литвы – Каунас, а также Вильнюс. Начали организовываться массовые убийства членов коммунистической партии, армейских офицеров. В результате действий Фронта литовских активистов Третьему рейху потребовалось минимальное

литовские и советские депортационные акции в Литве, 1939-1941 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4). С. 101–106.

³⁰¹ Дюков А. Р. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. Сборник документов. М.: Фонд «Историческая память», 2012. С. 1–27.

³⁰² Misiunas, R. J., Taagepera R. The Baltic States: Years of Dependence 1940–1990. Los-Angeles: University of California Press, 1993. P. 45–49.

количество времени для того, чтобы получить контроль над всей Литвой. Даже в крупные города Литвы вермахт входил, практически не встречая сопротивления (ведь советских войск здесь уже не было, поскольку они были либо уничтожены силами Фронта литовских активистов, либо отступили дальше). По данным литовских исследователей от рук сторонников Фронта литовских активистов погибло около 5000 советских военнослужащих³⁰³.

С обретением независимости, литовские историки стали интерпретировать события Вильнюсского и Каунасского восстаний, а также саму деятельность LAF как борьбу патриотов за свободу и независимость Литвы³⁰⁴. Участие же литовских добровольцев в Холокосте и других преступлениях фашизма замалчивается³⁰⁵. При этом факт сотрудничества литовцев с нацистами оправдывался надеждой на восстановление утраченной независимости при поддержке Третьего Рейха.

Практически те же самые оценки деятельности коллаборационистов можно встретить также в Эстонии и Латвии. Например, в начальный период Великой Отечественной войны в Эстонию немецким Абвером была переброшена разведывательно-диверсионная группа Эрна (эст. *Erna luuregrupp*), сформированная в Финляндии из эстонских эмигрантов-противников советизации Эстонии. По мнению советских историков, данный отряд принимал участие в массовых убийствах советских военнослужащих и мирного населения³⁰⁶. Однако современная эстонская историография отрицает причастность

³⁰³ *Jankauskas J.* 1941 m. birželio sukilimas Lietuvoje. Vilnius: LGGRTC. 2010. 540 p.

³⁰⁴ *Anusauskas A.* Lietuva, 1940–1990: okupuotos Lietuvos istorija. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras. 2005. 710 l.; *Misiunas, R. J., Taagepera R.* The Baltic States: Years of Dependence 1940–1990. Los-Angeles: University of California Press, 1993. P. 45–49;

³⁰⁵ Там же: *Anusauskas A.* Lietuva, 1940–1990: okupuotos Lietuvos istorija. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras. 2005. 710 l.

³⁰⁶ *Биленко С. В.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1988. 254 с.

данной диверсионно-разведывательной группы к военным преступлениям³⁰⁷. И даже более того, на уровне руководства Эстонии в 1990-х гг. было принято решение о регулярном проведении соревнований военно-спортивного профиля, которые носят название «Поход Эрна» (маршрут, преодолеваемый участниками соревнования, совпадает с маршрутом движения группы Эрна).

Сам термин «коллорабационизм» в прибалтийской историографии практически не употребляется. Местные активисты, сотрудничавшие с немецкими оккупационными властями, оцениваются как патриоты, боровшиеся против советизации Прибалтики, за национальную независимость. Соответствующую аргументацию можно привести в виде цитаты эстонского исследователя Андреса Адамсона: *«Заметим, что как в одну, так и в другую армию были призваны около 70.000 граждан Эстонской Республики, причём, зачастую одни и те же лица. Из погибших в чужих мундирах большинство приходится на тех, кто воевал на стороне СССР. Правда, половина из них погибла зимой 1941/42 гг. в трудовых батальонах от голода и непосильного труда. Исключение составляют «лесные братья» (1941-й и послевоенные годы), не поддержавшие ни один из тоталитарных режимов, и лица, мобилизованные зимой-весной 1944 г., когда Германия уже была проигравшей стороной и речь шла не о победе нацизма, а о попытке эстонских лидеров той поры задержать советские войска на границе Эстонии до немецкой капитуляции. Эстония являлась молодой страной. В памяти народа сохранился только опыт 1918 г., когда всё происходило по следующему сценарию: независимость удалось отстоять, в том числе и благодаря тому, что в момент Компьенского перемирия немецкие оккупационные войска ещё находились на территории Эстонии, что дало время сформировать свои вооруженные силы и государственный*

³⁰⁷ Laar M. Estonia in World War II. Tallinn: Grenader, 2005. 71 p.

аппарат»³⁰⁸. Практически те же самые тезисы имеются и в работах, которые были выпущены исследователями из Латвии ³⁰⁹ и Литвы ³¹⁰. Они дополнительно акцентируют внимание на том факте, что большинство прибалтов не являлись нацистами.

Бурные дискуссии вызывает и вопрос о службе этнических прибалтов в Красной армии. Исследователи из стран региона склонны занижать количество местных уроженцев в рядах РККА и педалировать тезис о насильственном характере советских мобилизационных мероприятий. Непосредственно перед началом Второй мировой войны армии Эстонии, Латвии, а также Литвы были подвергнуты переформированию, в связи с чем они оказались включёнными в состав РККА. В соответствии с разными оценочными данными, к прохождению службы в Красной Армии было привлечено около 45 000 эстонцев³¹¹, порядка 57 000 латышей³¹², а также около 108 000 литовцев³¹³. Тем не менее, в рядах вермахта сражалось около 70 000 граждан Эстонской Республики³¹⁴, 110 000 граждан Латвийской

³⁰⁸ Цит. по: *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 182.

³⁰⁹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. *Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня*; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Butulis I., Zunda A.* History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.

³¹⁰ *Kiaupa Z.* The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.; Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / edited by *Gediminas Vitkus*. Vilnius: Eugrimas, 2014. 304 p.

³¹¹ *Laar M.* Estonia in World War II. Tallinn: Grenader, 2005. 71 p.; *Laar M.* Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World War II. Tallinn: Kirjastus Gfener, 2009. 541 p.; Информационные стенды Мемориала «Жертвы коммунизма в Эстонии 1940–1991» в г. Таллин // Сайт мемориала «Жертвы коммунизма в Эстонии 1940–1991». URL: <https://www.memoriaal.ee/ru/> (дата обращения: 06.11.2023).

³¹² *Butulis I., Zunda A.* History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. P. 165.

³¹³ *Kiaupa Z.* The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. P. 296.

³¹⁴ *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.

Республики (из них 52 000 в латышском легионе СС)³¹⁵ и около 50 000 граждан Литовской Республики³¹⁶. Однако, иностранные исследователи приводят несколько иные данные. Так, британский и американский историк Кевин О'Коннор пишет о 58 000 эстонцах, 150 000 латышах и 30 000 литовцах, воевавших в немецких мундирах. На стороне же Красной Армии к концу войны, по его мнению, насчитывалось около 30 000 эстонцев, 50 000 латышей и 82 000 литовцев³¹⁷.

Тема военных преступлений с участием прибалтов также является одной из наиболее проблемных во всём военном дискурсе. Информация о том, какие военные преступные деяния реализовывались поддерживавшими оккупационные администрации прибалтами в Великой Отечественной войне, также практически не рассматривается современными историками из Литвы, Латвии, Эстонии. В своих работах они ограничиваются сухим перечислением информации о казнённых, а также репрессированных³¹⁸. Причём информация о том, как именно реализовывалась репрессивная деятельность Третьего рейха, подаётся таким образом, чтобы сформировать у обывателя мнение о значительно большей жестокости именно сталинских – советских репрессий³¹⁹. Примером здесь может служить информационный стенд Музея оккупации Латвии, который гласит: «Версия <"Генерального плана Ост">»

С. 182.; Laar M. Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World war II. Tallinn: Kirjastus Gfener. 2009. P. 387.

³¹⁵ Butulis I., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253. P. 156.

³¹⁶ Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. P. 305.

³¹⁷ O'Connor K. The history of the Baltic States. Santa Barbara (Calif.); Denver (Colo.): Greenwood, 2003. P. 121–122.

³¹⁸ Oras A. Eesti saatuslikud aastad 1939–1944 (mälestused). Soome keelest tõlkinud Juta Eskel. Tallinn: Olion 2002. 256 lk.

³¹⁹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Laar M. Estonia in World War II. Tallinn: Grenader, 2005. 71 p.; Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.; Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / edited by Gediminas Vitkus. Vinius: Eugrimas, 2014. 304 p.

от 1942 г. предусматривала, что после окончания войны Рига, Вентспилс, Лиенай, Елгава, Екабпилс, Резекне, Даугавпилс должны быть онемечены. План предусматривал депортацию 50% местных жителей в Россию и германизацию оставшихся. Тем временем, в течение следующих 25-ти лет, нацисты планировали переселить на эти территории 164 000 немецких поселенцев (в сравнении – за период советской оккупации с 1945 по 1989 гг. в Латвию из СССР было переселено 700 000 человек)» (см. приложение 11, рис. 11.5)³²⁰. Результаты авиационных налётов, осуществлявшихся советской авиацией, характеризуются очень подробно с точки зрения того ущерба, который был ими причинён. То же самое можно сказать и об описании результатов наступательных действий Красной Армии.

В современных исторических источниках, опубликованных прибалтийскими исследователями, акцентируется внимание в том числе и на том, что в 1944–1945 гг., на фоне отступления немецких войск из Прибалтики, Литва, Латвия вместе с Эстонией начали предпринимать попытки восстановления собственной независимости³²¹.

В упомянутой прибалтийской учебной, научно-популярной литературе³²² события, развернувшиеся в ходе Великой Отечественной войны, рассматриваются через призму отсылки к Гражданской войне (1918–1920 гг.). В то время немецкие войска уже были разбиты и поражение

³²⁰ Информационный стенд из экспозиции Музея оккупации Латвии; см. История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.

³²¹ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Laar M. Estonia in World War II – Tallinn: Grenader, 2005. – 71 p.; Stockholm Documents. The German Occupation of Latvia. 1941–1945: What Did America Know? Riga: Publishers of the Historical Institute of Latvia, 2002. 507 p.; Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Edited by Gediminas Vitkus. Vinius: Eugrimas, 2014. 304 p.

³²² Butulis I., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.; Laar M. Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World War II. Tallinn: Kirjastus Gfener, 2009. 541 p.; Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.

Германии было неминуемо. Главная же борьба разворачивалась между теми, кто считал, что прибалтийские государства должны являться независимыми, и теми, кто рассматривал будущее Литвы, Латвии и Эстонии исключительно в качестве составной части СССР. Таким образом, в 1944–1945 гг. очень часто происходили военные столкновения, в ходе которых прибалты уничтожали друг друга, поскольку оказывались по разные стороны баррикад. Вермахт активно реализовывал антисоветскую пропаганду всё то время, пока действовали оккупационные администрации. И даже после изгнания немецкой армии из Прибалтики существенное количество проживающего здесь населения продолжало считать, что Прибалтика должна являться независимой, а обратное вхождение в состав СССР не является приемлемым.

Завершение боевых действий в Прибалтике в 1944 г. в пользу РККА, современными эстонскими, латышскими, литовскими историками рассматривается не как освобождение региона, а как смена немецкой оккупации советской оккупацией³²³.

Таким образом, в современных Эстонии, Латвии, Литве сложилось собственное восприятие событий Второй мировой и Великой Отечественной войны, негативно оценивающее роль СССР и отрицающее освободительную роль РККА на территории Прибалтики. Причины господства данных трактовок лежат в антисоветской направленности общества в целом, а также в доминировании русофобского тренда (по политическим мотивам) в местной политике памяти на протяжении последних трёх десятилетий, с момента обретения независимости. Кроме того, следует отметить и особенности исторического развития стран Балтии, влияющие на данные

³²³ Butulis I., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.; Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.; Laar M. Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World War II. Tallinn: Kirjastus Gfенader. 2009. 541 p.; O'Connor K. The history of the Baltic States. Santa Barbara (Calif.); Denver (Colo.): Greenwood, 2003. P. 121–122.

трактовки. Так, в местной исторической памяти на восприятие событий Второй мировой войны наложилось воспоминание о Гражданской/Освободительной войне 1918–1920 гг., когда представители титульных народов также оказались по разные стороны линии фронта (красные и белые формирования). При этом весьма лояльное отношение к Германии и немецким формированиям также связано с предшествующим периодом развития стран Балтии, которые на протяжении столетий испытывали сильнейшее германское влияние во всех общественных сферах. Всё вышеперечисленное и делало в глазах местного националистически настроенного истеблишмента Германию «меньшим злом», нежели Советский Союз с чуждой для хуторской (индивидуалистической) Прибалтики коммунистической (коллективистской) идеологией.

Кроме всего вышеперечисленного, обобщающими факторами, оказавшими прямое влияние на оформление исторической политики для стран Балтии являются:

- Стремление к построению национальных государств с игнорированием факта присутствия значительного количества национальных меньшинств³²⁴.
- Отказ от люстрации в отношении бывших партийных функционеров, которые в большинстве своём сумели вписаться в новый политический конструкт и создать свои политические партии с актуальной идеологической надстройкой (см. приложения 2.2; 3.2; 4.2).
- Прозападный вектор развития. С момента провозглашения независимости в 1991 г. Эстония, Латвия, Литва придерживались практически идентичной внешнеполитической линии, выражав-

³²⁴ См. подробнее параграфы 2.1; 2.2

шейся в размежевании с Российской Федерацией и постсоветским пространством в целом в пользу евроатлантической интеграции. Хотя у каждого из прибалтийских государств были свои приоритеты в взаимоотношениях с соседями (у Эстонии – Финляндия и Швеция; у Литвы – Польша и др.), основным вектор на вступление в Европейский Союз и НАТО оставался неизменным и был успешно реализован в 2004 г. (см. подробнее параграф 2.4).

- Отношение к событиям после 2014 г. В ходе украинского Евромайдана 2014 г. и последовавшего за этим кризиса в Донбассе, страны Балтии однозначно поддержали официальный Киев всеми доступными средствами. На фоне российско-украинского вооружённого конфликта в 2022 г. официальные Таллин и Рига приняли решение о демонтаже сохранявшихся к тому времени знаковых монументов, посвящённых Великой Отечественной войне. Так, 16 августа 2022 г. был демонтирован мемориальный Т-34 в Нарве и оставшиеся в городе памятные знаки о событиях 1941–1945 гг. Практически одновременно начался снос монумента советским войнам-освободителям Риги в столице Латвии. Данные акции сопровождались задержаниями несогласных и открытием уголовного производства в отношении наиболее активных из них. В полной мере оценить последствия данных акций пока не представляется возможным.

Перечисленные выше факторы дают нам основание заявлять о наличии целого ряда общих закономерностей в историческом, политическом, законодательном, идеологическом развитии Прибалтийских республик, что позволяет рассматривать государственную историческую политику Эстонии, Латвии, Литвы как весьма схожее явление, испытывающее взаимовлияния и опирающееся на общий событийный и причинно-следственный контекст.

Данным утверждением мы вовсе не отказываем в самобытности каждой из названных Прибалтийских республик, в своеобразии её исторического дискурса, но отмечаем целесообразность рассмотрения политики памяти официальных Таллина, Риги и Вильнюса комплексно, как явления схожего порядка.

1.4. Историческая политика как фактор международных отношений

Историческая политика Прибалтийских республик не может быть адекватно рассмотрена без обращения к внешнеполитическому фактору, оказывавшему значительное влияние на внутреннюю политику новых государств в условиях их значительной зависимости от иностранных инвесторов и международного сообщества.

В становлении Эстонии, Латвии, Литвы на международной арене, как уже отмечалось выше, определяющую роль сыграл *принцип исторической преемственности их государственности*, изложенный в декларациях о восстановлении независимости всех трёх республик³²⁵. Т.е. с самого начала

³²⁵ О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. – 1991. – 21 августа. – N 25; Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020); Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

своего пути к независимости, принципиальной позицией официальных Таллина, Риги и Вильнюса было именно «восстановление своей государственности» и признание данного факта континуитета международным сообществом. Данное устремление возымело действие, так как Исландия (первой признала независимость Эстонии, Латвии и Литвы в 1991 г.) и большинство западных стран признали *восстановление независимости* стран Балтии на основе принципа идентичной правосубъектности ³²⁶ (т. е. восприняли Эстонию, Латвию, Литву как государства, восстановившие свою независимость). На наш взгляд данное обстоятельство сыграло определяющую роль не только в оформлении законодательства всех трёх республик, но и в становлении местной политики памяти. Принцип континуитета санкционировал отношение к Эстонии, Латвии, Литве, как к временно оккупированным Советским Союзом странам, следовательно – необходимо было восстановить прежнее законодательство, а прибывших в «период советской оккупации 1940–1991 гг.» русскоязычных можно было лишить гражданских прав и предложить вернуться на историческую родину (в Россию). Дело в том, что согласно международной трактовке термина «оккупация», державе, оккупировавшей какую-либо территорию, запрещено менять этнический состав населения на данной территории ³²⁷. Но международное сообщество не выработало единого отношения к процессу присоединения Прибалтики к СССР в 1940 г., и факт «советской оккупации» не был доказан. Исключением явились Соединённые

³²⁶ Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод Крашевского А. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 79–80.

³²⁷ IV Женевская конференция по разоружению 1932–1935 гг.

Штаты, принявшие 23 июля 1940 г. Декларацию Уэллеса³²⁸, осуждавшую «оккупацию стран Балтии» и давшую начало политике непризнания вхождения Прибалтийских республик в состав СССР (декларация сохраняла действие вплоть до выхода Эстонии, Латвии, Литвы из состава Советского Союза в 1991 г.)

Так как западные страны (члены ЕС, США и др.) «восстанавливали» дипломатические отношения с Эстонией, Латвией, Литвой, прерванные в 1940 г., они *de facto* признали и факт «советской оккупации», и тезис, что полноправными гражданами могут быть только правопреемные граждане Эстонской и Латвийской Республики на 1940 г. – именно такова позиция официальной историографии стран Балтии³²⁹. Соответственно Российская Федерация не была поддержана в своём требовании реализации «нулевого варианта» гражданства (предоставление гражданства всем постоянным жителям республик).

Кроме того, следует отметить, что выгоды правового континуитета, помимо вышеозначенных положений, заключались и в возможности восстановить членство во многих международных организаций, опереться на лобби эмигрантских кругов, а также вернуть золотой запас, хранившийся в зарубежных банках. Разумеется, всё это делало принцип исторической правопреемственности более привлекательным в глазах местных элит,

³²⁸ Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles (Заявление исполняющего обязанности государственного секретаря, distinguished Самнера Уэллеса) // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения: 23.07.2020); Эсма: 80 лет спустя нам все еще нужна декларация Уэллеса // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения: 23.07.2020).

³²⁹ Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. ... С. 261–262.

нежели идеи строительства государства «с нуля». Эмигрантские круги (оказывавшие прямое влияние на лидеров прибалтийских Народных фронтов)³³⁰, упомянутые выше, также были заинтересованы в правовом континуитете, который давал им возможность восстановить гражданство и претендовать на утраченное во время национализации имущество. Наиболее крупные диаспоры прибалтов сформировались в США, Канаде, а также ФРГ, Финляндии, Швеции. При поддержке Западных стран, вплоть до 1990–1992 гг., существовали и представительства довоенных Эстонии, Латвии, Литвы, не признавшие инкорпорацию в состав СССР (Правительство Эстонии в изгнании в Осло, Норвегия; Дипломатическая служба Латвийской Республики в изгнании в США и других государствах; Верховный комитет освобождения Литвы в США).

Уже осенью 1991 г., Эстония, Латвия, Литва стали полноправными членами ООН и присоединились к десяткам международных организаций и конвенций. Приоритетным внешнеполитическим направлением для всех трёх республик с самого начала 1990-х гг. стало развитие отношений именно со странами Запада и евроатлантическая интеграция, т.е. вступление в Европейский Союз и НАТО. Практически одновременно, Эстония, Латвия, Литва в 1995 г. подали заявки о вступлении в Европейский Союз, параллельно ведя переговоры о членстве в Североатлантическом Альянсе. Почти десять лет потребовалось для приведения местного законодательства,

³³⁰ Beinerte V. Izlaušanās no cietuma. Saruna ar Egilu Levitu // Latvijas Avīze 8. Maijs 2015 URL: <https://www.la.lv/saruna-egils-levits> (дата обращения: 01.05.2020); Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica. Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p.; Deksnis E. B. Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994. Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. 277 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.; Žalimas D. Sąjūdis ir Lietu-vos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas. Iš Kelias į nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991. Sudarė Genzelis B.; Rupšytė A. Kaunas: Šviesa, 2010. 188 p. и др.

экономики и других сфер в соответствие с европейскими требованиями. В итоге, 1 апреля 2004 г. страны Балтии вступили в НАТО, а через месяц, 1 мая – в ЕС.

Переговоры о вступлении в ЕС оказывали непосредственное влияние на формирование законодательной базы Эстонии и Латвии: парламентариям и министрам всегда приходилось учитывать международный имидж ³³¹, поэтому ряд законов, касающийся положения местного русскоязычного населения (закон об иностранцах, закон о гражданстве) были отправлены в Совет Европы и приняты только после его одобрения.

Отношения Эстонии, Латвии, Литвы между собой во все времена носили противоречивый характер. На наш взгляд это обусловлено различными историческими, культурными, языковыми особенностями и даже географическим положением. Различия между Эстонией и Литвой проявлялись в большей степени, нежели таковые между Эстонией и Латвией. В то время как культурно и экономически Эстония всегда тяготела к Финляндии и Швеции, Латвия и Литва в большей степени находились в польской орбите влияния. Кроме того, Эстония и Литва не имеют общей границы, что также не способствовало сближению государств. Ряд исследователей отмечает, что именно прохладные эстонско-литовские отношения не позволили достичь каких-либо значимых общеприбалтийских договорённостей или даже союзов. В период пребывания в составе Советского Союза контакты между тремя странами активизировались, позиции сблизились, но с обретением независимости три Прибалтийские республики вновь отдалились друг от друга.

³³¹ Vabariigi Presidendi poolt tagasisaadetud "Välismaalaste seaduse" uus käsitlelu / VII Riigikogu Stenogramm Erakorraline Istungjärg Neljapäev, 8. juuli 1993 (Президент Республики вернул «Закона об иностранцах» на новое рассмотрение / VII Рийгикогу Стенограмма Внеочередной Сессии, Четверг, 8 июля 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199307081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).

Тем не менее, попытки сближения предпринимались – в 1991 г. была создана Балтийская ассамблея – совещательный орган парламентариев Эстонии, Латвии, Литвы. Однако, её деятельность во многом осталась декларативной и малозаметной.

Следует отметить, что хотя для Эстонии приоритетными являются отношения с северными соседями – в первую очередь с Финляндией и Швецией – и именно с оглядкой на их опыт Эстония создавала свою законодательную базу (в том числе и в отношении русскоязычного населения), но опыт Латвии также учитывался в этом вопросе. Дело в том, что в Латвии, как и в Эстонии, проживает большое русскоязычное меньшинство (более 40% населения), поэтому, обретя независимость в 1991 г., они оказались перед сходными проблемами межнациональных отношений. В Литве русскоязычное меньшинство было малочисленно (менее 10% населения) и там был реализован «нулевой вариант» предоставления гражданства, без экзаменов и натурализации (по причине территориальных изменений 1939–1940 гг., когда к Литовской ССР была присоединена Виленская область с польским населением). Поэтому в Литве не оказалось неграждан, а русскоязычное население было слишком малочисленно, чтобы играть заметную роль в политической жизни страны.

Эстония и Латвия пошли другим путём – придерживаясь принципа правопреемственности во всём, Латвия во многом выступала первопроходцем в общих подходах к проблемам русскоязычного населения. Страны следили за формированием законодательной базы друг друга (в первую очередь в отношении русскоязычного населения) и за реакцией международного сообщества. В Латвии раньше, чем в Эстонии, были приняты закон о культурной автономии национальных меньшинств, закон о выборах в собрания местных самоуправлений, закон о гражданстве, проведён

перевод русскоязычных школ на государственный язык обучения и др.³³² Поэтому эстонские политики внимательно изучали латвийское законодательство в отношении русскоязычного населения и следили за реакцией международного сообщества на данную жёсткую законодательную политику. Следует отметить, что законы Латвии, в отличие от Эстонии, запрещают негражданам участвовать и в местных выборах, поэтому неграждане Латвии были вообще лишены права легально влиять на политику страны. Однако в целом отношения Эстонии с Латвией и Литвой были добрососедскими и основаны на близких подходах к задачам укрепления своего суверенитета, проведения близкой по содержанию национальной политики, а также политики памяти, положения которых было легче отстаивать сообща, единой линией.

Разумеется, в силу значимости в государственной исторической политике вопроса об исторических и современных взаимоотношениях с СССР – Российской Федерацией, мы считаем необходимым более подробно остановиться на внешнеполитической составляющей отношений между Россией и Прибалтийскими республиками.

Россия (РСФСР) ещё в период существования СССР одной из первых признала независимость Литвы (29 июля 1991 г.)³³³, Эстонии³³⁴ и Латвии³³⁵ (24 августа 1991 г.), ускоряя тем самым их признание советским (союзным) руководством и международным сообществом. Но это не сделало

³³² Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 9–89.

³³³ Договор об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой // Бюллетень международных договоров. 1994. № 1.

³³⁴ Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 № 81 О признании государственной независимости Эстонской Республики // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/141> (дата обращения: 02.05.2020).

³³⁵ Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 г. № 84 О признании государственной независимости Латвийской Республики // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/139> (дата обращения: 02.05.2020).

двусторонние отношения добрососедскими. В целом, расстановка политических сил в Эстонии, Латвии, Литве в 1990-е гг. была такова, что решения принимали в основном противники России и сторонники Запада³³⁶. Кроме того, Прибалтийские республики, как страны, только что получившие независимость, представляли Россию как агрессора, потенциального противника, желающего восстановить своё господство в регионе. Всё это негативно сказывалось на процессе поиска решений спорных вопросов в двусторонних отношениях.

Внешнеполитические отношения между Россией и Эстонией, Латвией, Литвой практически сразу стали омрачать проблемы «советской оккупации» 1940–1991 гг.; правового положении русскоязычного населения (данный вопрос в меньшей степени касался Литвы), пограничных споров, к которым добавились вопросы о статусе Русской Православной Церкви Московского патриархата в Эстонии³³⁷, проблема Калининградского транзита через территорию Литвы и пр.³³⁸.

Забегая вперёд, следует отметить, что ни один из данных вопросов так и не был решён приемлемым для обеих сторон образом. Каждый из перечисленных выше спорных вопросов был взаимосвязан с другим, но при

³³⁶ Внешняя политика Эстонии после восстановления независимости // ESTONICA Энциклопедия об Эстонии. URL: http://www.estonica.org/ru/Государство/Внешняя_политика_Эстонии/Внешняя_политика_Эстонии_после_восстановления_независимости/ (дата обращения: 03.05.2020); *Межевич Н. М., Сазанович Л. С.* Современные проблемы российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3(17). С. 93–106; *Карабешкин Л. А.* Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 1. С. 85–91.

³³⁷ *Зверев К. А.* Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 1. С. 36–39; *Он же*, Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4(28). С. 227–235.

³³⁸ *Зверев К. А.* Политика памяти в Прибалтийских республиках: внешнеполитический аспект // Вестник российской нации. 2020. № 5. С. 44–55.

этом все они вытекали из тезиса о «советской оккупации», на котором была построена государственная идентичность и политика памяти Эстонии, Латвии, Литвы. Официальные Таллин, Рига и Вильнюс, как мы отмечали выше, сочли период существования ЭССР, ЛССР, ЛитССР периодом «советской оккупации» со всеми вытекающими последствиями: ничтожность советского законодательства; незаконность изменений границы Эстонии и Латвии в 1944–1957 гг.; невозможность предоставления гражданства советским переселенцам (русскоязычным, прибывшим в ЭССР и ЛССР в 1940–1991); вопрос о репарациях со стороны России и др. Суть данных вопросов и следствий «советской оккупации» вполне подробно изложена в работе эстонского исследователя Лаури Мьялксоо³³⁹. Разумеется, Российская Федерация была категорически не согласна с прибалтийской оценкой советского периода и настаивала на тезисе о «добровольном вхождении стран Балтии в состав СССР»³⁴⁰. Большинство Западных стран (ЕС, США) признали Эстонию, Латвию, Литву как государства, восстановившие свою независимость, фактически рассматривая 1940–1991 гг. как период «советской оккупации» Прибалтийских республик. Повторимся, что международное сообщество не выработало единого отношения к процессу присоединения Прибалтики к СССР в 1940 г., и факт «советской оккупации» не доказан.

³³⁹ Мьялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод Крашевского А. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.

³⁴⁰ Декларация министерства иностранных дел России от 4 июля 1994 года // Дипломатический вестник. 1994. № 13–14, 52.

Руководство Российской Федерации обращалось к вопросам о правовом положении русскоязычного населения еще в начале 1991 г., когда председатель Верховного Совета РСФСР и будущий Президент РФ в 1991–1999 гг. Борис Ельцин подписал с председателем Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики и будущим Президентом ЭР в 2001–2006 гг. Арнольдом Рюйтелем *Договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР и Эстонской Республикой*³⁴¹ (аналогичный договор был подписан с Латвийской Республикой)³⁴². В соответствии с данными договорами стороны признавали друг друга «суверенными государствами и субъектами международного права, а также признавали друг за другом право реализовывать свой государственный суверенитет в любых избранных ими формах»³⁴³. Т. е., другими словами, в случае выхода одной из сторон (в нашем случае это Эстония и Латвия) из состава СССР, другая сторона признавала её независимость. Поэтому, подписав 24 августа 1991 г. Указы *О признании государственной независимости Эстонской Республики*³⁴⁴ и *О признании*

³⁴¹ Vene Nõukogude Föderatiivse Sotsialistliku Vabariigi ja Eesti Vabariigi riikidevaheliste suhete aluste leping (Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики) // Riigi Teataja. 1991. № 2. ст. 19. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13068080> (дата обращения 03.05.2020).

³⁴² Līgums Par Latvijas Republikas un Krievijas Padomju Federatīvās Sociālistiskās Republikas starpvalstu attiecību pamatiem (Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики) // Valdības Ziņotājs, 09.05.1991. № 17/18. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=65210> (дата обращения 03.05.2020).

³⁴³ Там же. Vene Nõukogude Föderatiivse Sotsialistliku Vabariigi ja Eesti Vabariigi riikidevaheliste suhete aluste leping; Līgums Par Latvijas Republikas un Krievijas Padomju Federatīvās Sociālistiskās Republikas starpvalstu attiecību pamatiem...

³⁴⁴ Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 № 81 О признании государственной независимости Эстонской Республики // Сайт Президента России. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1219405> (дата обращения 02.03.2020).

государственной независимости Латвийской Республики³⁴⁵, Б. Ельцин лишь выполнил условие оформленного ранее договора. Этот договор был заключён в обход союзного руководства и президента СССР М. Горбачёва, и нанёс непосредственный удар по целостности Союза. В договоре в статье III оговаривался и вопрос о гражданстве: *«Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и Эстонская/Латвийская Республика берут на себя взаимные обязательства гарантировать лицам, живущим на момент подписания настоящего Договора на территориях Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской/Латвийской Республики и являющимся ныне гражданами СССР, право сохранить или получить гражданство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики или Эстонской/Латвийской Республики в соответствии с их свободным волеизъявлением и законами соответствующих государств»*³⁴⁶. Позже именно данная статья станет предметом споров на эстонско-российских и латвийско-российских переговорах о статусе русскоязычных жителей Эстонии и Латвии. Россия ставила акцент на «праве выбирать гражданство», в то время как Эстония и Латвия настаивали на том, что оговорка «в соответствии с законами соответствующих государств» означает лишь право ходатайствовать о получении гражданства в соответствии с условиями натурализации. В

³⁴⁵ Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 г. № 84 О признании государственной независимости Латвийской Республики // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/139> (дата обращения 02.05.2020).

³⁴⁶ Цит. по: Vene Nõukogude Föderatiivse Sotsialistliku Vabariigi ja Eesti Vabariigi riikidevaheliste suhete aluste leping (Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики) // Riigi Teataja. 1991. № 2. ст. 19. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13068080> (дата обращения 03.05.2020); Līgums Par Latvijas Republikas un Krievijas Padomju Federatīvās Sociālistiskās Republikas starpvalstu attiecību pamatiem (Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики) // Valdības Ziņotājs, 09.05.1991. № 17/18. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=65210> (дата обращения 03.05.2020).

соответствии с последней интерпретацией Эстония и Латвия обязались лишь не отказывать в натурализации тем переселенцам, которые хотели стать гражданами Эстонии и Латвии³⁴⁷. Таким образом, как мы видим, из-за размытости формулировок в договоре каждая сторона могла интерпретировать данную статью в свою пользу, при этом официальный Таллин и Рига согласовали по данному вопросу единую позицию и действовали идентичным образом.

Российская Федерация всегда резко отрицательно реагировала на любые эстонские и латвийские законодательные акты, ущемлявшие права русскоязычного населения (Законы о гражданстве, Законы об иностранцах и др.). В 1993 г. после принятия эстонским парламентом *закона об иностранцах*³⁴⁸ и *закона о выборах в органы местного самоуправления*³⁴⁹ Россия приостановила вывод войск из Эстонии, началось обсуждение вопроса о санкциях³⁵⁰. Попытки российской стороны оговорить статус русскоязычного населения Эстонии до вывода войск не увенчались успехом, было решено все сложные вопросы обсудить позже. В итоге, в результате визита президента Эстонии Леннарта Мери в Москву в июле 1994 г. и переговоров с Борисом Ельциным, было достигнуто соглашение о выводе российских войск с территории Эстонии до 31 августа 1994 г.³⁵¹. Кроме того,

³⁴⁷ Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. ... С. 258.

³⁴⁸ Välismaalaste seadus (Закон об иностранцах) // Riigi Teataja. 1993 № 44. ст. 637; русский перевод закона: Закон об иностранцах // Justiitsministeerium. URL: <http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49469/Valismaalaste+seadus.pdf> (дата обращения 17.01.2013).

³⁴⁹ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seadus (Закон о выборах органов местного самоуправления) // Riigi Teataja I. 1993. № 29. ст. 505.

³⁵⁰ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 июля 1993 г. № 5311 I «О мерах в связи с нарушением прав человека на территории Эстонской Республики» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 28. С. 1074.

³⁵¹ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о выводе Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Эстонской Республики и

на переговорах в Москве также было подписано соглашение о социальных гарантиях пенсионерам Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Эстонской Республики³⁵². Российские войска были выведены с территории Эстонии в срок, но каких-либо позитивных изменений в статусе русскоязычного населения не последовало (за исключением доработки закона о выборах в собрания местных самоуправлений), напротив, принятый в 1995 г. новый эстонский закон о гражданстве усложнил требования к натурализации (к экзамену по языку добавился экзамен на знание конституции, требование лояльности к Эстонскому государству и др.). Таким образом, России не удалось повлиять на изменение статуса русскоязычного населения Эстонии в позитивную сторону.

Не менее драматично развивалась ситуация и в соседней Латвии. Здесь, ввиду значительного контингента советских/российских войск в 60 000 чел., а также большого количества военных объектов, первоначально было решено закончить вывод воинского контингента к 1999 г. Но под давлением США и других стран НАТО, срок вывода был сокращён до 31 августа 1994 г.³⁵³ Радиолокационная станция в Скрунда использовалась российскими военными до 31 августа 1998 г., после чего была демонтирована латвийскими

условиях их временного пребывания на ее территории (Москва, 26 июля 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1994. № 10.

³⁵² Соглашение между Российской Федерацией и Эстонской Республикой по вопросам социальных гарантий пенсионерам Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Эстонской Республики (Москва, 26 июля 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1994. № 7.

³⁵³ См.: Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas līgums par Krievijas Federācijas Bruņoto spēku pilnīgas izvešanas no Latvijas Republikas teritorijas nosacījumiem, termiņiem un kārtību un to tiesisko stāvokli izvešanas laikā (Соглашение между Латвийской Республикой и Российской Федерацией об условиях, сроках и порядке полного выведения Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Латвийской Республики и их правового статуса на момент вывоза) от 30 апреля 1994 г. // Latvijas Vēstnesis 10.12.1994, № 144; *Перевозкина М.* Как Россия выводила войска из Латвии // Московский комсомолец. 13 сентября 2019, № 28074.

властями, отказавшими РФ в возможности аренды данного объекта³⁵⁴. Попытки российской стороны увязать вывод войск с урегулированием статуса русскоязычного населения в Латвии, так же, как и в случае с Эстонией, не увенчались успехом, так как Б. Н. Ельцин под давлением западных союзников был вынужден согласиться на скорейший выход из Прибалтики без каких-либо предварительных условий³⁵⁵.

Но проблема кроется и в общей политике России по поддержке соотечественников за рубежом. В Российской Федерации политика в отношении диаспоры начала формироваться после распада Советского Союза, когда миллионы россиян, не меняя места жительства, оказались в иностранных государствах. В 1994 г. вышли Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом»³⁵⁶ и Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом»³⁵⁷. В том же году в Государственной Думе был создан Комитет по делам СНГ и связям с

³⁵⁴ Там же. *Перевозкина М.* Как Россия выводила войска из Латвии // Московский комсомолец. 13 сентября 2019. № 28074.

³⁵⁵ *Дозорцев В.* Другой Юрканс. Воспоминания. Юрмала: Vladlens Dozorcevs, 2017. С. 82–86; *Перевозкина М.* Как Россия выводила войска из Латвии // Московский комсомолец. 13 сентября 2019. № 28074.

³⁵⁶ Указ Президента Российской Федерации от 11.08.1994 г. № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» // Сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6801> (дата обращения 03.05.2020).

³⁵⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 11.12.1994 N 1369 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033423&intelsearch=%CF%E2%ED%E8%E5+%CF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0+%AB%CE%E1+%F3%F2%E2%E5%F0%E6%E4%E5%ED%E8%E8+%CF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%E8%FF+%EE+%CF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E9+%EA%EE%EC%E8%F1%F1%E8%E8+%EF%EE+%E4%E5%EB%E0%EC+%F1%EE%EE%F2%E5%F7%E5%F1%F2%E2%E5%ED%ED%E8%EA%EE%E2+%E7%E0+%F0%F3%E1%E5%E6%EE%EC%BB+> (дата обращения 03.05.2020).

соотечественниками, а в 1995 г. – Совет соотечественников при Государственной Думе. Вопрос о том, кого именно считать соотечественниками в течение долгого времени вызывал немало споров, причём в основном на политическом уровне. В 1999 г. был принят Федеральный Закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом»³⁵⁸, но и он не снял вопроса об определении «соотечественник». Одна из главных причин этого заключалась в слишком широком и расплывчатом объекте закона (закон относил к соотечественникам всех, кто когда-либо проживал на территории Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР или Российской Федерации, и их потомков)³⁵⁹. Т. е. соотечественником мог являться человек практически любой национальности, с любым гражданством. Парадоксальность данного закона по отношению к странам Балтии, кроме всего прочего, заключалась в том, что по нему и сами эстонцы, латыши, литовцы в некоторой степени могли считаться соотечественниками. Поэтому совершенно очевидно, что подобная размытость формулировок даже не могла определить круг соотечественников, нуждающихся в поддержке, не говоря уже об определении самих мер этой поддержки. Только в июле 2010 г. был принят Закон о внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом»³⁶⁰, в котором было дано новое определение понятия

³⁵⁸ Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (дата обращения 03.05.2020).

³⁵⁹ *Шибеева Е. И.* Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. С. 11–12.

³⁶⁰ Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом"» // Министерство Иностранных Дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/pereselenie/-/asset_publisher/evI8J0czYac3/content/id/239766 (дата обращения 20.05.2020).

«соотечественник» (соотечественниками за рубежом являются граждане РФ, а также лица и их потомки, относящиеся к народам, исторически проживающим на территории РФ, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ). Таким образом, был сужен круг лиц, которые признаются соотечественниками³⁶¹. Но до 2010 г., т.е. на протяжении большей части интересующего нас периода, действовала старая редакция закона о соотечественниках. На наш взгляд именно изначально принятое слишком широкое определение понятия «соотечественник» отчасти предопределило неудачи политики РФ в данной области, применительно не только к Прибалтике, но ко всему постсоветскому пространству в целом.

Но часть прибалтийских и западных исследователей, в том числе идеологи местной политики памяти, считает, что целью российской линии по отношению к русскоязычному населению Эстонии и Латвии никогда не было урегулирование межэтнических отношений, а российское руководство было заинтересовано в сохранении русскоязычной диаспоры на постсоветском пространстве, а не в возвращении «соотечественников» в Россию, тем самым стремясь к интернационализации этнического вопроса в соседних государствах ³⁶². Применительно к Литве вопрос о статусе местного русскоязычного населения не ставился, так как изначально здесь был реализован нулевой вариант предоставления гражданства. Однако, советские/российские войска были выведены с территории Литвы годом ранее, чем из Эстонии и Латвии – 31 августа 1993. Но, из-за провокации официального Вильнюса этот срок чуть не был сорван – литовская сторона без согласования с Россией включила в соглашение о выводе войск пункт о

³⁶¹ *Шибеева Е. И.* Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. – М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. С. 11–12.

³⁶² *Vene küsimus ja eesti valikud / M. Heidmets.* Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool. 1998. 291 l.

«компенсации за пребывание на её территории "оккупационных войск", начиная с 1940 года»³⁶³. Москва на это ответила решительным протестом и угрозой приостановить вывод воинского контингента. В итоге, Литва сняла свои претензии. Кроме того, литовские правые не преминули использовать восстание добровольцев СКАТ под Каунасом летом 1993 (подробнее см. в параграфе 1.2, стр. 143) как провокацию Москвы, стремящуюся продемонстрировать неспособность Литвы контролировать внутриполитическую ситуацию после вывода советских/российских войск³⁶⁴.

Что касается пограничных споров, то сам факт преемственности Прибалтийских республик государствам 1918–1940 гг. поставил вопрос о признании действующим Тартуского мирного договора от 2 февраля 1920 г.³⁶⁵ с Эстонией, Рижского мирного договора от 11 августа 1920 г.³⁶⁶ с Латвией, Московского мирного договора от 12 июля 1920 г.³⁶⁷ с Литвой. Если в последнем случае (с Литвой) мирный договор не повлёк за собой возникновения каких-либо территориальных претензий Вильнюса к Москве и наоборот, то реставрация Тартуского и Рижского мира 1920 г. неминуемо вела к приграничным спорам. Ведь в соответствии с Тартуским договором, в состав Эстонии вошли правый берег реки Наровы с Ивангородом и Печёрский район Псковской области (в 1944–1957 гг. данные территории были переданы Ленинградской и Псковской области соответственно). В

³⁶³ Цит. по: *Ромашкевич А.* Вывод российских войск из Литвы приостановлен // Коммерсантъ. 20.08.1993 № 158.

³⁶⁴ *Landsbergis V.* Viešoji informacija apie 1993 m. savanorių akciją Pakaunėje. Vilnius: Konservatyvioji ateitis, 2006.; *Jančys A.* Žmogus su šautuvu // Extra, 15–21 May, 2000. № 18(81).

³⁶⁵ Мирный договор между Россией и Эстонией (Тартуский) // Документы внешней политики СССР / под ред. Г. Фокина. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 2. С. 339–354.

³⁶⁶ Мирный договор между Россией и Латвией (Рижский) // Оккупация и аннексия Латвии: 1939–1940, документы и материалы / под ред. И. Грава-Крейтуса, И. Фельдманис, Я. Гольдманис, А. Странга. Рига, 1995. С. 36–50.

³⁶⁷ Мирный договор между Россией и Литвой (Московский) // Документы внешней политики СССР / под ред. Г. Фокина. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 3. С. 28–41.

соответствии с Рижским договором, Латвия получила так называемый Абренский уезд (в 1944 г. передан в состав Псковской области под названием Пыталовский район).

В начале 1992 г. Рига заявила, что не признает «аннексию Абрене» и потребовала восстановления границы 1940 г.³⁶⁸. Существовавшая граница на её спорных участках стала именоваться «временной демаркационной линией»³⁶⁹. В результате, России, фактически, были предъявлены территориальные претензии на Пыталовский район Псковской области. В итоге, в 1994 г. между Москвой и Ригой было заключено соглашение о создании института «пограничных представителей», которые должны были урегулировать все территориальные споры и выработать общий договор о границе.³⁷⁰ Итогом более чем 10 лет работы пограничных представителей стал отказ Латвии от первоначальных требований по возвращению Абрене, а также отказ от какой-либо компенсации за утрату территории³⁷¹ и подготовка совместного пограничного договора. Разумеется, значимую роль в снятии территориальных претензий официальной Ригой, сыграло и вступление Латвии в ЕС и НАТО – организации, требующие скорейшего урегулирования своими членами всех территориальных претензий. Евроатлантическое давление возымело действие – 27 марта 2007 г. состоялось подписание

³⁶⁸ Par Abrenes pilsētas un sešu Abrenes apriņķa pagastu aneksijas neatzīšanu (О непризнании аннексии города Абрен и шести деревень Абренского района) от 22 января 1992 года // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Zinotājs, 13.02.1992. № 6/7.

³⁶⁹ Latvijas Republikas valsts robežas likums (Закон о государственной границе Латвийской Республики) // Latvijas Vēstnesis. 10.11.1994. № 132.

³⁷⁰ Latvijas Republikas valdības un Krievijas Federācijas valdības vienošanās par robežas pārstāvju darbību (Соглашение между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации о деятельности пограничных представителей) // Latvijas Vēstnesis, 16.08.1994. № 95.

³⁷¹ *Мялскоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 275.

пограничного договора между Россией и Латвией³⁷² и снятие официальных территориальных претензий.

Эстонско-российские отношения развивались похожим образом. В ответ на эстонские притязания Б. Ельцин 21 июня 1994 г. подписал указ о демаркации сухопутной границы с Эстонией³⁷³ в одностороннем порядке. В результате, через несколько дней 30 июня 1994 г. Эстония приняла Закон о государственной границе³⁷⁴, статья 2 которого гласила: *«Сухопутная граница Эстонии определена Тартуским мирным договором от 2 февраля 1920 года и другими межгосударственными договорами по вопросам границы»*. Отсутствие какого-либо позитивного продвижения в пограничном вопросе стало негативно влиять на переговоры о членстве Эстонии в ЕС и НАТО (урегулирование всех пограничных споров являлось условием вступления Эстонии в ЕС и НАТО), в результате в конце 1994 г. премьер-министр Эстонии Андрес Таранд заявил о готовности эстонской стороны отказаться от территориальных претензий, вытекающих из Тартуского мирного договора³⁷⁵. Данный шаг сдвинул переговоры с мёртвой точки, и, в конце концов, после долгих лет взаимных консультаций 18 мая 2005 г. был подписан российско-эстонский договор о границе³⁷⁶. В соответствии с

³⁷² Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas līgums par Latvijas un Krievijas valsts robežu (Соглашение между Латвийской Республикой и Российской Федерацией о государственной границе Латвии и России) // Latvijas Vēstnesis 29.05.2007. № 85.

³⁷³ Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 1994 года «О демаркации сухопутной границы между Эстонией и Россией». Собрание Законодательства Российской Федерации, № 9, документ 930 (1994).

³⁷⁴ Riigipiiri seadus (Закон о государственной границе) // Riigi Teataja I 1994. № 54. ст. 902. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/31960#o> (дата обращения 05.05.2020).

³⁷⁵ Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 271–272.

³⁷⁶ Договор между Эстонской Республикой и Российской Федерацией об эстонско-российской государственной границе // Valisministeerium (МИД Эстонии). URL: https://vm.ee/sites/default/files/content-editors/web-static/372/Riigipiiri_leping_Venemaaga_rus.pdf (дата обращения 05.05.2020).

данным договором Эстония отказывалась от территориальных претензий к России, линия границы осталась практически неизменной (за исключением небольших взаимных обменов территориями). Парламент Эстонской Республики ратифицировал договор о границе 20 июня 2005 г., добавив к договору «преамбулу»³⁷⁷ в законе о ратификации, которая подтверждает продолжение действия Тартуского мирного договора в его остальной части (не касающейся государственных границ 1920 г.). Декларация Рийгикогу также включала ссылки на более ранние правовые акты парламента Эстонии, где говорится о незаконной оккупации Эстонии в 1940–1991 гг. 27 июня 2005 г. МИД Российской Федерации направил послу Эстонии в Москве ноту, в которой Эстонии сообщалось о намерении России начать внутригосударственные процедуры по освобождению себя от международно-правовых обязательств, вытекающих из подписания договора о границе 18 мая 2005 г.³⁷⁸ Россия отозвала свою подпись под договором о границе, пограничный вопрос долгое время оставался не урегулированным. В результате, в ходе двусторонних консультаций, пограничный договор с незначительными доработками был вновь подписан лишь 18 февраля

³⁷⁷ Act on the Ratification of The State Border Treaty Between The Republic of Estonia and The Russian Federation and the Treaty on the Delimitation of Maritime Areas of Narva Bay and the Gulf of Finland between the Republic of Estonia and the Russian Federation (Закон о ратификации Договора между Эстонской Республикой и Российской Федерацией о государственной границе между Эстонией и Россией и Договора между Эстонской Республикой и Российской Федерацией о разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах) // Valisministeerium (МИД Эстонии). URL: <https://vm.ee/en/news/act-ratification-state-border-treaty-between-republic-estonia-and-russian-federation-and-treaty> (дата обращения 05.05.2020); Seletuskiri Eesti Vabariigi ja Vene Föderatsiooni vaheliste piirilepingute kohta (Объяснительная записка к пограничным соглашениям между Эстонской Республикой и Российской Федерацией) // Valisministeerium (МИД Эстонии). URL: <https://vm.ee/et/uudised/seletuskiri-eesti-vabariigi-ja-vene-foderatsiooni-vaheliste-piirilepingute-kohta> (дата обращения 05.05.2020).

³⁷⁸ Мялскоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. ... С. 272–273.

2014 г.³⁷⁹ По данным МИД России *«российско-эстонские политические контакты носят ограниченный характер»*³⁸⁰.

Литовско-российские отношения не были омрачены какими-либо территориальными претензиями на официальном уровне. Даже наоборот, Литва в результате сближения с Советским Союзом приобрела Виленский край и Клайпеду в 1939 г., о чём речь шла выше. Поэтому сторонам удалось относительно быстро договориться об урегулировании пограничного вопроса, подписанием 24 октября 1997 г. российско-литовский договор о границе, сохранявшего статус-кво³⁸¹. Однако, ратификация этого договора Государственной думой РФ затянулась до 2003 г. из-за нерешённости проблемы с калининградским транзитом на фоне евроатлантической интеграции Литвы. Именно Калининградская проблема долгое время оставалась «камнем преткновения» в российско-литовских взаимоотношениях. Тем не менее, под давлением ЕС и НАТО на фоне предстоящего вступления Литвы в данные организации и необходимости, в связи с этим, окончательно урегулировать приграничный вопрос с Россией, официальный Вильнюс всё-таки согласовал с Москвой вопрос транзита граждан РФ через свою территорию³⁸². В результате приграничный вопрос в литовско-российских взаимоотношениях был закрыт уже в 2003 г.

³⁷⁹ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о российско-эстонской государственной границе // МИД РФ Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-41/44211 (дата обращения 06.05.2020).

³⁸⁰ Цит. по: Эстонская Республика (справка) // МИД РФ. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximized&p_p_mode=view&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch# (дата обращения 05.05.2020).

³⁸¹ Договору между Российской Федерацией и Литовской Республикой о российско-литовской государственной границе // Бюллетень международных договоров. 2004. № 9. С 65.

³⁸² Интервью заместителя министра иностранных дел России С.С. Разова газете «Известия», опубликованное 27 марта 2003 года под заголовком «Нет ни одного вопроса, по которому в нас можно бросить камень» // МИД РФ Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/lt/-/asset_publisher/ePq2JfSAWgY2/content/id/527262 (дата

Экономическая составляющая в российско-прибалтийских отношениях в силу выгодного географического расположения стран Балтии, а также сохранившихся со времён СССР торгово-производственных связей, развивалась более активно, нежели контакты на политическом уровне. Наиболее динамично здесь развивались торгово-экономические связи между Москвой и Ригой – по данным Минэкономики ЛР, на 2013 год в Латвии было зарегистрировано порядка 5 тыс. предприятий с участием российского капитала³⁸³. В литовском импорте и экспорте Россия также занимает одно из ведущих мест – 29% и 19% соответственно на 2013 г.³⁸⁴ Что касается эстонско-российского экономического сотрудничества – то оно заметно скромнее: в эстонском импорте Россия занимает – 9%, в экспорте – 7%³⁸⁵.

Что касается взаимоотношений между Москвой и странами Балтии, то их можно охарактеризовать как напряжённые. Однако, применительно к каждой из Прибалтийских республик, здесь существует своя специфика. Очевидно, что межгосударственные отношения – это всегда многофакторный процесс, успешность развития которого обуславливается либо двусторонней, либо односторонней заинтересованностью. Так Эстонско-российские отношения можно охарактеризовать как более чем прохладные на протяжении всего периода 1990-х – 2000-х гг., Латвийско-российские как

обращения 06.05.2020); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о взаимных поездках граждан (заключено в г. Москве 30.12.2002) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 3. С. 76.

³⁸³ Российско-латвийские торгово-экономические отношения // Посольство Российской Федерации в Латвийской Республике URL: https://latvia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/rossiysko_latviyskie_torgovo_ekonomicheskije_otnosheniya/ (дата обращения 06.05.2020); *Межевич Н. М., Сазанович Л. С.* Современные проблемы российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3(17). С. 93–106.

³⁸⁴ Экономическое сотрудничество // Посольство Литовской Республики в Российской Федерации. URL: <https://ru.mfa.lt/ru/ru/dovro-pozhalobat-j-b-litbu/litba-i-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения 06.05.2020).

³⁸⁵ Экономические связи и товарообмен // Посольство Эстонии в Москве. URL: <https://moscow.mfa.ee/ru/estonija-i-rossija/ekonomicheskije-otnosheniya/> (дата обращения 06.05.2020).

прагматичные с превалированием взаимовыгодных экономических связей³⁸⁶, и Литовско-российские как превалирование экономической составляющей, при минимальном политическом взаимодействии³⁸⁷. Латвия, имевшая наибольший экономический потенциал в Прибалтике, с наиболее многочисленной русскоязычной диаспорой и незамерзающими портами по объективным причинам была более интересна Российской Федерации. Эстония, если так можно выразиться, всегда находилась «в тени» южного соседа и, по нашему мнению, имела «меньшую ценность» для Москвы. С Литвой же России в любом случае приходилось договариваться хотя бы из-за Калининградского транзита, искать общие точки соприкосновения, компромиссы.

Историческая политика стала важным фактором в международных отношениях Прибалтийских республик с третьими странами и между собой. Во-первых, сам принцип континуитета и критический настрой к советскому прошлому predetermined прозападную ориентацию Эстонии, Латвии, Литвы, позже евроатлантическую интеграцию, облегчил их вхождение в западное правовое, экономическое политическое пространство; обеспечил их дистанцирование от какой-либо интеграции на постсоветском пространстве. Во-вторых, вышедшие из вопроса о правопреемственности территориальные претензии к Российской Федерации (со стороны Эстонии, Латвии) и поражение русскоязычного населения в правах predetermined нарастание напряжённости в прибалтийско-российских отношениях и постепенное свёртывание совместных проектов, часто в ущерб самих стран Прибалтики. В-третьих, схожая канва памяти и исторических условий формирования и возрождения собственной суверенной государственности позволили Эстонии,

³⁸⁶ *Межевич Н. М., Сазанович Л. С.* Современные проблемы российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3(17). С. 93–106.

³⁸⁷ *Карабешкин Л. А.* Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе // Международные процессы. 2004. Т.2, № 1. С.85–91.

Латвии, Литве консолидированно выступать на международной арене и реализовывать собственные внешнеполитические цели.

Глава 2. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИБАЛТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В 1990-е – 2000-е гг.

Краеугольным камнем государственной исторической политики стран Балтии стал принцип континуитета – «восстановление» утраченной в 1940 г. независимости. Данное обстоятельство и явилось одним из основополагающих звеньев во всём новейшем историческом дискурсе Эстонии, Латвии, Литвы. При этом, следует учесть, что с самого начала оформления собственной государственности во всех трёх республиках была сделана ставка на построение национального государства для титульной нации и написание национальной истории – истории эстонцев, латышей, литовцев. Само же складывание местной политики памяти происходило постепенно, на протяжении 1990-х – 2000-х гг. На её формирование оказывали влияние как внутри, так и внешнеполитические аспекты, а также этнонациональный состав республик. Анализу данных обстоятельств и посвящена представленная глава.

2.1. Становление государственной исторической политики в Латвии, Литве, Эстонии

Вопрос о времени зарождения государственной исторической политики в независимых странах Балтии остаётся открытым для дискуссий. Мы же придерживаемся мнения, что истоки местной политики памяти следует искать в 1920-х – 1930-х гг., в период существования независимых Эстонской, Латвийской, Литовской Республик. Именно тогда, впервые обретя

собственную государственность (за исключением Литвы, которая имела опыт государственного строительства в средневековый период) и став хозяевами на своей земле, эстонцы, латыши и литовцы вынуждены были выработать идеологические основы собственных национальных государств, а также отношение к историческому прошлому. Актуальности данным вопросам добавляло наличие крупных и влиятельных национальных меньшинств в республиках – немцев, русских (русскоязычных), а также внешнеполитический фактор – нарастающее напряжение в Европе вокруг Германии, Советского Союза и заинтересованность крупных держав в усилении влияния в Балтийском регионе.

Как известно из истории, в молодых республиках демократия не смогла задержаться в долгосрочной перспективе и быстро проявилась тенденция к авторитаризму. Начало было положено в Литве, где в 1926 г. состоялся государственный переворот, который привёл к власти Антанаса Сметону. Затем в 1934 г. авторитаризм утвердился в Эстонии и Латвии, где Константин Пятс и Карлис Улманис пришли к власти в результате государственных переворотов. Все трое жестоко расправились с оппозицией (в первую очередь с коммунистами и сочувствовавшими им) распустили парламенты и ввели цензуру³⁸⁸. Мы исходим из того, что именно Антанас Сметона, Карлис Улманис и Константин Пятс, каждый в своей стране, и создали основы

³⁸⁸ См.: *Зверев К. А.* Становление русскоязычной общины в Эстонской Республике в 1920–1930-е гг. // Альманах современной науки и образования. 2016. № 8(110). С. 33–37; История Латвии: XX век / под ред. *Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда* (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2 / под ред. Л. Воробьевой. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 19; *Казекамп А.* История Балтийских государств. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2014. 397 с.; *Крийска А., Мязсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т.* История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; *Louna K.* Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940. Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2003. 110 lk.; *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M.* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; *Kiaupa Zigmantas* The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.

местной государственной идеологии, которую можно условно изложить в качестве триады: национализм – государственный патернализм – вождизм.

В данном контексте следует подробнее остановиться на национализме. Этот принцип в идеологии Балтийских республик межвоенного периода можно охарактеризовать как построение государства для титульной нации, с превалированием национальной культуры и языка, политикой ассимиляции меньшинств и их вытеснением из системы государственного управления, экономики и т.п. Выраженный националистический окрас приобрела и правовая база республик, сформировавшаяся к концу 1930-х гг. Поэтому, безусловно, реставрация данной правовой базы в начале 1990-х гг. внесла свой вклад в ущербное положение нетитульных наций в Прибалтийских республиках. Прообразом же государственной исторической политики явилось прославление национальных героев предыдущих эпох, а также интерпретация истории как многовековой борьбы эстонцев, латышей, литовцев с иноземными завоевателями³⁸⁹.

Однако, хронологические рамки нашего исследования заставляют сфокусироваться на современном периоде становления государственной исторической политики в Прибалтийских республиках. В этой связи особенно значимыми явились события перестройки в СССР и «Поющей революции», когда и возобладала идея «восстановления государственности» Эстонии, Латвии, Литвы (о чём шла речь в первой главе данного исследования). Здесь следует обратить внимание на Балтийскую ассамблею, или конференцию трёх прибалтийских народных фронтов (Народного фронта

³⁸⁹ См.: Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Lithuania's Wars: A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's National Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / edited by Gediminas Vitkus. Vilnius: Eugrimas, 2014. 304 p.; Senn A.E. LithuaniaAwakening. Berkeley:Univ. of California Press, 1990. 294 p.; Snyder T. The Rekonstruktion of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven: Yale University Press, 2003. 367 p.

Эстонии, Народного фронта Латвии и движения Саюдис Литвы), которая проходила в Таллине 13–14 мая 1989 г. и была призвана выработать общую линию в отношениях с Москвой³⁹⁰. Помимо прочего, на конференции обсуждался и вопрос о вхождении Прибалтийских республик в состав СССР в 1940 г. Деятельное участие в этой части мероприятия, а также в конференции, состоявшейся в Эстонской академии наук, принял учёный-юрист, советолог из ФРГ Дитрих Лёбер – один из руководителей «Института права, политики и общества социалистических государств», а также, наряду с Борисом Мейснером, участник Геттингенской рабочей группы учёных. Дитрих Лёбер представил участникам конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа³⁹¹, доказывая тем самым факт «незаконности» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, т.е. обосновывая правильность исторической «концепции оккупации стран Балтии», в разработке которой он принимал участие, вместе с Борисом Мейснером, Вильгельмом Шлау и др.³⁹²

Борис Мейснер и Дитрих Андре Лёбер – выходцы из остзейского дворянства Эстляндской и Лифляндской губерний соответственно. Оба провели детство и юность в Прибалтике – Мейснер в Эстонской Республике, Лёбер – в Латвийской Республике; в рамках репатриации прибалтийских немцев, в 1939 г. уехали в Германию. После поражения Германии во Второй Мировой войне они сконцентрировались на научной деятельности – юриспруденции, истории, советологии. Ещё в 1946 г. Борис Мейснер выступил основателем Гёттингенской рабочей группы (Göttinger Arbeitskreis), в центре научных интересов которой находились история и культура

³⁹⁰ Балтийская ассамблея: Сборник докладов, Таллинн, 13–14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

³⁹¹ *Graf M.* Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo. L. 104–105.

³⁹² *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber.* Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p.

немецкого населения Восточной Европы (в том числе и Прибалтики), а также обоснование непризнания новых послевоенных границ Германии (в первую очередь восточной границы). В 1981 г. Мейснер стал полноправным членом Балтийской исторической комиссии, а затем, вместе с Вильфридом Шлау и Дитрихом А. Лёбером, основал «Исследовательскую группу по современным исследованиям Балтики». Мейснер и Лёбер не только выпустили большое количество научных работ по истории Прибалтики и балтийских немцев³⁹³, но и были приближены к политическим кругам ФРГ, в частности Борис Мейснер состоял на дипломатической службе и сопровождал канцлера Конрада Аденауэра в 1950-е гг. во время встреч с руководством СССР на высшем уровне³⁹⁴. Более того, интересна тема диссертации Мейснера – «Советская интервенция в Прибалтике и международно-правовая проблема балтийского вопроса» (*Die sowjetische Intervention im Baltikum und die völkerrechtliche Problematik der baltischen Frage*), которая была издана как отдельная монография в 1956 г. под названием «Советский Союз, страны Балтии и международное право»³⁹⁵. Именно труды Мейснера, Лёбера и Гёттингенской рабочей группы в целом, стали основным источником формирования исторической «концепции оккупации стран Балтии», которая

³⁹³ *Baltische Nationen. Estland, Lettland, Litauen / Hrsg. Von Boris Meisner. 2. Version. Köln: Marcus Verlag, 1991. 428 p.; Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p.; Meissner Boris Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. 377 p.; Regional Identity Under Soviet Rule: The Case of the Baltic States. Edited by Dietrich André Loeber, V. Stanley Vardys, and Laurence P. A. Kitching. Publications of the Association for the Advancement of Baltic Studies, No. 6. Hackettstown, N.J.: Institute for the Study of Law, Politics and Society of Socialist States, 1990. 470 p.; The European Communities and Eastern Europe: an emerging new relationship: selected materials covering the years 1988–1991 / compiled by Dietrich André Loeber. Hamburg, 1991. 172 p. и др.*

³⁹⁴ *Marzian H. Meissner B. Ostdeutsche Biografie // Kulturportal West-Ost. URL: <https://kulturportal-west-ost.eu/biographien/meissner-boris-2> (дата обращения: 08.04.2021).*

³⁹⁵ *Meissner B. Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. 377 p.*

легла в основу государственной исторической политики Эстонии, Латвии, Литвы.

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи, в ознаменовании 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакта Молотова-Риббентропа и секретных протоколов к нему) – 23 августа 1989 г. Народными фронтами Прибалтийских республик была организована знаменитая акция «Балтийский путь» (или «Балтийская цепь»), которая была призвана, помимо прочего, привлечь международное внимание к факту «незаконного» инкорпорирования Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников континуитета и популяризации тезиса о необходимости «восстановления» утраченной государственности Балтийских республик. На это указывают хотя бы результаты выборов в Верховные Советы Эстонии, Латвии, Литвы, где уверенную победу одержали представители Народных фронтов, позже провозгласившие именно «восстановление» довоенной государственности (см. параграф 1.2). Кроме того, всё большую роль в Народных фронтах и конгрессах Граждан стали играть эмигрантские круги³⁹⁶, а лидеры Народных фронтов всё чаще стали отправляться за рубеж, в поисках международной поддержки стремления к независимости³⁹⁷. Так первый секретарь Эстонской ССР Арнольд Рюитель в марте 1991 г.

³⁹⁶ Например, Эгилс Левитс – латыш-эмигрант, член Гёттингенской рабочей группы, в 1989 г. стал участником Народного Фронта Латвии и Латвийского конгресса граждан, в 2019 г. избран президентом Латвийской Республики; *Вахтер Т.* Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 109; *Bluzma Valdis, Jundzis Talavs, Sharp Gene, Strods Heinris* Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. P. 310–311.

³⁹⁷ *Вахтер Т.* Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 29–39; 46–51.

встречался с президентом США Джорджем Бушем старшим³⁹⁸, а 85% расходов конгресса граждан Эстонии покрывали зарубежные эстонцы³⁹⁹. Информационную и материальную поддержку от эмигрантских кругов получали и сторонники независимости Латвии (визит делегации Народного фронта Латвии в Канаду, США, Австралию)⁴⁰⁰ и Литвы⁴⁰¹. В свою очередь, для эмигрантов, «концепция оккупации стран Балтии» и вытекавшая из неё идея непрерывности существования Эстонской, Латвийской и Литовской республик позволяла претендовать на утраченные в результате национализации активы и собственность.

Фактически, мы можем констатировать, что уже на этапе 1989 г. «концепция оккупации стран Балтии», выработанная Мейснером, Лёбером и Гёттингенской рабочей группой, становится «краеугольным камнем» борьбы прибалтийских Народных фронтов за независимость от СССР, а также обоснованием принципов реституции в законодательном и институциональном оформлении республик.

Новый состав республиканских Верховных Советов из числа представителей народных фронтов, принял 11 марта 1990 г. Акта о восстановлении независимости Литвы⁴⁰², 4 мая 1990 г. – Декларация о

³⁹⁸ Там же *Вахтер Т.* Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 29–39; 46–51.

³⁹⁹ Там же *Вахтер Т.* Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 109.

⁴⁰⁰ *Bluzma V., Jundzis T., Sharp G., Strods H.* Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. P. 344–345.

⁴⁰¹ *Senn A. E.* LithuaniaAwakening. Berkeley:Univ. of California Press, 1990. P. 249–250.

⁴⁰² Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. *Доронченков А. И.* М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

восстановлении независимости Латвийской Республики⁴⁰³, 30 марта 1990 г. – Закон О государственном статусе Эстонии⁴⁰⁴. Эти документы стали основополагающими в движении к независимости на основе принципов правопреемственности к довоенной государственности и заложили концепцию оккупации стран Балтии как один из важнейших элементов местной политики памяти.

Однако, по нашему мнению, будет неверным сводить государственную историческую политику Эстонии, Латвии, Литвы исключительно к тезису о «советской оккупации». На наш взгляд, вторым её столпом является «принцип исторического этноцентризма», под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития Прибалтийских народов и к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульных наций во внутригосударственной жизни каждой из Республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Именно поэтому местная политика памяти является разнонаправленной, имеющей целью воздействовать не только на представителей титульной нации, граждан республик, но и на местные

⁴⁰³ Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. Maijā // Latvijas Republikas Saeima. URL: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 21.08.2019); Текст декларации на русском языке: Декларация Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 191.

⁴⁰⁴ Постановление Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии» от 30 марта 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 243.

национальные меньшинства (в первую очередь русскоязычное население; в Литве и на польское меньшинство), а также на внешнеполитическое пространство (для всесторонней поддержки со стороны Западных партнёров).

Провозгласив независимость в 1991 г., Прибалтийские республики встали перед необходимостью «написать новую историю», отвечающую реалиям независимости и прозападной ориентации. Так, эстонский политик (премьер-министр Эстонии в 1992–1994 и в 1999–2002 гг.) и историк (автор учебников по истории Эстонии для средней школы⁴⁰⁵) Март Лаар в одной из своих работ в предисловии отметил, что *«до сих пор историю писали немцы и русские, писали “официальную историю”, которая игнорировала историю эстонцев. Чтобы сбалансировать данную особенность, эстонские историки иногда становятся довольно национально-центричными. Данная книга призвана рассказать историю борьбы эстонского народа за свободу»*⁴⁰⁶. Именно интерпретация истории как извечной борьбы за независимость и свободу является характерной чертой историографии не только в Эстонии, но и в Латвии⁴⁰⁷ и Литве⁴⁰⁸.

В этой связи мы считаем необходимым подробнее остановиться на преподавании истории в средней школе, так как большинство населения знакомится с отечественной историей именно на школьной скамье. Сразу оговоримся, что в школах национальных меньшинств стран Балтии

⁴⁰⁵ Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992. 234 с.; Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.

⁴⁰⁶ Цит. по: Laar M. Estonia's way / translation by Hanna-Helena Dunning; editing by Robin Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda) 2006. P. 13.

⁴⁰⁷ См.: История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиетиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.

⁴⁰⁸ Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; Kiaupa Z. The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.

используется та же учебная литература (переведённая на русский язык), что и в образовательных учреждениях с государственным языком обучения⁴⁰⁹.

Важную функцию по интерпретации фактологического материала, изложенного в учебнике, несёт учитель, поэтому мы обратимся к методическим рекомендациям⁴¹⁰, выпущенным в Латвии в 2000 г. для местных учителей истории и вобравших в себя весь исторический нарратив, наработанный местными историками и проводниками политики памяти на протяжении 1990-х. Здесь можно встретить главы исторических периодов развития Латвии с характерными названиями: «Советский Союз оккупирует Латвию», «От оккупации к свободе» и т.п. Далее, охарактеризовать содержание методического пособия мы бы хотели подборкой цитат:

С. 164 *«Политику Улманиса можно характеризовать как корпоративное управление, вмешательство государства в экономику, усиление латышской нации и вождизм»*⁴¹¹ – Т.е. здесь мы видим идеализацию политики Улманиса, не сказано ни слова о репрессиях и т.д. Осторожно упоминается лишь об «ограничении прав других народов», без конкретизации.

С. 184 В разделе «Запомни эти факты» цитата *«Спец. службы СССР решили спровоцировать в Латвии массовые беспорядки и объявить, что правительство НФЛ (Народного Фронта Латвии) не способно обеспечить порядок и управлять страной. Тогда появилась бы возможность отстранить правительство НФЛ и сохранить власть СССР в Прибалтике.*

⁴⁰⁹ См.: Зверев К. А. Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. I, № 4. С. 112–115; Зверев К. А. Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990–2010-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1(70). С. 80–89.

⁴¹⁰ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.

⁴¹¹ Цит. по: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. С 164.

Активно провокации проводили отряды ОМОН»⁴¹². Пояснение: речь идёт о событиях января 1991 г. в Риге – в латвийской историографии «Дни баррикад» – так называют в Латвии вооружённое противостояние в Риге между Народным Фронтом Латвии (охрана Совета Министров и Верховного Совета Латвии) и ОМОНОм (подчинённым непосредственно КГБ ЛССР), трактуемое как повод объявить военное положение в Латвии и отстранить правительство Народного Фронта от власти в Республике⁴¹³.

С. 189 «Коммунисты продолжали русификацию, начатую ещё в Российской империи (закрывали школы национальных меньшинств). Даже развитие экономики Латвии использовали для осуществления русификации. В Латвии строились предприятия, для которых здесь не было ни сырья, ни рабочей силы, ни нужных специалистов. Во многих регионах России распространялись призывы ехать и работать в Латвии. Местным людям коммунисты не доверяли и на руководящие должности назначали приезжих»⁴¹⁴.

С. 194 Цитата из выступления садовника Яниса Рукшанса на I-м съезде НФЛ 7 октября 1988 г.: «Некоторые говорят: куда вы спешите – эта империя [СССР – примечание К.З.] сама развалится, ... Но, когда это произойдёт, будет уже поздно. Вряд ли тогда ещё будет такая Латвия, такой народ – латыши. Уже будут разграблены наши и так бедные природные ресурсы, окончательно будет истощена наша земля, загрязнены воздух и вода. Будет уничтожен народ»⁴¹⁵.

⁴¹² Цит. по: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. С 184.

⁴¹³ См: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. С 184–201.

⁴¹⁴ Цит. по: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. С 189.

⁴¹⁵ Цит. по: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. С 194.

С. 201 *«Последствия советской русификации угрожают существованию Латвийского государства, так как латышский народ и язык являются основой нашего государства». <...> «Последствия русификации в Латвии устранили, приняв Закон о гражданстве (необходимость владения языком, знание истории, конституции – Сатверсме)»⁴¹⁶.*

Из приведённых выше цитат, касательно событий XX в., можно заметить однобокость в трактовке сложных исторических явлений. Мы здесь не встретим каких-либо фальсификаций, лишь умалчивание целого ряда факторов, не вписывающихся в предлагаемую концепцию авторов учебных пособий и не позволяющих с полной объективностью судить об описываемых явлениях. Историческая парадигма латвийских авторов вполне понятна и заключается, условно, в следующем – Веками латыши не могли быть хозяевами на своей земле и вынуждены были мириться с эксплуатацией её недр и богатств. Всё, что иноземцы строили на Латвийской земле, они возводили для себя и своих нужд, не для латышей. Царское правительство являлось тем же колонизатором и, проводя политику русификации, стремилось лишить латышей собственной национальной идентичности. Только период существования первой Латвийской Республики позволил нации развивать собственную культуру, язык, экономику и государственность. Авторитарное правление Карлиса Улманиса также отвечало интересам большинства. Период успешного развития был прерван насильственной инкорпорацией Латвии в состав СССР. Советское правительство продолжило политику русификации и эксплуатации Прибалтики, целенаправленно развивая в регионе индустрию и крупное производство, чтобы заселить Латвию русскоязычными и ассимилировать латвийский народ. Лишь успешная борьба за независимость в период

⁴¹⁶ Цит. по: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. С 201.

Перестройки спасла Латвию от полного уничтожения. Реставрация же правовой базы довоенной республики и поражение нелатышей в правах – закономерный и оправданный шаг в устранении последствий многолетней русификации и колонизации.

Разумеется, мы здесь значительно упрощаем историческую парадигму официальной Риги, опускаем целый ряд деталей. Тем не менее, такова официальная историческая концепция Латвии. Она же вполне соответствует и Эстонской исторической парадигме⁴¹⁷.

Литовский вариант также вписывается в предлагаемую модель, но имеет целый ряд особенностей. Так, значительное место в местном историческом дискурсе занимает Великое княжество Литовское, которое, как известно, являлось многонациональным государством. При этом, по мнению ряда исследователей⁴¹⁸, литовские коллеги сознательно «национализируют» и «приватизируют» историю Великого княжества Литовского (ВКЛ), принижая роль белорусского, украинского этносов в историко-культурном развитии ВКЛ⁴¹⁹. На литуанизации истории Великого княжества зиждется не только литовское национальное самосознание, но и местная государственная историческая политика. В частности, официальная историография приписывает решающую роль в победе в Грюнвальдской битве (битве под

⁴¹⁷ См.: *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992. 234 с.; *Ajalugu 5. klassile / М. Laar, М. Tilk, E. Hergauk.* Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.; *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁴¹⁸ См.: *Гаранко В. Ф.* Мировоззренческие парадигмы и идеологемы внешней политики современной Литвы // *International scientific review.* 2016. № 3(13). С. 69–74; *Елисеев А.* Беларусь и Литва: сквозь дебри истории и политики / Belarusian Center for European studies. URL: <http://eurocenter.by/analitics/belarus-i-litva-skvoz-debri-istorii-i-politiki> (дата обращения: 26.07.2020).

⁴¹⁹ *Zinkevičius Z.* Rytų Lietuva praeityje ir dabar. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 318 p.

Танненбергом) именно литовцам⁴²⁰, а древнее государство представляется как очаг западноевропейской цивилизационной идентичности⁴²¹.

По известным причинам, как отмечалось выше, наибольшие разногласия возникли в оценочных суждениях событий XX в. и, особенно, Второй мировой войны, так как именно в этот период страны Балтии утратили свою независимость. Уже само по себе восстановление независимости на принципах континуитета обязывало однозначно оценить события 1939–1945 гг., и такая оценка была дана в виде «концепции оккупации стран Балтии». Теоретические основы данной концепции нами были рассмотрены в начале параграфа, здесь и далее мы бы хотели проанализировать её практическое воплощение в Эстонии, Латвии и Литве.

Тезис о «советской оккупации» отвечал интересам местных элит (см. главу 1), позволял консолидировать националистический электорат, заручиться поддержкой западных союзников, а значит нуждался в популяризации среди общественности. Если среди учащихся школ, вузов, сузов достаточно было скорректировать курс истории и учебные пособия к нему, то среди широких слоёв населения требовались более масштабные действия. Было выпущено большое количество научной и научно-популярной литературы на эстонском, латышском, литовском, русском, английском языках, носящий откровенно тенденциозный характер⁴²². Свой

⁴²⁰ *Елисеев А.* Беларусь и Литва: сквозь дебри истории и политики / Belarusian Center for European studies. URL: <http://eurocenter.by/analitics/belarus-i-litva-skvoz-debri-istorii-i-politiki> (дата обращения: 26.07.2020).

⁴²¹ *Гарапко В. Ф.* Мировоззренческие парадигмы и идеологемы внешней политики современной Литвы // *International scientific review*. 2016. № 3(13). С. 69–74.

⁴²² *Кениньш И.* История Латвии. Учебник для 8–9-х классов. Рига: «Звайгзне», 1990. 223 с.; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. 234 с.; *Мялскоо, Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод *Крашевского А.* Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.; *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga,

вклад в проводимую работу внесли также и кинематографисты. Вследствие их деятельности в последнее десятилетие прошлого столетия в странах прибалтийского региона начали появляться в большом количестве киноленты, которые были посвящены истории Эстонии, Латвии и Литвы 1930-х, а также 1940-х гг., где негативно оценивался факт присоединения к СССР⁴²³.

Но наибольший резонанс произвела так называемая «Война памятников», начавшаяся в 1991 г. и продолжающаяся с разной степенью интенсивности в каждой из республик до настоящего времени. В первую очередь, сразу после провозглашения независимости, с центральных площадей Таллина, Риги и Вильнюса в рамках декоммунизации исчезли памятники Ленину и другим «красным» вождям и партийным деятелям, городам и улицам были возвращены довоенные названия. На рубеже 1990-х – 2000-х центр внимания переместился на монументы, посвящённые победе в Великой Отечественной войне. Их осквернение или демонтаж проводились в преддверии местных парламентских выборов (осквернение памятника Освободителям в Риге в 1997 и 2001 г., а также монумента «Павшим во II Мировой войне» в Таллине в 2006–2007 гг.)⁴²⁴ и использовались в качестве провокации для мобилизации как националистически настроенного

«Zvaigzne ABC», 1999. 44 l.; The Baltic states at historical crossroads: political, economical and legal problems in the context of international cooperation on the doorstep of the 21st century / ed. by dr. T. Jundzis. Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998; The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / ed. by M. Lauristin. Tartu: Tartu University Press, 1997. 309 p.

⁴²³ Фильм «Baiga vasara» («Страшное лето») режиссер Айгарс Грауба, 2000 Латвия; «Forest Brothers - Fight for the Baltics». – 2017, Латвия, Литва и др.

⁴²⁴ См.: *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81; *Радионых В., Антоненко О.* Балтийская война с монументами // Независимая газета. 2008. 28 апреля. № 89. С. 13; *Mitmekultuuriline Eesti: väljakutse haridusele / Toimetanud: Marju Lauristin, Silvi Vare, Tiia Pedastsaar, Marje Pavelson.* Tartu: Tartu Ülikool. 1998. 457 l.; *Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud Pille Petersoo ja Marek Tamm.* Tallinn: Trükikoda OÜ Geif, 2008. 308 l.

электората, так и русскоязычных избирателей. Одновременно начали появляться новые монументы, прославлявшие бывших legionеров СС, а также тех эстонцев, латышей и литовцев, кто воевал на стороне нацистской Германии или пострадал от светской власти.

Наиболее драматично «Война памятников» развивалась в Эстонии. 20 августа 2004 г. в небольшом городке Лихула (Западная Эстония) по частной инициативе был установлен монумент эстонцам – воевавшим против Красной армии в 1940–1945 гг. (монумент представлял из себя барельеф солдата в немецкой военной форме с автоматом в руках). Памятник простоял всего две недели и был демонтирован по распоряжению правительства, опасавшегося критики со стороны Западных союзников и обвинений в попытках реабилитации фашизма⁴²⁵. Демонтаж монумента вызвал массовые беспорядки и сопровождался столкновениями с полицией. В результате, официальный Таллин вынужден был выпустить специальное заявление, в котором объявлялось, что правительство высоко ценит храбрость людей, боровшихся в разные времена за независимость Эстонии, и считает необходимым увековечить их память. *«Однако, делать это надо достойно, уважая истинные цели и мотивы этих людей, а не навязанные им временем и обстоятельствами мундиры»*⁴²⁶. Именно Лихула́ский кризис стал поворотным моментом в эстонской «войне памятников», так как продемонстрировал противоречивость официальной исторической парадигмы⁴²⁷, выстроенной на

⁴²⁵ Полещук В. В. «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 103–118; Почему демонтировали памятник в Лихула? // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pochemu-demontirovali-pamyatnik-v-lihula?id=8571941> (дата обращения 04.07.2020).

⁴²⁶ Цит. по: Памятник в Лихула был демонтирован по внешнеполитическим соображениям // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pamyatnik-v-lihula-byi-demontirovan-po-vneshnepoliticheskim-soobrazheniyam?id=8532763> (дата обращения 04.07.2020).

⁴²⁷ Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на при, мере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.

основе «концепция оккупации стран Балтии». Националистические круги, взращенные на данной теории, выставляли официальный Таллин в неприглядном виде, создавая для Эстонии имидж страны, реабилитирующей нацизм. Политический истеблишмент был не готов терять покровительство западных союзников, но и отказываться от поддержки националистов также не хотел. Крайне правые партии воспользовались ситуацией и выступили с резкой критикой правительства. Так, по данным социологических исследований, проведённых сразу после событий в Лихула, действия правительства по демонтажу монумента называли справедливыми лишь 29% эстонцев и 64% русскоязычных⁴²⁸. Правящим кругам нужно было искать компромисс, и он был найден – в прославлении всех, кто боролся за независимость Эстонии без акцентирования внимания на сотрудничестве с нацистской Германией. Своеобразная примирительная тональность в освещении событий Второй мировой войны проявилась в открытии нового мемориала в Таллине в Марьямяэ в 2005 г., посвящённого эстонцам, сражавшимся против Красной Армии (см. приложение 9). Здесь произошёл отказ от демонстрации в монументах нацистской символики и какой-либо принадлежности к вермахту. Лишь зная исторический контекст событий 1944 г., можно понять, что речь идёт именно о противниках советской власти, сражавшихся на стороне Германии.

Однако, данное лавирование не помогло правительству Юхана Партса удержаться у власти (см. приложение 2.6). Новый премьер-министр Андрус Ансип вынужден был «реабилитироваться» в глазах националистов и вернуть их поддержку. Крайне правые, тем временем, создали Эстонское националистическое движение, которое стало активно выступать за снос монумента «Павшим во Второй мировой войне», а по факту – памятника

⁴²⁸ *Полещук В. В.* «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 3. С. 103–118.

советским воинам-освободителям Таллина (т.н. «Бронзовый солдат»), в центре столицы. По мере приближения к парламентским выборам и череды осквернений монумента, внутривластная ситуация в Эстонии начала обостряться. Глава коалиционного правительства Андрус Ансип выразил поддержку националистам и поддержал идею переноса монумента из центра Таллина. Это помогло ему консолидировать правый электорат и одержать победу на парламентских выборах 2007 г. (см. приложение 2.7, табл. 6). В конце апреля 2007 г. правительство Андруса Ансипа перешло к выполнению предвыборных обещаний и начало демонтаж памятника «Павшим во Второй мировой войне» (или «Бронзового солдата»), что вызвало недовольство русскоязычного населения и массовые беспорядки в Таллине, получившие название «Бронзовых ночей»⁴²⁹. Данный конфликт привёл к новому витку дискуссий вокруг эстонской государственной исторической политики⁴³⁰, однако, по нашему мнению, её кардинального пересмотра не произошло – лишь смягчение формулировок в освещении событий Великой Отечественной войны и «перенос акцентов» на «преступления оккупационных властей» и тоталитарных режимов. Война памятников также не завершилась «Бронзовыми ночами». Монумент «Павшим во Второй мировой войне» был перенесён на военное кладбище эстонской столицы и провокации вокруг него утихли. Однако, в Таллине, на территории Мемориального комплекса Марьямяэ, возведённого в 1960-е гг. и посвящённого павшим за советскую власть в Эстонии, в 2018 г. был воздвигнут Мемориал жертвам коммунизма, повествующий о массовых

⁴²⁹ См.: Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.; Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud Pille Petersoo ja Marek Tamm. Tallinn: Trükkikoda OÜ Geif, 2008. 308 l.

⁴³⁰ См.: Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–216.

расстрелах и депортациях, имевших место в период «советской оккупации» (см. приложение 10).

В соседних Латвии и Литве «Война памятников» не приобретала столь явного противостояния, как в Эстонии. Для официальной Риги сдерживающим факторам явились международные обязательства, вытекающие из двусторонних соглашений с Москвой. Так, ещё в 1994 г., ратуя за скорейший вывод бывших советских войск, Латвия заключила с Россией несколько договоров, в том числе касательно защиты военных пенсионеров и членов их семей, а также сохранения мемориалов и военных захоронений⁴³¹. Статьей 13 данного соглашения латвийские власти обязались *«обеспечить уход, благоустройство и сохранность мемориальных сооружений и мест массовых захоронений воинов»*⁴³² на своей территории. Данный документ долгое время сдерживал местных националистов от прямого демонтажа памятников, посвящённых событиям Великой Отечественной войны (хотя должного ухода за монументами не осуществлялось). Но, в последние несколько лет соглашение стало прямым образом нарушаться: 2016 г. снос мемориала советским морякам в Лимбажи, октябрь 2019 г. демонтаж памятника советским героям-подводникам Балтики в Даугавпилье. В обоих случаях Латвийская сторона утверждала, что монументы были в аварийном состоянии и не подлежали ремонту. Кроме

⁴³¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики // Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203003888&page=1&rdk=0&link_id=4#I0 (дата обращения: 15.11.2019).

⁴³² Цит. по: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики // Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203003888&page=1&rdk=0&link_id=4#I0 (дата обращения: 15.11.2019)

того, появляются новые монументы в честь латышей, воевавших на стороне вермахта – Памятник латышским батальонам СС в городе Бауска; Памятник юношам, «помощникам Люфтваффе» и погибшим в годы Второй мировой войны в Риге и др.⁴³³ Вторым сдерживающим фактором, безусловно, явились события «Бронзовых ночей» в Таллине и возможность их повторения в Риге в случае аналогичных действий по отношению к Памятнику Победы в латвийской столице.

В Литве «Война памятников» активизировалась заметно позднее, нежели у соседей – лишь в 2010-х гг. Во-первых, дало о себе знать отсутствие значительного русскоязычного меньшинства, а, следовательно, и необходимости консолидации националистического электората накануне выборов. Во-вторых, неоднозначность роли Советского Союза в местной истории, которому Литва обязана приращением Виленского края, Клайпеды. Тем не менее, несколько выходя за хронологические рамки нашего исследования, мы не можем не упомянуть о демонтаже советских скульптур с «Зелёного моста» в Вильнюсе в 2015 г., а также о сносе памятника воину-освободителю вблизи деревни Мирославас в 2018 г.⁴³⁴ Кроме того, с 2008 г. запрещена публичная демонстрация советских символов⁴³⁵. Пятиконечные звёзды, серп и молот стали удаляться с монументов, зданий и сооружений эпохи СССР⁴³⁶. Однако, именно в Литве пошли по пути воссоздания нового памятника национальной истории. Ещё в 2000 г., лично президентом

⁴³³ См.: *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.

⁴³⁴ *Марганова Д.* Литва демонтирует советское прошлое // Коммерсантъ. 11.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3766853> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴³⁵ *Susirinkimų įstatymo 8 straipsnio papildymo įstatymas 2008 m. birželio 17 d. Nr. X-1609* (Поправки к закону о собраниях № X-1609 от 17.06.2008) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/legalAct.html?documentId=TAR.CC7DA99E7343> (дата обращения: 01.12.2019).

⁴³⁶ См.: *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

республики Альгирдасом Бразаускасом было принято решение воссоздать Нижний замок – дворец-резиденцию литовских великих князей (разрушен русскими войсками в XVII в.). Окончание работ было запланировано на 2009-й – год 1000-летнего упоминания Литвы⁴³⁷, но завершить проект удалось лишь в 2016 г.

Таким образом, «Война памятников» явилась характерным эпизодом политики памяти для каждой из Прибалтийских республик. Однако, главная аккумулирующая сила местной государственной исторической политики оформилась в исследовательские центры, ставящие своей задачей «расследование преступлений коммунизма».

Более подробно данные институты и их функционал мы рассмотрим в параграфе 2.2, здесь же лишь отметим, что первым, подобное учреждение возникло в Литве в 1992 г. в качестве «Государственного центра исследования геноцида жителей Литвы» (современное название – Центр исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы)⁴³⁸. В Эстонии всё началось с Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности (IKUERK, также известной как комиссия Макса Якобсона), созванной президентом Леннартом Мери в 1998 г. Через десять лет, новым главой государства – Томасом Хендриком Ильвесом, комиссия была преобразована в Эстонский Институт Исторической Памяти⁴³⁹. В Латвии Комиссию по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР создали лишь в 2014 г. и, хотя неоднократно звучат предложения по созданию национального института исторической памяти,

⁴³⁷ *Шепетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 164.

⁴³⁸ Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы. URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴³⁹ Сайт Эстонского Института Исторической Памяти. URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения: 05.07.2020).

подчинённого напрямую парламенту⁴⁴⁰, до настоящего времени (2025) этого не произошло. Фактически, в какой-то мере роль данного учреждения играет общественная организация Латвийской ассоциации музеев оккупации (LOMB), аффилированная с эмигрантскими кругами⁴⁴¹.

Не смотря на различные периоды возникновения и этапы развития, цель у вышеупомянутых учреждений схожая – сбор данных о нарушениях прав человека во время советской оккупации, исследование, интерпретация этих данных и их обнародование и популяризация (в том числе и среди молодёжи) в виде научных, научно-популярных изданий, экспозиций, инсталляций и др.⁴⁴² Как видно из названий и заявленных целей данных организаций – речь вовсе не идёт о беспристрастном изучении истории, тенденциозный характер выводов вполне предсказуем. Узость хронологических рамок и научных интересов также свидетельствует об отсутствии стремления к объективности. Напротив, перед учреждениями ставится вполне конкретная политическая задача – развитие и популяризация основных тезисов государственной исторической политики в русле «концепции оккупации стран Балтии», выработанной Мейснером, Лёбером и Гёттингенской рабочей группой.

При этом, считаем необходимым подчеркнуть, что не смотря на правый уклон в местном истеблишменте, на, в целом, антисоветский характер прибалтийской политики памяти и тезис об оккупации, ни в одной из республик не было проведено люстрации управленческих кадров, а декоммунизация ограничилась «войной памятников», запретом советской символики и развенчанием «преступлений коммунизма». При этом

⁴⁴⁰ См.: *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.

⁴⁴¹ Сайт Музея оккупации Латвии. URL: <http://okupacijasmuzejs.lv/lv/par-muzeju/> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴⁴² См. заявленные цели на официальных сайтах данных организаций.

последний эпизод, в виде антикоммунистической составляющей, стал явственным именно со второй половины 2000-х гг.

Подводя итог всему вышесказанному, можно резюмировать, что в Прибалтийских республиках сложилась вполне продуманная государственная историческая политика, имеющая триединую составляющую – «концепция оккупации стран Балтии», «принцип национальной идентичности», антикоммунизм. Каждая из этих составляющих возникала на определённом этапе развития местной политики памяти и преследовала конкретные цели.

Государственную историческую политику стран Балтии можно разделить на следующие этапы:

Первый – этап становления – конец 1980-х – начало 2000-х гг. Так первоначально, в период «Поющей революции», приобрела наибольшую значимость «концепция оккупации стран Балтии», разработанная в середине XX в. Гёттингенской рабочей группой Мейснера и Лёбера. Её цель состояла в легитимизации стремления Эстонии, Латвии, Литвы к независимости от СССР, в доказательстве незаконности Советской власти в Прибалтике, а также в справедливости принципов правопреемственности в новом государственном и законодательном строительстве (в том числе, обоснование отказа в автоматическом предоставлении гражданства местным русскоязычным жителям как «незаконно прибывшим в период оккупации»).

Второй этап – этап институционального развития – начало 2000-х – первая половина 2010-х гг. К началу XXI в. стал очевиден положительный исход длительного переговорного процесса по евроатлантической интеграции, завершившейся весной 2004 г. вступлением Эстонии, Латвии, Литвы в Европейский Союз и НАТО. Данные события, по нашему мнению, способствовали не только укреплению международного статуса стран Балтии, но и проведению более самостоятельной линии в вопросах развития местной

исторической политики, с меньшей оглядкой на мировое сообщество и его оценку. Это выразилось в активизации «войны памятников», а также в более агрессивном насаждении концепции оккупации и идей исторического этноцентризма, которые особенно явственно проявили себя как в образовательной среде, так и в общественном пространстве.

После евроатлантической интеграции в дополнение к вышеозначенным принципам усилилась и антикоммунистическая составляющая, которая, по нашему мнению, больше была ориентирована на внешнеполитическую конъюнктуру, став общей тенденцией для всех восточноевропейских государств. При этом искусственность антикоммунистической риторики в реалиях Прибалтийских республик явилась весьма очевидной – ни в Эстонии, ни в Латвии, ни в Литве не была проведена люстрация (практически весь политический истеблишмент каждой из республик был унаследован от СССР), архивы КГБ оставались закрытыми вплоть до 2010-х гг. и т.д.⁴⁴³

2.2 Сопоставление государственной исторической политики в Латвийской, Литовской и Эстонской Республиках

Государственная историческая политика всегда является производной исторического, социально-экономического и культурного развития того или

⁴⁴³ См.: *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215; *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81; *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

иногo государства. В случае с Прибалтийскими республиками, данная общность, бесспорно, существует. Так, Эстония и Латвия имеют больше схожих особенностей между собой, нежели Литва, которая в силу своего исторического и этнокультурного развития несколько отличается от северных Прибалтийских соседей. В этническом и языковом плане эстонцы относятся к финно-угорской группе народов, в культурном плане больше тяготеют к Финляндии и Швеции. Латыши же и литовцы являются частью балтийской этноязыковой семьи со значительными лингвистическими различиями. Если территория современной Латвии находилась на стыке шведского, немецкого и польского политического и культурного влияния, то Литва, без сомнения, в большей степени оказалась полонизирована. При этом Эстония и Латвия впервые обрели независимость лишь в 1918 г., а также издревле испытывали сильное немецкое влияние со стороны остзейского дворянства, расселившегося на их территории в XIII в. и сохранявшего свой привилегированный статус вплоть до 1920 г.⁴⁴⁴ Литва же имела опыт собственного государственного строительства в эпоху Средневековья в лице Великого княжества Литовского (ВКЛ), контролировавшего в период расцвета территории от Балтийского до Чёрного морей.

В XX столетии, после революционных событий 1917 г. в Российской империи, эстонцы, латыши, литовцы получили возможность построить собственные независимые национальные государства и далее развивались, практически синхронно. К началу 1930-х все три республики отошли от демократических начал в сторону авторитаризма, в 1940 г. были одновременно инкорпорированы в состав СССР, к 1991 г. восстановили независимость на принципах континуитета, в 2004 г. вступили в ЕС и НАТО.

⁴⁴⁴ *Андреева Н. С.* Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44–61; *Зверев К. А.* Становление русскоязычной общины в Эстонской Республике в 1920–1930-е гг. // Альманах современной науки и образования. 2016. № 8(110). С. 33–37.

При этом Литва, в бытность союзной республикой сумела сохранить в целом моноэтнический характер государства с относительно небольшим польским и русскоязычным меньшинством⁴⁴⁵ (в 1989 г. литовцы составляли до 80% от всего населения)⁴⁴⁶. Эстония и Латвия, в свою очередь, после 1945 г. перестали являться моноэтническими государствами, столкнувшись со значительным притоком русскоязычного населения⁴⁴⁷.

Таким образом, на протяжении столетий эстонцы и латыши развивались наиболее схожим образом, поэтому их политика памяти будет идти в «едином русле». Литовцы же будут иметь больше отличий, но не кардинальных. В этой связи мы бы хотели сопоставить государственную историческую политику стран Балтии по следующим взаимосвязанным параметрам:

- Законодательное и институциональное оформление;
- Институты национальной памяти;
- Исторический контекст с древнейших времён до 1940 г.;
- Концепция оккупации стран Балтии;
- Трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма;
- Религиозный фактор;
- Этноцентризм.

⁴⁴⁵ *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

⁴⁴⁶ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 10.08.2020).

⁴⁴⁷ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.; *Зверев К. А.* Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992–2007) // Клио. 2015. № 8. С. 164–169.

Начнём с сопоставления законодательного и институционального оформления политики памяти в каждой из Прибалтийских республик. Здесь можно выделить наиболее последовательную и полную реализацию принципа правового континуитета по отношению к республикам 1920–1930-х гг. в Эстонии и Латвии, где с минимальными изменениями произошло восстановление бывшей правовой базы и один из главных упоров в местной исторической политике делался на обоснование справедливости и правильности принципа реституционализма ⁴⁴⁸. В Литве же реституция законодательно-правовой базы носила заметно меньший масштаб ⁴⁴⁹. По нашему мнению, данную особенность можно объяснить, во-первых, сложным процессом формирования территории современного Литовского государства (приращение Клайпеды, Виленской области); во-вторых, наличием более успешного и длительного опыта собственной государственности в лице средневекового Великого княжества Литовского. В этой связи государственная историческая политика официального Вильнюса будет частично избавлена от необходимости легитимизировать собственную государственность исключительно опытом первой республики межвоенного периода.

При этом Литва пошла заметно дальше своих соседей, законодательно ограничив поле исторической дискуссии, создав идеологический контроль, по степени своей жёсткости не имеющий аналогов. Он был реализован за счёт включения в уголовное законодательство страны специальной статьи, вводящей ответственность для всех лиц, оспаривающих существование

⁴⁴⁸ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁴⁴⁹ *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

«советской оккупации» территории Литвы. Кроме того, к уголовной ответственности должны привлекаться и все те лица, которые подвергают сомнению официальную интерпретацию мероприятий, проведённых в Вильнюсе в январе 1991 г.⁴⁵⁰ Внесение соответствующих поправок в литовское уголовное законодательство было инициировано летом 2010 г. Стоит отметить, что текст поправок был разработан исключительно на литовском языке. Версии же этих поправок на иных языках свет так и не увидели (что является достаточно удивительным, учитывая тот факт, что все остальные статьи, вошедшие в состав Уголовного Кодекса Литвы, имеют официальный перевод на русский, а также на английский языки)

В этой связи считаем необходимым привести в переведённом нами виде весь текст статьи, в полном объёме:

«Статья 170.2. Публичное одобрение, отрицание или грубое отрицание международных преступлений, преступлений, совершённых СССР или нацистской Германией против Литовской Республики или её жителей

1. Любое лицо, которое публично одобрило или отрицало геноцид или другие преступления против человечности или военные преступления, признанные законодательством Литовской Республики или Европейского Союза или международными судами в результате угрожающего, оскорбительного поведения или нарушения общественного порядка, а также те, кто публично поддерживал агрессию СССР или нацистской Германии против Литовской Республики, геноцид или другие преступления против человечности или военные преступления, совершённые СССР или

⁴⁵⁰ Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo įstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения: 16.08.2020).

нацистской Германии на территории Литовской Республики; другие лица, которые совершили или участвовали в агрессии против Литовской Республики в 1990–1991 годах или отрицали или грубо умаляли данные факты любым способом, если это было сделано угрожающим или оскорбительным образом, или привело к беспорядкам, наказывается штрафом или постановлением о задержании или постановлением о заключении под стражу максимум на два года.

2. Юридическое лицо также несёт ответственность за действия, предусмотренные настоящей статьёй»⁴⁵¹.

По нашему мнению, литовские власти не хотят предоставлять официальный перевод данной статьи, чтобы избежать международных осложнений. Ведь ставить «в один ряд» нацистскую Германию и СССР по меньшей мере цинично. Если говорить о преступлениях нацизма – они получили международное осуждение на Нюрнбергском процессе. СССР же обвиняется официальными властями Литвы в «геноциде», «преступлениях против человечности» и др. безапелляционно и бездоказательно. При этом любое публичное сомнение в изложенных выше тезисах уже само по себе является уголовно наказуемым преступлением. Это явно противоречит не только Литовской конституции, но и международному праву, где декларируются свобода слова, печати и открытое выражение своего мнения (разумеется, если оно не содержит призыва к противоправным действиям).

Кроме того, пристальное внимание следует обратить и на наказуемость отрицания «агрессии против Литовской Республики в 1990–1991 годах». Разумеется, здесь речь идёт в первую очередь о событиях января 1991 г. у

⁴⁵¹ Цит. по: Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo įstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения: 13.08.2020).

Вильнюсского телецентра, которые стали отправной точкой в становлении современного Литовского государства. Подчёркиваем, что данные события ещё не в полной мере изучены, и не представляется возможной их однозначная и безапелляционная трактовка. Как бы то ни было, статью 170*2 УК Литовской Республики можно было бы считать популистским актом, если бы не конкретные приговоры с реальным сроком решения свободы по данной статье. Так, возможность общественного порицания и тюремного срока не остановила целый ряд общественных деятелей от открытой критики официальной трактовки истории Литвы XX в., среди которых Витаутас Петкявичюс⁴⁵², Юозас Куолялис⁴⁵³, Валерий Иванов⁴⁵⁴. Двое последних за свои взгляды заплатились свободой и вынуждены были отбыть тюремное заключение. К 2025 г. по данной статье было осуждено более 10 жителей Литвы⁴⁵⁵. Хотя в Эстонии и Латвии уголовной ответственности за отрицание факта «советской оккупации» не предусматривается, процессы за участие в «преступления против человечности, совершённые властями СССР» проводились против ветеранов Великой Отечественной войны, бывших сотрудников НКВД, принимавших участие в организации и проведении депортаций 1949 г. В качестве примера здесь можно привести судебные процессы над Арнольдом Мери (единственным эстонце – Герое Советского

⁴⁵² *Петкявичюс В.* Корабль дураков: Галерея политических портретов и шаржей; пер. с лит. В. Мещерякова, Н. Ковяковой. Калининград: Янтарный сказ, 2004. 310 с.

⁴⁵³ *Kuolelis J.* Pro kalėjimo grotas: dviejų šimtmečių sandūros byla. Vilnius: Politika, 2010. 375 p.; *Kuolelis J.* Gyvenimas post factum: pasikalbėjimas su draugu. Vilnius: Politika, 2017. 64 p.

⁴⁵⁴ *Иванов В. В.* Гекатомба. Трилогия. Часть 2. Страшная ночь. К вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Сборник документов. Вильнюс, 2006. URL: <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения 13.08.2020).

⁴⁵⁵ *Григорьев М. С., Грабаускас Г., Дюков А. Р., Максимус Д. А., Межевич Н. М., Николаев Н. В., Оленченко В. А., Павлова М. С., Шаповалов В. А. и др.* История Литвы – М.: Международные отношения, 2025. С. 361–373.

Союза)⁴⁵⁶, Хейно Лаусом, Владимиром Казе, Виктором Мартинсоном, Августом Колком, Альбертом Колгом и Рудольфом Сиссак, Петром Кислым и Степаном Никеевым в Эстонии⁴⁵⁷, а также над жителями Латвии – Альфонсом Новиксом, Василием Кирсановым, Михаилом Фарбухом, Николаем Ларионовым, Трофимом Якушонком, Николаем Тэсса⁴⁵⁸. Практически всем подсудимым на момент начала судебных разбирательств было более 80-ти лет, но ни один из них своей вины не признал. Часть процессов завершилась тюремным сроком, например Альфонс Новикс, приговорённый в декабре 1995 г. к пожизненному заключению, через три месяца скончался в Рижской тюрьме в возрасте 88 лет⁴⁵⁹.

При этом несмотря на декларируемое «восстановление» государственности, во всех трёх странах Балтии – Эстонии, Латвии, Литве произошёл отход от принципов полной законодательной и правовой реституции. Принцип континуитета использовался для достижения конкретных политических целей (см. параграф 1.2).

Применительно к Литве здесь следует упомянуть о куда большем «размахе» законотворческой инициативы по вопросам политики памяти, нежели у соседей. Так, ещё 2013 г. местные правые политические силы предложили разработать и принять закон «Об исторической памяти» с целью *«поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей*

⁴⁵⁶ Сорокина Н. Время Арнольда Мери. Прокуратура Эстонии обвинила Героя Советского Союза в геноциде // Российская газета. 2007. 11 сентября. № 4463.

⁴⁵⁷ Случаи судебного преследования советских ветеранов. Справка // РИА Новости от 20.05.2019. URL: <https://ria.ru/20090520/171667032.html> (дата обращения: 27.08.2020).

⁴⁵⁸ Там же: Случаи судебного преследования советских ветеранов. Справка // РИА Новости от 20.05.2019. URL: <https://ria.ru/20090520/171667032.html> (дата обращения: 27.08.2020).

⁴⁵⁹ Белый А. Латвия борется с пережитками прошлого. Арестован 85-летний чекист // Коммерсантъ. 1999. 21 октября. № 193. С. 11.

исторической судьбы и ответственности за будущее государства»⁴⁶⁰. В результате длительных обсуждений в Сейме и выработки нескольких проектов нового закона, правительство неоднократно отправляло его на доработку, так и не поддержав⁴⁶¹. Литовский политолог и общественный деятель, проводник местной исторической политики Витаутас Синица обосновывает необходимость принятия данного закона следующим: *«Историческая политика существует во всех государствах, но только в авторитарных государствах историческая политика стремится контролировать академические дебаты и подвергать цензуре их содержание. В Литве никто этого не делает. Историческая политика здесь, как и в других странах, претендующих на демократию, воспринимается как чёткое определение того, как государство оценивает конкретные исторические факты – события и отдельных лиц, что тем временем может привести к свободным академическим дискуссиям и разногласиям. На практике это означает самоопределение того, что государство называет значимыми историческими датами. Нет недостатка в альтернативных нарративах, но ясно, что государство не может поддерживать их всех и должно иметь, желательно, авторитетное и коллегиальное мнение для поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей исторической судьбы и ответственности за*

⁴⁶⁰ Цит. по: Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį // Alkas.lt URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 25.10.2020).

⁴⁶¹ Nutarimas Dėl Lietuvos Respublikos tautos istorinės atminties įstatymo projekto Nr. XIP-4631(2) (Решение о проекте закона Об исторической памяти народа Литовской Республики No. XIP-4631 (2)) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAP/TAPIS.180413?positionInSearchResults=2&searchModelUID=9443f634-eadf-468b-a2b3-2dc3b2093334> (дата обращения: 25.10.2020); Nutarimas Dėl Lietuvos Respublikos tautos istorinės atminties įstatymo projekto Nr. XIP-4631(2) (Решение о проекте закона Об исторической памяти народа Литовской Республики No. XIP-4631 (2)) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.452270?positionInSearchResults=0&searchModelUID=9443f634-eadf-468b-a2b3-2dc3b2093334> (дата обращения: 25.10.2020).

будущее государства»⁴⁶². Именно данная точка зрения является доминирующей в литовских научных и около политических кругах⁴⁶³. Однако мы не можем с ней согласиться, так как официальный Вильнюс уже сузил круг научной исторической дискуссией вышеупомянутой статьёй 170.2 Уголовного Кодекса Республики. Кроме того, следует отметить, что в литовском стремлении законодательно и институционально оформить собственную политику памяти явно прослеживается влияние соседней Польши, где также практикуют законодательные запреты в дискуссиях о прошлом.

Нельзя обойти стороной и прибалтийские институты национальной памяти, под которыми мы подразумеваем учреждения, аффилированные с местными элитами, преследующие цели развития и популяризации основных тезисов государственной исторической политики. Подобные организации сформировались в Литве в 1992 г. и в Эстонии в 2008 (прообразом организации явилась возникшая в 1998 Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности)⁴⁶⁴. В Латвии же вплоть до настоящего времени (2025 г.) собственного института национальной памяти не возникло, хотя неоднократные призывы к созданию данного учреждения на базе Комиссии по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР звучат всё чаще на самом высоком уровне⁴⁶⁵ (тем более, что в Литве центр был создан на основе аналогичной комиссии по

⁴⁶² Цит. по: Sinica V. Posovietiniai paradokasai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį // Alkas.lt URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradokasai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 14.04.2021).

⁴⁶³ См.: Istorija kaip politinio mąstymo veiksnys: straipsnių rinkinys / Vaidutis Laurenas. Vilnius: Vilniaus univ. leidykla, 2012. 492 p.

⁴⁶⁴ Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215; Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

⁴⁶⁵ См.: Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.

изучению местных архивов КГБ). Тем не менее, в Риге координирующую и направляющую роль в исполнении национальной политики памяти взял на себя Музей оккупации и Ассоциация Музея оккупации Латвии (см. приложение 11).

По нашему мнению, создавая данные институты, официальный Вильнюс, так же, как и Таллин изначально замыслили их не как научные центры, а политические и пропагандистские, необходимые для обеспечения консолидированного подхода к историческому прошлому, обоснования необходимости и правильности осуществляющихся перемен, т.е. обеспечение лояльного отношения к новой литовской/эстонской действительности. В частности, данные цели и были поставлены перед «Государственным центром исследования геноцида жителей Литвы» (современное название – Центр исследований геноцида и резистенции жителей Литвы) ⁴⁶⁶ принятием соответствующих законов ⁴⁶⁷. Уже само название говорит о позиции центра в отношении советского прошлого Литвы, а также об отсутствии стремления к какому-либо объективному исследованию прошлого. Ещё в ходе обсуждения законопроекта о создании данного учреждения, было принято решение о передаче центру документов КГБ Литовской ССР, и других свидетельств нарушения прав человека в Советском Союзе⁴⁶⁸. Уже на этапе обсуждения структуры и задач Центра

⁴⁶⁶ Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения 05.07.2020).

⁴⁶⁷ Dėl Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymo įgyvendinimo tvarkos (О порядке применения Закона о Литовском центре исследований геноцида и сопротивления) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.5562?jfwid=73odxtmel> (дата обращения 11.08.2020); Seimo vakarinis neeilinis posėdis Nr. -2 Stenograma (1992-10-29) (Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992) // Сайт Сейма Литовской Республики URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (24.07.2020).

⁴⁶⁸ Seimo vakarinis neeilinis posėdis Nr. -2 Stenograma (1992-10-29) (Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992) // Сайт Сейма Литовской Республики URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (24.07.2020).

исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы у парламентариев возникли сомнения в том, насколько научной будет работа центра с этими документами⁴⁶⁹. Но, очевидно, победили политические мотивы, видение в данном учреждении вовсе не научного, а идеологического потенциала, реализующего основные тезисы государственной исторической парадигмы. Об этом свидетельствуют хотя бы задачи центра, обозначенные в 4-й статье закона о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы от 1997 г.: *«Задачами Центра являются восстановление исторической правды и справедливости, изучение проводимого оккупационными режимами в 1939–1990 гг. физического и духовного геноцида населения Литвы и его сопротивления этим режимам, увековечение памяти борцов за свободу и жертв геноцида, инициирование правовой оценки последствий оккупации. Центром также изучаются политика, проводившаяся оккупационным режимом в 1920–1939 гг. в Вильнюсском крае, а также процессы сопротивления ей»*⁴⁷⁰.

Другими словами, Литовский институт национальной памяти особое внимание уделяет «обличению» действий советской, польской, в меньшей степени немецкой стороны в Литве. Это объясняется значимостью «болезненной» для Вильнюса темы границ и литовско-польских взаимоотношений по территориальному вопросу, в частности. При этом события Второй мировой войны в данном контексте вовсе не являются центральными, а основной упор всё-таки направлен на советский период, а именно депортации и борьба с «лесными братьями».

⁴⁶⁹ Там же: Seimo vakarinis neeilinis posėdis Nr. -2 Stenograma (1992-10-29) (Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992) // Сайт Сейма Литовской Республики URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (24.07.2020).

⁴⁷⁰ Цит. по: Закон о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы // Vedomosti Litovskoi Respubliki, 1997-09-10, Nr. 25-288 URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.43653> (дата обращения 11.08.2020).

Перед Эстонским институтом памяти, согласно официальным источникам, ставится ещё более конкретная цель – «дать гражданам Эстонии подробный и объективный обзор положения с правами человека в Эстонии во время оккупации Советским Союзом. Институт не является правозащитным органом или судом. Из его открытий не вытекает никаких правовых последствий. Скорее, цель института состоит в выявлении событий и обстоятельств, которые указывают на нарушение прав человека в рассматриваемый период времени. Планируется создание достоверной базы данных, которая позволила бы изучить происходившие в советское время в Эстонии процессы, а также их следы в современном эстонском обществе и во всей Центральной и Восточной Европе начиная с момента распада Советского Союза. Это результат исследовательской деятельности института и одновременно его вклад в международную дискуссию на данную тему»⁴⁷¹.

Т.е., здесь мы видим стремление официального Таллина, как и литовских коллег, к переносу «центра тяжести» государственной исторической политики с оценки событий Второй мировой войны, раскалывающих общество, на весь период существования Эстонской ССР, а также стремление к популяризации данных оценок в широких слоях. Наиболее заметным итогом более чем десятилетней деятельности эстонского Института памяти, стало создание Мемориала жертвам коммунизма в 2018 г. (см. приложение 9, 10), реконструкция Музея оккупации, а также создание и открытие к 2026 г. одного из крупнейших в мире – Международного музея

⁴⁷¹ Цит. по: Эстонский институт памяти // Сайт президента Эстонской Республики. URL: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (дата обращения 19.07.2020).

памяти жертв коммунизма в бывшем батарейном тюремном комплексе на берегу Таллинского залива⁴⁷².

При этом, если литовская сторона фокусируется не только на Советском периоде своей истории, но и на Польской оккупации Виленской области⁴⁷³, то Эстонский институт памяти центральным звеном избрал период «советской оккупации»⁴⁷⁴. Что касается официальной Риги, то Ассоциация Музея оккупации Латвии действует аналогичным с соседним Таллином образом, первостепенное внимание уделяя Советскому Союзу⁴⁷⁵. Трактовки истории Латвии XX в., выдвинутые Ассоциацией Музея оккупации Латвии стали доминирующими в местном историческом дискурсе (подробнее см. извлечения из экспозиции Музея оккупации Латвии в приложении 11).

Однако, как уже отмечалось выше, сводить государственную историческую политику стран Балтии исключительно к обоснованию факта «советской оккупации» будет неверным. Значимое место во всех трёх республиках отводится и историческому контексту с древнейших времён до 1940 г. Здесь, по нашему мнению, особенно следует выделить Литву. Так, значительное место в местном историческом дискурсе занимает Великое княжество Литовское (ВКЛ), которое, как известно, являлось многонациональным государством. При этом, по мнению ряда исследователей⁴⁷⁶, литовские коллеги сознательно «национализируют» и

⁴⁷² Проект музея 2025 // Сайт Эстонского Института Исторической Памяти. URL: <https://patareiprison.org/et/muuseum-2025/projektist> (дата обращения: 20.07.2020)

⁴⁷³ *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // *Всеобщая история*. 2020. № 3. С. 3–13.

⁴⁷⁴ *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // *Проблемы национальной стратегии*. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁴⁷⁵ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 1(58). С. 163–177.

⁴⁷⁶ См.: *Гаранко В. Ф.* Мировоззренческие парадигмы и идеологемы внешней политики современной Литвы // *International scientific review*. 2016. № 3(13). С. 69–74; *Елисеев А.*

«приватизируют» историю Великого княжества Литовского, принижая роль белорусского, украинского этносов в историко-культурном развитии ВКЛ⁴⁷⁷. Люблинская уния 1569 г. и объединение Литвы с Польшей в Речь Посполитую, приведшее к перемещению центра государственной власти в Варшаву, оценивается в современной литовской историографии по понятным причинам негативно⁴⁷⁸. На литуанизации истории Великого княжества зиждется не только литовское национальное самосознание, но и местная государственная историческая политика. В частности, как отмечалось выше, официальная историография приписывает решающую роль в победе в Грюнвальдской битве (битве под Танненбергом) именно литовцам⁴⁷⁹, а древнее государство представляется как очаг западноевропейской цивилизационной идентичности в противовес азиатской Московии⁴⁸⁰. Т. е., другими словами, в XX–XXI столетии происходит искусственная вестернизация и литуанизация истории Великого княжества Литовского⁴⁸¹. При этом, сама Литовская Республика как межвоенного периода, так и современная, позиционирует себя в качестве своеобразного приемника ВКЛ. Учитывая сложный характер формирования Литовского государства в XX веке, политика памяти здесь выступила в 1990-х гг. как консолидирующий

Беларусь и Литва: сквозь дебри истории и политики / Belarusian Center for European studies. URL: <http://eurocenter.by/analitics/belarus-i-litva-skvoz-debri-istorii-i-politiki> (дата обращения: 26.07.2020).

⁴⁷⁷ См.: *Zinkevičius Z.* Rytų Lietuva praeityje ir dabar. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 318 p.

⁴⁷⁸ *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M.* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. P. 70–74; *Kiaupa Z.* The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. P. 109–123.

⁴⁷⁹ *Елисеев А.* Беларусь и Литва: сквозь дебри истории и политики / Belarusian Center for European studies. URL: <http://eurocenter.by/analitics/belarus-i-litva-skvoz-debri-istorii-i-politiki> (дата обращения 26.07.2020); *Eidintas Alfonsas, Bumblauskas Alfredas, Kulakauskas Antanas, Tamosaitis Mindaugas* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. P. 50–53.

⁴⁸⁰ *Гапоненко В. Ф.* Мировоззренческие парадигмы и идеологемы внешней политики современной Литвы // International scientific review. 2016. № 3(13). С. 69–74.

⁴⁸¹ *Иванов В. В.* De jure и de facto: история формирования этнополитического государства литовцев в межвоенный период 1919–1941 гг. / в 4-х томах. Вильнюс, 2018. Т. 1, С. 13.

фактор становления национального государства. С одной стороны нужно было обосновать преемственность литовской государственности от древней Литвы, Великого княжества Литовского до наших дней (о данном аспекте речь шла выше), с другой стороны – целостность республики и неприкосновенность её границ.

Не менее значимое внимание раннему периоду истории уделяется и в Эстонии. Ещё в 1920-х, с появлением первого независимого Эстонского государства, борьба древних эстов с немецкими рыцарями-крестоносцами стала интерпретироваться как «древняя освободительная борьба» по аналогии с освободительной войной 1918–1920 г. (в эстонской историографии так именуется гражданская война на территории Эстонии). Это понятие вошло сначала в научные труды, а затем в лексикон школьников и интеллигенции⁴⁸². В учебной литературе отмечалось, что *«древняя освободительная борьба на протяжении многих столетий наполняла грудь эстонца гордостью в достойнейших качествах своих предков, в числе которых ярко сияют любовь к свободе, высокая мораль воина, смелость, упорство, внутренний стержень»*⁴⁸³. Период шведского владычества второй половины XVI–XVII вв. стал восприниматься в историографии как «золотое время» прогрессивного развития, а последние десятилетия существования Российской империи встречали негативные оценки из-за политики русификации и попыток подавления национального пробуждения⁴⁸⁴. Именно

⁴⁸² Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. С. 55.

⁴⁸³ Цит. по: Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / H. Moora, E. Laid, J. Mägieste, H. Kruus; toimetajad H. Moora ja H. Kruus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935. L. 37.

⁴⁸⁴ Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992. 234 с.; Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.

интерпретация истории как извечной борьбы за независимость и свободу является характерной чертой не только эстонской, но и латвийской историографии ⁴⁸⁵. Латвийские исследователи в своих оценках Средневекового периода развития Ливонии практически единогласны с эстонскими коллегами. Так предреволюционный период в составе Российской империи критикуется из-за политики русификации, а положительные сдвиги в экономическом развитии Лифляндии, Курляндии и Двинска (Даугавпилса) нивелируются разорением периода I Мировой войны. Гражданская война 1918–1920 гг. в Латвии, как и в соседней Эстонии, именуется Освободительной, так как в результате удалось создать независимое национальное государство и избавиться от русского и немецкого владычества. Время же существования Латвийской республики 1918–1940 гг. часто идеализируется, в том числе авторитарный режим президента страны Карлиса Улманиса, как и сама личность диктатора ⁴⁸⁶.

Такой избирательный подход не случаен, ведь современная Латвия позиционирует себя как государство-преемник первой республики в историческом, правовом, политическом и культурном отношении. А это значит, что первая республика должна быть достойным примером для подражания, иначе как объяснить населению – почему именно правовая система 1930-х гг. была взята за основу в новой Латвии. Экономические трудности, притеснения национальных меньшинств, ограничение свобод и симпатии политической элиты к Германии и Италии в Латвии 1930-х гг. не

⁴⁸⁵ См.: История Латвии: XX век / под ред. *Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда* (перевод с латвийского Жанна Эзита). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. *Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня*; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Кениньш И.* История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.

⁴⁸⁶ См.: История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. *Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня*; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. С. 164.

находят должной оценки в современной латвийской научной и учебной литературе⁴⁸⁷.

Концепция оккупации стран Балтии является основополагающей в освящении событий XX в. для всех трёх республик – Эстонии, Латвии, Литвы и значительных изменений в трактовки данной концепции, по нашему мнению, не наблюдается (см. приложения 10, 11). Здесь официальные Таллин, Рига и Вильнюс проявляют единый подход и взаимодействие в проведении общей идеологической линии как на внутривнутриполитическом, так и внешнем уровнях.

Трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма. В современной прибалтийской историографии и историческом дискурсе в целом, термин «Великая Отечественная война» отсутствует и заменён понятием «Вторая мировая война» так как местные исследователи отрицают освободительный характер данного военного конфликта для народов региона ⁴⁸⁸ . В учебной, научно-популярной литературе⁴⁸⁹, кинематографе⁴⁹⁰ сами события Великой Отечественной войны и их кульминация для Прибалтийского региона в 1944 г. (наступление Красной Армии и освобождение Советской Прибалтики) подаются через отсылку к Гражданской / Освободительной войне 1918–1920 гг., когда немцы уже разбиты, а основная борьба разворачивается между местными патриотами-сторонниками восстановления национальной независимости и

⁴⁸⁷ История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2 / под ред. Л. Воробьевой. М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 19.

⁴⁸⁸ См.: *Зверев К. А.* Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 195–208.

⁴⁸⁹ *Butulis I., Zunda A.* History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.; *Laar M.* Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World War II. Tallinn: Kirjastus Gfener. 2009. 541 p.; *Kiaupa Z.* The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.

⁴⁹⁰ Фильм «Baiga vasara» («Страшное лето») – режиссер Айгарс Грауба, 2000, Латвия; «Forest Brothers – Fight for the Baltics» – 2017, Латвия, Литва и др.

«красными» эстонцами, латышами, литовцами, которые наступают по всей линии фронта в рядах РККА. Трагедия событий 1944 г. в странах Балтии помимо прочего состоит ещё и в том, что прибалты сражались с прибалтами. Вермахт усилил рекрутирование местных жителей в свои ряды, используя антисоветскую пропаганду. Командование РККА для освобождения территорий Эстонской, Латвийской, Литовской ССР применяло вновь восстановленные национальные части, укомплектованные из местных уроженцев: 8-й Эстонский стрелковый корпус, 130-й Ордена Суворова Латышский стрелковый корпус, 16-ю стрелковую Литовскую Клайпедскую Краснознамённую дивизию. Окончание же боевых действий в 1944 г. в Балтийском регионе позиционируется в историографии Эстонии, Латвии, Литвы как «окончание немецкой и начало советской оккупации» и даётся заключение, что разгром гитлеровской Германии не принёс свободу странам Балтии, каждая из которых потеряла до 20% населения в ходе войны⁴⁹¹. Местные же коллаборационисты рассматриваются как патриоты, не причастные к военным преступлениям нацистов на территории стран Балтии и Советского Союза. Преступления нацистов на наш взгляд также не находит должного освещения в эстонской, латвийской и литовской литературе. Приводятся лишь общие цифры репрессированных, казнённых, сухие данные о холокосте⁴⁹². При этом, сведения о репрессивной политике Третьего Рейха подаются в сравнении с сталинскими репрессиями таким образом, чтобы продемонстрировать большую жестокость именно советской тоталитарной

⁴⁹¹ Butulis I., Zunda A. History of Latvia. Riga: Jumava, 2015. 253 p.; Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.; Laar M. Eesti sõdur II maailma sõjas / The estonian soldier in World War II. Tallinn: Kirjastus Gfener. 2009 541 p.; O'Connor K. The history of the Baltic States. Santa Barbara (Calif.); Denver (Colo.): Greenwood, 2003. P. 121–122.

⁴⁹² Oras Ants Eesti saatuslikud aastad 1939–1944 (mälestused). Soome keelest tõlkinud Juta Eskel; Tallinn: Olion 2002, 256 lk.

системы⁴⁹³. При этом, характерной чертой литовской исторической политики является особенно активная коммеморативная практика по прославлению местных коллаборационистов – членов антисоветского подполья – «лесных братьев»⁴⁹⁴ (напомним, именно в Литве имела место наиболее масштабная в советской Прибалтике деятельность антисоветского подполья).

Религиозный фактор на различных уровнях также присутствует во всех трёх Прибалтийских республиках. В условиях провозглашения независимости Эстонии и Латвии, наличия в этих республиках значительного русскоязычного меньшинства, Православные Церкви данных государств оказались вовлечены в политическое и идеологическое противостояние между официальным Таллином и Ригой, с одной стороны, и Москвой, с другой. Корни данного противостояния уходят в межвоенный период, когда под давлением местных национальных элит произошёл переход эстонской и латвийской епархий в юрисдикцию Константинопольского Патриархата с декларировавшейся целью – избавить местных верующих от влияния со стороны Русской Православной Церкви (РПЦ), оказавшейся под полным контролем большевиков⁴⁹⁵. Руководящая роль Константинополя сохранялась вплоть до инкорпорации стран Балтии в состав Советского Союза в 1940 г.,

⁴⁹³ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. *Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня*; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Laar M. Estonia in World War II*. Tallinn: Grenader, 2005. 71 p.; *Kiaupa Z. The History of Lithuania*. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.; *Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries* / Edited by *Gediminas Vitkus*. Vilnius: Eugrimas, 2014. 304 p.

⁴⁹⁴ *Григорьев М. С., Грабаускас Г., Дюков А. Р., Максимус Д. А., Межевич Н. М., Николаев Н. В., Оленченко В. А., Павлова М. С., Шاپовалов В. А. и др.* История Литвы – М.: Международные отношения, 2025. С. 342–345.

⁴⁹⁵ *Зверев К. А.* Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / отв. ред. *А. А. Корников*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 93–98; *Зверев К. А.* Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 36–39.

когда была восстановлена каноническая связь с Московским Патриархом. Церковный раскол проявил себя с новой силой в новейший период, когда Прибалтийские республики вновь восстановили свою независимость. При этом, в каждом из государств ситуация развивалась с учётом местных особенностей, а церковный раскол приобрёл этнонациональный характер. Так, в Эстонии и Латвии сосуществуют две православные церкви – одна под юрисдикцией Московского Патриархата, другая – под юрисдикцией Константинопольского Патриархата. В условиях действия законов о реституции собственности лицам и организациям, контролировавшим данное имущество до 1940 г., существует угроза передачи зданий и активов местных православных церквей Константинопольскому патриархату. При этом, в Эстонии церковный раскол проявил себя ещё в начале 1990-х, когда эстоноязычная православная паства перешла к Константинопольскому Патриарху, а большинство русскоязычных верующих остались в юрисдикции Эстонской православной церкви Московского Патриархата. Латвийская же православная автономная церковь в юрисдикции Константинопольского Патриархата (ЛПАЦ КП) сумела легализоваться в стране лишь 24 октября 2019 г., когда была зарегистрирована в качестве официальной религиозной организации.

Литве же, в силу своего более моноэтнического характера, а также особенностей исторического развития, удалось избежать церковного раскола в рядах православных верующих. Однако, местная католическая церковь явилась значимой силой эпохи перестройки в движении Саюдис и поддержке государственной независимости от Москвы⁴⁹⁶.

Считаем необходимым выделить и этноцентризм, как одну из составляющих государственной исторической политики стран Балтии. Под

⁴⁹⁶ Зверев К. А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4(28). С. 227–235.

данным фактором мы подразумеваем национализм прибалтийских элит, поставленный в качестве основ местной официальной идеологии в целом и политики памяти в частности. Выражается он в принятии дискриминационного законодательства по отношению к местным национальным меньшинствам, а также в поддержке на всех уровнях доминирования национальных элит (в политической, экономической, социальной и других сферах жизни общества). Этноцентризм имеет значительные отличительные особенности в каждой из республик. Так в Латвии, в силу наличия наиболее многочисленного русскоязычного меньшинства, с 1990-х гг. проводился наиболее националистический курс⁴⁹⁷. Нелатышское население, прибывшее в республику после 1940 г., смогло получить гражданство лишь пройдя процедуру натурализации, при этом механизм натурализации был законодательно оформлен лишь в 1995 г. Т.е. возникла парадоксальная ситуация – с 1991 по 1995 г. до трети населения независимой Латвии не только не получили автоматически гражданство, но и не имели возможности натурализоваться. По мнению ряда исследователей⁴⁹⁸, это была попытка реализации надежды на массовый выезд нелатышского населения из страны (как это было с балтийскими немцами в 1939–1941 гг.) и возвращения к моноэтническому государству. Но данные расчёты не

⁴⁹⁷ Зверев К. А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник КГУ. 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77.

⁴⁹⁸ Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. Москва–Рига: Московское бюро по правам человека, 2012. 238 с.; Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В. В., Никифоров И. В.; Предисл. Жданок Т. А.; под ред. Демурина М. В., Симиндея В. В. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 280 с.; Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. Вып. 5. С. 107–108.

оправдались, хотя часть русскоязычного населения покинуло Латвию⁴⁹⁹. Степень поддержки данного тренда этническими латышами показывают результаты голосования на референдуме 1998, когда 45% граждан высказались против упрощения процедуры натурализации⁵⁰⁰. В соседней Эстонии местное русскоязычное население также не получило гражданство, но процесс натурализации здесь шёл более динамично, кроме того, неграждане Эстонии, в отличие от жителей Латвии, приобрели пассивное право голоса (право избирать) на муниципальных выборах. Такую «сговорчивость» эстонских властей можно объяснить давлением РФ в вопросе вывода войск, а также Нарвским кризисом и угрозой сепаратизма в Северо-восточной Эстонии – место компактного проживания русскоязычного меньшинства⁵⁰¹.

Статус же национальных меньшинств в Литве значительно отличается от северных Прибалтийских соседей. Изначально сторонники литовской независимости проводили исторические параллели не только с Литовским государством 1918–1940 гг., но и с древней Литвой. Кроме того, памятуя о этнически не однородном и спорном (в 1920-е–1930-е гг.) статусе Виленского края, а также негативной реакции Польши и России, литовский истеблишмент отказался от введения института неграждан и предоставил равные права всем жителям республики. Данное обстоятельство, безусловно, положительно сказалось на статусе местного нелитовского населения. Ведению ограничительной политики по отношению к местным русскоязычным и полякам также не способствовало пристальное внимание официальной Варша-

⁴⁹⁹ Latvijas 2000.gadadataus skaitīšanas rezultāti / Statistikas datu krājums. (Results of the 2000 population census in brief: statistical bulletin / Central Statistical Bureau of Latvia.). Rīga: Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2002. 294 p.

⁵⁰⁰ 1998. Gada Tautas nobalsošana (Референдум 1998 г.) // Centrālās vēlēšanu komisijas (Сайт Центральной избирательной комиссии). URL: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/base.velbals> (дата обращения 03.02.2020)

⁵⁰¹ Зверев К. А. Особенности «Русского вопроса» в Эстонии 1992–2009 гг. на уровне муниципальной политики (на примере Таллина) // Клио. 2014. № 11(95). С. 109–112.

вы. В случае ущемления прав своих соотечественников, Польша вполне могла приостановить евроинтеграцию Литвы. В России же, напротив, основное внимание было приковано к Латвии, в меньшей степени к Эстонии, где русскоязычное население оказалось поражено в правах. Противоречия с Литвой сглаживала необходимость договариваться об обеспечении транспортного коридора в российский анклав – Калининградскую область. Всё вместе это привело к значительно меньшей поддержке русскоязычных Литвы со стороны РФ. В результате данных особенностей, в Литве возник своеобразный симбиоз польского и русскоязычного меньшинств, которые стремятся сообща отстаивать свои права. Государственная же историческая политика Литвы в известной степени положительно повлияла на правовое положение нелитовцев (в плане предоставления литовского гражданства всем постоянным жителям республики)⁵⁰². Общим же для стран Балтии трендом явилось лишение русского языка статуса государственного, а также постепенный перевод системы образования на национальные языки⁵⁰³.

Таким образом, мы можем констатировать, что государственная историческая политика Прибалтийских республик, имея целый ряд особенностей, обусловленных историческим и социально-этническим своеобразием каждого из государств, обладает общей концептуальной основой и набором практик. Кроме того, местный истеблишмент стремится не только учитывать

⁵⁰² *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

⁵⁰³ *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137; *Зверев К. А.* Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990–2010-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1(70). С. 80–89; *Зверев К. А.* Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 112–115.

опыт соседей, но и проводить согласованные действия в вопросах политики памяти, сообща отстаивать общие интересы.

2.3 Коммеморативная составляющая исторической политики Прибалтийских республик

Историческая политика любого государства помимо прочего, нацелена также на сохранение памяти о наиболее значимых событиях прошлого, в том числе посредством памятных дат, символики, художественных произведений (кино, литература, изобразительное искусство) и др. В данном контексте считаем необходимым более подробно остановиться на коммеморативных практиках Прибалтийских республик как составной части местной государственной исторической политики.

Праздничная культура является одним из важнейших маркеров исторической памяти и демонстрирует значимость для общества тех или иных событий в конкретный хронологический период. При советской власти в Латвии, Литве, Эстонии наряду с официальными праздниками (актуальными для всего СССР) активно отмечались и традиционные памятные даты народного календаря, церковные католические (для Литвы) и лютеранские (для Эстонии, Латвии) праздники. С активизацией политических процессов в период перестройки проявилось и открытое, во многом «протестное» чествование памятных дат с политическим подтекстом – годовщины провозглашения независимости Латвии, Литвы, Эстонии в 1918 г., 23 августа – день подписания советско-германского пакта о ненападении (пакт Молотова-Риббентропа) и секретных протоколов к нему с констатацией перехода Прибалтики в сферу интересов СССР. Здесь достаточно вспомнить протестную акцию «Балтий-

ская цепь», объединившую живой цепью в 670 км. Вильнюс, Ригу и Таллин в пятидесятую годовщину подписания пакта Молотова-Риббентропа.

С активизацией движения за независимость в странах Балтии преобразованиям подвергся и праздничный календарь. В Латвии⁵⁰⁴ и Литве⁵⁰⁵ в 1990 г., в Эстонии⁵⁰⁶ позднее – в 1998, были приняты законы о праздниках и праздничных датах, которые официально закрепили изменения в данной сфере. Так, во всех трёх республиках потеряли статус официальных такие даты советского календаря как 23 февраля – «День Советской армии и Военно-морского флота», 9 мая – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 7 ноября – День Великой Октябрьской социалистической революции и другие праздники, имевшие идеологическое значение. На смену им пришёл календарь памятных дат, существовавший до 1940 г. (инкорпорации в состав СССР) с религиозными (католические Пасха, Рождество), национальными (праздники народного календаря), государственно-политическими (день провозглашения независимости в 1918 и восстановления независимости в 1991 г.), и с добавлением современных общеевропейских праздников (День Европы – 8 мая и др.). На каждой из обозначенных категорий мы бы хотели остановиться подробнее.

Религиозные праздники – несмотря на отделение церкви от государства, как и в большинстве стран Европы и Северной Америки, Пасха и Рождество стали официальными торжествами и выходными дням. Наибольшее значение они имеют в самой религиозной из трёх республик – в католической Литве. После господствовавшего в советский период атеизма, придание Пасхе и

⁵⁰⁴ "Par svētku un atceres dienām" likumā (Закон «О праздниках и днях памяти») // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, 1990, 42.nr.

⁵⁰⁵ Lietuvos Respublikos švenčių dienų įstatymas (Закон о государственных праздниках Литовской Республики) // Lietuvos aidas, 1990-10-26, Nr. 111-0. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.824> (дата обращения: 25.02.2023)

⁵⁰⁶ Pühade ja tähtpäevade seadus (Закон о праздниках и праздничных днях) // Riigi Teataja. 1998. № 13. ст. 162. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/74670> (дата обращения: 25.02.2023).

Рождеству официального статуса было призвано продемонстрировать возвращение к национально-религиозным традициям, европейским ценностям и отказу от государственного диктата в религиозных вопросах. Однако, следует отметить, что православные Пасха и Рождество не были включены в перечень государственных праздников, притом, что в Латвии и Эстонии значительное количество православных верующих (в Латвии таковых 18,5% населения или 370 000 жителей⁵⁰⁷, в Эстонии – 16% или 176 773⁵⁰⁸; в большинстве своём – русскоязычные). Во всех трёх Прибалтийских республиках, как в межвоенный период, так и в современный, церковный вопрос не терял своей остроты, являясь составной частью национальной политики по отношению к русскоязычному меньшинству и взаимоотношений с СССР/Россией. Часто местная национальная элита воспринимала Русскую Православную Церковь Московского Патриархата как «руку Москвы» и стремилась переподчинить духовенство Константинополю. Данная тенденция возобладала в Латвии и Эстонии, лишь Литве удалось избежать массированного вмешательства политиков в религиозные дела в силу относительной малочисленности православной паствы⁵⁰⁹.

Национальные праздники народного календаря – как и в межвоенный период, вновь получили статус официальных выходных дней. Наиболее значимый из них – день летнего солнцестояния – Лиго (Янов день) в Латвии, Йонинес в Литве, Яанипаяв (Янов день) в Эстонии, который отмечается в

⁵⁰⁷ Par Tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju pārskatiem par darbību 2011 gadā (Отчёты религиозных организаций о своей деятельности в 2011 году, представленные в министерство юстиции) / Министерство юстиции Латвийской Республики. URL: <https://www.tm.gov.lv/lv/ministrija/gada-parskati/2011-gada-publiekie-parskati> (дата обращения: 14.03.2020).

⁵⁰⁸ Зверев К. А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4(28). С. 227–235.

⁵⁰⁹ См.: Зверев К. А. Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 36–39; Зверев К. А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4(28). С. 227–235.

ночь с 23 на 24 июня. Данные торжества имеют дохристианское происхождение и являются традиционными для многих народов (аналог Ивана Купалы у восточных славян).

Государственно-политические праздники – несут на себе основную нагрузку исторической политики. Необходимо выделить главные государственные праздники – день провозглашения независимости – в Латвии это 18 ноября (1918 г.), в Эстонии – 24 февраля (1918 г.), в Литве – День восстановления Литовского государства – 16 февраля (1918 г.). Здесь следует пояснить – официальный Вильнюс, как уже было отмечено в предыдущих параграфах, в отличие о северных соседей, заявляет не только о преемственности современной Литвы республике межвоенного периода, но и средневековому Великому княжеству Литовскому (ВКЛ), поэтому в современной интерпретации местной историографии⁵¹⁰ речь идёт именно о «восстановлении» национальной государственности не только в 1991, но и в 1918 г. В связи с этим, литовский национальный праздничный календарь пополнился датой – 6 июля (1253 г.) – День государства (коронация короля Литвы Миндаугаса), которая и призвана продемонстрировать преемственность национальной государственности от Миндовга и ВКЛ к современной Литве.

Кроме того, во всех трёх странах Балтии имеются и идентичные праздники в виде «дней восстановления независимости», относящиеся к периоду 1990–1991 гг. – это 11 марта (1990 г.) в Литве, 4 мая (1990 г.) в Латвии и 20 августа (1991 г.) в Эстонии – принятие деклараций о восстановлении независимости. Данные торжества призваны заострить внимание общественности именно на факте «восстановления» национальной государственности и принципе исторической правопреемственности по отношению к республикам межвоенного периода.

⁵¹⁰ См.: *Зверев К. А.* Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 216–225.

Общеввропейские праздники – торжества, пополнившие календарь Прибалтийских республик после евроатлантической интеграции. Наибольший интерес здесь для нас представляет День Европы – 8 мая, который традиционно отмечается в странах Европейского Союза как окончание Второй мировой войны в Европе. Рига, Вильнюс, Таллин отказались от официального статуса Дня Победы 9 мая как государственного праздника, так как в современных Эстонии, Латвии, Литве сложилось весьма своеобразное восприятие событий Второй мировой и Великой Отечественной войны, негативно оценивающее роль СССР в освобождении данных территорий. Местной политикой памяти оспаривается сам факт освободительного характера действий Красной Армии по отношению к Прибалтийским республикам⁵¹¹.

Необходимо упомянуть и памятные даты, не являющиеся официальными государственными праздниками. Так, к таковым следует отнести день памяти жертв бомбардировки Таллина и других городов Эстонии в ходе Второй мировой войны – 9 марта (1944 г.) – авианалёт советской авиации, День памяти коммунистического геноцида в Латвии – 25 марта (1949 г.) – память о жертвах депортации 1949 г. (также отмечается в Литве и Эстонии); 14 июня (1941 г.) – является днём траура в современных Эстонии, Латвии, Литве по жертвам депортации 1941 г.⁵¹². 22 сентября 1944 г. День освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков – в настоящий момент день сопротивления («советской оккупации»).

Таким образом, тематика памятных дат концентрируется вокруг переломных событий XX века и однозначно негативно интерпретирует роль

⁵¹¹ Зверев К. А. Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 195–208.

⁵¹² В Прибалтийских республиках после инкорпорации в состав СССР имели место две массовые депортации нелояльного новым властям населения. Первая «июньская» депортация состоялась в период с 22 мая по 20 июня 1941 г., вторая «мартовская» – 25–28 марта 1949 г.

СССР в истории стран Балтии, как, впрочем, и вся региональная политика памяти.

Необходимо отметить, что обозначенные изменения в календаре праздничных и памятных дат утвердились в начале 1990-х гг. на заре независимости. О степени восприятия населением отмеченных трендов могут свидетельствовать социологические исследования, проводившиеся в Прибалтийских республиках в разное время.

Так, населением Латвии основные постулаты исторической политики, продвигаемой в том числе и посредством праздничной культуры, оказались в целом восприняты. Весьма популярным как среди титульного населения республики, так и среди русскоязычного меньшинства стал тезис об исторической преемственности современного Латвийского государства по отношению к республике межвоенного периода (см. табл. 2.3.1).

Таблица 2.3.1. Отношение жителей Латвии к основным памятным датам (2012 г.)⁵¹³

Отмечаете ли вы следующие памятные даты?	Латыши	Русскоязычные
18 ноября 1918 – провозглашение независимости	90%	73,2%
16 марта – День памяти латышских легионеров СС	55,8%	31%
9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне	38,8%	77,1%
11 ноября – День Лачплесиса (день памяти героев, павших за освобождение Латвии с древнейших времён до современности)	66,8%	30,7%
4 мая 1990 г. – Провозглашение Декларации независимости Латвийской Республики	32,1%	11,6%

Из представленной таблицы обращают внимания на себя кардинальные расхождения латышей и русскоязычных в оценке Великой Отечественной войны и Перестройки – историческая память и памятные даты как её часть в данном контексте служат не фактором единения, а причиной размежевания латвийского общества по этноязыковому признаку.

⁵¹³ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 6–15, 34

Схожим образом обстоит ситуация и в соседней Эстонии, где также наиболее популярным государственным праздником являются день независимости – 24 февраля, памятные же даты с отсылкой к событиям Второй мировой войны и период существования Эстонской ССР вызывают диаметрально противоположные оценки у титульного населения и неэстонцев⁵¹⁴. Так, согласно социологическим исследованиям 2007 г. в «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных, в отличие от 98% эстонцев. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г., аналогичное утверждение поддержали 56%⁵¹⁵. Весьма показателен и опрос населения, проведенный по заказу правительства города Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободной воли народа; 60% убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. Причём доля неэстонцев, критически воспринимающая тезис о «советской оккупации» постоянно растёт⁵¹⁶. Разумеется, подобные диаметрально противоположные оценки оказывают прямое влияние и на праздничную культуру. Так, в конце декабря 2020 г. эстонский политик Кристина Каллас в интервью заявила – *«Празднование 9 мая – это первое дело, которое надо поменять. Потому что это то, что в сознании эстонцев автоматически связывает вас с Россией. <...> Мы празднуем 9 мая, как российский праздник, политические праздники Россий-*

⁵¹⁴ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 42.

⁵¹⁵ Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt 2007. 21 мая. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения: 28.11.2020).

⁵¹⁶ Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 октября. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения: 28.11.2020).

ской Федерации, если русские их здесь справляют, то для эстонцев это сразу "пятая колонна", но если русские празднуют это как семейный праздник, всё в порядке»⁵¹⁷. До сих пор политические и общественные деятели предпочитали не высказываться относительно возможности справления памятных дат.

Таким образом, в Латвии и Эстонии календарь памятных дат является не объединяющим, а скорее разделяющим фактором, обозначающим раскол общества не только по этноязыковому признаку, но и по оценкам исторического прошлого.

Что касается Литвы, то здесь в силу более мононационального характера населения республики, высокой интегрированности национальных меньшинств в литовское общество, не наблюдаются столь разительные исторически оценки, как у северных соседей. Однако, и официальный Вильнюс посредством памятных дат продвигает основные постулаты собственной исторической политики.

Представляет интерес исследование общественного мнения жителей Литвы, проводившееся в 2012 г. по заказу литовского информационного портала DELFI компанией Spinter tyrimai по вопросу отношения к основным праздникам (см. приложение 5, табл. 5.1; для наглядности дублируем здесь в табл. 2.3.2).

Табл. 2.3.2. Отношение жителей Литвы к основным памятным датам⁵¹⁸

Какой день для вас в наибольшей степени ассоциируется с государственностью?	
16 февраля 1918 – День восстановления литовского государства (провозглашение независимости Литвы)	45,6%

⁵¹⁷ Цит. по: Кристина Каллас: празднование 9 мая – это первое дело, которое надо поменять русским в Эстонии // DELFI.lt 2020. 26 декабря. URL: <https://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=92059713> (дата обращения: 29.12.2020).

⁵¹⁸ Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения: 24.10.2020).

6 июля 1253 – День литовского государства (коронация короля Миндаугаса [Миндовга], основание Великого княжества Литовского)	22,2%
11 марта 1990 – День восстановления независимости Литвы (принятие Акта о восстановления независимости Литвы)	20,3%
25 октября 1992 – День Конституции (принятие конституции Литвы)	1,6%
Ни один из них	6,3%
Не знаю/не ответили	3,6%
Всего	100%

По мнению члена Института истории Литвы Альгимантаса Каспаравичюса, большинство литовцев ассоциируют себя с межвоенной Литвой, но не Великим княжеством Литовским⁵¹⁹. Аналогичного мнения придерживается и философ Арвидас Юозайтис, который считает, что *«16 февраля (1918 г.) стал поворотным моментом, показав, что литовцы полны решимости отделить свою культуру от польской и создать собственное государство. В этот день были заложены основы для выживания нации и её культуры»*⁵²⁰.

Таким образом, календарь праздничных и памятных дат явил собой один из инструментов популяризации политики памяти Прибалтийских республик. С обретением независимости, официальные Рига, Вильнюс и Таллин кардинально пересмотрели советский праздничный календарь, полностью отказавшись от торжеств, даже опосредовано связанных с идеологией социализма. При этом, используя тезис исторической правопреемственности существующих государств по отношению к республикам межвоенного периода латвийские, литовские, эстонские власти

⁵¹⁹ Там же: Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения: 24.10.2020).

⁵²⁰ Цит. по: A. Juozaitis: Vasario 16-oji buvo esminio lūžio taškas Lietuvos istorijoje (А. Юозайтис: 16 февраля стало поворотным моментом в истории Литвы) // Lietuvos rytas. URL: <https://kultura.lrytas.lt/-13288031681327725490-a-juozaitis-vasario-16-oji-buvo-esminio-l%C5%AB%C5%BEio-ta%C5%A1kas-lietuvos-istorijoje.htm> (дата обращения: 24.10.2020).

восстановили календарь 1930-х гг., добавив к нему целый ряд памятных дат откровенно антисоветской / антироссийской направленности. Данный акт был призван сформировать негативный образ советизации стран Балтии, а также подкрепить образ жертвы для государств региона в годы Второй мировой войны. Однако общественной консолидации вокруг нового календаря памятных дат (и как следствие – самой государственной политики памяти) не произошло. Наоборот, обозначенные тезисы вызвали неприятие большей части русскоязычного населения Латвии и Эстонии, усугубив этноязыковой раскол общества ещё и историческим аспектом.

В рамках нашей исследовательской темы нельзя обойти стороной и *государственную символику Прибалтийских республик*. Обозначенные выше аспекты исторических воззрений прибалтийского истеблишмента оказали прямое влияние на местную государственную символику, которая в 1989–1991 гг. была восстановлена на основе образцов 1930-х гг. Соответствующие законы были приняты в Эстонии⁵²¹, Латвии⁵²², Литве⁵²³ ещё до официального провозглашения независимости (в последующем неоднократно дополнялись). Восстановление символики межвоенного периода демонстрировало правовую, политическую историческую и идеологическую преемственность официальных Таллина, Риги, Вильнюса республикам межвоенного периода.

⁵²¹ Seadus Eesti sümboolikast (Закон об эстонских символах) // Riigi Teataja от 08.05.1990. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/24029> (дата обращения: 19.04.2023).

⁵²² Par grozījumiem dažos likumdošanas aktos simbolikas jautājumos (О внесении изменений в некоторые законодательные акты по символическим вопросам) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики, 1992 г., № 13/14; Par Latvijas Republikas valsts ģerboni (О государственном гербе Латвийской Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Вестник Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики), 1993 г., г. № 3/4.

⁵²³ Lietuvos Respublikos valstybės vėliavos įstatymas (Закон о государственном флаге Литовской Республики) // Сейм Литвы Lietuvos. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.07CAE5E6C2B3> (дата обращения: 11.05.2023).

Эстонский сине-чёрно-белый триколор (эст. *Sinimustvalge*) впервые был отмечен в 1881 г. как символ эстонского студенческого общества в Дерптском университете в эпоху «национального пробуждения», использовался на певческих праздниках, а также во время революций 1905 и 1917 гг. 21 ноября 1918 г. триколор стал временным флагом провозгласившей независимость, Эстонской Республики, а с июня 1922 – официальным государственным символом. 24 февраля 1989 г. после длительного перерыва триколор вновь был поднят над официальными учреждениями Эстонской ССР, а законом, от августа 1990 сине-черно-белый флаг стал использоваться в качестве государственного. Трактовка выбора цветовой гаммы, следующая: синий – цвет неба, озёр и моря Эстонии, символизирует верность национальным идеям; чёрный – цвет родной земли, отражение всех тягот эстонского народа; белый – цвет снежных равнин Эстонии, олицетворяет человеческое счастье, стремление к свободе и надежду на лучшее будущее⁵²⁴.

Латвийский флаг имеет наиболее древние корни. Предание связывает его появления с событиями Крестовых походов в Прибалтику, когда под 1279 г. в Рифмованной хронике упоминается красно-бело-красное знамя латгальских ополченцев. Кроме того, существует народное придание, согласно которому, в XIII в. в сражение с крестоносцами вождь племени латгалов был ранен, и его положили на белую ткань. Умирая, он наказал своим воинам бороться до последнего. Когда вождь умер, воины подняли намокшую от крови ткань, и под таким символическим флагом вступили в решающий бой и победили⁵²⁵. Также как и в случае с эстонским триколором,

⁵²⁴ Символы Эстонской Республики // Сайт президента Эстонии. URL: <https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/simvoly> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵²⁵ История латвийского флага // МИД Латвии. URL: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Jaunumi/Publiska-Diplomatija/karogs/izstade/raksts-geneze> (дата обращения: 12.05.2023).

знамя было возрождено в период «национального пробуждения» как символ латвийского студенческого общества в Дерптском университете в 1870-е гг., использовалось на певческих праздниках (с 1873 г.), а также во время революций 1905 и 1917 гг. Применяться в качестве государственного флаг стал сразу после провозглашения независимости Латвии 18 ноября 1918 г., снискав большую популярность в годы Освободительной (Гражданской) войны как символ сторонников независимой Латвии. Однако, возникла дискуссия о соотношении размеров полос флага и оттенке красного цвета. Активное участие в развернувшейся полемике приняли искусствовед Олгертс Гросвалдас, художники Аншас Цирулис и Волдемарас Тонес, писатель Линардс Лайценс и лингвист, фольклорист Петерис Шмитс. 15 июня 1921 г. был принят Закон о флаге и гербе Латвийской Республики, окончательно утвердивший красно-белое полотнище в качестве официального символа Латвии. Однако, закон определял пропорции цветов, но не уточнял цветовые оттенки, а также размеры флага. Это не было прописано и в Конституции 1922 года. Лишь «Положение о флагах государственных, торговых, должностных лиц и некоторых учреждений и о флагах военных кораблей» принятое 25 августа 1922 г. впервые фиксировало цвет флага как «темно-красный (кармин)»⁵²⁶. Возможно, на выбор данной цветовой гаммы повлияло нежелание властей буржуазной Латвии каким-либо образом ассоциироваться с «красными» латышами, чьим символом было алое знамя. После инкорпорации Латвии в состав СССР, символика буржуазной республики была запрещена и лишь в 1988–1990 гг. карминовый флаг вновь стал официальным⁵²⁷.

⁵²⁶ *Pumpuriņš T. Sarkanbaltsarkanās – Latvijas karoga krāsas* (Красно-бело-красный - цвета латвийского флага) // LVPORTALS.LV URL: <https://lvportals.lv/norises/200636-sarkanbaltsarkanas-latvijas-karoga-krasas-ii-2009> (дата обращения: 14.05.2023).

⁵²⁷ Izdarīt Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija 1988. gada 29. septembra dekrētā «Par latviešu tautas kultūrvēsturisko simboliku» (Указ Президиума Верховного Совета

История выбора литовского знамени значительно отличается от северных соседей. В современной Литве с самого момента независимости прослеживается дуализм в символике – с одной стороны используется атрибутика Великого княжества Литовского (ВКЛ), с другой – Республики межвоенного периода. В частности, закреплён данный дуализм был в 2004 г. принятием дополнения к закону о государственном флаге Литвы⁵²⁸, согласно которому наряду с триколором может использоваться и красное полотнище с изображением Погони, то есть серебряного всадника в доспехах на белом коне, с поднятым над головой мечом (одновременно является гербом Литовской Республики). Именно Красное знамя с изображением всадника – Погоня (в литовском варианте – Витис) и представляет собой исторический символ ВКЛ, от которого, как было изложено выше, современная Литовская Республика и ведёт свою историю. Впервые появление упомянутого знамени было зафиксировано в XIV в., оно использовалось и в Грюнвальдской битве 1410 г., однако с объединением польских и литовских земель в совместное государство – Речь Посполитую, Погоня постепенно уступила место двухцветному красно-белому полотнищу (польскому символу), а затем и вовсе осталась представлена лишь в геральдике. Вопрос о национальном флаге стал вновь актуален только в 1905 г., когда на фоне революции был собран первый литовский сейм. Один из инициаторов данного сейма – учёный, фольклорист, публицист и общественный деятель Иван Юрьевич Басанович (Jonas Basanavicius), предложил участникам сейма признать литовским национальным флагом красное полотнище с изображением белого

Латвийской ССР от 29 сентября 1988 года «О культурно-исторической символике латышского народа») // Latvijas PSR Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Вестник Верховного Совета Латвийской ССР), 1988, г. № 40.

⁵²⁸ Lietuvos Respublikos įstatymo «Dėl Lietuvos valstybės vėliavos» pakeitimo įstatymas (Закон о внесении изменений в Закон Литовской Республики «О Государственном флаге Литвы») // Valstybės žinios, 2004-07-24, Nr. 115-4274 URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.127328D5F616> (дата обращения: 14.05.2023).

всадника – Витиса (Погони) из исторического герба Великого княжества Литовского. Но большинство участников сейма не приняли это предложение, считая Витиса (Погоню) символом монархического и аристократического Великого княжества Литовского, а не литовским этническим символом. У части делегатов предложенное красное полотнище также вызывало негативные ассоциации с красными знаменами РСДРП ⁵²⁹. Вопрос о литовском флаге оставался открытым до 1917–1918 гг., когда появилась реальная возможность создания национального государства. На заседании Литовского научного общества (создано в 1907 г.) упомянутый выше И. Басанович вновь предложил признать красное полотнище с изображением Погони (Витиса) национальным литовским флагом, но в очередной раз большинство участников заседания отвергло это предложение, считая, что Витис является монархическим символом ВКЛ и, кроме того, такой флаг был бы слишком сложным для массового изготовления. Было решено создать литовский национальный флаг в цветах, преобладающих в тканях национальной одежды литовцев – жёлтый, зелёный, красный.

Как и у северных соседей, после инкорпорации Литвы в состав СССР в 1940 г. трёхцветное знамя оказалось под запретом и вновь начало использоваться лишь в период «поющей революции» 1987–1991 гг. 10 июля 1988 г. флаг был официально установлен на башне замка Гедиминаса в Вильнюсе. Под давлением общественности Верховный Совет Литовской ССР, 18 ноября 1988 г., придал желто-зелено-красному флагу статус государственного.

Государственные гербы Прибалтийских республик имеют более давнюю историю, нежели флаги. Так, эстонский герб ведёт свою историю с

⁵²⁹ Rimša E. Lietuvos valstybės vėliava (Государственный флаг Литвы) // Visuotinė lietuvių enciklopedija. URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/lietuvos-valstybes-veliava/> (дата обращения: 18.05.2023).

ХІІІ века, когда датский король Вальдемар ІІ, захвативший северную Эстонию во время крестовых походов, пожаловал городу Ревелю (Таллину) герб с тремя львами (в геральдике – леопардами), похожий на герб собственного (датского) королевства. Этот же мотив был позднее перенесён на герб Эстляндской губернии, утвержденный императрицей Екатериной ІІ 4 октября 1788 г. Современный вид эстонский герб приобрёл 19 июня 1925 г. с принятием соответствующего закона, а восстановлен был после длительного перерыва (период существования Эстонской ССР) 7 августа 1990 г.⁵³⁰ Однако, здесь имеется противоречие – почему герб «завоевателей» прошлых столетий стал символом нового независимого государства? Во время конкурсных процедур 1918–1920-х гг. предлагались различные эскизы будущего республиканского герба (орёл, медведь, грифон, полярная звезда и др.), но именно щит с тремя львами изображали на своих знамёнах и униформе национальные воинские формирования времён Гражданской / Освободительной войны, данный символ был наиболее популярен в обществе⁵³¹. При этом, эстонский геральдический знак, не смотря на своё иноземное происхождение, приобрёл собственную символическую структуру, связанную с конкретными историческими событиями в стране и трактуется следующим образом: один лев обозначает храбрость и мужество эстонцев в борьбе за независимость в древние времена против крестоносцев в ХІ–ХІІ вв. (завоевание земель древних эстов немецкими и датскими феодалами); другой – их отвагу и мужество в крестьянской войне 1343–1345 гг. против германо-датского ига (восстание Юрьевой ночи привело к продаже датским королём Эстляндии Ливонскому ордену); третий – борьбу за свободу в 1918–1920 гг. (образование независимого национального государства – Эстонской

⁵³⁰ Символы Эстонской Республики // Сайт президента Эстонии. URL: <https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/simvoly> (дата обращения 20.05.2023).

⁵³¹ Saare T. Kui vana on Eesti vapp? // Sirp. URL: <https://sirp.ee/s1-artiklid/c9-sotsiaalia/kui-vana-on-eesti-vapp/> (дата обращения 25.01.2024).

Республики). Данная интерпретация элементов герба появилась в 1920-е гг. и акцентирует внимание на борьбе за свободу и независимость эстонского народа, основные её исторические вехи.

Рис. 2.3.1. Герб Эстонской Республики

Латвийская Республика встала перед необходимостью выработки собственного национального герба также после обретения независимости в 1918 г. Геральдический символ был создан латышским художником, профессором Рихардом Зариньшем и графиком Вильгельмом Круминьшем и был принят в качестве государственного 16 июля 1921 г. Учредительным собранием Латвийской Республики. Он объединил в себе как символы национальной государственности Латвии, так и старинные гербы исторических областей страны.

Восходящее солнце в верхней половине геральдического щита символизирует национальную государственность Латвии. Стилизованные изображения солнца, как знака национальной принадлежности, использовались латышскими стрелками во время Первой мировой войны, в которой они принимали участие в составе русской армии. В эмблеме, которая как государственный символ использовалась до 15 июня 1921 г., знак солнца изображался с семнадцатью (позже девятнадцатью) лучами, число которых, как считалось, соответствовало 17 уездам Латвии.

Три золотые звезды над щитом герба символизируют историко-культурные части Латвии: Курземе и Земгалию (Западная Латвия), Видземе (Центр страны) и Латгалию (Восток). Исторические области Латвии в государственном гербе Латвийской Республики отражают более древние геральдические символы, которые появились уже в XVI столетии. Курляндию и Земгалию (Западная Латвия) символизирует красный лев из герба герцогства Курляндии и Семигалии. В свою очередь Видземе и Латгалию (Восточная Латвия) символизирует серебряный грифон – сказочный крылатый зверь с телом льва и головой орла, изображение которого было позаимствовано из герба Задвинского герцогства⁵³².

Восстановлен в качестве государственного в феврале 1990 г., ещё как герб Латвийской ССР.

Рис. 2.3.2 Герб Латвийской Республики

Ситуация с Литовским гербом развивалась несколько иным образом, нежели у северных соседей. Как было отмечено выше, Литовское

⁵³² Latvijas valsts ģerbonis (Герб Латвии) // Сайт президента Латвии. URL: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7029 (дата обращения: 23.05.2023); *Ducmane K.* Simboli Latvijas ģērbonis, karogs (Символы Латвии: герб, флаг) // *Kultūras žurnāls – Māksla Plus.* 2008. № 5. URL: http://www.makslaplus.lv/view.php?open_texts=1539&v_sadala=25&ban=&year=2008 (дата обращения: 23.05.2023).

государство претендует на правопреемство по отношению к Великому Княжеству Литовскому (ВКЛ). В связи с этим, именно его символ – Витис (Погоня) и стал государственным гербом современной Литвы. Первое упоминание о подобном изображении относится к 1366 г., когда один из княжеских документов был скреплён печатью с изображением Погони. С конца XIV века всадник с мечом изображался на фоне геральдического щита – на печатях Ягайло (1386, 1387) и Витовта (1401). С начала XV в. Погоня стал гербом Великого княжества Литовского. В тоже время окончательно сформировался внешний вид геральдического символа – на нём был изображён сам правитель в виде всадника, держащего в одной руке меч (символизирующий власть князя), и щит в другой (символизирующий управляемое Литовское государство). Для герба использовались два важнейших цвета в средневековой символике – красный (означал материальные, или земные, ценности: жизнь, мужество, кровь) и синий (духовные, или небесные ценности)⁵³³. После объединения ВКЛ и Польши в Речь Посполитую Витис (Погоня) был соединён с польским гербом, позже стал символом Вильно и Виленской губернии в составе Российской империи. Впервые наименование «Витис» стало использоваться в XIX в. в период литовского национального возрождения. Более древнее название изображения всадника с мечом – «Погоня», по мнению историков, олицетворяло собой ответные военные действия великих князей и воевод ВКЛ на военные набеги тевтонцев и крымских татар на приграничные территории государства. Как правило, такие вражеские нападения были связаны с захватом пленников, материальных ценностей и последующим отходом на свою территорию. Обратная военная операция – погоня –

⁵³³ Lietuvos valstybės herbas (Герб Литовского государства) // Сайт Сейма Литвы. URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=38110&p_k=1 (дата обращения: 24.05.2023).

символизировала возвращение награбленного, освобождение из неволи своих людей.

Вопрос о государственном гербе вновь стал актуален для литовцев в период Первой мировой войны, когда во время немецкой оккупации Виленской и Ковенской губерний на их территории был создан Литовский Совет, провозгласивший «воссоздание» национального государства в границах 1793 г. в союзе с Германской империей. Тогда же и началась работа над новым гербом, который продолжился и в 1920-х. Эскизы герба были созданы Тадасом Даугирдасом и Антанасом Жмуидзинавичюсом, также использовались гербы, нарисованные Адамсом Варнасом, Адамсом Галдиксом, Юозом Зикарсом и другими художниками. Наиболее популярна романтизированная версия герба Антанаса Жмуидзинавичюса. Единого стандарта Витиса (Погони) в Литве межвоенного периода не сложилось⁵³⁴. 11 марта 1990 г. «О названии государства и гербе» восстановлен довоенный герб. В качестве эталона был утверждён образец, созданный художником Юозасом Зикарасом в 1925 г. с изменениями 1991 г.⁵³⁵

Рис. 2.3.3 Герб Литовской Республики

⁵³⁴ Lietuvos valstybės herbas (Герб Литовского государства) // Сайт Сейма Литвы. URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=38110&p_k=1 (дата обращения: 24.05.2023).

⁵³⁵ Lietuvos Respublikos įstatymo «Dėl Lietuvos valstybės herbo» (Закон Литовской Республики «О гербе Литовского государства») // Valstybės žinios, 1991-09-20, Nr. 26-681. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.D62CC8FB6EF1> (дата обращения: 25.05.2023).

Таким образом, государственная символика Прибалтийских республик начала зарождаться ещё на рубеже XIX–XX вв., в период «национального пробуждения». Государственная атрибутика в виде флага и герба в Эстонии, Латвии, Литве была законодательно закреплена в начале 1920-х гг. В результате инкорпорации в состав СССР в 1940 г., символика была заменена на советский вариант. Однако, в период перестройки и нарастания дезинтеграционных процессов в Союзе официальные Таллин, Рига, Вильнюс ещё в 1989–1990-м гг. вернулись к исходным образцам атрибутики буржуазных республик межвоенного периода, санкционировав тем самым закрепление принципа континуитета – исторической правопреемственности к государствам 1920-х – 1930-х гг. Государственная символика несомненно оказывает влияние и на общественную память, так как выстраивает исторические параллели между нынешними республиками и ключевыми этапами прошлого, воспоминанием о котором и являются атрибуты национальной государственности (флаги, гербы и др.).

Наиболее древними символами стран Балтии являются гербы, которые представляют собой переосмысленную символику Средневековья, вобрав в себя мотивы борьбы с иностранными завоевателями, либо символику самих завоевателей в видоизменённом виде. Так, Эстония с минимальными

изменениями заимствовала датский герб как символ столичного города Ревеля / Таллина. Эстонское название Tallinn переводится как «датский город» (именно датчане выстроили первую каменную крепость на территории города в 1219 г.). Для Латвийского герба характерно переосмысление геральдических знаков исторических областей в единый символ с добавлением новой атрибутики. Литовский герб и вовсе заимствован у Великого княжества Литовского (ВКЛ), позиционируя официальный Вильнюс как единственного правопреемника ВКЛ. По нашему мнению, выбор средневековой геральдической атрибутики странами Балтии обусловлен стремлением удревлить свою государственность, продемонстрировать историческую связь с западной цивилизацией, а также стремлением к континуитету по отношению к довоенным республикам. Отметим, что все идеи создания принципиально новых гербов, без привязки к историческому контексту были отвергнуты как в 1920-е, так и в 1990-е гг.

Что касается государственных флагов Прибалтийских республик, то их история началась на рубеже XIX–XX вв., когда в период «национального пробуждения» местная интеллигенция задалась целью создать собственное знамя (лишь латвийский флаг имеет связь с средневековым стягом). Расцветка была обращена к цветовой гамме национальных узоров и костюмов.

Праздничные и памятные даты, государственная символика являются неотъемлемой частью исторической памяти народа и, как отмечено выше, фокусируются на ключевых её аспектах – стремлении к независимости и событиях Второй мировой войны. Данный концепт дополняется монументальным искусством в виде демонтажа советских и установки новых памятников – мы подробно рассматривали данный аспект применительно к «войне памятников» в предыдущих параграфах представленного исследования, здесь лишь повторимся, что во всех трёх Прибалтийских

республиках продолжается возведение различных мемориальных комплексов в память о жертвах «коммунистического террора» и памятников национальным борцам за обретение или «восстановление» независимости.

Весьма важное ментальное и символическое значение несёт в себе и *топонимия* – совокупность географических названий местности, страны (наименование населённых пунктов, улиц, площадей, природных объектов).

Географические названия также не обошли стороной внимание прибалтийских идеологов государственной исторической политики. Топонимы несут в себе значительную мировоззренческую составляющую, так как сопровождают людей на протяжении всей жизни, являясь связующим звеном между человеком с одной стороны и страной, городом, улицей или какой-либо конкретной местностью, с другой. Кроме того, часто именно топонимы являются своеобразными хранителями памяти о прошлом, зашифровывая в себе информацию о прежних владельцах, властителях, жителях той или иной территории, объекта на ней. Разумеется, по обозначенным выше причинам, правящие элиты стремились оказать воздействие на географические объекты, зафиксировав на местности своё имя и вычеркнув своих оппонентов или предшественников. Не обошла стороной данная практика и Прибалтику, чья топонимия весьма специфична.

Так, сведения о географических объектах региона периода до крестовых походов скудны и противоречивы – коренное население не имело собственной письменности и государственности, а значит местные топонимы были зафиксированы лишь в устном народном творчестве – в национальных эпосах – Калевипоег (Эстония), Лачплесис (Латвия), легендах, мифологии. Исключение составляют древнерусские летописи, где зафиксировано основание города Юрьева (Тарту) Ярославом Мудрым, а также сведения о Колывани (Таллин), возможно о Владимире или Владимирце Ливонском (Валмиера).

Крестовые походы XIII в. привели к подчинению Прибалтийского региона немецким и скандинавским рыцарям, его окатоличиванию и онемечиванию. Новые властители, расселившись на территории современных Эстонии и Латвии, основали собственные города-крепости и имения-мызы, создав новую или переименовав местную топонимию на немецкий манер. На территории Литвы ситуация складывалась иначе, так как было образовано Великое княжество Литовское (ВКЛ), позднее подвергшееся полонизации, способствовавшей сосуществованию литовских и польских вариантов географических названий. Смена властителей и даже вхождение региона в состав Российской империи в XVIII столетии мало затронули местную топонимию так как не изменился этнический состав населения – немецкое остзейское дворянство и бюргерство в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, а также полонизированная литовская знать, городские слои в Ковенской, Виленской губерниях продолжали главенствовать в политическом, экономическом и культурном пространстве региона вплоть до Революции 1917 г. (этому содействовал и своеобразный автономный статус Эстляндии, Лифляндии в виде особого Остзейского порядка). Лишь короткий период русификации Александра III и Николая II способствовал появлению русского следа в топонимии – Дерпту в 1893 г. было возвращено историческое наименование – Юрьев, Динабург в том же году стал Двинском, были изменены на русский манер названия некоторых улиц.

Однако, коренные преобразования географических названий произошли в XX столетии. Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская/Освободительная война привели к утрате привилегированного статуса и главенствующего положения в управлении, экономике и культуре немецкого населения (в Эстонии и Латвии) и польско-литовской знати (в Литве). Стремление же новых элит к созданию национальных государств с превалированием коренного населения, языка, культуры во всех сферах жизни со-

действовало и изменениям в топонимии — замене немецких и польских названий на эстонские, латышские, литовские. Так, уже в 1918 — начале 1920-х гг. переименованию подверглись практически все крупные города и населённые пункты (см. приложение 12, табл. 1), улицы, географические объекты и ориентиры (реки, озёра, лесные массивы). Например, Моонзундский архипелаг и острова его составляющие были переименованы на эстонский манер: сам архипелаг стал именоваться Западно-Эстонским, остров Эзель — Сааремаа, Даго — Хийумаа, Моон — Муху, Вормс — Вормси. Новые названия в основной массе являлись либо традиционными, неофициальными наименованиями, бытовавшими в народной традиции коренных жителей (например, Сааремаа — дословно с эстонского переводится как «островная земля»), либо переименованием на созвучный вариант, буквальным переводом немецких названий (например, Libau — Либава — Lierāja; или Dünaburg [нем. «замок на Дине, Двине»] — Двинск — Daugavpils [лат. «замок на Даугаве»]; Wilno — Вильно — Vilnius; и т.д.). В целом, к 1930-м гг. процесс переименований завершился и немецкие топонимы были практически полностью вытеснены эстонскими и латвийскими вариантами; польские топонимы вытеснялись литовскими. Цель первой волны переименований 1920-х — 1930-х гг. была вполне закономерной — избавление от следов иноземного владычества и утверждение национальной сущности новых государств, в том числе и в географических названиях. Однако, свои коррективы в топонимию внесла Вторая мировая война. Если советские власти после инкорпорации стран региона в состав СССР не касались вопросов топонимии, то нацистская оккупационная администрация в 1941–1944 гг. вернула все немецкие дореволюционные названия городов, улиц, географических объектов⁵³⁶. С наступлением Крас-

⁵³⁶ Калущков В. Н. Изменение геокультурного пространства стран ближнего зарубежья XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. Вып. 2(46). С. 99–116; Кантор Ю. З. Территория «Остланд»:

ной Армии и освобождением территории советской Прибалтики последовало возвращение прежних топонимов образца 1930-х гг. Данными действиями советские власти хотели продемонстрировать принципиально иной подход в национальной политике, основанный на национальной и культурной автономии республик, а не на новом издании русификации или каком-либо тождестве с дореволюционным царским режимом.

Тем не менее, новый виток переименований в регионе последовал в послевоенный период конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда улицы и населённые пункты получили типовые советские названия (по событиям революции 1917 г. или по именам партийных деятелей): посёлки и колхозы имени Калинина, Кирова, Ленина, улицы Советская, Октябрьская, Горькова и т.д. Однако, подавляющая часть географических названий осталась неизменна с 1930-х, русские наименования периода Империи возвращены не были (например, городу Палдиски, именовавшемуся до 1922 г. «Балтийский порт» прежнее название возвращено не было). В целом, советская практика переименований была нацелена на популяризацию социалистических идей и являлась составной частью обширной идеологической работы с населением.

С обретением независимости и активизацией деятельности в области государственной исторической политики встал вопрос о возвращении прежних, довоенных названий всем объектам, подвергшимся переименованию в период так называемой «советской оккупации». В результате, уже в 1991–1992 гг. улицам, площадям и населённым пунктам Эстонии, Латвии, Литвы были возвращены прежние названия. Но, если с существовавшими до 1940 г. объектами было всё вполне предсказуемо, то с городскими микрорайонами, посёлками и городами, появившимися в период существования СССР возникли сложности – каких наименований придерживаться. Поэтому процесс

переименований растянулся на весь период 1990-х и не затронул идеологически нейтральные имена (Бульвар Дружбы, кинотеатр «Космос», улица Пушкина и др.), ограничившись сменой вывесок, прославлявших ведущих партийных деятелей, военачальников и героев периода Великой Отечественной войны или саму КПСС (и лишь частично, главным образом в крупных городах). Так, например, основанный в 1975 г. город-спутник Игналинской АЭС в Литовской ССР Снечкус (названный в честь Первого секретаря Коммунистической партии Литвы в 1940–1974 гг. Антанаса Снечкуса) в 1992 г. был переименован в Висагинас (по названию близлежащего озера и деревни, находившейся на месте города). В целом, изменения геокультурного пространства Прибалтики происходили в русле аналогичных процессов других постсоветских стран, отчасти даже являясь менее масштабными, нежели в Средней Азии или Закавказье⁵³⁷.

Новый виток переименований в странах Балтии активизировался в 2022 г. в связи с обострением Украинского кризиса (за пределом исследуемых хронологических рамок). В условиях очередной компании по «декоммунизации» и «дерусификации» только в Риге под переименование попали 17 улиц, которые *«прославляют российских деятелей культуры и коммунистический тоталитарный режим»*⁵³⁸. Среди таковых оказались улицы Ломоносова, Пушкина, Тургенева, Лермонтова, Пикуля, Келдыша. Всего в Латвии планируется сменить название 95 улиц⁵³⁹. Эстония также объявила о желании

⁵³⁷ Калущков В. Н. Изменение геокультурного пространства стран ближнего зарубежья XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. Вып. 2(46). С. 99–116.

⁵³⁸ Цит. по: Иванов Г. Ничего русского. Как в Прибалтике отменяют «неправильные» названия? // Аргументы и факты от 29.07.2022. URL: https://aif.ru/politics/world/nichego_russkogo_kak_v_pribaltike_otmenyayut_nepravilnye_nazvaniya (дата обращения: 14.02.2024).

⁵³⁹ Там же.

ликвидировать все монументы⁵⁴⁰ и переименовать все улицы, посвящённые Красной Армии и событиям Великой Отечественной войны – лишь в Нарве в сентябре 2023 г. было переименовано 5 улиц⁵⁴¹, данный процесс продолжился и в 2024 г. Но, наиболее основательно, с правовой точки зрения, к данному вопросу подошла Литва, где 1 мая 2023 г. вступил в силу специальный закон – «О запрете распространения тоталитарных, авторитарных режимов и их идеологий»⁵⁴², предписывающий специально учреждённой комиссии по исторической памяти провести десоветизацию общественного пространства в республике. В результате только за один день действия данного закона было объявлено о более чем 20 объектах, нуждающихся в демонтаже или переименовании⁵⁴³.

В целом, практика смены топонимов осуществлялась и продолжает осуществляться в русле прибалтийской политики памяти и таких её основополагающих составляющих как этноцентризм (в части доминирования национальной культуры во внутригосударственной жизни Республик, а также обеспечения неприкосновенности местной культуры, языка, этнической самобытности), борьба с последствиями «советской оккупации» и декоммунизация. Если первая составляющая в виде этноцентризма является вполне зако-

⁵⁴⁰ Valitsuse pressikonverents, 4. august 2022 (Пресс-конференция Правительства Эстонской республики от 4 августа 2022 года) // Eesti Vabariigi Valitsus URL: <https://www.valitsus.ee/uudised/valitsuse-pressikonverents-4-august-2022> (дата обращения 30.10.2022).

⁵⁴¹ Regionaalministri määruse "Narva linna aadressikohtade uute kohanime määramine" eelnõu avalikustamine (Публикация проекта постановления регионального министра «Об определении новых топонимов адресов в городе Нарве») // Regionaal- ja Põllumajandusministeerium. URL: <https://www.agri.ee/uudised/narva-kohanimed-08-2023> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵⁴² Lietuvos Respublikos draudimo propaguoti totalitarinius, autoritarinius režimus ir jų ideologijas įstatymas // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/b80056227d3211edbdcebd68a7a0df7e?jfwid=-rhnnontwv> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵⁴³ Баранова Ю. В Вильнюсе хотят переименовать улицы в рамках десоветизации // Газета.Ру URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20889350.shtml> (дата обращения: 15.02.2024).

номерным явлением для всех молодых национальных государств (к числу которых относятся страны Балтии), то тезис о «советской оккупации» и декоммунизация весьма специфичны и применяются избирательно, конъюнктурно. Так, интерпретация советского прошлого как периода «оккупации» не помешала оставить многие мемориальные комплексы и топонимы в провинции в неизменном виде на протяжении 1990-х – 2000-х гг., а в период обострения отношений с Российской Федерацией вновь обратиться к данной тематике. При этом, наиболее однородно, последовательно топонимия преобразовывалась в Эстонии и Латвии, в силу схожего исторического развития. Динамика изменений литовских географических объектов более специфична из-за наличия опыта собственной государственности в лице Великого княжества Литовского и значительной полонизации в последующий период. Кроме того, в Вильнюсе институализация политики памяти произошла на раннем этапе (нежели чем в Эстонии и Латвии) – в 1992 г. с созданием Центра исследований геноцида и сопротивления жителей Литвы, который и аккумулировал в себе всю государственную политику памяти, в том числе посредством выдвижения различных законодательных инициатив.

Как бы то ни было, топонимия прибалтийских республик зафиксировала в себе основные исторические вехи развития региона и изменение интерпретаций прошлого, являясь составной частью местной исторической памяти.

Картина обзора коммеморативных практик была бы не полной без упоминания *современного прибалтийского кинематографа*, который также является значимым ретранслятором идеологических установок. Балтийскую фильмографию новейшего периода по исторической тематике можно условно разделить на две группы:

1. Киноленты, посвящённые событиям обретения независимости и гражданской / Освободительной войне 1918–1920 гг.;

2. Киноленты о советизации и Второй мировой войне, повествующие о потере независимости.

К первой группе относится эстонско-финская историческая драма *Имена в граните* (эст. *Nimed marmortahvlil*) режиссёра Эльмо Нюганена (2002 г.), повествующая об одноклассниках, практически в полном составе ушедших на Освободительную войну в 1918 г. защищать независимость молодой Эстонской Республики. Латвийский фильм *«Стражи Риги»* (латыш. *Rīgas sargi*) режиссёра Айгарса Грауба (2007 г.) о борьбе латышской армии с немецко-русскими солдатами Бермондт-Авалова в боях за Ригу 1919 г. Эстонская драма *«Декабрьская жара»* (эст. *Detsembrikuumus*) режиссёра Аско Касе (2008 г.) о неудачной попытке большевистского переворота в Эстонии 1 декабря 1924 года и др. киноленты.

Ко второй группе следует отнести латвийский фильм *«Страшное лето»* (латыш. *Baiga vasara*) режиссера Айгарса Грауба (2000 г.) о любовной истории латыша и балтийской немки, развивающейся на фоне советизации Латвии летом 1940 г. Эстонская военная драма *«1944»* режиссёра Эльмо Нюганена (2015 г.) повествует об ужасах войны глазами эстонских солдат, сражающихся в рядах вермахта и РККА в ходе боёв на линии *«Танненберг»* (25 июля – 10 августа 1944) и в боях у Техумади (октябрь – ноябрь 1944)⁵⁴⁴. Литовская лента *«Совершенно один»* (лит. *Vienui Vieni*) режиссера Йонаса Вайткуса (2004 г.), основанная на реальных событиях, о Юозасе Лукше (кодовое имя Даумантас), литовском лесном брате, боровшемся против советской власти в Литве в 1940-х – начале 1950-х гг. Литовский фильм *«Лес*

⁵⁴⁴ Данная кинолента выбивается из общего списка, так как стремится уйти от политизации событий Второй мировой войны и показать трагичность войны для эстонского и других народов. В фильме 1944 год показан как продолжение Освободительной / Гражданской войны 1918–1920 гг., когда эстонцы предстают разделённым народом, находящимся по разные стороны линии фронта – эстонцы-сторонники национальной независимости сражаются в немецких мундирах против «красных» эстонцев из РККА.

богов» (лит. *Dievų miškas*) режиссера Альгимантаса Пуйпы (2005 г.), снятый по одноимённому роману Балыса Сруоги, повествующий о литовском интеллигенте, пережившем заключение в нацистском концлагере и преследуемом советскими властями. Обращает на себя внимание и совместная латвийско-литовская документальная кинолента «Лесные братья – Борьба за Балтию» (англ. *Forest Brothers – Fight for the Baltics*) 2017 года выпуска, представляющая лесных братьев как борцов за независимость Прибалтийских республик, против советской «оккупации». Стоит отметить латвийско-литовскую ленту 2019 г. «В сумерках» (лит. «*Sutemose*») режиссёра Шарунаса Бартаса, драму «В полном одиночестве» (лит. «*Vienui vieni*») 2003 г. режиссёра Йонаса Вайткуса, фильм «Гора сов» (лит. «*Pelėdų kalnas*») 2018 г. режиссёра Аудрюса Юзенаса и одну из частей трилогии «Цена свободы. Партизаны» (лит. «*Laisvės kaina. Partizanai*») 2017 г. режиссёра Саулюса Баландиса. Все обозначенные киноленты рассматривают лесных братьев как трагических героев, обречённых на поражение и смерть, но продолжающих борьбу за свободу. Имеет место романтизация данных субъектов. Одновременно, в негативном, критическом ключе демонстрируется советская действительность, акцентируется внимание на оккупационном характере советской власти, жестоком преследовании любого инакомыслия. При этом в обозначенных кинолентах не находит отражения жестокость антисоветского подполья и их преступления против мирных граждан – грабежи, поджоги, убийства.

Разумеется, обозначен не полный список работ прибалтийских кинематографистов по исторической тематике, однако достаточно репрезентативный, чтобы выявить уклон в сторону воспевания борцов за свободу, идеализации республик межвоенного периода и, за редким исключением, демонизации советского режима. Даже беглый взгляд позволяет заметить превалирование тематики XX столетия в кино на

исторические темы. Это говорит о том, что именно нарратив прошлого века является наиболее актуальным и в большей степени волнует общество. Кроме того, именно обозначенные киноленты, посвящённые Освободительной войне и Второй мировой и явились наиболее кассовыми, т.е. весьма популярными среди зрительской аудитории, а значит, в целом, соответствовали общественному запросу на момент выхода на экраны.

Следует обратить внимание и на даты выхода основных лент исторической тематики – 2000-е и, в особенности, вторая половина 2010-х гг. – активизация идеологического противостояния и «войн памяти» на постсоветском пространстве, сопровождавшаяся агрессивным переписыванием прошлого, оспариванием освободительной роли Красной Армии и Советского Союза во Второй мировой войне.

При этом каждая из Прибалтийских республик имеет собственную специфику. Так наиболее популярной тематикой Эстонского кинематографа являются события Второй мировой войны и первая Эстонская Республика 1920-х – 1930-х гг. Данные предпочтения объясняются превалированием обозначенных нарративов в местной политике памяти. Современная Эстония претендует на правопреемство по отношению к первой республике – представляющему идеализированным образом национального государства, чьё развитие было прервано Второй мировой войной и так называемой «советской оккупацией». Схожий посыл присутствует и в латвийском кинематографе, однако здесь он дополнен дореволюционной, имперской тематикой (фильмы «Номо novus», «1906» и др.), когда наступил «золотой век» Риги, ставшей во второй половине XIX – начале XX вв. главным городом и портом российского Остзейского края.

Литовское историческое кино более специфично и значительное внимание уделяет двум периодам прошлого – Вторая мировая война и последующая антисоветская деятельность лесных братьев, а также эпоха

Великого княжества Литовского. Регулярное обращение к тематике лесных братьев объясняется наиболее масштабным и хорошо организованным вооружённым антисоветским сопротивлением по сравнению с другими Прибалтийскими республиками. Интерес к эпохе Средневековья связан с романтизацией образа древнего литовского государства – ВКЛ, от которого современный Вильнюс ведёт своё правопреемство.

В целом, необходимо отметить, что идеализация и романтическое переосмысление прошлого характерно для любого исторического кино, в качестве сюжетной линии которого, как правило, избирается наиболее «ценная», волнующая общество историческая тематика.

Что касается художественной литературы и театрального искусства, то применительно к исторической памяти следует отметить опять-таки превалирование тематики XX столетия – как фундаментального и наиболее актуального звена прибалтийского исторического дискурса.

Из работ, обращённых к переосмыслению прошлого, следует выделить сатирический роман-фельетон эстонского писателя и драматурга Андруса Кивиряхка «Былое как голубые горы. Воспоминания Ивана Орава» (1995), в котором в юмористической форме описываются все ключевые события истории Эстонии XX в. от революции 1917 г. до начала 1990-х гг., переживаемые главным героем романа патриотом-националистом Иваном Оравом. Автор тонко подмечает национальные особенности, высмеивает эстонский национализм, советский формализм и идеологизированность общества, критически оценивает практически всех политических деятелей независимой Эстонии и СССР. Авторству Кивиряхка также принадлежит пьеса «Похороны по-эстонски» (1999), в которой просматриваются воспоминания о довоенной республике, в которой ценой тяжёлого труда, но были обеспечены человеческое достоинство, более-менее зажиточное существование и личная безопасность. Тоска по ЭССР в пьесе «Голубой

вагон» (2002 г.) этого же автора – это тоска по жизни, в которой существовали социальная защищённость и социальное равенство, развлечения были дешёвы, образование доступно. Сравнение идёт не в пользу нынешней республики или других постсоветских государств.

В латвийском театральном искусстве, популярна тематика лесных братьев – в частности в 2018 г. состоялась премьера трагикомедии Яниса Балодиса «Лесник» (лат. «Mežainis»), основанной на жизни и судьбе Яниса Пинупа, скрывавшегося в лесах Латгалии на протяжении полувека, до 1995 г. Тему советских репрессий и депортации 1941 г. продолжает и автобиография журналистки, писательницы, культурного историка и юриста Мелании Ванаги «На берегу Вельупе» (лат. «Vēlupes Krastā»), вышедшая в свет в 1991 г. и экранизированная в 2016 г. упомянутой выше картине «Хроники Мелании». Рядом литературных премий был отмечен роман Гунтиса Берелиса «Не было места словам» («Vārdiem nebija vietas») (2016) о начале развития латышского кинематографа и начале Первой мировой войны, способствовавшей росту национального самосознания и складыванию условий для независимости Латвии.

В литовской литературе также не обойдены вниманием переломные для страны события Второй мировой. Самой читаемой книгой в Литве в 2012 г. стал роман Алвидаса Шлепикаса «Меня зовут Марите» (лит. «Mano vardas – Marytė»)⁵⁴⁵, повествующий о «волчьих детях» – немецких детях и их родителях, вынужденных перебираться в Литву из разорённой войной Восточной Пруссии, чтобы найти работу, еду и кров. Роман Руты Шепетис «Между оттенками серого» (англ. «Between Shades of Gray») (2011 г.)

⁵⁴⁵ Lithuanian writer's novel gets a Book of the Month in the UK // Lithuania Tribune. URL: <https://lithuaniatribune.com/in-the-shadow-of-wolves-gets-book-of-the-month-in-the-uk/> (дата обращения: 18.11.2024).

повествует о жестокостях советской репрессивной машины в лице НКВД и «советской оккупации».

Не обойдена вниманием в литовской беллетристике и тематика Великого княжества Литовского. Весьма популярным, переведённым на польский и латышский языки оказалось четырёхтомное издание Кристины Сабалюскайте «Сильва Рерум» (лит. «Silva Rerum») (2008–2016 гг.) – сага о жизни литовской знати в ВКЛ.

Разумеется, здесь мы обозначили лишь часть прибалтийской беллетристики по исторической тематике и не преследовали цель проанализировать весь массив изданий трёх стран за последние 35 лет. Превалирование тематики XX столетия в исторической литературе также вполне объяснимо. Во-первых, это недавнее прошлое, сохранившееся и в семейной памяти и общественной гораздо лучше, нежели чем более отдалённые времена. Во-вторых, это ключевой период местного исторического дискурса, связанный с обретением и утратой национальной независимости, что также культивируется на всех уровнях местной политики памяти.

Помимо кинематографа, беллетристики, актуальное прошлое Прибалтийских республик также прослеживается и в музыкальной культуре. Праздники песни и танца являются крупнейшими культурными мероприятиями в Эстонии, Латвии и Литве, проводятся с 1870-х гг. один раз в четыре – пять лет и собирают десятки тысяч участников в каждой из республик. На данных торжествах предпочтение отдаётся народной песенной и танцевальной культуре, призванной продемонстрировать национальное единение, приверженность традициям, стремление к их сохранению и транслированию будущим поколениям. В период Перестройки в СССР именно певческие праздники стали своеобразными протестными акциями против советского строя, напоминанием о национальной независимости в

довоенный период. Массовые манифестации 1987–1991 гг. также сопровождались исполнением народных песен, благодаря чему данные события и получили название «Поющей революции». Консолидирующая роль певческой культуры в решающей фазе борьбы за независимость усилила позиции обозначенных фестивалей в актуальной памяти стран Балтии, которые пережили новый всплеск популярности в постсоветский период, сохранив прежний, традиционный, фольклорный формат, несмотря на наступление поп-культуры и известное «размывание» традиционных ценностей в условиях евроинтеграции. Стабильной популярностью праздники песни пользуются и в молодёжной среде. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в Эстонии в период с 1990 г. по 2019 г. количество участников Певческого праздника увеличилось с 28 922 до 33 183 человек (при сокращении населения за указанный период на 300 000)⁵⁴⁶; в Латвии в период 1990 г. по 2023 г. количество участников Праздника песни также увеличилось с 20 000 до 40 560 человек (при сокращении населения на 500 000 за указанный период)⁵⁴⁷. В Литве также количество участников за 30 лет увеличилось с 33 000 (в 1990)⁵⁴⁸ до 37 000 (в 2024) (при сокращении населения на 500 000 за указанный период)⁵⁴⁹. Таким образом, очевидна актуальность певческих праздников для населения Прибалтийских республик как действ, аккумулирующих в себе национальные традиции, культуру, память и их сохранение на протяжении столетий в условиях иноземного господства.

⁵⁴⁶ Üldlaulupeod 1869-2019 // Eesti Laulu- ja Tantsupeo SA. URL: <https://sa.laulupidu.ee/laulupeod-1869-2009/> (дата обращения: 20.11.2024).

⁵⁴⁷ Почти рекорд и огромный сюрприз. Праздник Песни после COVID // mixnews.lv URL: <https://mixnews.lv/culture/2023/06/29/pochti-rekord-i-ogromnyy-syurpriz-prazdnik-pesni-posle-covid/> (дата обращения: 20.11.2024).

⁵⁴⁸ Iš dainų švenčių istorijos // Lietuvos nacionalinis kultūros centras. URL: <https://2018.dainusvente.lt/lt/istorija/> (дата обращения: 20.11.2024).

⁵⁴⁹ Lietuvos nacionalinis kultūros centras. URL: <https://dainusvente.lt/naujienos/organizatoriai-dekoja-visiems-prisidejusiems-prie-sventes/> (дата обращения: 20.11.2024).

В заключении, можно констатировать, что в массовой культуре стран Балтии прослеживается трансляция основополагающих установок местной политики памяти. При этом наиболее актуальным историческим нарративом, находящим отклик в массовой культуре, является XX столетие. Именно в указанный период произошли основополагающие события для стран региона – две мировые войны, обретение независимости, её утрата и повторное восстановление национальной государственности. Кроме того, события последнего столетия сохранились и в семейной памяти большинства, что повышает живой отклик и интерес к ним, а также стремление к переосмыслению данных событий. По нашему мнению, данные факторы и объясняют превалирование обозначенной тематики в той части массовой культуры, которая обращена к историческому прошлому. При этом, опыт стран Балтии в данном плане не уникален, аналогичные тренды можно увидеть в массовой культуре России, стран Бывшей Югославии⁵⁵⁰ и в целом Восточной Европе – т.е. в тех странах и регионах, которые пережили фундаментальные трансформации в весьма динамичном XX столетии.

Подводя итог анализу коммеморальных практик можно констатировать, что в Прибалтийских республиках сложился весьма целостный концепт коллективной исторической памяти, основанный на образе жертвенности в борьбе за свободу и независимость с враждебными силами. Учебная, научно-популярная литература, СМИ, кинематограф, музейные экспозиции, монументальное искусство, законодательство, символика и памятные даты – всё нацелено на популяризацию, выражение и, одновременно, отражение в обществе основных установок местной политики памяти, которые также формируют национальную и национально-государственную идентичность.

⁵⁵⁰ Историческая политика в странах бывшей Югославии / под ред. М. В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. 512 с.

2.4. Внешнеполитический вектор и его влияние на государственную историческую политику в Прибалтийских республиках

В последние десятилетия всё больше государств оказываются вовлечены в глобальные интеграционные процессы. Эстония, Латвия, Литва не являются исключением в данном общемировом тренде. Поэтому совершенно закономерно, что местная государственная историческая политика, а также международная конъюнктура и внешние сношения с мировым сообществом оказывали взаимовлияющее воздействие. В предыдущих частях нашего исследования мы уже касались внешнеполитического аспекта применительно к вопросу государственного строительства в странах Балтии. В данном же параграфе мы сфокусируемся на взаимосвязи внешнеполитического вектора и местной политики памяти.

С самого момента восстановления независимости и оформления первых концептуальных основ государственной исторической политики стала очевидной прозападная ориентация прибалтийских элит. По нашему мнению, данная особенность привела к однобокости развития всего исторического дискурса в современных Эстонии, Латвии, Литве с гипертрофированным антисоветским/антироссийским компонентом, замаскированным под антикоммунизм и идеализацией всех соприкосновений (исторических и современных) с европейским политическим, экономическим, социально-культурным пространством. В качестве примеров здесь можно привести работы местных историков. Так, в эстонской и латвийской историографии крестовые походы в Прибалтику конца XII–XIII вв. оцениваются двояко – с одной стороны негативно – как фактор потери самостоятельности и последующего многовекового порабощения, однако, с другой стороны – как процесс, способствовавший вестернизации, включению

эстонцев, латышей и литовцев в европейское политическое, экономическое и культурное пространство. Имеет место идеализация Ливонского ордена, периода Шведского владычества конца XVI–XVII вв., а также прославление просвещённости и либерализма остзейского дворянства. При этом сношения с Московским/Российским государством, пребывание в составе Российской империи оцениваются откровенно тенденциозно⁵⁵¹. В случае с Вильнюсом заметна литуанизация истории Великого княжества Литовского, которое представляется как очаг западноевропейской цивилизационной идентичности в противовес азиатской Московии⁵⁵². При этом, сама Литовская Республика как межвоенного периода, так и современная, позиционирует себя в качестве своеобразного приемника ВКЛ⁵⁵³.

Фактически, рассуждения прибалтийских историков о государствах, доминировавших в регионе на протяжении веков, можно свести к следующей таблице:

⁵⁵¹ История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.; Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андрезен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вярэ. Таллинн: Avita, 2020 350 с.; Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992. 234 с.; Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.; Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / H. Moora, E. Laid, J. Mägiste, H. Kruus; toimetajad H. Moora ja H. Kruus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935. 376 lk.

⁵⁵² Гапоненко В. Ф. Мировоззренческие парадигмы и идеологемы внешней политики современной Литвы // International scientific review. 2016. № 3(13). С. 69–74.

⁵⁵³ Иванов В. В. De jure и de facto: история формирования этнополитического государства литовцев в межвоенный период 1919–1941 гг. / в 4-х томах. Вильнюс, 2018. Т. 1. С. 13.

Табл. 2.4.1 Страны, доминировавшие в общественном пространстве стран Балтии⁵⁵⁴

1227–1561	1561–1710	1710–1918	1918–1940	1940–1991
Политическая сфера				
Германия	Швеция	Россия	Германия	Россия (СССР)
Дания	Польша	Германия	Россия	
	Дания	Польша (для Литвы)	Польша (для Литвы)	
	Россия			
Экономическая сфера				
Германия	Германия	Россия	Германия	Россия (СССР)
Россия	Швеция	Германия	Великобритания	
	Россия	Польша (для Литвы)		
Культурная сфера				
Германия	Швеция	Германия	Германия	Россия (СССР)
	Германия	Россия	Финляндия	
		Польша (для Литвы)	Швеция	

Влияет внешнеполитический вектор и на оценку событий Второй мировой войны. В частности, в современной историографии Балтийских стран господствует мнение о равнозначности нацизма и коммунизма, а также имеет место приуменьшение преступлений Третьего Рейха и местных коллаборационистов (см. приложение 9, 11)⁵⁵⁵. Концепция же оккупации стран Балтии,

⁵⁵⁴ Из статьи П. Вихалемма // Поворотные моменты истории Эстонии. Сборник документов и материалов для гимназий / под ред. Л. Левиной. Таллинн: Argo, 2007. С. 377; См.: Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215; Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

⁵⁵⁵ См.: Лаар М. Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / пер. с эстонск. С. Карм. Таллинн: Grenader, 2005. 47с.; Damušis A. Lietuvos gyventojų aukos ir nuostoliai Antrojo pasaulinio karo ir pokario 1940–1959 metais, Kaunas: Sviesa, 1990. 35 p. Occupation of Latvia. Three occupations: 1940–1991: Sov. a. Nazi take-overs and their

выработанная Б. Мейснером, Д. Лёбером, В. Шлау и другими членами Гёттингенской рабочей группы не только занимает одно из ведущих мест в государственной исторической политике Эстонии, Латвии, Литвы, но и активно популяризируется данными республиками на международном уровне, встречая всецелую поддержку западных союзников и международных организаций. Так, 22 июня 2005 г. (в ознаменовании 60-й годовщины победы в Великой Отечественной войне и в день 64-й годовщины нападения Германии на Советский Союз) Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию по вопросу выполнения Россией условий членства в этой организации⁵⁵⁶. В пункте 14 резолюции ПАСЕ потребовала выплаты компенсации жертвам оккупации прибалтийских государств. Таким образом, Совет Европы фактически поддержал страны Балтии в их тезисе об «оккупации». Помимо прочего это значило, что, согласно международному праву, большинство русскоязычных приехали в Эстонию, Латвию, Литву в период их оккупации Советским Союзом и не могли претендовать на автоматическое предоставление им гражданства. Следовательно, проблем с правами русскоязычного меньшинства (по крайней мере, в вопросах гражданства, языка) в Прибалтийских Республиках не существовало, вопреки неоднократным заявлениям о них России в Совете Европы.

consequences / [ed. a. comp. by the staff of the Museum of the occupation of Latvia: Valters Nollendorfs et al.]. Riga: Occupation Museum Found., 2004. 39 p.

⁵⁵⁶ Resolution 1455 Honouring of obligations and commitments by the Russian Federation. Session: 2005 - Third part-session Date 22/06/2005 // Parliamentary Assembly Council of Europe (Резолюция 1455 Выполнение обязанностей и обязательств Российской Федерацией. Третья сессия 2005 // Парламентская Ассамблея Совета Европы). URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17354&lang=en> (дата обращения: 03.10.2020).

Также в мае 2005 г. Сенат США принял резолюцию, в которой призывалось правительство России признать «незаконную оккупацию и аннексию» Латвии, Литвы и Эстонии и принести за это извинения странам Балтии⁵⁵⁷.

Таким образом, большинство Западных государств в вопросе оккупации и прав русскоязычного меньшинства полностью поддержали страны Балтии. Россия же со своими заявлениями о нарушении прав русскоязычных в Прибалтике и критикой концепции Гёттингенской рабочей группы, по сути, остаётся в одиночестве и не находит поддержки на международной арене. По нашему мнению, подобные оценочные суждения Европейских государств и США напрямую связаны с состоявшейся в 2004 г. евроатлантической интеграцией Эстонии, Латвии, Литвы.

Вступление в ЕС и НАТО, а также предшествовавший этому переговорный процесс, стало значительной вехой в новейшей истории стран Балтии, которая, по нашему мнению, усилила антироссийский уклон в местной политике памяти, а также педалирование темы возможной агрессии со стороны Москвы. Так, ещё в мае 1993 г. президент Эстонии Леннарт Мери в беседе с заместителем госсекретаря США Струбом Телботтом парировал – *«единственная гарантия, что Россия снова не вторгнется к нам, когда Ельцин уступит пост более традиционному русскому вождю, – вступление Эстонии в НАТО, под защиту американского ядерного зонтика. Трудно выразиться яснее: Россия – злокачественная опухоль в стадии ремиссии; эпоха Ельцина – в лучшем случае мимолётная возможность, которой следует воспользоваться, пока страна вновь не скатится к диктатуре внутри и экспансионизму снаружи»*⁵⁵⁸.

⁵⁵⁷ Сенат США призывает Россию извиниться за оккупацию стран Балтии // rus.DELFI.ee. 2005. 21 мая. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/senat-ssha-prizyvaet-rossiyu-izvinitysya-za-okkupaciyu-stran-baltii.d?id=10436254> (дата обращения: 03.10.2020).

⁵⁵⁸ Цит. по: Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. М: Издательский Дом «Городец», 2003. С. 115.

Солидарна с Л. Мэри и Маргарет Тэтчер, цитату которой мы бы хотели привести целиком, так как она чрезвычайно важна для понимания отношения европейских стран к историческому прошлому Прибалтийских республик и их государственной исторической политике в том числе. Обращаем внимание, что данная книга была опубликована «железной леди» в начале 2002 г., за два года до вступления Эстонии, Латвии, Литвы в ЕС и НАТО.

Из книги М. Тэтчер 2002 г.

«Естественно, Запад всегда волновали события, происходящие на восточном фланге Европы, а теперь – НАТО. Судьба стран Балтии была напрямую связана с судьбой Советского Союза. Одним из самых обнадеживающих актов нового режима Бориса Ельцина стало подобающее цивилизованному государству признание того, что Эстония, Латвия и Литва (которые были захвачены Советским Союзом силой и обманом в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа в 1940 году) имеют право быть независимыми государствами. Трудности, которые впоследствии возникли с русским меньшинством, особенно в Эстонии и Латвии, где они составляли около 30% населения, были прямым следствием прежней политики Советов, направленной на разбавление местного населения русскими. Естественно, эстонцы и латыши захотели восстановить контроль над собственными странами и культурой в ущерб русским. Напряжение там совершенно реально и может стать чрезвычайно опасным. Предоставленные самим себе, страны Балтии стали всё больше отходить от Москвы и дрейфовать в сторону своих скандинавских соседей. Их высокоразвитые, талантливые и глубоко европейские народы видели себя составной частью Запада и желали ещё теснее интегрироваться с ним. Россия не имела права преграждать им путь. Постимперский синдром довлеет над всеми бывшими великими государствами и вызывает головную боль у их соседей. Желание России обеспечить достойное отношение к

русскому меньшинству в государствах Балтии было абсолютно понятным, однако она не могла рассчитывать на то, что ей позволят определять направление развития этих стран.

Запад, в свою очередь, должен был дать Москве ясно понять это и тем самым уменьшить соблазн демонстрировать силу. Наилучшим способом было принятие стран Балтии в НАТО. Конечно, большое значение имел выбор момента. Мы должны загодя информировать русских о наших намерениях и стараться убедить их в том, что наши действия не угрожают интересам Москвы. С этой точки зрения, президент Джордж У. Буш был совершенно прав, когда недвусмысленно заявил перед поездкой в Словению для первой встречи с президентом Путиным, что считает принятие стран Балтии в НАТО неизбежностью. Дабы у Москвы не сложилось ложного впечатления о том, что сотрудничество в войне против терроризма даёт ей право наложить вето на решение о расширении НАТО, через некоторое время подобное заявление следует повторить. Однако, когда дело дойдёт до окончательного шага, т. е. реального приёма прибалтийских или других стран в блок, мы должны ясно сознавать, что делаем, и относиться к этому предельно серьезно, поскольку членство в НАТО – не просто символ. Оно предполагает в случае необходимости применение силы для сохранения территориальной целостности любой страны, входящей в блок»⁵⁵⁹.

Таким образом, Марагрет Тетчер озвучила позицию западного истеблишмента, полностью совпадающую с основными постулатами государственной исторической политики Эстонии, Латвии, Литвы – оккупация, русификация, прогрессирующая российская угроза. Столь единодушная позиция может быть объяснена общностью геополитических

⁵⁵⁹ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С 121–122.

интересов, а также заинтересованностью НАТО в сооружении на западных границах Российской Федерации заслона из потенциально враждебных к Москве государств, по примеру межвоенного периода 1920-х – 1930-х гг. Как бы то ни было, вопрос о евроатлантической интеграции Эстонии, Латвии, Литвы был решён задолго до весны 2004 г., когда страны Балтии стали полноправными членами ЕС и НАТО.

По нашему мнению, как было отмечено выше, членство в данных организациях привело к некоторой корректировке местной государственной исторической политики в части пересмотра трактовок Второй мировой войны в сторону отказа от героизации нацизма и более взвешенных оценок этого периода. Подтвердить данное утверждение мы можем путём сравнения исторической и учебной литературы, выпущенной местными исследователями в начале 1990-х, когда переговорный процесс с Западными странами об интеграции лишь начинался, и работ, вышедших в свет в конце 1990-х – начале 2000-х – когда вступление в ЕС и НАТО было уже предрешено. Так, в исторической литературе начала 1990-х⁵⁶⁰ подробнейшим образом рассматривается помощь вермахту со стороны местных лесных братьев и патриотов в «освобождении» территорий стран Балтии от советских войск. При этом преступления Третьего Рейха освещаются слабо, проводится параллель между нацизмом и коммунизмом, германской и советской оккупацией.

В начале 2000-х гг. риторика прибалтийских исследователей несколько корректируется, проявляются попытки «сгладить» противоречия и объяснить свой взгляд на события Второй мировой войны: *«Большинство эстонцев воевало во Второй мировой войне в немецких мундирах, на стороне*

⁵⁶⁰ Кениньш И. История Латвии. Учебник для 8–9-х классов. Рига: «Звайгзне», 1990. 223 с.; Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. 234 с. и др.

*проигравшего войну... и это определяет наши мнения и чувства. Нам пришлось больше страдать под полувековой советской оккупацией. Однако победа Гитлера была бы для человечества более страшным несчастьем, чем победа Сталина»*⁵⁶¹. Поднимается проблема «прифронтовой» сущности балтийских народов, оказавшихся в силу географического, политического фактора на острие идеологического и военного противостояния между СССР, Западом, нацистской Германией – что привело к разделённости населения Прибалтийских республик между противоборствующими силами, борьбе по разные стороны линии фронта. Аналогичные утверждения можно встретить в латвийской и литовской исторической литературе⁵⁶². В частности, раскрываются планы нацистов по онемечиванию стран Балтии, колонизации территории за 20–30 лет, отказ восстанавливать национальную государственность (см. приложение 11, рис. 11.5, 11.6, 11.7)⁵⁶³.

Стремление избежать обвинений в реабилитации нацизма повлияли и на другие составляющие государственной исторической политики Прибалтийских республик. Весьма показателен здесь Лихулаский кризис, разразившийся в Эстонии в конце августа 2004 г. Мы достаточно подробно рассматривали данные события в параграфе 2.1. Здесь лишь отметим, что националистические круги, установив в местечке Лихула (на Западе страны) монумент эстонцам – воевавшим против Красной армии в 1940–1945 гг. (памятник представлял из себя барельеф солдата в немецкой военной форме

⁵⁶¹ Цит. по: Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Учебник для гимназий. Первое издание: Таллинн: Коолибри, 2000. С. 52.

⁵⁶² См.: История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда ... [и др.; перевод с латвийского Жанна Эзит]. Рига: Jumava, 2005. 473 с.; Образ России и стран Балтии в учебниках истории / под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова; Фонд Фридриха Науманна при участии Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX) М: Московское бюро Фонда Фридриха Науманна, 2002. 118 с.

⁵⁶³ См.: История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда ... [и др.; перевод с латвийского Жанна Эзит]. Рига: Jumava, 2005. С. 253–265.

с автоматом в руках), выставили официальный Таллин в неприглядном виде, создавая для Эстонии имидж страны, реабилитирующей нацизм. Политический истеблишмент был не готов терять покровительство западных союзников. В результате, монумент был снесён, а возникшие из-за этого беспорядки были подавлены полицией. События в Лихула привели к правительственному кризису и распаду правящей коалиции, а также к реализации более примирительной тональности в освещении событий Второй Мировой войны (см. приложение 9).

Последовавший через несколько лет после событий в Лихула кризис вокруг «Бронзового солдата» в Таллине, рассмотренный нами в параграфе 2.1, также имеет взаимосвязь с внешнеполитическим контекстом. Он осложнил интеграционные процессы в Эстонии, а также международные отношения, в особенности с Россией. Более того, некоторые эстонские исследователи рассматривают данные события с точки зрения попытки РФ привести к власти в Эстонии (на парламентских выборах марта 2007 г.) прокремлёвских политиков и осложнения внутриполитической ситуации в Республике⁵⁶⁴.

Если же обратиться к российско-прибалтийским отношениям, то они, без сомнения, стали «жертвой» местного государственного исторического дискурса, при этом пострадали как политические, так и экономические, социально-культурные связи на межгосударственном уровне. Явная антисоветская / антироссийская риторика, замаскированная под антикоммунизм, стала особенно выделяться с середины 2000-х, уже во время членства в ЕС и НАТО, и активнее продвигаться по мере осложнения отношений РФ и Западных государств, в угоду международной конъюнктуре.

⁵⁶⁴ *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 191.

Ярким проявлением этого стала заметная активизация местных институтов национальной памяти (либо, даже появление таковых, например в Эстонии в 2008) в середине 2000-х⁵⁶⁵; появление в Литве уголовной ответственности за высказывание взглядов на исторические события XX в., не совпадающие с официальными также произошло после евроинтеграции – в 2010 г.⁵⁶⁶ и т.д. Регулярными стали и обвинения, звучащие из стран Балтии в адрес Российской Федерации в «пропагандистских кампаниях» против официальных Таллина, Риги, Вильнюса с целью «подорвать их международный престиж»⁵⁶⁷, а также требования к Москве о выплате компенсаций за нанесённый «советской оккупацией» ущерб⁵⁶⁸.

Одновременно страны Балтии начали постепенно продвигать на европейской арене свою повестку исторической памяти, опирающуюся на собственный двойной статус жертвы коммунизма и в меньшей мере – нацизма. Прибалтийские республики в частности и страны Центральной и Восточной Европы в целом значительно преуспели в плане продвижения собственной линии исторической памяти. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481 от 2006 г., Пражская декларация о европейской совести и коммунизме 2008 г., Резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 года «Европейская совесть и тоталитаризм», Вильнюсская декларация 2009 г.

⁵⁶⁵ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215; *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

⁵⁶⁶ См. *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

⁵⁶⁷ *Бубулис И.* Образ России, СССР и русских в XX веке в латышских новейших учебниках истории // Образ России и стран Балтии в учебниках истории / под редакцией *Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова*; Фонд Фридриха Науманна при участии Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX). М: Московское бюро Фонда Фридриха Науманна, 2002. С. 6–17.

⁵⁶⁸ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.

и др. аналогичные документы Европарламента и ОБСЕ (инспирированные представителями преимущественно стран Восточной Европы, в том числе и Балтии) фактически поставили знак равенства между нацистской Германией и СССР, между нацистским и коммунистическим режимом. Принятие данных резолюций имело далекоидущие негативные последствия и привело к переоценке событий Второй мировой войны, обесценив роль СССР как освободителя народов Европы от фашизма. Главенствующей в европейском историческом нарративе стал тезис о «советской оккупации» народов Восточной Европы.

Что же касается влияния внешнеполитического аспекта на прибалтийскую политику памяти применительно к третьим странам, то следует особенно выделить Литовско-белорусские отношения. Здесь активным контактам способствуют растущее экономическое сотрудничество, а также географическая и историко-культурная близость, обусловленные длительным периодом сосуществования в пределах Великого княжества Литовского, Российской Империи и СССР⁵⁶⁹. Литовский истеблишмент, используя приграничное сотрудничество, максимальную лояльность в выдаче шенгенских виз гражданам Беларуси (в том числе учебных), стремится оказывать непосредственное влияние на внутрисполитическую жизнь официального Минска, подчёркивая историко-культурную общность времён ВКЛ. Так, официальным Вильнюсом посредством образовательных программ, научных конференций и грантов культивируется миф литвинизма, согласно которому, нынешние белорусы – прямые потомки литвинов ВКЛ, поэтому необходимо искать то, что объединяет белорусов и литовцев, то есть общую традиционную культуру и историческое прошлое. Этому способствуют и традиционные пролитовские симпа-

⁵⁶⁹ Петровская О. В. Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь // Прибалтийские исследования в России. 2015 / Сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. С. 443–465.

тии оппозиционно настроенной белорусской интеллигенции, которая использует в своей деятельности, в том числе символы Великого княжества Литовского (герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг)⁵⁷⁰. В качестве примера можно привести и события августа 2020 г. в Беларуси, когда один из оппозиционных кандидатов после президентских выборов эмигрировал в Литву и продолжил призывы к смене власти в Республики Беларусь.

Также на исторический дискурс официального Вильнюса оказывает значительное влияние соседняя Польша, которая, по нашему мнению, через педалирование темы единства судьбы и совместного героического прошлого двух стран стремится сгладить острые вопросы во взаимоотношениях с Литвой и улучшить в этой стране отношение к польскому меньшинству⁵⁷¹. Тем не менее, ряд вопросов исторического прошлого пока не находит разрешения в польско-литовских отношениях (в частности, диаметрально противоположные позиции в отношении «бунта Желиговского» – аннексии Вильнюса и Виленской области Польшей в 1920 г.; деятельности виленских подразделений Армии Крайовой в период Второй мировой войны и «выклетых» польских партизан в послевоенное время), но в отношении истории ВКЛ с трудом, но формируется общий консенсус. Стоит упомянуть хотя бы активное участие представителей литовских властей в праздновании 450-летия Люблинской унии в июле 2019 г., в траурных памятных торжествах в Вильнюсе в ноябре 2019 г. по случаю погребения останков 20 казнённых участников Январского восстания 1863 г. (обнаружены в 2017 г. на Гедиминовой горе в Вильнюсе), в подготовке к празднованию 230-й

⁵⁷⁰ Там же: *Петровская О. В.* Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь // Прибалтийские исследования в России. 2015 / Сост. *М. А. Вилков, В. В. Симиндей*. М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. С. 443–465.

⁵⁷¹ *Зверев К. А.* Коллективная идентичность и общественно-политическое поведение населения Литвы во взаимосвязи с исторической государственной политикой // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 42–52.

годовщины Конституции 3 Мая 1791 г. (согласно которой, как это ни парадоксально, политическая самостоятельность ВКЛ как раз упразднилась!). Важно отметить, что такая ангажированная политика памяти вовлекает не только политическую верхушку страны, но и довольно широкие общественные круги, прежде всего, интеллигенцию. Традиционная русофобия обеих стран лишь способствует закреплению такого исторического дискурса. Литовские власти, по сути, ведут довольно сложную и рискованную политическую игру, пытаясь чередовать и избирательно использовать и «националистический», и «великодержавный» компоненты своего исторического наследия. Вместе с тем польско-литовский дискурс также менял свою актуальность в местной повестке национальной памяти. В частности, литовский исследователь Альвидас Никзентайтис в статье «Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти»⁵⁷² пишет об актуализации в начале 1990-х гг. для Литвы и Польши вопросов истории и памяти, в том числе истории принадлежности Виленского края и польско-литовских взаимоотношений периода Второй мировой в связи с юридическим оформлением двусторонних отношений и государственной границы (переговорный процесс завершился подписанием польско-литовского договора о дружбе и добрососедстве в 1994 г., Польша отказалась от притязаний на Вильно/Вильнюс). Когда вильнюсский вопрос стал политически неактуален, основные акценты в трактовке конфликта между литовцами и поляками существенно изменились. При обсуждении отношений между литовцами и поляками во время Второй мировой войны на первый план вышла идея вселитовской борьбы за независимость вместе с целью дискредитации деятельности Армии Крайова. В Литве в 1994 г. после

⁵⁷² *Nikzentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema (Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти. Проблема взаимоотношений историка и создателя памяти) // Kultūros barai. 2004. № 10(479). P. 15–19.*

объявления о желании стать членом НАТО, а затем и ЕС возникла задача идеологического обоснования исторических связей Литвы с западными демократиями, а в освещении событий Второй мировой войны актуальным стал вопрос об участии литовцев в антигитлеровской коалиции. Поскольку Литва была оккупирована немцами, цель местной историографии состояла в том, чтобы отрицать связи Литвы и литовцев с гитлеровской Германией. Никзентайтис отмечает, что политика памяти подчёркивает не столько заслуги конкретных лиц в сохранении территориальной целостности Литвы, сколько их борьбу за независимость страны. Таким образом, политика памяти ещё больше способствовала деактуализации литовско-польского конфликта, поскольку ставила на первое место относительно абстрактную идею борьбы за независимость. Вместе с тем, автор считает, что, будучи активным гражданином, историк неизбежно нарушает профессиональную этику, поскольку говорит о событиях прошлого, оценивая их в категориях настоящего и прогнозируемого будущего, а не в контексте исследуемой эпохи – *«Оценивая события в духе историзма, исследователь как бы добровольно отказывается стать активным творцом новой культурной памяти, а вместе с тем, возможно, и более совершенного общества. Эти проблемы менее актуальны для стран с более стабильной демократией, но нам, полякам и литовцам, все же придется найти modus vivendi [способ существования – примечание К.З.] не столько с противоречивым историческим прошлым, сколько с иной культурной памятью и политикой памяти»*⁵⁷³.

Однако, не следует полагать, что польский вариант политики памяти оказал существенное влияние лишь на Литву. Официальная Варшава, по

⁵⁷³ Цит. по: Nikzentaitis A. Rytų Lietuva lietuvių atminties kultūroje ir politikoje. Istoriko ir atminties kūrėjo santykio problema (Восточная Литва в литовской культуре и политике памяти. Проблема взаимоотношений историка и создателя памяти) // Kultūros barai. 2004. № 10(479). P. 15–19.

нашему мнению, явилась своеобразным примером и для Риги, Таллина, особенно в вопросе антисоветской риторики. Обращает на себя внимание и специфика Польского Института национальной памяти (ИНП), который изначально был сформирован на базе Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа⁵⁷⁴ (именно данное учреждение получило в своё распоряжение архивы польских спецслужб – аналогичные комиссии в 1990-х появились в Литве, Эстонии и с 2014 г. – в Латвии). В ИНП трудится более 1 200 человек, имеется исследовательское и издательское подразделения, а также особая прокурорская служба. Институт контролирует архивы служб безопасности бывшей Польской Народной Республики (ПНР), в том числе решает, кто и какие материалы получает из этих архивов, а кто не может их получить. Таким образом, те историки, которые работают в ИНП, получают преимущества. К тому же благодаря работе в ИНП они имеют статус государственных служащих с соответствующими привилегиями и дисциплинарной ответственностью. Их зарплата в разы превышает зарплату историков в национальной Академии наук и университетах. Исследовательский бюджет Института больше, чем сумма бюджетов всех других центров по изучению истории Польши XX века. Руководящий состав и, прежде всего, директор – это политическая номенклатура, назначаемая политическим руководством страны⁵⁷⁵. В странах Балтии столь широкого функционала у местных исторических организаций не наблюдается, однако очевидно, что польский опыт весьма востребован в Восточной Европе.

Общеввропейские тренды национальной исторической политики также усилились в Прибалтийских республиках с середины 2000-х. Так, происходит

⁵⁷⁴ См.: *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13, № 3–4, май–август. С. 43–64.

⁵⁷⁵ *Миллер А. И.* Россия: Власть и история // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13, № 3–4, май–август. С. 6–23; *Траба Р.* Польские споры об истории в XXI веке // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13, № 3–4, май–август. С. 43–64.

постепенная переоценка некоторых исторических понятий. В частности, уже не ставится знак равенства между историей Эстонии, Латвии, Литвы и историей эстонцев, латышей, литовцев. Применительно к латышам и эстонцам, местная история уже не отождествляется исключительно с историей крестьянского сословия. В центре внимания находится история долго доминирующего в культурной сфере меньшинства – остзейских немцев, которая ранее игнорировалась. Кроме того, в последнее время (и здесь нельзя не учитывать политический фактор) всё больше внимания уделяется истории русских в Эстонии, Латвии, поляков в Литве, как и истории других национальных меньшинств – т.е. происходит денационализация истории в направлении мультикультурализма. Другими словами – происходит «европеизация» исторической науки⁵⁷⁶.

Однако, по нашему мнению, прослеживается и иная тенденция – в особенности с 2010-х гг. На фоне очередного расширения ЕС и НАТО, с включением в состав данных организаций постсоветских государств Центральной и Восточной Европы произошла некоторая трансформация общеевропейского пространства исторической памяти. Идея европейского нарратива, опирающегося на Холокост и коллективную ответственность народов Европы за трагедию Второй мировой войны уступила место политике памяти, основанной на страдании собственного народа и криминальном характере тоталитарных режимов, исключаящую ответственность собственной нации за эти преступления. Данная тенденция (одним из проводников и популяризаторов которой явились в том числе Прибалтийские республики) видится нам весьма опасной, способствующей реабилитации нацизма и других аналогичных де-

⁵⁷⁶ *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией *Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова*. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 182.; *Шепетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией *Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова*. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 163.

структивных течений, росту антисемитизма, национализма. События украинского кризиса 2014–2025 гг. и реакция ЕС, НАТО, ОБСЕ, к сожалению, подтверждают обозначенные опасения.

В целом, политика памяти Эстонии, Латвии, Литвы, в сравнении с другими государствами ЕС и Россией, имеет целый ряд особенностей. Страны Балтии в своём историческом дискурсе в значительной степени ориентированы на внешнеполитический фактор, а также на внутренний этнический конфликт между эстонцами и русскоязычными, латышами и русскоязычными, литовцами и поляками. Кроме того, государственная историческая политика здесь выступает как важнейший фактор обоснования состоятельности принципа континуитета и в более широком смысле – всей законодательной базы независимых республик. В большинстве же государств-членов Европейского Союза и России исторический дискурс является больше инструментом идеологическим, направленным на патриотическую составляющую, во все не нацеленным на законотворчество и в меньшей степени зависимый от внешнеполитической ориентации. Даже в многонациональной Российской Федерации этнорелигиозный фактор не играет столь значительной роли, как в Прибалтике, не говоря уже о, в большинстве своём, моноэтнических государствах Восточной Европы⁵⁷⁷.

Схожие же черты официальной исторической линии Прибалтийских республик с Восточноевропейскими странами и Россией заключаются в повышенном внимании к дискурсу событий XX в. (в особенности к Второй Мировой войне, советскому прошлому), а также в возрастающем внимании к истории и политизацией истории со стороны местного истеблишмента. При

⁵⁷⁷ Образ России и стран Балтии в учебниках истории / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова; Фонд Фридриха Науманна при участии Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX). М: Московское бюро Фонда Фридриха Науманна, 2002. 118 с.; Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. 372 с.

этом, украинский кризис 2014 г. ещё более усилил противоречия между Россией и странами ЕС, в том числе и с Прибалтийскими республиками, сделав государственную историческую политику одной из основных составляющих данного противостояния.

Что касается Российской Федерации, то здесь в 1990-е гг. официальные власти устранились от какого-либо влияния на исторический дискурс, и лишь со второй половине 2000-х ситуация стала меняться – был получен «государственный заказ» на создание нового учебника по Отечественной истории – под редакцией А.А. Данилова, А.В. Филиппова⁵⁷⁸. Кроме того, на уровне высшего руководства страны активизировалась борьба с попытками фальсификации истории, в особенности событий Второй мировой войны и периода существования Советского Союза⁵⁷⁹. Поэтому российский вариант политики памяти не оказал существенного влияния на страны Балтии.

Если сопоставить историческую политику Эстонии, Латвии и Литвы, то, безусловно, в ней больше схожих черт, нежели различий. Об общих составляющих мы уже писали выше. Что же касается различий, то здесь следует выделить практически симметричное развитие Эстонской и Латвийской линии в области исторических взглядов и более самобытной Литовской позиции. Различия между Таллином и Ригой можно свести к более централизованной и сформировавшейся эстонской государственной исторической политике, координирующей местным институтом исторической памяти и аморфным латвийским вариантом, не имеющим консолидирующего органа взаимодействия⁵⁸⁰. Вильнюс же, в сравнении с ситуацией у соседей, демон-

⁵⁷⁸ История России, 1945–2007 гг. 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина, А. В. Филиппова. М.: Просвещение, 2008. 367 с.

⁵⁷⁹ См.: Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 6–23.

⁵⁸⁰ Адамсон А. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.

стрирует достаточно зрелый и сформированный подход к политике памяти. Этнически более однородное литовское общество в меньшей степени нуждается в консолидирующей роли со стороны государственной исторической политики, в обосновании своей национальной и государственной состоятельности активно использует опыт самостоятельного развития в лице Великого княжества Литовского и литуанизирует его историю. Литовская политика памяти в большей степени нацелена на достижение внешнеполитических целей в отношениях с Польшей и Беларусью⁵⁸¹.

Таким образом, с момента возникновения, государственная историческая политика стран Балтии формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с восточноевропейскими трендами, с внешнеполитической ориентацией Эстонии, Латвии и Литвы, выступая в качестве связующего звена между самими Прибалтийскими республиками. Кроме того, политика памяти стала инструментом обоснования принципа исторической преемственности, законодательного оформления республик, их легитимизации в международном сообществе, а также служила подтверждением размежевания с Россией и приоритетности западного партнёрства, евроатлантической интеграции.

Кроме всего прочего, нельзя не отметить, что основные концепции политики памяти Прибалтийских республик (тезисы о «советской оккупации», «преступлениях коммунизма») в новейший период оказались

С. 182–200; *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215; *Макаров В.* «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 148–157.

⁵⁸¹ См.: *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13; *Шенетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 157–181.

весьма востребованными – были восприняты историками и истеблишментом Грузии, Украины, Молдовы и других стран ближнего зарубежья⁵⁸². Все вышеобозначенные государства имеют сложную историю формирования существующих границ, а также многонациональный состав населения. В особенности здесь следует выделить схожесть политики памяти стран Балтии с аналогичными устремлениями Украины. Необходимо заметить, что три прибалтийские республики – Эстония, Латвия и Литва между двумя мировыми войнами имели свой опыт самостоятельного государственного строительства, но были инкорпорированы в Советский Союз лишь в 1940 г. Фактически же, из-за начавшейся Великой Отечественной войны, советизация этих территорий растянулась вплоть до конца 1940-х гг. Схожие процессы происходили и в западной части Украины, которая до 1918 г. и вовсе являлась провинцией Австро-Венгрии, а после её распада до 1939 г. была инкорпорирована в состав вновь образованного Польского государства. Советизация Западной Украины из-за Великой Отечественной войны также затянулась до конца 1940-х гг. Здесь, как и в Прибалтике было сильно антисоветское подполье, оказывавшее до начала 1950-х вооружённое сопротивление советским властям. Данные обстоятельства наложили свой отпечаток на формирование украинской политики памяти, которая, однако, на протяжении 1990-х – 2010-х оставалась весьма аморфной, крайне противоречивой и неспособной стать скрепляющим звеном разнонаправленного украинского национального самосознания⁵⁸³. В Украине за 30 лет независимости не сложилось преемственной политики памяти, в отличие от Польши или стран Балтии. На протяжении всех 1990-х – 2000-х

⁵⁸² См.: *Зверев К. А.* Конструирование политики памяти на постсоветском пространстве: общие подходы // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4(54). С. 40–50.

⁵⁸³ *Зверев К. А.* Историческая память в Прибалтике и на Украине: общие тенденции // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3(72). С. 183–198.

шло постепенное «поправление» исторической повестки в сторону агрессивного национализма и русофобии. Западноукраинский вариант воззрений на прошлое постепенно стал навязываться всему украинскому обществу – с новой силой данный процесс активизировался после 2014 г. (но начался ещё в период перестройки и в начале 1990-х). Тем не менее, начиная с периода президентства Виктора Ющенко, украинская историческая повестка стала особенно походить на прибалтийский аналог. Так, можно выделить следующие схожие черты, характерные как для балтийского, так и для современного украинского исторического и общественного дискурса:

- Этноцентризм или национализация истории (имеет место в той или иной степени во всех постсоветских государствах) – вполне закономерный процесс, связанный с заменой советского исторического нарратива национальным;
- Тезис о правопреемственности: связан со стремлением отмежеваться от советского прошлого и закрепить в общественном сознании самодостаточность и легитимность собственной государственности (в наиболее чистом виде прослеживается в Эстонии и Латвии; в Украине активизировался после «Оранжевой революции» 2004 г. и «Евромайдана» 2014 г.; имеет место в менее выраженном формате также в Молдове и Грузии);
- Тезис о «советской оккупации» и декоммунизация: «концепция оккупации стран Балтии»; возрождение украинской государственности в лице УНР было пресечено Красной Армией, как и попытка её реставрации со стороны УПА в 1944–1945 гг.⁵⁸⁴ Запрет коммунистической символики;

⁵⁸⁴ Шаповал Ю. Украинская вторая мировая // Зеркало недели. Украина 15. 2005. 22 апреля – 6 мая.

- Героизация нацизма: местные коллаборационисты воспринимаются как патриоты и борцы за свободу от советского тоталитаризма (в том числе и антисоветское подполье послевоенного периода);
- Отказ от понятия «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война»: отказ от факта освобождения Прибалтики, Украины Красной Армией в пользу «смены немецкой оккупации – советской» (ярко выраженный тезис прибалтийской историографии)⁵⁸⁵;
- Религиозный контекст: раскол православной церкви, отказ от Московского Патриархата в пользу Константинопольского под лозунгом «независимому государству независимая церковь»⁵⁸⁶;
- Институционализация прибалтийской, украинской государственной исторической политики посредством создания институтов национальной памяти, призванных аккумулировать и популяризовать новые взгляды на события прошлого (в особенности на события XX века).

Обозначенные составляющие политики памяти с оговорками будут справедливы не только для стран Балтии и Украины, но и для Молдовы и Грузии, Польши и др. При этом, по нашему мнению, Украиной, Молдавией, Грузией, белорусской оппозицией в середине 2000-х были заимствованы

⁵⁸⁵ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁵⁸⁶ Подробнее см.: *Зверев К. А.* Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4(28). С. 227–235; *Зверев К. А.* Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / отв. ред. *А.А. Корников*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 93–98.

многие прибалтийские тезисы политики памяти, которые проявились в официальных Таллине, Риге, Вильнюсе гораздо раньше, чем у южных соседей и реализовывались более последовательно ещё с начала 1990-х. Можем предположить, что наряду с восточноевропейским трендом политики памяти существует и его более узкий вариант, направленный на республики бывшего Советского Союза – прибалтийский, который и характеризуется обозначенными выше составляющими⁵⁸⁷.

⁵⁸⁷ См.: *Зверев К. А.* Конструирование политики памяти на постсоветском пространстве: общие подходы // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4(54). С. 40–50; *Зверев К. А.* Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 216–225.

Глава 3. ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ, ЭСТОНИИ РЕАЛИЗУЕМОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1991–2014 гг.)

1990-е – 2000-е гг., как уже отмечалось выше, стали определяющими в формировании новых Прибалтийских государств – и не только их политических институтов, но и самой сути государства как хранителя национальной культуры и языка. Одну из важнейших ролей в данном процессе сыграла государственная историческая политика, нацеленная на создание в каждой из республик национально-ориентированной истории и утверждение определённых интерпретаций сложных исторических событий – таких как Вторая мировая война и развитие в составе СССР. Понимание роли истории как важной составляющей формирования коллективной идентичности, предопределило пристальное внимание официальных Таллина, Риги и Вильнюса к полемике о событиях прошлого. Однако, измерить и зафиксировать общественное отношение к новым интерпретациям истории, является весьма сложной задачей. В данной части нашей работы, мы делаем попытку оценить изменения в исторических трактовках среди населения стран Балтии – как титульного, так и русскоязычного – использованием социологических исследований и опросов.

3.1. Отношение титульного населения Прибалтийских Республик к государственной исторической политике

Государственная историческая политика любой страны всегда в первую очередь нацелена на внутреннего потребителя – на местное население. Прибалтийские республики в этом отношении не являются

исключением, однако имеют существенную особенность в виде многонационального характера государств и наличия этнического конфликта в Эстонии и Латвии между титульным населением и русскоязычным меньшинством, а также сложных взаимоотношений между литовцами и польским меньшинством Литвы.

Мы достаточно подробно рассматривали этнополитическую ситуацию в странах Балтии на момент провозглашения независимости в параграфе 1.1 данного исследования. Здесь же хотели бы отметить, что сущность этнополитического конфликта в Эстонии и Латвии заключается в неравноправном положении местного русскоязычного населения (отказ официальных Таллина и Риги от автоматического предоставления гражданства всем жителям Республик, отказ от статуса русского языка как государственного и возникающие вследствие этого политические, профессиональные и экономические ограничения для нетитульного населения), а также диаметрально противоположные оценки и интерпретация исторических событий (в особенности периода Второй мировой войны, инкорпорации и пребывания в составе СССР, взаимоотношения с Россией)⁵⁸⁸. В Литве, более однородной по своему национальному и конфессиональному составу, межнациональные трения в основном происходят между литовцами и поляками, и заключаются не в противоречиях законодательно-правового или языкового поля (здесь был реализован нулевой вариант предоставления гражданства, а литовским языком владеют как местные поляки, так и русскоязычные), а в историческом пространстве (интерпретация

⁵⁸⁸ См.: *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81; *Зверев К. А.* Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77; *Зверев К. А.* Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992–2007) // Клио. 2015. № 8. С. 164–169.

принадлежности Виленского края, литовско-польские взаимоотношения и в меньшей степени события Второй мировой войны, пребывание Литвы в составе СССР)⁵⁸⁹. Учитывая данные особенности, следует отметить, что государственная историческая политика каждой из стран Балтии в основных своих постулатах, безусловно, отражает взгляды титульного населения и стремится их популяризовывать.

В силу более специфичной ситуации в *Литве*, мы бы хотели начать с рассмотрения именно её внутреннего положения. Ещё на рубеже 1980-х – 1990-х гг. в Литве шёл процесс наибольшей радикализации общества в Прибалтийском регионе. Этому способствовал, как мы уже упоминали ранее, более однородный состав населения Республики (по сравнению с северными соседями), опыт длительного сопротивления советской власти в послевоенный период, сильные позиции римско-католической церкви, а также традиционно оппозиционные настроения местной интеллигенции. Другими словами, литовское общество в тот момент имело высокую степень этнорелигиозной однородности и могло не опасаться угрозы раскола по политическим мотивам, в отличие от Эстонии и Латвии, где проживало значительное русскоязычное меньшинство (в том числе на приграничных с Россией территориях). Данное единение жителей Литвы прослеживается в том числе и в результатах референдума о выходе из состава СССР, когда в феврале 1991 г. 90,5% проголосовавших высказались за восстановление независимости Литвы – беспрецедентно высокий показатель среди союзных

⁵⁸⁹ См.: *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137; *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.

республик⁵⁹⁰. Кровавый исход событий у Вильнюсского телецентра, без сомнения, ещё более консолидировал литовское общество. Поэтому не удивительно, что именно здесь с первых лет независимости начал оформляться вполне внятный государственный исторический дискурс, воплощённый в виде исторической политики. В частности, это выразилось в открытии в 1992 г. одного из первых в Восточной Европе Институтов национальной памяти, а именно Центра исследования геноцида и резистенции жителей Литвы и музея оккупации при нём. Интересно, что вопрос о названии данного центра и его задачах – *«восстановление исторической правды и справедливости, изучение проводимого оккупационными режимами в 1939–1990 гг. физического и духовного геноцида населения Литвы и его сопротивления этим режимам, увековечение памяти борцов за свободу и жертв геноцида, инициирование правовой оценки последствий оккупации»*⁵⁹¹; не вызвал каких-либо бурных дискуссий в Сейме Литовской Республики ни в 1992 г., ни в последующие годы, когда обсуждалась деятельность данного Института национальной памяти⁵⁹². Уже сама постановка задач центра даёт нам представление о круге исторических вопросов, волновавших как политический истеблишмент, так и само литовское общество. Кроме того, как видим, «польский вопрос» и

⁵⁹⁰ Ar just uz tai kai Lietuvos valstybė būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. – 1991, – Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 11.08.2020).

⁵⁹¹ Цит. по: Закон о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы // Vedomosti Litovskoi Respubliki, 1997-09-10, Nr. 25-288. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.43653> (дата обращения: 11.08.2020).

⁵⁹² Seimo vakarinis neeilinis posėdis Nr. -2 Stenograma (1992-10-29) (Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992) // Сайт Сейма Литовской Республики URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (дата обращения: 20.10.2020); Seimo rytinis posėdis Nr. 77 Stenograma (1997-06-05) (Стенограмма № 77 утреннего заседания Сейма от 05.06.1997) // Сайт Сейма Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.49352> (дата обращения: 21.10.2020).

принадлежность Виленского края здесь явно отходят на второй план после литуанизации последнего. Центр внимания перемещается на рассмотрение периода «советской оккупации». В целом, антисоветская / антироссийская риторика литовской политики памяти оказалась весьма восприимчива среди местного населения. Так, согласно социологическим исследованиям 2016 г. 3/4 респондентов согласились с утверждением, что в современной Литве жизнь лучше, чем в советские времена⁵⁹³. Среди самых дружественных для Литвы государств её население выделяет такие, как Латвия (с этим согласились 93% лиц, принявших участие в исследовании), Германия (с этим согласились 87% лиц, принявших участие в исследовании), а также США (с этим согласились 85% лиц, принявших участие в исследовании). А среди же таких государств, которые являются наиболее угрожающими для национальной идентичности и безопасности Литвы, большинство литовского населения (около 70%) назвало Российскую Федерацию. 60% участников опроса придерживаются мнения, что внешняя политика России представляет угрозу для Литвы⁵⁹⁴. Т.е. русофобская составляющая государственной исторической политики в полной мере достигла своих целей.

Весьма спорным моментом в литовской политике памяти является активная отсылка к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ) как колыбели национальной государственности и предтечи современной Литвы – литуанизация истории ВКЛ, в том числе «восстановление» Дворца Властителей Литвы (имеется в виду часть комплекса Нижнего замка в Вильнюсе, которая служила и как резиденция великих князей ВКЛ – королей Польши, во время их пребывания в Вильнюсе до середины XVII в.). Дворец

⁵⁹³ Давидоните Б. Исследование: как в Литве оценивают жизнь в советские времена? // ru.DELFI.lt 2016. 25 августа. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-kak-v-litve-ocenivayut-zhizn-v-sovetskie-vremena.d?id=72137384> (дата обращения: 20.10.2020).

⁵⁹⁴ Там же: Давидоните Б. Исследование: как в Литве оценивают жизнь в советские времена? // ru.DELFI.lt 2016. 25 августа. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-kak-v-litve-ocenivayut-zhizn-v-sovetskie-vremena.d?id=72137384> (дата обращения: 20.10.2020).

представляется как символ долговечной литовской (в этническом смысле) государственности, который был разрушен во время захвата Вильно русскими войсками в 1655 и окончательно снесён после 3-го раздела Речи Посполитой и присоединения территории современной Литвы к Российской империи. На самом деле, по мнению литовских исследователей это здание никогда не носило такого исторического смысла, да и понятие самостоятельности («равноправия») ВКЛ в составе Речи Посполитой не имело «национального» в сегодняшнем понимании характера⁵⁹⁵.

Ряд литовских историков и политологов – Альвидас Йокубайтис, Витаутас Раджвилас, Инги Винограднайте не считают целесообразным связывать современную Литовскую Республику с Великим княжеством Литовским, так как последнее являлось многонациональной, польскоязычной аристократической монархией, имевшей мало общего с современным национальным государством. Целесообразней, по мнению учёных, проследить правопреемство Литовской Республики с национального пробуждения XIX в. и оформления Первого литовского государства в 1918 г.⁵⁹⁶ Солидарны с исследователями и местные жители. Так, по заказу литовского информационного портала DELFI компанией по исследованию общественного мнения и рынка Spinter tyrimai было проведено социологическое исследование в январе 2012 г. (см. приложение 5), согласно которому с государственностью у жителей Литвы наиболее всего ассоциируется праздничный день 16 февраля (1918 г.) – провозглашение независимости первой Литовской Республики (поддержали 45,6%

⁵⁹⁵ *Шепетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией *Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова*. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 163.

⁵⁹⁶ *Самошкайте Э. А.* Йокубайтис: Литовская Республика не является продолжением Великого княжества Литовского // rus.DELFI.lv URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/ajokubaitis-lietuvos-respublika-nera-ldk-tesinys.d?id=58725361> (дата обращения 24.10.2020).

респондентов), в то время как День коронации короля Миндаугаса и знаменующееся этим создание Великого княжества Литовского (22,2% опрошенных), 11 марта (20,3%) или нынешний День Конституции (1,6%) в сознании жителей Литвы утвердились гораздо слабее⁵⁹⁷. Другими словами, по мнению члена Института истории Литвы Альгимантаса Каспаравичюса, большинство литовцев ассоциируют себя с межвоенной Литвой, но не Великим княжеством Литовским⁵⁹⁸. Аналогичного мнения придерживается и философ Арвидас Юозайтис, который считает, что *«16 февраля (1918 г.) стал поворотным моментом, показав, что литовцы полны решимости отделить свою культуру от польской и создать собственное государство. В этот день были заложены основы для выживания нации и её культуры»*⁵⁹⁹.

Кроме того, здесь следует упомянуть и о дискуссии в литовском обществе относительно событий 13 января 1991 г. у Вильнюсского телецентра, а именно – о попытке их увековечивания в форме объявления «Дня защитника свободы» нерабочим днём. Согласно опросу, проведенному Baltic Research по заказу информационного агентства ELTA в январе 2021 г., оценка этой инициативы встретила поддержку в основном среди молодых людей в возрасте до 30 лет (поддержали 65%). Однако среди респондентов старше 50 лет сторонников объявления 13 января выходным днём набралось в два раза меньше – лишь 36%⁶⁰⁰. По нашему мнению, данные различия

⁵⁹⁷ Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения 24.10.2020).

⁵⁹⁸ Там же: Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения 24.10.2020).

⁵⁹⁹ Цит. по: А. Juozaitis: Vasario 16-oji buvo esminio lūžio taškas Lietuvos istorijoje (А. Юозайтис: 16 февраля стало поворотным моментом в истории Литвы) // Lietuvos rytas. URL: <https://kultura.lrytas.lt/-13288031681327725490-a-juozaitis-vasario-16-oji-buvo-esminio-l%C5%AB%C5%BEio-ta%C5%A1kas-lietuvos-istorijoje.htm> (дата обращения 24.10.2020).

⁶⁰⁰ Jaruševičiūtė Gailė Apklausa: Sausio 13-oji vyresniems žmonėms asocijuojasi su skaudžia emocija patirtimi // Интернет-портал Klaipėda Diena. URL:

свидетельствую об отсутствии консенсуса в обществе относительно упомянутых событий, даже при том, что январской трагедии уделяется значительное внимание в литовском историческом дискурсе новейшего периода, в том числе в общеобразовательном курсе истории (отсюда столь значимая поддержка в молодёжной среде).

Представляют для нас интерес и результаты социологического исследования «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», которое показало отношение жителей Литвы (и титульного населения, и представителей национальных меньшинств) к основным событиям и личностям XX в.⁶⁰¹ Согласно полученным результатам, 51% жителей заявили, что интересуются историей своей страны, а 46% испытывают интерес к событиям XX в.⁶⁰² Особенную ценность здесь представляют оценочные суждения молодёжи младше 30 лет, взгляды которой более критичны к советскому периоду, нежели у возрастных респондентов. И наоборот, литовская молодёжь гораздо положительнее отзывалась о независимом Литовском государстве и его деятелях (см. приложение 5 рис. 5.1). Так, Антанас Сметона (первый президент независимой Литвы, с 1926 до инкорпорации Литвы в состав СССР в 1940 – лидер авторитарного режима в Республике), как и Юстинас Марцинкявичюс (литовский поэт и драматург, годы жизни 1930–2011) молодёжью были оценены в среднем на 10% более положительно, нежели другими возрастными группами. При этом, Антанас Снечкус (первый секре-

<https://m.klaipeda.diena.lt/naujienos/lietuva/salies-pulsas/apklausa-sausio-13-oji-vyresniems-zmones-asocijuojasi-su-skaudzia-emocine-patirtimi-1009084> (дата обращения 27.03.2021).

⁶⁰¹ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020).

⁶⁰² Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020). L. 5.

тарь Литовской ССР в 1940–1974 гг.) и Альгирдас Бразаускас (первый секретарь Литовской ССР в 1988–1987 гг., президент Литвы в 1993–1998 и премьер-министр в 2001–2006 гг.) оказались менее популярны в молодёжной среде.

Можно констатировать, что литовской политике памяти удалось привить местному обществу и молодёжи в том числе идеалистический образ Литовской Республики межвоенного периода и негативное отношение к советскому прошлому. Однако, респонденты моложе 30 лет критичнее воспринимают и современное Литовское государство, давая сдержанные оценки одному из наиболее известных политических деятелей новейшей истории Литвы – Альгирдасу Бразаускасу.

Антироссийская риторика, которая начала реализовываться Вильнюсом с самого начала 1990-х гг., проявляется ещё и в благосклонном отношении к Евросоюзу. В ходе общелитовского референдума, который был проведён в мае 2003 года, с позицией о необходимости членства Литвы в ЕС согласились более чем 90% опрошенных ⁶⁰³. Что касается вопроса о возможном членстве ЕС в НАТО, то он на плебисците не был подвергнут рассмотрению. Впрочем, осуществлённые в 2002 г. социологические исследования на территории Литвы предоставили возможность определить, что почти 2/3 населения государства солидарны с позицией о необходимости участия Литвы в НАТО.⁶⁰⁴

Таким образом, применительно к Литве, можно констатировать, что местная политика памяти оказалась весьма успешной в части восприятия гражданами принципа континуитета (правопреемства нынешней Литовской

⁶⁰³ Referendumas dėl Lietuvos Respublikos narystės Europos Sąjungoje // Lietuvos Respublikos Vyriausioji rinkimų komisija (Центральная избирательная комиссия Литовской Республики). URL:

<https://web.archive.org/web/20110324201242/http://www3.lrs.lt/rinkimai/2003/referendumas/> (дата обращения: 25.10.2020).

⁶⁰⁴ Du iš 3 Lietuvos gyventojų balsuotų už narystę NATO // rus.DELFI.lv URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/du-is-3-lietuvos-gyventoju-balsuotu-uz-naryste-nato.d?id=1734335> (дата обращения: 25.10.2020).

Республики к государству межвоенного периода), умеренного законодательного реституционализма и антисоветской/антироссийской составляющей. Однако апеллирование к Великому княжеству Литовскому и попытка провести параллели с современной Литовской Республикой как преемницей ВКЛ не нашли поддержки ни среди населения, ни среди научного сообщества.

Несколько иначе восприятие государственной исторической политики складывалось в *Латвии*, где, как было отмечено выше, на внутриполитическую ситуацию существенным образом влияет этнический конфликт между титульным населением и нелатышами. Это означает, что по основным вопросам исторической парадигмы мнения латышей и русскоязычных будут значительно отличаться, часто до противоположности (см. приложение 6). В марте 1991 г. в Республике был проведён референдум о независимости, согласно которому из 87.5% (1 666 128) принявших участие в голосовании, за выход из состава СССР высказались 73,7% (1 227 562)⁶⁰⁵. Зная соотношение латышей и русскоязычных по переписи 1989 г.⁶⁰⁶ мы можем смело констатировать, что до четверти нелатышского население проголосовало за самостоятельность республики. Результаты Латвийского референдума о независимости отличаются от литовских итогов лишь наличием значительного количества нелатышей, по понятным причинам настроенных более лояльно к советской власти. Т.е. стартовые позиции литовцев и латышей по вопросу о независимости с высокой долей вероятности будут идентичны.

⁶⁰⁵ Ziņojums par Latvijas Republikas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptaujas rezultātiem // Diena, 1991, 8. marts, 2. lpp.

⁶⁰⁶ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Repub-likas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

В связи с отсутствием у Латвии опыта самостоятельного государственного строительства до 1918 г. (в отличие от истории Великого княжества Литовского у официального Вильнюса), интерпретации отрезка отечественной истории до начала XX в. не будет уделяться столько внимания как в Литве ни в историческом, ни в общественном дискурсе, – имеет место лишь расстановка «правильных» акцентов. А именно – интерпретация истории как извечной борьбы за независимость и свободу, идеализация периода Шведского владычества, Герцогства Курляндии и Семигалии, критическое отношение к этапу развития в составе Российской империи с её политикой русификации⁶⁰⁷. Для отслеживания степени поддержки данного тренда среди титульного населения для нас представляет особый интерес социологическое исследование «Мониторинг социальной памяти Латвии» («*Latvijas sociālās atmiņas monitorings*»), проведённый в 2010–2013 гг. учёными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской⁶⁰⁸, а также практически аналогичный мониторинг 2017 г. того же Мартинса Капранса и Андриса Саулитиса⁶⁰⁹. По результатам второго мониторинга 2017 г. своё отношение к ранним периодам отечественной истории выработали лишь 50% латышей – общественный интерес начинает возрастать лишь с этапа Российской империи за счёт отрицательных оценок более 2/3 опрошенных к данному временному отрезку. При этом наиболее положительное отношение (70%) латыши предсказуемо отдают первой Латвийской Республике 1918–1940 гг. и особенно правлению Карлиса

⁶⁰⁷ См.: История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.

⁶⁰⁸ *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1* / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. 55 lpp.

⁶⁰⁹ *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2* / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. 72 lpp.

Улманиса (см. приложение 6, рис. 6.1). Так, согласно опросам Мониторинга социальной памяти 2010–2013 гг., 90% латышей (и 73,2% русскоязычных) позитивно относятся к провозглашению независимости Латвии 18 ноября 1918 г., и положительно оценивают развитие Республики в межвоенный период⁶¹⁰. Это не удивительно, ведь основной упор местная политика памяти делает именно на XX в. и на идеализацию первой республики⁶¹¹, так как это жизненно важно для популяризации и поддержки принципа законодательно-правового континуитета нынешнего Латвийского государства по отношению к межвоенной Латвии. Второй важный аспект здесь – это, безусловно, тезис о «советской оккупации» и оценочные суждения о Второй мировой войне – краеугольный камень местной исторической политики. Об этом в 2005 г. недвусмысленно заявила председатель комиссии по иностранным делам Сейма ЛР Вайра Пэгле: *«Если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении неграждан и их прав (запрет на участие в муниципальных выборах) и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем»*⁶¹². Латвийские академические круги в данном вопросе придерживаются единой согласованной линии. Отстаивают её в учебной, научной и научно-популярной литературе исследователи Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда, Вилнис Пуренс, Индулис Кениньш, Гунар Курлович, Андрис Томашун, Инесис Фелдманис, Валтерс Ноллендорфс и др.⁶¹³.

⁶¹⁰ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 4–10.

⁶¹¹ См.: Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. С. 164.

⁶¹² Цит. по: Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: доклад фонда «Историческая память» // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1465448.html> (дата обращения: 04.11.2020).

⁶¹³ История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзита). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: книга

Подвергают критике обозначенную выше трактовку лишь немногочисленные русскоязычные авторы из Латвии и, в основном, из России, в контексте нарушения прав национальных меньшинств – Яков Плинер, Валерий Бухвалов, Дмитрий Фурман, Элла Задорожнюк, Александр Дюков, Владимир Симиндей и др.⁶¹⁴. Что же касается восприятия тезиса о «советской оккупации» в обществе, то здесь можно обратиться к результатам опроса 400 учеников 12-х классов латышских и русскоязычных школ, проведённого в 2019 г. Согласно данному социологическому исследованию лишь 5% русскоязычных школьников считают, что в 1944 г. СССР оккупировал Латвию. Этой точки зрения придерживаются 62% латышей. При этом, 72% латышей уверены, что российский народ должен взять на себя ответственность за репрессии и депортации. Среди русских школьников таких только 23%. Объективными учебники истории считают 26% русскоязычных школьников и 65% латышских учащихся⁶¹⁵. Т.е. мы видим, что и в латышской среде (в том числе и у молодёжи) тезис о «советской оккупации» вовсе не является бесспорным и абсолютно доминирующим, не говоря уже о местных русскоязычных.

Упомянутый выше «Мониторинг социальной памяти Латвии» («Latvijas sociālās atmiņas monitorings») в редакции 2013 г., подготовленный

для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Кениньш И.* История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.; *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 1999; *Ноллендорфс В.* Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии в 1940–1991 годах. Рига: Общество Музея оккупации Латвии, 2010. 232 с.

⁶¹⁴ Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память». 264 с.; Плинер Я. Г., Бухвалов В. А. Реформа школ нацменьшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы. Рига: Фонд Татьяны Жданок «Русской школе», Совет по образованию и культуре при ЗаПЧЕЛ, 2008. 140 с.; Страны Балтии и Россия: общества и государства / ред.-сост.: Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. М.: Референдум, 2002. 556 с.

⁶¹⁵ В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ // [rus.DELFI.lv URL: https://ru.delfi.lv/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266](https://ru.delfi.lv/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266) (дата обращения: 08.09.2019).

учёными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской даёт весьма противоречивые оценки событий Второй мировой войны – лишь 5,2% респондентов признают героями граждан Республики, сражавшихся на стороне вермахта, в свою очередь ветеранов Красной Армии героями считают 16,4% латышей. 16,1% опрошенных уверены, что солдаты немецкой армии причастны к военным преступлениям, и лишь 2,8% называют таковыми (виновными в военных преступлениях) состав РККА. Однако, 39% представителей титульного населения уверены, что латышских легионеров Ваффен СС следует считать как героями, так и жертвами. Если же обратиться к памятным датам событий войны, то оценки здесь не менее противоречивы – 53,2% латышей не согласны с официальным празднованием 9-го мая, но 55,8% относятся к 16 марта – Дню памяти латышских легионеров – положительно⁶¹⁶ (см. приложение 6, табл. 6.1). Опираясь на данные мониторинга, исследователи Мартинс Капранс и Ольга Прочевская приходят к выводу, что несмотря на разное понимание событий Второй мировой войны, русскоязычные респонденты гораздо чаще выбирают стратегию молчаливого сосуществования в исторических спорах, в то время как латыши более склонны отстаивать свое историческое понимание Второй мировой, отдавая предпочтение стратегии конфронтации или, по крайней мере, демонстрируя более высокие ожидания конфронтации как во внутригрупповых, так и во внутригосударственных отношениях⁶¹⁷.

В оценках советского периода истории и факта присоединения Республики к СССР, негативное отношение латвийских респондентов на протяжении 2010–2012 гг. сменилось более нейтральными оценками –

⁶¹⁶ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 11–15.

⁶¹⁷ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 17.

указывают Мартинс Капранс и Ольга Прочевская⁶¹⁸, оперируя следующими данными: 57% опрошенных считают советские времена хорошими. Удельный вес отрицательно относящихся к этому периоду уменьшился менее чем на 2% – до 26,8%. В свою очередь 19% респондентов, в основном русскоязычных, хотели бы восстановления СССР, а 65% – против. Среди латышей, которые считают себя более информированными, больше тех, кто уверен, что Латвия была оккупирована, а среди русскоязычных – наоборот. Это свидетельствует о том, что у этих людей очевидно разные источники информации, – указал М. Капранс⁶¹⁹. Также очевидна усталость населения Латвии от постоянной политизации истории – в 2017 г. порядка 80% респондентов согласились с утверждением, что оценку неоднозначных исторических событий лучше оставить в покое, либо предоставить историкам⁶²⁰. По результатам другого социологического исследования, проведённого в 2012 г. при поддержке Министерства Культуры Латвии, большинство респондентов по-прежнему признаёт, что подписанное 23 августа 1939 г. соглашение между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова – Риббентропа) повлияло на превращение Латвии в составную часть СССР. В 2004 г. с этим утверждением были согласны 56% опрошенных, а в 2012 году – 63,8%. 43,4% респондентов считают, что Латвия вошла в состав СССР в результате нападения⁶²¹. В результате приведённых данных из различных источников, мы видим, что оценки событий Второй мировой войны и советского прошлого Латвии остаются предметом острых общественных дискуссий и, не смотря на активное продвижение

⁶¹⁸ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / redīgēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 25.

⁶¹⁹ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / redīgēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 26–28.

⁶²⁰ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2 / redīgēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. L. 8.

⁶²¹ Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1636769.html> (дата обращения: 28.10.2020).

официальной исторической доктрины, в общественном сознании ещё не сформировалась какая-либо абсолютно доминирующая оценка этого периода, имеет место «фрагментированный режим памяти».

Среди респондентов, которые говорят в семье на латышском языке, 80% гордятся тем, что живут в Латвии, 84% – тем, что Латвия является независимым государством (среди русскоязычных, таковых 61% и 59% соответственно), 81% считают себя патриотами Латвии (и 51% нелатышей), а 88% – патриотами Латвии как места своего проживания (83% среди русскоязычных)⁶²². При этом, согласно исследованию SKDS «Внешнеполитические мифы в Латвии: ЕС и Россия» в 2012 г., заказанного фондом поддержки Малой исторической библиотеки Латвии, опрашивавшего жителей страны без разделения по национальному признаку – 42,6% жителей республики считают, что Латвия как независимое национальное государство существовать неспособна. Более двух третей, или 70,9% населения считают, что западные страны используют Латвию в своих интересах и только 3% совершенно не согласны с таким утверждением. Также более половины, или 54,4% латвийцев полагают, что Латвии было хорошо в составе СССР. В то же время также почти половина, или 46,8%, позитивно оценивают распад Советского Союза. Две трети или 64,6% думают, что спасение экономики Латвии – в более тесном сотрудничестве с Россией и странами СНГ. 56% уверены, что вступление в ЕС способствовало экономическому спаду в Латвии. 78,3% согласны с утверждением, что Латвия в ЕС – государство второго сорта, а 39,3% уверены в распаде Евросоюза. Также 50,4% уверены, что страну привела к кризису националистическая политика, а 53,6%

⁶²² Результаты опроса: большинство русскоязычных гордятся тем, что живут в Латвии // rus.DELFI.lv URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-bolshinstvo-russkoyazychnyh-gordyatsya-tem-chto-zhivut-v-latvii.d?id=51681495> (дата обращения: 23.10.2020).

поддерживают идею сильного лидера с широкими полномочиями⁶²³. Такие взаимоисключающие ответы респондентов свидетельствуют о расколе в обществе. Авторы исследования, политологи Марис Цепуритис и Ринальд Гулбис так же утверждают, что в Латвии, в связи с существованием латышского и русского информационного пространства, в каждом из них есть свои мифы, которые усиливают раскол общества⁶²⁴. Мы же, в свою очередь, можем предположить, что столь пессимистические оценки современного положения Латвии связаны с последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., сильно ударившего по ЛР и ещё осязаемого в 2012 г. При этом, всё-таки основная доля населения придерживается патриотических чувств и воспринимает Латвию как состоявшееся независимое государство.

Прозападная ориентация местной политики памяти, как отмечалось выше, была нацелена в том числе на поддержку евроатлантической ориентации официальной Риги и достигла своей цели. На референдуме 2003 г. за вступление в ЕС проголосовали 67% участников (при явке в 71%)⁶²⁵. Плебисцит по вопросу вступления в НАТО в Латвии, как и у соседей, не проводился. Однако, опросы населения 2003 г. показали поддержку членства в Североатлантическом альянсе в 67,4%⁶²⁶.

⁶²³ Опрос: 42,6% жителей не верят в независимое национальное государство // Наш город. Новости Даугавпилс. URL: <https://gorod.lv/novosti/159268-opros-426-zhitelei-ne-veryat-v-nezavisimoe-natsionalnoe-gosudarstvo> (дата обращения: 30.10.2020).

⁶²⁴ Там же: Опрос: 42,6% жителей не верят в независимое национальное государство // Наш город. Новости Даугавпилс. URL: <https://gorod.lv/novosti/159268-opros-426-zhitelei-ne-veryat-v-nezavisimoe-natsionalnoe-gosudarstvo> (дата обращения: 30.10.2020).

⁶²⁵ Tautas nobalsošanas par Latvijas dalību Eiropas Savienībā rezultāti (Результаты референдума о присоединении Латвии к Европейскому Союзу) // Центральная избирательная комиссия Латвии. URL: <https://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/sae8dev.aktiv03er.vis> (дата обращения: 04.11.2020).

⁶²⁶ Опрос: население за вступление в НАТО // rus.DELFI.lv URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-naselenie-za-vstuplenie-v-nato.d?id=5817458&all=true> (дата обращения: 04.11.2020).

Таким образом, изложенные выше данные различных опросов и исследований общественного мнения показывают существенные расхождения в исторической картине латышей, а также пробелы в местной государственной исторической политике. Очевидно, что за период независимости удалось сформировать у титульного населения идеалистический образ первой Латвийской Республики 1918–1940 гг. и особенно периода правления Карлиса Улманиса (см. приложение 6, рис. 6.1) – этого требовала популяризация тезиса о континуитете, т. е. законодательного и правового правопреемства современного Латвийского государства в республике межвоенного периода. Русофобская направленность государственной исторической политики также оказалась успешной в части популяризации евроатлантической ориентации и критического настроя к развитию Латвии в составе Российской Империи. Однако общественное отношение к антисоветской составляющей и тезис об оккупации оказались весьма спорным – подавляющей поддержки со стороны жителей республики, в том числе и среди титульного населения добиться не удалось. Повысить доверие к официальным историческим трактовкам также не удалось. Так, историки Янис Тауренс и Дайна Блейер констатируют слабую изученность советского периода, а Мартиныш Капранс, оперируя данными опроса 2017 г., и вовсе отмечает, что 60% латвийской молодёжи не интересуются темой советского периода истории и конкретно работой Комиссии по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР ⁶²⁷, которой в последние годы официальные власти уделяли особое внимание.

Ситуация в *Эстонии* развивалась во многом схожим с Латвией образом, в том числе и в вопросах этического конфликта. Рост национализма

⁶²⁷ Zanders M. «Maisi valā»: Ātru panākumu padomju perioda izpētē nebūs // DELFI.lv URL: <https://www.delfi.lv/news/national/politics/maisi-vala-atru-panakumu-padomju-perioda-izpete-nebus.d?id=50890339> (дата обращения: 30.10.2020).

и сепаратизма в годы перестройки обусловил широкую поддержку идеи выхода из состава СССР со стороны титульного населения. Так, в марте 1991 г. в Эстонском референдуме о восстановлении независимости участвовали 82,86% избирателей, имевших право голоса. За независимость проголосовали 77,83% участвовавших, против – 21,43% (17,77%)⁶²⁸. Учитывая, что эстонцы составляли 61,5% населения, становится очевидным, что немалая часть неэстонцев высказалась за независимость.

Историческая дискуссия в Эстонии, в целом, развивалась по латвийскому образцу. Как и у южного соседа, здесь не было опыта независимого развития и самостоятельного государственного строительства до 1918 г., поэтому с 1930-х гг. в местной историографии весь предшествующий период истории рассматривался через призму борьбы за свободу против иностранных завоевателей⁶²⁹. Данный тренд продолжился и в 1990-х, с обретением независимости⁶³⁰. Однако, появление нового фундаментального труда «История Эстонии» под авторством 11 исследователей Института истории и археологии Тартуского университета⁶³¹ в 2012 г. знаменовало собой активизацию нового витка дискуссий в национальной исторической науке о степени состоятельности классических национально-романтических трактовок прошлого. По мнению эстонского публициста Эрки Баховски и историка Игоря Копытина, трактовка событий 1200–1550-х гг. в «Истории Эстонии II» является

⁶²⁸ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 105.

⁶²⁹ См.: Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / H. Moora, E. Laid, J. Mägiste, H. Kruus; toimetanud H. Moora ja H. Kruus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935. 376 lk.

⁶³⁰ Лаар М., Валк Х., Вахмре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992. 234 с.; Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.

⁶³¹ Selart A., Kala T., Kaljundi L., Kreem J., Leimus I., Markus K., Mänd A., Põltsam-Jürjo I., Russow E., Tamm M., Valk H. Eesti ajalugu II: Eesti keskaeg. Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2012. 456 lk.

революционной, поскольку ставится крест на преобладавшей ранее национально-романтической подаче истории Средневековья Эстонии, которую постепенно развивали Гарлиб Меркель в XVIII в., Карл Роберт Якобсон в XIX и Ханс Круус в XX в. Так, в новой редакции «Истории Эстонии» к событиям 1208–1227 гг., то есть времени борьбы древних эстов против крестоносцев, применяется не привычное название «Древняя освободительная война» («Muistne vabadusvõitlus»), а крестовые походы в Северо-Восточной Европе («Kirde-Euroopa ristisõda»). Один из авторов книги историк Марек Тамм считает, что понятие крестовых походов более объективное и его использование опирается на историографию средневековой Европы. Разговор об отстаивании свободы не имеет под собой почвы, поскольку у эстов тогда отсутствовала государственность и сами они зачастую воевали между собой, в том числе и на стороне иноземных захватчиков⁶³². Также в новой книге история подаётся менее этноцентрично. Профессор Анти Селарт отмечает, что *«историю Эстонии как таковую раньше рассматривали лишь с конца XVIII века, то есть начиная с Меркеля и Якобсона. И историки советской Эстонии рассматривали отечественную историю лишь как историю крестьянства. Предшествующие события были как бы историей немцев. Теперь же от этого отказались, не ставя больше ударение на национальный аспект, а рассматривая историю всех народов, действовавших на этой земле. Книга дает совсем иное видение событий 800-летней давности, указывая на то, что эстонцы не теряли свободы, а произошла лишь смена правового порядка. Не было также отдельной истории немцев и эстонцев, потому что не было четких границ и явной*

⁶³² Копытин И. Новый взгляд на историю Эстонии // Postimees. URL: <https://rus.postimees.ee/1144948/igor-kopytin-novyy-vzglyad-na-istoriyu-estonii> (дата обращения 07.11.2020).

идентичности»⁶³³. С критикой нового подхода выступили историки Лаури Вахтре и Март Лаар (премьер-министр Эстонии в 1992–1994 и 1999–2002 гг.), которые считают, что замена «Древней борьбы за свободу» не имеет веских причин, поскольку это – стержень самосознания всей эстонской нации⁶³⁴. Дискуссия в отношении данного исторического труда, пусть и фундаментального, объясняется тем, что «История Эстонии II» является итогом 15-летней работы местных учёных-историков, своего рода «государственным заказом», на основе которой будут написаны новые школьные и вузовские учебники.

По большому счёту, в данном споре мы видим тенденцию к постепенному отказу от этноцентризма и национальных мифов 1930-х, поступательное движение в сторону более мультикультурной и глобалистической подачи истории⁶³⁵.

Что же касается самого эстонского общества, то как и в Литве, Латвии, основной интерес здесь прикован к событиям XX в., ставшего переломным в национально-государственном строительстве. Так, в апреле 2009 г. фирмой Saar Poll в Эстонии было проведено социологическое исследование «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», которое показало отношение жителей страны к основным событиям и личностям XX в.⁶³⁶ Согласно полученным результатам, 73% эстонцев

⁶³³ Цит. по: *Копытин И.* Новый взгляд на историю Эстонии // Postimees. URL: <https://rus.postimees.ee/1144948/igor-kopytin-novyuy-vzglyad-na-istoriyu-estonii> (дата обращения 07.11.2020).

⁶³⁴ *Копытин И.* Новый взгляд на историю Эстонии // Postimees. URL: <https://rus.postimees.ee/1144948/igor-kopytin-novyuy-vzglyad-na-istoriyu-estonii> (дата обращения 07.11.2020).

⁶³⁵ *Адамсон А.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией *Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова*, М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 182–200

⁶³⁶ *Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel.* Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL:

заявили, что интересуются историей своей страны, а 78% испытывают интерес к событиям XX в., тем самым демонстрируя наивысший результат среди стран Балтии. Этот же опрос выявил среди латышей 60% интересующихся отечественной историей и 58% событиями XX в. Среди литовцев таковых было 51% и 46% соответственно⁶³⁷ (см. приложение 7, рис. 7.1). Другими словами, не проявляют интереса к истории половина литовцев, 40% латышей и лишь 20% эстонцев. Это говорит о большом значении политики памяти и исторического дискурса как такового для официального Таллина.

По данным исследования Saar Poll этнические эстонцы показали довольно высокий уровень информированности о личностях и событиях XX в. – в среднем около 80–90%. При этом наиболее положительные оценки заслужили политические деятели периода буржуазной республики 1920-х – 1930-х гг. и современности, а наименьшие – члены эстонской компартии⁶³⁸ (см. приложение 7, рис. 7.2, 7.3, 7.4, 7.5). Советский период истории в целом, за исключением победы в Великой Отечественной войне, разоблачения культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС и распада СССР, вызвал более чем негативные оценки эстонского общества. Обращает на себя внимание и гораздо более критический взгляд на советское прошлое молодёжи младше 30 лет, среди которой капитуляцию нацистской Германии перед СССР положительно оценили лишь 55%, против 70% из числа более

http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020).

⁶³⁷ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020). L. 5.

⁶³⁸ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020). L. 5–16.

возрастных респондентов, распад Советского Союза поддержало 75% молодых людей, против 70% представителей старшего поколения⁶³⁹ (см. приложение 7, рис. 7.6). Респонденты младше 30 – это и есть поколение, выросшее в независимой Эстонии, которое испытало на себе изменение господствующей исторической концепции, а также основные меры местной политики памяти.

Кроме того, мы упоминали в предшествующих параграфах о том, что спецификой государственной исторической политики официального Таллина явилось то, что баталии проходили не только на страницах исторической литературы или прессы, но и на улицах эстонской столицы – в апреле 2007 г. в результате демонтажа памятника «Павшим во Второй мировой войны» (он же «Памятник Воину-освободителю Таллина от немецко-фашистских захватчиков», он же «Бронзовый солдат»). Так, согласно социологическому исследованию TNS Emor, состоявшемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа «Бронзового солдата» поддержали 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия главы правительства негативно. В июне 2007 г. фирмой Saar Poll прошёл опрос населения, посвящённый событиям конца апреля 2007 г. Если 51% опрошенных эстонцев сочли решение властей о демонтаже монумента «совершенно верным» и 28% – «скорее верным», то среди неэстонцев данный вариант ответа поддержали лишь 4% и 7% соответственно⁶⁴⁰. Тем не менее, нельзя не отметить, что специфика постановки вопросов в представленных социологических исследованиях может преследовать целью

⁶³⁹ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020). L. 42.

⁶⁴⁰ Никифоров Н. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / под ред. Демурина М. В., Симиндея В. В. М.: Фонд «Историческая память», 2009. С. 160–163.

отделение титульной нации от меньшинств, оправдывая тем самым политику в отношении этих меньшинств: разделяя общества в отношении к прошлому на «мы», и «чужие».

Евроатлантическая интеграция Таллина также была поддержана титульным населением. На референдуме 2003 г. о членстве в ЕС присоединение к союзу поддержало 66,8% проголосовавших (при явке 64%)⁶⁴¹. Вступление же в НАТО по данным социологических опросов населения одобряло в 2003 г. 83% эстонцев и 38% русскоязычных⁶⁴². Т.е. для титульного населения Эстонии приоритетной была именно интеграция в Североатлантический альянс при относительном евроскептицизме – также явный результат местной политики памяти.

Резюмируя всё вышеизложенное, можно констатировать, что восприятие титульным населением Прибалтийских республик местной государственной исторической политики складывалось схожим образом с незначительными различиями и спецификой. Повсеместно академическая историческая наука отражала основные постулаты государственной исторической политики, не вступая с ней в прямой конфликт. Лишь в 2010-х под влиянием общемировых тенденций по отказу от национально-романтических трактовок прошлого, этноцентристского подхода к истории в сторону мультикультурализма и глобализма, произошла корректировка исторической парадигмы эпохи Средневековья в историографии стран Балтии (в первую очередь в Литве и Эстонии).

Однако, центральным звеном в местной политике памяти и, как следствие, в историческом дискурсе является всё-таки XX в., в трактовках

⁶⁴¹ Referendum September 14. 2003 // Vabariigi Valimiskomisjoni. URL: <http://www.vvk.ee/varasemad/?v=rh03> (дата обращения: 11.11.2020).

⁶⁴² Ермаков А. Реакция в Эстонии на вступление в НАТО // Россия – НАТО: формирование повестки дня для взаимодействия в области международной безопасности и военного сотрудничества. Документы, аналитика, комментарии / сост.: Ф. Казин. СПб.: Балтийский Исследовательский центр. С. 17–19.

событий которого новых веяний с 1990-х не прослеживается. Анализируя данные социологических исследований, проведённых в 2000-х – 2010-х гг. в Эстонии, Латвии, Литве можно прийти к выводу, что титульное население, в особенности молодёжь младше 30 лет, поддержало и восприняло основные постулаты местной государственной исторической политики в части идеализации буржуазных республик межвоенного периода, тезиса о «советской оккупации» и принципа исторической правопреемственности нынешних государств республикам 1920-х – 1930-х гг. Доминирование антикоммунистических и антисоветских оценок также является общим трендом в данном регионе (см. приложение 7, рис. 7.7.1, 7.7.2, 7.7.3). При этом, наибольший интерес к истории и осведомлённость в данном вопросе по результатам социологических исследований, демонстрируют эстонцы, в отличие от латышей и литовцев (см. приложение 7, рис. 7.1). Данное обстоятельство обусловило большую значимость политики памяти для официального Таллина и большой накал страстей вокруг исторических трактовок, хотя бы на примере так называемой «войны памятников» и событий «бронзовой ночи» апреля 2007 г. – вылившихся в массовые беспорядки.

Кроме того, исторический дискурс в известной степени способствовал складыванию негативного образа России в Прибалтике, что обеспечило поддержку правительства со стороны общественности (в первую очередь из числа титульного населения) в вопросах разрыва связей с РФ и евроатлантической интеграции. Таким образом, можно констатировать, что ключевые постулаты государственной исторической политики стран Балтии в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным населением.

3.2. Отношение русскоязычного населения Прибалтийских Республик к государственной исторической политике

Государственная историческая политика стран Балтии с момента своего оформления в 1990-х гг. была нацелена помимо титульного населения республик и на местные национальные меньшинства – в первую очередь на наиболее многочисленное из них – русскоязычное, которое составляет до 30% жителей Эстонии, до 40% населения Латвии, до 6,5% жителей Литвы. Применительно к Литве следует упомянуть и о польском меньшинстве в 6,7%. (см. приложение 1, табл. 1, 3, 5). Повторимся, что под русскоязычным населением мы подразумеваем постоянных жителей Эстонской, Латвийской, Литовской ССР и ЭР, ЛатР, ЛитР, для которых, во-первых, русский язык является родным или функционально первым языком независимо от их этнического происхождения (например, для этнических русских или лиц других национальностей) и которые, во-вторых, осознают свою причастность к «русскому миру» как к трансграничной культурно-исторической общности.

Подробнее о пропорциях и особенностях расселения нетитульного населения Прибалтийских республик повествуется в параграфе 1.1. Здесь лишь отметим, что большая часть русскоязычных поселилась в странах Балтии в послевоенный период и осталась в республиках после провозглашения независимости, оказавшись вовлечённой в процессы политического и социально-экономического становления новых государств в 1990-е – 2000-е гг.

Часть русскоязычного населения ещё в 1991 г. поддержала стремление Прибалтийских республик к независимости. Нужно ещё раз сказать о том, что весной 1991 года, в ходе проведения на территории Эстонии референдума об отделении государства от СССР и о его признании в качестве независимого приняло участие более 82% от тех лиц, которым

предоставлялось право голоса. Солидарность с позицией о необходимости независимости Эстонской республики высказали 77,83% лиц, принявших участие в референдуме. При этом позицию о том, что Эстония не должна отделяться от СССР, поддерживали 21,43% опрошенных⁶⁴³. Если принять во внимание тот факт, что эстонское население государства составляет 61%, то оказывается, что достаточно существенное количество неэстонского населения страны также поддержало мнение о необходимости национальной независимости. К примеру, это характерно для Нарвы – города, где эстонского населения имеется только 4%, тогда как мнение о необходимости обеспечения независимости Эстонии как государства было поддержано 25% жителей муниципалитета. Практически те же самые цифры были зафиксированы и в соседнем русскоязычном городе Силламяэ⁶⁴⁴. Иными словами, позиция о необходимости отделения СССР и её дальнейшего существования в качестве независимого государства поддерживалась не только практически всем титульным населением, но и существенной частью русского населения страны. Схожая ситуация сложилась и в соседней Латвии, где на аналогичном плебисците 1991 г. о независимости из 87.5% (1 666 128) принявших участие в голосовании, за выход из состава СССР высказались 73,7% (1 227 562)⁶⁴⁵. Зная соотношение латышей и русскоязычных по переписи 1989 г.⁶⁴⁶ мы можем смело резюмировать, что до четверти нелатышского население проголосовало за самостоятельность.

⁶⁴³ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 105.

⁶⁴⁴ Там же. Фурман Д., Задорожнюк Э. С. 105.

⁶⁴⁵ Ziņojums par Latvijas Republikas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptaujas rezultātiem // Diena, 1991, 8. marts, 2. lpp.

⁶⁴⁶ 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. 305 lk.

Применительно к Литве пропорции в отношении поддержки отделения от СССР со стороны местных русскоязычных и поляков, составлявших на 1989 г. 9,3% и 7% соответственно⁶⁴⁷ ещё более интересны. Учитывая долю литовцев в 79,6% населения, а также результат референдума – за независимость проголосовали 90,5% избирателей (2 028 339) при явке 84,7%⁶⁴⁸, можно уверенно утверждать, что титульное население было поддержано в стремлении к самостоятельности и местными меньшинствами. К примеру, в Вильнюсе позиция о необходимости отделения Литвы от СССР была поддержана 80,6% опрошенных, в Клайпеде был зафиксирован результат в 89,3%, в г. Висагинасе – 83% опрошенных⁶⁴⁹. Причём доля литовского населения в Вильнюсе составляла только 50% (если суммировать его с поляками, то цифра достигает 70%), в Клайпеде проживало 61% литовского населения, а в г. Висагинасе и вовсе было только 30% литовского населения (причём уже суммированного с польским населением)⁶⁵⁰. Представленные выше данные предоставляют нам возможность высказать предположение, в соответствии с которым литовская независимость была поддержана практически половиной местного русскоговорящего населения (что существенно больше, чем в соседствующих прибалтийских государствах). Что же касается регионов Литвы, которые выразили наименьшую поддержку будущей государственной независимости, то ими

⁶⁴⁷ Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development) / Redaktoriai: D. Ambrozaitienė. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.

⁶⁴⁸ Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991. Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 22.09.2019).

⁶⁴⁹ Там же: Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991, Vasario 14 d. ...

⁶⁵⁰ Lietuvos statistikos metraštis 1989 // Official Statistics portal. URL: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019).

оказался Шальчининский район – место компактного проживания польского меньшинства. За независимость здесь высказалось чуть более 50% населения⁶⁵¹.

Подобные различия в поддержке республиканских правительств мы можем объяснить с одной стороны большей интегрированностью русскоязычной общины Литвы (в следствие своей малочисленности), с другой стороны влиянием кровавого исхода событий января 1991 г. у Вильнюсского телецентра. Эстония же и Латвия, имея наиболее многочисленное русскоязычное население, демонстрируют схожие показатели. Как бы то ни было, достаточная лояльность русскоязычного населения новым независимым Республикам обусловила в целом мирный характер становления самостоятельности стран Балтии (в случае с Эстонией – и вовсе бескровное восстановление независимости). Однако, это не значит, что сепаратизм со стороны нетитульного населения отсутствовал полностью.

Наиболее драматично ситуация развивалась в Эстонии, где на фоне обсуждения закона об иностранцах ⁶⁵² и фактического отказа от автоматического предоставления гражданства всем жителям Республики, разразился т. н. Нарвский кризис – демарш властей Нарвы и Силламяэ по проведению 16–17 июля 1993 г. референдума об автономии Северо-востока Эстонии (территории компактного проживания русскоязычного населения). В референдуме приняли участи более 50% имевших право голоса, из которых

⁶⁵¹ Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. 1991. Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4 // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. URL: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 22.09.2019).

⁶⁵² Välismaalaste seaduse eelnõu esimene lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärg Teisipäev, 8. juuni 1993 (Первое чтение проекта закона об иностранцах / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии, Вторник, 8 июня 1993) // Сайт Рийгикогу. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199306081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).

за автономный статус проголосовало более 90%⁶⁵³. Конституционный суд ЭР признал плебисцит недействительным. Однако, официальный Таллин, напуганный реальностью угрозы сепаратизма со стороны приграничной Нарвы, вынужден был пойти на уступки местным неэстонцам: создание Круглого стола по делам национальных меньшинств при президенте, и компромиссы в законе о выборах в собрания местных самоуправлений⁶⁵⁴, в соответствии с которым неграждане, в отличие от соседней Латвии, получили право голоса. Со схожей ситуацией проявления сепаратизма столкнулась и Литва, только раньше – в 1990 г. Так, Шальчиникский районный Совет и город Эйшишкес – место компактного проживания польского меньшинства в Виленском крае – отказались признать декларацию о восстановлении независимости 11 марта 1990 г.⁶⁵⁵ и объявили о создании самоуправляемого «польского национального округа»⁶⁵⁶. Только гарантии по *«Созданию условий для использования и развития языков национальных сообществ»*⁶⁵⁷ (прописанные в статье 7 Временного основного закона) и предоставление гражданства всем жителям республики, поспособствовало

⁶⁵³ Смирнов И. Как Нарва осталась с Эстонией: что известно организатору непризнанного референдума 1993 года? // Postimees. URL: <https://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniei-chto-izvestno-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda> (дата обращения: 17.11.2020).

⁶⁵⁴ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seadus (Закон о выборах в собрания местных самоуправлений) // Riigi Teataja I. 1993. № 29. ст. 505.

⁶⁵⁵ Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

⁶⁵⁶ Dainius Žalimas, Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas / sud Kn. Bronislovas Genzelis, Angonita Rupšytė, Kelias į Nepriklausomybę. Kaunas: Šviesa, 2010. P. 188.

⁶⁵⁷ Цит. по: Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios. 1990-03-31. № 9-224.

прекращению конфликта. Из стран Балтии лишь одна Латвия избежала активизации сепаратистских устремлений, однако и здесь события так называемых «Дней баррикад» (вооружённое противостояние января 1991 г. в Риге) продемонстрировали реальность перерастания этнического конфликта в «горячую» фазу.

Поэтому политическому истеблишменту Прибалтийских республик было жизненно важно нивелировать угрозы сепаратизма со стороны нетитульного населения и интегрировать его в местное общество, в том числе и в вопросе восприятия национальных исторических концепций при помощи политики памяти. Под «восприятием» или «отношением» русскоязычного населения к государственной исторической политике стран Балтии мы подразумеваем степень поддержки господствующих в Республиках исторических концепций, а также лояльность к внутреннему и внешнеполитическому курсу стран проживания. Оценить настроения среди национальных меньшинств Прибалтийских республик нам помогут результаты социологических исследований и опросов общественного мнения, проводившихся в интересующий нас период – 1990-е – 2010-е гг.

Применительно к *Эстонии*, следует обратиться к результатам социологического исследования, проведённого акционерным обществом ЭМОР 16–18 сентября 1991 г. в городах Северо-востока Эстонии (место компактного проживания русскоязычного населения) среди неэстонского населения региона об отношении к гражданству вновь образованного государства. 46% опрошенных заявили, что готовы сразу же подать заявление на получение Эстонского гражданства; 37% находят, что они должны ещё подумать; 5% определённо не будут добиваться гражданства⁶⁵⁸. Данные цифры свидетельствуют о достаточно высокой степени лояльности нетитульного населения к новой Эстонской Республике. Темпы

⁶⁵⁸ Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.

натурализации (т.е. приобретение эстонского гражданства), безусловно, являются индикатором готовности неэстонцев к интеграции в местное общество, восприятию государства проживания как своей Родины (см. приложение 8, табл. 8.1, 8.2, рис. 8.1, 8.2). Понимая взаимосвязь между интеграцией и рецепцией местной государственной исторической политики, эстонские власти включили в качестве критериев интегрированности неэстонцев в эстонское общество *«положительное отношение к переменам, произошедшим в эстонском обществе за последние пятнадцать лет, доверие к эстонскому государству»* (см. приложение 8, рис. 8.3)⁶⁵⁹. Другими словами, отказ от положительных оценок новейшего периода эстонской истории является аргументом в пользу нелояльности к ЭР. Данные поправки в местную программу интеграции на 2008–2013 гг.⁶⁶⁰ были внесены именно после уже упомянутых нами событий «Бронзовой ночи», продемонстрировавших наличие глубокого межэтнического конфликта в Эстонии, в том числе и в вопросе исторических оценок⁶⁶¹. Так, согласно социологическому исследованию TNS Emor, состоявшемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа «Бронзового солдата» поддержали 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия главы правительства негативно. В июне 2007 г. фирмой Saar Poll был проведён опрос населения, посвящённый событиям конца апреля 2007 г. Если 51% опрошенных эстонцев сочли решение властей о

⁶⁵⁹ Цит. по: Лауристин М. Эстонская программа интеграции 2008–2013. Заключительный отчёт об исследовании необходимости и возможности реализации. – Таллин, – Тарту, 2008. – С. 21.

⁶⁶⁰ Эстонская программа интеграции 2008–2013 // Kultuuriministeerium (Сайт Министерства Культуры Эстонии). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: https://www.kul.ee/sites/kulminn/files/loimumiskava_2008-2013_rus_vv_11.06.09_nr_236.pdf (дата обращения 20.11.2020).

⁶⁶¹ Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992 – 2007 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Зверев Кирилл Александрович. – Кострома, 2015. – 298 с.

демонтаже монумента «совершенно верным» и 28% – «скорее верным», то среди неэстонцев данный вариант ответа поддержали лишь 4% и 7% соответственно ⁶⁶². Здесь мы видим не только диаметрально противоположные взгляды на действия властей, но и различия в восприятии самого исторического контекста событий Второй мировой войны и Великой Отечественной, как её части. В ходе другого социологического исследования 2010 г. 92,3% русских и 78,9% эстонцев согласились с утверждением, что различное толкование вопроса оккупации и Великой Отечественной войны не только имеет место быть, но и препятствует в налаживании межобщинного диалога. Обострение межнациональных отношений в ЭР в 2010 г. связывали с политикой России – 36% русскоязычных участников исследования и 74% эстонцев. И наоборот, правительство Эстонии в межэтнических трениях обвинили около 90% неэстонцев и 56,8% респондентов, чьим родным языком является эстонский ⁶⁶³. В 2007 г. «оккупацию» Эстонии Советским Союзом верили лишь 7% местных русскоязычных. В 2002 г. 43% русскоговорящих считали, что Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу. Согласно опросу, проведенному в 2005 г, аналогичное утверждение поддержали 56%⁶⁶⁴. Весьма показателен и соц. опрос, проведенный по заказу правительства города Нарвы в 2009 г., согласно которому 53% жителей Нарвы считают присоединение Эстонии к СССР проявлением свободы воли народа; 60%

⁶⁶² Никифоров Н. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / под ред. Демурина М. В., Симиндея В. В. М.: Фонд «Историческая память», 2009. С. 160–163.

⁶⁶³ Отношения между общинами осложняют невоспитанность и вопросы истории // Postimees. 2010. 14 сентября. URL: <https://rus.postimees.ee/312869/otnosheniya-mezhdu-obshchinami-oslozhnyayut-nevospitannost-i-voprosy-istorii> (дата обращения 21.11.2020).

⁶⁶⁴ Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt 2007. 21 мая. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения 28.11.2020).

убеждены, что суверенитет Эстонии не был нарушен в 1940 г. Причём доля неэстонцев, критически воспринимающая тезис о «советской оккупации» постоянно растёт⁶⁶⁵. По нашему мнению, данные настроения – не отвечающие основным устремлениям эстонской государственной исторической политики – могут быть следствием не только «апрельского кризиса» 2007 г. (демонтаж «Бронзового солдата» в Таллине), но отчуждённости местного русскоязычного населения от ЭР вследствие языковой политики, ущербного правового статуса (из-за отсутствия гражданства)⁶⁶⁶.

Применительно к вопросу о восприятии основных постулатов исторической парадигмы Эстонской Республики местным русскоязычным населением, мы хотели бы обратиться к социологическому исследованию «Историческое осознание важнейших событий прошлого века в Восточной Европе», проведённому фирмой Saar Poll в Эстонии в апреле 2009 г. Согласно данному опросу информированность неэстонцев об основных событиях и личностях истории ЭР XX в. в среднем на 20–30% ниже, чем у титульного населения (см. приложение 7, рис. 7.2.)⁶⁶⁷ (на наш взгляд это можно объяснить наличием прослойки русскоязычных, прибывших в Республику в зрелом возрасте и не знакомых с местной историей, не проходивших её на школьной скамье). При этом оценки эстонских исторических личностей XX в., данные русскоязычными, оказались более

⁶⁶⁵ Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 октября. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesti-liitus-poukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения 28.11.2020).

⁶⁶⁶ Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992 – 2007 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Зверев Кирилл Александрович. Кострома, 2015. 298 с.

⁶⁶⁷ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020). – L. 7.

сдержанными, чем у представителей титульного населения. Так, например, наибольшие различия касаются деятелей коммунистической партии – Виктора Кингисеппа (русский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии) и Йоханнеса Вареса-Барбаруса (эстонский поэт и писатель, политический деятель, премьер-министр Эстонии в 1940, председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР в 1940–1946), которых положительно оценили 58% и 54% русскоязычных респондентов (среди эстонцев данные деятели набрали 30% и 41% положительных отзывов). При этом поддержку первому президенту новой Эстонии – Леннарту Мери высказали лишь 76% неэстонцев, среди коренных жителей таковых было 90% (см. приложение 7, рис. 7.4.). Другими словами, советское прошлое вызывает предсказуемое сочувствие у местных русскоязычных, а новейший период воспринимается более критично. При этом, мы не видим прямо противоположных суждений (за исключением событий Второй мировой войны), касательно большей части исторических событий, что говорит об отсутствии поляризации общества, о существовании своеобразного диалога в эстонском историческом дискурсе (опять же за исключением событий Второй мировой войны).

Таким образом, в Эстонии на восприятие русскоязычными жителями местной политики памяти наложился этнический конфликт с титульным населением. При этом, основным камнем преткновения в обществе остаются диаметрально противоположные оценки событий Второй мировой войны и обстоятельств инкорпорации Эстонии в состав СССР. По остальным историческим периодам значительного расхождения в оценочных суждениях не выявлено. Можно утверждать, что за изучаемые хронологические рамки функционирования государственной исторической политики, началась трансформация исторического сознания молодого поколения неэстонцев и медленное сближение их оценочных суждений по исторической

проблематике с эстонскими сверстниками⁶⁶⁸ (см. приложение 7). Кроме того, мнение местных русскоязычных на протяжении всего новейшего периода развития ЭР будет весьма важно для официального Таллина, учитывая право голоса на местных выборах для всех жителей республики, в том числе и неграждан (в указанный хронологический период)⁶⁶⁹.

В соседней *Латвии* избирательными правами на выборах всех уровней наделены исключительно граждане страны, темпы натурализации (особенно учитывая наибольшее количество русскоязычных в Прибалтике) будут гораздо медленнее эстонских. Тем не менее, оценочные суждения русскоязычного населения Латвии во многом совпадают с мнением эстонских русских. Об этом свидетельствуют результаты «Мониторинга социальной памяти Латвии» («Latvijas sociālās atmiņas monitorings»), проведённого в 2010–2013 гг. учёными Латвийского университета Мартинсом Капрансом и Ольгой Прочевской⁶⁷⁰, а также практически аналогичный мониторинг 2017 г. того же Мартинса Капранса и Андриса Саулитиса⁶⁷¹. Исследование показало достаточно низкий общественный интерес к истории Латвии до XX в. – как у латышей, так и у русскоязычных менее половины респондентов не выработали какого-либо отношения к раннему периоду отечественной истории. Интерес латышей возрастает к этапу развития Латвии в составе Российской империи и, особенно, к Латвийской ССР – именно применительно к данным пери-

⁶⁶⁸ Эстония и СССР: освобождение или оккупация? // rus.DELFI.ee. 2004. 6 декабря. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/estoniya-i-sssr-osvobozhdenie-ili-okkupaciya?id=9238293> (дата обращения: 22.11.2020); Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 7–42.

⁶⁶⁹ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seadus (Закон о выборах в собрания местных самоуправлений) // Riigi Teataja I. 1993. № 29. ст. 505.

⁶⁷⁰ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. 55 lpp.

⁶⁷¹ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2 / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. 72 lpp.

одам было высказано наиболее положительное отношение. Не меньший интерес русскоязычные проявляют и к «Поющей революции 1987–1991 гг.», новейшей истории Латвии (с 1991 г.), однако здесь наблюдается доминирование негативных оценок у 60% респондентов, чьим родным языком является русский (см. приложение 6, рис. 6.2)⁶⁷². Это явно указывает на преобладание в местном политическом и информационном поле дискуссий именно о XX в. – как и предусмотрено латвийской политикой памяти. При этом, на наш взгляд, со стороны реализуемой государственной исторической линии удалось «привить» русскоязычным в целом положительное или нейтральное отношение к первой Латвийской Республике 1920-х – 1930-х гг. – лишь 12% латышей дали негативную оценку государству межвоенного периода и правлению Карлиса Улманиса (см. приложение 6, рис. 6.2), 73% регулярно отмечают 18 ноября 1918 – День провозглашения независимости (см. приложение 6, табл. 6.1), что также можно считать показателем лояльности к Латвийской Республике.

Основные же противоречия, как и в соседней Эстонии, вызывают события Второй мировой войны и обстоятельства вхождения Республики в состав Советского Союза. Именно данный период является доминирующим в современном латвийском историческом дискурсе с подачи официальной Риги на протяжении всех 1990-х – 2010-х. Однако, в обществе уже наблюдается усталость от постоянного мушкетирования тем «советской оккупации». Так, 69,2% русскоязычных считают тему событий 1940 г. (инкорпорация Латвийской Республики в состав СССР) не актуальной, среди латышей таковых – 43%⁶⁷³. При этом, события 1940-х продолжают разделять общество. Согласно исследованию, проведённому при поддержке «Фонда Сороса – Латвия» в

⁶⁷² Там же: *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2* / redīgēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. L. 10.

⁶⁷³ *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1* / redīgēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 21.

начале 2019 г. лишь 5% русскоязычных школьников считают, что в 1944 г. СССР оккупировал Латвию (среди латышей таковых 62%). 23% учащихся из числа нелатышей уверены, что российский народ должен взять на себя ответственность за репрессии и депортации (среди представителей титульной нации так думают 72%). Объективными учебники истории считают 26% русскоязычных школьников и 65% латышских учащихся⁶⁷⁴. В опросе принимали участие 400 учеников 12-х классов латышских и русскоязычных школ. Согласно другому исследованию общественного мнения, проведённому в 2013 г.⁶⁷⁵, интерпретация событий XX в. в школьных учебниках истории также не вызывает доверия у русскоязычных учеников.

Вместе с тем, упомянутый выше «Мониторинг социальной памяти Латвии» («*Latvijas sociālās atmiņas monitorings*») 2017 г. продемонстрировал настораживающую для официальной Риги тенденцию – 1/3 русскоязычных хочет возвращения назад времён Советского Союза, и их число по сравнению с 2013 увеличилось⁶⁷⁶. Среди русскоязычных, которые считают себя более информированными, меньше тех, кто думает, что Латвия была оккупирована, а среди латышей – наоборот. Это свидетельствует о том, что у этих людей очевидно разные источники информации⁶⁷⁷. Данные другого исследования – SKDS «Внешнеполитические мифы в Латвии: ЕС и Россия», – заказанного фондом поддержки Малой исторической библиотеки Латвии и проведенного в июне 2012 г., показали, что более половины, или 54,4% латвийцев полага-

⁶⁷⁴ В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ // [rus.DELFI.lv](https://ru.delfi.lv/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266) URL: <https://ru.delfi.lv/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266> (дата обращения 08.09.2019).

⁶⁷⁵ Латвия: как пишут учебники истории // Русская служба BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (дата обращения 08.09.2019).

⁶⁷⁶ *Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2* / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. 72 lpp.

⁶⁷⁷ Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1636769.html> (дата обращения 28.10.2020).

ют, что Латвии было хорошо в составе СССР. В то же время, почти половина, или 46,8%, позитивно оценивают распад Советского Союза⁶⁷⁸. Схожие результаты показал и опрос, проведённый в конце 2012 г. при финансовой поддержке Министерства культуры. Согласно его данным 57% опрошенных считают советские времена хорошими, что на 2,5 процентных пункта больше, чем было в 2010 г. Удельный вес отрицательно относящихся к этому периоду уменьшился на 1,7% – до 26,8%. В свою очередь 19% респондентов, в основном русскоязычных, хотели бы восстановления советского режима в Латвии, а 65% – не хотели бы этого. Большинство респондентов по-прежнему признает, что подписанное 23 августа 1939 года соглашение между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова – Риббентропа) повлияло на превращение Латвии в составную часть СССР. В 2004 с этим утверждением были согласны 56% опрошенных, а в 2012 г. – 63,8%⁶⁷⁹.

Другими словами, латвийское общество расколото по этнонациональному признаку в оценках событий Второй мировой войны и советского прошлого. При этом, по мере углубления противоречий, русскоязычное население всё более дистанцируется от позиций официальной Риги в данном вопросе, поляризация мнений возрастает. Однако, о незыблемости взглядов латышей также нельзя однозначно утверждать. Так, в упомянутом выше «Мониторинге социальной памяти Латвии» за 2012 г. содержится вопрос об отношении жителей Латвии к основным праздничным датам – день памяти латышских легионеров СС поддерживают 55,8% латышей, но удивительно, что среди местных русскоязычных положительное отношение к данному торжеству высказали 31%. При этом 9 мая – День Победы в Великой Отечествен-

⁶⁷⁸ Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1636769.html> (дата обращения 28.10.2020).

⁶⁷⁹ Исследование: латыши стали менее негативно относиться к советскому периоду // rus.DELFI.lv 2013. 15 марта. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latyshti-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554> (дата обращения 23.11.2020).

ной войне отмечают 38,8% латышей и 77,1% русскоязычных⁶⁸⁰. По мнению латвийского исследователя Виктора Макарова *«День Победы стал знаковым <для русскоязычных жителей Латвии>, как и для России, именно в последние годы. Десять лет назад такого количества молодёжи в Риге к памятнику Победы не приходило»*⁶⁸¹. Здесь В. Макаров солидарен с мнением исследователей Института истории Латвии Мартинса Капранса, Ольги Прочевской, Андриса Саулитиса о существовании в Республике как минимум двух параллельных информационных полей – латышскоязычного и русскоязычного, каждое из которых рассчитано исключительно на свою аудиторию. Понимая это, латвийский истеблишмент с 2015 г. начинает активное наступление на русскоязычные СМИ – в 2015 г. «Первый Балтийский Канал» оштрафован за «необъективное освещение военного конфликта на Востоке Украины»⁶⁸², в 2019 приостановлено вещание девяти российских каналов⁶⁸³, возрастает давление на пророссийское информационное поле. Запрет российских каналов говорит об их действенности и влиянии на местное русскоязычное население, а значит не достаточное восприятие латвийской государственной исторической парадигмы со стороны национальных меньшинств.

Настроения национальных меньшинств *Литвы* также удалось выяснить благодаря социологическим исследованиям – в частности, представляет

⁶⁸⁰ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 34

⁶⁸¹ Цит. по: Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 150.

⁶⁸² «Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151023/1307120312.html> (дата обращения: 25.11.2020).

⁶⁸³ Волков К. В Латвии запретили вещание семи телеканалов RT // Российская газета. 2020. 30 июня. URL: <https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html> (дата обращения: 25.11.2020); В Латвии запретили девять российских телеканалов // Sputnik Латвия. URL: <https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20191120/12790199/V-Latvii-zapretili-devyat-rossiyskikh-telekanalov.html> (дата обращения: 25.11.2020); В Латвии решили приостановить вещание девяти российских телеканалов // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191120/1561168063.html> (дата обращения: 25.11.2020).

интерес опрос компании по изучению общественного мнения Baltijos tyrimai (рус. Балтийские исследования), проведённый 27 июня – 12 июля 2016 г. Состав респондентов был исключительно из числа нелитовцев: 46% – поляки, 35% – русские, 8% – белорусы, 6% – украинцы, 2% – евреи и 3% – представители других национальностей. 64,8% участников исследования положительно ответили на вопрос, защищали бы они Литву, если бы на неё напали. В 2014 г. в Литве высказались утвердительно по аналогичному вопросу 57% населения, в 2005 г. – 32%⁶⁸⁴. Другими словами, степень лояльности к официальному Вильнюсу среди национальных меньшинств за 10 лет практически удвоилась. В том же 2016 г., с утверждением, что граждане Литвы стали бы защищать свою страну в случае агрессии больше соглашались русские – 65%, в числе поляков таковых было меньше – 59,9%. *«В вопросе обороны страны русские всегда были активнее, особенно жители младшего возраста, которые отождествляют себя с этим государством»*, – отметил заместитель директора Baltijos tyrimai Ромас Мачюнас⁶⁸⁵.

Однако, при этом, только 42,8% участников опроса согласны с тезисом, что для безопасности Литвы важны членство в ЕС и НАТО. Между тем, утверждение, что часть представителей нацменьшинств нелояльны по отношению к Литве, были оценены следующим образом – меньше трети с этим согласились, 33,4% затруднились с ответом, 31,2% не согласились. Интересные результаты показали и вопросы о международной политике. К примеру, больше половины – 52,8% – участников опроса согласны с утверждением, что российская политика – адекватная реакция на направленные против неё

⁶⁸⁴ Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv 2016. 8 августа. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения 27.11.2020).

⁶⁸⁵ Цит по: Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv 2016. 8 августа. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения 27.11.2020).

действия США и НАТО. Кроме того, присоединение Крыма к РФ законным действием считают 42,8% участников опроса. Больше всего это утверждение поддерживали выпускники русскоязычных школ – 48,3%, среди выпускников польских школ – 39,5%. Наконец, 40,8% участников опроса согласились с мнением, что «развал СССР – это самая большая геополитическая катастрофа». Интересно, что с этим были склонны согласиться воспитанники польских школ (43,4%), учащихся русских школ с таким мнением было немного меньше (41,2%)⁶⁸⁶.

Представленные выше данные свидетельствуют с одной стороны – о высокой степени лояльности представителей национальных меньшинств к Литовскому государству (в особенности молодого поколения, которое выросло уже в независимой Республике), с другой стороны – до половины местного русскоязычного и польского населения не восприняли значительное количество тезисов литовской государственной исторической политики, в частности её антисоветскую и антироссийскую составляющие. Это может быть следствием существования в Литовской республике, как и в соседних Эстонии и Латвии, двух информационных полей – литовскоязычного (для представителей титульного населения) и русскоязычного. Подтверждают наше суждение результаты другого социологического опроса, согласно которому в 2016 г. 90% представителей национальных меньшинств в качестве источника информации использовали российские СМИ⁶⁸⁷. Официальный Вильнюс, не довольный доминированием иностранного информационного поля среди нелитовцев с 2013 г. начал вводить ограничения на вещание «Первого

⁶⁸⁶ Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? // rus.DELFI.lv 2016. 8 августа. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-chto-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения 27.11.2020).

⁶⁸⁷ Tautinės bendrijos, žiniasklaidos priemonės ir pasitikėjimas. Tyrimo ataskaita. Klaipėda: Klaipėdos universiteto Socialinių pokyčių studijų centras, 2016. L. 23.

Балтийского канала» (ПБК), «РТР-Планета», «Russia Today» (RT), местный филиал российского агентства «Спутник» и др.⁶⁸⁸

Кроме того, опросы показывают довольно схожие оценки у польского и русскоязычного меньшинств, представители которых оказались в похожих условиях с одинаковыми задачами по сохранению собственной идентичности, образования на родном языке и политического представительства в независимой Литве. При этом сами литовцы более благосклонно относятся именно к местным русским – об этом свидетельствуют данные социологического исследования 2011 г. Так, русское национальное меньшинство положительно оценивают три из четырёх жителей страны (77%). Отрицательное мнение по поводу русских разделяют 20% респондентов. О поляках положительное мнение сложилось у 57% опрошенных, а отрицательное – у 38%, свидетельствует исследование американской неправительственной организации Pew Research Center⁶⁸⁹. Данные цифры могут говорить, помимо прочего, и о восприятии в массовом сознании литовского большинства местных поляков как потенциальных «сепаратистов», угрожающих единству Литовского государства и Виленского края, как его части.

Применительно же к контексту исторических событий XX в., оценки, данные населением Эстонии, Латвии, Литвы (в том числе и представителей нетитульных национальностей) весьма схожи (см. приложение 7, рис. 7.7.1, 7.7.2, 7.7.3). Значительных различий здесь не наблюдается, ведь основы местной государственной исторической политики и подход к контексту XX в. идентичен.

⁶⁸⁸ Разумовский А. Наполовину пуст: страны Балтии убирают из эфира российские телеканалы // Известия. 2020. 16 июля. URL: <https://iz.ru/1035064/andrei-razumovskii/napolovinu-pust-strany-baltii-ubiraiut-iz-efira-rossiiskie-telekanaly> (дата обращения 29.11.2020).

⁶⁸⁹ Опрос: Литовцы на русское нацменьшинство смотрят более благосклонно, чем на местных поляков // Литовский курьер. 2011. 21 декабря. URL: <https://www.kurier.lt/opros-litovtsy-na-russkoe-natsmenshins/> (дата обращения: 14.11.2020).

Если же обратиться к русскоязычной историографии стран Балтии, то она не многочисленна и развивается, за редким исключением, в русле местного государственного исторического дискурса. Большинство работ посвящено истории становления и развития русскоязычной общины Прибалтики, проблемам местных национальных меньшинств ⁶⁹⁰. Наиболее критично настроенные исследования по интересующей нас тематике изданы в РФ⁶⁹¹. Исключением является разве что работа литовского историка Валерия Иванова⁶⁹², подвергавшегося преследованию официальным Вильнюсом за свои взгляды ⁶⁹³. В целом, в странах Балтии не сформировалось научно-популярной альтернативы государственному историческому дискурсу, в том числе, и по причине незаинтересованности в этом местного истеблишмента, а

⁶⁹⁰ *Астров А.* Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? Таллинн: издательство Авенариус, 2007. 156 с.; *Гущин В.* Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? О правовых и политических последствиях создания института массового безгражданства и ликвидации всеобщего избирательного права, или От дефицита демократии – к рецидивам тоталитаризма. 1988 год – март 2013 года. Рига: 2013, 720 с.; *Матвеев К.* Особенности правовой системы Латвийской Республики и их влияние на статус русскоязычного населения // Международная научно-практическая конференция русскоязычных юристов (23–24 октября 2015 года, Москва). Итоговые материалы М., 2015. С. 41–42); *Розенфельд И.* Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.; Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. 216 с.; *Плинер Я. Г., Бухвалов В. А.* Реформа школ нацменьшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы. Рига: Фонд Татьяны Жданок «Русской школе», Совет по образованию и культуре при ЗаПЧЕЛ, 2008. 140 с.

⁶⁹¹ *Дюков А. Р.* Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.; История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2 / под ред. Л. Воробьевой. М.: Фонд «Историческая память», 2010; Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / под ред. Демурина М. В., Симиндя В. В. М.: Фонд «Историческая память», 2009. 279 с. и др.

⁶⁹² *Иванов В. В.* Гекатомба. Трилогия. Часть 2. Страшная ночь. К вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Сборник документов. Вильнюс, 2006. URL: <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения: 08.12.2019)

⁶⁹³ *Сапожникова Г. М.* Кто кого предал. Как убивали Советский союз и что стало с теми, кто пытался его спасти. М.: ИД Комсомольская правда, 2016. 352 с.

также недопредставленности представителей нетитульного населения в научной сфере (см. параграф 1.1 нашего исследования).

Подводя итог, необходимо отметить, что взгляды русскоязычного населения Прибалтийских республик на местную историю весьма схожи – нейтральное восприятие периода Средневековья, возрастающий интерес к эпохе Нового времени (особенно с этапа вхождения территории Прибалтики в состав Российской империи), доминирование в историческом дискурсе XX в. При этом нетитульные жители стран Балтии, в целом, восприняли позитивные оценки независимых буржуазных республик 1920-х – 1930-х гг. и их политических лидеров (см. приложения 5, 6, 7), но не приняли тезисы о «советской оккупации». Хотя оценочные суждения молодого поколения (младше 30 лет) и отличаются от мнения более возрастных респондентов в сторону более критичного отношения к советскому прошлому, тем не менее, и здесь не произошло перехода к доминированию антисоветских взглядов и поддержки тезисов об «оккупации». Таким образом, ключевые аспекты местной государственной исторической политики всё-таки не нашли сочувствия среди русскоязычного населения Прибалтийских республик. Однако, социологические исследования показывают тенденцию к сближению точек зрения местных национальных меньшинств с историческими воззрениями титульного населения. По нашему мнению, это стало возможным благодаря результативности предпринятых мер идеологами местной политики памяти: зачистка информационного поля от альтернативных суждений, образовательные и коммеморативные практики и др. Вследствие активизации политики памяти в 2000-е – 2010-е гг. мы можем предположить, что в ближайшие десятилетия основные постулаты, продвигаемые государственной исторической политикой стран Балтии, станут доминирующими среди местного русскоязычного населения.

Однако в Эстонии и Латвии, государственная историческая политика не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональных республик и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения. В результате, комплекс правовых, языковых и исторических подходов к проблеме русскоязычных жителей Эстонии и Латвии привёл к росту отчуждённости меньшинств от государства и коренных жителей (см. приложение 8, табл. 5). При этом, в Литве, реализовывавшей менее националистический курс в 1990-х – данного отчуждения не наблюдалось.

3.3. Степень эффективности государственной исторической политики Прибалтийских республик

В предыдущих частях данного исследования мы достаточно подробно рассмотрели основы государственной исторической политики Прибалтийских республик. Далее мы бы хотели сконцентрироваться на анализе её эффективности, оценить которую можно, исходя из степени достижимости основных целей, ставившихся перед политикой памяти.

Мы уже упоминали о том, что государственная историческая политика стран Балтии имеет сложную структуру и разделяется на взаимосвязанные составляющие, которые можно свести к следующим положениям (постулатам): «концепция оккупации стран Балтии», «этноцентризм» и антикоммунизм.

Основные цели государственной исторической политики в большинстве стран очевидны – стремление правящих политических сил утвердить

определённые интерпретации исторических событий как доминирующие⁶⁹⁴. Однако, повторимся, что в случае с Прибалтикой, государственная историческая политика является не только методом борьбы за электорат одной из политических сил, но уже стала неотъемлемой частью государственной идеологии каждой из трёх Балтийских республик. При этом все перечисленные выше составляющие государственной исторической политики решают целый комплекс задач.

Так, «концепция оккупации стран Балтии» (выработанная Борисом Мейснером и Геттингенской рабочей группой) позволяла местному истеблишменту обосновывать состоятельность тезиса непрерывного существования Эстонской, Латвийской, Литовской Республик, провозглашённых в 1918 г. (затем, подвергшихся «советской оккупации с 1940 по 1991 г.») и их политическое и правовое возрождение, восстановление в 1991 г. В частности же, принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, на активы первых Республик за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях, на безоговорочный вывод советских/российских войск со своей территории, а также на возможные территориальные претензии к России (касаются Эстонии и Латвии) и требование компенсаций за «оккупацию». Кроме того, не следует забывать и о национальном вопросе, – о статусе местного русскоязычного населения, которое в Эстонии и Латвии не получило автоматически гражданства в 1991 г. под предлогом прибытия в республики в условиях «советской оккупации» и вынуждено было проходить длительную и сложную процедуру натурализации, оказываясь «выключенным» на определённый период их политической и экономической жизни государств.

⁶⁹⁴ См.: Миллер А. И. Россия: Власть и общество // Pro et Contra. 2009. № 3–4(46) май–август. С. 6–23.

На наш взгляд, большую часть изложенных задач «концепция оккупации стран Балтии» выполнила. Хотя и не стала доминирующим нарративом среди национальных меньшинств. Эстонии, Латвии, Литве удалось добиться признания со стороны большинства стран факта континуитета – т.е. «восстановления» своей государственности и исторической правопреемственности к республикам межвоенного периода⁶⁹⁵. Были приняты законы о реституции – возвращении национализированной советской властью собственности бывшим владельцам⁶⁹⁶. Это привело к перераспределению материальных благ не только в пользу титульного населения, но и эмигрантских кругов (потомков тех, кто покинул страны Балтии в период Второй мировой войны), лоббировавших интересы Прибалтийских республик за рубежом⁶⁹⁷. Кроме того, официальные Таллин, Рига и Вильнюс вернули свои активы, замороженные в

⁶⁹⁵ Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.

⁶⁹⁶ Eesti Vabariigi omandireformi aluste seadus (Закон Эстонской Республики об основах реформы собственности) // Riigi Teataja. 1991. № 21. ст. 257; Lietuvos Respublikos religinių bendrijų teisės į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo tvarkos įstatymas (Закон Литовской Республики о порядке восстановления права религиозных общин на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios. 1995-03-29. № 27-600; Lietuvos Respublikos piliečių nuosavybės teisių į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo įstatymas (Закон Литовской Республики о восстановлении права собственности граждан на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios. 1997-07-09 № 65-1558; Par namīpašumu denacionalizāciju Latvijas Republikā (Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. 21.11.1991. № 46.

⁶⁹⁷ Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 109; Bluzma V., Jundzis T., Sharp G., Strods H. Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. P. 310–311; Beinerte V. Izlaušanās no cietuma. Saruna ar Egilu Levitu // Latvijas Avīze 8. Maijs 2015. URL: <https://www.la.lv/saruna-egils-levits> (дата обращения: 01.05.2020); Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 p.; Deksnis E. B. Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994. Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. 277 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.; Žalimas D. Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas. Iš Kelias į nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991. Sudarė Genzelis B.; Rupšytė A. Kaunas: Šviesa, 2010. 188 p.

1940 г. в иностранных банках, и оперативно интегрировались в международное правовое пространство, демонстрируя антироссийскую риторику. Опираясь тезисом о «советской оккупации» и при поддержке Западных союзников, Прибалтийским республикам удалось добиться сравнительно быстрого и, без каких-либо обязательств для себя, вывода российских войск со своей территории⁶⁹⁸.

Добиться территориальных уступок и компенсаций от Российской Федерации за «советскую оккупацию» ни одной из стран Балтии не удалось. С самого начала была очевидна бесперспективность данных претензий. По нашему мнению, выдвижение этих притязаний являлось популистским по своей сути и было больше нацелено на внутреннего потребителя, стремление отвлечь общественность от экономических и социальных проблем.

Наиболее же значительные последствия «концепция оккупации стран Балтии» имела для местного русскоязычного населения Эстонии и Латвии. Официальные Таллин и Рига, апеллируя к статье 49 Женевской конвенции 1947 г., (которая гласит, что *«Оккупирующая держава не сможет депортировать или перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию»*)⁶⁹⁹, заявили о невозможности автоматического предоставления гражданства прибывшим в республики в период «со-

⁶⁹⁸ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о выводе Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Эстонской Республики и условиях их временного пребывания на ее территории (Москва, 26 июля 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1994. № 10; Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas līgums par Krievijas Federācijas Bruņoto spēku pilnīgas izvešanas no Latvijas Republikas teritorijas nosacījumiem, termiņiem un kārtību un to tiesisko stāvokli izvešanas laikā (Соглашение между Латвийской Республикой и Российской Федерацией об условиях, сроках и порядке полного выведения Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Латвийской Республики и их правового статуса на момент вывоза) от 30 апреля 1994 г. // Latvijas Vēstnesis 10.12.1994. № 144; *Перевозкина М.* Как Россия выводила войска из Латвии // Московский комсомолец. 13 сентября 2019. № 28074.

⁶⁹⁹ Цит. по: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (дата обращения: 22.08.2019).

ветской оккупации» – в большинстве своём русскоязычных, составлявших к 1991 г. до трети населения в Эстонии и до 40% в Латвии (см. приложение 1, табл. 1, табл. 3) и вынужденных проходить сложную процедуру натурализации. По нашему мнению, подобное решение вопроса гражданства было продиктовано нежеланием национальных элит делиться властью и экономическими благами с потенциальными конкурентами – нелатышами и неэстонцами. В условиях предстоящих выборов во все органы власти, правом избирать и быть избранными были наделены лишь правопреемные граждане. Кроме того, отсутствие гражданства налагало ограничения в возможностях трудоустройства и участия в приватизации государственной собственности⁷⁰⁰. Косвенно наши суждения подтверждает и тот факт, что, например, в Латвии натурализация как таковая стала возможна лишь в 1995 г. и только по квотам – «окнам натурализации» (возможность подать документы на гражданство зависела от года рождения и времени проживания в Латвии), искусственно ограничивающим число претендентов на латвийский паспорт⁷⁰¹. Однако, следует отметить, что использование «концепции оккупации стран Балтии» для поражения местных национальных меньшинств в правах привело и к значительным негативным последствиям – складыванию этнического конфликта в Прибалтике, расколовшего общество независимых республик по национальному признаку. Другими словами, сама «концепция оккупации стран Балтии» явилась многозадачной и, в целом, была успешно использова-

⁷⁰⁰ См.: *Богушевич Т.* Политическое участие и представительство национальных меньшинств, и их доступ к государственной службе // *Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: Сборник научных трудов / Клуб исследователей Восточной Европы.* Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Вып. 2. 2004. С. 72–78.

⁷⁰¹ Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības (закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства») // *Latvijas Vēstnesis.* № 63. 25.04.1995. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 02.02.2020).

на странами Балтии для достижения собственных внутри- и внешнеполитических задач.

Если говорить о втором важнейшем компоненте прибалтийской политики памяти – «принципе этноцентризма»⁷⁰², то он выразился в обосновании (с опорой на историческую политику) и принятии этнически ориентированного, дискриминационного по отношению к местному русскоязычному населению, законодательства, о котором уже шла речь выше. Здесь мы лишь отметим, что ущербность правового статуса представителей нетитульного населения стран Балтии выразилась не только в проблеме существования обширной категории неграждан (касательно Эстонии и Латвии) и вытекающих из этого правовых ограничений, но и в языковом вопросе. Принятие новых законов о языке⁷⁰³ в 1990-х привело к наделению статусом единственного официального лишь национального языка, русский же был поэтапно исключён из политической, деловой, образовательной и других сфер жизни общества. По сути, все интеграционные мероприятия в Эстонии, Латвии, Литве свелись к ассимилятивным действиям, направленным на «размывание» местных русскоязычных общин, ослабление их политического, экономиче-

⁷⁰² Напомним, что под «принципом этноцентризма», мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латвийского, литовского народа, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной наций во внутригосударственной жизни Прибалтийских республик, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности.

⁷⁰³ Kodakondsuse taotlejatele esitatavate eesti keele tundmise nouete seadus (Закон о требованиях к знанию эстонского языка ходатайствующими о гражданстве) // Riigi Teataja I. 1993. № 11. ст. 171; Keeleseadus (Закон о языке) // Riigi Teataja I. 1995. № 23. ст. 334. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/28746> (дата обращения: 15.12.2020); русский перевод закона: Закон о языке // Русская Школа Эстонии. URL: http://www.venekool.eu/docs/zakony/zakon_o_jazyke.pdf (дата обращения: 15.12.2020); Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios. 1995.02.18 № 15-344. Valsts valodas likums (Закон о государственном языке) // Latvijas Vēstnesis. № 428/433. 21.12.1999. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740> (дата обращения: 05.02.2020).

ского и интеллектуального веса в обществе. В наибольшей степени это можно проследить на примере Латвии, где в свете наиболее многочисленной прослойки русскоязычных, власти особенно рьяно реализовывали «принцип этноцентризма». Официальная Рига первой среди стран Балтии перешла к ликвидации образования на русском языке⁷⁰⁴, приняла наиболее жёсткие редакции законов о языке и о натурализации. Не смотря на многочисленные попытки, нелатыши не смогли переломить ситуацию и добиться каких-либо изменений в правительственном курсе. Эстонский курс по созданию национально ориентированного государства отличался от латвийского варианта лишь более компромиссными и растянутыми во времени действиями – неграждане получили право голоса на выборах местных органов власти (лишены права голоса в 2025 г.), реформа образования в изучаемый период не подразумевала полной ликвидации русскоязычных школ⁷⁰⁵ (в 2024 г. русскоязычные школы в Эстонии переведены на эстонский язык обучения). Литва же в силу малочисленности национальных меньшинств, реализовала нулевой вариант предоставления гражданства, однако, при помощи языковой и исторической политики, проводит активную литуанизацию местных поляков и русскоязычных⁷⁰⁶.

Местная историография активно участвует в обосновании справедливости построения национально ориентированной государственности в каж-

⁷⁰⁴ *Зверев К. А.* Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 70–77; *Зверев К. А.* Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990–2010-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1(70). С. 80–89.

⁷⁰⁵ *Зверев К. А.* Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 112–115; *Зверев К. А.* Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992–2007) // Клио. 2015. № 8. С. 164–169.

⁷⁰⁶ *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

дой из республик, а также эстонизации⁷⁰⁷, латышизации⁷⁰⁸ и литуанизации⁷⁰⁹ местной истории. Однако, здесь следует отметить, что, не смотря на поддержку данного процесса титульным населением республик, среди русскоязычных данные тезисы (в особенности тезис о «советской оккупации») не находят понимания и сочувствия. При этом, имеет место быть и нарастающая тенденция – с одной стороны постепенное сближение взглядов молодёжи из числа национальных меньшинств с историческими воззрениями титульного населения, с другой – поляризация (в зависимости от национальной принадлежности) оценок событий Второй мировой войны на протяжении 2000-х – 2010-х гг. (см. приложения 5, 6, 7, 8). По нашему мнению, в долгосрочной перспективе это приведёт к преобладанию официальной исторической линии, однако в краткосрочный временной промежуток в случае возникновения какой-либо кризисной ситуации может вылиться в серьёзный

⁷⁰⁷ *Зеттерберг С.* История Эстонской Республики / перевод Д. Брунс. Таллинн: KPD, 2013. 400 с.; *Крийска А., Мясалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т.* История Эстонии / перевод Э. Вярэ. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. 234 с.; *Мялксое, Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод *Крашевского А.* Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.; *Laar M.* Estonia's way / translation by Hanna-Helena Dunning; editing by Robin Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda) 2006. 309 p.; *The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition* / Edited by *M. Lauristin*. Tartu: Tartu University Press, 1997. 309 p. и др.

⁷⁰⁸ См.: *История Латвии: XX век* / под ред. *Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда* (перевод с латвийского *Жанна Эзита*). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; *История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие* / под ред. *Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиетиня*; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Кениньш И.* История Латвии: учебник для 8–9-х классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.; *Deksnis, E. B.* Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994 / *Eduards Bruno Deksnis, Tālav Jundzis* Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. 277 p.; *Latvija 1918–2018: valstiskuma gadsimts / sastādījuši: Ivars Ījabs, Jans Kusbers, Ilgvars Misāns, Ervīns Oberlenders*; redaktori: *Ivars Ījabs, Ilgvars Misāns*. Rīga: Mansards, 2018. 366 lpp. и др.

⁷⁰⁹ См.: *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M.* The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 318 p.; *Kiaupa Z.* The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 450 p.; *Zinkevičius Z.* Rytų Lietuva praeityje ir dabar. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 318 p. и др.

межнациональный раскол и эскалацию напряжённости (как это произошло в 2007 г. в Эстонии в результате кризиса вокруг «Бронзового солдата»).

Третья составляющая государственной исторической политики стран Балтии – принцип антикоммунизма (под которым мы понимаем набор практик, направленных на развенчание «преступлений коммунизма» против народов Эстонии, Латвии, Литвы) заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг. и, по нашему мнению, применялся с целью дополнительной популяризации тезиса о «советской оккупации» в русле антикоммунистических настроений во всей Восточной Европе. На наш взгляд данный принцип был ориентирован как на внешнего, так и на внутреннего потребителя – из-за конъюнктурных соображений, а также с целью дискредитации в общественном сознании всего советского периода истории и нивелирования роли СССР в поступательном социально-экономическом развитии стран Балтии. Кроме того, антикоммунистическая составляющая государственной исторической политики является объективно выгодной для правых партий, позволяет реализовывать националистический и либеральный внутриполитический курс, не допуская усиления левой оппозиции. По результатам электоральной активности граждан можно заметить, что в политической жизни всех трёх Прибалтийских республик доминируют силы националистического, либо либерального толка, при этом левые партии недопредставлены в местных парламентах и слабы (см. приложения 2.6, 2.7, 3.6, 3.7, 4.6, 4.7). При этом, в местном историческом дискурсе сохраняются «неудобные» вопросы, не вписывающиеся в антикоммунистический настрой прибалтийской политики памяти – например, вопрос отношения к красным латышским стрелкам (памятник и одноимённая площадь в центре Риги сохраняются, несмотря на закрытие музея Латышских красных стрелков); вопрос приращения территории Литвы благодаря СССР за счёт Виленской области, Клайпеды; вопрос об участии местных коллаборационистов в Холокосте и др.

Однако, всё-таки государственная историческая политика ориентирована именно на утверждение определённых исторических воззрений в обществе как доминирующих, а значит оценить её (исторической политики) эффективность можно лишь выявлением уровня популярности среди населения продвигаемых политикой памяти исторических воззрений. При этом, обращает на себя внимание тот факт, что в ходе работы над данным исследованием, нам не удалось найти официальные изыскания по изучению и анализу общественного мнения по исторической тематике, предпринятых эстонским, литовским институтами национальной памяти, местными правительственными организациями. В соседней же Латвии данные социологические исследования проводились Институтом истории Латвии⁷¹⁰.

Однако, тем не менее, нам удалось выявить различные опросы и социологические исследования, проводившиеся в 2000–2010-х гг. неправительственными организациями в Эстонии, Латвии, Литве по сходной тематике, которые суммарно достаточно репрезентативны для выработки выводов по общественным настроениям в отношении местной государственной исторической политики (см. приложения 5, 6, 7). Во всех упомянутых выше исследованиях можно выявить следующие закономерности:

- во всех трёх странах Балтии и титульному и русскоязычному населению удалось привить достаточно благосклонное отношение к республикам межвоенного периода и тем самым санкционировать в общественном сознании закономерность, правомерность и состоятельность принципа правопреемства, «восстановления собственной государственности»;

- положительное восприятие новейшего периода (с 1991 г.) независимого развития Прибалтийских республик;

⁷¹⁰ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. 55 lpp.; Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2 / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. 72 lpp.

– поддержка со стороны титульного населения тезисов о «советской оккупации» и «незаконности» инкорпорации стран Балтии в состав СССР, а также антисоветской / антироссийской риторики (в том числе и в историческом контексте);

– схожие оценки исторического контекста коренного и русскоязычного населения при активном неприятии последними тезисов о «советской оккупации» и «незаконности» инкорпорации стран Балтии в состав СССР, а также антисоветской / антироссийской риторики;

– наличие как минимум двух диаметрально противоположных информационных полей⁷¹¹ у титульного населения и национальных меньшинств, порождающего в том числе различные толкования исторических событий XX в.;

– постепенное сближение трактовок исторических событий со стороны молодёжи (младше 30 лет) из числа русскоязычных, получившей образование уже в независимых Эстонии, Латвии, Литве с взглядами титульного населения;

– исторические дискуссии в отношении событий XX в. не объединяют общество, но служат дополнительным фактором разобщения по национальному и языковому принципам, провоцируя этнический конфликт в Прибалтийских республиках.

При всех изложенных выше закономерностях государственной исторической политики стран Прибалтики существуют и различия. Так, социологические исследования 2009 г.⁷¹² выявили значительно больший интерес к ис-

⁷¹¹ С 2022 г. в Эстонии, Латвии, Литве введён запрет на трансляцию российских телевизионных каналов, блокируется значительная часть российских информационных ресурсов в сети Интернет, с 2024 г. приостановлено вещание ряда российских радиостанций.

⁷¹² Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL:

тории и осведомлённость о прошлом своей страны в Эстонии – как среди титульного населения, так и среди русскоязычных (приложение 7, рис. 7.1, рис. 7.2). По нашему мнению, это указывает на значительную вовлечённость эстонского общества в местный исторический дискурс, его большее значение для официального Таллина, и, как следствие, более эффективный подход к вопросам политики памяти. В соседних же Латвии и Литве наблюдается меньший интерес к историческому контексту, а в некоторой мере можно утверждать и об усталости от муссирования событий XX в. – 69,2% русскоязычных латвийцев считают тему событий 1940 г. (инкорпорация Лат. Р в состав СССР) не актуальной, среди латышей таковых – 43%⁷¹³. При этом, латвийские власти, в отличие от Таллина и Вильнюса, не создали собственного института национальной памяти; на данный момент (2025 г.) лишь ведутся дискуссии о возможности его оформления. Данное обстоятельство повлияло на самую латвийскую государственную историческую политику, которая, по нашему мнению, отличается меньшей системностью и результативностью по сравнению с аналогичными мерами эстонских и литовских коллег.

В свете всего вышесказанного можно резюмировать, что государственная историческая политика стран Балтии оказалась весьма эффективной с точки зрения поставленных целей – ей удалось обосновать принцип правового континуитета Прибалтийских республик на внутреннем и внешнеполитическом пространстве, представить национальную историю как непрерывную борьбу за свободу против иностранных завоевателей (обеспечив тем самым рост патриотических настроений в обществе). Однако, ни в одной из республик история не стала объединяющим фактором, способным сгладить межнациональные противоречия. Наоборот, продвижение «концепции оккупации

http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 5.

⁷¹³ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 21.

стран Балтии», антисоветской / антироссийской риторики в историческом дискурсе лишь углубило этический конфликт в Прибалтике между титульным населением и русскоязычными (а также между поляками и литовцами) – это наглядно продемонстрировали события «Бронзовых ночей» 2007 г. в Таллине. Местное русскоязычное население не восприняло тезис о «советской оккупации» и даже наоборот, – неофициальные празднования и возложения цветов к монументам, посвящённым событиям Великой Отечественной войны стали в разы более массовыми по сравнению с 1990-ми гг. в Таллине, Риге, Вильнюсе⁷¹⁴, межнациональное дистанцирование в вопросах истории XX в. увеличилось. Однако, нельзя не упомянуть о наметившемся в 2010-х сближении исторических оценок русскоязычной молодёжи из всех трёх Республик с воззрениями титульного населения (читай основными постулатами государственной исторической политики). По-нашему мнение данная тенденция продолжится и в среднесрочной перспективе – в Эстонии, Латвии, Литве продвигаемые местной государственной исторической политикой тезисы приобретут доминирующий характер и в среде национальных меньшинств.

Кроме того, как ни печально это констатировать, показателем эффективности предлагаемых в странах Балтии концептуальных позиций местной политики памяти (тезисы о «советской оккупации», «преступлениях коммунизма») может служить их восприятие, востребованность историками и истеблишментом Грузии, Украины, Молдовы и других стран ближнего зарубежья в новейший период.

⁷¹⁴ Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 148–157; Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 6–15, 34 и др.

3.4. Восточноевропейский опыт развития исторической политики и его влияние на Прибалтику

Страны Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрии и др.), оказались, во многом, в схожих с Прибалтийскими республиками обстоятельствах – построение самостоятельной государственности после Первой мировой войны, утрата суверенитета в период Второй мировой войны, советизация, выход из социалистического блока, необходимость рыночных преобразований, евроатлантическая интеграция, реституция собственности и вытекающий из данных обстоятельств вопрос – о выработке адекватных оценок событий XX столетия, в особенности второй его половины. Схожесть общественно-политических и социально-экономических реалий стран Балтии и Восточноевропейских государств, а также более раннее начало преобразований в последних, обусловили интерес к их концептуальным наработкам в вопросах исторической памяти со стороны Эстонии, Латвии, Литвы. Можно смело констатировать, что историческая политика стран Балтии формировалась в тесном взаимодействии с аналогичными дискурсами Восточноевропейских стран, которые мы бы хотели рассмотреть подробнее в данном параграфе. Выбор обозначенных государств объясняется схожестью путей их исторического развития, а также внутри и внешнеполитических задач в обозначенный период с Прибалтийскими республиками (в отличие от других стран, например Балканского региона, имеющих значительную специфику).

В целом, говоря о восточноевропейской политике памяти можно выделить следующие её основополагающие темы, которые встречаются практически во всех государствах региона:

- события Второй мировой войны (в том числе и территориальные изменения);
- отношение к советскому прошлому или декоммунизация;

- идеализация республик межвоенного периода;
- поиск национальной идентичности посредством обращения к национальной истории.

Наибольшее количество сходных черт наблюдается в историческом дискурсе стран Балтии и Польши – здесь сказывается как территориальная близость, так и в значительной степени общая канва исторических событий, в особенности касательно XX столетия. Венгерский и, особенно, чешский исторические дискурсы более специфичны, однако и в них прослеживаются предложенные основополагающие темы. Кроме того, во всех названных государствах, за исключением опять же Чехии, с 2000-х гг. у власти находятся консервативные, ярко выраженные националистические силы.

Если обратиться к оценке событий Второй мировой войны, ставшей переломной для стран Восточной Европы, то здесь практически во всех государствах, как и в Прибалтике, избрана роль жертв тоталитарных режимов – в начальный период войны обозначенные государства пали жертвами нацистского режима, в завершающий – коммунистического⁷¹⁵. Польша и Литва в данном контексте в известной степени стоят особняком, так как вышли из большой европейской войны благодаря Советскому Союзу со значительными территориальными приращениями. Однако, как в современной Польше, так и в Литве изменение границ вовсе не интерпретируется как заслуга СССР⁷¹⁶, а декларируется как закономерный факт возвращения исконных земель. Так, в Польше в послевоенный период даже был выработан особый термин «возвращённые земли» (*Ziemie Odzyskane*), подчёркивающий славянское, поль-

⁷¹⁵ *Prazmowska A. J. A History of Poland*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 242 p.; *Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries* / Edited by Gediminas Vitkus. Vinius: Eugrimas, 2014. 304 p.; *Winstone M. The Dark Heart of Hitler's Europe. Nazi rule in Poland under the General Government*. London, N. Y.: I. B. Tauris, 2015. 306 p.

⁷¹⁶ Напомним, что именно Советский Союз выступил главным инициатором передачи Виленской области и Мемельского края Литве, а также проведению немецко-польской границы по линии Одер-Нейсе.

ское историческое прошлое вновь присоединённых регионов, подвергавшихся на протяжении веков насильственной германизации⁷¹⁷. Аналогично действовала и Литва, десятилетиями обосновывая исконно литовский характер Виленщины⁷¹⁸.

Если литовские исследователи однозначно оценивают место Литвы в событиях Второй мировой войны среди проигравшей стороны (по причине утраты независимости)⁷¹⁹, то в польской историографии на этот счёт единого мнения не сложилось. С начала 1990-х гг., среди исследователей ведутся дискуссии – была ли Польша в мае 1945 г. в числе победителей, или же окончание войны принесло ей политическое поражение, так как не дало суверенитета и свободы (от СССР)⁷²⁰. По этим же причинам официальные Варшава и Вильнюс с 1990-х гг. не говорят о наступательных действиях Красной Армии в 1944–1945 гг. как об освобождении своих территорий. В целом, в обоих государствах события военного времени занимают значительное место в местной политике памяти, при этом такие сложные вопросы как проблема коллаборационизма, военных преступлений местных националистических сил не находят должного освещения ни в литературе, ни в общественном дискурсе (как, впрочем, и у соседей).

⁷¹⁷ Карбовский А. С. (2007) Щецин (Штеттин) и «возвращенные земли» Польши в политике СССР в 1945–1956 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / Карбовский Андрей Станиславович. М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 2007. 250 с.

⁷¹⁸ Ашарчук В. А. Виленская проблема в историографии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2010. № 4. С. 54–61; Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

⁷¹⁹ Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 318 p.; Kiaupa Zigmantas The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.

⁷²⁰ Дурачинский Э. О польской историографии новейшей истории // История и историки. 2004. Историографический вестник С. 264–310; Никжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32.

Взгляды венгерских исследователей на роль жертвы своей страны во Второй мировой войне весьма своеобразны, учитывая, что Венгрия являлась союзником Третьего рейха. Тем не менее, союз Миклоша Хорти с Гитлером оправдывается доминированием реваншистских настроений в стране из-за несправедливости Трианонских соглашений 1920 г., обозначивших проигрыш Венгрии в Первой мировой войне и потерю Будапештом более половины подконтрольных земель, населения и национальных богатств⁷²¹. В эстонской, латвийской, чешской, словацкой историографии также избрана роль жертв войны, которая привела их к потере собственной независимости и 50-летней «советской оккупации»⁷²².

Отдельного упоминания заслуживает отношение к памятным датам, связанным с событиями Второй мировой войны в Европе. В подавляющем большинстве западных государств датой окончания боевых действий с Германией считается не 9, а 8 мая, которую из соображений политкорректности обозначают, как «День Европы», или «День мира и единства в Европе». В рассматриваемых в данной статье государствах, ещё с обретением независимости в начале 1990-х празднование «Дня Победы» 9 мая было отменено, либо перенесено на 8 мая под новым названием – «День Европы». Так произошло в Эстонии, Латвии, Литве, где торжества 9 мая стали носить неофициальный характер и отмечаться лишь местным русскоязычным населением. В Венгрии какие-либо торжества, как правило отсутствуют. В современной Польше превалирующее значение имеет память о Варшавском восстании

⁷²¹ Медушевский Н. А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 4А. С. 5–18.

⁷²² Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215; Медушевский Н. А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9, № 4А. С. 19–33.

1944 г., 8–9 мая официально не празднуется⁷²³. Монумен­ты советским воинам, павшим во Второй мировой войне, имеются во всех рассматриваемых государствах, однако, с 1990-х повсеместно они периодически подвергаются осквернению, демонтажу под прикрытием «декоммунизации». Наиболее показательный инцидент произошёл в столице Эстонии, в апреле 2007 г., когда официальные власти Республики приняли решение о демонтаже памятника «Освободителям Таллина», что привело к протесту местного русскоязычного населения и массовым беспорядкам (событиям «Бронзовой ночи»), осложнившим межнациональные взаимоотношения в стране⁷²⁴.

Касательно отношения к советскому прошлому во всех названных государствах доминируют негативные оценки, однако, столь развёрнутой концепции «советской оккупации», как в странах Балтии, ни в Польше, ни в Венгрии, Чехии, Словакии не сформировалось. Во многом это можно объяснить тем, что в отличие от Прибалтийских республик, инкорпорированных в состав СССР, Вишеградская четвёрка смогла сохранить национальную независимость, пусть и в виде просоциалистической народной демократии. Наибольшая дискуссионность по данному вопросу прослеживается в Польше. Так, крайне правые круги интерпретируют период существования Польской Народной Республики (ПНР) как «особую советскую оккупацию», умеренные круги апеллируют термином «ограниченный суверенитет», меньшинство же заявляет о невозможности использования термина «оккупация»⁷²⁵. В Венгрии и Чехии, испытавших военное вмешательство советских войск в

⁷²³ Лыкошина Л. С. «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 170–179.

⁷²⁴ Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁷²⁵ Дурачинский Э. О польской историографии новейшей истории // История и историки. Историографический вестник. 2004. С. 264–310; Czubiński A. Historia Polski XX wieku Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 501 s.; Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski 1939–1989 Lublin: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 461 s.

1956 и 196 гг. соответственно, доминируют более однозначные трактовки. Так, в Венгерской конституции 2011 г., в преамбуле закреплена оценка коммунистического режима как тирании, а *«восстановление государственного самоопределения нашей Родины, утраченного девятнадцатого марта 1944 года, мы отсчитываем от второго мая 1990 года – дня создания первого свободно избранного народного представительства»*⁷²⁶. Т.е. современное венгерское руководство дистанцировалось как от диктатуры Ференца Салаши, так и от Венгерской Народной Республики (ВНР), а также от ответственности за правонарушения, совершённые в этот период. Кроме того, Венгрия одна из немногих европейских стран, которая наряду с Литвой не только ввела уголовное наказание за публичное отрицание преступлений нацизма и коммунизма, но и применяла данные статьи на практике⁷²⁷. Что касается Чехии, то период нахождения у власти чехословацкой коммунистической партии с февраля 1948 по ноябрь 1989 г. также считается периодом непрерывного тоталитарного правления, которое было историческим отклонением от естественного пути чешской и европейской истории⁷²⁸.

Как уже было отмечено выше, и в Прибалтийских республиках, и в странах Вишеградской четвёрки доминирующими стали негативные оценки коммунистического периода и возобладало стремление к отмежеванию от своего социалистического прошлого в виде повсеместной поддержки принципа континуитета – правовой и исторической правопреемственности к рес-

⁷²⁶ Цит. по: Полный текст конституции Венгрии (англ. яз.) // Сайт правительства Венгрии. URL: <http://www.kormany.hu/download/a/1c/11000/The-New-Fundamental-Law-of-Hungary.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

⁷²⁷ Медушевский Н. А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 5–18; Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.

⁷²⁸ Медушевский Н. А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9, № 4А. С. 19–33.

публикам межвоенного периода. Соответствующие положения, помимо специальных законодательных актов и деклараций, имеются в преамбулах всех конституций обозначенных государств. Помимо внешнеполитических выгод – восстановление членства в международных организациях, «разморозка» государственных активов за рубежом, это сулило возможность реституции частной собственности, национализированной в 1940-х. В любом случае республики 1920-х – 1930-х гг. должны были стать «достойным примером для подражания» – поэтому повсеместно в историческом дискурсе государств Восточной Европы, как научном, так и общественном, доминирующими стали идеализированные оценки национальных государств межвоенного периода. При этом не находят должного освещения проблемы соблюдения прав национальных меньшинств, проблемы экономического развития, а также тот факт, что все обозначенные государства (кроме Чехословакии) к началу 1930-х гг. переродились в авторитарные националистические режимы, симпатизировавшие Гитлеру.

Однако, при всех обозначенных фактах и концентрировании восточноевропейской политики памяти на событиях XX столетия, не меньшую роль в последние десятилетия приобретает и апеллирование к более ранним историческим периодам – как непрерывной борьбе за обретение, либо удержание национальной независимости. Так, в эстонской, латвийской, литовской историографии борьба древних эстов, ливов, балтов с немецкими рыцарями-крестоносцами стала интерпретироваться как «древняя освободительная борьба» по аналогии с освободительной войной 1918–1920 гг. (в прибалтийской историографии так именуется гражданская война за независимость на территории Эстонии, Латвии, Литвы)⁷²⁹. Практически

⁷²⁹ История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзита). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Кениньш И.* История Латвии: учебник для 8–9-х

идентично выглядит и венгерская историческая концепция, которая стремится сплотить молодёжь вокруг позитивного взгляда на венгерскую историю, которую необходимо представить не как историю поражений XX в., а как историю громких национальных и региональных побед длительной исторической ретроспективы. Так, местные историки создали своеобразную концепцию «трёх сопротивлений», согласно которой венгерский народ боролся за национальную свободу – от угнетателей-Габсбургов, от нацистов во Второй мировой войне, от коммунистов⁷³⁰. Аналогичным образом трактуют прошлое и в соседних Чехии и Словакии.

В польском историческом дискурсе древняя история государства также находит значительное отражение. Так, польский историк, президент Института национальной памяти Польши в 2005–2010 гг. Януш Куртыка заявлял, что в лице древней Речи Посполитой западная цивилизация на востоке Европы достигала Березины и Днепра⁷³¹. Другими словами, как и в случае с Великим княжеством Литовским, польские исследователи позиционируют Речь Посполитую как составную часть западной цивилизации и культуры в противовес азиатской Московии. Кроме того, польские историки консервативного направления отмечают также необходимость повествования о таких позитивных моментах в польской истории, как национальная и религиозная терпимость в XVI в., напоминать о том, что Польша была оплотом христианства в XVI и XVII вв., защитницей

классов. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.; Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вярэ. Таллинн: Avita, 2020. С. 55; Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / Edited by Gediminas Vitkus. Vinius: Eugrimas, 2014. 304 p. и др.

⁷³⁰ Медушевский Н. А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 4А. С. 5–18.

⁷³¹ Булахтин М. А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 4. С. 449–458.

Европы перед лицом экспансии Турции. *«Поляки должны гордиться тем, что в 1611 г. русский царь Василий Шуйский принес присягу на верность Речи Посполитой»*⁷³². Важным событием в польском календаре памятных дат стал юбилей по случаю заключения Люблинской унии, в результате которой в 1569 г. Польское королевство и Великое княжество Литовское (ВКЛ) объединились в федеративное государство Речь Посполитая. 2019 год был объявлен в Польше годом Люблинской унии. В письме участникам памятных мероприятий президент А. Дуда отметил, что Речь Посполитая была настоящим феноменом в Европе. *«Государство было основано на принципах свободы, парламентаризма и демократии. Для своих жителей, среди которых кроме поляков и литовцев были также представители многих других народов, религий и культур, Речь Посполитая была воплощением терпимости и принципов доброжелательного сосуществования, а для Европы, раздираемой конфликтами и религиозными войнами, созданное на сейме в Люблине государство показало возможность мирного сосуществования разных культур и политических традиций. <...> Этот союз, просуществовавший более 200 лет, стал вдохновением для всей Европы, чтобы интегрировать и выстраивать всё более тесное сотрудничество между государствами как самый лучший ответ на внешние и внутренние угрозы»*⁷³³.

Помимо всего вышеобозначенного, в станах Вишеградской четвёрки произошло институциональное оформление государственной исторической политики в виде создания институтов национальной памяти. Наиболее интересен здесь опыт Польши, которая первой пошла по данному пути. Здесь ещё

⁷³² Цит. по: Gross Jan Tomasz. *Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów*. Kraków: Znak, 2011. 203 s.

⁷³³ Цит. по: Булахтин М. А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 4. С. 449–458.

в 1991 г. была организована «Главная комиссия по расследованию преступлений против польской нации» (созданная на базе комиссии по расследованию преступлений нацистской Германии на территории Польши)⁷³⁴. Много позднее, законом от 18 декабря 1998 г., данная комиссия преобразована в «Институт национальной памяти – Комиссия по судебному преследованию преступлений против польского народа» (Instytut Pamięci Narodowej – Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu). Основными задачами Института является *«сбор и обработка документов органов государственной безопасности, составленных с 22 июля 1944 года по 31 июля 1990 года, проведение расследований преступлений нацистов и коммунистов, в том числе преступлений против лиц польской национальности или польских граждан других национальностей, совершённых в период с 8 ноября 1917 года по 31 июля 1990 года. Среди других важных задач института – проведение исследований и деятельность в области народного образования. Уставной задачей Института национальной памяти является также поиск мест упокоения людей, погибших в борьбе за независимость и объединение Польского государства, погибших в борьбе с тоталитарной системой или в результате тоталитарных репрессий и этнических чисток в период с 8 ноября 1917 г. по 31 июля 1990 г.»*.⁷³⁵ Во всех крупных городах Польши создано 18 филиалов Института, которым были переданы материалы местных специальных служб, а также архивы компартии Польши. Как понятно из заявленных задач, в центре внимания данной организации стоит именно

⁷³⁴ Tismaneanu V., Lacob B. Remembrance, History, and Justice: Coming to Terms with Traumatic Pasts in Democratic Societies. Budapest: Central European University Press. 2015. P. 243.

⁷³⁵ Цит. по: Польский Институт национальной памяти (Польша): сайт. URL: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html> (дата обращения: 31.07.2021).

советский период, так как он и занимает «львиную долю» представленных временных рамок.

В Венгрии функции института национальной памяти с начала 2000-х гг. выполняет Общественный фонд исследований истории и общества в Центральной и Восточной Европе (венг. Közép- és Kelet-európai Történelem és Társadalom Kutatásáért Közalapítvány, сокращённо KKETTK Közalapítvány), под патронажем которого находятся музей «Дом террора», Институт XX в., Институт XXI в., Габсбургский исторический институт, Институт коммунистических исследований и др.⁷³⁶

Чешский Институт исследования тоталитарных режимов (чешск. Ústav pro studium totalitních režimů, сокращённо ÚSTR)⁷³⁷ и словацкий Институт национальной памяти (слов. Ústav pamäti národa)⁷³⁸ – государственные учреждения, возникшие в начале и середине 2000-х гг. на базе различных исторических парламентских комиссий, аккумулирующие в себе документы гос. учреждений и спецслужб ЧССР.

Все вышеозначенные организации объединяет полное уравнивание коммунизма и его преступлений с фашизмом, при этом приоритетным направлением является именно изучение коммунистического периода правления в Восточной Европе и его «преступлений». Кроме того, данные организации аффилированы с местным политическим истеблишментом, защищены специальными законами и имеют часто исключительное право на хранение, доступ и публикацию документов местных спецслужб и органов государственной власти социалистического периода.

⁷³⁶ Общественный фонд исследований истории и общества в Центральной и Восточной Европе (Венгрия): сайт. URL: <https://tortenelem.info.hu/> (дата обращения: 3.11.2021).

⁷³⁷ Чешский Институт исследования тоталитарных режимов (Чехия): сайт. URL: <https://www.ustrcr.cz/> (дата обращения: 3.11.2021).

⁷³⁸ Институт национальной памяти (Словакия): сайт. URL: <https://www.upn.gov.sk/> (дата обращения: 3.11.2021).

Таким образом, в лице местных институтов национальной памяти как в странах Балтии, так и Вишеградской четвёрки прослеживаются общеевропейский мейнстрим политики памяти в виде декоммунизации.

Подводя итог сравнению государственной исторической политики Польши, Чехии, Словакии, Венгрии можно констатировать, что в целом они развиваются в рамках схожих закономерностей, солидаризируясь общими трендами. Раньше своих соседей с исторической повесткой, на наш взгляд, смогла определиться Польша, став таким образом «законодательницей мейнстримов» восточноевропейской политики памяти. Кроме того, именно Варшава, вследствие своего геополитического положения и претензий на лидерство в Восточной Европе, стала своеобразным мостом по продвижению центральноевропейских трендов исторической политики в Прибалтийский регион и наоборот. Так как повсеместно в изучаемых странах возобладала идея построения мононациональных государств (даже среди тех, где исторически присутствовали значительные национальные меньшинства), явно националистический уклон, этноцентризм прослеживается в местном историческом дискурсе – как в странах Балтии, так и Вишеградской четвёрки. Стремление к реституционализму – «восстановлению» довоенной государственности обусловило идеализацию республик 1920-х – 1930-х гг. в купе с игнорированием и даже отрицанием каких-либо положительных составляющих социалистического периода развития 1940-х – 1980-х гг., который совпал с общеевропейским запросом на декоммунизацию, став таким образом особенно характерным для восточноевропейской исторической повестки. Прибалтийские республики здесь даже смогли выработать и многократно эксплуатировать во внутри и внешнеполитических целях «концепцию оккупации стран Балтии». Таким образом, не смотря на общие закономерности развития, каждая из обозначенных стран сумела выработать собственные характерные черты по-

литики памяти и достаточно внятный государственный исторический курс.

Если обратиться к западноевропейской политике памяти в последние десятилетия XX в., то она строилась на основе общеевропейских коммеморативных практик, воспринимающих прошлое как объединяющий, а не разделяющий фактор. Историческое прошлое стало интерпретироваться как развитие общих европейских ценностей, научно-технических, культурных достижений, обеспечивших лидирующее положение Западного мира. В общественном пространстве активно культивировались наднациональные, надгосударственные, общеевропейские нарративы, призванные укрепить единство ЕС и на уровне исторической памяти. Конфликтный характер европейского прошлого, в особенности мировые войны XX столетия, отодвигался на второй план. При этом, основополагающим элементом европейской политики памяти стал Холокост⁷³⁹, который начал интерпретироваться не как исключительная вина немецкого народа (пронацистской его части, которая и допустила рост антисемитизма с самыми трагичными последствиями), но как коллективная вина и ответственность всех народов Европы за него. Коллективная ответственность всех европейцев опиралась на понимание того, что в Холокост были вовлечены не только нацистская Германия и её союзники, но также местное население и политические группы на всех оккупированных территориях. Холокост оказался нитью, связывающей общеевропейский исторический нарратив в XX столетии. Закрепление за Холокостом центральной роли в европейской политике памяти совпало с расширением Европейского союза на восток, с постепенным вступлением в ЕС многих бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Коммеморация Холокоста

⁷³⁹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 279–280.

явилась одним из требований к новым странам, признаком принадлежности к «европейской семье».

Данный наднациональный характер западноевропейской политики памяти не вполне согласовывался с линией прибалтийских республик, направленной наоборот, на утверждение национальных государств, на культивирование идей собственного своеобразия и уникальности, в противовес интернационализму (советскому) и его проявлениям. Напомним, что одной из основных целей создания собственных государств, прописанных в конституциях Эстонии, Латвии, Литвы, было сохранение национальной культуры, языка, традиций на века⁷⁴⁰. Данное противоречие, акторы прибалтийской политики памяти попытались нивелировать отсылкой к идеализации западного влияния (в особенности немецкого, шведского) и акцентированием собственной европейскости, принадлежности к европейской семье. Так, в Эстонии и Латвии появился тезис о «золотых» шведских временах⁷⁴¹, а в Литве присутствует идеализация Речи Посполитой как равноправного союза наций сродни современному Европейскому Союзу, государству, принявшему первую в Европе конституцию. Средневековое Литовское государство воспринимается как оплот европейской культуры и системы ценностей в противовес «азиатской Московии»⁷⁴². Более того, Прибалтийская политика памяти имела множество точек соприкосновения с восточноевропейскими аналогами. Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Украина и др. оказались в 1990-х – 2000-х гг. в схожих исторических и политических условиях, испытывая необходимость размежевания с социалистическим прошлым, стремление к евроатлантической инте-

⁷⁴⁰ Зверев К. А. Строительство национальной государственности стран Балтии: проблема континуитета и последствия реализации. *Всеобщая история*. 2022. № 4. С. 3–15.

⁷⁴¹ Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства. *Проблемы национальной стратегии*. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁷⁴² Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. *The history of Lithuania*. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; Kiaupa Z. *The history of Lithuania*. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 P. 71–94.

грации с одновременной задачей по укреплению национальной государственности. Данное обстоятельство позволяло действовать согласовано и в вопросах исторической памяти в том числе.

Восточноевропейское восприятие Холокоста также в значительной степени диссонировало с западным вариантом. Более того, коммеморация Холокоста и повышенное внимание «старой» Европы к данной трагедии явилось неустранимое противоречие в прибалтийской (а также отчасти польской, венгерской, румынской, украинской, молдавской) политике памяти. Данное противоречие связано с тем, что с обретением независимости в Прибалтике, как отмечалось выше, произошла кардинальная переоценка событий Второй мировой войны – антисоветское сопротивление стало восприниматься не как коллаборационисты, а как национальные герои, боровшиеся с «советскими оккупантами» в немецких мундирах. Участие данных «национальных героев» в Холокосте и других преступлениях нацизма на официальном уровне замалчивалось, либо и вовсе отрицалось⁷⁴³. Однако, и из данной затруднительной ситуации прибалтийские идеологи политики памяти попытались найти выход в виде культивирования образа жертвы двух тоталитарных режимов – советского и нацистского, исключавшую ответственность собственной нации за преступления данных режимов. Аналогичную концепцию в 2000-е гг. активно продвигали и другие страны Центральной и Восточной Европы, в том числе Венгрия, Украина.

Это привело к поверхностному восприятию Холокоста в Прибалтике, факт которого не является центральным в местной культуре памяти. Холокост не афишируется в местных музейных экспозициях, посвящённых событиям периода Второй мировой войны и немецкой оккупации, где на первый план

⁷⁴³ Зверев К. А. Прибалтийская политика памяти и Холокост. История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, Вып. 28/29, 2024. С. 118–124.

выводятся информация и данные о советских репрессиях – расстрелах, бомбардировках, национализации имущества. В экспозиции музея «Красного террора» в «Батарейной тюрьме» Таллина представлена исчерпывающая информация об использовании тюрьмы органами НКВД, но практически нет информации о массовых расстрелах еврейского населения в период немецкой оккупации. Так же, как и экспозиция Музея оккупации Латвии в Риге лишь вскользь упоминает о Холокосте, отводя первостепенное внимание советской репрессивной политике и замалчивая участие местных коллаборационистов в преступлениях военного времени и т.д. За редким исключением, практически не обновляются мемориальные комплексы на месте нацистских концлагерей, возведённые в период существования СССР. С 1990-х гг. при активном участии местных еврейских общин было воздвигнуто лишь несколько памятных знаков, отсылающих к Холокосту. Вместе с тем, с 2000-х гг. в странах Балтии имеет место робкая интеграция сюжета о Холокосте в местную историческую повестку, часто заключающуюся в перекодировке символического пространства советских мест памяти в пространства, отсылающие к преступлениям против евреев и включению их в государственную коммеморативную культуру.

Став полноправными членами ЕС, Прибалтийские республики поверхностно приняли повестку европейской политики памяти, заострённую на Холокосте. Одновременно они начали постепенно продвигать на европейской арене свою повестку исторической памяти, опирающуюся на собственный двойной статус жертвы коммунизма и в меньшей мере – нацизма. Прибалтийские республики в частности и страны Центральной и Восточной Европы в целом значительно преуспели в плане продвижения собственной линии исторической памяти. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481 от 2006 г., Пражская декларация о европейской совести и коммунизме 2008 г., Резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 года «Европей-

ская совесть и тоталитаризм», Вильнюсская декларация 2009 г. и др. аналогичные документы Европарламента и ОБСЕ (инспирированные представителями преимущественно стран Восточной Европы, в том числе и Балтии) фактически поставили знак равенства между нацистской Германией и СССР, между нацистским и коммунистическим режимом. Принятие данных резолюций имело далекоидущие негативные последствия и привело к переоценке событий Второй мировой войны, обесценив роль СССР как освободителя народов Европы от фашизма. Главенствующей в европейском историческом нарративе стал тезис о «советской оккупации» народов Восточной Европы.

Таким образом, можно констатировать, что с середины 2000-х гг. на фоне очередного расширения ЕС и НАТО, с включением в состав данных организаций постсоветских государств Центральной и Восточной Европы произошла некоторая трансформация общеевропейского пространства исторической памяти. Идея европейского нарратива, опирающегося на Холокост и коллективную ответственность народов Европы за трагедию Второй мировой войны уступила место политике памяти, основанной на страдании собственного народа и криминальном характере тоталитарных режимов, исключая ответственность собственной нации за эти преступления. Данная тенденция видится нам весьма опасной, способствующей реабилитации нацизма и других аналогичных деструктивных течений, росту антисемитизма, национализма. События украинского кризиса 2014–2025 гг. и реакция ЕС, НАТО, ОБСЕ, к сожалению, подтверждают обозначенные опасения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1991 г. Прибалтийские республики, провозгласив свою независимость от Советского Союза, снискали международное признание и начали самостоятельное развитие. Объявив о восстановлении собственной государственности межвоенного периода, тем не менее, Эстония, Латвия, Литва столкнулись с необходимостью конструирования не только нового политического, экономического механизма, отвечающего современным реалиям, но и новой идеологической базы, выразившейся в мерах государственной исторической политики или политики памяти. Задачу поиска новых направлений обозначенных составляющих осложнял тот факт, что за период пребывания стран Прибалтики в составе СССР коренным образом изменился их этнический состав. Из мононациональных государств с более чем 85% долей титульного населения в 1930-х – к концу XX в. они трансформировались в многонациональные – с значительной долей русскоязычных жителей (от 30% до 45% населения в Эстонии и Латвии), которых также требовалось интегрировать в местное общество, в том числе и в вопросах национальной истории.

Тем не менее, уже в первой половине 1990-х гг. во всех трёх Прибалтийских республиках наметилось складывание собственной государственной исторической политики со сходными элементами, сущность которых можно свести к концепции оккупации стран Балтии, «историческому этноцентризму» и «антикоммунизму». Данные составляющие были напрямую взаимосвязаны с необходимостью обоснования и популяризации в обществе тезисов о правовом континуитете, перехода к новым политическим и рыночным социально-экономическим отношениям. Изменения этнонационального баланса в республиках также нашли своё отражение в местной политике памяти в виде стремления к насаждению господствующих среди титульного населения исторических взглядов национальным меньшинствам стран Прибалтики – в первую очередь русскоязычным. В частности, это выразилось в местных про-

граммах интеграции и в так называемой «лояльности», или преданности Прибалтийским республикам, под которыми часто понимается полное и безоговорочное согласие как с положительной оценкой независимого развития Эстонии, Латвии или Литвы в новейший период, так и с господствующими историческими воззрениями, в частности⁷⁴⁴.

Таким образом, подтверждается **основная гипотеза нашего исследования** о наличии в Эстонии, Латвии, Литве сформировавшейся линии исторической политики как неотъемлемой части государственной идеологии, развитие и усложнение которой происходит при первостепенном влиянии внутривнутриполитических факторов, а также политики по отношению к местному русскоязычному меньшинству. Более того, на наш взгляд целесообразно говорить о наличии (наряду с восточноевропейским трендом) самостоятельного прибалтийского варианта политики памяти (с ярко выраженным тезисом о континуитете в связке с «советской оккупацией»), нацеленного не только на сами страны Прибалтики, но и на республики бывшего Советского Союза (многие элементы рассматриваемой прибалтийской политики памяти можно заметить в государственной исторической политике Грузии, Молдовы, Украины).

В процессе подготовки представленной работы были реализованы следующие **задачи исследования**:

1. *Выявить специфику режима памяти – баланса влияний различных акторов на историческую политику в странах Прибалтики и роль центральной государственной власти как актора этой политики.*

⁷⁴⁴ См. Главу 3 Закона о гражданстве Латвии Pilsonības likums // Latvijas Vēstnesis, 93, 11.08.1994. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> (дата обращения: 08.01.2021); Эстонская программа интеграции 2008–2013 // Kultuuriministeerium (Сайт Министерства Культуры Эстонии). URL: https://www.kul.ee/sites/kulminn/files/loimumiskava_2008-2013_rus_vv_11.06.09_nr_236.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

Основополагающим актором государственной исторической политики Эстонии, Латвии, Литвы является правящая элита данных республик, оформившаяся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. из числа партийной номенклатуры и участников диссидентских движений, аффилированных с эмигрантскими кругами. На основе изложенного в данном исследовании материала, можно констатировать, что именно центральная государственная власть в лице местных элит диктовала своё виденье прошлого остальному обществу и использовала данные трактовки для укрепления собственного доминирования в политической, экономической, социально-культурной сферах. Открытые общественные и научные дискуссии по вопросам исторической памяти являлись либо фрагментарными (посвящёнными узкой тематике), либо вовсе отсутствовали, что говорит о слабой, подчинённой роли научных кругов и общественности в выработке дискурса памяти. Предпринимательское сообщество не выражало какой-либо заинтересованности в исследуемой проблеме, слабо реагируя на вопросы исторического прошлого и его пересечения с экономическими вопросами. Русскоязычное население также не сумело не только выработать консолидированное отношение к данным процессам, но и отстоять свои позиции и социальные ниши в новых нарождающихся национальных государствах. «Недооформленность» эстонской, латвийской, литовской русскоязычной диаспоры к моменту распада СССР не позволила ей стать актором прибалтийской политики памяти, а только лишь одним из её объектов. Религиозные объединения Прибалтийских республик также лишь опосредовано и весьма фрагментарно включались в исторические дискуссии, пытаясь обосновать свои притязания по имущественным вопросам (права пользования религиозными объектам). Секуляризационный характер обществ и протестантская культура Эстонии и Латвии предопределили слабые позиции не только местной Лютеранской Евангелической Церкви, но

и Православной Церкви, ослабленной распрями и спором между Константинопольским и Московским Патриархатами, подогреваемым местными элитами. Православная Церковь, как и сама русскоязычная диаспора превратилась в один из объектов местной политики памяти. Лишь Католическая Церковь, в первую очередь в Литве, пыталась включиться в историческую дискуссию на стороне местных элит, являясь определённой частью данных элит.

В данном абсолютном доминировании правящих элит, слабой включённости общественных институтов и кроется одна из причин специфичности прибалтийского варианта политики памяти.

2. Раскрыть соотношение различных сфер применения исторической политики, эволюцию акцентирования её векторов.

Историческая политика Прибалтийских республик была нацелена на решение комплекса внутренних и внешнеполитических задач, приоритетность которых на протяжении исследуемого периода менялась, в зависимости от того или иного этапа.

Формирование государственного исторического дискурса в странах Прибалтики, по нашему мнению, можно разделить на три этапа. Этап первый (конец 1980-х – начало 1990-х) – формирование основ – в период «Поющей революции 1987–1991 гг.» прибалтийские Народные фронты и местные националисты активно начали использовать «концепцию оккупации стран Балтии» и популяризовать её в обществе (в том числе и посредством акции «Балтийский путь» 23 августа 1989 г.), продублировав основные её тезисы в декларациях о независимости и избрав путь «восстановления» государственности республик межвоенного периода. С этого этапа тезис о «советской оккупации» стал одним из «краеугольных камней» исторического дискурса и идеологии в Эстонии, Латвии, Литве, позволив частично реставрировать правовую базу довоенного периода, а также добиться

международного признания. Этноцентризм в форме крайнего национализма также охватил все сферы общества в независимых республиках. Вне исторического контекста «концепция оккупации стран Балтии» и взаимосвязанный с ней принцип правового континуитета⁷⁴⁵ выразились в «реставрации» правовой базы республик 1918–1940 гг. и, как следствие, в неравноправном положении местного русскоязычного населения: отказ официальных Таллина и Риги от автоматического предоставления гражданства всем жителям республик (прибывшим в период «оккупации»), введение для неэстонцев и латышской процедуры натурализации⁷⁴⁶, отказ от статуса русского языка как государственного и возникающие вследствие этого политические, профессиональные и экономические ограничения для нетитульного населения. Всё это выразилось в нарастании межнациональных противоречий и привело к расколу общества по этноязыковому признаку – на эстоноязычное, латышское, литовское большинство и русскоязычное (и польское в Литве) меньшинство.

Второй этап (середина 1990-х – 2004 г.) – институциональное оформление – появление первых исторических работ в русле государственного исторического дискурса, законодательное закрепление основ политики памяти и господствующих исторических трактовок в

⁷⁴⁵ См.: *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод *Крашевского А.* Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.

⁷⁴⁶ Натурализация – (от фр. *naturaliser*) – индивидуальный прием в гражданство иностранца по его заявлению. Обычно натурализация возможна после более или менее длительного проживания иностранца на территории данного государства (в Эстонии и Латвии также требуется владение официальным языком государства, наличие средств к существованию, отсутствие судимостей и т. п.), круг прав у натурализованных граждан уже, чем у прирождённых (не могут быть избраны президентом, могут быть лишены гражданства).

различных парламентских документах⁷⁴⁷, появление или реорганизация местных институтов национальной памяти – в частности реорганизация Центра по изучению геноцида и резистенции населения Литвы в 1997 г.⁷⁴⁸, появление в 1998 г. Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности – IKUERK (преобразованной в 2008 в Эстонский институт памяти), создание в 1998 г. комиссии историков Латвии. Начинается активная популяризация основных тезисов политики памяти, в том числе открытие музеев оккупации в Таллине, Риге, Вильнюсе. Однако, в данный период государственная историческая политика стран Балтии была вынуждена не вступать в противоречие с наметившейся евроатлантической интеграцией и европейскими ценностями – в частности, попытки реабилитации нацистов и их приспешников пресекались официальными властями (например, демонтаж монумента эстонцам, воевавшим в рядах СС в 2004 г. в Лихула). Проявляется в данный период и необходимость в популяризации, обосновании правильности евроатлантического курса и грядущей интеграции в ЕС и НАТО.

Третий этап (середина 2000-х – настоящее время) – развитие и усложнение. Вступление стран Балтии в ЕС и НАТО в 2004 г. и укрепление их позиций в данных организациях по нашему мнению – с одной стороны

⁷⁴⁷ Deklarācija par Latvijas okupāciju // Latvijas Vēstnesis. № 143 (628), 27.08.1996. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/63838-deklaracija-par-latvijas-okupaciju> (дата обращения: 22.08.2019); Deklarācija par latviešu leģionāriem Otrajā pasaules karā // Latvijas Vēstnesis, № 336(1397), 10.11.1998. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/218706> (дата обращения: 22.08.2019); Deklarācija par Latvijā īstenotā Padomju Sociālistisko Republiku Savienības totalitārā komunistiskā okupācijas režīma nosodījumu // Latvijas Vēstnesis. № 77(3235), 12.05.2005. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/108216> (дата обращения: 22.08.2019). Декларация Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://saeima.lv/Lapas/deklarac_kr.htm (дата обращения: 22.08.2019).

⁷⁴⁸ См.: Закон о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы // Vedomosti Litovskoi Respubliki, 1997-09-10, Nr. 25-288. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.43653> (дата обращения: 11.08.2020).

«развязало руки» официальному Таллину, Риге, Вильнюсу, избавив от необходимости постоянного соотнесения своего исторического дискурса и реакции стран Запада на него, с другой стороны – ускорило проникновение общеевропейских трендов в регион – антикоммунизм, институты национальной памяти и др. Именно антикоммунистическая составляющая заметно активизировалась с середины 2000-х в форме «войны памятников». Кроме того, в данный период получают развитие своеобразные институты национальной памяти или организации со схожими задачами (в 2008 г. появляется Эстонский институт памяти, в 2005 – латвийская Комиссия по подсчёту ущерба, нанесённого тоталитарным коммунистическим оккупационным режимом, в 2014 – Комиссия по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР). По нашему мнению, государственная историческая политика официальных Таллина, Риги, Вильнюса в данный период становится менее терпима к инакомыслию: вводятся запреты на демонстрацию советской символики, активно демонтируются памятники периода Великой Отечественной войны (в том числе в апреле 2007 г. в Таллине), в Литве и вовсе в 2010 г. вводится уголовная ответственность за оспаривание факта «советской оккупации», как и официальной интерпретации январских событий 1991 г. в Вильнюсе⁷⁴⁹. Также следует отметить, что если на предыдущих этапах основной инструментарий государственная историческая политика во всех трёх странах был направлен преимущественно на представителей титульного населения и лишь опосредованно затрагивал национальные меньшинства, то со второй половины 2000-х главные постулаты политики памяти оказываются

⁷⁴⁹ Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo įstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения: 16.08.2020).

направленными в равной степени и на местное русскоязычное (в случае Литвы ещё и польское) население.

3. Проследить институциональное и законодательное оформление исторической политики, создание механизмов осуществления этой политики.

В Прибалтийских республиках институциональное оформление государственной исторической политики происходило одновременно, с значительными региональными различиями. В Литве институт национальной памяти возник первым в регионе – в 1992 г. под названием «Государственный центр исследования геноцида жителей Литвы» (современное название – Центр исследований геноцида и резистенции жителей Литвы)⁷⁵⁰ принятием соответствующих законов⁷⁵¹. Эстонский институт памяти появился в 2008 г. на основе Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности, действовавшей с 1998 г. В Латвии же вплоть до настоящего времени (2025 г.) собственного института национальной памяти не возникло, хотя неоднократные призывы к созданию данного учреждения на базе учреждённой в 2014 г. Комиссии по научному изучению документов КГБ Латвийской ССР звучат всё чаще на самом высоком уровне⁷⁵². Тем не менее, в Риге координирующую и направляющую роль в исполнении национальной политики памяти взял на себя Музей оккупации и Ассоциация Музея оккупации Латвии.

⁷⁵⁰ Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения 05.07.2020).

⁷⁵¹ Dėl Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymo įgyvendinimo tvarkos (О порядке применения Закона о Литовском центре исследований геноцида и сопротивления) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.5562?jfwid=73odxtmel> (дата обращения 11.08.2020); Seimo vakarinis neeilinis posėdis Nr. -2 Stenograma (1992-10-29) (Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992) // Сайт Сейма Литовской Республики URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (24.07.2020).

⁷⁵² См.: Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177.

По нашему мнению, создавая данные институты, официальный Вильнюс, так же, как и Таллин изначально замыслили их не как научные центры, но как политические и пропагандистские, необходимые для обеспечения консолидированного подхода к историческому прошлому, обоснования необходимости и правильности осуществляющихся перемен, т.е. обеспечение лояльного отношения к новой литовской/эстонской действительности. В частности, данные цели и были поставлены в их уставных документах⁷⁵³. При этом, если литовская сторона фокусируется не только на Советском периоде своей истории, но и на польской оккупации Виленской области⁷⁵⁴, то Эстонский институт памяти центральным звеном избрал период «советской оккупации»⁷⁵⁵. Что касается официальной Риги, то Ассоциация Музея оккупации Латвии действует аналогичным с соседним Таллином образом, первостепенное внимание уделяя Советскому Союзу⁷⁵⁶. Трактовки истории Латвии XX в., выдвинутые Ассоциацией Музея оккупации Латвии стали доминирующими в местном историческом дискурсе.

В вопросах законодательного оформления исторической политики первой также стала Литва, в 2010 г. законодательно ограничив поле исторической дискуссии, принятием статьи 170.2 Уголовного Кодекса Республики, вводящей ответственность для всех лиц, оспаривающих

⁷⁵³ Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы URL: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения 05.07.2020); Эстонский институт памяти // Сайт президента Эстонской Республики. URL: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (дата обращения 19.07.2020).

⁷⁵⁴ *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // *Всеобщая история*. 2020. № 3. С. 3–13.

⁷⁵⁵ *Зверев К. А.* Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // *Проблемы национальной стратегии*. 2021. № 1(64). С. 202–215.

⁷⁵⁶ *Зверев К. А.* Государственная историческая политика в современной Латвии // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 1(58). С. 163–177.

существование «советской оккупации» территории Литвы⁷⁵⁷. Предпринимались и неудачные попытки принятия закона «Об исторической памяти» Литвы с целью «поддержки исторического и государственного сознания граждан, общей исторической судьбы и ответственности за будущее государства»⁷⁵⁸. В Эстонии и Латвии законов, ограничивающих поле дискуссии о прошлом, принято не было. Первенство Литвы в законодательном оформлении поля памяти можно объяснить тесными социально-экономическими связями с Польшей, которая явилась одним из пионеров в Восточной Европе в построении эффективной модели политики национальной памяти.

Законотворчество смежных с исторической политикой отраслей Прибалтийских республик можно свести к вопросам континуитета. Здесь следует выделить наиболее последовательную и полную реализацию принципа правового континуитета по отношению к республикам 1920–1930-х гг. в Эстонии и Латвии, где с минимальными изменениями произошло восстановление бывшей правовой базы и один из главных упоров в местной исторической политике делался на обоснование справедливости и правильности принципа реституционализма⁷⁵⁹. В Литве же реституция

⁷⁵⁷ Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo papildymo įstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) // Сейм Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения: 16.08.2020).

⁷⁵⁸ Цит. по: Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį // Alkas.lt URL: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 25.10.2020).

⁷⁵⁹ Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 163–177; Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). С. 202–215.

законодательно-правовой базы носила заметно меньший масштаб⁷⁶⁰. По нашему мнению, данную особенность можно объяснить, во-первых, сложным процессом формирования территории современного Литовского государства (приращение Клайпеды, Виленской области); во-вторых, наличием более успешного и длительного опыта собственной государственности в лице средневекового Великого княжества Литовского. В этой связи государственная историческая политика официального Вильнюса будет частично избавлена от необходимости легитимизировать собственную государственность исключительно опытом первой республики межвоенного периода.

4. Выявить «узловые» пункты в историческом прошлом стран Прибалтики, подвергшиеся ревизии в 1991–2014 гг. Определить подходы профессиональных прибалтийских историков к конструированию образа прошлого: как они способствовали/противодействовали ревизии прошлого политиками и госчиновниками.

«Узловые» пункты государственной исторической политики Эстонии, Латвии, Литвы является схожим и могут быть сведены к следующим компонентам:

- «Исторический этноцентризм» (или национализм), под которым мы подразумеваем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского, латышского, литовского народов (написание крайне национально-центричной «истории эстонцев, латышей, литовцев», а также интерпретация истории как извечной борьбы за независимость и свободу от иностранных захватчиков), к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений,

⁷⁶⁰ Зверев К. А. Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной наций во внутригосударственной жизни Республики, а также обеспечить устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Данный принцип выразился в принятии этнически ориентированного, дискриминационного по отношению к местному русскоязычному населению, законодательства.

- «Концепция оккупации стран Балтии», разработанная Б. Мейснером и Гёттингенской рабочей группой в 1950-е гг. и воспринятая Прибалтийскими республиками на заре независимости. Сущность концепции заключается в обосновании наличия секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа 1939 г. о разграничении сфер влияния в Восточной Европе между СССР и Германией. Тем самым доказывается факт «незаконности» присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, а именно «советская оккупация» Прибалтики. Данная концепция явилась «краеугольным камнем» борьбы прибалтийских народных фронтов за независимость от СССР, а также обоснования принципов реституции в законодательном и институциональном оформлении республик.
- Принцип исторического континуитета, тесно связан с «концепцией оккупации стран Балтии» и предполагает, что в 1940 г. СССР совершил «акты агрессии» против Эстонской, Латвийской и Литовской Республик, нарушив действующие двусторонние и многосторонние договоры. В этой связи последовавшее установление коммунистического режима и аннексия стран Прибалтики Советским Союзом в августе 1940 г. должны расцениваться как незаконные акты и, следовательно, юридически недействительны. Хотя «аннексия» Прибалтийских республик Советским Союзом привела к де-факто потере их независимости, большинство стран

Запада де-юре не признали советизацию Прибалтийских республик, поэтому, согласно точке зрения данных государств, Советский Союз никогда не аккумулировал суверенные права на эти страны и оставался исключительно «оккупирующим государством» до тех пор, пока в 1991 г. не была восстановлена де-факто независимость существовавших де-юре стран Прибалтики. Такова официальная трактовка правового континуитета Прибалтийскими республиками, прослеживающаяся в местной научной, учебной литературе⁷⁶¹, а также в основополагающих правовых актах⁷⁶². Таким образом, континуитет или принцип исторической правопреемственности получивших независимость в 1991 г. Прибалтийских государств по отношению к республикам 1920-х – 1930-х гг. стал общим правовым, политическим и историческим трендом в

⁷⁶¹ Бутулис И. История Латвии; литературный перевод: Р. Добровенский. Рига: Jumava, 2010. 239 с.; История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. 473 с.; Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андрежен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.; Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. С. 73; Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamosaitis M. The history of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2013. 317 p.; Kiaupa Z. The history of Lithuania. Vilnius: baltos lankos, 2002. 359 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 p.

⁷⁶² О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25; Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko statusu» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») // Latvijas Republikas Tiesību Akts. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020); Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba. URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 198.

регионе, определяющим исторические оценки событий Второй мировой войны и всего советского периода развития данных государств.

- Специфическая трактовка событий Второй мировой войны и проблемы коллаборационизма – отказ от термина «Великая Отечественная война» в пользу понятия «Вторая мировая война», отрицание освободительного характера данного военного конфликта для народов региона ⁷⁶³ . Восприятие событий Второй мировой войны через отсылку к Гражданской / Освободительной войне 1918–1920 гг., когда немцы уже разбиты, а основная борьба разворачивается между местными патриотами-сторонниками восстановления национальной независимости и «красными» эстонцами, латышами, литовцами, которые наступают в рядах РККА. Местные коллаборационисты рассматриваются как патриоты, боровшиеся в немецких мундирах за восстановление утраченной независимости своих республик, не причастные к военным преступлениям нацистов на территории стран Прибалтики и Советского Союза. Преступления нацистов не находят должного освещения в эстонской, латвийской и литовской литературе, отчасти замалчиваются. Сведения о репрессивной политике Третьего Рейха подаются в сравнении с сталинскими репрессиями таким образом, чтобы продемонстрировать большую жестокость именно советской тоталитарной системы ⁷⁶⁴.
- «Антикоммунизм» – практики, направленные на популяризацию в научной и общественной сферах утверждений об «оккупации» Советским

⁷⁶³ См.: Зверев К. А. Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 195–208.

⁷⁶⁴ История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиупиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; Laar M. Estonia in World War II. Tallinn: Grenader, 2005. 71 p.; Kiaupa Z. The History of Lithuania. Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. 359 p.; Wars of Lithuania. A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / edited by Gediminas Vitkus. Vilnius: Eugrimas, 2014. 304 p.

Союзом Эстонии, Латвии, Литвы, а также на обличение «преступлений коммунизма» против народов Прибалтийских республик. По нашему мнению, данный принцип не столько характерен для стран Прибалтики, сколько для государств Восточной Европы в целом. В Прибалтике он применялся из-за конъюнктурных соображений, а также для достижения внутривнутриполитических целей и заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг.

5. Проследить связь исторической политики с электоральными циклами и в целом с вопросами внутренней политики стран Прибалтики, выявить «всплески» историко-политического дискурса, их лейтмотивы и причины.

Реализуемая в Прибалтийских республиках историческая политика имеет прямую взаимосвязь с электоральными циклами данных государств. Активизация историко-политического дискурса в регионе происходит накануне значимых политических событий – в основном парламентских выборов, референдумов, которые и обуславливают интерес элит к возможностям использования истории для достижения электоральных целей. Так, институциональное оформление политики памяти в Литве и Эстонии происходило в период предвыборной активности; принятие закона об уголовной ответственности за отрицание факта «советской оккупации» Литвы состоялось за несколько месяцев до выборов в Сейм. Активизация «войны памятников» в регионе также происходила в течении предвыборных компаний. И наоборот, в периоды максимального удаления от выборов местных, парламентских и др. имеет место быть латентное состояние дискуссий касательно исторической памяти.

Курс государственной исторической политики, реализуемый в странах Прибалтики объективно способствовал решению комплекса внутренних вопросов. Основные цели государственной исторической политики в большин-

стве стран очевидны – стремление отдельных политических сил утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие⁷⁶⁵. Однако, повторимся, что в случае с Прибалтикой, политика памяти является не только методом борьбы за электорат одной из политических сил, но уже стала неотъемлемой частью государственной идеологии каждой из трёх Балтийских республик. При этом все перечисленные выше составляющие государственной исторической политики решают целый комплекс задач.

Так, «концепция оккупации стран Балтии» (выработанная Борисом Мейснером и Геттингенской рабочей группой) была призвана обосновывать состоятельность тезиса непрерывного существования Эстонской, Латвийской, Литовской Республик, провозглашённых в 1918 г. (затем, подвергшихся «советской оккупации с 1940 по 1991 г.») и их политическое и правовое возрождение в 1991 г. В частности же, принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, на активы первых Республик за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях, на безоговорочный вывод советских/российских войск со своей территории, а также на возможные территориальные претензии к России (касается Эстонии и Латвии) и требование компенсаций за «оккупацию». Кроме того, не следует забывать и о национальном вопросе, – о статусе местного русскоязычного населения, которое в Эстонии и Латвии не получило автоматически гражданства в 1991 г. под предлогом прибытия в Республики в условиях «советской оккупации» и вынуждено было проходить длительную и сложную процедуру натурализации, оказываясь «выключенным» на определённый период из политической и экономической жизни государств.

⁷⁶⁵ См.: Миллер А. И. Россия: Власть и общество // Pro et Contra. 2009. № 3–4(46) май–август. С. 6–23.

На наш взгляд, большую часть изложенных задач «концепция оккупации стран Балтии» выполнила. Хотя и не стала доминирующей среди национальных меньшинств. Эстонии, Латвии, Литве удалось добиться признания со стороны большинства стран факта континуитета – т.е. «восстановления» своей государственности и исторической правопреемственности к республикам межвоенного периода⁷⁶⁶. Были приняты законы о реституции – возвращении национализированной советской властью собственности бывшим владельцам⁷⁶⁷. Это привело к перераспределению материальных благ не только в пользу титульного населения, но и эмигрантских кругов (потомков тех, кто покинул страны Прибалтики в период Второй мировой войны), лоббировавших интересы Прибалтийских республик за рубежом⁷⁶⁸. Кроме того, официальные Таллин, Рига и Вильнюс вернули свои активы, замороженные в

⁷⁶⁶ Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. 400 с.

⁷⁶⁷ Eesti Vabariigi omandireformi aluste seadus (Закон Эстонской Республики об основах реформы собственности) // Riigi Teataja. 1991. № 21. ст. 257; Lietuvos Respublikos religinių bendrijų teisės į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo tvarkos įstatymas (Закон Литовской Республики о порядке восстановления права религиозных общин на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios, 1995-03-29. № 27-600; Lietuvos Respublikos piliečių nuosavybės teisių į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo įstatymas (Закон Литовской Республики о восстановлении права собственности граждан на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios. 1997-07-09. № 65-1558; Par namīpašumu denacionalizāciju Latvijas Republikā (Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs № 46, 21.11.1991.

⁷⁶⁸ Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. С. 109; Bluzma V., Jundzis T., Sharp G., Strods H. Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. P. 310–311; Beinerte V. Izlaušanās no cietuma. Saruna ar Egilu Levitu // Latvijas Avīze 8. Maijs 2015. URL: <https://www.la.lv/saruna-egils-levits> (дата обращения: 01.05.2020); Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. Hamburg: Bibliotheca Baltica, Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 lk.; Deksnis E. B. Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994. Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. 277 p.; Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. 296 lk.; Žalimas D. Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas. Iš Kelias į nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991. Sudarė Genzelis B.; Rupšytė A. Kaunas: Šviesa, 2010. 188 p.

1940 г. в иностранных банках, и оперативно интегрировались в международное правовое пространство, демонстрируя антироссийскую риторику. Опираясь тезисом о «советской оккупации» и при поддержке Западных союзников, Прибалтийским республикам удалось добиться сравнительно быстрого и, без каких-либо обязательств для себя, вывода российских войск со своей территории⁷⁶⁹.

Наиболее же значительные последствия «концепция оккупации стран Балтии» имела для местного русскоязычного населения Эстонии и Латвии. Официальные Таллин и Рига, апеллируя к статье 49 Женевской конвенции 1947 г., (которая гласит, что «*Оккупирующая держава не сможет депортировать или перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию*»)⁷⁷⁰, заявили о невозможности автоматического предоставления гражданства прибывшим в Республики в период «советской оккупации» – в большинстве своём русскоязычным, составлявшим к 1991 г. до трети населения в Эстонии и до 40% в Латвии и вынужденным проходить сложную процедуру натурализации. По нашему мнению, подобное решение вопроса гражданства было продиктовано нежеланием национальных элит делиться властью и экономическими благами с потенциальными конкурентами – нелатышами и неэстонцами. В условиях предстоящих

⁷⁶⁹ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о выводе Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Эстонской Республики и условиях их временного пребывания на ее территории (Москва, 26 июля 1994 г.) // Бюл. междунар. договоров. 1994. № 10; Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas līgums par Krievijas Federācijas Bruņoto spēku pilnīgas izvešanas no Latvijas Republikas teritorijas nosacījumiem, termiņiem un kārtību un to tiesisko stāvokli izvešanas laikā (Соглашение между Латвийской Республикой и Российской Федерацией об условиях, сроках и порядке полного выведения Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Латвийской Республики и их правового статуса на момент вывоза) от 30 апреля 1994 г. // Latvijas Vēstnesis 10.12.1994. № 144; *Перевозкина М.* Как Россия выводила войска из Латвии // Московский комсомолец. 13 сентября 2019. № 28074.

⁷⁷⁰ Цит. по: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (дата обращения: 22.08.2019).

выборов во все органы власти, правом избирать и быть избранными были наделены лишь правопреемные граждане. Кроме того, отсутствие гражданства налагало ограничения в возможностях трудоустройства и участия в приватизации государственной собственности⁷⁷¹. Косвенно наши суждения подтверждает и тот факт, что, например, в Латвии натурализация как таковая стала возможна только в 1995 г. и лишь по квотам – «окнам натурализации» (возможность подать документы на гражданство зависела от года рождения и времени проживания в Латвии), искусственно ограничивающим число претендентов на латвийский паспорт⁷⁷². Однако, следует отметить, что использование «концепции оккупации стран Балтии» для поражения местных национальных меньшинств в правах привело и к значительным негативным последствиям – складыванию этнического конфликта в Прибалтике, расколовшего общество независимых республик по национальному признаку. Другими словами, сама «концепция оккупации» явилась многозадачной и, в целом, была успешно использована странами Балтии для достижения собственных внутри- и внешнеполитических целей.

Если говорить о следующем важнейшем аспекте прибалтийской политики памяти «принципе этноцентризма», то он выразился в принятии этнически ориентированного, дискриминационного по отношению к местному русскоязычному населению, законодательства, о котором уже шла речь выше. Здесь мы лишь отметим, что ущербность правового статуса представителей

⁷⁷¹ См.: *Богушевич Т.* Политическое участие и представительство национальных меньшинств, и их доступ к государственной службе // Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: Сборник научных трудов / Клуб исследователей Восточной Европы. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Вып. 2. 2004. С. 72–78.

⁷⁷² Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības (закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства») // Latvijas Vēstnesis. 25.04.1995. № 63. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 02.02.2020).

нетитульного населения стран Прибалтики выразилась не только в проблеме существования обширной категории неграждан (касательно Эстонии и Латвии) и вытекающих из этого правовых ограничений, но и в языковом вопросе. Принятие новых законов о языке⁷⁷³ в 1990-х привело к наделению статусом единственного официального лишь национального языка, русский же был поэтапно исключён из политической, деловой, образовательной и других сфер жизни общества. По сути, все интеграционные мероприятия в Эстонии, Латвии, Литве свелись к ассимилятивным действиям, направленным на «размывание» местных русскоязычных общин, ослабление их политического, экономического и интеллектуального веса в обществе. В наибольшей степени это можно проследить на примере Латвии, где в свете самой многочисленной прослойки русскоязычных, власти особенно рьяно реализовывали «принцип этноцентризма». Официальная Рига первой среди стран Прибалтики перешла к ликвидации образования на русском языке⁷⁷⁴, приняла наиболее жёсткие редакции законов о языке и о натурализации. Не смотря на многочисленные попытки, латыши не смогли переломить ситуацию и добиться каких-либо изменений в правительственном курсе. Эстонский курс по созданию национально ориентированного государства отличался от латвийского варианта лишь более компромиссными и растянутыми во времени действия-

⁷⁷³ Kodakondsuse taotlejatele esitatavate eesti keele tundmise nouete seadus (Закон о требованиях к знанию эстонского языка ходатайствующими о гражданстве) // Riigi Teataja I. 1993. № 11. ст. 171; Keeleseadus (Закон о языке) // Riigi Teataja I. 1995. № 23. ст. 334. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/28746> (дата обращения: 15.12.2020); русский перевод закона: Закон о языке // Русская Школа Эстонии. URL: http://www.venekool.eu/docs/zakony/zakon_o_jazyke.pdf (дата обращения: 15.12.2020); Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios. 1995.02.18. № 15-344. Valsts valodas likums (Закон о государственном языке) // Latvijas Vēstnesis. 21.12.1999. № 428/433. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740> (дата обращения: 05.02.2020).

⁷⁷⁴ *Зверев К. А.* Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 70–77; *Зверев К. А.* Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990–2010-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1(70). С. 80–89.

ми – неграждане получили право голоса на выборах местных органов власти⁷⁷⁵, реформа образования лишь в 2024 г. привела к ликвидации русскоязычных школ⁷⁷⁶. Литва же в силу малочисленности национальных меньшинств, реализовала нулевой вариант предоставления гражданства, однако, при помощи языковой и государственной исторической политики, проводит активную литуанизацию местных поляков и русскоязычных⁷⁷⁷.

Местная историография активно участвует в обосновании справедливости построения национально ориентированной государственности в каждой из республик, а также эстонизации, латышизации и литуанизации местной истории. Однако, здесь следует отметить, что, не смотря на поддержку данного процесса титульным населением республик, среди русскоязычных данные тезисы (в особенности тезис о «советской оккупации») не находят понимания и сочувствия. При этом, имеет место быть и настораживающая тенденция – с одной стороны постепенное сближение взглядов молодёжи из числа национальных меньшинств с историческими воззрениями титульного населения, с другой – поляризация (в зависимости от национальной принадлежности) оценок событий Второй мировой войны на протяжении 2000-х – 2010-х гг.

Следующая составляющая государственной исторической политики стран Прибалтики – принцип антикоммунизма (под которым мы понимаем набор практик, направленных на развенчание «преступлений коммунизма» против народов Эстонии, Латвии, Литвы) заметную роль стал играть лишь во

⁷⁷⁵ Граждане России, Белоруссии и лица без гражданства лишены права голоса на местных выборах в 2025 г.

⁷⁷⁶ *Зверев К. А.* Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 4. С. 112–115; *Зверев К. А.* Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992–2007) // Клио. 2015. № 8. С. 164–169.

⁷⁷⁷ *Зверев К. А.* Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 128–137.

второй половине 2000-х гг. и, по нашему мнению, применялся с целью дополнительной популяризации тезиса о «советской оккупации» в русле антикоммунистических настроений во всей Восточной Европе. На наш взгляд данный принцип был ориентирован в большей степени именно на внутреннего потребителя с целью дискредитации в общественном сознании всего советского периода истории и нивелирования роли СССР в поступательном социально-экономическом развитии стран Прибалтики. Также антикоммунистическая составляющая государственной исторической политики является объективно выгодной для правых партий, позволяет реализовывать националистический и либеральный внутривнутриполитический курс, не допуская усиления левой оппозиции. По результатам электоральной активности граждан можно заметить, что в политической жизни всех трёх Прибалтийских республик доминируют силы националистического, либо либерального толка, при этом левые партии недопредставлены в местных парламентах и слабы.

6. Проследить, как историческая политика взаимосвязана с внешней политикой стран Прибалтики.

С момента возникновения, государственная историческая политика стран Прибалтики формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с внешнеполитической ориентацией Эстонии, Латвии и Литвы, выступая в качестве связующего звена между самими Прибалтийскими республиками. Кроме того, политика памяти стала инструментом обоснования принципа исторической правопреемственности, законодательного оформления республик, их легитимизации в международном сообществе, а также служила подтверждением размежевания с Россией и приоритетности западного партнёрства, евроатлантической интеграции.

Реализуемый курс политики памяти стран региона совпал с мировым трендом на критический настрой к советской модели развития, содействовал

поиску новых союзников на Западе и ускоренному вхождению в западное политическое поле. Также, посредством отсылки к «советской оккупации» странам Прибалтики удалось легитимизировать территориальные и экономические притязания в адрес Российской Федерации, хотя и без каких-либо осязаемых выгод для себя.

7. Сопоставить содержание и характер исторической политики стран Прибалтики 1991–2014 гг. между собой и с исторической политикой стран Восточной Европы, а также Европейского Союза в целом. Проследить зависимость политики властей стран Прибалтики от поисков идентичности в рамках ЕС, изменения в их политике памяти после вступления этих стран в ЕС, влияние внешнеполитического курса США и законов, принимаемых в Европарламенте на историческую политику стран Прибалтики.

Политика памяти официальных Таллина, Риги и Вильнюса весьма схожа и позволяет выделить несколько, упомянутых выше, компонентов – «исторический этноцентризм» (или национализм), «концепция оккупации стран Балтии», «принцип исторического континуитета», «антикоммунизм». При этом, максимальное сближение в исторической парадигме и вопросах трактовки событий прошлого можно наблюдать между Эстонией и Латвией, которые на протяжении веков развивались в схожих условиях, а также имеют значительное русскоязычное меньшинство. Различие можно выделить лишь в большей вовлечённости эстонского общества в исторический дискурс (согласно социологическим исследованиям), а также в институциональном оформлении координирующей и направляющей роли государственной исторической политики официального Таллина с 2008 г. Эстонским институтом памяти. Официальная же Рига делегировала координирующие функции над собственной исторической политикой неправительственной организации «Ассоциация Музея оккупации Латвии» а также различным

парламентским комитетам, при этом не создав единой структуры. Литва же, в силу особенностей своего исторического развития и более однородного этнического состава, стоит несколько особняком по отношению к северным соседям. Официальный Вильнюс не только первым в регионе выработал основы местной политики памяти – создав в 1992 г. Государственный центр исследования геноцида жителей Литвы (позже – Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы), но и обратился к литуанизации истории Великого княжества Литовского, делая попытки тем самым укрепить собственную территориальную целостность, а также оказывая влияние на соседние Польшу и Белоруссию продвижением идей о схожей идентичности. Кроме того, каждая из трёх стран Прибалтики столкнулась с необходимостью консолидации разобщённого по этноязыковому принципу общества и неудачно использовала для этого практики политики памяти.

Можно констатировать, что Эстония, Латвия, Литва испытали на себе основные тренды и политики памяти Европейских стран – в особенности восточноевропейских – в части антикоммунистической, антироссийской риторики, которая особенно активизировалась с 2000-х гг. Открытие музеев оккупации, институтов национальной памяти также, по нашему мнению, было инициировано извне – подобные организации появились одновременно помимо Прибалтики, в Польше, Венгрии, Румынии. Следует обратить внимание и на полную поддержку Западным сообществом тезисов о правовом континуитете стран Балтии, а также «концепции советской оккупации», которые были синхронизированы с резолюциями Европарламента, осуждающими преступления тоталитаризма и ставящими знак равенства между советским и нацистским режимами (более того, одними из инициаторов принятия данных резолюций и явились делегаты от Прибалтийских республик в союзе с представителями Венгрии, Польши, Чехии). По нашему мнению, с второй половины 2000-х – начала 2010-х

целесообразно говорить о возрастающем навязывании собственных исторических воззрений восточноевропейскими элитами (в том числе прибалтийскими) Западу, выражающему всё более соглашательную позицию. Попытки же Российской Федерации по продвижению концепции «Русского мира», подвигов советского народа времён Великой Отечественной войны вызвали предсказуемое неприятие и противодействие со стороны Прибалтийских республик.

Прибалтийские республики в частности и страны Центральной и Восточной Европы в целом значительно преуспели в плане продвижения собственной линии исторической памяти. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481 от 2006 г., Пражская декларация о европейской совести и коммунизме 2008 г., Резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 года «Европейская совесть и тоталитаризм», Вильнюсская декларация 2009 г. и другие аналогичные документы Европарламента и ОБСЕ (инспирированные представителями преимущественно стран Восточной Европы, в том числе и Балтии) фактически поставили знак равенства между нацистской Германией и СССР, между нацистским и коммунистическим режимом. Принятие данных резолюций имело далекоидущие негативные последствия и привело к переоценке событий Второй мировой войны, обесценив роль СССР как освободителя народов Европы от фашизма. Главенствующей в европейском историческом нарративе стал тезис о «советской оккупации» народов Восточной Европы. В 2010-е гг. активизировался процесс перекодировки символического пространства советских мест памяти – демонтаж монументов советским воинам-освободителям, либо их переоборудование в мемориалы жертвам тоталитаризма, стирание памяти о роли Красной Армии при освобождении узников Освенцима, Терезина, Майданека и других концентрационных лагерей.

Таким образом, можно констатировать, что с середины 2000-х гг. на фоне очередного расширения ЕС и НАТО, с включением в состав данных организаций постсоветских государств Центральной и Восточной Европы (в том числе и Прибалтийских республик) произошла некоторая трансформация общеевропейского пространства исторической памяти. Идея европейского нарратива, опирающегося на Холокост и коллективную ответственность народов Европы за трагедию Второй мировой войны уступила место политике памяти, основанной на страдании собственного народа и криминальном характере тоталитарных режимов, исключая ответственность собственной нации за эти преступления. Данная тенденция видится нам весьма опасной, способствующей реабилитации нацизма и других аналогичных деструктивных течений, росту антисемитизма, национализма. События украинского кризиса 2014–2025 гг. и реакция ЕС, НАТО, ОБСЕ, к сожалению, подтверждают обозначенные опасения.

8. Проследить, как различные элементы общества реагировали на государственную политику в области ревизии прошлого.

Анализируя данные социологических исследований, проведённых в 2000-х – 2010-х гг. в Эстонии, Латвии, Литве можно прийти к выводу, что титульное население, в особенности молодёжь младше 30 лет, поддержало и восприняло основные постулаты местной государственного исторического дискурса в части идеализации буржуазных республик межвоенного периода, тезиса о «советской оккупации» и принципа исторической правопреемственности нынешних государств республикам 1920-х – 1930-х гг. Доминирование антикоммунистических и антисоветских оценок также является общим трендом в данном регионе. При этом, наибольший интерес к истории и осведомлённость в данном вопросе по результатам социологических исследований, демонстрируют эстонцы, в отличие от латышей и литовцев. Это обстоятельство обусловило большую значимость

политики памяти для официального Таллина и большой накал страстей вокруг исторических трактовок, хотя бы на примере так называемой «войны памятников» и событий «бронзовой ночи» апреля 2007 г. – вылившихся в массовые беспорядки.

Кроме того, исторический дискурс в известной степени способствовал складыванию негативного образа России в Прибалтике, что обеспечило поддержку правительства со стороны общественности (в первую очередь из числа титульного населения) в вопросах разрыва связей с РФ и активизации евроатлантической интеграции. Таким образом, можно констатировать, что ключевые постулаты государственной исторической политики стран Прибалтики в высокой степени встретили сочувствие и оказались восприняты местным титульным населением.

Если обратиться к русскоязычным жителям Прибалтийских республик, то их воззрения на местную историю весьма схожи – нейтральное восприятие периода Средневековья, возрастающий интерес к эпохе Нового времени (особенно с этапа вхождения территории Прибалтики в состав Российской империи), доминирование в историческом дискурсе XX в. При этом нетитульные жители стран Прибалтики, в целом, восприняли позитивные оценки независимых буржуазных республик 1920-х – 1930-х гг. и их политических лидеров, но не приняли тезисы о «советской оккупации». Хотя оценочные суждения молодого поколения (младше 30 лет) и отличаются от мнения более возрастных респондентов в сторону более критичного отношения к советскому прошлому, тем не менее, и здесь не произошло перехода к доминированию антисоветских взглядов и поддержки тезисов об «оккупации». Таким образом, ключевые аспекты местной государственной исторической политики всё-таки не нашли сочувствия среди русскоязычного населения Прибалтийских республик. Однако, социологические исследования, интервьюирования, публичные высказывания общественных

деятели показывают тенденцию к сближению точек зрения местных национальных меньшинств с историческими воззрениями титульного населения. Вследствие активизации политики памяти в 2000-е – 2010-е гг. мы можем предположить, что в ближайшие десятилетия основные постулаты, продвигаемые исторической политикой стран Прибалтики, станут доминирующими среди местного русскоязычного населения.

Однако в Эстонии и Латвии, государственная историческая политика не смогла стать скрепляющим звеном для многонациональных Республик и предсказуемо отстаивает (и даже насаждает) исторические взгляды титульного населения, не учитывая иные точки зрения. В результате, комплекс правовых, языковых и исторических подходов к проблеме русскоязычных жителей Эстонии и Латвии привёл к росту отчуждённости меньшинств от государства и коренных жителей. При этом, в Литве, реализовывавшей менее националистический курс в 1990-х – данного отчуждения не наблюдалось.

9. Определить уровень системности и эффективности (в соответствии с субъективными целями) исторической политики стран Прибалтики в 1991–2014 гг.

Государственная историческая политика Прибалтийских республик является вполне оформленным и многоаспектным набором практик по интерпретации событий прошлого. Она напрямую взаимосвязана с внутренним в внешнеполитическим курсом каждой из республик. При этом, несмотря на многократную смену политических элит, правящих партий в Эстонии, Латвии, Литве, основные постулаты и векторы господствующего исторического дискурса остаются неизменными, адаптируясь к изменяющимся внутренним и внешним условиям. Мы можем предположить, что в среднесрочной перспективе основы государственной исторической политики стран Балтии останутся неизменными. Более того, по уже представленным результатам со-

циологических исследований очевидно, что утверждения местного исторического дискурса встречают не только всеобщую поддержку титульного населения, но и всё более лояльное отношение среди молодых представителей национальных меньшинств, в том числе русскоязычных. В долгосрочной перспективе, вследствие естественной смены поколений, не ослабевающего давления проправительственных информационных потоков в вопросах истории, мы предполагаем полное восприятие основных постулатов государственной исторической политики местными национальными меньшинствами и окончательное оформление схожих исторических воззрений в общественном пространстве стран Балтии. Кроме того, как ни печально это констатировать, показателем эффективности предлагаемых в странах Прибалтики концептуальных позиций местной политики памяти (тезисы о «советской оккупации», «преступлениях коммунизма») может служить их восприятие, востребованность историками и истеблишментом Грузии, Украины, Молдовы и других стран ближнего зарубежья в новейший период.

В странах Прибалтики критерием продвинутости по пути нациостроительства становится степень продвижения по пути «десоветизации» и русофобии. Дэвид Рифф в книге «Хвала забвению» отмечает важность переосмысления прошлого, но при этом уточняет, что необходимо в каждом отдельном случае принимать решение о целесообразности или вреде памяти, в том числе, «новой памяти». В случае с Эстонией, Латвией, Литвой остаётся надеяться на возобладание адекватных оценок прошлого и построение «новой памяти», которая будет не разделять, а объединять общества данных государств; а последнее слово в изучении прошлого останется не за политиками, а за историками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Законодательные акты Эстонии, Латвии, Литвы и связанные с ними делопроизводственные документы

1. Декларация Государственного Собрания о восстановлении конституционной государственной власти // Ведомости Эстонской Республики. – 1992. – 19 октября. – № 40.
2. Декларация Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: https://saeima.lv/Lapas/deklarac_kr.htm (дата обращения: 22.08.2019).
3. Закон о Центре по изучению геноцида и резистенции населения Литвы [Электронный ресурс] // Vedomosti Litovskoi Respubliki, 1997-09-10, Nr. 25-288. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.43653> (дата обращения: 11.08.2020).
4. Конституция Литовской Республики (русский перевод) [Электронный ресурс] // Сейм Литовской Республики. – Режим доступа: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 13.04.2020).
5. Конституция Эстонской Республики [Электронный ресурс] // Сайт президента ЭР. – Режим доступа: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 14.05.2020).
6. О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. – 1991. – 21 августа. – № 25.

7. Преамбула конституции ЭР [Электронный ресурс] // Сайт президента ЭР. – Режим доступа: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 14.05.2020).
8. Результаты выборов [Электронный ресурс] // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija (Сайт Центральной избирательной комиссии Литовской Республики). – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/rinkimai> (дата обращения: 11.01.2020).
9. Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 1992 [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/1992-m.-lietuvos-respublikos-seimo-rinkimai> (дата обращения: 22.04.2020).
10. Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 1996 [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/n/rinkimai/seim96/index.html> (дата обращения: 22.04.2020).
11. Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2000 [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/n/rinkimai/20001008/index.html> (дата обращения: 22.04.2020).
12. Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2004 [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/rinkimai/2004/seimas/indexn.html> (дата обращения: 22.04.2020).

13. Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2008 [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). – Режим доступа: https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/2008_seimo_rinkimai/output_lt/rinkimu_diena/index.html (дата обращения: 22.04.2020).
14. Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2012 [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). – Режим доступа: https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/2012_seimo_rinkimai/output_lt/rinkimu_diena/index.html (дата обращения: 22.04.2020).
15. Результаты выборов в 5-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://web.cvk.lv/pub/public/29238.html> (дата обращения: 17.04.2020)
16. Результаты выборов в 6-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://web.cvk.lv/pub/public/29236.html> (дата обращения: 17.04.2020)
17. Результаты выборов в 7-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://web.cvk.lv/pub/public/29234.html> (дата обращения: 17.04.2020)
18. Результаты выборов в 8-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <https://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/sae8dev.vel8meg.sa3> (дата обращения: 18.04.2020)
19. Результаты выборов в 9-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/saeima9.GalRezS9.vis> (дата обращения: 18.04.2020)

- 20.Результаты выборов в 10-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://www.velesanas2010.cvk.lv/results.html> (дата обращения: 18.04.2020)
- 21.Результаты выборов в 11-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://www.velesanas2011.cvk.lv/> (дата обращения: 18.04.2020)
- 22.Результаты выборов в 12-ый Сейм [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. – Режим доступа: <http://sv2014.cvk.lv/> (дата обращения: 18.04.2020)
- 23.Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. вечерняя сессия (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma Vakara sēde) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015v.htm (дата обращения: 07.04.2020).
- 24.Act on the Ratification of The State Border Treaty Between The Republic of Estonia and The Russian Federation and the Treaty on the Delimitation of Maritime Areas of Narva Bay and the Gulf of Finland between the Republic of Estonia and the Russian Federation (Закон о ратификации Договора между Эстонской Республикой и Российской Федерацией о государственной границе между Эстонией и Россией и Договора между Эстонской Республикой и Российской Федерацией о разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах) [Электронный ресурс] // Valisministeerium (МИД Эстонии). – Режим доступа: <https://vm.ee/en/news/act-ratification-state-border-treaty-between-republic-estonia-and-russian-federation-and-treaty> (дата обращения: 05.05.2020).
- 25.Ar just uz tai kai Lietuvos valstybe būtų nepriklausoma demokratine Respublika? // Lietuvos aidas. – 1991, – Vasario 14 d. Referendumo rezultatai. Šaltinis: 1991 m. vasario 14 d. „Lietuvos aidas“, p. 4

- [Электронный ресурс] // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija. – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/documents/10180/668587/1991+02+09+rezultatai.jpg/e3f70e07-6372-4ebf-a405-b381aa1da542?t=1537441306041> (дата обращения: 22.09.2019).
- 26.Deklarācija par Latvijas okupāciju [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, № 143 (628), 27.08.1996. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/63838-deklaracija-par-latvijas-okupaciju> (дата обращения: 22.08.2019).
- 27.Deklarācija par latviešu leģionāriem Otrajā pasaules karā [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, № 336 (1397), 10.11.1998. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/218706> (дата обращения: 22.08.2019).
- 28.Deklarācija par Latvijā īstenotā Padomju Sociālistisko Republiku Savienības totalitārā komunistiskā okupācijas režīma nosodījumu [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, № 77 (3235), 12.05.2005. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/108216> (дата обращения: 22.08.2019).
- 29.Dēl laikinosios komisijos Konstitucijos projektui parengti pirmininko patvirtinimo (Решение об утверждении председателя временной комиссии по подготовке проекта Конституции) // Valstybės žinios, – 1992-01-31, – № 3-47
- 30.Dēl laikinosios komisijos Konstitucijos projektui parengti sudarymo (Об учреждении временной комиссии по подготовке проекта Конституции) // Valstybės žinios, – 31 декабря 1991 г. – № 36-978.
- 31.Dēl Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centro įstatymo įgyvendinimo tvarkos (О порядке применения Закона о Литовском центре исследований геноцида и сопротивления) [Электронный ресурс] // Сейм Литовской Республики. – Режим доступа: <https://e->

- seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.5562?jfwid=73odxtmel (дата обращения: 11.08.2020).
- 32.Dėl Lietuvos Respublikos Laikinojo Pagrindinio Įstatymo (Временный Основной закон Литовской Республики) // Vyriausybės žinios, – 1990-03-31, – № 9-224.
- 33.Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ulemnoukogu XII koosseis 29.03.1990–29.09.1992 Statistikat ja ulevaateid (Эстонская ССР / XII состав Верховного Совета Эстонской Республики 29.03.1990–29.09.1992 Статистика и обзоры) / Peatoimetaja Aaro Mottus. – Tallinn: Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 2013. – L. 74.
- 34.Eesti Vabariigi omandireformi aluste seadus (Закон Эстонской Республики об основах реформы собственности) // Riigi Teataja. – 1991. – № 21. ст. 257.
- 35.Eesti Vabariigi põhiseadus: kehtestus 1. jaan. 1938 (Конституция Эстонской Республики в редакции от 1 января 1938 г.). – Tallinn: Kirjeldus, 1991. – 23 lk.
- 36.Grozījumi Pilsonības likumā (поправки к закону «О гражданстве») [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, – № 315/316, – 27.10.1998. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> (дата обращения 02.02.2020).
- 37.Izdarīt Latvijas PSR Augstākās Padomes Prezidija 1988. gada 29. septembra dekrētā «Par latviešu tautas kultūrvēsturisko simboliku» (Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 29 сентября 1988 года "О культурно-исторической символике латышского народа") // Latvijas PSR Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Вестник Верховного Совета Латвийской ССР), 1988, г. № 40.
- 38.Keeleseadus (Закон о языке) [Электронный ресурс] // Riigi Teataja I. – 1995. – № 23. ст. 334. – Режим доступа:

- <https://www.riigiteataja.ee/akt/28746> (дата обращения: 15.12.2020);
русский перевод закона: Закон о языке // Русская Школа Эстонии.
Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL:
http://www.venekool.eu/docs/zakony/zakon_o_jazyke.pdf (дата обращения:
15.12.2020).
- 39.Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja. –
1992. – № 7. ст. 109.
- 40.Kodakondsuse taotlejatele esitatavate eesti keele tundmise nouete seadus
(Закон о требованиях к знанию эстонского языка ходатайствующими о
гражданстве) // Riigi Teataja I. – 1993 – № 11. ст. 171.
- 41.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seadus (Закон о выборах в
собрания местных самоуправлений) // Riigi Teataja I. – 1993. – № 29. ст.
505.
- 42.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seaduse eelnõu teine lugemine /
VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärk Kolmapäev, 12. mai 1993, (Закон
о выборах в собрания местных самоуправлений второе чтение / VII
Рийгикогу Стенограмма II Сессии Среда, 12 Мая 1993) [Электронный
ресурс] // Сайт Рийгикогу. – Режим доступа:
<https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199305121400?phrase=Kohaliku%20omavalitsuse%20volikogu%20valimise%20seaduse%20eelnu%C3%B5u%20teine%20lugemine%20&type=ALL#PKP-13332> (дата обращения:
11.10.2022).
- 43.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimise seaduse eelnõu teine lugemine /
VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärk Kolmapäev, 19. mai 1993, (Закон
о выборах в собрания местных самоуправлений второе чтение / VII
Рийгикогу Стенограмма II Сессии Среда, 19 Мая 1993) [Электронный
ресурс] // Сайт Рийгикогу. – Режим доступа:

- <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199305191400> (дата обращения: 11.10.2022).
- 44.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 20 oktoober 1996 Dokumente ja materijale / Koostajad A.Heinsalu, V.Loorits, K.Maandi, E.Maaten. – Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 1997. – 328 lk.
- 45.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 17 oktoober 1999 Dokumente ja materijale / Koostajad A.Heinsalu, E.Maaten, M.Malsub. – Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2000. – 366 lk.
- 46.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 20 oktoober 2002 Dokumente ja materijale / Koostaja E.Maaten. – Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2003. – 441 lk.
- 47.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 16 oktoober 2005 Dokumente ja materijale / Koostajad: M.Orav, E.Maaten. – Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2006. – 353 lk.
- 48.Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 18 oktoober 2009 Dokumente ja materijale / Koostajad: P.Vinkel, H.Stepanov. – Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2010. – 444 lk.
- 49.Latvijas Republikas Augstākā Padomes vēlēšanas (Выборы Верховного Совета Латвийской Республики) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: <http://www.saeima.lv/lv/par-saeimu/likumdeveju-vesture/latvijas-republikas-augstaka-padome/> (дата обращения: 05.10.2019).
- 50.Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990. gada 4. Maijā [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: http://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 21.08.2019); Текст декларации на русском языке: Декларация Верховного Совета Латвийской Советской Социалистической Республики «О восстановлении независимости

- Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. – М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 191.
- 51.Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko status» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību Akti. – Режим доступа: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020).
- 52.Latvijas Republikas Konstitucionālais likums «Par Latvijas Republikas valstisko status» (Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики») [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību Akti. – Режим доступа: <https://likumi.lv/doc.php?id=69512> (дата обращения: 05.04.2020).
- 53.Latvijas Republikas Satversme (Конституция Латвийской Республики) // Latvijas Vēstnesis, – № 43, 01.07.1993.
- 54.Latvijas Republikas Satversme: pieņemta Latvijas Satversmes Sapulces 1922.g. 15. februāra kopsēdē (Конституция Латвийской Республики: принятая в пленарном заседании Латвийского Учредительного Собрания 15-го февраля 1922 года и вступившая в силу 7-го ноября 1922 года) – Рига: Промсервис, – 23 стр.
- 55.Latvijas Republikas valsts robežas likums (Закон о государственной границе Латвийской Республики) // Latvijas Vēstnesis, 10.11.1994, – № 132.
- 56.Lietuvos Respublikos Baudžiamojo Kodekso 95 straipsnio pakeitimo bei papildymo, Kodekso papildymo 1702 straipsniu ir Kodekso priedo

- papildymo įstatymas 2010 m. birželio 15 d. Nr. XI-901 (Закон Литовской Республики О внесении изменений и дополнений в статью 95 Уголовного Кодекса, статью 170 2 Кодекса и добавление к приложению к Кодексу 2010. 15 июня Нет. XI-901) [Электронный ресурс] // Сейм Литовской Республики. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.375951> (дата обращения: 16.08.2020).
- 57.Lietuvos Respublikos draudimo propaguoti totalitarinius, autoritarinius režimus ir jų ideologijas įstatymas [Электронный ресурс] // Lietuvos Respublikos Seimas. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/b80056227d3211edbdcebd68a7a0df7e?jfwid=-rhnnontwv> (дата обращения: 15.02.2024).
- 58.Lietuvos Respublikos įstatymo «Dėl Lietuvos valstybės herbo» (Закон Литовской Республики «О гербе Литовского государства») [Электронный ресурс] // Valstybės žinios, 1991-09-20, Nr. 26-681. – Режим доступа: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.D62CC8FB6EF1> (дата обращения: 25.05.2023).
- 59.Lietuvos Respublikos įstatymo «Dėl Lietuvos valstybės vėliavos» pakeitimo įstatymas (Закон о внесении изменений в Закон Литовской Республики «О Государственном флаге Литвы») [Электронный ресурс] // Valstybės žinios, 2004-07-24, Nr. 115-4274. – Режим доступа: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.127328D5F616> (дата обращения: 14.05.2023).
- 60.Lietuvos Respublikos Pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Республики) // Lietuvos aidas, – 1991.12.17, – № 251-0.
- 61.Lietuvos Respublikos piliečių nuosavybės teisių į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo įstatymas (Закон Литовской Республики о восстановлении

- права собственности граждан на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios, – 1997-07-09, – № 65-1558.
- 62.Lietuvos Respublikos religinių bendrijų teisės į išlikusį nekilnojamąjį turtą atkūrimo tvarkos įstatymas (Закон Литовской Республики о порядке восстановления права религиозных общин на сохраненную недвижимость) // Valstybės žinios, – 1995-03-29, – № 27-600.
- 63.Lietuvos Respublikos valstybės vėliavos įstatymas (Закон о государственном флаге Литовской Республики) // Сейм Литвы Lietuvos URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.07CAE5E6C2B3> (дата обращения: 11.05.2023).
- 64.Lietuvos Respublikos valstybinės kalbos įstatymas (Закон о государственном языке Литовской Республики) // Valstybės žinios, – 1995.02.18, – № 15-344.
- 65.Lietuvos Respublikos vyriausiosios rinkimų komisijos 1992 m. spalio 31 d. nutarimas «Dėl 1992 m. spalio 25 d. referendumo Lietuvos Respublikos Konstitucijai priimti rezultatų» (Постановление Центральной избирательной комиссии Литовской Республики от 31 октября 1992 г. «Об итогах референдума от 25 октября 1999 года по принятию Конституции Литовской Республики») [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии Литовской Республики. – Режим доступа:
https://www.vrk.lt/documents/10180/432567/2343_lrkonstitucpriimti.pdf/312a28c3-73f1-443a-a893-e55b93b60f49 (дата обращения: 13.04.2020).
- 66.Lietuvos Respublikos švenčių dienų įstatymas (Закон о государственных праздниках Литовской Республики) // Lietuvos aidas, 1990-10-26, Nr. 111-0 – URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.824> (дата обращения: 25.02.2023)

67. Lietuvos nepriklausomos valstybės atkūrimas 1990 m. kovo 11 d. [Электронный ресурс] // Lietuvos Vyriausiojo Archyvaro Tarnyba – URL: <https://archyvai.lt/exhibitions/kovo11/paroda2.htm> (дата обращения: 06.10.2019); Текст декларации на русском языке: Акт Верховного Совета Литовской Республики «О восстановлении независимого Литовского Государства» // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. – М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 198.
68. Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos pilietybės Įstatymas (Закон О гражданстве Литовской Советской Социалистической Республики) [Электронный ресурс] // Сайт Сейма Литвы. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.18854?positionInSearchResults=0&searchModelUUID=c85748b2-fbaa-447b-b151-43e61ba2998c> (дата обращения: 12.04.2020).
69. Likums par pavalstniecību: (lik. rīk. krāj. 1919. g. 127. num. un 1927. g. 93. num.); Papildinājumi likumā par pavalstniecību (1930. g. 5. Februārī), – Rīga: b.i. 1930 (Закон о гражданстве: (Сборник законов № 127 от 1919 года и № 93 от 1927 года); Поправки к Закону о гражданстве (5 февраля 1930 г.), - Рига: б.и. 1930).
70. Nutarimas Dėl Lietuvos Respublikos tautos istorinės atminties įstatymo projekto Nr. XIP-4631(2) (Решение о проекте закона Об исторической памяти народа Литовской Республики No. XIP-4631 (2)) [Электронный ресурс] // Сейм Литовской Республики. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAP/TAPIS.180413?positionInSearchResults=2&searchModelUUID=9443f634-eadf-468b-a2b3-2dc3b2093334> (дата обращения: 25.10.2020).

- 71.Par grozījumiem dažos likumdošanas aktos simbolikas jautājumos (О внесении изменений в некоторые законодательные акты по символическим вопросам) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики, 1992 г., № 13/14.
- 72.Par grozījumiem un papildinājumiem Latvijas Padomju Sociālistiskas Republikas Valodu likumā (Поправки к Закону о языке Латвийской Советской Социалистической Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, – № 15/16, 16.04.1992.
- 73.Par Latvijas Republikas pilsoņu tiesību atjaunošanu un naturalizācijas pamatnoteikumiem (О восстановлении в правах граждан Латвийской Республики и основных правилах натурализации) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Tiesību Akti. – Режим доступа: <https://likumi.lv/doc.php?id=69914> (дата обращения: 08.04.2020).
- 74.Par Latvijas Republikas valsts ģerboni (О государственном гербе Латвийской Республики) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs (Вестник Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики), 1993 г., г. № 3/4
- 75.Par pamīprašumu denacionalizāciju Latvijas Republikā (Закон о разгосударствлении недвижимости в Латвийской республике) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, № 46, 21.11.1991.
- 76.Par privatizācijas sertifikātiem (О приватизационных сертификатах) [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, 52, 04.04.1995. – Режим доступа: <https://likumi.lv/doc.php?id=34503> (дата обращения: 09.04.2020).
- 77.Par svētku un atceres dienām likumā (Закон о праздниках и днях памяти) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, 1990, 42.nr.

- 78.Par Tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju pārskatiem par darbību 2011 (Отчёты религиозных организаций о своей деятельности в 2011 году, представленные в министерство юстиции) / Министерство юстиции Латвийской Республики gadā<https://www.tm.gov.lv/lv/ministrija/gada-parskati/2011-gada-publiskie-parskati> (дата обращения: 14.03.2020).
- 79.Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības (закон «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства») [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, – № 63, – 25.04.1995. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> (дата обращения: 02.02.2020).
- 80.Par zemes privatizāciju lauku apvidos (Закон о приватизации земли в сельской местности) // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs, 32/33/34, 20.08.1992
- 81.Pilsonības likums (Закон о гражданстве) [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, № 93 (224), 11.08.1994. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums> (дата обращения: 25.08.2019).
- 82.Pūhade ja tāhtpāevade seadus (Закон о праздниках и праздничных днях) // Riigi Teataja. – 1998. – № 13. ст. 162. – URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/74670> (дата обращения: 25.02.2023).
- 83.Referendum September 14. 2003 [Электронный ресурс] // Vabariigi Valimiskomisjoni. – Режим доступа: <http://www.vvk.ee/varasemad/?v=rh03> (дата обращения: 11.11.2020).
- 84.Referendums dėl Lietuvos Respublikos narystės Europos Sąjungoje (Референдум о членстве Литовской Республики в Европейском Союзе)

- [Электронный ресурс] // Lietuvos Respublikos Vyriausioji rinkimų komisija (Центральная избирательная комиссия Литовской Республики). – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110324201242/http://www3.lrs.lt/rinkimai/2003/referendumas/> (дата обращения 25.10.2020).
- 85.Regionaalministri määruse "Narva linna aadressikohtade uute kohanimele määramine" eelnõu avalikustamine (Публикация проекта постановления регионального министра «Об определении новых топонимов адресов в городе Нарве») [Электронный ресурс] // Regionaal- ja Põllumajandusministeerium. – Режим доступа: <https://www.agri.ee/uudised/narva-kohanimed-08-2023> (дата обращения: 15.02.2024).
- 86.Riigipiiri seadus (Закон о государственной границе) [Электронный ресурс] // Riigi Teataja I 1994. – № 54. ст. 902. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/31960#o> (дата обращения: 05.05.2020).
- 87.Seadus Eesti sümboolikast (Закон об эстонских символах) // Riigi Teataja от 08.05.1990 – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/24029> (дата обращения: 19.04.2023).
- 88.Seimo narių sąrašas 1990-1992 m. kadencijos (Список членов Сейма 1990-1992 гг. срок полномочий) [Электронный ресурс] // Lietuvos Respublikos Seimas. – Режим доступа: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_lrs.seimo_nariu_sarasas?p_kade_id=1 (дата обращения: 05.10.2019).
- 89.Seimo vakarinis neeilinis posėdis Nr. -2 Stenograma (1992-10-29) (Стенограмма № 2 вечернего заседания Сейма от 29.10.1992) [Электронный ресурс] // Сайт Сейма Литовской Республики. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.251744> (дата обращения: 24.07.2020).

90. Seimo rytinis posėdis Nr. 77 Stenograma (1997-06-05) (Стенограмма № 77 утреннего заседания Сейма от 05.06.1997) [Электронный ресурс] // Сайт Сейма Литовской Республики. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAK/TAIS.49352> (дата обращения: 21.10.2020).
91. Susirinkimų įstatymo 8 straipsnio papildymo įstatymas 2008 m. birželio 17 d. Nr. X-1609 (Поправки к закону о собраниях № X-1609 от 17.06.2008) [Электронный ресурс] // Сейм Литовской Республики. – Режим доступа: <https://www.e-tar.lt/portal/legalAct.html?documentId=TAR.CC7DA99E7343> (дата обращения: 01.12.2019).
92. Tautas nobalsošanas par Latvijas dalību Eiropas Savienībā rezultāti (Результаты референдума о присоединении Латвии к Европейскому Союзу) [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/sae8dev.aktiv03er.vis> (дата обращения: 04.11.2020).
93. Vabariigi Presidendi poolt tagasisaadetud «Välismaalaste seaduse» uus käsitlelu / VII Riigikogu Stenogramm Erakorraline Istungjärk Neljapäev, 8. juuli 1993 (Президент Республики вернул «Закона об иностранцах» на новое рассмотрение / VII Рийгикогу Стенограмма Внеочередной Сессии, Четверг, 8 июля 1993) [Электронный ресурс] // Сайт Рийгикогу. – Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199307081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).
94. Valsts valodas likums (Закон о государственном языке) [Электронный ресурс] // Latvijas Vēstnesis, – № 428/433, – 21.12.1999. – Режим доступа: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/14740> (дата обращения: 05.02.2020).

95. Välismaalaste seadus (Закон об иностранцах) // Riigi Teataja. – 1993, – N 44. ст. 637; русский перевод закона: Закон об иностранцах [Электронный ресурс] // Justiitsministeerium (Сайт Министерства юстиции ЭР). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа:
<http://www.just.ee/orb.aw/class=file/action=preview/id=49469/Valismaalaste+seadus.pdf> (дата обращения: 17.01.2013).
96. Välismaalaste seaduse eelnõu esimene lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärk Teisipäev, 8. juuni 1993 (Первое чтение проекта закона об иностранцах / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии, Вторник, 8 июня 1993) [Электронный ресурс] // Сайт Рийгикогу. – Режим доступа:
<https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199306081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).
97. Välismaalaste seaduse eelnõu teine lugemine / VII Riigikogu Stenogramm II Istungjärk Teisipäev, 15. juuni 1993 (Второе чтение проекта закона об иностранцах / VII Рийгикогу Стенограмма II Сессии, Вторник, 15 июня 1993) [Электронный ресурс] // Сайт Рийгикогу. – Режим доступа:
<https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199306151000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).
98. 1998. Gada Tautas nobalsošana (Референдум 1998 г.) [Электронный ресурс] // Centrālās vēlēšanu komisijas (Сайт Центральной избирательной комиссии). – Режим доступа: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/base.velbals> (дата обращения: 03.02.2020).
99. VII Riigikogu Stenogramm Erakorraline Istungjärk Neljapäev, 8. juuli 1993 (Президент Республики вернул «Закона об иностранцах» на новое рассмотрение / VII Рийгикогу Стенограмма Внеочередной Сессии, Четверг, 8 июля 1993) [Электронный ресурс] // Сайт Рийгикогу. –

Режим

доступа:

<https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199307081000?phrase=V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).

Документы и отчёты государственных органов Эстонии, Латвии, Литвы и РФ, общественных и международных организаций

100. Балтийская ассамблея: Сборник докладов, Таллинн, 13-14 мая 1989 г. / Народный фронт Эстонии. – Таллинн: Валгус, 1989. – 15 с.
101. Гражданство [Электронный ресурс] // Сайт посольства Эстонии в Москве. – Режим доступа: https://estemb.ru/static/files/048/kodakondsus_aprill2008.pdf (дата обращения: 06.07.2022).
102. Декларация министерства иностранных дел России от 4 июля 1994 года // Дипломатический вестник. – 1994. – № 13–14, 52.
103. Договор об основах межгосударственных отношений между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Литовской Республикой // Бюллетень международных договоров. – 1994. – № 1.
104. Договору между Российской Федерацией и Литовской Республикой о российско-литовской государственной границе // Бюллетень международных договоров, – 2004. – № 9. – С 65.
105. Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о выводе Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Эстонской Республики и условиях их временного пребывания на ее территории (Москва, 26 июля 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1994. – № 10.
106. Договор между Эстонской Республикой и Российской Федерацией об эстонско-российской государственной границе [Электронный ресурс] // Сайт Правительства России. – Режим доступа:

- <http://static.government.ru/media/files/41d4926c0c3c1d93b32d.pdf> (дата обращения: 11.10.2022).
107. Договор между Эстонской Республикой и Российской Федерацией об эстонско-российской государственной границе [Электронный ресурс] // Valisministeerium (МИД Эстонии). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: https://vm.ee/sites/default/files/content-editors/web-static/372/Riigipiiri_leeping_Venemaaga_rus.pdf (дата обращения: 05.05.2020).
108. Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о российско-эстонской государственной границе [Электронный ресурс] // МИД РФ Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-41/44211 (дата обращения: 06.05.2020).
109. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединённых Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml (дата обращения: 22.08.2019).
110. Лауристин М. Эстонская программа интеграции 2008–2013. Заключительный отчёт об исследовании необходимости и возможности реализации. – Таллин, – Тарту, 2008. – 49 стр.
111. Мирный договор между Россией и Латвией (Рижский) // Оккупация и аннексия Латвии: 1939–1940, документы и материалы / под ред. И. Грива-Крейтуса, И. Фельдманис, Я. Гольдманис, А. Странга. – Рига, 1995, – С. 36–50.

112. Мирный договор между Россией и Литвой (Московский) // Документы внешней политики СССР / под ред. Г. Фокина. – М.: Госполитиздат, 1959. Т. 3. – С. 28–41.
113. Мирный договор между Россией и Эстонией (Тартуский) // Документы внешней политики СССР / под ред. Г. Фокина. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 2. – С. 339–354.
114. Полещук В. Ежегодный доклад 2007 года: Эстония – Центр информации по правам человека [Электронный ресурс] // Inimõiguste Teabekeskus The Legal Information Centre for Human Rights Центр информации по правам человека (LICHR). – Режим доступа: www.lichr.ee/main/assets/god2007b.doc (дата обращения: 01.11.2013).
115. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 июля 1993 г. № 5311 I «О мерах в связи с нарушением прав человека на территории Эстонской Республики» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 28. – С. 1074.
116. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии» от 30 марта 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. – М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 243.
117. Программа освоения латышского языка [Электронный ресурс] // Сайт Министерства Иностранных дел Латвийской Республики. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/integraciya-obshestva-v-latvii/programma-osvoeniya-latyshskogo-yazyka> (дата обращения: 03.02.2020).

118. Поправки, дополнения и предложения к постановлению «О гражданстве Эстонской Республики» / Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115. – Л. 31–32.
119. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии» от 30 марта 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально-государственного суверенитета / сост. Доронченков А. И. – М.: Институт теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. – С. 243.
120. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.12.1994 N 1369 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033423&intelsearch=%CFF%E0%ED%E2%EB%E5%ED%E8%E5+%CF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0+%AB%CE%E1+%F3%F2%E2%E5%F0%E6%E4%E5%ED%E8%E8+%CF%EE%EB%EE%E6%E5%ED%E8%FF+%EE+%CF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E9+%EA%EE%EC%E8%F1%F1%E8%E8+%EF%EE+%E4%E5%EB%E0%EC+%F1%EE%EE%F2%E5%F7%E5%F1%F2%E2%E5%ED%ED%E8%EA%EE%E2+%E7%E0+%F0%F3%E1%E5%E6%EE%EC%BB+> (дата обращения: 03.05.2020).
121. Российско-латвийские торгово-экономические отношения [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Латвийской Республике. – Режим доступа: <https://latvia.mid.ru/ru/countries/bilateral->

- relations/rossiysko_latviyskie_torgovo_ekonomicheskije_otnosheniya/ (дата обращения: 06.05.2020).
122. Сайт Партии зелёных Эстонии (Erakond Eestimaa Rohelised) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roheline.erakond.ee/> (дата обращения: 29.06.2020).
123. Сайт Партии Реформ Эстонии (Eesti Reformierakond) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reform.ee/> (дата обращения: 22.02.2021).
124. Сайт Партии свободы – Объединение хуторян (Eesti Vabaduspartei – Põllumeeste Kogu). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vabaduspartei.ee/> (дата обращения: 22.02.2021).
125. Сайт Русской партии Эстонии (Vene erakond Eestis). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusparty.ee/> (дата обращения: 22.02.2021).
126. Сайт Социал-демократическая партия Эстонии (Sotsiaaldemokraatlik Erakond). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sotsdem.ee/> (дата обращения: 22.02.2021).
127. Сайт Эстонской партии Независимости (Eesti Iseseisvuspartei). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iseseisvuspartei.ee/> (дата обращения: 22.02.2021).
128. Сайт Центристской партии Эстонии (Eesti Keskerakond). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.keskerakond.ee/> (дата обращения: 22.02.2021).
129. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики по вопросам социальной защищенности военных пенсионеров Российской Федерации и членов их семей, проживающих на территории Латвийской Республики [Электронный ресурс] // Государственная система правовой

- информации. — Режим доступа:
http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203003888&page=1&rdk=0&link_id=4#I0 (дата обращения: 15.11.2019).
130. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о взаимных поездках граждан (заключено в г. Москве 30.12.2002) // Бюллетень международных договоров, — 2003, — № 3, — С.76.
131. Соглашение между Российской Федерации и Эстонской Республикой по вопросам социальных гарантий пенсионерам Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Эстонской Республики (Москва, 26 июля 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. — 1994. — № 7.
132. Сопроводительное письмо к проекту постановления Верховного совета Эстонской Республики «О гражданстве Эстонской Республики» / Rahvusarhiiv (ЭГА) Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.
133. Стенограмма 4-го заседания I-й сессии Верховного Совета Латвийской Республики от 4 мая 1990 г. (Latvijas Republikas Augstākās Padomes pirmās sesijas 4. Sēde 1990.gada 4. maijā) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. — Режим доступа: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1990/st_900504v.htm (дата обращения: 05.04.2020).
134. Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. — Режим доступа: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015.htm (дата обращения: 07.04.2020).
135. Стенограмма заседания от 15 октября 1991 г. вечерняя сессия (1991.gada 15. oktobra sēdes stenogramma Vakara sēde) [Электронный

- ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_911015v.htm (дата обращения: 07.04.2020).
136. Стенограмма заседания сессии Верховного Совета Латвийской Республики от 21 августа 1991 г. (1991.gada 21. augusta sēdes stenogramma) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: https://www.saeima.lv/steno/AP_steno/1991/st_910821v.htm (дата обращения 05.04.2020).
137. Стенограмма 1-го заседания открытия сессии 5-го Сейма Латвийской Республики от 6 июля 1993 г. (Latvijas Republikas 5. Saeimas pirmā sēde 1993. gada 6. Jūlijā Sēdi vada) [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeima. – Режим доступа: https://saeima.lv/steno/st_93/060793.html (дата обращения: 02.04.2020).
138. Указ Президента Российской Федерации от 11.08.1994 г. N 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» [Электронный ресурс] // Сайт президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6801> (дата обращения: 03.05.2020).
139. Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 1994 года «О демаркации сухопутной границы между Эстонией и Россией». Собрание Законодательства Российской Федерации, № 9, документ 930 (1994).
140. Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 г. № 84 О признании государственной независимости Латвийской Республики [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/139> (дата обращения: 02.05.2020).

141. Указ Президента РСФСР от 24.08.1991 № 81 О признании государственной независимости Эстонской Республики [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/141> (дата обращения: 02.05.2020).
142. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (дата обращения: 03.05.2020).
143. Федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом"» [Электронный ресурс] // Министерство Иностранных Дел Российской Федерации Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.mid.ru/web/guest/pereselenie/-/asset_publisher/evI8J0czYac3/content/id/239766 (дата обращения: 20.05.2020).
144. Экономические связи и товарообмен [Электронный ресурс] // Посольство Эстонии в Москве. – Режим доступа: <https://moscow.mfa.ee/ru/estonija-i-rossija/ekonomicheskije-otnoshenija/> (дата обращения: 06.05.2020).
145. Экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Литовской Республики в Российской Федерации. – Режим доступа: <https://ru.mfa.lt/ru/ru/dovro-pozhalobat-j-b-litbu/litba-i-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 06.05.2020).
146. Эстонская Республика (справка) [Электронный ресурс] // МИД РФ Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.mid.ru/search?p_p_id=3&p_p_lifecycle=0&p_p_state=maximi

- zed&p_p_mode=view&_3_struts_action=%2Fsearch%2Fsearch# (дата обращения: 05.05.2020).
147. Эстонская программа интеграции 2008–2013 [Электронный ресурс] // Kultuuriministeerium (Сайт Министерства Культуры Эстонии). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: https://www.kul.ee/sites/kulminn/files/loimumiskava_2008-2013_rus_vv_11.06.09_nr_236.pdf (дата обращения: 20.11.2020).
148. VII Рийгикогу [Электронный ресурс] // Riigikogu the Parliament of Estonia. – Режим доступа: <https://www.riigikogu.ee/ru/obshhaya-informatsiya-i-istoriya/istoriya-riigikogu/vii-sozyv-riigikogu/> (дата обращения: 14.05.2020).
149. European Commission Against Racism and Intolerance (ECRI) First report on Latvia Adopted on 13 March 1999. – 17 p.
150. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы) // European Parliament. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 04.09.2023).
151. Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas līgums par Krievijas Federācijas Bruņoto spēku pilnīgas izvešanas no Latvijas Republikas teritorijas nosacījumiem, termiņiem un kārtību un to tiesisko stāvokli izvešanas laikā (Соглашение между Латвийской Республикой и Российской Федерацией об условиях, сроках и порядке полного выведения Вооруженных Сил Российской Федерации с территории Латвийской Республики и их правового статуса на момент вывоза) от 30 апреля 1994 г. // Latvijas Vēstnesis 10.12.1994, – № 144.

152. Latvijas Republikas valdības un Krievijas Federācijas valdības vienošanās par robežas pārstāvju darbību (Соглашение между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации о деятельности пограничных представителей) // Latvijas Vēstnesis, 16.08.1994, – № 95.
153. Latvijas Republikas un Krievijas Federācijas līgums par Latvijas un Krievijas valsts robežu (Соглашение между Латвийской Республикой и Российской Федерацией о государственной границе Латвии и России) // Latvijas Vēstnesis 29.05.2007. – № 85.
154. Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma, statūti, rezolūcijas. – Rīga: Latvijas tautas frontes izdevniecība, 1990. – 24 p.
155. Līgums Par Latvijas Republikas un Krievijas Padomju Federatīvās Sociālistiskās Republikas starpvalstu attiecību pamatiem (Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Латвийской Республики) [Электронный ресурс] // Valdības Ziņotājs, – 09.05.1991. – № 17/18. – Режим доступа: <https://likumi.lv/doc.php?id=65210> (дата обращения: 03.05.2020).
156. Par Abrenes pilsētas un sešu Abrenes apriņķa pagastu aneksijas neatzīšanu (О непризнании аннексии города Абрен и шести деревень Абренского района) от 22 января 1992 года // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Zinotājs, 13.02.1992. – № 6/7.
157. Resolution 1455 Honouring of obligations and commitments by the Russian Federation. Session: 2005 – Third part-session Date 22/06/2005 // Parliamentary Assembly Council of Europe (Резолюция 1455 Выполнение обязанностей и обязательств Российской Федерацией. Третья сессия 2005 [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея Совета

- Европы). – Режим доступа: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17354&lang=en> (дата обращения: 03.10.2020).
158. Seletuskiri Eesti Vabariigi ja Vene Föderatsiooni vaheliste piirilepingute kohta (Объяснительная записка к пограничным соглашениям между Эстонской Республикой и Российской Федерацией) [Электронный ресурс] // Valisministeerium (МИД Эстонии). – Режим доступа: <https://vm.ee/et/uudised/seletuskiri-eesti-vabariigi-ja-vene-foderatsiooni-vaheliste-piirilepingute-kohta> (дата обращения: 05.05.2020).
159. Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles (Заявление исполняющего обязанности государственного секретаря, достопочтенного Самнера Уэллеса) [Электронный ресурс] // Wilson Center. Digital Archive. – Режим доступа: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).
160. The European Communities and Eastern Europe: an emerging new relationship: selected materials covering the years 1988–1991 / compiled by Dietrich André Loeber. – Hamburg, 1991. – 172 p.
161. Vabariigi Presidendi poolt tagasisaadetud "Välismaalaste seaduse" uus käsitlelu / VII Riigikogu Stenogramm Erakorraline Istungiärk Neljapäev, 8. juuli 1993 (Президент Республики вернул «Закона об иностранцах» на новое рассмотрение / VII Рийгикогу Стенограмма Внеочередной Сессии, Четверг, 8 июля 1993) [Электронный ресурс] // Сайт Рийгикогу. – Режим доступа: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/et/199307081000?phrase=%20%22V%C3%A4lismaalaste%20seaduse&type=ALL> (дата обращения: 11.10.2022).
162. Valitsuse pressikonverents, 4. august 2022 (Пресс-конференция Правительства Эстонской республики от 4 августа 2022 года) [Электронный ресурс] // Eesti Vabariigi Valitsus. – Режим доступа:

<https://www.valitsus.ee/uudised/valitsuse-pressikonverents-4-august-2022>
(дата обращения 30.10.2022).

163. Vene Nõukogude Föderatiivse Sotsialistliku Vabariigi ja Eesti Vabariigi riikidevaheliste suhete aluste leping (Договор об основах межгосударственных отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики) [Электронный ресурс] // Riigi Teataja. – 1991. – № 2. ст. 19. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13068080> (дата обращения: 03.05.2020).

Данные статистики и социологических исследований

164. В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2009. – 06 февраля. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266> (дата обращения: 08.09.2019).
165. Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Альбом диаграмм [Электронный ресурс] // Евразийский Монитор. – Режим доступа: <https://eurasiamonitor.org/issledovaniia> (дата обращения: 02.12.2020).
166. Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию [Электронный ресурс] // DELFI.lt – 2007. – 21 мая. – Режим доступа: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения: 28.11.2020).
167. Исследование: латыши стали менее негативно относиться к советскому периоду [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2013. – 15 марта. – Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/issledovanie-latysh-stali-menee-negativno-otnositsya-k-sovetskomu-periodu.d?id=43149554> (дата обращения: 23.11.2020).

168. Исследование: что делали бы русские и поляки Литвы, если бы на страны Балтии напала Россия? [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2016. – 8 августа. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-что-delali-by-russkie-i-polyaki-litvy-esli-by-na-strany-baltii-napala-rossiya.d?id=71992604> (дата обращения: 27.11.2020).
169. Исследовательский проект «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель-май 2009 г. Краткий аналитический отчёт. – М.: НП «Евразийский монитор», АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2009. – 52 с.
170. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. / предисл.: Н. Тройницкий. - Санкт-Петербург: типография «Общественная польза», 1905. - X, 270, 120 с.; 27. - (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого). - Указ. сокращений, принятых в тексте: с. VII. 1. Население - Вероисповедный состав - Россия - 1897; 2. Население - Переписи - Россия – 1897 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Бориса Николаевича Ельцина. – Режим доступа: <http://www.prilib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=4952> (дата обращения: 15.07.2019).
171. Опрос: жители Латвии стали лучше относиться к советским временам [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1636769.html> (дата обращения: 28.10.2020).
172. Опрос: Литовцы на русское нацменьшинство смотрят более благосклонно, чем на местных поляков [Электронный ресурс] //

- Литовский курьеръ. 2011. – 21 декабря. – Режим доступа: <https://www.kurier.lt/opros-litovtsy-na-russkoe-natsmenshins/> (дата обращения: 14.11.2020).
173. Опрос: население за вступление в НАТО [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2003. – 16 июля. – Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-naselenie-za-vstuplenie-v-nato.d?id=5817458&all=true> (дата обращения: 04.11.2020).
174. Опрос: 42,6% жителей не верят в независимое национальное государство [Электронный ресурс] // Наш город. Новости Даугавпилса. – Режим доступа: <https://gorod.lv/novosti/159268-opros-426-zhitelei-ne-veryat-v-nezavisimoe-natsionalnoe-gosudarstvo> (дата обращения: 30.10.2020).
175. Почти рекорд и огромный сюрприз. Праздник Песни после COVID [Электронный ресурс] // mixnews.lv – Режим доступа: <https://mixnews.lv/culture/2023/06/29/pochti-rekord-i-ogromnyy-syurpriz-prazdnik-pesni-posle-covid/> (дата обращения: 20.11.2024).
176. Проект (грант) № 181 Организация-грантополучатель: Санкт-Петербургская региональная общественная организация «Балтийский клуб» Тема проекта (гранта): «Социально-культурные особенности автономизации русскоязычного населения Эстонии» г. Москва Октябрь 2008 г.
177. Результаты опроса: большинство русскоязычных гордятся тем, что живут в Латвии [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2019. – 30 ноября. – Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-bolshinstvo-russkoyazychnyh-gordyatsya-tem-chto-zhivut-v-latvii.d?id=51681495> (дата обращения: 23.10.2020).
178. Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. [Электронный

- ресурс] // SAAR POLL (Саар Полл). – Режим доступа: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
179. Ceturtā tautas skaitīšana Latvijā 1935. Gadā [Электронный ресурс] // Centrālā statistiskās pārvalde. – Режим доступа: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/tautas-skaitisana/meklet-tema/186-ceturta-tautas-skaitisana-latvija-1935-gada> (дата обращения: 15.07.2019).
180. Du iš 3 Lietuvos gyventojų balsuotų už narystę NATO (Двое из трех литовцев проголосовали бы за членство в НАТО) [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2003. – 02 января. – Режим доступа: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/du-is-3-lietuvos-gyventoju-balsuotu-uz-naryste-nato.d?id=1734335> (дата обращения: 25.10.2020).
181. Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ülemnõukogu XII koosseis Statistikat ja ülevaateid Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 29.03.1990–29.09.1992 / Peatoimetaja Aaro Mõttus. – Tallinn: Riigikogu Kantselei, 2013. – 296 lk.
182. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. – Rīga, 2013. – 55 lpp.
183. Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2 / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. – Rīga, 2017. – 72 lpp.
184. Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites // Latvijas Vēstnesis. – 2002. – 30.04, – № 65.
185. Latvijas 2000. gadtautas skaitīšanas rezultāti / Statistikas datu krājums. (Results of the 2000 population census in brief: statistical bulletin / Central Statistical Bureau of Latvia.) – Rīga: Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2002. – 294 p.

186. Lietuvos gyventojai 1923 [Электронный ресурс] // Lietuvos statistikos departamentas. – Режим доступа: <https://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=16374> (дата обращения: 16.07.2019).
187. Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development) / Redaktoriai: D. Ambrozaitienė. – Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. – 178 p.
188. Lietuvos statistikos metraštis 1989 [Электронный ресурс] // Official Statistics portal. – Режим доступа: <http://osp.stat.gov.lt/statistikos-leidiniu-katalogas?publication=83> (дата обращения: 23.09.2019).
189. Valimised Eestis 1992–2011. Statistikat ja selgitusi / Koostanud A. Heinsalu, A. Koitmäe, M. Pilving, P. Vinkel. – Tallinn: Vabariigi Valimiskomisjon, 2011. – 55 lk.
190. Rahvaloendused Eestis: 1881, 1897, 1922, 1934, 1959, 1970, 1979, 1989 = Population censuses in Estonia = Переписи населения в Эстонии / Statistikaamet. – Tallinn: Statistikaamet, 1997. – 55 lk.
191. Tautinės bendrijos, žiniasklaidos priemonės ir pasitikėjimas. Tyrimo ataskaita. – Klaipėda: Klaipėdos universiteto Socialinių pokyčių studijų centras, 2016. – 57 lpp.
192. Ziņojums par Latvijas Republikas iedzīvotāju 1991. gada 3. marta aptaujas rezultātiem // Diena, – 1991, – 8. marts, 2. lpp.
193. 2000. aasta rahva ja eluruumide loendus. II, Kodakondsus, rahvus, emakeel ja võõrkeelte oskus = 2000 population and housing census. II, Citizenship, nationality, mother tongue and command of foreign languages / Statistikaamet; [koostanud Kristina Känd, Merit Langi, Riina Leinbock ... jt.] – Tallinn: Statistikaamet, 2001. – 347 lk.

194. 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā: statistikas datu krājums = Итоги переписи населения 1989 года по Латвии: статистический сборник / Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja. – Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992. – 305 lpp.

Материалы периодической печати 1990-х – 2010-х гг.

195. Баранова Ю. В Вильнюсе хотят переименовать улицы в рамках десоветизации [Электронный ресурс] // Газета.Ру – 2023. – 17 июля. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20889350.shtml> (дата обращения: 15.02.2024).
196. Белый А. Латвия борется с пережитками прошлого. Арестован 85-летний чекист // Коммерсантъ. – 1999. – 21 октября. – № 193. – С. 11.
197. В оккупацию Латвии верит 5% учеников русских школ [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2009. – 6 февраля. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/v-okkupaciju-latvii-verit-5-uchenikov-russkih-shkol.d?id=20454266> (дата обращения: 08.09.2019).
198. Волков К. В Латвии запретили вещание семи телеканалов RT [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2020. – 30 июня. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/30/v-latvii-zapretili-veshchanie-semi-telekanalov-rt.html> (дата обращения: 25.11.2020).
199. Давидоните Б. Исследование: как в Литве оценивают жизнь в советские времена? [Электронный ресурс] // ru.DELFI.lt – 2016. – 25 августа. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/issledovanie-kak-v-litve-ocenivayut-zhizn-v-sovetskie-vremena.d?id=72137384> (дата обращения: 20.10.2020).
200. Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2012. – 16 февраля. – Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl->

- gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301 (дата обращения: 24.10.2020).
201. Иванов Г. Ничего русского. Как в Прибалтике отменяют «неправильные» названия? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – 2022. – 29 июля. – Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/nichego_russkogo_kak_v_pribaltike_otmenyayut_nepravilnye_nazvaniya (дата обращения: 14.02.2024).
202. Интервью заместителя министра иностранных дел России С. С. Разова газете «Известия», опубликованное 27 марта 2003 года под заголовком «Нет ни одного вопроса, по которому в нас можно бросить камень» [Электронный ресурс] // МИД РФ Официальный сайт. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/lt/-/asset_publisher/ePq2JfSAWgY2/content/id/527262 (дата обращения: 06.05.2020).
203. Копытин И. Новый взгляд на историю Эстонии [Электронный ресурс] // Postimees – 2013. – 21 февраля. – Режим доступа: <https://rus.postimees.ee/1144948/igor-kopytin-novyuy-vzglyad-na-istoriyu-estonii> (дата обращения: 07.11.2020).
204. Марганова Д. Литва демонтирует советское прошлое [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2018. – 11 октября. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3766853> (дата обращения: 05.07.2020).
205. Отношения между общинами осложняют невоспитанность и вопросы истории [Электронный ресурс] // Postimees. – 2010. – 14 сентября. – Режим доступа: <https://rus.postimees.ee/312869/otnosheniya-mezhdu-obshchinami-oslozhnyayut-nevospitannost-i-voprosy-istorii> (дата обращения: 21.11.2020).

206. Павлухин С. История всё стерпит [Электронный ресурс] // Молодежь Эстонии. 2001, 6 сентября. – Режим доступа: <http://www.moles.ee/05/Sep/06/18-1.php> (дата обращения: 27.09.2020).
207. Памятник в Лихула был демонтирован по внешнеполитическим соображениям [Электронный ресурс] // rus.DELFI.ee – 2004. – 04 сентября. – Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pamyatnik-v-lihula-byi-demontirovan-po-vneshnepoliticheskim-soobrazheniyam?id=8532763> (дата обращения: 04.07.2020).
208. Перевозкина М. Как Россия выводила войска из Латвии // Московский комсомолец. – 13 сентября 2019, – № 28074.
209. Почему демонтировали памятник в Лихула? [Электронный ресурс] // rus.DELFI.ee – 2004. – 09 сентября. – Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pochemu-demontirovali-pamyatnik-v-lihula?id=8571941> (дата обращения: 04.07.2020).
210. Прибалтика перед выбором: за Вильнюсом или за Москвой? // Коммерсантъ Власть. – 1990. – 26 марта. – № 12.
211. Радионов В., Антоненко О. Балтийская война с монументами // Независимая газета. – 2008. – 28 апреля. – № 89. – С. 13.
212. Разумовский А. Наполовину пуст: страны Балтии убирают из эфира российские телеканалы [Электронный ресурс] // Известия. – 2020. – 16 июля. – Режим доступа: <https://iz.ru/1035064/andrei-razumovskii/napolovinu-pust-strany-baltii-ubiraiut-iz-efira-rossiiskie-telekanaly> (дата обращения: 29.11.2020).
213. Ромашкевич А. Вывод российских войск из Литвы приостановлен // Коммерсантъ. – 20 августа 1993. – № 158.
214. Самошкайте Э. А.Йокубайтис: Литовская Республика не является продолжением Великого княжества Литовского [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2012. – 16 мая. – Режим доступа:

- <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/ajokubaitis-lietuvos-respublika-nera-ldk-tesinys.d?id=58725361> (дата обращения: 24.10.2020).
215. С гражданством и без [Электронный ресурс] // Молодёжь Эстонии. – 1998. – 11 апреля. – Режим доступа: <http://www.moles.ee/98/Apr/11/2-1.html> (дата обращения: 14.05.2020).
216. Сенат США призывает Россию извиниться за оккупацию стран Балтии [Электронный ресурс] // rus.DELFI.ee. – 2005. – 21 мая. – Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/senat-ssha-prizyvaet-rossiyu-izvinitnya-za-okkupaciyu-stran-baltii.d?id=10436254> (дата обращения: 03.10.2020).
217. Смирнов И. Как Нарва осталась с Эстонией: что известно организатору непризнанного референдума 1993 года? [Электронный ресурс] // Postimees. – 2017. – 11 января. – Режим доступа: <https://rus.postimees.ee/3976687/kak-narva-ostalas-c-estoniey-что-известно-organizatoru-nepriznannogo-referenduma-1993-goda> (дата обращения: 17.11.2020).
218. Случаи судебного преследования советских ветеранов. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 20 мая. – Режим доступа: <https://ria.ru/20090520/171667032.html> (дата обращения: 27.08.2020)
219. Сорокина Н. Время Арнольда Мери. Прокуратура Эстонии обвинила Героя Советского Союза в геноциде // Российская газета. – 2007. – 11 сентября. – № 4463.
220. Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу [Электронный ресурс] // Postimees. – 2009. – 7 октября. – Режим доступа: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesti-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения: 28.11.2020).

221. Худенко К. Сегодня будем ломать вашу дверь. Как Латвия отмечает 25 лет с начала денационализации жилья [Электронный ресурс] // rus.DELFI.lv – 2016. – 31 октября. – Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/story/segodnya-budem-lomat-vashu-dver-kak-latviya-otmechaet-25-let-s-nachala-denacionalizacii-zhilya.d?id=48096673> (дата обращения: 22.02.2020).
222. Ээсма: 80 лет спустя нам все еще нужна декларация Уэллеса [Электронный ресурс] // rus.DELFI.ee – 2020. – 23 июля. – Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения: 23.07.2020).
223. Эстония и СССР: освобождение или оккупация? [Электронный ресурс] // rus.DELFI.ee. – 2004. – 6 декабря. – Режим доступа: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/estoniya-i-sssr-osvobozhdenie-ili-okkupaciya?id=9238293> (дата обращения: 22.11.2020).
224. Beinerte V. Izlaušanās no cietuma. Saruna ar Egilu Levitu [Электронный ресурс] // Latvijas Avīze. – 2015. – 8 Maijs. – Режим доступа: <https://www.la.lv/saruna-egils-levits> (дата обращения: 01.05.2020).
225. Jančys A. Žmogus su šautuvu // Extra, – 15–21 May, 2000. – № 18 (81).
226. Veckalne S. Latvieši vai krievi. Kurš kuru? // Rīgas Balss. – № 2, – 11. janv. 2007. – L. 10–11.
227. Juozaitis A.: Vasario 16-oji buvo esminio lūžio taškas Lietuvos istorijoje (А. Юозайтис: 16 февраля стало поворотным моментом в истории Литвы) [Электронный ресурс] // Lietuvos rytas. – 2012. – 9 февраля. – Режим доступа: <https://kultura.lrytas.lt/13288031681327725490-a-juozaitis-vasario-16-oji-buvo-esminio->

- l%C5%AB%C5%BEio-ta%C5%A1kas-lietuvos-istorijoje.htm (дата обращения: 24.10.2020).
228. Vihuri Veiko Uest mälupoliitikast Poolas ja Eestis [Электронный ресурс] // Objektiiv. – 2016. – 25 aprill. – Режим доступа: <https://objektiiv.ee/kolumn-uest-malupoliitikast-poolas-ja-eestis/> (дата обращения: 31.07.2019).
229. Zanders M. «Maisi valā»: Ātru panākumu padomju perioda izpētē nebūs [Электронный ресурс] // DELFI.lv – 2019. – 11 марта. – Режим доступа: <https://www.delfi.lv/news/national/politics/mais-vala-atru-panakumu-padomju-perioda-izpete-nebus.d?id=50890339> (дата обращения: 30.10.2020).

Нарративные материалы

230. Дозорцев В. Другой Юрканс. – Юрмала: Vladlens Dozorcevs, 2018. – 440 с.
231. Ильвес Т.Х. Говорит глава государства / сост. О. Коппель, перевод И. Низаметдинов. – Таллин: EestiKostööKogu, 2014. – 160 с.
232. Клауцен А. П. Песенная революция. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания. – М.: Свет, 2018. – 425 с.
233. Марьяш Р. М. Калейдоскоп моей памяти. – Рига: Acis, 2003. – 470 с.
234. Пальм В. Из воспоминаний // Анатомия независимости: Сборник статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. – Тарту: Kripta, 2004. – С. 216–245.
235. Сависаар Э. Правда об Эстонии. – Таллинн: Midfield OU, 2013. Т. 1. – 445 с.
236. Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии. – М: Издательский Дом «Городец», 2003. – 507 с.

237. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. 2-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 503 с.
238. Улманис Г. Путь президента / Пер. с латыш. Л. Азаровой. – Рига: Preses namš, 1996. – 286 с.
239. Landsbergis V. Viešoji informacija apie 1993 m. savanorių akciją Pakaunėje. – Vilnius: Konservatyvioji ateitis, 2006. – 94 lpp.

Документы и материалы, оказывающие прямое влияние на массовое сознание населения:

240. Адамсон А., Валдмаа С. История Эстонии. Учебник для гимназий. Первое издание: Таллинн: Коолибри, 2000. – 263 с.
241. Бутулис И. История Латвии; литературный перевод: Р. Добровенский – Рига: Jumava, 2010. – 239 с.
242. Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем / Зигмас Зинкявичюс; [Пер. на рус. яз. Она Дундайте]. – Вильнюс: Mokslo ir encikl. leidykla, 1996. – 387 с.
243. Зеттерберг С. История Эстонской Республики / перевод Д. Брунс. – Таллинн: KPD, 2013. – 400 с.
244. История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / под ред. Вилнис Пуренс, Дзинтра Лиепиня; [пер. с латышского]. Рига: RaKa, 2000. – 241 с.
245. История Латвии: XX век / под ред. Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антонийс Зунда (перевод с латвийского Жанна Эзит). Рига: Jumava, 2005. – 473 с.
246. История Латвии от Российской империи к СССР. Книга 2 / под ред. Л. Воробьевой. М.: Фонд Историческая память, 2010. – 284 с.
247. История латвийского флага // МИД Латвии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.lv/lv/Jaunumi/Publiska-Diplomatija/karogs/izstade/raksts-geneze> (дата обращения: 12.05.2023).

248. Казекамп А. История Балтийских государств. – Тарту: Издательство Тартуского университета, 2014, – 397 с.
249. Кениньш И. История Латвии: учебник для 8–9-х классов. – Рига: Звайгзне, 1990. – 223 с.
250. Крийска А., Мяэсалу А., Селарт А., Пыльтсам-Юрьо И., Пийримяэ П., Сеппель М., Андресен А., Паюр А., Таннберг Т. История Эстонии / перевод Э. Вяря. – Таллинн: Avita, 2020. – 350 с.
251. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. – Таллин: Купар, 1992. – 234 с.
252. Лаар М. Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / Пер. с эстонск. С. Карм. – Таллинн: Grenader, 2005. – 47 с.
253. Сайт мемориала «Жертвы коммунизма в Эстонии 1940–1991» г. Таллин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.memoriaal.ee/ru/> (дата обращения: 24.02.2023).
254. Сайт музея Батарейная тюрьма (Таллин, Эстония) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://patareiprison.org/ru> (дата обращения: 24.02.2023).
255. Сайт Музея оккупации Латвии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okupacijasmuzejs.lv/lv/par-muzeju/> (дата обращения: 05.07.2020).
256. Сайт Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genocid.lt/centras/ru> (дата обращения: 05.07.2020).
257. Сайт Эстонского Института Исторической Памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения: 05.07.2020).

258. Символы Эстонской Республики // Сайт президента Эстонии. – Режим доступа: <https://president.ee/ru/estonskaya-respublika/simvoly> (дата обращения: 12.05.2023).
259. Проект музея 2025 [Электронный ресурс] // Сайт Эстонского Института Исторической Памяти. – Режим доступа: <https://patareiprison.org/et/muuseum-2025/projektist> (дата обращения: 20.07.2020).
260. Ущерб, нанесённый Советским Союзом странам Балтии. Материалы международной конференции, проходившей в Риге 17–18 июня 2011 года / под ред. Юриса Прикулиса. – Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, Общество исследования оккупации Латвии, 2015. – 231 с.
261. Эстонский институт памяти [Электронный ресурс] // Сайт президента Эстонской Республики. – Режим доступа: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (дата обращения: 19.07.2020).
262. Ajalugu 5. klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. – Tallinn: AVITA, 1997. – 224 lk.
263. Anusauskas A. Lietuva, 1940-1990: okupuotos Lietuvos istorija. Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras. 2005. – 710 l.
264. Damušis A. Lietuvos gyventojų aukos ir nuostoliai Antrojo pasaulinio karo ir pokario 1940–1959 metais, – Kaunas: Sviesa, 1990. – 35 p.
265. Deksnis E. B. Restoration of sovereignty and independence of the Republic of Latvia 1986–1994. – Riga: Latvian Academy of Sciences, Baltic Centre for Strategic Studies, 2015. – 277 p.

266. Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / H. Moora, E. Laid, J. Mägiste, H. Kruus; toimetajad H. Moora ja H. Kruus. – Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935. – 376 lk.
267. Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. The History of Lithuania / Translated and edited by S. Kondratas and R. Kondratas. – Revised 2nd edition. – Vilnius: Eugrimas, 2015. – 328 p.
268. Kiaupa Z. The History of Lithuania. – Vilnius: Baltos Lankos Publishing House, 2005. – 360 p.
269. Latvija 1918–2018: valstiskuma gadsimts / sastādījuši: Ivars Ījabs, Jans Kusbers, Ilgvars Misāns, Ervīns Oberlenders; redaktori: Ivars Ījabs, Ilgvars Misāns. Rīga: Mansards, 2018. 366 lpp.
270. Latvijas valsts ģerbonis (Герб Латвии) [Электронный ресурс] // Сайт президента Латвии. – Режим доступа: http://www.president.lv/pk/content/?cat_id=7029 (дата обращения: 23.05.2023).
271. Lietuvos nacionalinis kultūros centras. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dainusvente.lt/naujienos/organizatoriai-dekoja-visiems-prisidejusiems-prie-sventes/> (дата обращения: 20.11.2024).
272. Lietuvos valstybės herbas (Герб Литовского государства) [Электронный ресурс] // Сайт Сейма Литвы – Режим доступа: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=38110&p_k=1 (дата обращения: 24.05.2023).
273. Pumpuriņš T. Sarkanbaltsarkanās – Latvijas karoga krāsas (Красно-бело-красный – цвета латвийского флага) [Электронный ресурс] // LVPORTALS.LV – Режим доступа: <https://lvportals.lv/norises/200636-sarkanbaltsarkanas-latvijas-karoga-krasas-ii-2009> (дата обращения: 14.05.2023).

274. Selart A., Kala T., Kaljundi L., Kreem J., Leimus I., Markus K., Mänd A., Põltsam-Jürjo I., Russow E., Tamm M., Valk H. Eesti ajalugu II: Eesti keskaeg. – Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2012, – 456 lk.

Литература:

275. Адамсон А. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 182–200.
276. Андреева Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. – 2002. – № 2. – С. 44–61.
277. Антане А., Цилевич Б. Латвия: Модель этнологического мониторинга. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 75 с.
278. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. [Электронный ресурс]. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 482 с.
279. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Русские в распадающемся Союзе // Отечественная история. – № 3. – 1992. – С. 3–15.
280. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика; пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
281. Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на при, мере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей

- под ред. А. Миллера, М. Липмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 184–216.
282. Астров А. Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? – Таллинн: издательство Авенариус, 2007. – 156 с.
283. Ашарчук В. Виленская проблема в историографии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 4. – С. 54–61.
284. Биленко С. В. На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1988. – 254 с.
285. Богушевич Т. Политическое участие и представительство национальных меньшинств, и их доступ к государственной службе // Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: Сборник научных трудов / Клуб исследователей Восточной Европы. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – Вып. 2. 2004. – С. 72–78.
286. Бубулис И. Образ России, СССР и русских в XX веке в латышских новейших учебниках истории // Образ России и стран Балтии в учебниках истории / под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова; Фонд Фридриха Науманна при участии Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX). – М.: Московское бюро Фонда Фридриха Науманна, 2002. – С. 6–17.
287. Булахтин М. А. Политика исторической памяти в современной Польше // Вестник удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. Т. 3, – № 4. – С. 449–458.
288. Вахтер Т. Эстония: жаркое лето 91-го Августовский путч и возрождение независимости. – Таллинн: OÜ Hea Lugu, 2012. – 392 с.

289. В Латвии запретили девять российских телеканалов [Электронный ресурс] // Спутник Латвия. – Режим доступа: <https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20191120/12790199/V-Latvii-zapretili-devyat-rossiyskikh-telekanalov.html> (дата обращения: 25.11.2020).
290. В Латвии решили приостановить вещание девяти российских телеканалов [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191120/1561168063.html> (дата обращения: 25.11.2020).
291. Внешняя политика Эстонии после восстановления независимости [Электронный ресурс] // ESTONICA Энциклопедия об Эстонии. – Режим доступа: http://www.estonica.org/ru/Государство/Внешняя_политика_Эстонии/Внешняя_политика_Эстонии_после_восстановления_независимости/ (дата обращения: 03.05.2020).
292. Восстановление национального государства [Электронный ресурс] // ESTONICA Энциклопедия об Эстонии. – Режим доступа: http://www.estonica.org/ru/Политика_Эстонии_в_области_гражданства/Восстановление_национального_государства%E2%80%8B/ (дата обращения: 14.05.2020).
293. Гарапко В. Ф. Мировоззренческие парадигмы и идеологемы внешней политики. современной Литвы // International scientific review. 2016. – № 3(13). – С. 69–74.
294. Григорьев М. С., Грабаускас Г., Дюков А. Р., Максимус Д. А., Межевич Н. М., Николаев Н. В., Оленченко В. А., Павлова М. С., Шаповалов В. А. и др. История Литвы – М.: Международные отношения, 2025. – 416 с.
295. Григорян Р. Неизвестные страницы «поющей революции» // Анатомия независимости: Сборник статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. – Тарту: Kripta, 2004. – С. 157–199.

296. Григорян Р. Роль и значение национальных меньшинств в восстановлении независимости Эстонии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilja-nikiforov.livejournal.com/75708.html> (дата обращения: 17.01.2021).
297. Гуцин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? О правовых и политических последствиях создания института массового безгражданства и ликвидации всеобщего избирательного права, или От дефицита демократии – к рецидивам тоталитаризма. 1988 год – март 2013 года. – Рига: 2013. – 720 с.
298. Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления. Сборник статей. – М. – Рига: Московское бюро по правам человека, 2012. – 238 с.
299. Дурачинский Э. О польской историографии новейшей истории // История и историки. 2004. Историографический вестник. – С. 264–310
300. Дюков А. Р. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». – М.: Regnum, 2008. – 150 с.
301. Дюков А. Р. Историческая политика или историческая память // Международная жизнь. – 2010. – № 1. – С. 133–148.
302. Дюков А. Р. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг. Сборник документов. – М.: Фонд «Историческая память», 2012. – С. 1–27.
303. Дюков А. Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. – М.: Фонд «Историческая память», 2013. – 264 с.
304. Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: доклад фонда «Историческая память» [Электронный ресурс] //

- ИА REGNUM URL: <https://regnum.ru/news/polit/1465448.html> (дата обращения: 04.11.2020).
305. Дюков А., Симиндей В. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению. – М.: Фонд «Историческая память», 2013. – 264 с.
306. Елисеев А. Беларусь и Литва: сквозь дебри истории и политики [Электронный ресурс] / Belarusian Center for European studies. – Режим доступа: <http://eurocenter.by/analitics/belarus-i-litva-skvoz-debri-istorii-i-politiki> (дата обращения: 26.07.2020).
307. Ермаков А. Реакция в Эстонии на вступление в НАТО // Россия – НАТО: формирование повестки дня для взаимодействия в области международной безопасности и военного сотрудничества. Документы, аналитика, комментарии / сост.: Ф. Казин. – СПб.: Балтийский Исследовательский центр, 2004. – С. 17–19.
308. Зверев К. А. «Война памятников» в странах Балтии: конструирование новой исторической памяти // Вестник российской нации. – 2023. – № 1–2. – С. 106–115.
309. Зверев К. А. Вопрос о статусе русскоязычного и польского населения Литвы как часть государственной исторической политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 3. – С. 128–137.
310. Зверев К. А. Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1(58). – С. 163–177.
311. Зверев К. А. Денежные знаки как отражение политики памяти Прибалтийских республик // Вестник Российской нации. – 2024. – № 3. – С. 58–66.

312. Зверев К. А. Идентичность на постсоветском пространстве: смена советского мифа национальным (по материалам социологических исследований) // Вестник антропологии – 2023. – № 3. – С. 288–302.
313. Зверев К. А. Идеология, топонимия, политика памяти: история переименований в странах Балтии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2024. Т. 24, вып. 3. – С. 356–360.
314. Зверев К. А. Историческая память в информационном обществе: на примере России и стран постсоветского пространства // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 280-летию Костромской епархии и 80-летию Костромской области): сборник трудов VII Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 19–21 сентября 2024 г.) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, Л. А. Хлестакова ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (6,3 МБ). – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – С. 111–114.
315. Зверев К. А. Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ // Диалог со временем. – 2022. – № 81. – С. 216–225.
316. Зверев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 1(64). – С. 202–215.
317. Зверев К. А. Исторические оценки в эстонском обществе: самосознание эстонцев и русскоязычных в контексте местной политики памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2021. – Т. 21, вып. 4. – С. 491–497.

318. Зверев К. А. История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, – № 1. – С. 79–81.
319. Зверев К. А. Коллективная идентичность и общественно-политическое поведение населения Литвы во взаимосвязи с исторической государственной политикой // Вестник антропологии – 2021. – № 3. – С. 42–52.
320. Зверев К. А. Конструирование политики памяти на постсоветском пространстве: общие подходы // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 4(54). – С. 40–50.
321. Зверев К. А. Особенности «Русского вопроса» в Эстонии 1992–2009 гг. на уровне муниципальной политики (на примере Таллина) // Клио. – 2014. – № 11(95). – С. 109–112.
322. Зверев К. А. Оформление национальной государственности Латвии и Литвы: правовой аспект и законодательство // Вестник Омского Университета Серия: Исторические науки. – 2022. Т. 9, – № 4(36). – С. 108–120.
323. Зверев К. А. Политика памяти в Прибалтике в условиях формирования национальной государственности в 1991–2000-е годы: монография / К. А. Зверев. – Кострома: Костромской государственный университет, 2024. – 263 с.
324. Зверев К. А. Политика памяти в Прибалтике и на Украине: общие тенденции // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 3(72). – С. 183–198.
325. Зверев К. А. Политика памяти в Прибалтийских республиках: внешнеполитический аспект // Вестник российской нации. – 2020. – № 5. – С. 44–55.

326. Зверев К. А. Политика Эстонской Республики в отношении школьного образования на русском языке (1992–2007) // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. I, – № 4. – С. 112–115.
327. Зверев К. А. Положение русскоязычного населения в Эстонии и Латвии: сравнительный анализ // Всеобщая история. – 2021. – № 3. – С. 14–26.
328. Зверев К. А. Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, – № 1. – С. 36–39.
329. Зверев К. А. Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 4(28). – С. 227–235.
330. Зверев К. А. Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии // Петербургский исторический журнал. – 2024. – № 3. – С. 164–174.
331. Зверев К. А. Преподавание истории в школах Прибалтийских республик: трансформация памяти о прошлом // Преподавание истории в школе: научно-теоретический и методический журнал. – 2024. – № 3. – С. 36–41.
332. Зверев К. А. Прибалтийская политика памяти и Холокост // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2024. Вып. 28/29. – С. 118–124.
333. Зверев К. А. Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2022. Т. 24, – № 2. – С. 195–208.

334. Зверев К. А. Проблематика политики памяти стран Балтии в отечественной и прибалтийской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2024. – № 2. – С. 150–163.
335. Зверев К. А. Русские в Эстонии на рубеже веков (1990–2000-е годы): монография / К. А. Зверев. – Кострома: Костромской государственный университет, 2025. – 240 с.
336. Зверев К. А. Русскоязычная интеллигенция и формирование национальной политики Эстонской Республики в 1992–2007 годах // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2014. – № 2. – С. 146–155.
337. Зверев К. А. Русскоязычное население в Эстонии: проблемы идентичности // Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 13–15 декабря 2016 г. / отв. ред. Е. Б. Барина. – М.: ИЭА РАН, 2017. – С. 172–175.
338. Зверев К. А. Русскоязычное население Эстонской Республики в контексте государственной национальной политики (1992–2007): диссертация ... кандидата исторических наук: 07:00:03 [Место защиты: Иванов. гос. ун-т] – Кострома, 2015. – 298 с.
339. Зверев К. А. Русскоязычное население Латвии в новейший период: взаимосвязь статуса с местной политикой памяти // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, – № 4. – С. 70–77.
340. Зверев К. А. Русскоязычное образование в независимой Латвии: реформы 1990–2010-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2021. – № 1(70). – С. 80–89.

341. Зверев К. А. Соперничество Московского и Константинопольского патриархата на территории бывшей Российской империи // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново, 3–4 апреля 2019 г. / отв. ред. А. А. Корников. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. – С. 93–98.
342. Зверев К. А. Становление государственной политики Эстонской Республики в отношении русскоязычного населения (1992–2007) // Клио. – 2015. – № 8. – С. 164–169.
343. Зверев К. А. Становление русскоязычной общины в Эстонской Республике в 1920–1930-е гг. // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 8(110). – С. 33–37.
344. Зверев К. А. Строительство национальной государственности стран Балтии: проблема континуитета и последствия реализации // Всеобщая история. – 2022. – № 4. – С. 3–15.
345. Зверев К. А. Утверждение новой государственной символики в Прибалтийских республиках: флаг и герб // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29, – № 3. – С. 43–49.
346. Зверев К. А. Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. – 2020. – № 3. – С. 3–13.
347. Зверев К. А. Холокост в Прибалтике: современные оценки в местном историческом дискурсе // Диалог со временем. – 2025. – № 90. – С. 178–188.
348. Зверев К. А. Эстонские государственные символы: взаимосвязь с политикой памяти // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – № 2. – С. 224–232.

349. Зверев К. А. Этнополитическая ситуация в Эстонии накануне провозглашения независимости в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, – № 1. – С. 53–57.
350. Иванов В. В. Гекатомба. Трилогия. Часть 2. Страшная ночь. К вопросу о жертвах ночи 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Сборник документов. – Вильнюс, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2010/01/06/1087> (дата обращения: 08.12.2019).
351. Иванов В. В. De jure и de facto: история формирования этнополитического государства литовцев в межвоенный период 1919–1941 гг. / в 4-х томах. – Вильнюс, 2018. – Т. 1, – 236 с.
352. Из статьи П. Вихалемма // Поворотные моменты истории Эстонии. Сборник документов и материалов для гимназий / под ред. Л. Левиной. – Таллинн: Argo, 2007. – С. 377.
353. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция: внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940); [перевод: В. Белобровцев]. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2012. – 805 с.
354. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей под ред. А. Миллера, М. Липмана. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
355. Кабанов Н. Н., Симиндей В. В. Заключая «пакт Мунтерса – Риббентропа»: архивные находки по проблематике германско – прибалтийских отношений в 1939 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. Вып. 1(8), – С. 178–212.

356. Калущков В. Н. Изменение геокультурного пространства стран ближнего зарубежья XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. – 2021. Вып. 2(46), – С. 99–116.
357. Кантор Ю. З. Территория «Остланд»: «освободительная германизация» // Петербургские военно-исторические чтения: межвузовская научная конференция, 18 марта 2011 г. – СПб.: [б. и.], 2012. – С. 76–86.
358. Карбовский А. С. (2007) Щецин (Штеттин) и «возвращенные земли» Польши в политике СССР в 1945–1956 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / Карбовский Андрей Станиславович. – М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 2007. – 250 с.
359. Карабешкин Л. А. Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе // Международные процессы. – 2004. – Т. 2, – № 1. – С. 85–91.
360. Кирх А. В., Ярве П. Э., Хаав К. Р. Этносоциальная дифференциация городского населения Эстонии // Социологические исследования (Социс). – 1988. – № 3. – С. 30–35.
361. Клемешев А. П., Тарасов И. Н. Прибалтика накануне и во время Второй мировой войны: дилемма независимости // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. Вып. 12. – С. 70–75.
362. Латвия: как пишут учебники истории [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_latvia (дата обращения: 08.09.2019).

363. Лыкошина Л. С. «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. – 2015. – № 1–2. – С. 170–179.
364. Макаров В. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 148–157.
365. Матвеев К. Особенности правовой системы Латвийской Республики и их влияние на статус русскоязычного населения // Международная научно-практическая конференция русскоязычных юристов (23–24 октября 2015 года, Москва). Итоговые материалы М., 2015 – С. 41–42.
366. Матвеев К. Правовая система Латвии строится на шатком основании [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/1353883.html> (дата обращения: 05.04.2020).
367. Медушевский Н. А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9, – № 4А. – С. 5–18.
368. Медушевский Н. А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Т. 9. – № 4А. – С. 19–33.
369. Межевич Н. М., Сазанович Л. С. Современные проблемы российско-латвийских отношений // Балтийский регион. – 2013. – № 3(17). – С. 93–106.
370. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с.

371. Миграции и новые русские диаспоры в постсоветских государствах / под ред. В. А. Тишкова. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. – 238 с.
372. Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13, – № 3–4, май–август. – С. 6–23.
373. Мьялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / перевод А. Крашевского. – Тарту: Издательство Тартуского университета. 2005. – 400 с.
374. Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – 372 с.
375. Никифоров Н. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / под ред. Демурина М. В., Симиндея В. В. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – С. 160–163.
376. Ноллендорфс В. Латвия под властью Советского Союза и национал-социалистической Германии в 1940–1991 годах. – Рига: Общество Музея оккупации Латвии, 2010. – 232 с.
377. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. – М.: Логос, 2003. – 528 стр.
378. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – № 40–41(2–3). – 2005. – С. 202–208.
379. Образ России и стран Балтии в учебниках истории / под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова; Фонд Фридриха

- Науманна при участии Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX) – М.: Московское бюро Фонда Фридриха Науманна, 2002. – 118 с.
380. «Первый Балтийский Канал» обжалует решение Нацсовета Латвии о штрафе // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151023/1307120312.html> (дата обращения: 25.11.2020).
381. Петкявичюс В. Корабль дураков: Галерея политических портретов и шаржей; пер. с лит. В. Мещерякова, Н. Ковяковой. – Калининград: Янтарный сказ, 2004. – 310 с.
382. Петровская О. В. Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь // Прибалтийские исследования в России. 2015 / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. – М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. – С. 443–465.
383. Плинер Я. Г., Бухвалов В. А. Реформа школ нацменьшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы. – Рига: Фонд Татьяны Жданок «Русской школе», Совет по образованию и культуре при ЗаПЧЕЛ, 2008. – 140 с.
384. Полещук В. В. «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение – 2008. – № 3. – С. 103–118.
385. Прибалтийские исследования в России. 2015. Сборник статей / Сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. – М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. – 480 с.
386. Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. – М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. – 244 с.
387. Рислакки Ю. Манипуляции фактами: латвийский вариант: четырнадцать острых вопросов и прямых ответов; перевод с финского языка Геннадия Муравина. – Рига: Jumava, 2011. – 283 с.

388. Розенфельд, И. Эстония до и после «бронзовой ночи» / И. Розенфельд. – Тарту: Крипта, 2009. – 576 с.
389. Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. – 2012. – № 3(9). – С. 149–161.
390. Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / сост. В. Бойков, Н. Бассель. – Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии. 2000. – 216 с.
391. Сапожникова Г. М. Кто кого предал. Как убивали Советский союз и что стало с теми, кто пытался его спасти. – М.: ИД Комсомольская правда, 2016. – 352 с.
392. Середенко С. Русская правда об эстонской конституции [Электронный ресурс] // Институт Русского зарубежья. – Режим доступа: <http://russkie.org/articles/russkaya-pravda-ob-estonskoy-konstitutsii/> (дата обращения: 14.05.2020).
393. Симонян Р. Х. Россияне в Балтии: вчера, сегодня и завтра // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 101–116.
394. Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В. В., Никифоров И. В.; Предисл. Жданок Т. А.; под ред. Демурина М. В., Симиндея В. В. – М.: Фонд «Историческая память», 2009. – 280 с.
395. Солопенко А. Голоса латышей «весили» больше русских: как Народный фронт обеспечил себе победу [Электронный ресурс] // Sputnik Латвия. – Режим доступа: <https://lv.sputniknews.ru/20200320/Golosa-latyshey-vesili-bolshe-russkikh-kak-Narodnyy-front-obespechil-sebe-pobedu-13412089.html> (дата обращения: 29.11.2022).

396. Страны Балтии и Россия: общества и государства / ред.-сост.: Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. – М.: Референдум, 2002. – 556 с.
397. Тишков В. А. Русские как меньшинство: пример Эстонии // Эстония: контуры этнополитической эволюции, 1988–1993. – М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1994. – Т. 1, – С. 85–105.
398. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13, – № 3–4, май–август. – С. 43–64.
399. Устинова М. Гражданское общество в странах Балтии: история и современность. – В кн. Страны Балтии и Россия: общества и государства / отв. ред. – сост. Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк. – М.: Референдум, 2002. – С. 322–323.
400. Фелдманис И. Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты [Электронный ресурс] // МИД Латвии. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.lv/ru/vneshnyaya-politika/latvia-oecd> (дата обращения: 04.07.2019).
401. Фурман Д. Е. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры / Д. Е. Фурман, Э. Г. Задорожнюк // Страны Балтии и Россия: общества и государства. – М.: Референдум, 2002. – С. 65–97.
402. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 40–41.
403. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
404. Худoley К. К. Советизация балтийских государств летом 1940 г. и её последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. Серия 6. № 1. – С. 94–110.
405. Цыпляев С. А. Эволюция конституционного устройства государств постсоветского пространства // Научные труды Северо-

- Западного института управления РАНХИГС. – Т. 10, – № 1–1(38). – 2019. – С. 58–67.
406. Шепетис Н. Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 157–181.
407. Шибаева Е. И. Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. – М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2010. – 100 с.
408. Эйдintas А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы / пер. Е. Суворовой. – Вильнюс: Eugrimas, 2013. – 317 с.
409. Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В. В. Полещук, В. В. Степанов. – М.: Наука, 2013. – 407 с.
410. Arter D. Parties and democracy in the post-Soviet republics: the case of Estonia. – Aldershot: Dartmouth, 1996. – 283 p.
411. Baltische Nationen. Estland, Lettland, Litauen / Hrsg. Von Boris Meisner. 2. Version. – Köln: Marcus Verlag, 1991. – 428 p.
412. Bluzma V., Jundzis T., Sharp G., Strods H. Regaining independence: non-violent resistance in Latvia 1945–1991. – Riga: Latvian Academy of Sciences, 2009. – 672 p.
413. Czubiński A. Historia Polski XX wieku Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. – 501 s.
414. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994 / Boris Meissner, Dietrich A. Loeber. – Hamburg: Bibliotheca Baltica. – Tallinn: Ühiselu, 1995. – 319 p.
415. Ducmane K. Simboli Latvijas ģērbonis, karogs (Символы Латвии: герб, флаг) [Электронный ресурс] // Kultūras žurnāls - Māksla Plus. – 2008. – № 5. – Режим доступа:

- http://www.makslaplus.lv/view.php?open_texts=1539&v_sadala=25&ban=&year=2008 (дата обращения: 23.05.2023).
416. Gaidys V. Attitudes towards the Economic System in the Baltic States: Past, Present, Future // *Cultural Encounters in East Central Europe*. – Uppsala, 1998. – P. 61–73.
417. Graf M. Imperiumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. – Tallinn: Argo, 2012. – 456 lk.
418. Gross Jan Tomasz. *Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów*. – Kraków: Znak, 2011. – 203 s.
419. Hillgruber Andreas. *Zweierlei Untergang: Die Zerschlagung des Deutschen Reiches und das Ende des europäischen Judentums*. – Berlin: Siedler Verlag, 1986. – 110 p.
420. Ilgūnas G. *Lietuvos Respublikos I Vyriausybė, 1990–1991 m.* – Vilnius: Petro ofsetas, 2008, – 460 p.
421. *Istorija kaip politinio mąstymo veiksnys: straipsnių rinkinys / Vaidutis Laurenas*. – Vilnius: Vilniaus univ. leidykla, 2012. – 492 p.
422. Iš dainų švenčių istorijos [Электронный ресурс] // Lietuvos nacionalinis kultūros centras. – Режим доступа: <https://2018.dainusvente.lt/lt/istorija/> (дата обращения: 20.11.2024).
423. Jankauskas J. 1941 m. birželio sukilimas Lietuvoje. Vilnius: LGGRTC, 2010. – 540 p.
424. Jaruševičiūtė Gailė *Apklausa: Sausio 13-oji vyresniems žmonėms asocijuojasi su skaudžia emocine patirtimi* [Электронный ресурс] // Интернет-портал Klaipėda Diena. – Режим доступа: <https://m.klaipeda.diena.lt/naujienos/lietuva/salies-pulsas/apklausa-sausio-13-oji-vyresniems-zmones-asocijuojasi-su-skaudzia-emocine-patirtimi-1009084> (дата обращения: 27.03.2021).

425. Kirsh A., Kirsh M., Tuisk T. A Non-Estonian Population today and tomorrow. A Sociological Overview. – Tallinn: Estonian Academy of Sciences, 1992 – 31 p.
426. Kirch A. Russians in contemporary Estonia – different strategies of the integration into the Nation-State // The Baltic States at Historical Crossroads. Academy of Sciences of Latvia / ed. by dr. Talavs Jundzis. – Riga: Academy of Science of Latvia, 1998. – P. 581–594.
427. Kuolelis J. Gyvenimas post factum: pasikalbėjimas su draugu. – Vilnius: Politika, 2017. – 64 p.
428. Kuolelis J. Pro kalėjimo grotas: dviejų šimtmečių sandūros byla. – Vilnius: Politika, 2010. – 375 p.
429. Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. – Rīga: Zvaigzne ABC, 1999. – 44 l.
430. Laar M. Eesti sõdur II maailma sõjas / The Estonian soldier in World War II. – Tallinn: Kirjastus Gfener, 2009. – 541 p.
431. Laar M. Estonia in World War II. – Tallinn: Grenader, 2005. – 71 p.
432. Laar M. Estonia's way [translation by H.-H. Dunning; editing by R. Hazlehurst. – Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda. – 296 lk.
433. Laar M. Metsavennad: relvastatud vastupanu Eestis Teise maailmasõja järel. – Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2013. – 368 lk.
434. Laar M. War in the woods: Estonia's struggle for survival 1944–1956 / Mart Laar; translation by Tiina Ets; foreword by Tõnu Parming. – Washington: Compass Press, 1992. – 272 p.
435. Lietuvos konstitucinė teisė: raida, institucijos, teisių apsauga, savivalda. – Vilnius: Mykolo Romerio universiteto Leidybos centras, 2007. – 277 p.
436. Lietuvos rytai / Sudarė K. Garšva, L. Grumadienė. – Vilnius: Valstybinis Leidybos Centras, 1993. – 416 p.

437. Lieven A. The Baltic revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. – New Haven: Yale University Press, 1993. – 454 p.
438. Lithuania's Wars: A Systemic Quantitative Analysis of Lithuania's National Wars in the Nineteenth and Twentieth Centuries / edited by Gediminas Vitkus. – Vilnius: Eugrimas, 2014. – 304 p.
439. Lithuanian writer's novel gets a Book of the Month in the UK [Электронный ресурс] // Lithuania Tribune. – Режим доступа: <https://lithuaniatribune.com/in-the-shadow-of-wolves-gets-book-of-the-month-in-the-uk/> (дата обращения: 18.11.2024).
440. Louna K. Petserimaa integreerimine Eesti Vabariiki 1920–1940. – Tartu: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2003. – 110 lk.
441. Marzian H. Meissner Boris. Ostdeutsche Biografie [Электронный ресурс] // Kulturportal West-Ost. – Режим доступа: <https://kulturportal-west-ost.eu/biographien/meissner-boris-2> (дата обращения: 08.04.2021)
442. Melvin N. Russians Beyond Russia The Politics of National Identity. – London: The Royal Institute of international affairs. 1995. – 170 p.
443. Meissner B. Die Sowjetunion, die Baltischen Staaten und das Völkerrecht. – Köln: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1956. – 377 p.
444. Misiunas, R. J., Taagepera R. The Baltic States: Years of Dependence 1940–1990. Los-Angeles: University of California Press, 1993. – 436 p.
445. Mitmekultuuriline Eesti: väljakutse haridusele / Toimetanud: Marju Lauristin, Silvi Vare, Tiia Pedastsaar, Marje Pavelson. – Tartu: Tartu Ülikool. 1998. – 457 lk.
446. Monumentaalne konflikt: mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / koostanud Pille Petersoo ja Marek Tamm. – Tallinn: Trükikoda OÜ Geif, 2008. – 308 lk.
447. Mäeltsemees S. Tallinna linna juhtimine 100 aastat eestlaste võimutulekust pealinnas. – Tallinn: Tallinna Tehnikaülikool

- Humanitaarteaduskond Humanitaar- ja sotsiaalteaduste instituut. 2004. – 305 lk.
448. O'Connor K. The history of the Baltic States. – Sanata Barbara (Calif.); – Denver (Colo.): Greenwood, 2003. – 220 p.
449. Occupation of Latvia. Three occupations: 1940-1991: Sov. a. Nazi takeovers and their consequences / [ed. a. comp. by the staff of the Museum of the occupation of Latvia: Valters Nollendorfs et al.]. – Riga: Occupation Museum Found., 2004. – 39 p.
450. Oras A. Eesti saatuslikud aastad 1939–1944 (mälestused). Soome keelest tõlkinud Juta Eskel; Tallinn: Olion 2002, – 256 lk.
451. Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski 1939–1989. – Lublin: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 461 s.
452. Prazmowska A. J. A History of Poland. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. – 242 p.
453. Raitviir T. Eesti üleminekuperioodi valimiste (1989–1993) võrdlev uurimine. – Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 1996. – 454 lk.
454. Regional Identity Under Soviet Rule: The Case of the Baltic States. Edited by Dietrich André Loeber, V. Stanley Vardys, and Laurence P. A. Kitching. Publications of the Association for the Advancement of Baltic Studies, No. 6. Hackettstown, – N. J.: Institute for the Study of Law, Politics and Society of Socialist States, 1990. – 470 p.
455. Rimša E. Lietuvos valstybės vėliava (Государственный флаг Литвы) [Электронный ресурс] // Visuotinė lietuvių enciklopedija. – Режим доступа: <https://www.vle.lt/straipsnis/lietuvos-valstybes-veliava/> (дата обращения: 18.05.2023).
456. Rupšytė A. Politinių įvykių chronologija 1988–1991, Kelias į Nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991, sud., B. Genzelis ir A. Rupšytė. – Kaunas: Šviesa, 2010, – 254 p.

457. Saare T. Kui vana on Eesti vapp? // Sirp. – Режим доступа: <https://sirp.ee/s1-artiklid/c9-sotsiaalia/kui-vana-on-eesti-vapp/> (дата обращения 25.01.2024).
458. Senn A. E. Lithuania Awakening. – Berkeley: Univ. of California Press, 1990. – 294 p.
459. Sinica V. Posovietiniai paradoksai: istorikai prieš Tautos istorinę atmintį [Электронный ресурс] // Alkas.lt – Режим доступа: <http://dev.alkas.lt/2014/01/02/v-sinica-posovietiniai-paradoksai-istorikai-pries-tautos-istorine-atminti/> (дата обращения: 25.10.2020).
460. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569 – 1999. – New Haven: Yale University Press, 2003. – 367 p.
461. Stankevičius Č. V. Sudėtingas Lietuvos derybų su Maskva kelias 1990 – 1992 metasi. – Vilnius: Lietuvos Respublikos Seimo kanceliarija, 2013. – 126 p.
462. Steen A. Consolidation and Competence: Research on the Politics of Recruiting Political Elites in the Baltic States // Journal of Baltic Studies. – № 27(2). – P. 143–156.
463. Steen A. The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // Scandinavian Political Studies. – № 20(1). – P. 91–112.
464. Taylor N. Estonia: a modern history. – London: Hurst & Company, 2018. – 255 p.
465. The Baltic countries under occupation: Soviet and Nazi rule 1939–1991 / editor: Anu Mai Kõll. – Stockholm: Stockholm University. Department of history; Almqvist & Wiksell, 2003. – 421 p.
466. The Baltic states at historical crossroads: political, economical and legal problems in the context of international cooperation on the doorstep of the 21st century: a Collection of Scholarly Articles Published in Remembrance [sic] of Senator August Loeber and the 75th Birthday of

- Professor Dietrich André Loeber. – Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998. – 787 p.
467. The European Communities and Eastern Europe: an emerging new relationship: selected materials covering the years 1988-1991 / compiled by Dietrich André Loeber. – Hamburg, 1991 – 172 p.
468. The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / edited by M. Lauristin. – Tartu: Tartu University Press, 1997. – 387 p.
469. Tismaneanu V., Lacob B. Remembrance, History, and Justice: Coming to Terms with Traumatic Pasts in Democratic Societies. – Budapest: Central European University Press. 2015. – 508 p.
470. Vene küsimus ja eesti valikud / M. Heidmets. – Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool. 1998. – 291 lk.
471. Vit M., Baran M. M. Transregional versus National: Perspectives on Contemporary Central European History. – Stuttgart, 2017. – 380 p.
472. Wiebe Hans-Hermann Die Gegenwart der Vergangenheit: Historikerstreit und Erinnerungsarbeit. (Band 2 von Zeitkritische Beiträge der Evangelischen Akademie Nordelbien). – Bad Segeberg: Verlag Wäser, 1989. – 230 p.
473. Šarūnas L. 1939: the year that changed everything in Lithuania's history (англ.). – Amsterdam; New York: Rodopi, 2010. – 386 p.
474. Žalimas D. Sąjūdis ir Lietuvos Respublikos Nepriklausomybės atkūrimas. Iš Kelias į nepriklausomybę: Lietuvos Sąjūdis 1988–1991. Sudarė Genzelis B.; Rupšytė A. – Kaunas: Šviesa, 2010. – 207 p.
475. Zinkevičius Z. Rytų Lietuva praeityje ir dabar. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – 318 p.

476. Üldlaulupeod 1869-2019 [Электронный ресурс] // Eesti Laulu- ja Tantsupeo SA. – Режим доступа: <https://sa.laulupidu.ee/laulupeod-1869-2009/> (дата обращения: 20.11.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Общие данные о населении Эстонии, Латвии, Литвы в 1990-е – 2000-е гг.

Таблица 1. Национальный состав населения Эстонии в 1989 и в 2000 гг.⁷⁷⁸

Национальность	1989		2000	
	количество	%	количество	%
Всего	1 565 662	100.0	1 370 052	100.0
<i>Эстонцы</i>	963 281	61.5	930 219	67.9
<i>Русские</i>	474 834	30.3	351 178	25.6
<i>Украинцы</i>	48 271	3.1	29 012	2.1
<i>Белорусы</i>	27 711	1.8	17 241	1.3
<i>Финны</i>	16 622	1.1	11 837	0.9
<i>Татары</i>	4 058	0.2	2 582	0.2
<i>Латыши</i>	3 135	0.2	2 330	0.2
<i>Поляки</i>	3 008	0.2	2 193	0.2
<i>Евреи</i>	4 613	0.3	2 145	0.1
<i>Литовцы</i>	2 568	0.2	2 116	0.1
<i>Немцы</i>	3 466	0.2	1 870	0.1
<i>Другие</i>	14 088	0.9	9410	0.7
<i>Неизвестно</i>	7	0.0	7 919	0.6

⁷⁷⁸ 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeeelte oskus // Statistikaamet (Департамент статистики). URL: <http://www.stat.ee/dokumendid/26769> (дата обращения: 29.01.2021).

Таблица 2. Этнический состав и родной язык населения Таллина, Маарду и крупнейших городов Ида-Вирусского уезда, общенациональная перепись 2000 г. (%)⁷⁷⁹:

Город*	Неэстонцы	Родной русский язык	Родной эстонский язык	Все владеющие эстонским
Таллин	46	43	52	74
Маарду	80	75	18	46
Нарва	95	93	3	17
Йыхви	67	63	31	56
Кохтла-Ярве	82	80	15	39
Силламяэ	96	94	2	15

*в Эстонии 87% русскоязычного населения проживает в городах, в основном в Таллине и на Северо-востоке страны.

Таблица 3. Национальный состав населения Латвии в 1989 и в 2000 гг.⁷⁸⁰

Национальность	1989		2000	
	количество	%	количество	%
Всего	2 666 567	100,0	2 375 339	100,0
<i>Латыши</i>	1 387 757	52,04	1 369 432	57,65
<i>Русские</i>	905 515	33,96	702 526	29,58
<i>Белорусы</i>	119 702	4,49	97 064	4,09
<i>Украинцы</i>	92 101	3,45	63 558	2,68
<i>Поляки</i>	60 416	2,27	59 461	2,5
<i>Литовцы</i>	34 630	1,3	33 334	1,4
<i>Евреи</i>	22 897	0,86	10 376	0,44
<i>Эстонцы</i>	3 312	0,12	2 645	0,11

⁷⁷⁹ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 118.

⁷⁸⁰ Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites // Latvijas Vēstnesis. 2002. 30.04. № 65.

<i>Ливы</i>	135	0,01	177	0,01
<i>Другие</i>	40 102	1,5	36 766	1,55

Таблица 4. Этнический состав и родной язык населения Риги, Даугавпилса и крупнейших городов Латвии, общенациональная перепись 2000 г. (%)⁷⁸¹:

Город*	Нелатыши	Родной русский язык	Родной латышский язык	Все владеющие латышским
Рига	59	55	41	69
Даугавпилс	85	80	12	41
Лиепая	55	43	50	73
Елгава	46	42	52	80
Юрмала	47	46	49	74
Вентспилс	48	42	51	75

*в Латвии 73% русскоязычного населения проживает в городах, в основном в Риге, Даугавпилсе, Елгаве и др.

⁷⁸¹ Latvijas 2000.gada tautas skaitīšanas rezultāti. Statistikas datu krājums (Results of the 2000 population and housing census in Latvia. Collection of statistical data) / publ. *Uldis Ušackis*, translated by Maruta Legzdīņa. Rīga: Latvijas Republikas Centrālā statistikas pārvalde, 2002. 294 p.

Таблица 5. Национальный состав населения Литвы в 1989 и в 2001 гг.⁷⁸²

<i>Национальность</i>	1989		2001	
	<i>количество</i>	<i>%</i>	<i>количество</i>	<i>%</i>
<i>Всего</i>	3 674 802	100,0	3 483 972	100,0
<i>Литовцы</i>	2 924 251	79,58	2 907 293	83,45
<i>Поляки</i>	257 994	7,02	234 989	6,74
<i>Русские</i>	344 455	9,37	219 789	6,31
<i>Белорусы</i>	63 169	1,72	42 866	1,23
<i>Украинцы</i>	44 789	1,22	22 488	0,65
<i>Евреи</i>	12 392	0,34	4 007	0,12
<i>Татары</i>	5 188	0,14	3 235	0,09
<i>Немцы</i>	2 058	0,06	3 243	0,09
<i>Цыгане</i>	2 718	0,07	2 571	0,07
<i>Латыши</i>	4 229	0,12	2 955	0,08
<i>Армяне</i>	1 655	0,05	10477	0,04
<i>Азербайджанцы</i>	1 314	0,04	788	0,02
<i>Молдаване</i>	1 450	0,04	704	0,02
<i>Грузины</i>	658	0,02	437	0,01
<i>Эстонцы</i>	598	0,02	419	0,01
<i>Караимы</i>	289	0,01	273	0,01
<i>Другие</i>	7 595	0,21	36 438	1,05

⁷⁸² Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development) / Redaktoriai: D. Ambrozaitienė. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.

Таблица 6. Этнический состав и родной язык населения Вильнюса, Каунаса, Клайпеды и Висагины, общенациональная перепись 2001 г. (%)⁷⁸³:

Город*	Нелитовцы	Родной русский язык	Родной польский язык	Родной литовский язык	Все владеющие литовским
Вильнюс	42	17	19	58	99
Каунас	6	4,5	0,4	93	100
Клайпеда	16	15,5	0,4	71	99
Висагинас	84	80	4	16	80

*в Литве 89,7% русскоязычного населения проживает в городах, в основном в Вильнюсе, Клайпед, Висагине; польское население компактно проживает в Вильнюсе (19% от всего населения города), Вильнюсском районе (52% от всего населения), Шальчининкском районе (77,8% от всего населения).

Таблица 7. Доля учеников, которые обучались на русском языке в дневных общеобразовательных учебных заведениях (%)⁷⁸⁴

Год	Эстония	Таллин	Год	Эстония	Таллин
1980	32,5	46,9	1999	28,3	44,7
1990	37,0	54,2	2000	27,2	43,2
1991	36,7	54,5	2001	26,2	41,7
1992	34,9	53,2	2002	25,1	40,5
1993	33,5	52,4	2003	24,1	38,9

⁷⁸³ Там же: Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development) / Redaktoriai: D. Ambrozaitienė. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. 178 p.

⁷⁸⁴ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полецука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 176.

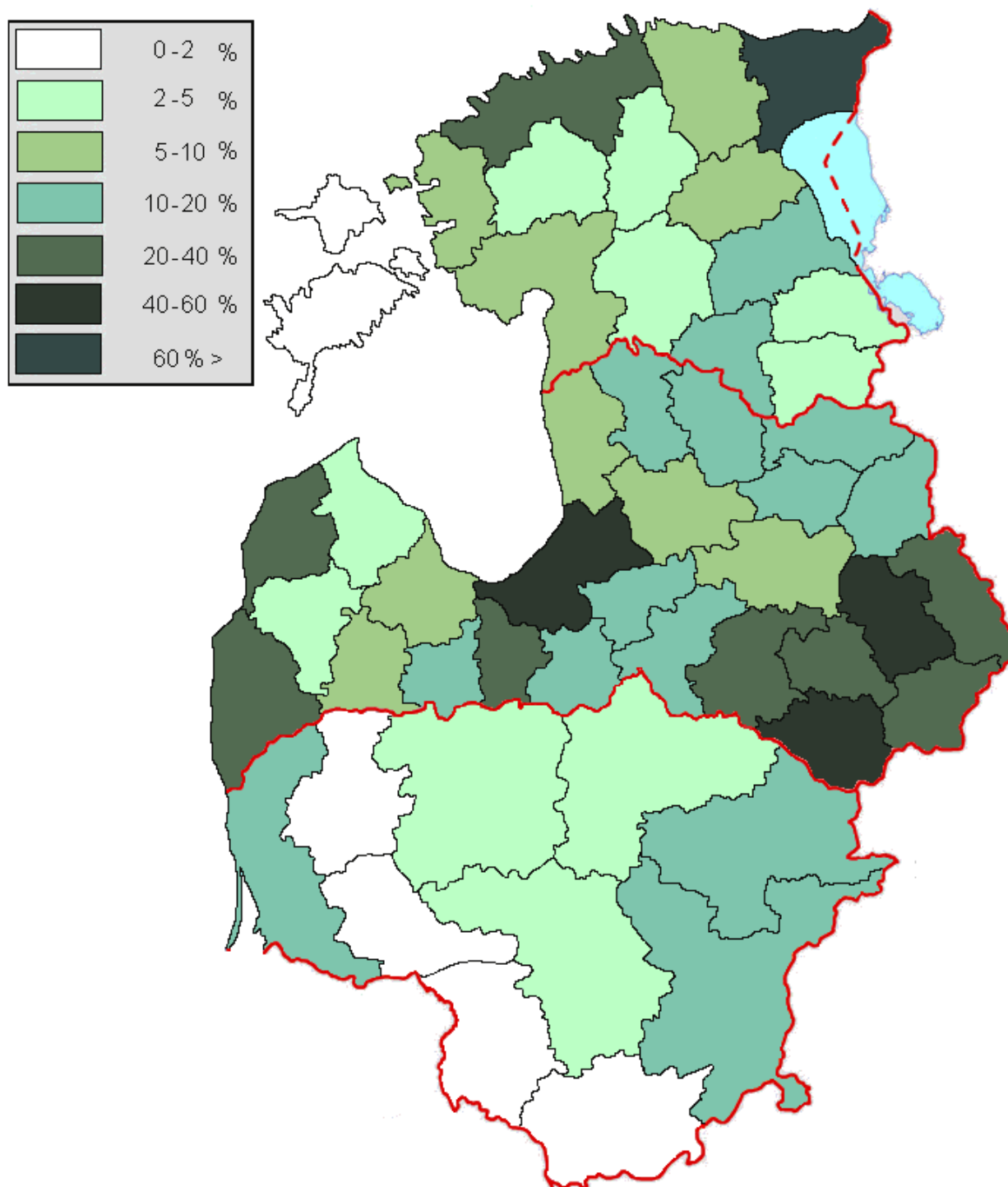
1994	33,1	51,1	2004	23,1	37,2
1995	32,3	50,3	2005	21,7	35,1
1996	31,2	48,9	2006	20,4	33,7
1997	30,4	47,4	2007	19,9	33,3
1998	29,3	46,0			

Таблица 8. Образовательный уровень эстонцев и неэстонцев, данные переписи 1989 и 2000 гг., лица в возрасте 15–74 лет (%) ⁷⁸⁵

Уровень образования	1989 г.		2000 г.	
	Эстонцы	Неэстонцы	Эстонцы	Неэстонцы
Начальное	17	11	8	7
Основное	24	19	23	18
Среднее и профессиональное	26	31	34	37
Среднее специальное	21	25	20	23
Высшее	12	14	15	15
Всего	100	100	100	100

⁷⁸⁵ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 184.

Рис. 1.1 Доля русских в населении Эстонии, Латвии, Литвы в 1990-х – 2000-х гг.⁷⁸⁶

⁷⁸⁶ См. Latvijas tauta Pēc 2000.gada tautskaites // Latvijas Vēstnesis. 2002. № 65; Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Population of Lithuania: Composition and Demographic Development) / Redaktoriai: D. Ambrozaitienė. Vilnius : Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybės, 2006. P. 178; 2000 aasta rahva ja eluruumide loendus. Kodakondus, rahvus, emakeel ja voorkeelte oskus // Statistikaamet. URL: <http://www.stat.ee/dokumendid/26769> (дата обращения: 29.01.2021)

Политическая система Эстонии в 1992–2014 гг.**2.1. Введение.**

Изучая государственную историческую политику стран Балтии, мы не можем обойти вопрос о политической системе данных государств, где вырабатывались и применялись решения. В то же время, данный материал слишком объёмен, чтобы войти в основной текст исследования.

По данным эстонского социолога Марью Лауристин только 9% титульного населения ЭССР являлись членами Коммунистической партии Советского Союза (КПСС)⁷⁸⁷. С обретением независимости большинство бывших партийных функционеров и комсомольских деятелей стали новой политической элитой уже Эстонской Республики, как правило, не являясь оппозиционно настроенными по отношению к новой независимой Эстонии, и легко интегрировались в политическую и экономическую жизнь независимого государства. На данное обстоятельство также обращает внимание норвежский исследователь А. Стеен⁷⁸⁸. Следует заметить, что превращение бывших советских политических элит в новые национальные элиты характерно не только для Эстонии или Прибалтики, но для всего постсоветского пространства.

В соответствии с Конституцией 1992 г. Эстония была провозглашена парламентской республикой, т. е. именно из партий, набравших большинство голосов на парламентских выборах, формируется правительство страны, ответственное перед парламентом; парламент из своих рядов выбирает президента страны (в основном представительские функции) и т. д. Таким

⁷⁸⁷ The return to the Western World: cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / edited by *M. Lauristin*. Tartu: Tartu University Press, 1997. P. 77.

⁷⁸⁸ *Steen A.* Consolidation and Competence: Research on the Politics of Recruiting Political Elites in the Baltic States // *Journal of Baltic Studies*. № 27(2). P. 143–156. *Steen A.* The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // *Scandinavian Political Studies*. № 20(1). P. 91–112.

образом, ключевыми в политической жизни страны являются парламентские выборы (выборы проходят по пропорциональной системе) и то обстоятельство, из каких партий будет создано коалиционное правительство страны – определяет будущий политический курс государства.

Реальность политической жизни Эстонии такова, что ни разу ни одна партия на парламентских выборах не набирала квалифицированного большинства мест в однопалатном парламенте (Рийгикогу – Государственное собрание) из 101 депутата, что позволяло бы сформировать однопартийное правительство. Все правительства Эстонии с 1992 г. были коалиционными – состоявшими как минимум из двух партий на основе коалиционного соглашения (по сути компромисса между партиями). Коалиционное правительство, как правило, не стабильно и в редких случаях держалось у власти весь срок в четыре года (до следующих парламентских выборов). Гораздо чаще оно распадалось из-за конфликтов между партиями. Поэтому политическая жизнь Эстонии характеризовалась частой сменой министров и правительств (см. приложение № 2.6). Но специфика Эстонии состояла и в том, что, несмотря на частую смену правительств, политический курс по ключевым вопросам практически всегда был преемственным, не происходило кардинального пересмотра наиболее важных законов, программ.

Это можно объяснить, по нашему мнению, тем, что программы главных политических партий страны, отражая интересы элиты титульного населения, были во многом схожими. Кроме того, ни одна партия не набирала даже половины голосов и всегда должна была либо договариваться с оппонентами, либо оставаться в оппозиции. В целом, политическая система парламентской республики оказалась достаточно эффективной в условиях маленькой Эстонии и успешно амортизировала возможность политических потрясений.

2.2. Основные политические партии Эстонии:

Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond) – основана в 1991 г. на базе Народного фронта Эстонии; (левоцентристская) «социально-либеральная» партия, выступающая за социально ориентированную рыночную экономику и прогрессивный подоходный налог; выступает за нормализацию отношений с Россией, либерально настроена по отношению к русскоязычному меньшинству⁷⁸⁹.

Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond) (до переименования в 2004 г. название – «Народная партия Умеренные» эст. Rahvaerakond Mõõdukad) – основана в ноябре 1990 г., выступает за социальное государство, мультикультурную Эстонию (хотя эстонские социал-демократы являются наиболее правыми по сравнению с социал-демократами Европы)⁷⁹⁰.

Партия Реформ Эстонии (Eesti Reformierakond) – основана в 1994 г.; праволиберальная партия свободной торговли, пользуется популярностью у представителей бизнеса, так как выступает за либеральную экономическую политику. Партия реформ стала одним из инициаторов законопроекта «О защите воинских захоронений», который повлёк за собой демонтаж памятника в Таллине и беспорядки апреля 2007 г.⁷⁹¹.

Союз Отечества и Res Publica (Isamaa ja Res Publica Liit) – консервативная партия националистического толка, объединяющая с 2006 г. две партии – *Союз Отечества* (Isamaaliit) и *Res Publica*. Партия *Союз*

⁷⁸⁹ Сайт Центристской партии Эстонии (Eesti Keskerakond). URL: <http://www.keskerakond.ee/> (дата обращения: 27.06.2013).

⁷⁹⁰ Сайт Социал-демократическая партия Эстонии (Sotsiaaldemokraatlik Erakond). URL: <http://rus.sotsdem.ee/> (дата обращения: 28.06.2013).

⁷⁹¹ Сайт Парии Реформ Эстонии (Eesti Reformierakond). URL: <http://www.reform.ee/> (дата обращения: 28.06.2013).

Отечества (Isamaaliit) – была основана 2 декабря 1995 г. в результате слияния Партии Национальной Независимости Эстонии (эст. ERSP, Eesti Rahvusliku Sõltumatuse Partei) и Национальной Коалиционной Партии «Отечество» (эст. Rahvuslik Koonderakond «Isamaa»). *Res Publica* – зарегистрирована в качестве партии в 2001 г.; политическая организация *Res Publica* была основана в начале 1989 г. и существовала в виде общества молодых консерваторов.

Консервативная народная партия Эстонии (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond) – основана в 1990 г. (в 1992–1994 входила в качестве фракции в Национальную коалиционную партию «Отечество», в 1994 восстановлена) националистическая партия, выступающая за преобладание во всех регионах Эстонии эстонского языка, эстонской культуры.

Конституционная партия (Konstitutsioonierakond) – основана в 1994 г., опирается на русскоязычное меньшинство Эстонии (в 2008 г. объединилась слевой партией Эстонии в Объединённую левую партию Эстонии).

Левая партия Эстонии (Eesti Vasakpartei) (прежние названия партии 1990–1992 – Коммунистическая партия Эстонии; 1992–1998 – Демократическая партия труда Эстонии; 1998–2004 – Социал-демократическая партия труда Эстонии; 2004–2008 – Левая партия Эстонии) – основана в 1990 г. сторонниками независимости в рядах Коммунистической партии Эстонии; являлась партией социалистического толка, ориентирована на русскоязычное меньшинство (в 2008 г. объединилась с Конституционной партией в Объединённую левую партию Эстонии).

Объединённая левая партия Эстонии (Eestimaa Ühendatud Vasakpartei) – социалистическая партия, ориентированная на русскоязычное меньшинство, основана в 2008 г. в результате объединения Конституционной партии илевой партии Эстонии.

Эстонская партия независимости (Eesti Iseseisvuspartei) – основана в 1999 г., националистическая партия, выступающая против вступления Эстонии в ЕС, придерживается идеи нейтралитета Эстонии между Востоком и Западом⁷⁹².

Партия зелёных Эстонии (Erakond Eestimaa Rohelised) – основана в 1991 г., выступает за сохранение природных ресурсов Эстонии, за прямую демократию (посредством проведения референдумов)⁷⁹³.

Народный Союз Эстонии (Eestimaa Rahvaliid) (с 1994 по 1999 г. – Эстонская Партия Селян, эст. Eesti Maarahva Erakond, ЕМЕ) – основана в 1994 г. В 2000 г. произошло слияние Народного Союза с Эстонским Союзом земли (Eesti Maaliit, EML) и Эстонской Партией Пенсионеров и Семьи (Eesti Pensionäride ja Perede Erakond, ЕРРЕ), в результате чего партия стала самой большой в Эстонии; в 2003 г. произошло слияние с Партией Новая Эстония (Erakond Uus Eesti). Народный Союз Эстонии – это аграрная партия, выступающая за поддержку селян и сельского хозяйства.

Русская партия Эстонии (Vene erakond Eestis) (в 1993 – Русский национальный союз) – основана в 1993 г., в 2002 г. к РПЭ присоединились Русско-балтийская партия Эстонии, «Единство Эстонии» и Русская партия единства. В 2012 г. слилась с *Социал-демократической партией* (Sotsiaaldemokraatlik Erakond). Партия ориентировалась на защиту русскоязычного меньшинства в Эстонии⁷⁹⁴.

Партия свободы – Объединение хуторян (эст. Eesti Vabaduspartei – Põllumeeste Kogu) – основана в 1921 г., восстановлена в 1992, не признаёт легитимность современной Эстонской Республики (так как во время

⁷⁹² Сайт Эстонской партии Независимости (Eesti Iseseisvuspartei). URL: <http://www.iseseisvuspartei.ee/> (дата обращения: 29.06.2013).

⁷⁹³ Сайт Партии зелёных Эстонии (Erakond Eestimaa Rohelised). URL: <http://roheline.erakond.ee/> (дата обращения: 29.06.2013).

⁷⁹⁴ Сайт Русской партии Эстонии (Vene erakond Eestis). URL: <http://www.rusparty.ee/> (дата обращения: 29.06.2013).

провозглашения независимости на территории Эстонии ещё находились Советские войска), сформировала правительство Эстонии в изгнании в 1992 г.⁷⁹⁵

Христианские демократы Эстонии (Erakond Eesti Kristlikud Demokraadid) – партия основана в 1998 г. Партия выступает за свободное религиозное развитие, за сохранение эстонской нации; придерживается евроскептицизма.

Партия Libertas Eesti (эст. Libertas Eesti Erakond LEE) (1994–2001 Эстонская Голубая партия Eesti Sinine Erakond, ESE; 2001–2009 Демократы – Эстонская Демократическая партия Demokraadid – Eesti Demokraatlik Partei, EDP; с 2009 – партия Libertas Eesti) – основана в ноябре 1994 г., партия придерживается евроскептицизма, выступает против Лиссабонского договора и выступала против присоединения Эстонии к Европейскому союзу.

⁷⁹⁵ Сайт Партии свободы – Объединение хуторян (Eesti Vabaduspartei – Põllumeeste Kogu). URL: <http://www.vabaduspartei.ee/> (дата обращения: 29.06.2013).

2.3. Органы власти и управления в Эстонии

2.4. Парламентские, местные и президентские выборы в 1992–2015 гг.

- Выборы Рийгикогу 20.09.1992
- Выборы Президента Республики 20.09.1992
- Выборы советов местных самоуправлений 17.10.1993
- Выборы Рийгикогу 05.03.1995
- Выборы Президента Республики август-сентябрь 1996
- Выборы советов местных самоуправлений 20.10.1996
- Выборы Рийгикогу 07.03.1999
- Выборы советов местных самоуправлений 17.10.1999
- Выборы Президента Республики август-сентябрь 2001
- Выборы советов местных самоуправлений 20.10.2002
- Выборы Рийгикогу 02.03.2003
- Выборы советов местных самоуправлений 16.10.2005
- Выборы Президента Республики 23.09.2006
- Выборы Рийгикогу 04.03.2007
- Выборы советов местных самоуправлений 18.10.2009
- Выборы в Рийгикогу 02.03.2011
- Выборы Президента Республики 29.08.2011
- Выборы советов местных самоуправлений 20.10.2013
- Выборы Рийгикогу 01.03.2015

2.5. Президенты Эстонской Республики (1992–2016)

- Леннарт Мери (Lennart-Georg Meri) 06.10.1992–08.10.2001
- Арнольд Рюйтель (Arnold Rüütel) 08.10.2001–09.10.2006

- Томас Хендрик Ильвес (Toomas Hendrik Ilves) 09.10.2006–10.10.2016

2.6. Правительства Эстонской Республики (1991–2014)

- **Правительство Эдгара Сависаара (08.05.1990 – 29.01.1992)**
Правящая коалиция: Коммунистическая партия Эстонии, Народный фронт, Конгресс Эстонии. Оппозиция: Интерфронт, часть Коммунистической партии Эстонии.
- **Первое правительство Тийта Вяхи (30.01.1992 – 21.10.1992)**
Правящая коалиция: Народный фронт, Конгресс Эстонии. Оппозиция: Интерфронт, часть Коммунистической партии Эстонии.

Выборы 20.09.1992

- **Первое правительство Марта Лаара (21.05.1992 – 08.11.1994)**
Правящая коалиция: Отечество, Умеренные, Эстонская Партия Национальной Независимости. Оппозиция: Народный фронт (Центристская партия).
- **Правительство Андреса Таранда (08.11.1994 – 17.04.1995)**
Правящая коалиция: Умеренные, Отечество, Эстонская Партия Национальной Независимости. Оппозиция: Центристская партия.

Выборы 05.03.1995

- **Второе правительство Тийта Вяхи (17.04.1995 – 06.11.1995)**
Правящая коалиция: Коалиционная партия и Объединение сельчан, Центристская партия. Оппозиция: Отечество и ЭПНН, Партия реформ Эстонии, Мой Дом Эстония.

- **Третье правительство Тийта Вяхи (06.11.1995 – 05.12.1996)**
Правящая коалиция: Коалиционная партия и Объединение сельчан, Партия реформ Эстонии. Оппозиция: Центристская партия, Отечество и ЭПНН, Мой Дом Эстония.
- **Четвёртое правительство Тийта Вяхи (правительство меньшинства) (06.12.1996 – 17.03.1997)** Правящая коалиция: Коалиционная партия и Объединение сельчан. Оппозиция: Центристская партия, Партия реформ Эстонии, Отечество и ЭПНН, Мой Дом Эстония.
- **Правительство Марта Сийманна (17.03.1997 – 25.03.1999)**
Правящая коалиция: Коалиционная партия и Объединение сельчан. Оппозиция: Центристская партия, Партия реформ Эстонии, Отечество и ЭПНН, Мой Дом Эстония.

Выборы 07.03.1999

- **Второе правительство Марта Лаара (25.03.1999 – 28.01.2002)**
Правящая коалиция: Союза отечества, Умеренные и Партия реформ Эстонии. Оппозиция: Центристская партия, Коалиционная партия.
- **Правительство Сийма Калласа (28.01.2002 – 10.04.2003)**
Правящая коалиция: Партия реформ Эстонии, Центристская партия. Оппозиция: Союза отечества, Умеренные, Коалиционная партия.

Выборы 02.03.2003

- **Правительство Юхана Партса (10.04.2003 – 12.04.2005)**
Правящая коалиция: Res Publica, Партия реформ и Народный союз. Оппозиция: Центристская партия.

- **Первое правительство Андруса Ансипа (12.04.2005 – 05.04.2007)** Правящая коалиция: Партия реформ Эстонии, Центристская партия и Народный союз. Оппозиция: Res Publica, Союза отечества.

Выборы 04.03.2007

- **Второе правительство Андруса Ансипа (05.04.2007 – 06.04.2011)** Правящая коалиция: Партия реформ Эстонии, Союз Отечества и Res Publica, Социал-демократическая партия. Оппозиция: Центристская партия.

Выборы 06.03.2011

- **Третье правительство Андруса Ансипа (06.04.2011 – 26.03.2014)** Правящая коалиция: Партия реформ Эстонии, Союз Отечества и Res Publica, Социал-демократическая партия. Оппозиция: Центристская партия.
- **Первое правительство Таави Рыйваса (26.03.2014–09.04.2015)** Правящая коалиция: Партия реформ Эстонии, Социал-демократическая партия. Оппозиция: Центристская партия, Союз Отечества и Res Publica,

2.7. Результаты выборов 1992–2014 гг.

Таблица 1. Результаты русских партий на парламентских выборах 1992–2007 гг.⁷⁹⁶

	«Русские» партии	% от проголосовавших	Мандатов в Рийгикогу (из 101)
1992 г.	Не участвовали	—	—

⁷⁹⁶ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 152.

1995 г.	Наш дом Эстония (союз ОНПЭ* и РПЭ*)	5,9	6
1999 г.	ОНПЭ	6,1	6
	РПЭ	2,0	0
2003 г.	ОНПЭ	2,2	0
	РПЭ	0,2	0
2007 г.	Конституционная партия	1,0	0
	РПЭ	0,2	0
2011 г.	Конституционная партия	—	—
	РПЭ	0,9	0

Примечание: ОНПЭ – Объединённая народная партия Эстонии (с 2006 г. – Конституционная партия); РПЭ – Русская партия Эстонии

Таблица 2. Результаты выборов в Рийгикогу 20.09.1992⁷⁹⁷

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
ИС Отечество (VL Isamaa)	100,828	22,0	29
ИС Безопасный Дом (VL Kindel Kodu)	62,329	13,6	17
ИС Народный фронт (VL Rahvarinne)	56,124	12,3	15
ИС Умеренные (VL Mõõdukad)	44,577	9,7	12
Эстонская партия национальной независимости (Eesti Rahvusliku Sõltumatuse Partei)	40,260	8,8	10
ИС Независимые роялисты (VL Sõltumatud Kuningriiklased)	32,638	7,1	8
ИС Гражданин Эстонии (VL Eesti Kodanik)	31,553	6,9	8
ИС Зелёные (VL Rohelised)	12,009	2,6	1
Эстонская Партия Предпринимателей	10,946	2,4	1

⁷⁹⁷ Valimised Eestis 1992–2011. Statistikat ja selgitusi / Koostanud A. Heinsalu, A. Koitmäe, M. Pilving, P. Vinkel. Tallinn: Vabariigi Valimiskomisjon, 2011. L. 38.

(Eesti Ettevõtjate Erakond)			
Эстонский Союз Пенсионеров (Eesti Pensionäride Liit)	17,011	3,7	0
Объединение Хуторян (Põllumeeste Kogu)	13,356	2,9	0
Левая возможность (Vasakvõimalus)	7374	1,6	0
Национальная Партия Противоправно Репрессированных (Õigusvastaselt Represseeritute Rahvuslik Erakond)	4263	0,9	0
Эстонский Союз Инвалидов (Eesti Invaühingute Liit)	2262	0,5	0
Милосердие (Halastus)	1852	0,4	0
ИС Демократы (VL Demokraadid)	744	0,2	0
Партия Природного Закона (Loodusseaduse Partei)	368	0,1	0
Независимые кандидаты	19,753	4,3	0
ИТОГО	458,247	100,0	101

ИС (VL) – избирательный союз (valimisliit), блок

Таблица 3. Результаты выборов в Рийгикогу 05.03.1995⁷⁹⁸

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Коалиционная партия и Объединение Сельчан (VL Koonderakond ja Maarahva Ühendus)	174,248	32,2	41
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	87,531	16,2	19
Центристская партия (Keskerakond)	76,634	14,2	16
ИС Отечество и ЭПНН (VL Isamaa ja ERSP Liit)	42,493	7,9	8
ИС Умеренные (VL Mõõdukad)	32,381	6,0	6

⁷⁹⁸ Там же. Valimised Eestis 1992–2011. L. 43.

ИС Мой Дом Эстония (VL Meie Kodu On Eestimaal)	31,763	5,9	6
Правые (Parempoolsed)	27,053	5,0	5
ИС Лучшая Эстония/Эстонский гражданин (VL Parem Eesti/Eesti Kodanik)	19,529	3,6	0
Эстонская партия будущего (Tuleviku Eesti Erakond)	13,907	2,6	0
ИС Справедливость (VL Õiglus)	12,248	2,3	0
Партия фермеров Эстонии (Eesti Talurahva Erakond)	8146	1,5	0
ИС Четвёртая сила (VL Neljas Jõud)	4377	0,8	0
Центральный союз эстонских националистов (Eesti Rahvuslaste Keskliit)	3477	0,8	0
Лесная партия (Metsaerakond)	3239	0,6	0
Эстонская Голубая партия (Eesti Sinine Erakond)	1913	0,4	0
Эстонский демократический союз (Eesti Demokraatlik Liit)	316	0,1	0
Независимые кандидаты	1444	0,3	0
ИТОГО	540.699	100,0	101

Таблица 4. Результаты выборов в Рийгикогу 07.03.1999⁷⁹⁹

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	113,378	23,4	28
Союз отечества (Isamaaliit)	77,917	16,1	18
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	77,088	15,9	18
Умеренные (Mõõdukad)	73,630	15,2	17

⁷⁹⁹ Там же. Valimised Eestis 1992–2011. L. 49.

Коалиционная партия Эстонии (Eesti Koonderakond)	36,692	7,6	7
Эстонская партия селян (Eesti Maarahva Erakond)	35,204	7,3	7
Объединённая народная партия Эстонии (Eestimaa Ühendatud Rahvapartei)	29,682	6,1	6
Эстонская христианская народная партия (Eesti Kristlik Rahvapartei)	11,745	2,4	0
Русская партия Эстонии (Vene Erakond Eestis)	9825	2,0	0
Эстонская Голубая партия (Eesti Sinine Erakond)	7745	1,6	0
Объединение Хуторян (Põllumeeste Kogu)	2421	0,5	0
Партия развития (Arengupartei)	1854	0,4	0
Независимые кандидаты	7058	1,5	0
ИТОГО	484,239	100,0	101

Таблица 5. Результаты выборов в Рийгикогу 02.03.2003⁸⁰⁰

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	125.709	25.4	28
Объединение За Республику – Res Publica (Ühendus Vabariigi Eest – Res Publica)	121,856	24,6	28
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	87,551	17,7	19
Народный Союз Эстонии (Eestimaa Rahvaliid)	64,463	13,0	13
Партия Союз отечества (Erakond Isamaaliit)	36,169	7,3	7
Народная партия Умеренные (Rahvaerakond Mõõdukad)	34,837	7,0	6

⁸⁰⁰ Там же. Valimised Eestis 1992–2011. L. 55.

Объединённая народная партия Эстонии (Eestimaa Ühendatud Rahvapartei)	11,113	2,2	0
Эстонская христианская народная партия (Eesti Kristlik Rahvapartei)	5275	1,1	0
Эстонская Партия Независимости (Eesti Iseseisvuspartei)	2705	0,5	0
Эстонская социал-демократическая рабочая партия (Eesti Sotsiaaldemokraatlik Tööpartei)	2059	0,4	0
Русская партия Эстонии (Vene Erakond Eestis)	990	0,2	0
Независимые кандидаты	2161	0,4	0
ИТОГО	494.888	100,0	101

Таблица 6. Результаты выборов в Рийгикогу 04.03.2007⁸⁰¹

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	153,044	27,8	31
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	143,518	26,1	29
Союз Отечества и Res Publica (Erakond Isamaa ja Res Publica Liit)	98,347	17,9	19
Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond)	58,363	10,6	10
Эстонская партия Зелёных (Erakond Eestimaa Rohelised)	39,279	7,1	6
Народный Союз Эстонии (Eestimaa Rahvaliid)	39,215	7,1	6
Партия эстонских христианских демократов (Erakond Eesti Kristlikud Demokraadid)	9456	1,7	0

⁸⁰¹ Там же. Valimised Eestis 1992–2011. L. 62.

Конституционная (Konstitutsioonierakond) партия	5464	1,0	0
Эстонская Партия Независимости (Eesti Iseseisvuspartei)	1273	0,2	0
Русская партия Эстонии (Vene Erakond Eestis)	1084	0,1	0
Левая партия Эстонии (Eesti Vasakpartei)	607	0,1	0
Независимые кандидаты	563	0,1	0
ИТОГО	550,213	100,0	101

Таблица 7. Результаты выборов в Рийгикогу 02.03.2011⁸⁰²

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	164 221	28,6	33
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	134 049	23,3	26
Союз Отечества и Res Publica (Erakond Isamaa ja Res Publica Liit)	117 929	20,5	23
Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond)	98 304	17,1	19
Эстонская партия Зелёных (Erakond Eestima Rohelised)	21 918	3,8	0
Народный Союз Эстонии (Eestima Rahvaliid)	12 185	2,1	0
Русская партия Эстонии (Vene Erakond Eestis)	5 027	0,9	0
Партия эстонских христианских демократов (Erakond Eesti Kristlikud Demokraadid)	2 930	0,5	0

⁸⁰² Там же. Valimised Eestis 1992–2011. L. 74.

Эстонская Партия Независимости (Eesti Iseseisvuspartei)	2 570	0,4	0
Независимые кандидаты	15 882	2,8	0
ИТОГО	575 133	100,0	101

Таблица 8. Результаты выборов в Рийгикогу 01.03.2015⁸⁰³

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	158 971	27,7	30
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	142 460	24,8	27
Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond)	87 190	15,2	15
Союз Отечества и Res Publica (Erakond Isamaa ja Res Publica Liit)	78 697	13,7	14
Свободная партия Эстонии (Eesti Vabaerakond)	49 883	8,7	8
Консервативная народная партия Эстонии (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE)	46 772	8,1	7
Эстонская партия Зелёных (Erakond Eestimaa Rohelised)	5 193	0,9	0
Партия Народного Единства (Rahva Ühtsuse Erakond)	2 2289	0,4	0
Эстонская Партия Независимости (Eesti Iseseisvuspartei)	1 047	0,2	0
Объединённая левая партия Эстонии (Eestimaa Ühendatud Vasakpartei)	764	0,1	0
Независимые кандидаты	887	0,2	0
ИТОГО	577 910	100,0	101

⁸⁰³ Riigikogu valimised 2015 // Сайт эстонской избирательной комиссии <http://rk2015.vvk.ee/voting-results.html> (дата обращения: 04.05.2021).

Таблица 9. Результаты выборов в органы местного самоуправления (Таллин) 16 сентября 1993 г.⁸⁰⁴

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты*	%
Русское Демократическое Движение Эстонии (Eestimaa Vene Demokraatlik Liikumine)	31,218	21,0	17	26,6
Коалиционная партия Эстонии (Eesti Koonderakond)	27,041	18,2	18	28,1
Русский список «Ревель» (Vene nimekiri «Revel»)	19,747	13,3	10	15,6
Таллиннский Раэклуб (Tallinna Raeklubi)	15,329	10,3	9	14,1
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	13,354	9,0	5	7,8
Национальная Коалиционная Партия «Отечество» (Rahvuslik Koonderakond «Isamaa»)	10,072	6,8	5	7,8
(EettveE)	6264	4,2	0	0,0
(Kuning)	5044	3,4	0	0,0
Таллинское Возрождение (Tln. Taassünd)	4521	3,1	0	0,0
Эстонская Социал-демократическая Партия (ESDP)	4152	2,8	0	0,0
Эстонская Демократическая Рабочая Партия (Eesti Demokraatlik Tööpartei)	4113	2,8	0	0,0
Твой Дом (Oma Kodu)	4013	2,7	0	0,0
Клуб Развития (Arenguklubi)	2797	1,9	0	0,0
Город Нымме (Nõmme Linnaks)	227	0,2	0	0,0
Спокойствие духа (Hingerahu)	134	0,1	0	0,0

⁸⁰⁴ *Mäeltsemees S.* Tallinna linna juhtimine 100 aastat eestlaste võimutulekust pealinnas. Tallinn: Tallinna Tehnikaülikool Humanitaarteaduskond Humanitaar- ja sotsiaalteaduste instituut. 2004. L. 149.

Независимые кандидаты	330	0,2	0	0,0
ИТОГО	148,366	100	64	100

*количество мандатов зависит от количества голосов, полученных той или иной партией в разных районах города (у каждого района, в зависимости от населения, количество мандатов разное).

Таблица 10. Результаты выборов в органы местного самоуправления (Таллин) 20 октября 1996 г.⁸⁰⁵

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты *	%
ИС Центристской партии [EVL Keskerakonna Liit (Eesti Keskerakond, Õigusliku Tasakaalu Erakond)]	21,798	18,0	12	18,8
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	20,747	17,1	14	21,9
ИС Таллинн (KVL Tallinn)	19,681	16,3	12	18,8
Русская Партия Эстонии (Vene Erakond Eestis)	18,141	15,0	11	17,2
ИС Правых и Умеренных [EVL Paremerakonnad ja Mõõdukad (Eesti Talurahva Erakond, Erakond Mõõdukad, Isamaaliit, Vabariiklaste ja Konservatiivide Rahvaerakod)]	15,966	13,2	10	15,6
Объединённая народная партия Эстонии (Eestimaa Ühendatud Rahvapartei)	14,346	11,9	5	7,8
ИС Национальное Сотрудничество [EVL Rahvusliik Koostöö (Eesti Maaliit, Eesti Maarahva Erakond, Eesti Pensionäride ja Perede Liit, Eesti Sinine Erakond)]	2667	2,2	0	0,0
ИС Справедливость (KVL Õiglus-Spravedlivost)	1917	1,6	0	0,0

⁸⁰⁵ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 20 oktoober 1996 Dokumente ja materijale / Koostajad A. Heinsalu, V. Loorits, K. Maandi, E. Maaten. Tallinn: Vabarigi valimiskomisjon. 1997. L. 60.

ИС Родная Земля (KVL Kodumuru)	1819	1,5	0	0,0
ИС Единый Русский Избирательный Союз (KVL Vene Ühine Valimisliit)	1742	1,4	0	0,0
Эстонская Демократическая Рабочая Партия (Eesti Demokraatlik Tööpartei)	1453	1,2	0	0,0
Независимые кандидаты	718	0,6	0	0,0
ИТОГО	120,995	100	64	100

Таблица 11. Результаты выборов в органы местного самоуправления (Таллин) 17 октября 1999 г.⁸⁰⁶

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты *	%
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	35,799	23,7	21	32,8
Партия Союз отечества (Erakond Isamaaliit)	25,915	17,2	14	21,9
ИС Выбор Народа [EVL Rahva Valik (Vene Erokond Eestis, Eestimaa Ühendatud Rahvapartei)]	20,897	13,8	9	14,1
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	19,201	12,7	10	15,6
ИС Народное Доверие (KVL Rahva Usaldus)	15,826	10,5	4	6,3
Партия Умеренных (Erakond Mõõdukad)	12,584	8,3	4	6,3
Коалиционная партия Эстонии (Eesti Koonderakond)	7607	5,0	2	3,1
ИС Русский Единый Список (KVL Vene Ühine Nimekiri)	6802	4,5	0	0,0
ИС Союз Городских граждан (KVL Linnakodanike Liit)	2982	2,0	0	0,0

⁸⁰⁶ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 17 oktoober 1999 Dokumente ja materijale / Koostajad A. Heinsalu, E. Maaten, M. Malsub. Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 1999. L. 321.

Эстонская христианская народная партия (Eesti Kristlik Rahvapartei)	2309	1,5	0	0,0
Эстонская Демократическая Рабочая Партия (Eesti Sotsiaaldemokraatlik Tööpartei)	700	0,5	0	0,0
Эстонская Партия Пенсионеров и Семьи (Eesti Pensionäride ja Perede Erakond)	141	0,1	0	0,0
Независимые кандидаты	256	0,17	0	0,0
ИТОГО	151,019	100	64	100

Таблица 12. Результаты выборов в органы местных самоуправлений (Таллин) 20 октября 2002 г.⁸⁰⁷

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты *	%
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	58,893	38,5	32	50,8
Союз Республики – Res Publica (Ühendus Vabariigi Eest – Res Publica)	32,070	21,0	17	27,0
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	23,254	15,2	11	17,5
Объединённая народная партия Эстонии (Eestimaa Ühendatud Rahvapartei)	12,675	8,3	3	4,8
Партия Союз отечества (Erakond Isamaaliit)	10,466	6,8	0	0,0
Народная Партия Умеренных (Rahvaerakond Mõõdukad)	7537	4,9	0	0,0
Народный Союз Эстонии (Eestimaa Rahvaliit)	5131	3,4	0	0,0
Русская Балтийская Партия Эстонии (Vene Balti Erakond Eestis)	1725	1,1	0	0,0

⁸⁰⁷ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 20 oktoober 2002 Dokumente ja materijale / Koostaja E. Maaten. Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2003. L. 373.

ИС Социал-демократический Таллинн (VL Sotsiaalne ja Demokraatlik Tallinn)	645	0,4	0	0,0
Эстонская Партия Пенсионеров (Eesti Pensionäride Erakond)	428	0,3	0	0,0
Независимые кандидаты	233	0,2	0	0,0
ИТОГО	153,057	100	63	100

Таблица 13. Результаты выборов в органы местных самоуправлений (Таллин) 16 октября 2005 г.⁸⁰⁸

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты *	%
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	56,143	41,1	32	50,8
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	28,220	20,7	15	23,8
Партия Союз отечества (Erakond Isamaaliit)	16,598	12,2	7	11,1
Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond)	15,175	11,1	6	9,5
Партия Res Publica (Erakond Res Publica)	12,251	9,0	3	4,8
ИС Гражданская инициатива 2005 (VL Kodanikuinitsiatiiv-Valimised 2005)	4003	2,9	0	0,0
ИС Список Кленского (VL Klenski nimekiri)	2468	1,8	0	0,0
Эстонская христианская народная партия (Eesti Kristlik Rahvaspartei)	891	0,7	0	0,0
Эстонская Партия Независимости (Eesti Iseseisvuspartei)	325	0,2	0	0,0

⁸⁰⁸ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 16 oktoober 2005 Dokumente ja materijale / Koostajad: M. Orav, E. Maaten. Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2006. L. 301.

Левая партия Эстонии (Eesti Vasakpartei)	189	0,1	0	0,0
Независимые кандидаты	120	0,1	0	0,0
ИТОГО	136,582	100	63	100

Таблица 14. Результаты выборов в органы местных самоуправлений (Таллин) 18 октября 2009 г.⁸⁰⁹

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты *	%
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	114,013	53,6	44	55,7
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	35,490	16,7	14	17,7
Союз Отечества и Res Publica (Erakond Isamaa ja Res Publica Liit)	32,939	15,5	13	16,5
Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond)	20,928	9,8	8	10,1
Эстонская партия Зелёных (Erakond Eestimaa Rohelised)	4655	2,2	0	0,0
Список Кленского – Русский Центр (Spisok Klenskogo – Russkij Tsentri)	2630	1,2	0	0,0
Партия эстонских христианских демократов (Erakond Eesti Kristlikud Demokraadid)	637	0,3	0	0,0
Русский Левый союз Мой город (Vene Vasakliit Meie Linn)	521	0,2	0	0,0
Альтернатива (Alternatiiv)	364	0,2	0	0,0
За благополучие жителей Таллинна (Tallinna Linnarahva Heaolu Eest)	240	0,1	0	0,0
Независимые кандидаты	411	0,2	0	0,0
ИТОГО	212,828	100	79	100

⁸⁰⁹ Kohaliku omavalitsuse volikogu valimised 18 oktoober 2009 Dokumente ja materijale / Koostajad: P. Vinkel, H. Stepanov. Tallinn: Vabariigi valimiskomisjon. 2010. L. 390.

Рис. 1. Состав Таллинского городского собрания

Таблица 15. Количество голосов, отданных за основные эстонские партии на муниципальных выборах в Таллине

Год выборов	1993	1996	1999	2002	2005	2009
Партии	Количество голосов в %					
Центристская партия Эстонии (Eesti Keskerakond)	9	18	23,7	38,5	41,1	53,6
Партия реформ Эстонии (Eesti Reformierakond)	18,2	17,1	12,7	15,2	20,7	16,7
Союз Отечества и Res Publica (Erakond Isamaa ja Res Publica Liit)	6,8	13,2	17,2	21,0	21,2	15,5
Социал-демократическая партия (Sotsiaaldemokraatlik Erakond)	2,8		8,3	4,9	11,1	9,8
Русские партии (все вместе)	34,3	30	28,8	9,4	4,7	1,7
Другие партии	28,9	21,7	9,3	11	1,2	2,7

*проходной барьер в Таллинское городское собрание – преодоление 5%

Политическая система Латвии в 1992–2014 гг.**3.1. Введение.**

В Латвии в начале 1990-х гг. сложилась схожая с Эстонией система парламентской демократией. Согласно реставрированной в начале 1990-х гг. Конституции 1922 г. (или Сатверсме, от латыш. Satversme), Латвия провозглашалась унитарной парламентской республикой.

Основные функции по управлению государством сосредоточены в однопалатном парламенте – Сейме (или Сазэйма, от латыш. Saeima), который избирается по пропорциональной системе. Из числа партий, получивших большинство мест в Сейме, как правило на условиях коалиционного договора, формируется правительство страны, ответственное перед парламентом; парламент из своих рядов выбирает президента страны (в основном представительские функции). Сейм состоит из 100 депутатов, избираемых на 4 года. Все правительства Латвии с 1992 г. были коалиционными – состоявшими как минимум из двух партий на основе коалиционного соглашения (по сути компромисса между партиями). Коалиционное правительство, как правило, не стабильно и в редких случаях держалось у власти весь срок в четыре года (до следующих парламентских выборов). Гораздо чаще оно распадалось из-за конфликтов между партиями. Поэтому политическая жизнь Латвии характеризовалась частой сменой министров и правительств. Однако, не смотря на частую смену министров – политическая линия по ключевым вопросам практически всегда преемственна, кардинального пересмотра важнейших законов не происходит. Правительство именуется Кабинетом министров Латвии, а премьер-министр – президентом министров.

Отличительной чертой политической жизни Латвии в 1990-е – 2000-е гг. стало существование достаточно крупной и сильной оппозиционной

русскоязычной партии, а также частое проведение референдумов по наиболее важным вопросам государственной жизни. Референдум по законопроекту о поправках к Конституции Латвийской Республики по предоставлению русскому языку статуса государственного 18 февраля 2012 г.

3.2. Основные политические партии Латвии:

Латвийский путь (Latvijas Ceļš) – либеральная политическая партия, основана 25 сентября 1993 г. Её представители прочно удерживали власть в течение 1990-х – начала 2000-х гг. в республике (премьер-министры Иварс Годманис, Валдис Биркавс, Марис Гайлис, Вилис Криштопанс и др.). В 2007 г. партия объединилась с христианско-демократической Латвийской Первой Партией, образовав партию ЛПП/ЛЦ. В 2011 г., после неудачной попытки пройти в Сейм, ликвидирована.

«Равноправие» (Līdztiesība) – русскоязычная левоцентристская партия, основанная в 1993 г. как «Движение за социальную справедливость и равноправие» русскоязычными депутатами Верховного Совета ЛР. Выступала с позиции защиты прав национальных меньшинств. С 1998 г. объединилась с «Русским союзом Латвии» (*Latvijas Krievu savienība*) в объединение партий – «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» (*PCTVL – Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā*) – левоцентристскую партию, ставившую целью защиту интересов русскоязычного населения Латвии. Практически всегда в оппозиции коалиционному правительству Республики.

Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ» (Apvienība «Tēvzemei un Brīvībai»/LNNK) – националистическая консервативная партия, основано в 1997 г. в результате слияния возникшего в 1993 г. Объединения «Отечеству и свободе» (преемника Конгресса граждан) и основанной в 1988 г. Латвийской национально-консервативной партии ДННЛ (изначально – Движение за

национальную независимость Латвии). Глава объединения Гунтарс Крастс с 1997 по 1998 гг. возглавлял правительство Латвии, с 1998 по 2002 гг. представитель объединения Янис Страуме был председателем Сейма.

Крестьянский союз Латвии (Latvijas Zemnieku savienība) – центристская партия аграрного толка, основанная в 1990 г. как как приемник довоенного Латышского крестьянского союза, чьим главой являлся Карлис Улманис. Выступает за развитие национальной государственности и евроинтеграцию.

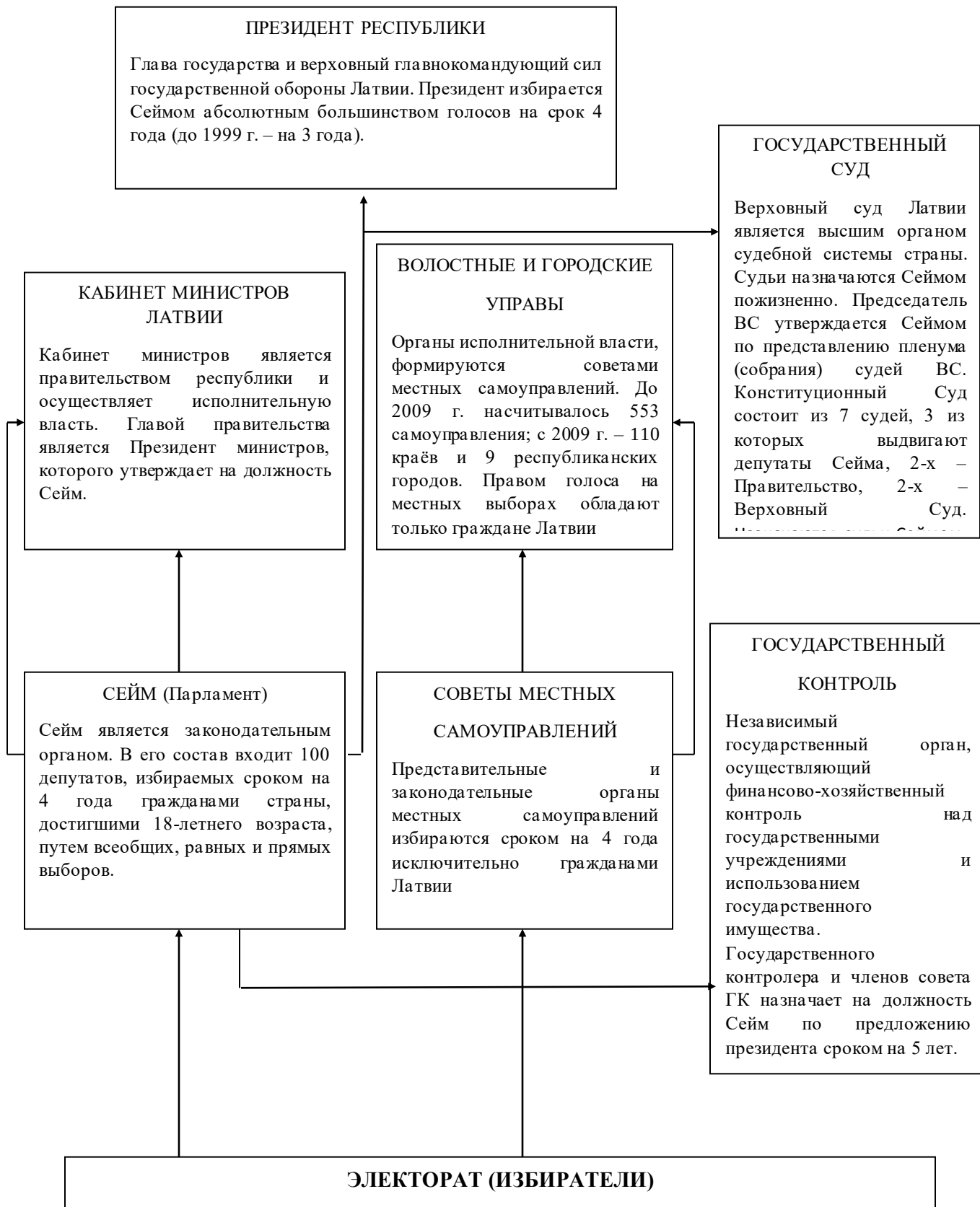
Латвийская зелёная партия (Latvijas Zaļā partija) – экологическая партия, появившаяся в 1990 г., выступает за сохранение природы, а также устойчивое развитие Латвии. Значительную часть времени сотрудничала с националистической партией Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ»

Центр согласия, ЦС (Saskaņas centrs, SC) – социал-демократическая партия, выступающая за соблюдение прав русскоязычного населения. Возникла в 2005 г., в результате объединения левых политических сил: «Партии народного согласия», партии «Новый центр», Даугавпилсской городской партии, Социалистической партии Латвии и Социал-демократической партии. Центр согласия добился значительных успехов на выборах всех уровней и просуществовал до 2014 г.

Новое время (Jaunais laiks) – правая латвийская партия, основанная в 2002 г. Выступала за упорядочение налоговой политики.

Единство (Vienotība) – латвийская правоцентристская партия, основанная в 2010 г. как объединение трех политических партий: национал-консервативных «Новое время», «Гражданский союз» и социал-либерального «Общества за другую политику».

3.3. Органы власти и управления в Латвии

3.4. Парламентские, местные и президентские выборы, референдумы в 1993–2015 гг.

- Выборы в Пятый Сейм Латвии 05–06.06.1993
- Выборы Президента Республики 07.07.1993
- Выборы в местные самоуправления 29.05.1994
- Выборы в Шестой Сейм Латвии 30.09–01.10.1995
- Выборы Президента Республики 19.06.1996
- Выборы в местные самоуправления 09.03.1997
- Выборы в Седьмой Сейм Латвии 03.10.1998
- Референдум об отмене принятых Сеймом 22 июня 1998 года поправок к латвийскому Закону о гражданстве (расширявших возможности натурализации) 03.10.1998
- Выборы Президента Республики 10.06.1999
- Референдум об отмене поправок от 5 августа 1999 года к закону «О государственных пенсиях» 13.11.1999
- Выборы в местные самоуправления 11.03.2001
- Выборы в Восьмой Сейм Латвии 05.10.2002
- Выборы Президента Республики 20.06.2003
- Референдум о вступлении Латвии в ЕС 20.09.2003
- Выборы в Европейский парламент от Латвии 12.06.2004
- Выборы в местные самоуправления 12.03.2005
- Выборы в Девятый Сейм Латвии 07.10.2006
- Выборы Президента Республики 22.05.2007
- Референдум о поправках к законам о государственной безопасности, принятых Сеймом 1 марта 2007 года и приостановленных президентом 07.07.2007

- Референдум о придании 10 % избирателей права инициировать референдум о роспуске Сейма Латвии 02.08.2008
- Референдум о поправках к закону «О государственных пенсиях» 23.08.2008
- Выборы в местные самоуправления 06.06.2009
- Выборы в Десятый Сейм Латвии 02.10.2010
- Выборы Президента Республики 02.06.2011
- Референдум о досрочном роспуске Десятого Сейма 23.07.2011
- Выборы в Одиннадцатый Сейм Латвии (внеочередные) 17.09.2011
- Референдум по законопроекту «Поправки к Конституции Латвийской Республики» (о предоставлении русскому языку статуса государственного) 18.02.2012
- Выборы в местные самоуправления 01.06.2013
- Выборы в Двенадцатый Сейм Латвии 04.10.2014
- Выборы Президента Республики 03.06.2015

3.5. Президенты Латвийской Республики (1993–2015)

- Гунтис Улманис (Guntis Ulmanis) 07.07.1993–14.06.1999
- Вайра Вике-Фрейберга (Vaira Vīķe-Freiberga) 08.07.1999–08.07.2007
- Валдис Затлерс (Valdis Zatlers) 08.07.2007–08.07.2011
- Андрис Берзиньш (Andris Bērziņš) 08.07.2011–08.07.2015

3.6. Кабинет министров Латвийской Республики (1990–2016)

- **Первое правительство Иварса Годманиса (07.05.1990–03.08.1993)** Правящая коалиция: Народный фронт, Конгресс

Граждан Латвии; с 10.11.1992 «Латвийский путь». Оппозиция: Интерфронт, Коммунистическая партия Латвии.

Выборы в Пятый Сейм Латвии 05–06.06.1993

- **Правительство Валдиса Биркавса (20.06.1993–15.09.1994)**
Правящая коалиция: Латвийский путь, Крестьянский союз Латвии, Латвийская зелёная партия. Оппозиция: Объединение «Отечеству и Свободе», Равноправие, Христианско-демократический союз.
- **Правительство Мариса Гайлиса (15.09.1994–21.12.1995)**
Правящая коалиция: Латвийский путь, Крестьянский союз Латвии, Латвийская зелёная партия, Политическое объединение экономистов, с 11.11.1994 Объединение «Отечеству и Свободе». Оппозиция: Равноправие, Христианско-демократический союз.

Выборы в Шестой Сейм Латвии 30.09–01.10.1995

- **Первое правительство Андриса Шкеле (21.12.1995–06.08.1997)**
Правящая коалиция: Демократическая партия «Саймниекс» («Хозяин»), Объединение «Отечеству и Свободе», Латвийский путь, Движение за национальную независимость Латвии, Крестьянский союз Латвии, Латвийская зелёная партия, с 05.06.1997 Христианско-демократический союз. Оппозиция: Партия народного согласия.
- **Правительство Гунтарса Крастса (06.08.1997–26.11.1998)**
Правящая коалиция: Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», Латвийский путь, Крестьянский союз Латвии, Латвийская зелёная партия, Христианская народная партия. Оппозиция: Демократическая партия «Хозяин», Партия народного согласия.

Выборы в Седьмой Сейм Латвии 03.10.1998

Правительство Вилиса Криштопанса (26.11.1998–16.07.1999)

Правящая коалиция: Латвийский путь, Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», Новая партия, Латвийская социал-демократическая рабочая партия. Оппозиция: Народная партия.

Второе правительство Андриса Шкеле (16.07.1999–05.05.2000)

Правящая коалиция: Народная партия, Латвийский путь, Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ». Оппозиция: Новая партия, Латвийская социал-демократическая рабочая партия.

- **Правительство Андриса Берзиньша (05.05.2000–07.11.2002)**

Правящая коалиция: Латвийский путь, Народная партия, Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», Новая партия. Оппозиция: Латвийская социал-демократическая рабочая партия.

Выборы в Восьмой Сейм Латвии 05.10.2002

- **Правительство Эйнарса Репше (07.11.2002–09.03.2004)**

Правящая коалиция: Новое время, Союз зелёных и крестьян, Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», до 29.01.2004 Латвийская первая партия. Оппозиция: «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии», Народная партия.

Правительство Индулиса Эмсиса (09.03.2004–02.12.2004)

Правящая коалиция: Союз зелёных и крестьян, Народная партия, Латвийская первая партия. Оппозиция: Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», Новое время, «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии».

Первое правительство Айгарса Калвитиса (02.12.2004–07.11.2006)

Правящая коалиция: Народная партия, Союз зелёных и крестьян, Латвийская первая партия, до 07.04.2006 Новое время. Оппозиция: Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии».

Выборы в Девятый Сейм Латвии 07.10.2006

- **Второе правительство Айгарса Калвитиса (07.11.2006–20.12.2007)** Правящая коалиция: Народная партия, Союз зелёных и крестьян, Объединение «Отечеству и свободе/ДННЛ», Латвийская первая партия/Латвийский путь, до 07.04.2006 Новое время. Оппозиция: ЛПП/ЛЦ, Гражданский союз, «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии».
- **Второе правительство Иварса Годманиса (20.12.2007–12.03.2009)** Правящая коалиция: ЛПП/ЛЦ, Народная партия, Союз зелёных и крестьян, Объединение «Отечеству и свободе / ДННЛ». Оппозиция: Гражданский союз, «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии».
- **Первое правительство Валдиса Домбровскиса (12.03.2009–03.11.2010)** Правящая коалиция: Новое время, Союз зелёных и крестьян, Объединение «Отечеству и свободе / ДННЛ», Гражданский союз, до 22.03.2010 Народная партия. Оппозиция: ЛПП/ЛЦ, «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии».

Выборы в Десятый Сейм Латвии 02.10.2010

- **Второе правительство Валдиса Домбровскиса (03.11.2010–25.10.2011)** Правящая коалиция: Единство, Союз зелёных и крестьян. Оппозиция: Объединение «Отечеству и свободе / ДННЛ», Центр согласия, За лучшую Латвию.

Выборы в Одиннадцатый Сейм Латвии (внеочередные) 17.09.2011

- **Третье правительство Валдиса Домбровскиса (25.10.2011–22.01.2014)** Правящая коалиция: Единство, Национальное объединение «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ», Партия реформ Затлерса. Оппозиция: Союз зелёных и крестьян, Центр согласия.

- **Первое правительство Лаймдотаы Страуюма (22.01.2014–05.11.2014)** Правящая коалиция: Единство, Союз зелёных и крестьян, Национальное объединение «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ», Партия реформ Затлерса. Оппозиция: Центр согласия.

Выборы в Двенадцатый Сейм Латвии 04.10.2014

- **Второе правительство Лаймдотаы Страуюма (05.11.2014–11.02.2016)** Правящая коалиция: Единство, Союз зелёных и крестьян, Национальное объединение «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ». Оппозиция: Центр согласия, Партия реформ Затлерса.

3.7. Результаты выборов 1993–2014 гг.

Таблица 1. Результаты русских партий (партий, ориентирующихся на русскоязычный электорат) на парламентских выборах 1993–2014 гг.⁸¹⁰

	«Русские» партии	% от проголосовавших	Мандатов в Сейме (из 100)
1993 г.	Равноправие	5,8	7
	Русский Национальный демократический список	1,2	0
1995 г.	Социалистическая партия Латвии/Равноправие	5,6	5 (2)
	Партия русских граждан в Латвии	1,3	0
1998 г.	Партия народного согласия («ЗаПЧЕЛ – За права человека»)	14,2	16 (6/1)

⁸¹⁰ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полещука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 152.

	в единой Латвии»/ Русская партия)		
2002 г.	«ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» Русская партия	19,0 0,5	25 0
2006 г.	Центр согласия «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии»	14,4 6,1	17 6
2010 г.	Центр согласия «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии»	26,1 1,4	29 0
2011 г.	Центр согласия «ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии»	28,4 0,8	31 0
2014 г.	Социал-демократическая партия «Согласие» («Saskaņa» sociāldemokrātiskā partija) Русский союз Латвии	23,0 1,6	24 0

Партии Центр Согласия и Социал-демократическая партия «Согласие» – политические объединения социал-демократического толка, состоящие из латышскоязычных и русскоязычных депутатов, ориентируются на поддержку русскоязычного населения.

Таблица 2. Результаты выборов в Пятый Сейм Латвии 05–06.06.1993⁸¹¹

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Латвийский путь (Latvijas Ceļš)	362 473	32,4	36
Движение за национальную независимость Латвии ДННЛ (Latvijas Nacionālās Neatkarības Kustība LNNK)	149 347	13,4	15
Согласие для Латвии – возрождение для	1340289	12,0	13

⁸¹¹ Результаты выборов в 5-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://web.cvk.lv/pub/public/29238.html> (дата обращения: 17.04.2020).

народного хозяйства (Saskaņa Latvijai - Atdzimšana Tautsaimniecībai)			
Крестьянский союз Латвии (Latvijas Zemnieku savienība)	119 116	10,7	12
Равноправие (Līdztiesība)	64 444	5,8	7
Избирательное объединение «Отечеству и свободе» (Tēvzemei un Brīvībai)	59 855	5,4	6
Христианско-демократический союз (Latvijas Kristīgo Demokrātu Savienība)	56 057	5,0	6
Партия демократического центра (Demokrātiskā Centra Partija)	53 303	4,8	5
Народный фронт Латвии (Latvijas Tautas fronte)	29 396	2,6	0
Зелёный список (Zaļais saraksts)	13 006	1,2	0
Русский Национальный демократический список (Krievu Nacionālais Demokrātiskais saraksts)	13 006	1,2	0
Латвийская демократическая партия труда (Latvijas Demokrātiskā Darba partija)	10 509	0,9	0
Избирательное объединение «Счастье Латвии» (Vēlēšanu apvienība Latvijas laime)	9 814	0,9	0
Гражданская община «Наша земля» (Pilsoņu kopa Mūsu zeme)	8 687	0,9	0
Лига хозяйственного оживления (Saimnieciskās Rosības līga)	8 333	0,7	0
Латвийская социал-демократическая рабочая партия (Latvijas Sociāldemokrātiskā Strādnieku partija)	7 416	0,7	0
Антикоммунистический Союз (Pretkomunistu apvienība)	5 954	0,5	0
Республиканская платформа (Republikas Platforma)	5 075	0,5	0
Консерваторы и крестьяне (Konservatīvie un Zemnieki)	2 797	0,3	0
Союз независимых (Neatkarīgo savienība)	1 968	0,2	0
Латвийская либеральная партия (Latvijas Liberālā partija)	1 520	0,1	0
Партия единства Латвии (Latvijas Vienības partija)	1 070	0,1	0
Либеральный Альянс (Liberālā alianse)	525	0,0	0
Недействительные бюллетени	15 888	-	-
ИТОГО	1 134 204	100	100

Зарегистрировано избирателей / Явка	1 243 956	91,2	-

Таблица 3. Результаты выборов в Шестой Сейм Латвии 30.09–01.10.1995⁸¹²

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Демократическая партия «Саймниекс» (Demokrātiskā partija «Saimnieks»)	144 758	15,2	18
Народное движение «Латвияй» (Tautas Kustība «Latvijai»)	142 324	14,9	17
Латвийский путь (Latvijas Ceļš)	139 929	14,7	16
Объединение «Отечеству и свободе» (Tēvzemei un Brīvībai)	114 050	12,0	14
Партия единства Латвии (Latvijas Vienības Partija)	68 305	7,2	8
Крестьянский союз Латвии – Христианско-демократический союз – Латгальская демократическая партия (Latvijas Zemnieku savienība un Kristīgo Demokrātu Savienība)	60 498	6,4	8
Движение за национальную независимость Латвии ДННЛ – Латвийская зелёная партия (Latvijas Nacionālā Neatkarības Kustība (LNNK) un Latvijas Zaļā partija)	60 352	6,3	8
Партия народного согласия (Tautas Saskaņas partija)	53 041	5,6	6
Социалистическая партия Латвии (Latvijas Sociālistiskā partija)	53 325	5,6	5
Латвийская социал-демократическая рабочая партия – Демократическая партия труда Латвии – Taisnība (Latvijas Sociāldemokrātiskā Strādnieku partija – Taisnība)	43 599	4,6	0
Политический союз экономистов (Tautsaimnieku politiskā apvienība)	14 209	1,5	0
Латышский крестьянский союз (Latviešu Zemnieku Savienība)	13 009	1,4	0
Партия русских граждан в Латвии (Latvijas	11 090	1,2	0

⁸¹² Результаты выборов в 6-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://web.cvk.lv/pub/public/29236.html> (дата обращения: 17.04.2020).

Krievu pilsoņu partija)			
Народный фронт Латвии (Latvijas Tautas fronte)	11 090	1,2	0
Политическое объединение малоимущих – Партия независимости Латвии (Maznodrošināto politiskā apvienība un Latviešu neatkarības partija)	9 468	1,0	0
Гражданская община «Наша земля» – Антикоммунистический Союз (Mūsu zeme un Pretkomunistu apvienība)	5 050	0,5	0
Партия демократов (Demokrātu partija)	2 546	0,3	0
Либеральная партия Латвии (Latvijas Liberālā partija)	2 163	0,2	0
Латвийская национал-демократическая партия (Latvijas Nacionāli Demokrātiskā partija)	1 367	0,1	0
Недействительные бюллетени	14 332	-	-
ИТОГО	965 339	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 328 779</i>	<i>72,6</i>	<i>-</i>

Таблица 4. Результаты выборов в Седьмой Сейм Латвии 03.10.1998⁸¹³

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Народная партия (Tautas partija)	203 585	21,3	24
Латвийский путь (Latvijas ceļš)	173 420	18,1	21
Отечеству и свободе/ДННЛ (Tēvzemei un Brīvībai/LNNK)	140 773	14,7	17
Партия народного согласия (Tautas Saskaņas partija)	135 700	14,2	16
Латвийская социал-демократическая рабочая партия (Latvijas Sociāldemokrātiskā Strādnieku Partija)	123 056	12,9	14
Новая партия (Jaunā Partija)	70 214	7,3	8
Крестьянский союз Латвии (Latvijas Zemnieku savienība)	23 732	2,5	0

⁸¹³ Результаты выборов в 7-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://web.cvk.lv/pub/public/29234.html> (дата обращения: 17.04.2020).

Партия труда – Христианско-демократический союз – Латвийская зелёная партия (Darba partijas – Kristīgi demokrātiskās savienības – Latvijas Zaļās partijas)	22 018	2,3	0
Народное движение «Для Латвии» (Tautas kustība «Latvijai»)	16 647	1,7	0
Демократическая партия «Саймниеке» (Demokrātiskā partija «Saimnieks»)	15 410	1,6	0
Латвийская партия Возрождения (Latvijas Atdzimšanas partija)	5 000	0,5	0
Партия национального прогресса (Nacionālā progresā partija)	4 522	0,5	0
Латвийская Партия единства (Latvijas Vienības partija)	4 445	0,5	0
Социал-демократическая женская организация (Sociāldemokrātiskā sieviešu organizācija)	3 133	0,3	0
Народное сообщество «Свобода» (Tautas kopa «Brīvība»)	3 099	0,3	0
Латвийская Национально-демократическая партия (Latvijas Nacionāli demokrātiskā partija)	2 927	0,3	0
Консервативная партия (Konservatīvā partija)	2 318	0,2	0
Земля Мары (Māras zeme)	2 238	0,2	0
Хельсинки-86 (Helsinki-86)	2 088	0,2	0
Партия демократов (Demokrātu partija)	792	0,1	0
Латвийская Национальная партия реформ (Latvijas Nacionālā reformu partija)	464	0,1	0
Недействительные бюллетени	26 819	-	-
ИТОГО	982 400	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 383 661</i>	<i>71,9</i>	<i>-</i>

Таблица 5. Результаты выборов в Восьмой Сейм Латвии 05.10.2002⁸¹⁴

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Новое время (Jaunais laiks)	237 452	23,9	26
«ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» (Politisko organizāciju apvienība «Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā»)	189 088	19,0	25
Народная партия (Tautas partija)	165 246	16,6	20
Латвийская первая партия (Latvijas Pirmā Partija)	94 752	9,5	10
Союз зелёных и крестьян (Zaļo un Zemnieku savienība)	93 759	9,4	12
Отечеству и свободе/ДННЛ (Tēvzemei un Brīvībai/LNNK)	53 396	5,4	7
Латвийский путь (Latvijas ceļš)	48 430	4,9	0
Латвийская социал-демократическая рабочая партия (Latvijas Sociāldemokrātiskā Strādnieku Partija)	39 837	4,0	0
Свет Латгалии (Latgales Gaisma)	15 948	1,6	0
Союз социал-демократов (Sociāldemokrātu savienība – SDS)	15 162	1,5	0
Социал-демократическая партия Благополучия (Sociāldemokrātiskā Labklājības partija)	13 234	1,3	0
Политический союз «Центр» (Politiskā apvienība «Centrs»)	5 819	0,6	0
Русская партия (Krievu partija)	4 724	0,5	0
Латышская партия (Latviešu partija)	3 919	0,4	0
Партия Возрождения Латвии (Latvijas Atdzimšanas partija)	2 558	0,3	0
Партия свободы (Brīvības partija)	2 075	0,2	0
Земля Мары (Māras zeme)	1 446	0,2	0
«Наша земля» (Partija «Mūsu zeme»)	1 349	0,1	0
Прогрессивная Центристская партия (Progresīvā Centriskā partija)	1 229	0,1	0
Латвийская Объединённая Республиканская партия (Latvijas Apvienotā Republikāņu partija)	826	0,1	0
Недействительные бюллетени	7 505	-	-

⁸¹⁴ Результаты выборов в 8-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <https://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/sae8dev.vel8meg.sa3> (дата обращения: 18.04.2020).

ИТОГО	997 754	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 398 156</i>	<i>71,51</i>	<i>-</i>

Таблица 6. Результаты выборов в Девятый Сейм Латвии 07.10.2006⁸¹⁵

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Народная партия (Tautas partija)	177 481	19,56	23
Союз зелёных и крестьян (Zaļo un Zemnieku savienība)	151 595	16,71	18
Новое время (Jaunais laiks)	148 602	16,38	18
Центр согласия (Saskaņas Centrs)	130 887	14,42	17
Избирательный союз Латвийская первая партия / «Латвийский путь» (Latvijas Pirmās partijas un partijas «Latvijas Ceļš» vēlēšanu apvienība)	77 869	8,58	10
Отечеству и свободе/ДННЛ (Tēvzemei un Brīvībai/LNNK)	62 989	6,94	8
«ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» (Politisko organizāciju apvienība «Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā»)	54 684	6,03	6
Латвийская социал-демократическая рабочая партия (Latvijas Sociāldemokrātiskā Strādnieku Partija)	31 728	3,50	0
Политическое патриотическое объединение «Дзимтене» (Politiskā patriotiskā apvienība «Dzimtene»)	18 860	2,08	0
«Всё для Латвии!» (Partija «Visu Latvijai!»)	13 469	1,48	0
Новые демократы (Jaunie Demokrāti)	11 505	1,27	0
Партия пенсионеров и сеньоров (Pensionāru un senioru partija)	7 175	0,79	0
«Земля Мары» («Māras zeme»)	4 400	0,48	0
«Евроскептики» («Eiroskeptiķi»)	3 365	0,37	0
«Мусу земе» (Mūsu zeme)	2 065	0,23	0

⁸¹⁵ Результаты выборов в 9-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/saeima9.GalRezS9.vis> (дата обращения: 18.04.2020).

Партия социальной справедливости (Sociālā Taisnīguma partija)	1 575	0,17	0
Союз национальной силы (Nacionālā Spēka Savienība)	1 172	0,13	0
«Латышская Латвия» Национальная политическая организация обороны Латвии («Latviešu Latvija» nacionālpolitiska Latviešu Aizstāvības Organizācija)	1 130	0,12	0
«Союз Отечества» («Tēvzemes savienība»)	1 114	0,12	0
Недействительные бюллетени	7 314	-	-
ИТОГО	908 979	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 490 636</i>	<i>60,98</i>	<i>-</i>

Таблица 7. Результаты выборов в Десятый Сейм Латвии 02.10.2010⁸¹⁶

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Единство (Vienotība)	301 429	31,22	33
Центр согласия (Saskaņas Centrs)	251 400	26,04	29
Союз зелёных и крестьян (Zaļo un Zemnieku savienība)	190 025	19,68	22
Национальное объединение «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ» (Nacionālā apvienība «Visu Latvijai!» – «Tēvzemei un Brīvībai/LNNK»)	74 029	7,67	8
За лучшую Латвию (Par Labu Latviju)	73 881	7,65	8
«ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» (Politisko organizāciju apvienība «Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā»)	13 847	1,43	0
Сделано в Латвии (Ražots Latvijā)	9 380	0,97	0
Последняя партия (Pēdējā partija)	8 458	0,88	0

⁸¹⁶ Результаты выборов в 10-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://www.velesanas2010.cvk.lv/results.html> (дата обращения: 18.04.2020).

За президентскую республику (Par prezidentālu republiku)	7 102	0,74	0
Ответственность (Atbildība)	6 139	0,64	0
Народный контроль (Tautas kontrole)	4 002	0,41	0
Христианско-демократический союз (Kristīgi demokrātiskā savienība)	3 488	0,36	0
Недействительные бюллетени	20 697	-	-
ИТОГО	967 162	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 532 319</i>	<i>63,12</i>	<i>-</i>

Таблица 8. Результаты выборов в Одиннадцатый Сейм Латвии 17.09.2011⁸¹⁷

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Центр согласия (Saskaņas Centrs)	259 930	28,36	31
Партия реформ Затлерса	190 856	20,83	22
Единство (Vienotība)	172 563	18,83	20
Национальное объединение «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ» (Nacionālā apvienība «Visu Latvijai!» – «Tēvzemei un Brīvībai/LNNK»)	127 208	13,88	14
Союз зелёных и крестьян (Zaļo un Zemnieku savienība)	111 957	12,22	13
Партия реформ Шлесерса	22 131	2,41	0
«ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии» (Politisko organizāciju apvienība «Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā»)	7 109	0,78	0
Последняя партия (Pēdējā partija)	4 471	0,49	0
За президентскую республику (Par prezidentālu republiku)	2 881	0,31	0
Народный контроль (Tautas kontrole)	2 573	0,28	0
Латвийская социал-демократическая рабочая партия (Latvijas Sociāldemokrātiskā Strādnieku Partija)	2 531	0,28	0
Свобода. Свободен от страхов, ненависти и гнева (Brīvība. Brīvs no bailēm, naida un	2 011	0,22	0

⁸¹⁷ Результаты выборов в 11-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://www.velesanas2011.cvk.lv/> (дата обращения: 18.04.2020).

dusmām)			
Христианско-демократический союз (Kristīgi demokrātiskā savienība)	1 994	0,22	0
Недействительные бюллетени	8 256	-	-
ИТОГО	916 469	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 542 544</i>	<i>59,45</i>	<i>-</i>

Таблица 9. Результаты выборов в Двенадцатый Сейм Латвии 04.10.2014⁸¹⁸

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты
Социал-демократическая партия «Согласие» («Saskaņa» sociāldemokrātiskā partija)	209 887	23	24
Единство (Vienotība)	199 535	21,87	23
Союз зелёных и крестьян (Zaļo un Zemnieku savienība)	178 210	19,53	21
Национальное объединение «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ» (Nacionālā apvienība «Visu Latvijai!» – «Tēvzemei un Brīvībai/LNNK»)	151 567	16,61	17
Объединение регионов Латвии (Latvijas Reģionu Apvienība)	60 812	6,66	8
От сердца – Латвии (No sirds Latvijai)	62 521	6,85	7
Русский союз Латвии (Latvijas Krievu savienība")	14 390	1,58	0
Едины для Латвии (Vienoti Latvijai)	10 788	1,18	0
Латвийскому развитию (Latvijas attīstībai)	8 156	0,89	0
Новая консервативная партия (Jaunā konservatīvā partija)	6 389	0,70	0
Свобода. Свободен от страхов, ненависти и гнева (Brīvība. Brīvs no bailēm, naida un dusmām)	1 735	0,19	0
Рост (Izaugsme)	1 515	0,17	0
Суверенитет (Suverenitāte)	1 033	0,11	0
Недействительные бюллетени	6 953	-	-
ИТОГО	913 491	100	100
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>1 552 235</i>	<i>58,85</i>	<i>-</i>

⁸¹⁸ Результаты выборов в 12-ый Сейм // Сайт Центральной избирательной комиссии Латвии. URL: <http://sv2014.cvk.lv/> (дата обращения: 18.04.2020).

Политическая система Литвы в 1992–2014 гг.**4.1. Введение.**

Политическая система современного Литовского государства сложилась в начале 1990-х гг. – с принятием новой конституции в 1992 г. В отличие от соседних Латвии и Эстонии, Литва является не парламентской, а смешанной, парламентско-президентской республикой. Отличие заключается в более широких полномочиях президента, который выполняет не только представительские функции, но выдвигает парламенту кандидатуры на ключевые должности в системе государственной власти (государственный контролёр, представитель правления Банка Литвы, часть судий Конституционного Суда и др.), принимает решение о введении военного положения, издаёт акты-декреты и др. Кроме того, в отличие от Эстонии и Латвии, президент Литвы выбирается прямым голосованием граждан и не может быть членом парламента или какой-либо партии. Однако, президентская власть существенно ограничена парламентом Литвы.

Основные функции по управлению государством сосредоточены в однопалатном парламенте – Сейме (лит. Lietuvos Respublikos Seimas), который избирается по смешанной, мажоритарно-пропорциональной системе: половина парламента формируется по партийным спискам, половина – за счет депутатов, избранных по одномандатным округам (в отличии от Эстонии и Латвии, где господствует пропорциональная система). Из числа партий, получивших большинство мест в Сейме, формируется правительство страны, ответственное перед парламентом. Сейм состоит из 141 депутата, избираемых на 4 года. Правительства Литвы с 1992 г. не всегда являлись коалиционными, имели место быть и однопартийные правительства. В целом, литовская политическая жизнь характеризуется более стабильным составом правительств и меньшей периодичностью их смены, в отличии от

парламентских республик – Эстонии и Латвии. Кроме того, партии местных национальных меньшинств (русскоязычных и поляков) не только регулярно проходили в парламент, но и принимали участие в формировании кабинета министров.

Литва является унитарным государством.

4.2. Основные политические партии Литвы:

Демократическая партия труда Литвы (Lietuvos demokratinė darbo partija, LDDP) – социал-демократическая партия, созданная в 1989 г. на базе Коммунистической партии Литвы (КПЛ). Была создана после поражения КПЛ на выборах в Верховный Совет. Придерживалась левой идеологии. Просуществовала до 2001 г., пока не объединилась с Литовской социал-демократической партией.

Союз отечества (Консерваторы Литвы) (Tėvynės sąjunga (Lietuvos konservatoriai)) – консервативно-националистическая партия, созданная Витаутасом Ландсбергисом в 1993 г. из правого крыла Саюдис. Партия находилась в жёсткой оппозиции к Демократической партии труда Литвы, выступала за евро-атлантическую интеграцию. В 2008 г. объединилась с Литовскими христианскими демократами в единую партию Союз Отечества – Христианские демократы Литвы (Tėvynės sąjunga – Lietuvos krikščionys demokratai).

Литовские христианские демократы (Lietuvos krikščionys demokratai, LKD) – христианско-демократическая партия, созданная в 1989 г. как возрождённая довоенная Литовская христианско-демократическая партия. Выступала с правых, консервативных позиций католической церкви. В 2008 г. объединилась с Союзом отечества (Консерваторы Литвы) в единую партию

Союз Отечества – Христианские демократы Литвы (лит. Tėvynės sąjunga – Lietuvos krikščionys demokratai).

Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей (лит. Lietuvos lenkų rinkimų akcija – Krikščioniškų šeimų sąjunga, польск. Akcja Wyborcza Polaków na Litwie – Związek Chrześcijańskich Rodzin, AWPL) – крупнейшая политическая партия литовских поляков, созданная в 1994 г. Выступает за защиту прав и интересов польского этнического меньшинства, а также прав других национальных меньшинств Литвы.

Русский альянс (Rusų aljansas) – русскоязычная политическая партия, появившаяся в 2002 г. Выступает за защиту прав и интересов русскоязычного меньшинства, а также прав других национальных меньшинств Литвы.

Союз крестьян и зелёных Литвы (Lietuvos valstiečių ir žaliųjų sąjunga, LVŽS) – партия аграриев и фермеров, появившаяся в 2001 г. Выступает с либеральных позиций.

Порядок и справедливость (Tvarka ir teisingumas, TT) – правоцентристская партия евроскептиков, основанная в 2002 г. Выступает с либерально-демократических позиций.

Союз либералов Литвы СЛЛ (Lietuvos liberalų sąjunga, LLS) – праволиберальная политическая партия, созданная в 1990 г. Выступала за минимальное вмешательство государства в экономику. В 2003 г. объединилась с Союзом современных христианских демократов и Союзом центра Литвы в Союз либералов и центра (Liberalų ir centro sąjunga).

4.3. Органы власти и управления в Литве

4.4. Парламентские, местные и президентские выборы, референдумы в 1992–2015 гг.

- Референдум о восстановлении в Литве президентства 23.05.1992
- Референдум о выводе советских войск 14.06.1992
- Референдум по новой конституции Литвы 25.10.1992
- Выборы в Сейм Литвы 25.10, 15.11.1992
- Выборы Президента Республики 14.02.1993
- Референдум о приватизации в Литве 27.08.1994
- Выборы в местные самоуправления 25.03.1995
- Референдум о поправках к Конституции 20.10.1996
- Выборы в Сейм Литвы 20.10, 10.11.1996
- Референдум о поправках к Конституции 10.11.1996
- Выборы в местные самоуправления 27.03.1997
- Выборы Президента Республики 21.12.1997, 04.01.1998
- Выборы в Сейм Литвы 08.10.2000
- Выборы в местные самоуправления 11.03.2000
- Выборы в местные самоуправления 22.12.2002
- Выборы Президента Республики 22.12.2002, 05.01.2003
- Референдум о вступлении Литвы в Европейский союз 10–11.05.2003
- Досрочные выборы Президента Республики 13.06, 27.06.2004
- Выборы в Европейский парламент от Литвы 13.06.2004
- Выборы в Сейм Литвы 10.10, 24.10.2004
- Выборы в местные самоуправления 25.02.2007
- Референдум о продлении работы Игналинской АЭС 12.10.2008 (признан несостоявшимся из-за низкой явки)
- Выборы в Сейм Литвы 12.10, 26.10.2008

- Выборы Президента Республики 17.05, 07.06.2009
- Выборы в Европейский парламент от Литвы 07.06.2007
- Выборы в местные самоуправления 27.02.2011
- Референдум по использованию атомной энергии в Литве 14.10.2012
- Выборы в Сейм Литвы 14.10, 28.10.2012
- Выборы в Европейский парламент от Литвы 25.05.2014
- Выборы Президента Республики 11.05, 25.05.2014
- Референдум о запрете продажи земли иностранцам 29.06.2014 (признан несостоявшимся из-за низкой явки)
- Выборы в местные самоуправления 01.03, 15.03.2015

4.5. Президенты Литовской Республики (1992–2019)

- Альгирдас Миколас Бразаускас (Algirdas Mykolas Brazauskas) 25.11.1992–25.02.1998
- Валдас Адамкус (Valdas Adamkus) 25.02.1998–26.02.2003
- Роландас Паксас (Rolandas Paksas) 26.02.2003–06.04.2004
- Артурас Паулаускас (Artūras Paulauskas) 06.04.2004–12.06.2004 (временно исполнявший обязанности президента)
- Валдас Адамкус (Valdas Adamkus) 12.06.2004–12.06.2009
- Даля Грибаускайте (Dalia Grybauskaitė) 12.06.2009–12.06.2019

4.6. Правительства Литовской Республики (1990–2016)

- **Правительство Гедиминаса Вагнорюса (13.01.1991–21.07.1992)**
Правящая коалиция: Демократическая партия труда Литвы, «Саюдис». Оппозиция: Коммунистическая партия Литвы (КПСС).

- **Правительство Александра Абишала (21.07.1992–02.12.1992)** Правящая партия: «Саюдис». Оппозиция: Демократическая партия труда Литвы, Коммунистическая партия Литвы (КПСС).

Выборы в Сейм Литвы 25.10, 15.11.1992

- **Правительство Бронисловаса Лубиса (02.12.1992–10.03.1993)** Правящая партия: Демократическая партия труда Литвы. Оппозиция: «Саюдис», Литовская христианско-демократическая партия, Литовский союз политических заключённых и ссыльных, Литовская демократическая партия, Литовская социал-демократическая партия, Союз поляков Литвы, Союз литовских националистов, Партия независимости.
- **Правительство Адольфаса Шляжявичюса (10.03.1993–15.02.1996)** Правящая партия: Демократическая партия труда Литвы. Оппозиция: «Саюдис», Литовская христианско-демократическая партия, Литовский союз политических заключённых и ссыльных, Литовская демократическая партия, Литовская социал-демократическая партия, Союз поляков Литвы, Союз литовских националистов, Партия независимости.
- **Правительство Лауринас-Миндаугаса Станкявичюса (15.02.1996–27.11.1996)** Правящая партия: Демократическая партия труда Литвы. Оппозиция: «Саюдис», Литовская христианско-демократическая партия, Литовский союз политических заключённых и ссыльных, Литовская демократическая партия, Литовская социал-демократическая партия, Союз поляков Литвы, Союз литовских националистов, Партия независимости.

Выборы в Сейм Литвы 20.10, 10.11.1996

- **Правительство Гедиминаса Вагнорюса (27.11.1996–04.05.1999)**
Правящая коалиция: Союз Отечества (Литовские консерваторы), Литовская христианско-демократическая партия. Оппозиция: Демократическая партия труда Литвы, Литовский центристский союз, Литовская социал-демократическая партия.
- **Правительство Ирены Дягутене (04.05.1999–18.05.1999)**
Правящая коалиция: Союз Отечества (Литовские консерваторы), Литовская христианско-демократическая партия. Оппозиция: Демократическая партия труда Литвы, Литовский центристский союз, Литовская социал-демократическая партия.
- **Первое правительство Андриуса Кубилиуса (18.05.1999–26.10.2000)** Правящая коалиция: Союз Отечества (Литовские консерваторы), Литовская христианско-демократическая партия. Оппозиция: Демократическая партия труда Литвы, Литовский центристский союз, Литовская социал-демократическая партия.

Выборы в Сейм Литвы 08.10.2000

- **Правительство Роландаса Паксаса (16.10.2000–20.06.2001)**
Правящая коалиция: Литовский либеральный союз, Литовская социал-демократическая партия, Новый союз (социал-либералы), Литовский центристский союз, Современный христианско-демократический союз. Оппозиция: Союз Отечества – Литовские консерваторы; Литовская крестьянская партия.
- **Правительство Эугениуса Гентвиласа (20.06.–29.06.2001)**
Правящая коалиция: Союз либералов Литвы, Литовская социал-демократическая партия, Литовский центристский союз, Современный христианско-демократический союз. Оппозиция: Союз Отечества – Литовские консерваторы; Литовская крестьянская партия, Новый союз (социал-либералы).

- **Первое правительство Альгирдаса Бразаускаса (29.06.2001–10.11.2004)** Правящая коалиция: Социал-демократическая партия Литвы, Новый союз (социал-либералы). Оппозиция: Союз Отечества – Литовские консерваторы, Литовская крестьянская партия, Союз либералов Литвы, Литовский центристский союз, Современный христианско-демократический союз.

Выборы в Сейм Литвы 10.10, 24.10.2004

- **Второе правительство Альгирдаса Бразаускаса (10.11.2004–01.06.2006)** Правящая коалиция: Социал-демократическая партия Литвы, Новый союз (социал-либералы), Партия труда, Союз партий крестьян и Новой демократии. Оппозиция: Союз Отечества – Литовские консерваторы, Союз либералов и центра, Либерально-демократическая партия, Литовский народный союз «За исправление Литвы».
- **Правительство Зигмантаса Бальчитиса (01.06.2006–18.07.2006)** Правящая коалиция: Социал-демократическая партия Литвы, Союз партий крестьян и Новой демократии. Оппозиция: Партия труда, Новый союз (социал-либералы), Союз Отечества – Литовские консерваторы, Союз либералов и центра, Либерально-демократическая партия, Литовский народный союз «За исправление Литвы».
- **Правительство Гедиминаса Киркиласа (18.07.2006–28.11.2008)** Правящая коалиция: Социал-демократическая партия Литвы, Союз партий крестьян и Новой демократии. Оппозиция: Партия труда, Новый союз (социал-либералы), Союз Отечества – Литовские консерваторы, Союз либералов и центра, Либерально-демократическая партия, Литовский народный союз «За исправление Литвы».

Выборы в Сейм Литвы 12.10, 26.10.2008

- **Второе правительство Андриуса Кубилиуса (28.11.2008–22.11.2012)** Правящая коалиция: Союз Отечества – Литовские христианские демократы, Партия национального возрождения, Союз либералов и центра и Либеральное движение. Оппозиция: Порядок и справедливость, Социал-демократическая партия Литвы, Партии труда и Молодёжи, Избирательной акции поляков Литвы.

Выборы в Сейм Литвы 14.10, 28.10.2012

- **Правительство Альгирдаса Буткявичюса (22.11.2012–13.12.2016)** Правящая коалиция: Социал-демократическая партия Литвы, Партия труда, Порядок и справедливость, Избирательной акции поляков Литвы. Оппозиция: Союз Отечества – Литовские христианские демократы, Либеральное движение Литовской Республики, «Путь мужества».

4.7. Результаты выборов 1992–2014 гг.

Таблица 1. Результаты партий национальных меньшинств Литвы на выборах 1996-2014 гг.⁸¹⁹

Год	Выборы	Союз русских Литвы (СРЛ)	Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ)
1996	Сейм	0	2 мандата
1997	Местные выборы	7 мандатов	56 мандатов
2000	Сейм	2 мандата	2 мандата
2002	Местные	11 мандатов	50 мандатов

⁸¹⁹ *Шибеева Е. И.* Русские и поляки в Литве: разный статус нацменьшинств // Россия и современный мир. № 1(70). 2011. С. 80–83; Результаты выборов // Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija (Сайт Центральной избирательной комиссии Литовской Республики). URL: <https://www.vrk.lt/rinkimai> (дата обращения: 11.01.2020).

	выборы		
2004	Сейм	0	2 мандата
2004	Европарламент	Совместный список – 0 мандатов	
2007	Местные выборы	5 мандатов	53 мандата
2008	Сейм	0	3 мандата (совместный список с Русским альянсом)
2009	Европарламент	Не принимал участия	1 мандат
2012	Сейм	Совместный список – 8 мандатов	
2016	Сейм	Совместный список – 8 мандатов	

Примечание: Союз русских Литвы (СРЛ) – партия, отстаивающая интересы русскоязычного населения Литвы; Избирательная акция поляков Литвы (ИАПЛ) – партия, отстаивающая интересы польского национального меньшинства в Литве.

Таблица 2. Результаты выборов в Сейм Литвы 25.10, 15.11.1992 ⁸²⁰

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты		
			По спискам	По округам	Всего
Демократическая партия труда Литвы (Lietuvos demokratine darbo partija)	817 332	49,98	36	37	73
ИС «Саюдис» (Sąjudžio koalicija) [Литовское движение «Саюдис», Хартия литовских граждан, Литовский союз политзаключённых, Литовская партия «зелёных»]	393 502	21,17	17	13	30
ИС Литовская христианско-демократическая партия (Lietuvos krikščionių demokratų partija), Литовский союз политических заключённых и ссыльных (Lietuvos politinių kalinių ir tremtinių sąjunga), Литовская демократическая партия (Lietuvos demokratų partija)	234 368	12,61	10	8	18

⁸²⁰ Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 1992 // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). URL: <https://www.vrk.lt/1992-m.-lietuvos-respublikos-seimo-rinkimai> (дата обращения: 22.04.2020).

Литовская социал-демократическая партия (Lietuvos Socialdemokratų Partija)	112 410	6,05	5	3	8
ИС Христианско-демократический союз (Krikščionių demokratų sąjunga), «Молодая Литва» («Jaunoji Lietuva»)	66 027	3,55	0	1	1
Литовский центристский союз (Lietuvos centro sąjunga)	46 910	2,52	0	2	2
Союз поляков Литвы (Lietuvos lenku sąjunga)	39 773	2,14	2	2	4
ИС Союз литовских националистов (Lietuvių tautininkų sąjunga), Партия независимости (Nepriklausomybės partija)	36 916	1,99	0	4	4
Союз либералов Литвы (Lietuvos liberalų sąjunga)	28 091	1,51	0	0	0
Лига свободы Литвы (Lietuvos laisvės lyga)	22 034	1,19	0	0	0
Движение национального прогресса (Tautos pažangos judėjimas)	19 835	1,07	0	0	0
Движение умеренных (Nuosaikiųjų judėjimas)	13 002	0,7	0	0	0
Движение за социальную справедливость (Judėjimas už socialinį teisingumą)	9 734	0,52	0	0	0
Союз свободы Литвы (Lietuvos laisvės sąjunga)	7 760	0,42	0	0	0
Литовское движение «Чернобыль» (Lietuvos judėjimas «Cernobylis»)	4 827	0,26	0	0	0
Литовское содружество (Lietuvos sandrauga)	4 161	0,22	0	0	0
Литовский патриотический союз (Lietuvos patriotų sąjunga)	1 904	0,1	0	0	0
Независимые	-	-	-	1	1
Недействительные бюллетени	59 453	-	-	-	-
ИТОГО	1 918 027	100,0	70	71	141
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	2 549 952	75,29 (1-й тур)		64,76 (2-й тур)	

ИС – избирательный союз, блок

Таблица 3. Результаты выборов в Сейм Литвы 20.10, 10.11.1996 ⁸²¹

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты		
			По спискам	По округам	Всего
Союз Отечества – Литовские консерваторы (Tevynės sąjunga – Lietuvos konservatoriai)	409 585	29,80	33	37	70
Литовская христианско-демократическая партия (Lietuvos krikščionių demokratų partija)	136 259	9,91	11	5	16
Демократическая партия труда Литвы (Lietuvos demokratine darbo partija)	130 837	9,52	10	2	12
Литовский центристский союз (Lietuvos centro sąjunga)	113 333	8,24	9	4	13
Литовская социал-демократическая партия (Lietuvos Socialdemokratų Partija)	90 756	6,60	7	5	12
«Молодая Литва» («Jaunoji Lietuva»)	52 423	3,81	0	1	1
Литовская женская партия (Lietuvos moterų partijos)	50 494	3,67	0	1	1
Христианско-демократический союз (Krikščionių demokratų sąjunga)	42 346	3,08	0	1	1
Избирательная акция поляков Литвы (Lietuvos lenku rinkimu akcija)	40 641	2,98	0	1	1
Альянс граждан Литвы (Lietuvos piliečių aljansas)	33 389	2,43	0	0	0
ИС Литовская демократическая партия (Lietuvos demokratų partija), Союз литовских националистов (Lietuvių tautininkų sąjunga)	28 744	2,09	0	3	3
Союз либералов Литвы (Lietuvos liberalų sąjunga)	25 279	1,84	0	1	1
Литовская крестьянская партия (Lietuvos valstiečių partija)	22 826	1,66	0	1	1
Союз русских Литвы (Lietuvos rusų sąjunga)	22 395	1,63	0	0	0
Литовский союз политических	20 580	1,50	0	1	1

⁸²¹ Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 1996 // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). URL: <https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/n/rinkimai/seim96/index.html> (дата обращения: 22.04.2020).

заклѹчѣнных и ссыльных (Lietuvos politinių kalinių ir tremtinių sąjunga)					
Союз свободы Литвы (Lietuvos laisvės sąjunga)	20 511	1,49	0	0	0
Литовская партия сельских хозяйев (Lietuvos ūkio partija)	16 475	1,20	0	0	0
Лига свободы Литвы (Lietuvos laisvės lyga)	12 562	0,91	0	0	0
Литовский союз социальной справедливости (Lietuvos socialinio teisingumo sąjunga)	12 234	0,89	0	0	0
Социалистическая партия Литвы (Lietuvos socialistų partija)	9 985	0,73	0	0	0
Республиканская партия (Respublikonų partija)	5 063	0,37	0	0	0
Партия национального прогресса (Tautos pažangos partija)	3 922	0,29	0	0	0
Литовская партия «Логика жизни» (Lietuvos «gyvenimo logikos» partija)	3 361	0,24	0	0	0
Литовская народная партия (Lietuvos liaudies partija)	2 622	0,19	0	0	0
Независимые	-	-	-	4	4
Недействительные бюллетени	59 453	-	-	-	-
ИТОГО	1 374 673	100,0	70	67	137*
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>2 597 530</i>	<i>52,92 (1-й тур)</i>		<i>38,16 (2-й тур)</i>	

ИС – избирательный союз, блок; * в 4-х округах из-за низкой явки избирателей были назначены перевыборы 23.03.1997

Таблица 4. Результаты выборов в Сейм Литвы 08.10.2000⁸²²

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты		
			По списку м	По округам	Всего
ИС Социал-демократический союз Альгирадаса Бразускаса (Algirdas)	457 294	31,8	28	23	51

⁸²² Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2000 // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). URL: <https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/n/rinkimai/20001008/index.html> (дата обращения: 22.04.2020).

Бразаuskas socialdemokratu sąjunga) Демократическая партия труда Литвы Лит. социал-демократическая партия Новая демократия Союз русских Литвы			12 12 1 3	14 7 2 0	26 19 3 3
Союз либералов Литвы (Lietuvos liberalų sąjunga)	253 823	17,25	16	18	33
Новый союз (социал-либералы) (Naujoji sąjunga (socialliberalai))	288 895	19,64	18	11	28
Союз Отечества – Литовские консерваторы (Tevynės sąjunga – Lietuvos konservatoriai)	126 850	8,62	8	1	9
Христианско-демократический союз (Krikščionių demokratų sąjunga)	61 583	4,19	0	1	1
Литовская крестьянская партия (Lietuvos valstiecių partija)	60 040	4,08	0	4	4
Литовская христианско-демократическая партия (Lietuvos krikščionių demokratų partija)	45 227	3,07	0	2	2
Литовский центристский союз (Lietuvos centro sąjunga)	42 030	2,86	0	2	2
Умеренный консервативный союз (Nuosąjūdių konservatorių sąjunga)	29 615	2,01	0	1	1
Избирательная акция поляков Литвы (Lietuvos lenkų rinkimų akcija)	28 641	1,95	0	2	2
Литовский народный союз «За справедливую Литву» (Lietuvos liaudies sąjunga «Už sąžiningą Lietuvą»)	21 583	1,47	0	0	0
Союз свободы Литвы (Lietuvos laisvės sąjunga)	18 622	1,27	0	1	1
ИС «Молодая Литва» (Jaunoji Lietuva), Новый национальный союз (Naujųjų tautininkų sąjunga), Литовская партия политических заключённых (Lietuvos politinių kalinių partija)	16 941	1,15	0	1	1
ИС Союз литовских националистов (Lietuvos tautininkų sąjunga), Лига свободы Литвы (Lietuvos laisvės lyga)	12 884	0,88	0	0	0
Литовская партия «Социал-демократия 2000» (Lietuvos partija «Socialdemokratija 2000»)	7 219	0,49	0	0	0

Современный христианско-демократический союз (Moderniųjų krikščionių demokratų sąjungos)	-	-	0	1	1
Независимые	-	-	-	3	3
Недействительные бюллетени	68 496	-	-	-	-
ИТОГО	1 539 743	100,0	70	71	141
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>2 626 321</i>	<i>58,63</i>			

ИС – избирательный союз, блок

Таблица 5. Результаты выборов в Сейм Литвы 10.10, 24.10.2004⁸²³

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты		
			По спискам	По округам	Всего
Партия труда (Darbo partija)	340 035	28,44	22	17	39
ИС «Работа для Литвы» (Koalicija «Už darbą Lietuvai»)	246 852	20,65	16	15	31
Социал-демократическая партия Литвы			9	11	20
Новый союз (социал-либералы)			7	4	11
Союз Отечества – Литовские консерваторы (Tevynės sąjunga – Lietuvos konservatoriai)	176 409	14,75	11	14	25
Союз либералов и центра (Liberalų ir centro sąjunga)	109 872	9,19	7	11	18
ИС «За порядок и справедливость» (Koalicija «Už tvarką ir teisingumą»)	135 807	11,36	9	1	10
Либерально-демократическая партия					
Литовский народный союз «За исправление Литвы»					
ИС крестьян и Новой демократии (Valstiečių ir Naujosios demokratijos partijų sąjunga)	78 902	6,60	5	5	10
Избирательная акция поляков Литвы (Lietuvos lenku rinkimu akcija)	45 302	3,79	0	2	2
Консервативный христианско-социальный союз (Krikščionių konservatorių socialinė sąjunga)	23 426	1,96	0	0	0

⁸²³ Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2004 // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). URL: <https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/rinkimai/2004/seimas/indexn.html> (дата обращения: 22.04.2020).

Литовские христианские демократы (Lietuvos krikščionys demokratai)	16 362	1,37	0	0	0
Национальная центристская партия (Nacionalinė centro partija)	5 989	0,50	0	0	0
Республиканская партия (Respublikonų partija)	4 326	0,36	0	0	0
Литовский социал-демократический союз (Lietuvos socialdemokratų sąjunga)	3 977	0,33	0	0	0
Союз свободы Литвы (Lietuvos laisvės sąjunga)	3 337	0,28	0	0	0
Национальная партия «Путь Литвы» (Tautinė partija «Lietuvos kelias»)	2 577	0,22	0	0	0
Союз литовских националистов (Lietuvos tautininkų sąjunga)	2 482	0,21	0	0	0
Независимые	-	-	-	6	6
Недействительные бюллетени	32 998	-	-	-	-
ИТОГО	1 228 653	100,0	70	71	141
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	2 666 196	46,08			

ИС – избирательный союз, блок

Таблица 6. Результаты выборов в Сейм Литвы 12.10, 26.10.2008⁸²⁴

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты		
			По спискам	По округам	Всего
Союз Отечества – Литовские христианские демократы (Tėvynės sąjunga – Lietuvos krikščionys demokratai)	243 823	19,72	18	27	45
Партия национального возрождения (Tautos prisikėlimo partija)	186 629	15,09	13	3	16
Порядок и справедливость (Tvarka ir teisingumas)	156 777	12,68	11	4	15
Социал-демократическая партия Литвы (Lietuvos socialdemokratų partija)	144 890	11,72	10	15	25
ИС Партии труда и Молодёжи (Koalicija Darbo partija + Jaunimas)	111 149	8,99	8	2	10

⁸²⁴ Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2008 // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). URL: https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/2008_seimo_rinkimai/output_lt/rinkimu_diena/index.html (дата обращения: 22.04.2020).

Либеральное движение Литовской Республики (Lietuvos Respublikos liberalų sąjūdis)	70 862	5,73	5	6	11
Союз либералов и центра (Liberalų ir centro sąjunga)	66 078	5,34	5	3	8
Избирательная акция поляков Литвы (Lietuvos lenku rinkimu akcija)	59 237	4,79	0	3	3
Литовский крестьянский народный союз (Lietuvos valstiečių liaudininkų sąjunga)	46 162	3,73	0	3	3
Новый союз (социал-либералы) (Naujoji sąjunga (socialliberalai))	45 061	3,64	0	1	1
Партия «Фронт» («Fronto» partija)	40 016	3,24	0	0	0
Партия «Молодая Литва» (Partija «Jaunoji Lietuva»)	21 589	1,75	0	0	0
Гражданская демократическая партия (Pilietinės demokratijos partija)	13 775	1,11	0	0	0
Союз русских Литвы (Lietuvos rusų sąjunga)	11 357	0,92	0	0	0
Литовский социал-демократический союз (Lietuvos socialdemokratų sąjunga)	10 642	0,86	0	0	0
Литовская центристская партия (Lietuvos centro partija)	8 669	0,70	0	0	0
Независимые	-	-	-	4	4
Недействительные бюллетени	73 239	-	-	-	-
ИТОГО	1 309 965	100,0	70	71	141
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>2 696 090</i>	<i>48,59</i>			

ИС – избирательный союз, блок

Таблица 7. Результаты выборов в Сейм Литвы 14.10, 28.10.2012⁸²⁵

Партии	Кол-во голосов	%	Мандаты		
			По спискам	По округам	Всего
Партия труда (Darbo Partija)	271 430	19,84	17	12	29
Социал-демократическая партия Литвы (Lietuvos socialdemokratų partija)	251 458	18,38	15	22	37

⁸²⁵ Результаты выборов в Сейм Литовской Республики 2012 // Сайт Центральной избирательной комиссии Литвы (Lietuvos Respublikos vyriausioji rinkimų komisija). URL: https://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/2012_seimo_rinkimai/output_lt/rinkimu_diena/index.html (дата обращения: 22.04.2020).

Союз Отечества – Литовские христианские демократы (Tėvynės sąjunga – Lietuvos krikščionys demokratai)	205 998	15,06	13	20	33
Либеральное движение Литовской Республики (Lietuvos Respublikos liberalų sąjūdis)	117 244	8,57	7	3	10
«Путь мужества» («Drąsos kelias»)	109 211	7,98	7	0	7
Порядок и справедливость (Tvarka ir teisingumas)	100 038	7,31	6	5	11
Избирательная акция поляков Литвы (Lietuvos lenku rinkimu akcija)	79 825	5,3	5	3	8
Союз крестьян и зелёных Литвы (Lietuvos valstiečių ir žaliųjų sąjunga)	53 098	3,88	0	1	0
Союз либералов и центра (Liberalų ir centro sąjunga)	28 234	2,06	0	0	0
Союз ДА (Sąjunga TAIP)	24 071	1,76	0	0	0
Социалистический Народный Фронт (Socialistinis liaudies Frontas)	16 491	1,21	0	0	0
Христианская партия (Krikščionių partija)	16 476	1,20	0	0	0
Для Литвы в Литве (Už Lietuvą Lietuvoje)	12 846	0,94	0	0	0
Партия «Молодая Литва» (Partija «Jaunoji Lietuva»)	8 620	0,63	0	0	0
Партия Демократического Труда и Единства (Demokratinė darbo ir vienybės partija)	4 375	0,32	0	0	0
Партия эмигрантов (Emigrantų partija)	3 966	0,29	0	0	0
Республиканская партия (Respublikonų partija)	3 652	0,27	0	0	0
Народная партия Литвы (Lietuvos žmonių partija)	3 387	0,25	0	0	0
Независимые	-	-	-	3	3
Недействительные бюллетени	57 881	-	-	-	-
ИТОГО	1 368 301	100,0	70	69*	139
<i>Зарегистрировано избирателей / Явка</i>	<i>2 588 418</i>	<i>53,86</i>			

* из-за нарушений на выборах, результаты голосования были отменены в 2-х округах и назначены перевыборы.

Результаты социологического исследования, проведённого по заказу литовского информационного портала DELFI компанией по исследованию общественного мнения и рынка Spinter tyrimai 16–24 января 2012 г. на всей территории Литвы (был опрошен 1001 респондент)⁸²⁶

Таблица 5.1

Какой день для вас в наибольшей степени ассоциируется с государственностью?	
16 февраля 1918 – День восстановления литовского государства (провозглашение независимости Литвы)	45,6%
6 июля 1253 – День литовского государства (коронация короля Миндаугаса [Миндовга], основание Великого княжества Литовского)	22,2%
11 марта 1990 – День восстановления независимости Литвы (принятие Акта о восстановления независимости Литвы)	20,3%
25 октября 1992 – День Конституции (принятие конституции Литвы)	1,6%
Ни один из них	6,3%
Не знаю/не ответили	3,6%
Всего	100%

⁸²⁶ Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения: 24.10.2020).

Таблица 5.2

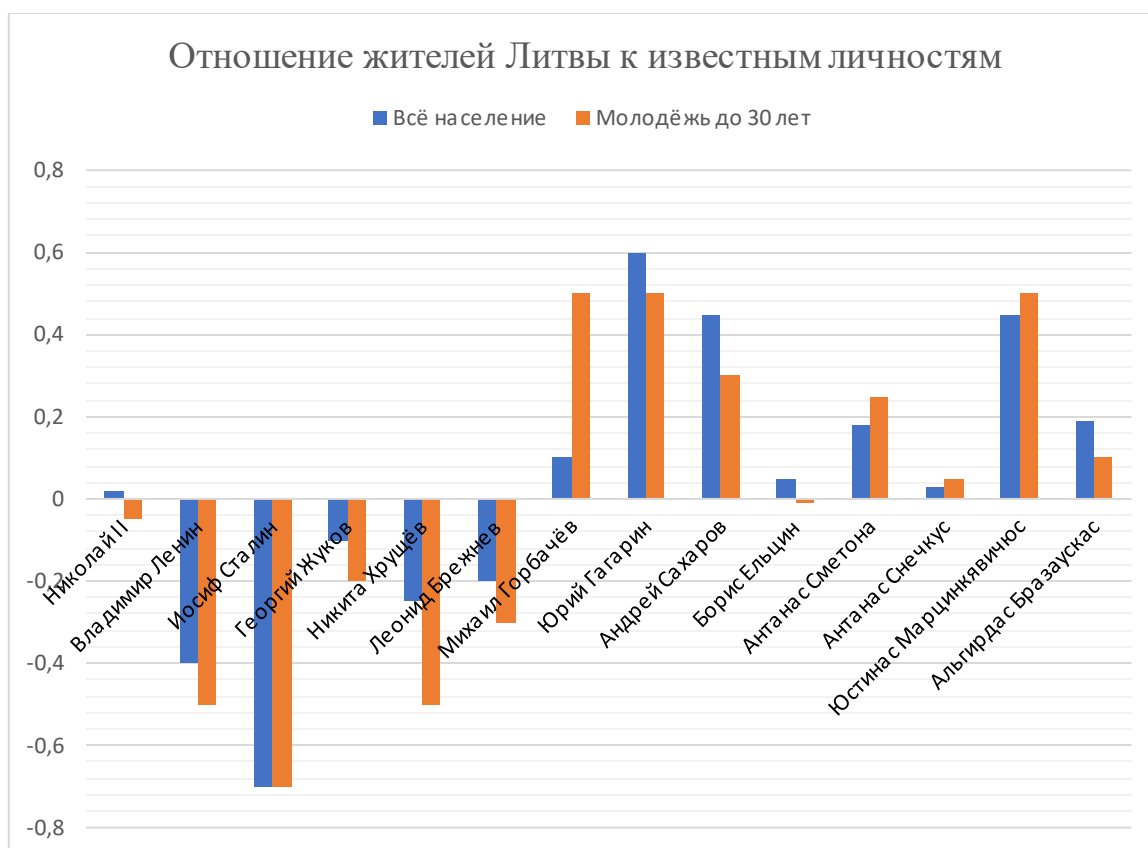
Отмечаете ли вы 16 февраля (День восстановления литовского государства)?	
Да	23,1%
Иногда	31,0%
Нет	17,2%
Для меня 16 февраля просто выходной день	28,2%
Не знаю/не ответили	0,5%
Всего	100%

Таблица 5.3

Какой была бы судьба Литвы в случае, если бы мы не восстановили независимость?	
Раньше или позже мы бы стали независимым государством	44,5%
Принадлежали бы России	31,3%
Принадлежали бы Германии	7,6%
Создали бы общее государство с Польшей	3,6%
Другое	1,4%
Не знаю/не ответили	11,6%
Всего	100%

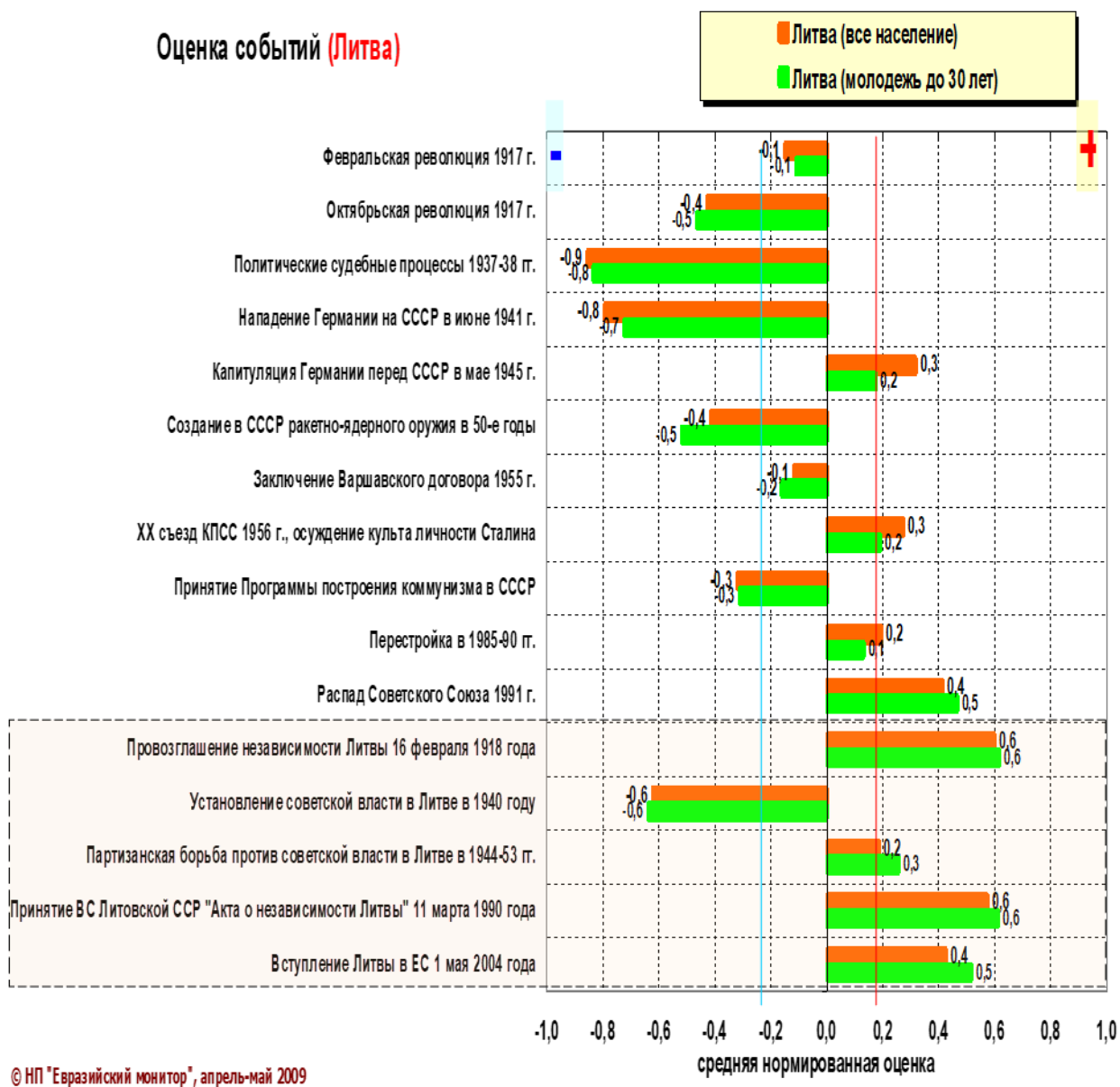
Данные по Литве из исследования «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов», проводившегося 20–28 апреля 2009 г. компанией UAB «Baltijos Tyrimai»

Рис. 5.1 Отношение жителей Литвы к известным личностям XX в.⁸²⁷

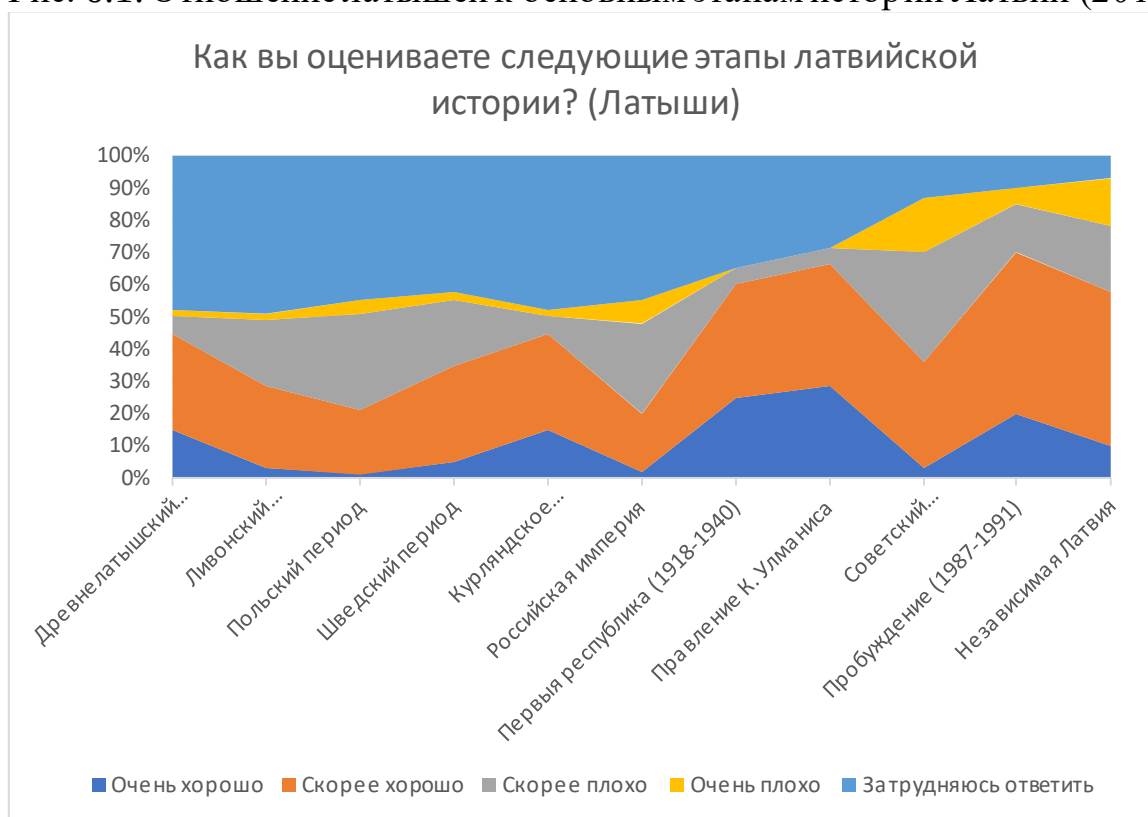
⁸²⁷ Исследовательский проект «Восприятие молодёжью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель-май 2009 г. Краткий аналитический отчёт. М.: НП «Евразийский монитор», АНО «Социологическая мастерская Задорина», 2009. С. 35.

Рис. 5.2 Оценка жителями Литвы основных событий XX в. из истории Российской империи, СССР, Литовской Республики⁸²⁸

⁸²⁸ Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Альбом диаграмм // Евразийский Монитор. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia> (дата обращения: 02.12.2020).

Рис. 6.1. Отношение латышей к основным этапам истории Латвии (2017 г.)⁸²⁹

⁸²⁹ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2 / redīgēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. L. 10.

Рис. 6.2. Отношение русскоязычных жителей Латвии к основным этапам истории Латвии (2017 г.)⁸³⁰

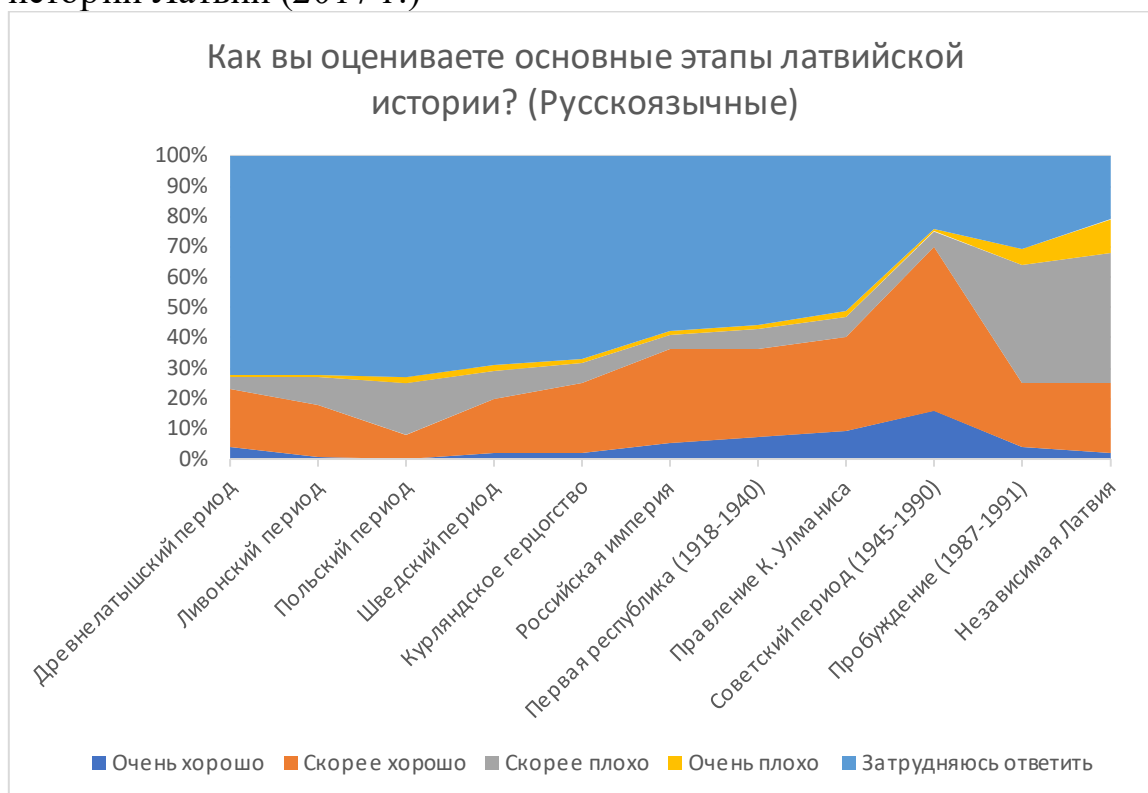

Таблица 6.1. Отношение жителей Латвии к основным памятным датам (2012 г.)⁸³¹

Отмечаете ли вы следующие памятные даты?	Латыши	Русско-язычные
18 ноября 1918 – провозглашение независимости	90%	73,2%
16 марта – День памяти латышских легионеров СС	55,8%	31%
9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне	38,8%	77,1%
11 ноября – День Лачплесиса (день памяти героев, павших за освобождение Латвии с древнейших времён до современности)	66,8%	30,7%
4 мая 1990 г. – Провозглашение Декларации независимости Латвийской Республики	32,1%	11,6%

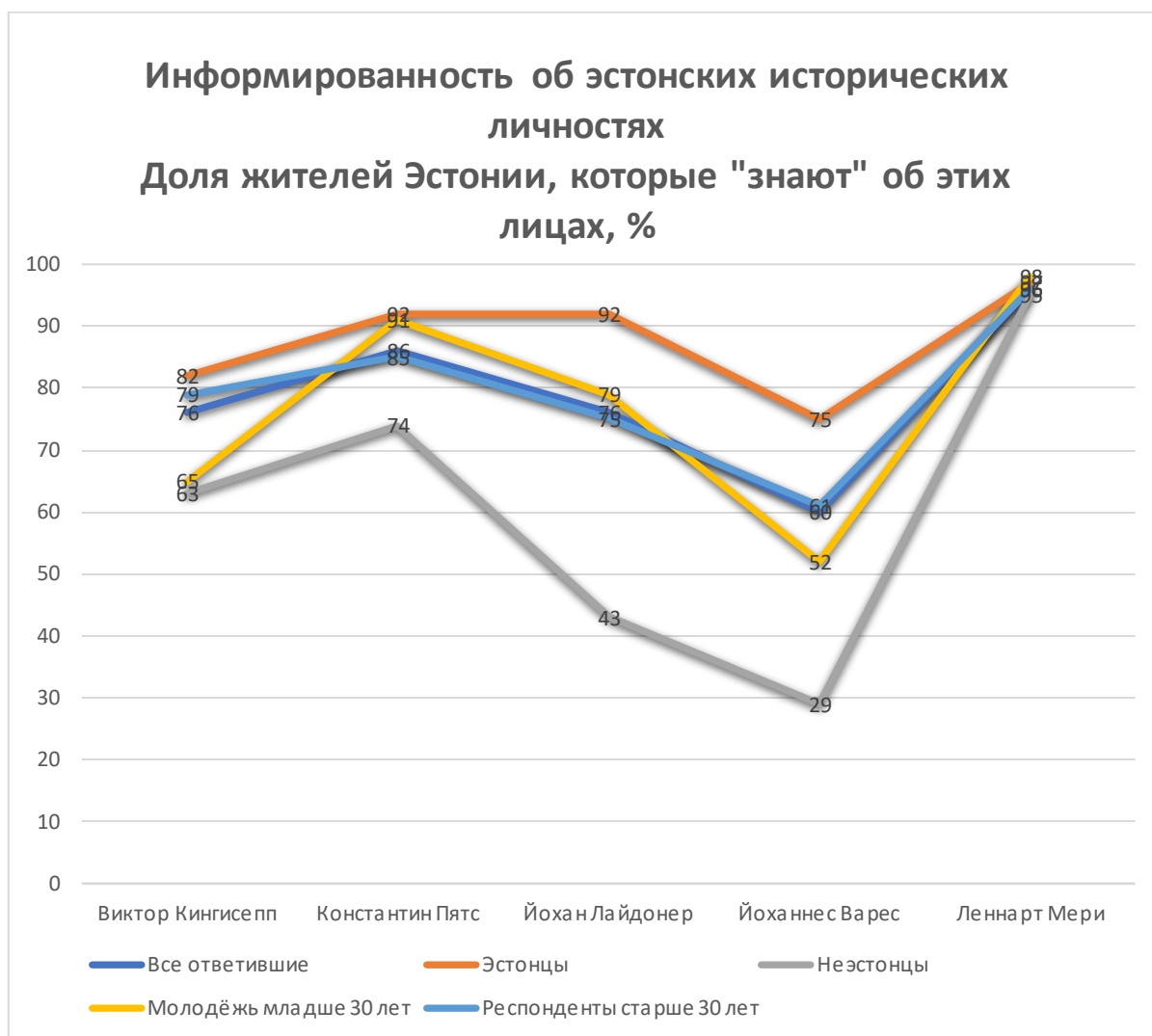
⁸³⁰ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.2 / rediģēja M. Kaprāns, A. Saulītis. Rīga, 2017. L. 10.

⁸³¹ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr.1 / rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 6–15, 34

Рис. 7.1 Интерес к истории в Эстонии, Латвии, Литве в %⁸³²

⁸³² Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 5.

Рис. 7.2 Информированность об эстонских исторических личностях⁸³³

Пояснения к диаграмме рис. 7.2

Виктор Кингисепп (1888–1922) – российский и эстонский революционер, один из создателей Коммунистической партии Эстонии, член ревтрибунала РСФСР, ВЧК, ВЦИК, с 1918 на подпольной работе в Эстонии, арестован и расстрелян в 1922 г. властями Эстонской Республики

Константин Пятс (1874–1956) – первый президент Эстонской Республики, в 1920-е неоднократно занимал должность премьер-министра, после государственного переворота 1934 г. и установления авторитарного режима являлся главой государства вплоть до 1940

⁸³³ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 7.

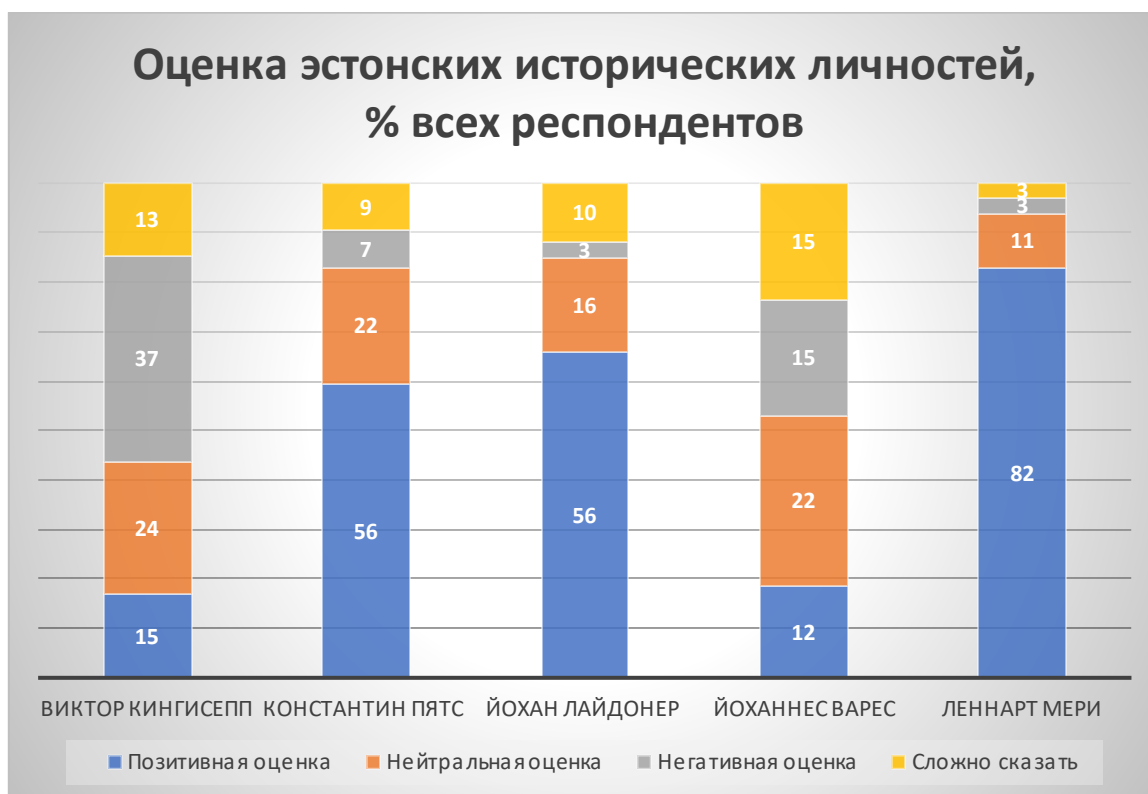
г. и провозглашения Эстонской ССР, с 1940 до своей смерти в 1956 г. находился в заключении.

Йохан Лайдонер (1884–1953) – российский и эстонский военный и политический деятель, участник Первой Мировой войны и Эстонской Освободительной (Гражданской) войны, главнокомандующий эстонской армией в 1918–1920, 1934–1940 гг., в 1934 г. вместе с Константином Пятсом совершил государственный переворот. Арестован в 1940 г. советскими властями, умер в заключении в 1953 г.

Йоханнес Варес-Барбарус (1890–1946) – эстонский поэт и писатель, политический деятель. Премьер-министр Эстонии в 1940 (возглавлял Республику в период провозглашения Эстонской ССР и присоединения к СССР), председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (1940–1946). Предположительно покончил жизнь самоубийством в 1946 г. (по не официальной версии убит сотрудниками МГБ)

Леннарт Мери (1929–2006) – эстонский писатель, переводчик, режиссёр, один из основателей эстонского Народного фронта в период Перестройки, президент Эстонской Республики в 1992–2001 гг.

Рис. 7.3 Оценка эстонских исторических личностей, % всех респондентов⁸³⁴

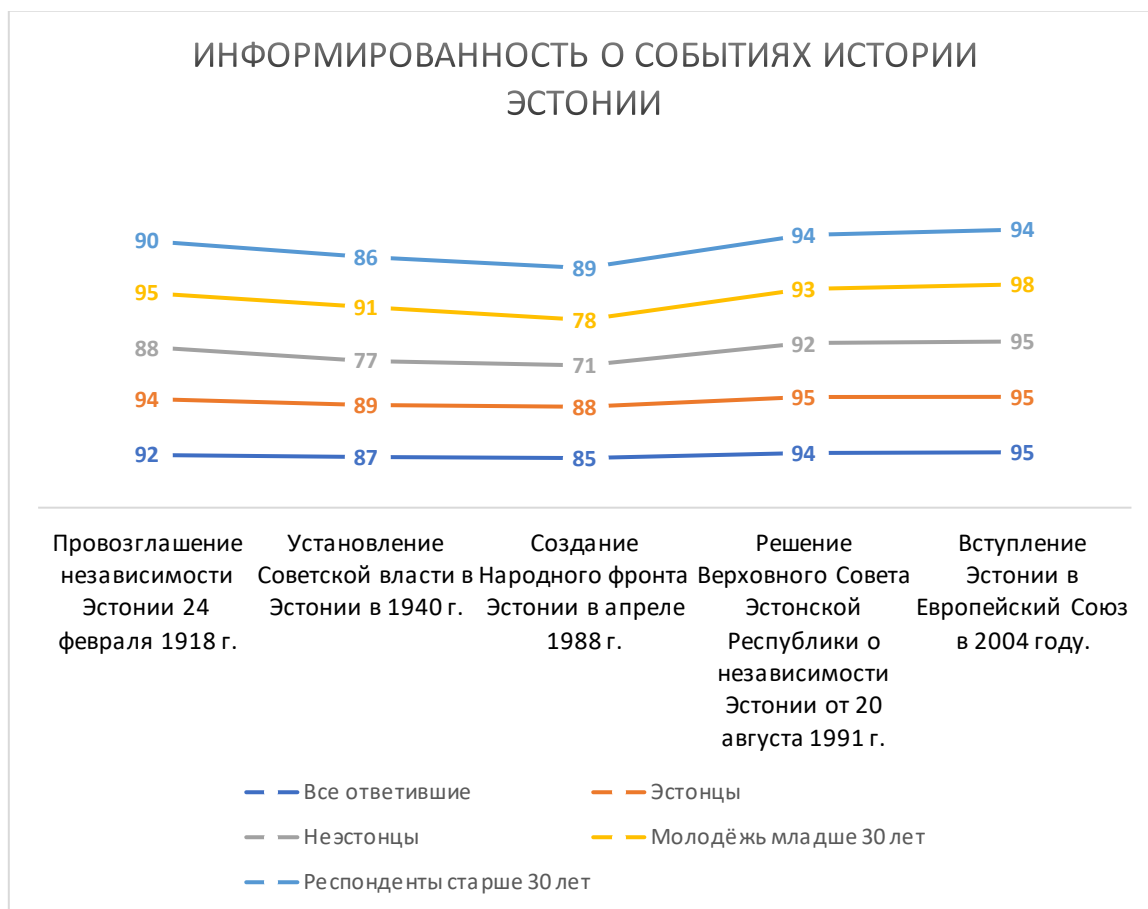
⁸³⁴ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 8.

Рис. 7.4 Оценка эстонских исторических личностей (По оценке жителей Эстонии, которые «знали» об этих людях, в %)⁸³⁵

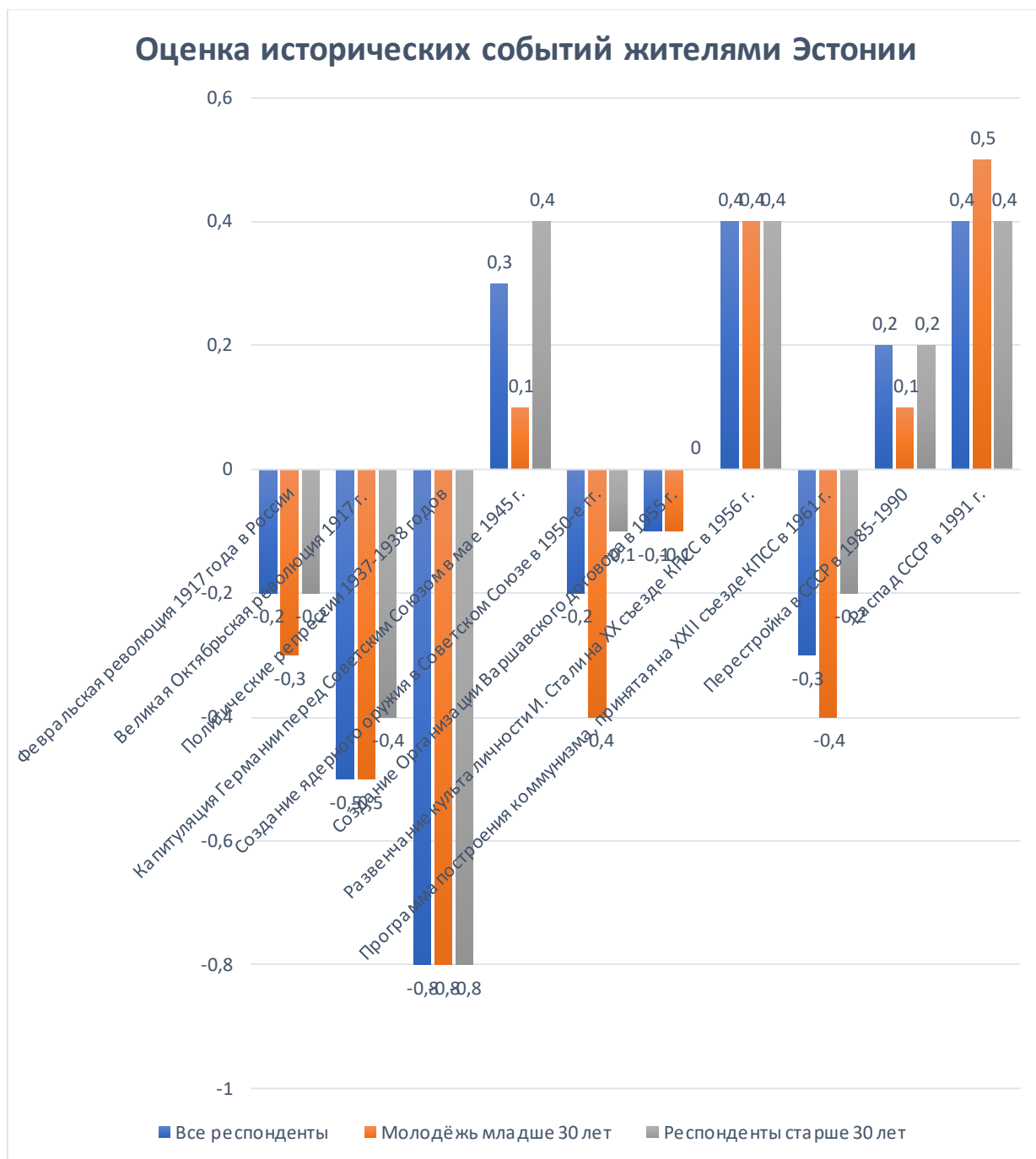
⁸³⁵ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 9.

Рис. 7.5 Информированность о событиях истории Эстонии. Доля жителей Эстонии, которые «осведомлены» об этих событиях, %⁸³⁶

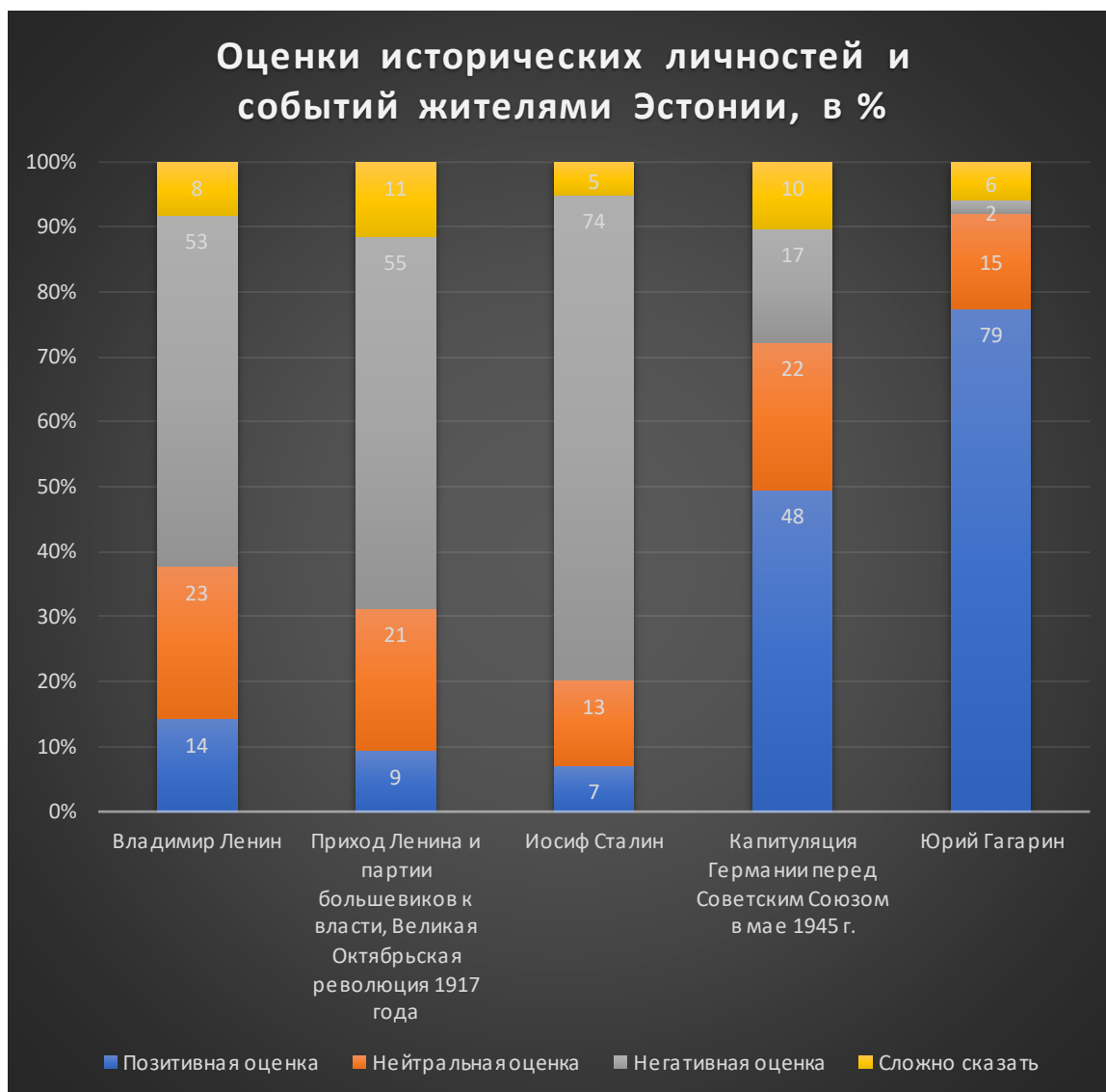
⁸³⁶ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 16.

Рис. 7.6 Оценка исторических событий жителями Эстонии (Средняя стандартизированная оценка)⁸³⁷

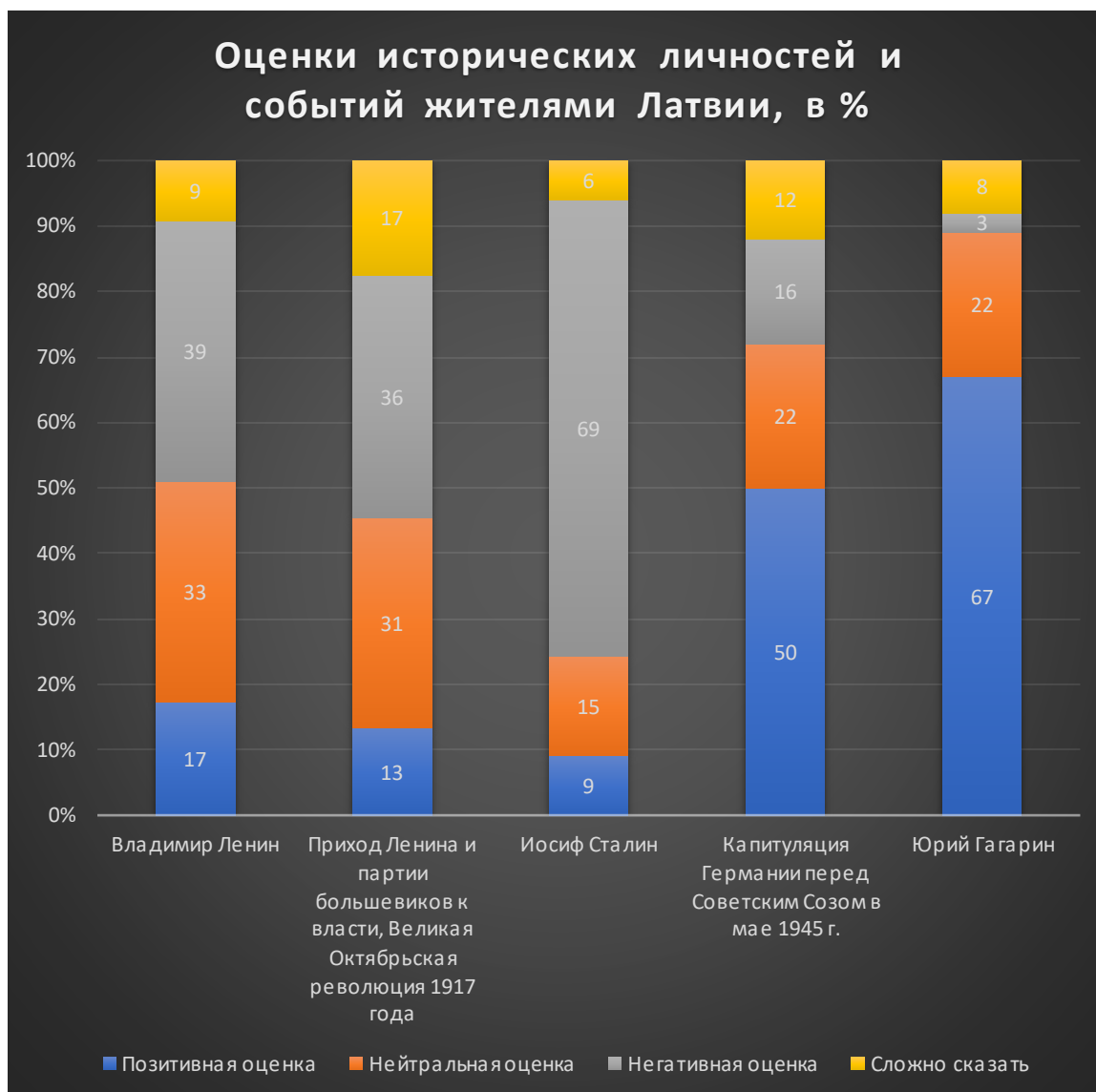
⁸³⁷ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 42.

Рис. 7.7.1 Оценки исторических личностей и событий жителями Эстонии, в %⁸³⁸

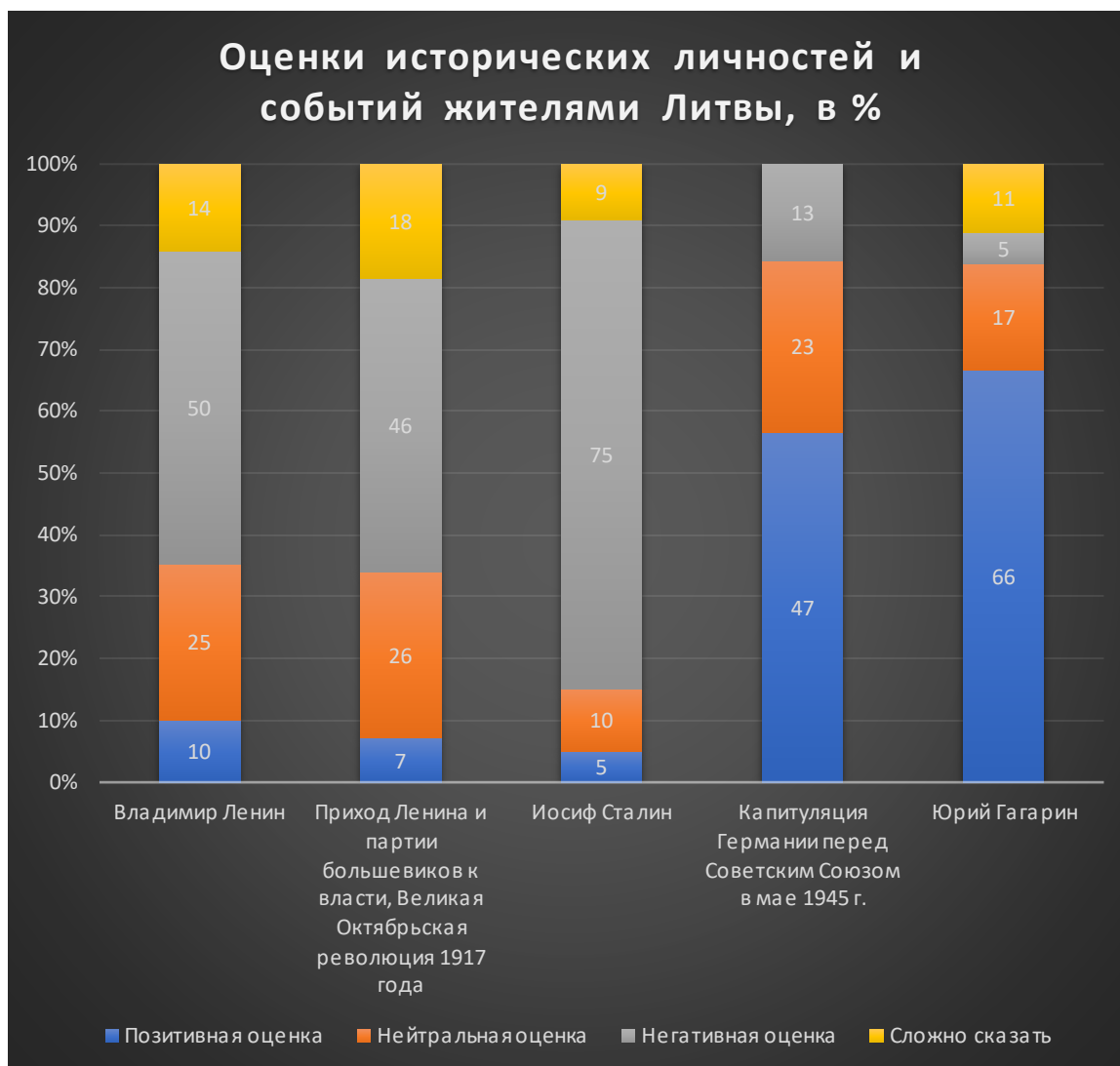
⁸³⁸ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 23–37.

Рис. 7.7.2 Оценки исторических личностей и событий жителями Латвии, в %⁸³⁹

⁸³⁹ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 23–37.

Рис. 7.7.3 Оценки исторических личностей и событий жителями Литвы, в %⁸⁴⁰

⁸⁴⁰ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill-mai 2009.a. Saar Poll, september 2009.a. // SAAR POLL (Саар Полл). URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения: 08.11.2020). L. 23–37.

Статистические данные о гражданстве ЭР.

Таблица 8.1. Число лиц, получивших эстонское гражданство путём натурализации⁸⁴¹

Год	Число натурализовавшихся	Год	Число натурализовавшихся	Год	Число натурализовавшихся
1992	5 421	1998	9 969	2004	6 523
1993	20 370	1999	4 534	2005	7 072
1994	22 474	2000	3 425	2006	4 753
1995	16 674	2001	3 090	2007	4 228
1996	22 773	2002	4 091	2008	1 608*
1997	8 124	2003	3 706		

* По состоянию на 1 сентября 2008 г.

Таблица 8.2 Лица, получившие гражданство Эстонии путём натурализации (1.09.2008)⁸⁴²

Основание	Период	Количество	2007 г.	2008 г.
Этнические эстонцы*	1992–1999	25 293		
Иностранцы, поддержавшие независимость Эстонии**	1992–2001	24 102		
На общих основаниях	1992–...	63 678	2 408	867
Дети, не достигшие 15-летнего возраста***	1992–...	32 686	1 733	711
За особые заслуги****	1992–...	734	4	1
Недееспособные лица и инвалиды	1996–...	734	83	29
Всего		147 920	4 228	1 608

* Эстонцы, чьи предки эмигрировали из Эстонии до 1918 г., когда была провозглашена Эстонская Республика и было сформировано эстонское гражданство, получили эстонское гражданство в процессе натурализации, доказав свою принадлежность к эстонской национальности.

** Иностранцы, поддержавшие независимость Эстонии и до 1 марта 1990 г. ходатайствовавшие о гражданстве, получили гражданство в упрощенном порядке, т.е. без сдачи соответствующих экзаменов. Регистрация эстонских граждан велась Комитетом эстонских граждан как в Эстонии, так и в эстонских сообществах за рубежом. В результате в феврале 1990 г. более чем 600 000 эстонскими гражданами был избран Конгресс Эстонии, представительный орган граждан. Первое заседание Конгресса прошло с 11 по 12 марта 1990 г. Действия Конгресса в период 1990-1992 гг. положили основу восстановлению независимости в 1991 г. Конгресс был распущен после вступления во власть первого созыва *Riigikogu* (парламент) в 1992 г., избранного на основании новой Конституции.

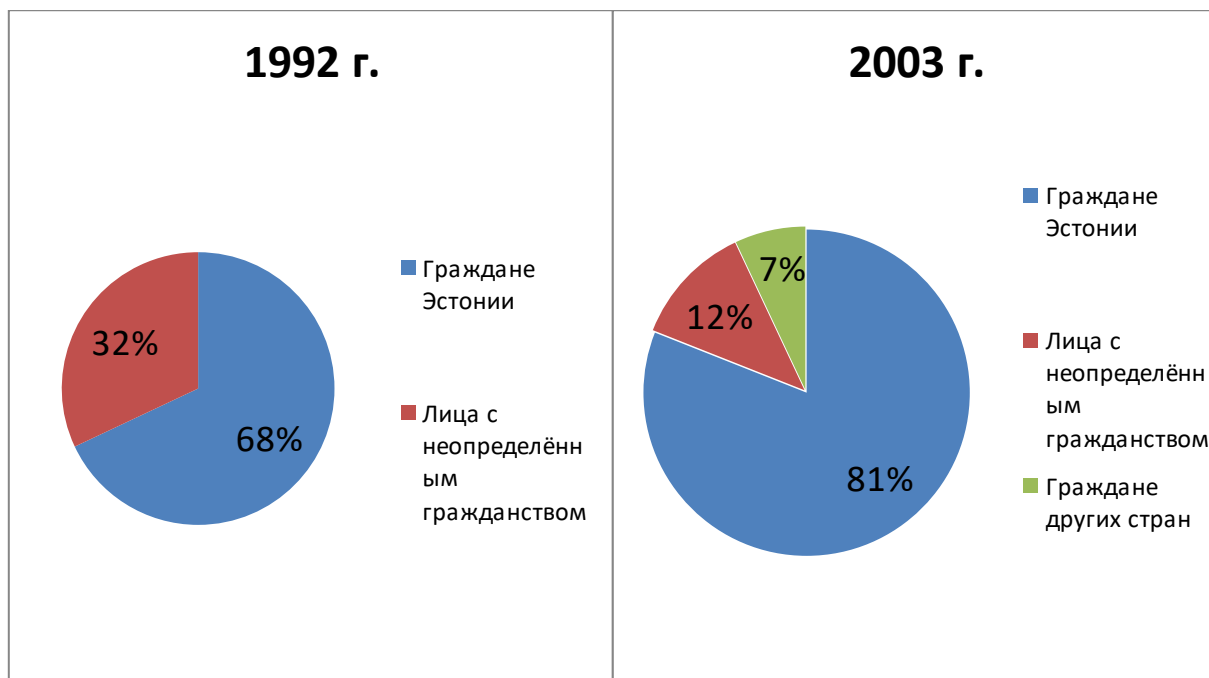
*** На основании поправки к Закону о гражданстве (статья 4 § 13 главы 3 Закона о гражданстве), принятой парламентом в 1998 г., согласно которой процесс ходатайства был упрощён в отношении детей, родившихся в Эстонии после 26 февраля 1992 г. и родители которых прожили в Эстонии не менее 5 лет. Эти дети могут на основании заявления родителей получить гражданство путём натурализации без обязательных экзаменов на гражданство.

⁸⁴¹ Гражданство // Сайт посольства Эстонии в Москве. URL: <http://www.estemb.ru/estonija/grazdanstvo>, (дата обращения: 02.02.2014).

⁸⁴² Там же. Гражданство...

**** Заслуги, способствующие поддержанию международного престижа Эстонии в области культуры, спорта и т.д.

Рис. 8. 1. Состав населения Эстонии по гражданству⁸⁴³

⁸⁴³ Гражданство // Сайт посольства Эстонии в Москве. URL: <http://www.estemb.ru/estonija/grazdanstvo>, (дата обращения: 03.11.2012).

Рис. 8.2. Отношение к Эстонии как к «Родине» 2008 г.⁸⁴⁴

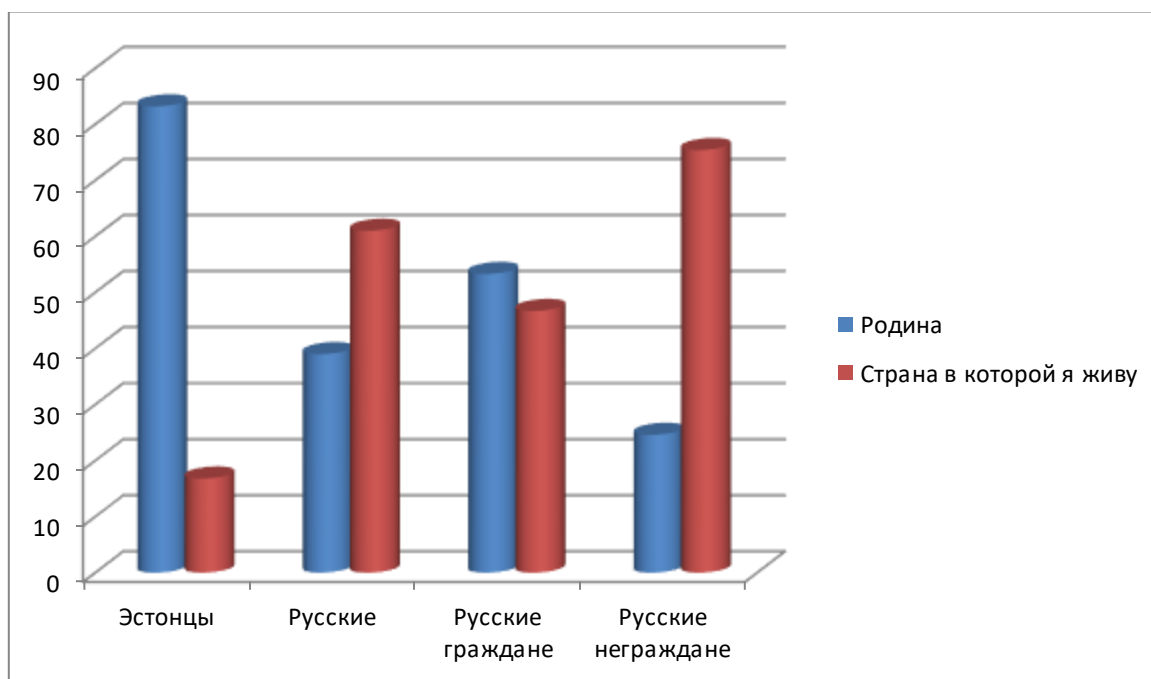
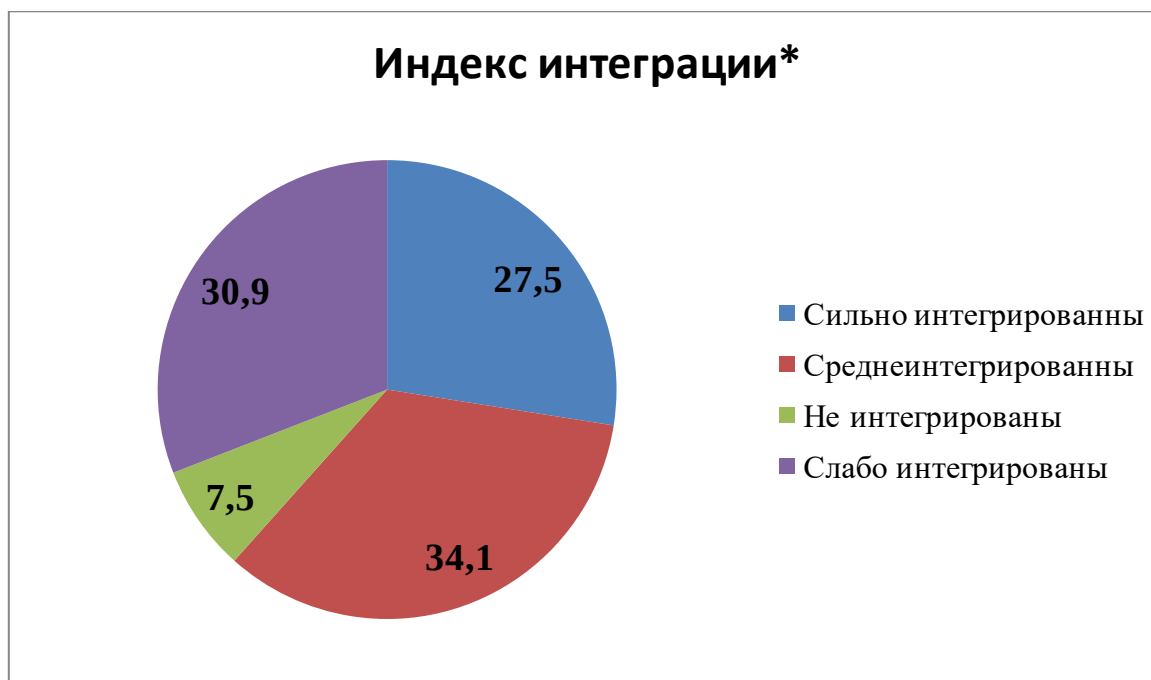

Рис. 8.3. Разделение русскоязычного населения по степени интеграции (июнь 2007 г.)⁸⁴⁵

⁸⁴⁴ Проект (грант) № 181 Организация-грантополучатель: Санкт-Петербургская региональная общественная организация «Балтийский клуб» Тема проекта (гранта): «Социально-культурные особенности автономизации русскоязычного населения Эстонии» г. Москва Октябрь 2008 г.

⁸⁴⁵ Лауристин М. Эстонская программа интеграции 2008–2013 Заключительный отчёт об исследовании необходимости и возможности реализации. Таллин, Тарту, 2008. С. 21.

*Индекс интеграции составлен путём объединения следующих признаков: 1. Обладание эстонским гражданством, 2. Владение эстонским языком, 3. осознание себя как части эстонского народа, 4. Частое общение между эстонцами и русскими, 5. использование в общении эстонского языка или общих языков попеременно, положительное отношение к переменам, произошедшим в эстонском обществе за последние пятнадцать лет, доверие к эстонскому государству.

Таблица 8.3.1. Гражданская принадлежность и позиции, отражающие государственную идентичность на разных ступенях интеграции⁸⁴⁶

	Не интегрированы (8%)	Слабо интегрированы (31%)	Средне интегрированы (34%)	Сильно интегрированы (27%)	Все русскоязычные опрошенные
Гражданство					
Эстонское	0	22	57	91	51
Российское / другое	62	40	22	5	26
Без гражданства	38	38	21	4	23
Считает ли себя опрошенный принадлежащим к эстонскому народу					
Да	0	52	76	95	68

⁸⁴⁶ Там же. *Лауристин М.* Эстонская программа интеграции 2008–2013 Заключительный отчёт. С. 21–22.

Доверяет ли Эстонской Республике					
Не доверяет	54	42	38	19	35
Доверяет	0	11	25	44	13
Отношение к переменам, произошедшим в Эстонии за последние пятнадцать лет					
Огорчает	68	43	37	20	36
Радует	0	19	26	43	27

Таблица 8.3.2. Владение эстонским языком и использование языка в случае разных уровней интеграции⁸⁴⁷

	Не интегрированные (0 признаков)	Слабо интегрированные (1–2)	Средне интегрированные (3–4)	Сильно интегрированные (5–7)	Все русскоязычные опрошенные
Владение эстонским языком					
Вообще не владеет	51	30	9	3	17
Немного понимает, но не говорит	24	38	17	2	20
Понимает и немного говорит	24	25	35	10	24
Говорит и пишет	0	7	31	50	26
Владеет свободно	0	1	9	36	13
Общался с эстонцами в последнюю неделю					
Не приходилось общаться, не припоминает ни одного контакта	32	30	6	0	14
6 или более раз	0	15	47	69	40
Язык общения с эстонцами					
Только русский язык	96	73	38	7	40
Только эстонский язык	0	3	8	18	10
Эстонский и	0	21	52	74	48

⁸⁴⁷ Там же Лауристин М. С. 24.

русский языки вперемешку					

Таблица 8.4. Ощущение общности русских и балтийских народов, %⁸⁴⁸

	Эстонцы	Русские в Эстонии	Латыши	Русские в Латвии	Литовцы	Русские в Литве
Насколько Вы ощущаете свою общность с эстонцами, латышами, литовцами?						
1993	86	24	63	25	76	31
1995	88	28	74	25	82	
1996	84	13	80	21	83	36
Насколько Вы ощущаете свою общность с русскими?						
1993	4	62	9	57	7	52
1995	5	70	9	52	4	51
1996	4	73	14	65	4	57

Таблица 8.5. Самоидентификация русских в Эстонии 1997 г. (в % к числу опрошенных)⁸⁴⁹

Тип самоидентификации	Возраст, лет			
	18 – 24	25 – 34	35 – 54	Старше 55
Русские ближнего зарубежья	15	15	30	33
Русские Балтии	29	16	21	16
Русские Европы	21	8	11	6
Русские Эстонии	69	65	71	71
Русские Эстонии по рождению	43	35	26	27

Таблица 8.6. Уровень безработицы по возрасту и этническому происхождению, 1997–2007 гг. (%)⁸⁵⁰

Возрастная группа	1997	2001	2003	2004	2005	2006	2007

⁸⁴⁸ Фурман Д., Задорожнюк Э. Социальные проблемы российского зарубежья. Притяжение Балтии: Балтийские русские и балтийские культуры // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М.: Референдум, 2002. С. 113.

⁸⁴⁹ Симонян Р. Х. Россияне в Балтии: вчера, сегодня и завтра // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 102–116.

⁸⁵⁰ Проблемы прав национальных меньшинств Латвии и Эстонии / под ред. В. В. Полецука. М.: ФИП, «Русская панорама», 2009. С. 190.

Эстонцы							
15–24	11,2	21,8	17,6	17,0	9,5	9,6	8,5
15–74	7,8	10,4	7,3	6,4	5,3	4,0	3,6
Неэстонцы							
15–24	21,2	22,9	26,0	30,9	29,4	18,5	13,7
15–74	13,2	16,8	15,2	15,6	12,9	9,7	6,9

Таблица 8.7. «Как Вы считаете, является ли Россия для Эстонии опасным или дружественным соседом?» %, 2000 и 2007 гг.⁸⁵¹

Россия – сосед...	эстонцы		неэстонцы	
	2000	2007	2000	2007
Определенно опасный	14	32	2	3
Скорее опасный	56	49	12	5
Нейтральный	17	13	42	27
Скорее дружественный	2	1	30	33
Определенно дружественный	1	0	14	28
Затрудняюсь ответить	10	5	14	4
Всего	100	100	100	100

⁸⁵¹ *Полецук В.* Ежегодный доклад 2007 года: Эстония – Центр информации по правам человека // Inimõiguste Teabekeskus The Legal Information Centre for Human Rights Центр информации по правам человека (LICHR). URL: www.lichr.ee/main/assets/god2007b.doc (дата обращения: 01.11.2013).

Мемориал Марьямяэ (г. Таллин) Эстония*

*На плите с информацией о монументе указано – *«мемориальная площадь посвящена армейским подразделениям, вовлечённым в оборонительные бои за Эстонию в 1944 г.»*. Если знать исторический контекст, то очевидно, что в 1944 г. оборонительные бои в Эстонии вели немецкие войска и эстонские подразделения СС против Красной армии.

Мемориал «Жертвы коммунизма в Эстонии 1940–1991» г. Таллин

Рис. 10.1

Информация с изображённых на фотографии информационных стендов представлена ниже (рис. 10.2 – 10.11).

Рис. 10.2

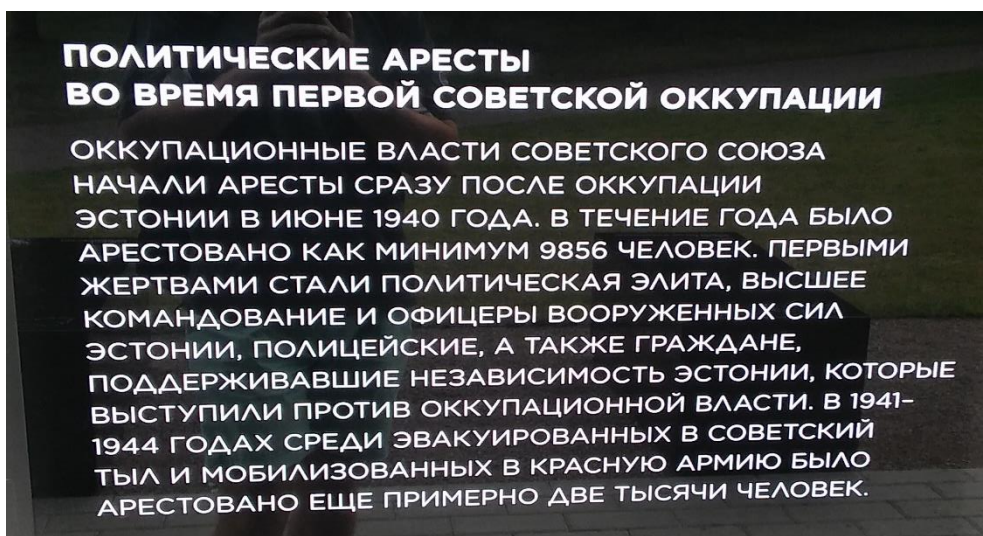

Рис. 10.3

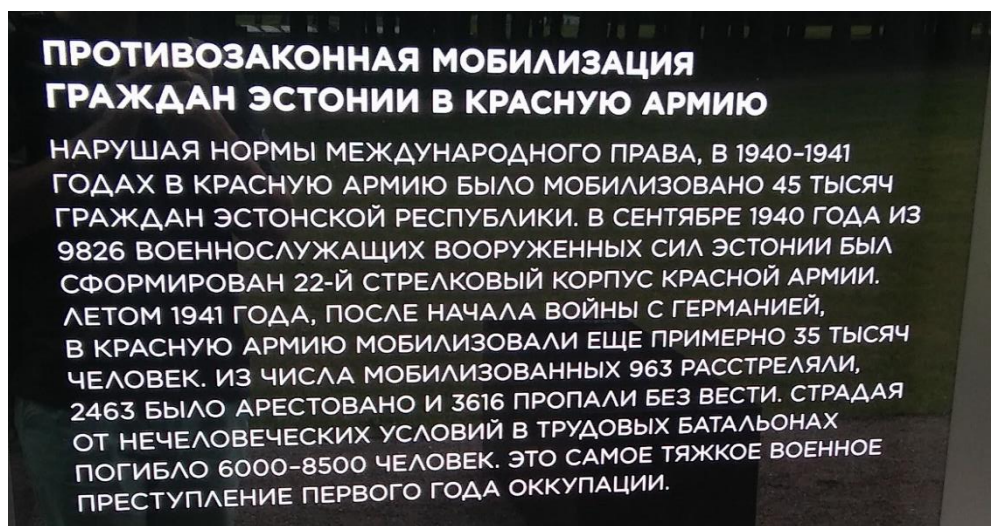

Рис. 10.4

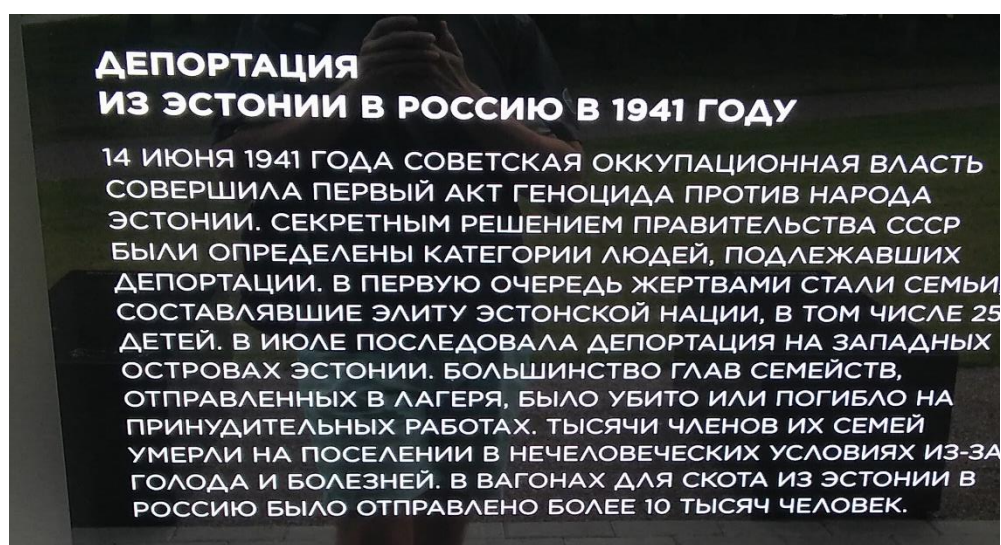

Рис. 10.5

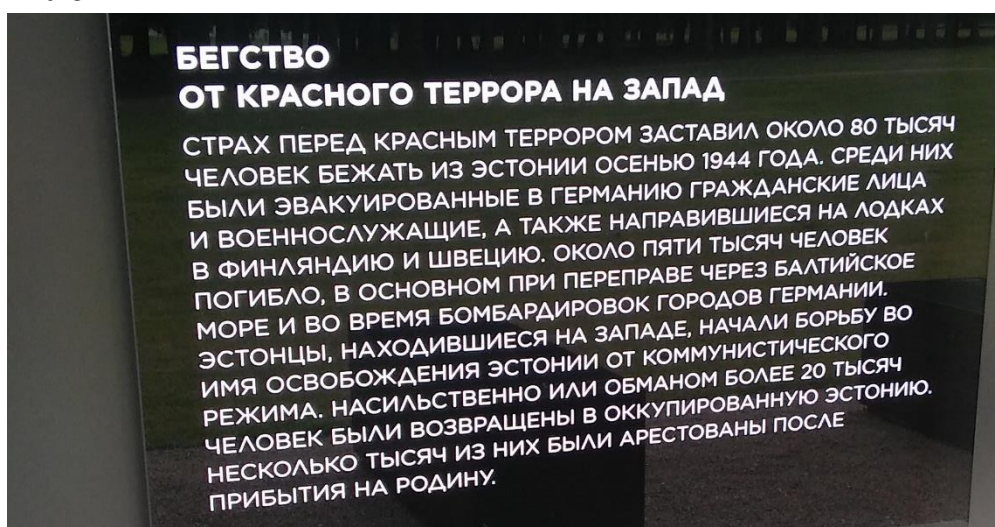

Рис. 10.6

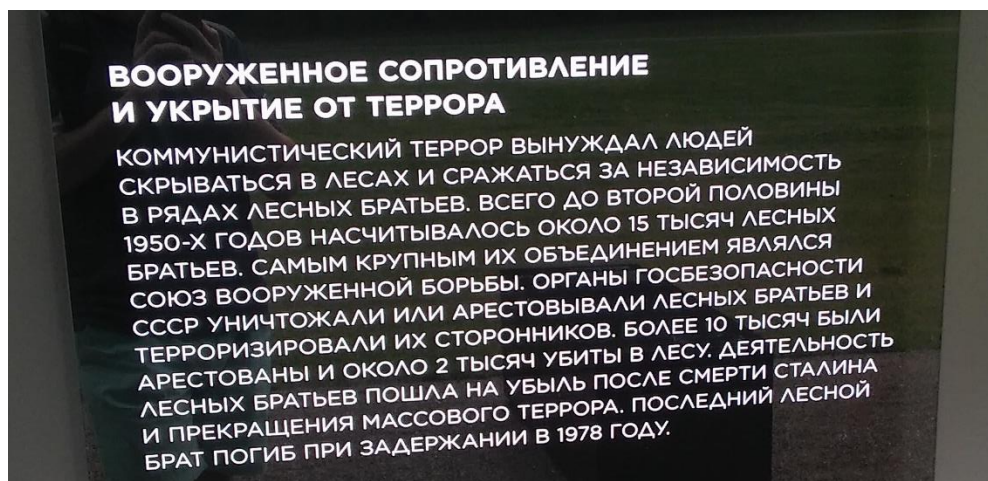

Рис. 10.7

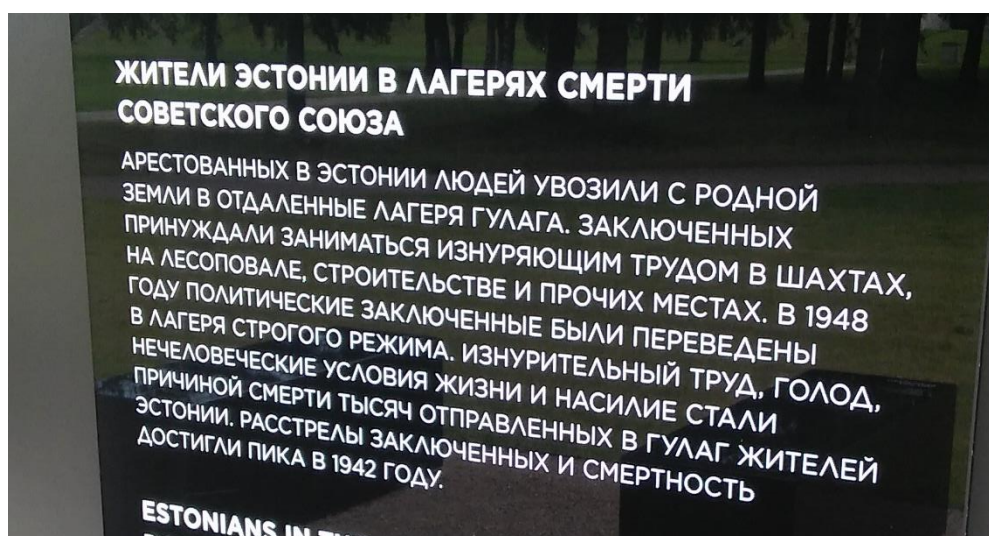

Рис. 10.8

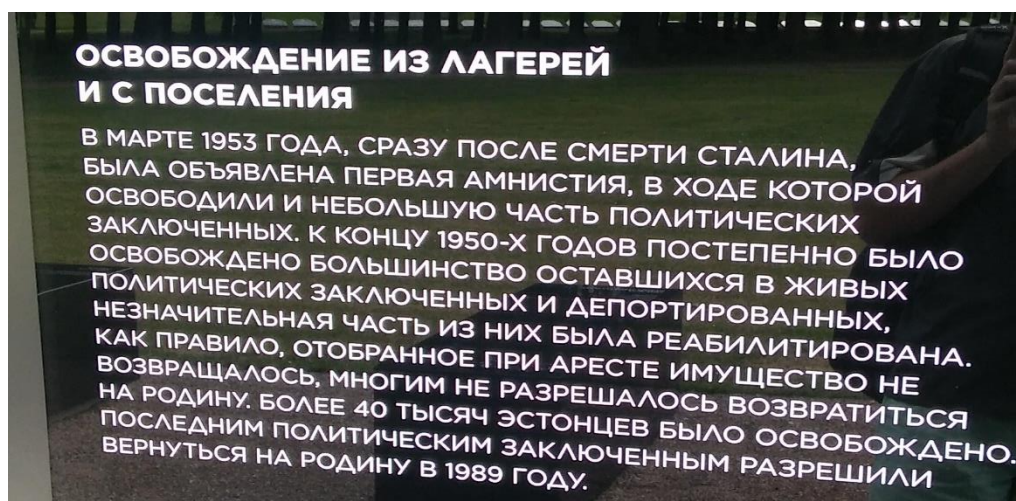

Рис. 10.9

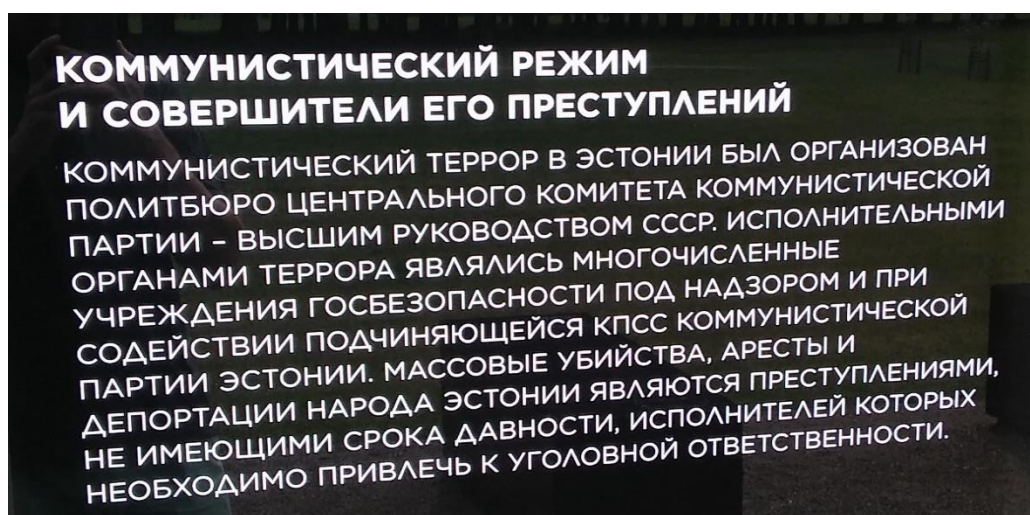

Рис. 10.10

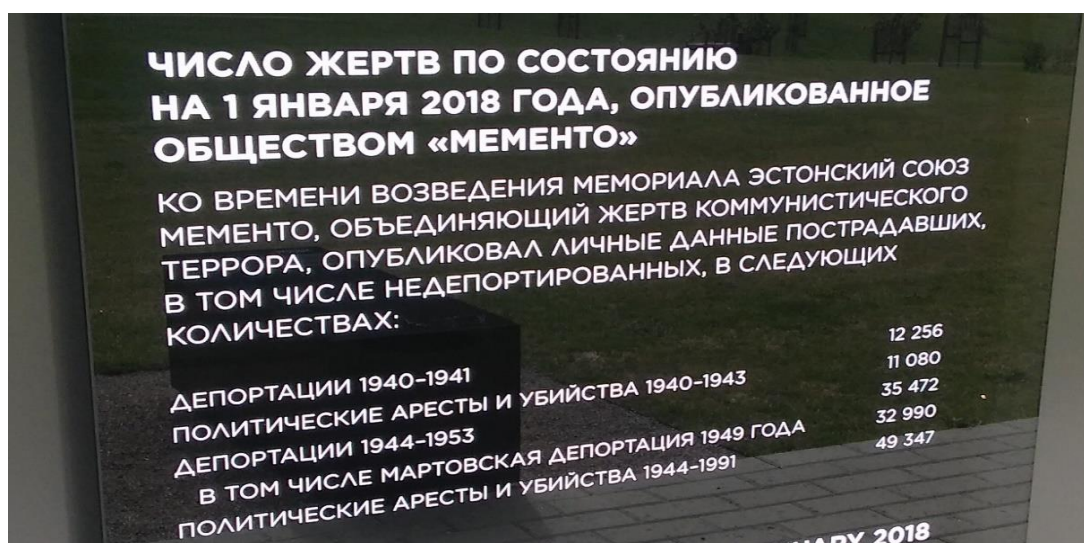
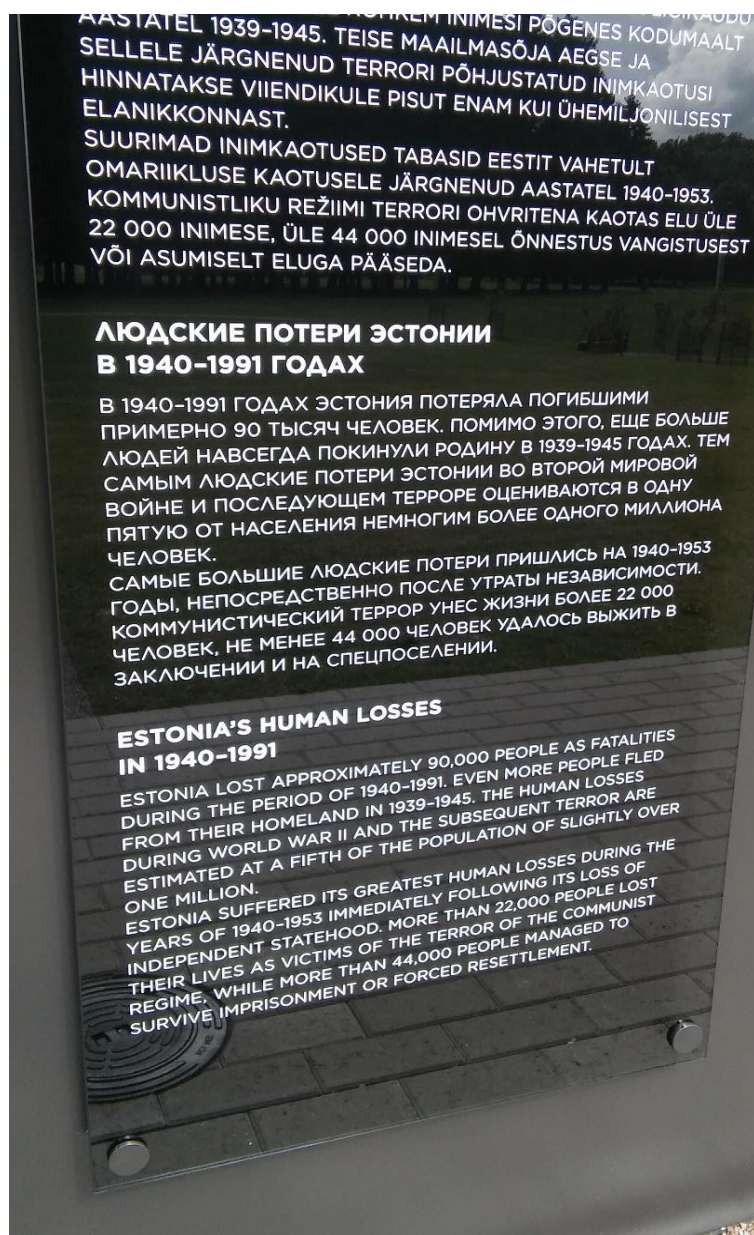

Рис. 10.11

Информационные стенды из экспозиции Музея оккупации Латвии

Рис.11.1 Текст речи президента Латвийской Республики в 1934–1940 гг. Карлиса Улманиса, переданный по радио 17 июня 1940 г. – в день вступления в Латвию дополнительных контингентов советских войск.

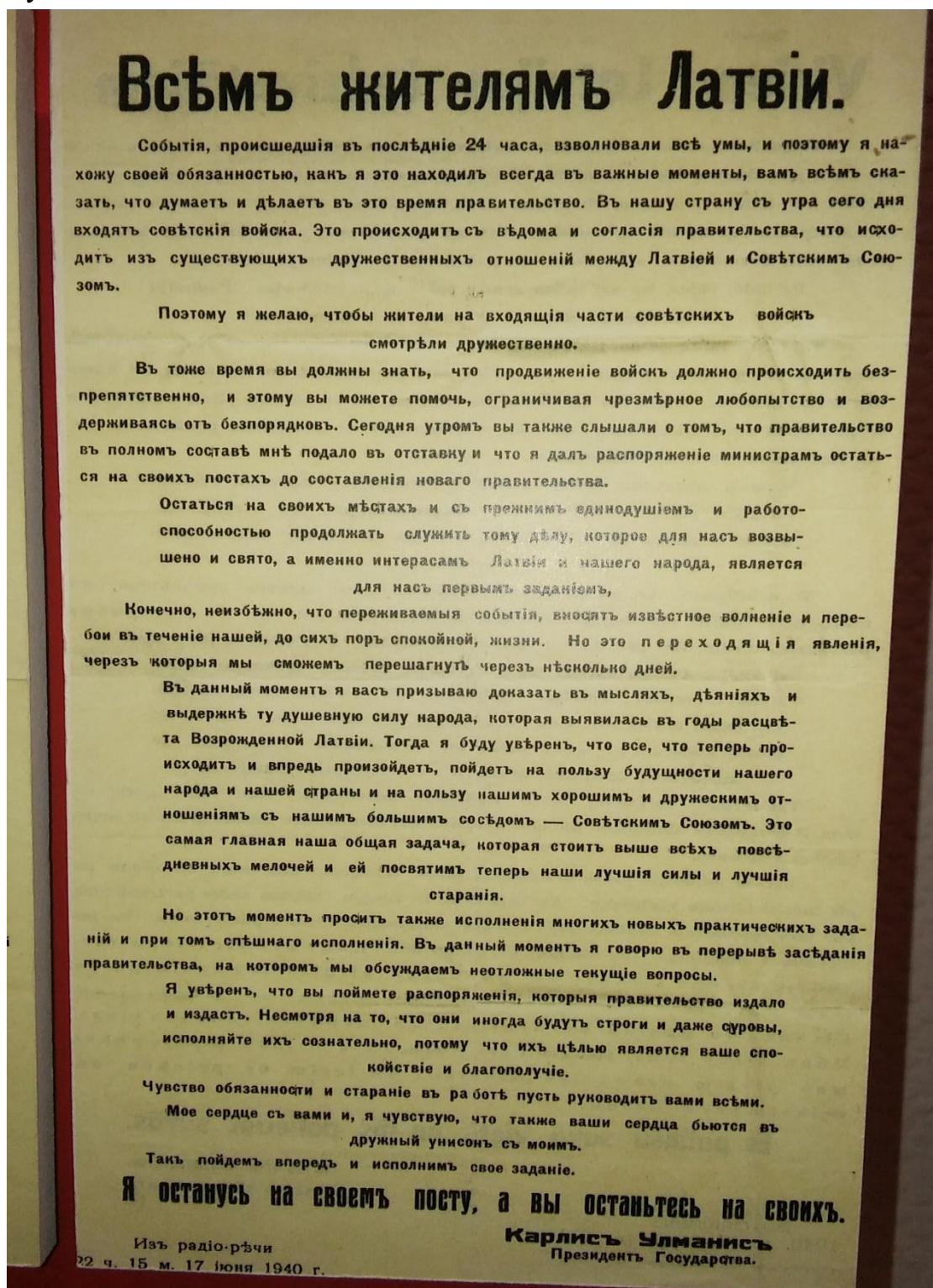
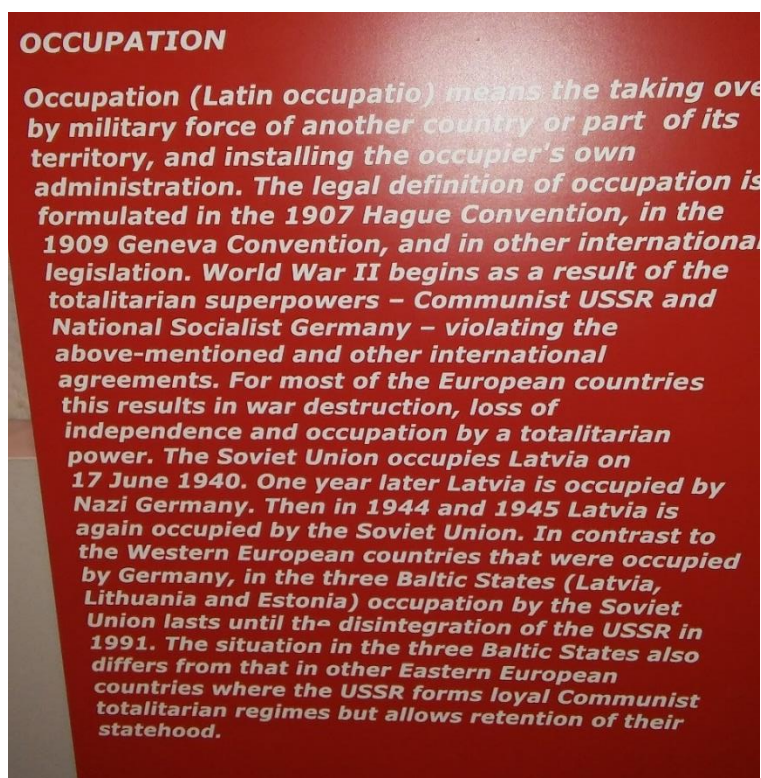

Рис. 11.2

Перевод автора [К.З.]:

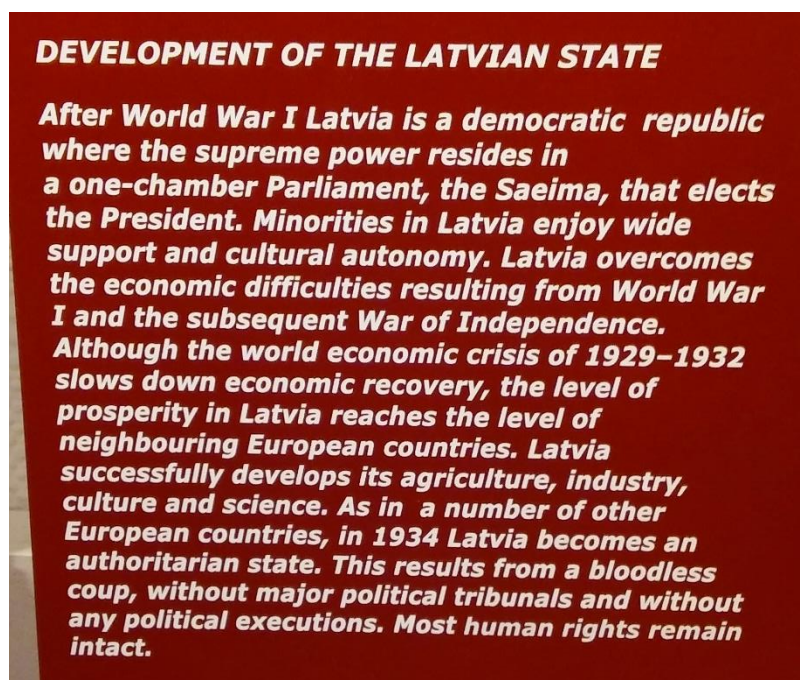
Оккупация

Оккупация (от латинского *occupatio*) означает взятие военной силой одним государством другого государства или части его территории и установление оккупационной администрации.

Законодательное обоснование термина «оккупация» сформулировано Гаагской конвенцией 1907 г., Женевской конвенцией 1909 г. и другими международными законодательными актами.

Вторая Мировая война началась в результате нарушения международных правовых актов (в том числе упомянутых выше) Нацистской Германией и Советским Союзом. Большинству европейских государств война принесла разрушения, потерю независимости и оккупацию тоталитарными режимами. Советский Союз оккупировал Латвию 17 июня 1940 г. Через год Латвия была оккупирована нацистской Германией. Затем, в 1944 и 1945 гг. Латвия вновь была оккупирована Советским Союзом. В отличие от государств Западной Европы, оккупированных нацистской Германией, оккупация Советским Союзом трёх Балтийских республик (Латвии, Литвы и Эстонии) продолжалась до дезинтеграции СССР в 1991 г. Ситуация в трёх Балтийских государствах также отличалась от стран Восточной Европы, где СССР сформировал лояльные тоталитарные коммунистические режимы, позволявшие сохранить государственность этих стран.

Рис. 11.3

Перевод автора [К.З.]:

Оформление Латвийского государства

После окончания Первой Мировой войны Латвия – демократическая республика с главенствующей ролью однопалатного парламента – Сейма, избирающего президента. Национальные меньшинства Латвии пользуются в то время

широкой поддержкой государства и культурной автономией. Латвия успешно преодолевает экономические трудности, вызванные Первой Мировой и войной за независимость. Однако, мировой экономический кризис 1929–1932 гг. замедлил восстановление экономики; в целом, уровень жизни в Латвии к тому времени достиг уровня соседних европейских государств. Латвия успешно развивала своё сельское хозяйство, промышленность, культуру и науку. Как и некоторые другие европейские государства, Латвия в 1934 г. стала авторитарной страной. Однако, это не привело к кровавым расправам, политическим репрессиям, права человека продолжали соблюдаться.

Рис.11.4

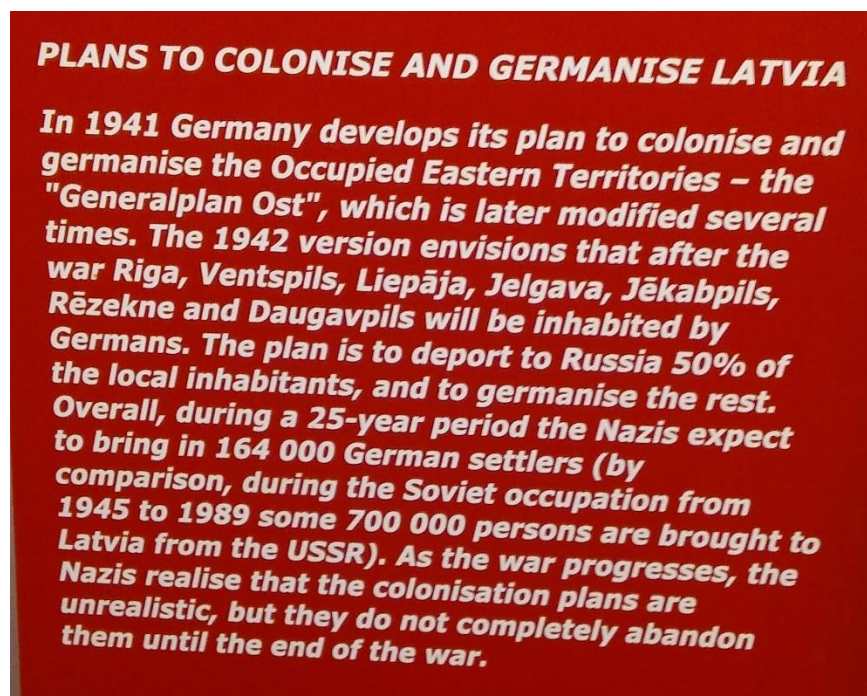
Перевод автора [К.З.]:

Инкорпорация Латвии в состав СССР

На своём первом заседании новый состав Сейма единогласно и незаконно провозгласил Латвию Советской Социалистической Республикой (Латвийской ССР) и проголосовал за «петицию» с просьбой о вхождении в состав СССР. Эти решения противоречили Конституции

Латвийской Республики, в которой предусматривалось вынесение на всеобщий референдум вопросов об изменении основ государственного устройства. Правительство Латвии (Латвийской ССР) отправляет делегацию в Москву в Верховный Совет СССР с целью оформить вхождение Латвии в СССР. 5-го августа 1940 г. СССР аннексирует Латвию и провозглашает её пятнадцатой Республикой Советского Союза. 3-го августа СССР аннексирует Литву, 6-го августа – Эстонию.

Рис. 11.5

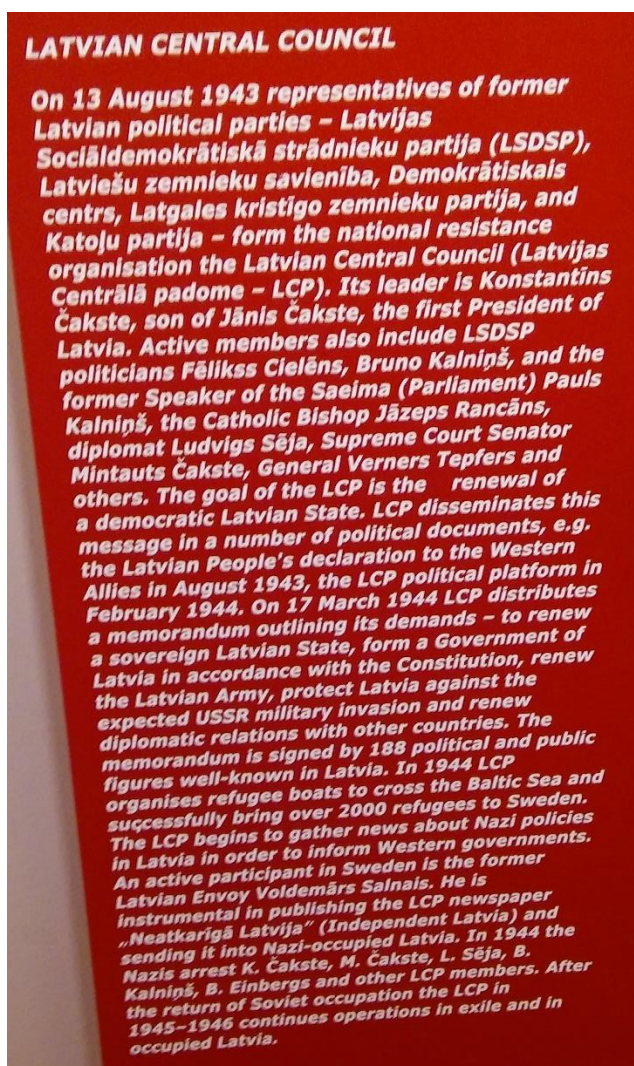
Перевод автора [К.З.]:

*Планы по колонизации
и германизации
Латвии*

*В 1941 г. Германия
разработала планы
по колонизации и
германизации
оккупированных
восточных
территорий –
«Генеральный план
Ост», который
позднее несколько раз*

корректировался. Версия этого плана от 1942 г. предусматривала, что после окончания войны Рига, Вентспилс, Лиеная, Елгава, Екабпилс, Резекне, Даугавпилс должны быть онемечены. План предусматривал депортацию 50% местных жителей в Россию и германизацию оставшихся. Тем временем, в течение следующих 25-ти лет, нацисты планировали переселить на эти территории 164 000 немецких поселенцев (в сравнении – за период советской оккупации с 1945 по 1989 гг. в Латвию из СССР было переселено 700 000 человек). По мере продолжения войны, нацисты поняли, что колонизаторские планы не реальны к выполнению, однако они так и не отказались от этих планов до конца войны.

Рис. 11.6

Перевод автора [К.3.]:

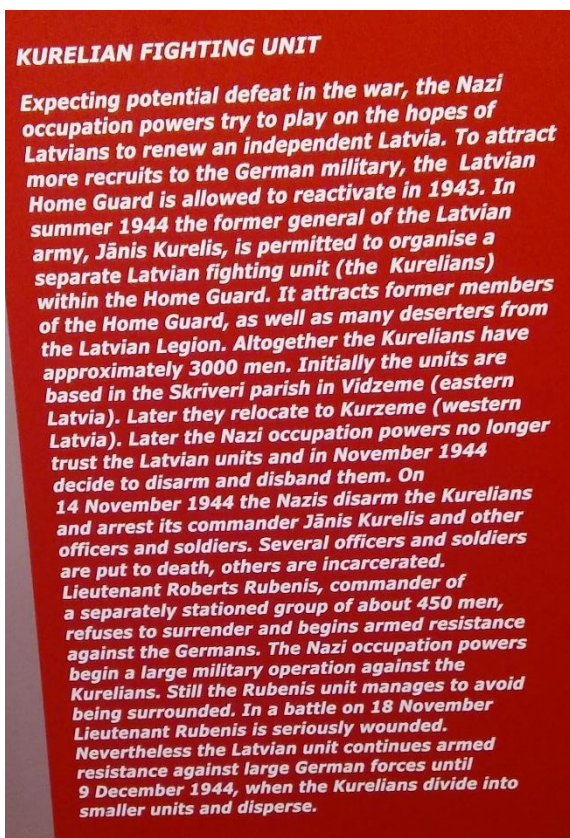
Латвийский центральный совет (ЛЦС)

13-го августа 1943 г. представители бывших латвийских политических партий – латвийской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП), Латвийского крестьянского союза, Демократический центр, Латгальский христианский крестьянский союз и Католическая партия – сформировали орган национального сопротивления – Латвийский центральный совет (ЛЦС). Его лидером стал Константин Чаксте, сын Яниса Чаксте, первого президента Латвии. Активными участниками организации также стали члены ЛСДРП Феликс Клеленс, Бруно

Калнини, Бывший спикер Сейма Паулс Калнини, католический епископ Язепс Рацини, дипломат Людвиг Сея, председатель Верховного суда Минтаутас Чаксте, генерал Вернерс Тепферс и др. Главной целью ЛЦС было возрождение демократической латвийской государственности. ЛЦС стал распространять данную информацию [о восстановлении независимой Латвийской Республики – примечание К.3.] в различных политических документах, адресованных в том числе и Западным союзникам в августе 1943 г. 17 марта 1944 г. ЛЦС обнародовал меморандум о восстановлении суверенного Латвийского государства, его конституции, армии, восстановлении дипломатических отношений с другими государствами, призвав к сопротивлению вооружённой агрессии со стороны СССР. Меморандум был подписан 188-ю хорошо известными в Латвии политическими и публичными деятелями. В 1944 г. ЛЦС координирует сбор больших и малых судов, и успешно эвакуирует по Балтийскому морю около 2000 беженцев в Швецию. Тем временем, западных союзников активно

информирует о событиях в Латвии бывший посол Республики в Швеции Вольдемар Салнайс, в том числе и посредством издания газеты ЛЦС «Независимая Латвия». В 1944 г. нацисты арестовывают К. Чаксте, Л. Сея, Б. Калнини и других членов ЛЦС. После повторного начала советской оккупации, ЛЦС продолжает деятельность в 1944–1946 гг. внутри и за пределами оккупированной Латвии.

Рис. 11.7

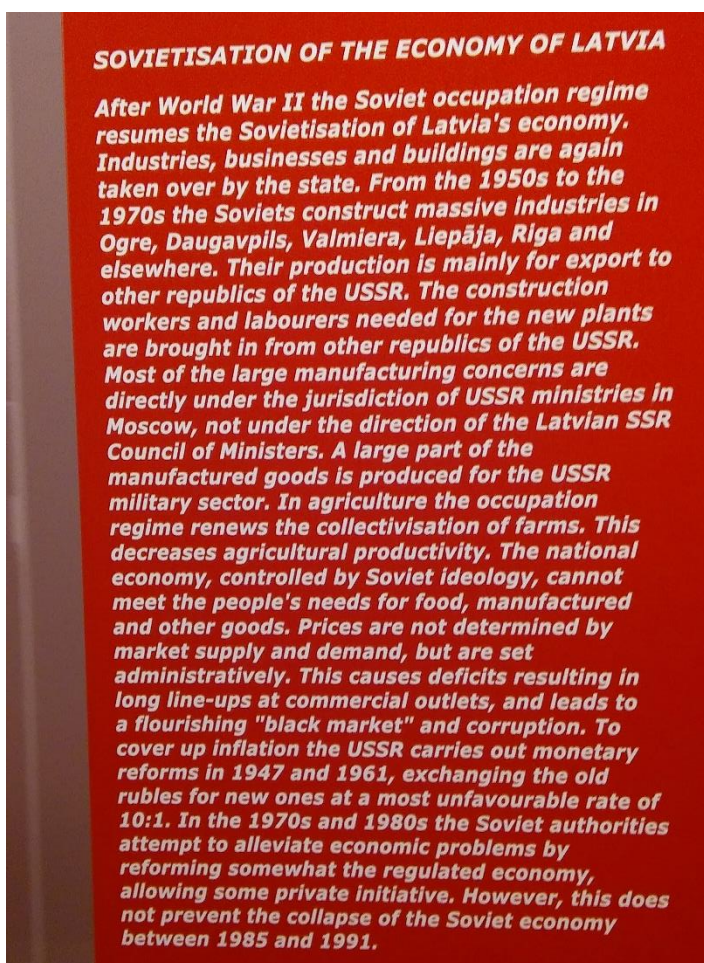
Перевод автора [К.З.]:

Группа армий Курляндия

Предвкушая возможное поражение в войне, нацистские оккупационные власти старались сыграть на надеждах латышей о восстановлении независимости своей страны. С целью привлечения большего количества новобранцев в немецкие вооружённые силы, в 1943 г. воссоздаются Латвийские силы обороны. Летом 1944 г. бывшему генералу латвийской армии Янису Курелису разрешили сформировать Латвийский оборонный отряд (Курляндия) в составе сил обороны. Это привлекает бывших служащих вооружённых сил, а также дезертиров из Латвийского Легиона. Всего было

собрано около 3000 человек. Основные силы базировались в приходе Скривери в Видземе (Восточная Латвия). Затем они были передислоцированы в Курземе (Западная Латвия). Позднее, нацистские оккупационные власти не могли доверять латвийским национальным частям и 14-го ноября 1944 г. разоружили курляндцев и арестовали их командира Яниса Курелиса и других офицеров. Несколько офицеров и солдат были казнены, остальные заключены в тюрьму. Лейтенант Роберт Рубенис во главе с 450 солдатами отказался сдаться и начал вооружённое сопротивление против немцев. Немецкие оккупационные власти прибегли к большой военной операции против курляндцев. Отряд Рубениса был окружён. В ходе сражения 18 ноября 1944 г. лейтенант Рубенис был тяжело ранен. Несмотря на это, латышские вооружённые отряды продолжили сопротивление превосходящим силам немцев до 9-го декабря 1944 г., пока курляндцы не были рассеяны и уничтожены.

Рис. 11.8

Перевод автора [К.З.]:

Советизация латвийской экономики

После окончания Второй Мировой войны советский оккупационный режим продолжил советизацию латвийской экономики. Предприятия, частный бизнес, здания и другая собственность вновь были национализированы. С 1950-х до 1970-х гг. Советы создали в стране крупные производства в Огре, Даугавпилсе, Валмьери, Лиепае, Риге и др. Их продукция в основном предназначалась для экспорта в другие республики СССР. Рабочие для

строительства и обслуживания данных предприятий привозились из других республик Советского Союза. Большая часть созданных заводов подчинялась напрямую союзным министерствам в Москве, а не Латвийской ССР. Кроме того, основная часть продукции предназначалась для оборонного сектора советской экономики. В сельском хозяйстве оккупационные власти провели коллективизацию. Национальная экономика контролировалась советскими идеологами и была не способна обеспечить потребности населения в продуктах питания и товарах первой необходимости. Цены формировались не рыночным спросом, а административными директивами. Это привело к росту дефицита, огромным очередям, формированию «чёрного рынка» и коррупции. Чтобы обуздать инфляцию СССР провёл денежные реформы в 1947 и 1961 гг. с изъятием из обращения старых рублей по крайне невыгодному курсу 10:1. В 1970-е и 1980-е гг. советские власти попытались реформировать экономику, позволив некоторую частную инициативу, однако это не предотвратило развала советской экономики в период 1985–1991 гг.

Рис. 11.9

RUSSIFICATION

From 1939 to 1949 Latvia loses almost a third (550 000) of its pre-war population. After the war, productive workers and intellectuals are in short supply. This becomes an excuse and an opportunity for the Soviet policy of massive population transfer from Russia, Byelorussia and Ukraine to Latvia. The migration is partly voluntary, as some of the settlers seek to escape economic hardship and to find a higher standard of living. 12 000 new settlers arrive in 1946; 11 500 in 1947, etc. The new arrivals are given the housing vacated by those who have fled to the West, have been arrested, have "disappeared" or been deported. The Communist government limits living space and establishes "communal apartments". For example, on 21 June 1945 the Riga municipal authorities decree a limit of 9 m² of living space per person. In order to rapidly increase Latvia's population, the occupation authorities start accelerated construction of standardised apartment blocks in Riga and other cities, with priority given mainly to new arrivals from other USSR republics. Later the occupation regime continues to bring in other nationalities. During 50 years of occupation Latvia is inundated by 800 000 foreigners. By comparison, the German occupation authorities' Plan Ost proposed to bring in 164 000 Germans in 20 years. Recent non-Latvian arrivals are given leading positions in government departments and commercial enterprises. Thus, in the early 1950s the Ministry of Interior of the Latvian SSR has only 15% ethnic Latvians in leading positions and of Latvia's 56 city and regional local

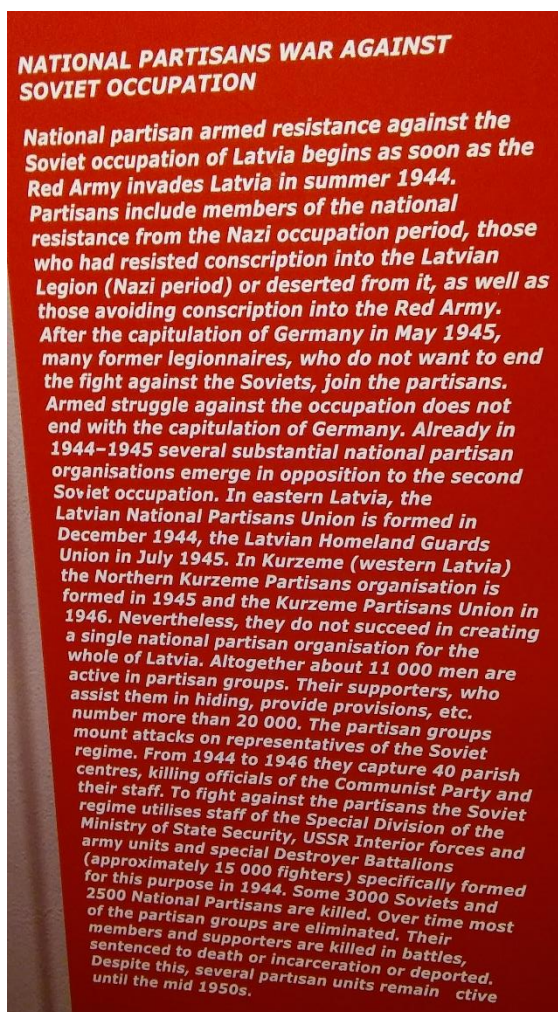
Перевод автора [К.З.]:

Русификация

С 1939 по 1949 гг. Латвия потеряла треть (550 000) своего довоенного населения. После войны в большом дефиците были опытные и образованные работники. Это обстоятельство стало поводом для советских властей начать массовое переселение в Латвию жителей России, Белоруссии и Украины. Миграция была частично добровольной, так как многие переселенцы стремились уехать от экономических трудностей и найти более высокий стандарт жизни [в Латвии – примечание К.З.]. 12 000 новых поселенцев прибыли в 1946 г.; 11 500 – в 1947, и т.д. Вновь

прибывшим предоставляли жильё тех, кто уехал на Запад, был арестован, «исчез» или был депортирован. Коммунистическое правительство регламентировало размер жилищной площади и создало «коммунальные квартиры». Например, 21-го июня 1945 г. Рижские городские власти установили норму в 9 кв. м. на 1-го человека. В связи с быстрым увеличением населения Латвии, оккупационные власти приступили к возведению стандартизованных жилых районов в Риге и других городах, данное жильё в приоритетном порядке предоставлялось вновь прибывшим из других республик СССР. Позднее оккупационный режим продолжил переселение в Республику представителей других национальностей. За 50 лет оккупации Латвия была наводнена 800 000-ми иностранцев. В сравнении, германские оккупационные власти, согласно плану Ост, предполагали привезти в Латвию 164 000 немцев за 20 лет. Вновь прибывшим латышам были предоставлены лидирующие позиции в государственном управлении и экономике. Так, в Министерстве внутренних дел Латвийской ССР в начале 1950-х годов этнических латышей на руководящих должностях было всего 15%.

Рис. 11.10

Перевод автора [К.З.]:

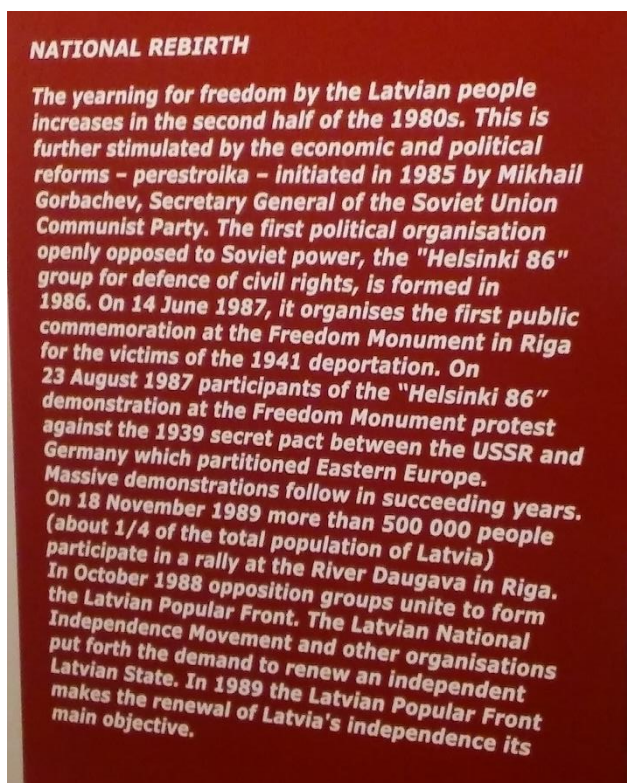
Национальная партизанская война против советской оккупации

Национальное вооружённое партизанское сопротивление [вооружённая борьба «лесных братьев» – примечание К.З.] советской оккупации Латвии началось сразу же после вступления Красной Армии на территорию страны летом 1944 г. В ряды партизан входили представители национального антифашистского сопротивления, отказавшиеся от мобилизации в Латышский Легион, дезертиры из немецких и советских частей. После капитуляции Германии в мае 1945 г. многие бывшие legionеры (легионеры СС – примечание К.З.) не захотели прекратить борьбу против Советов, и присоединились к партизанам.

Вооружённая борьба против оккупации не закончилась с капитуляцией Германии. Уже в 1944–1945 гг. несколько крупных национальных партизанских отрядов встали на борьбу со второй советской оккупацией. В восточной Латвии Латвийский Национальный Партизанский Союз был сформирован в декабре 1944, Союз Стражей Латвийской Родины в июле 1945 г. В Курземе (Западная Латвия) Северная Курземская Партизанская организация сформировалась в 1945 и Курземский Партизанский Союз в 1946. Тем не менее, им не удалось создать единую национальную партизанскую организацию для всей Латвии. И всё же около 11 000 человек присоединились к активным партизанским группам. Сочувствующие им – те, кто оказывал помощь в укрытии, продовольствии – составляли более 20 000 чел. В основном партизаны атаковали представителей советского режима. С 1944–1945 гг. они предприняли 40 акций – в основном убийств членов коммунистической партии. Для борьбы с партизанами Министерство госбезопасности Советского Союза в 1944 г. сформировало специальные карательные отряды, состоящие из советских военнослужащих (в составе

около 15 000 бойцов). Около 3000 советских служащих и 2500 партизан были убиты. Со временем большая часть партизанских отрядов была уничтожена. Их члены были убиты в вооружённых столкновениях, приговорены к смертной казни или депортации. Несмотря на это, несколько партизанских союзов были активны до середины 1950-х гг.

Рис. 11.11

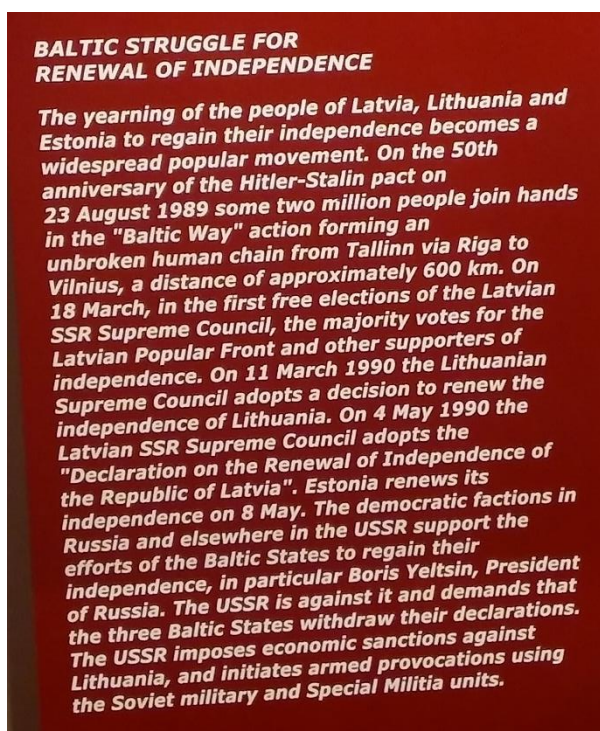
Перевод автора [К.З.]:

Национальное возрождение

Тоска о свободе среди латышей возросла во второй половине 1980-х. Эти настроения активизировались благодаря комплексу экономических и политических реформ – перестройке – инициированной в 1985 г. Михаилом Горбачёвым – генеральным секретарём СССР. Первая открыто оппозиционная советским властям организация по защите гражданских прав «Хельсинки 86» сформировалась в 1986 г. Именно данной организацией 14 июня 1987 г. у монумента Свободы в Риге была проведена

первая церемония поминовения жертв депортации 1941 г. 23 августа 1987 г. участники группы «Хельсинки 86» также у монумента Свободы устроили демонстрацию против заключённых в 1939 г. между СССР и Германией секретных протоколов, поделивших на сферы влияния Восточную Европу. Массовые демонстрации продолжились и в последующие годы. 18 ноября 1989 г. более 500 000 человек (около ¼ всего населения Латвии) приняли участие в митинге на набережной Даугавы в Риге. В октябре 1988 г. оппозиционные группы объединились в Латвийский Народный Фронт. Движение за Латвийскую Национальную Независимость и другие организации выдвинули требование восстановления независимости Латвийского государства. В 1989 г. Латвийский Народный Фронт провозглашает своей основной задачей – достижение независимости Латвией.

Рис. 11.12

Перевод автора [К.З.]:

Борьба стран Балтии за восстановление независимости

Стремление народов Латвии, Литвы и Эстонии к восстановлению своей независимости встретило огромную поддержку среди местного населения. В 50-ю годовщину заключения пакта Гитлера – Сталина [пакт Молотова – Риббентропа – примечание К.З.] 23-го августа 1989 г. около двух миллионов человек взявшись за руки образовали «Балтийский путь» – живую цепь от Таллина через Ригу до Вильнюса в 600 км. 18-го марта на первых свободных выборах Верховного Совета Латвийской

ССР, большинство голосов получил Латвийский Народный Фронт и другие сторонники независимости. 11-го марта 1990 г. литовский Верховный Совет принимает декларацию о восстановлении независимости Литвы, 4-го мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР одобряет «Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики». Эстония восстанавливает свою независимость 8-го мая. Демократические фракции в России и других республиках СССР поддержали стремление Прибалтийских республик к независимости, в частности президент России Борис Ельцин. Сам СССР выступил против данных деклараций и потребовал их отмены. Против Литвы были введены экономические санкции и совершены вооружённые провокации советскими войсками и КГБ.

Рис. 11.13

IMPACT OF OCCUPATION AND DEVELOPMENT OF THE INDEPENDENT REPUBLIC OF LATVIA

In 1991 Latvia regains independence. It now has to face the consequences of the long occupation period. Latvia renews its 1922 Constitution. In 1993 Latvia elects the Saeima – Parliament of the Republic of Latvia. Transformation of the Soviet-style economy to a market economy creates major problems: the gross national product drops precipitously; many of the State industries and other enterprises developed during the Soviet occupation are privatised, often leading to their collapse; unemployment and inflation rise. The development of the national economy reaches relative stability only by the mid 1990s. As a result of Russification during the occupation, the ethnic composition of Latvia has changed. The proportion of ethnic Latvians (as a percentage of the population) has decreased from 75% in 1935 to 52% in 1989. After regaining independence, the Soviet occupation armed forces still remain in Latvia, though they are soon taken over by Russia. Only in 1994 Latvia and Russia reach an agreement to withdraw the armed forces to Russia. The main objective of the renewed Republic of Latvia is to develop a civil society and to join the international organisations of democratic states. In September 1991 Latvia is accepted into the United Nations. Latvia applies to join the European Union and is accepted on 1 May 2004. The major achievement for the security of Latvia is its joining NATO on 29 April 2004. With the regaining of independence Latvia can once more develop its national culture, science, economy and sports.

Перевод автора [К.З.]:

Влияние оккупации и развитие независимой Латвийской Республики

В 1991 г. Латвия добилась независимости и сейчас борется с последствиями длительной оккупации. Латвия восстановила действие конституции 1922 г. В 1993 г. был избран Сейм – парламент Латвийской Республики. Трансформация советской командно-административной экономики к рыночным условиям породило множество проблем: приватизация многих крупных предприятий, созданных в советский период, привела к их банкротству; выросла безработица и инфляция. Развитие национальной экономики приобрело

устойчивый характер лишь в середине 1990-х гг. В результате проводившейся в период оккупации политики русификации изменился национальный состав Латвии. Доля этнических латышей в населении снизилась с 75% в 1935 до 52% в 1989 г. После восстановления независимости некоторое время советские оккупационные войска оставались на территории Латвии, пока они не были выведены на территорию России. Лишь в 1994 г. Латвия и Россия договорились о выводе этих воинских формирований в Россию. Основная задача восстановленной Латвийской Республики – создание гражданского общества и интеграция в международные организации демократических государств. В сентябре 1991 г. Латвия вступила в ООН. 1-го мая 2004 г. Латвия вступила в Европейский Союз. Большим достижением явилось присоединение Латвии к НАТО 29 апреля 2004 г. С восстановлением своей независимости Латвия вновь может развивать свою национальную культуру, науку, экономику и спорт.

Таблица 1. Исторические названия городов Эстонии, Латвии, Литвы

Современное название	Русское название	Немецкое/шведское/ Польское название
Эстония		
Haapsalu (1918 – н.в.)	Гапсаль (1721–1918)	Hapsal (1270–1918)
Kuressaare (1918–1952; 1991 – н.в.)	Кингисепп (1952–1991)	Arensburg (1154–1918)
Paldiski (1922 – н.в.)	Балтийский Порт (1762–1922)	Rågervik (1718–1762)
Pärnu (1919 – н.в.)	Пернов (1721–1919)	Pernau (1241–1919)
Tallinn (1919 – н.в.)	Колывань (XII–XVIII вв.); Таллин / в Эстонии Таллинн (1919 – н.в.)	Rewal (1154–1919)
Tartu (1919 – н.в.)	Юрьев (1030–1224; 1893–1919)	Dorpat, Dörpt (1224–1893)
Viljandi (1918 – н.в.)	Феллин (1710–1918)	Fellin (1154–1918)
Латвия		
Alūksne (1919 – н.в.)	Алыст или Волыст (XIII в.)	Marienburg (1284–1919)
Cēsis (1918 – н.в.)	Венден (1721–1918)	Wenden (1206–1918)
Daugavpils (1920 – н.в.)	Невгин (XIII–XV вв.); Борисоглебов/Борисоглебск (1656–1667); Двинск (1893–1920)	Dünaburg (1275–1656; 1667–1893)
Jelgava (1919 – н.в.)	Митава (1721–1919)	Mitau (1265–1919)
Liepāja (1918 – н.в.)	Либава (1721–1920)	Libau (1253–1920)
Valmiera (1918 – н.в.)	Владимир; Владимирец Ливонский (XIII–XVI вв.)	Wolmar (1293–1918)
Ventspils (1918 – н.в.)	Виндава (1721–1918)	Windau (1290–1918)
Литва		
Kaunas (1361– н.в.)	Ковно (1795–1917)	Kowno (1361 – н.в.)
Klaipėda (с XV в.; 1923–1939; 1945 – н.в.)	Мемель (1252–1923; 1939–1945)	Memel (1252–1923; 1939–1945)
Ukmergė (1918 – н.в.)	Вилкомир (1475–1917)	Wilkomierz (1333 – н.в.)
Vilnius (1323 – н.в.)	Вильна, Вильно (1361–1917)	Wilno (1323– н.в.)
Visaginas (1992 – н.в.)	Снечкус (1975–1992)	–